ИЗУЧЕНИЕ 1916 ГОДА:
ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ И ГУМАНИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ О ВОССТАНИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Культурно-Исследовательский

Центр Айгине

Бишкек - 2020

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2)
39

Редакторы: Александр Моррисон, Гульнара Айтпаева
Техническая редакция: Аида Алымбаева, Айжаркын Кожобекова
Перевод на кыргызский: Айнагуль Кашибаева, Жолдош Турдубаев, Жумагазы Садыр уулу
Перевод на английский: Аида Алымбаева, Аминат Чокобаева

Монография утверждена на Ученом Совете Кыргызского Государственного Университета им. И.Арабаева.

Монография является продуктом проекта «Объединение академических сообществ в Центральной Азии для получения новых знаний по Восстанию 1916 года и создания общих академических платформ для обмена и распространения знаний по этнически и политически чувствительным темам», поддержанного OSF (Фондом Открытых Обществ).

Авторские права защищены. Воспроизведение книги и любой ее части запрещается без письменного уведомления КИЦ Айгине.

Изучение 1916 года: деполитизация и гуманизация знаний о восстании в Центральной Азии. - Б.: Maxprint. - 2020. - 448 с.

ISBN 978-9967-04-885-0

Монография посвящена изучению восстания 1916 года в Центральной Азии. Здесь представлены статьи исследователей из Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и России по гендерному и социально-экономическому аспектам восстания, а так же работы, посвященные переосмыслению причин, лидерам и возрождению традиционных механизмов управления, изучению «социальных низов» восстания и представителей российской власти. В сборнике исследуется реконструкция событий потомками очевидцев 1916 года в современном Кыргызстане и Китае.

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-9967-04-885-0

© КИЦ «Айгине», 2020

Оглавление

Введение. Изучение 1916 года: деполитизация и гуманизация знаний..... 5

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ СОБЫТИЙ 1916 ГОДА

Аскар Джумашев
Восстания 1916 года в низовьях Амударьи: характер и особенности..... ….....19

Набиджон Рахимов
Ходими Джамолак: миф или реальность? ..... ……..40

«ГЛАЗАМИ И ГОЛОСАМИ» ОЧЕВИДЦЕВ 1916 ГОДА

Карлыгаш Бижигитова
«Голоса» рядовых участников и очевидцев восстания 1916 года
(на примере Джаильмышевской волости Верненского
уезда Семиреченской области) ..... ……..66

Ойбек Махмудов
Мусульманский фактор и «духовенство» в туркестанских событиях
1916 года: роль и значение глазами российских чиновников..... 90

ПРЕДВОДИТЕЛИ 1916 ГОДА

Асель Даниярова
Трансформация взглядов на модели поведения лидеров
кыргызских родов в 1916 году в свете вновь открывшихся фактов 116

Иван Фукалов
Легитимность власти и ее аспекты у руководителей восстания
1916 года в Кыргызстане..... 143

Майсара Бекмагамбетова
Легитимация лидерства А.Жанбосынова в событиях 1916 года
на территории Торгайской области..... 170

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРИЧИН И ПОТЕРЬ 1916 ГОДА

Владимир Шварц
Высочайшее повеление от 25 июня 1916 года -
документ двойного назначения..... 198

Джамиля Маджун (Мусарова)
Международные связи и участие иностранцев в событиях
1916 года в Семиречье..... 232

Жоомарт Сулайманов
Социально-политическая мобилизация населения Туркестана
русской администрацией: методы и ошибки 260

Мурат Иманкулов
Еще раз о потерях в период восстания 1916 года в Кыргызстане 275

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ 1916 ГОДА

Бахтиер Алимджанов
Экономическая жизнь в «коренном» Туркестане и события 1916 г. 302

Иномджон Мамадалиев
Социальный конфликт 1916 года в Худжанде: ретроспективный взгляд
(отношение власти и народа) 322

ТРАВМА 1916 ГОДА

Гульзада Абдалиева
«В наших жилах течет печальная кровь»: три Үркүн в памяти кыргызов 348

Джаныл Боконтаева
Устные истории о восстании 1916 г.: в судьбах и памяти жителей
Иссык-Кульской области 364

ДРУГАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Аминат Чокобаева
роли манапов в восстании 1916 года: о статье Асель Данияровой
«Трансформация взглядов на модели поведения лидеров
кыргызских родов в 1916 году в свете вновь открывшихся фактов» 390

Томохико Уяма
Теория заговора мешает пониманию сути вопроса: по поводу статьи Владимира Шварца
«Высочайшее повеление от 25 июня 1916 года - документ двойного
назначения» 397
1916-жылдагы окуяны изилдөө: адамдык өлчөмдө жана
саясаттан сырткары кароо 409

Сыгымалар 423

Study of 1916: Depoliticizing and Humanizing Our Knowledge
on the Uprising in Central Asia 429
Abstracts 441
Авторы и редакторы монографии 446

ВВЕДЕНИЕ

Изучение 1916 года: деполитизация и гуманизация знаний

Восстание затронуло все народы Центральной Азии

Летом 1916 года, когда Российская империя пошатнулась под бременем «тотальной войны», в самой отдаленной ее части, в Центральной Азии, отношения общества и царской власти были основательно разрушены. Непосредственной причиной восстания в Центральной Азии стал императорский указ от 25 июня/7 июля 1916 года, который призывал мужчин - «инородцев» в возрасте от 19 до 43 лет в трудовые батальоны. Указ сразу же вызвал беспокойство, частично, из-за отсутствия ясности для чего эти люди призывались на самом деле, но, прежде всего, из-за того, что ситуация, при которой отсутствие точных записей о рождении людей в этой плохо объединенной части империи, означала невозможность знать точно, кто может быть действительно призван. Эта ситуация привела к злоупотреблениям со стороны местных чиновников[1].

Первые публичные волнения произошли несколько дней спустя после объявления Указа в Худжанде (современный Северный Таджикистан), где произошли акции протеста возле здания уездного начальника, но они не переросли насильственные действия. Первая действительно серьезная вспышка произошла 12 июля в Джизакской области (ныне – территория Узбекистана), когда российский уездный начальник и его помощник были убиты, железнодорожные станции и телеграфные линии разрушены, а город и большая часть вокруг него последующие две недели находились в состоянии открытого восстания до тех пор, пока не были введены войска. В то же время волнения в Фергане были подавлены без серьезных насильственных мер, но в августе 1916 года произошло восстание в преимущественно казахских и кыргызских населенных пунктах Семиречья, где напряженность между прибывшими русскими переселенцами и местным населением была особенно высокой. Самый сильный акт насилия был замечен в районах Пишпек (Бишкек) и Пржевальск (Каракол), где были убиты 3700 русских переселенцев. Последующие карательные меры вынудили приблизительно 250 000

Uyama T. «Why in Central Asia? Why in 1916? The revolt as an interface of the Russian colonial crisis and the First World War». *The Central Asian revolt of 1916. A collapsing empire in the age of war and Revolution.* (Уяма Т. «Почему в Центральной Азии? Почему в 1916 году? Восстание как интерфейс российского колониального кризиса и Первой мировой войны». *Восстание в Центральной Азии в 1916 году. Рушащаяся империя в эпоху войны и революции.*) Ed. by A. Morrison, C. Drieu, A. Chokobaeva. Manchester: Manchester University Press, 2020, pp.27-44.

кыргызов бежать через границу в Китай. Большая часть беженцев погибла в Үркүн[2] – Исходе. Третьим крупным центром мятежа был Тургайский район на севере казахской степи, где в сентябре вспыхнуло гораздо лучше организованное восстание. В октябре повстанцы, численность которых составляла 50 000 человек, безуспешно осадили город Тургай и вели длительную партизанскую войну против присланных карательных отрядов, которые еще не были уничтожены во время Февральской революции. Помимо этого были восстания среди туркмен в Хиве во главе с Джунаид-ханом и в Чикишларе на Каспийском море, где они столкнулись с русскими рыбаками. Таким образом, в разное время восстание затронуло все народы Центральной Азии и большую часть обширной и разнообразной территории региона - степную, пустынную, горную и орошаемый оазис.

Корни и последствия политизации темы

Хотя основные причины и общие черты восстания 1916 года уже достаточно ясны, его интерпретация остается чувствительной темой в отношениях между Россией и республиками Центральной Азии. Отчасти это связано с тем, что 1916 год привлекает внимание к более широкому колониальному прошлому, которое некоторые люди с обеих сторон предпочли бы игнорировать или отрицать, но, прежде всего, потому, что это была вспышка жестокого межэтнического насилия, которое сформировало длительную травму[3]. Точные данные о количестве погибших среди «туземцев» трудно установить, но демографические исследования, которыми мы располагаем, основанные на данных о налогах, показывают, что около 267 000 человек «исчезли» в Семиречье в 1916 году, если сложить пропавших без вести и беженцев. Число погибших, вероятно, было близко к 150 000, хотя из этого числа не ясно, какая часть погибла непосредственно от рук российских войск, а какая - в результате болезней и голода при бегстве в Китай[4]. Более высокие цифры иногда можно услышать в политических дебатах, например, со стороны оппозиционной партии «Асаба» в Кыргызстане, которая с начала 1990-годов заявляет, что подавление восстания было «геноцидом». Эта идея была широко распространена в средствах массовой информации и среди некоторых историков в Кыргызстане и Казахстане в год столетия, не получив при этом официального одобрения ни в одной из этих стран[5].

---

[2] Үркїн – кыргызское народное определение событий 1916 года, возникшее, судя по фольклору, одновременно с самими событиями. Сейчас использование этого термина порождает академические споры о правомерности или неправомерности использования слова, применявшегося в кыргызском языке, прежде всего, в отношении домашних животных.

«Президент Алмазбек Атамбаев подписал Указ о 100-летии трагических событий 1916 года». http://www.president.kg/ru/news/ukazy/5931. Просмотрено 2.12.2019.

Буттино М. *Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР.* Москва: Звенья, 2007, сс.80, 375-376.

Morrison A. «Central Asia: Interpreting and remembering the 1916 revolt». (Моррисон А. «Центральная Азия: интерпретация и воспоминание о восстании 1916 года.») http://www.eurasianet.org/ node/80931. Просмотрено 2.12.2019.

Такие обвинения были категорически опровергнуты российскими историками многими специалистами в Центральной Азии[6]. Хотя царская власть, безусловно, подавляла восстание с предельной жестокостью и организовывала этнические чистки, чтобы освободить земли для дальнейшего заселения русскими, как таковых нет четких доказательств намерений российских колониальных властей уничтожить кыргызов или казахов как этнос «полностью или частично». Такие данные необходимы, чтобы соответствовать определению конвенции ООН о предотвращении и наказании геноцида[7]. Обвинение в геноциде обусловлено национализмом, который довольно силен в Кыргызстане и Казахстане, где проживают крупные русские меньшинства. Обвинение в геноциде переводит вопрос в политическую плоскость и закрывает возможности научных дискуссий и диалога между российскими и центральноазиатскими учеными. Идея геноцида коренится в гипотезе, впервые выдвинутой ранним большевистским исследователем Г. И. Бройдо в начале 1920-х годов, о том, что восстание было намеренно спровоцировано властями, чтобы дать возможность захватить больше земель для русских поселенцев[8]. Российские колониальные чиновники в большинстве своем враждебно или, в лучшем случае, неоднозначно относились к крестьянскому переселению в Туркестане[9]. Однако вряд ли обоснованно думать, что они считали курс провоцирования беспорядков хоть сколько-нибудь разумным, чтобы начинать его в то время, когда империя шаталась под давлением войны. Восстание стало неожиданностью для властей - гибель такого количества переселенцев в Семиречье на первых этапах является достаточным доказательством этого. Григорий Бройдо, безусловно, был прав, указывая, что конфискация земель для русских переселенцев является самой глубокой причиной недовольства кыргызов. При этом предположение Бройдо о том, что восстание и его подавление были спланированы властями, относится к теориям заговора, типичным как для истерии по поводу предполагаемых заговоров и измен, которые доминировали в определенных кругах во время Первой мировой войны, так и для того периода в советской историографии, когда все бедствия позднего царского периода списывались на макиавеллиевское управление, а не на явные промахи[10].

См. «1916 – причины восстания и миф о геноциде. Интервью с кыргызским историком Шайыргуль Батырбаевой».http://www.stanradar.com/news/full/4834-1916-prichiny-vosstanija-i-mif-ogenotside.html. Просмотрено 2.12.2019.

«Предупреждение и наказание за преступления геноцида. Генеральная Ассамблея». («Prevention and punishment of the crime of genocide. The General Assembly.») https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/260(iii). Просмотрено 2.12.2019.

Бройдо Г.И. *Восстание киргиз: Мое показание прокурору ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 г.* Москва: Научная ассоциация востоковедения при ЦК, 1925, сс.1-2, 7, 28.

Morrison A. «Sowing the seed of national strife in this alien region. The Pahlen Report and *pereselenie* in Turkestan». (Моррисон А. «Сеять семена национальной розни в этом чуждом регионе. Отчет Палена и переселение в Туркестан.») *Acta Slavica Iaponica*, vol. 31, 2012, pp.1-29.

См. Fuller W. *The foe within. Fantasies of treason and the end of imperial Russia.* (Фуллер У. *Враг внутри. Фантазии об измене и конце царской России.*) Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006*;* Колоницкий Б. *«Трагическая эротика». Образ империалистской семьи в годы Первой мировой войны*.

Интерпретации в соответствии преобладающим политическим курсом

В советский период восстание 1916 года не относилось к замалчиваемым или запретным темам, но всегда было подконтрольно и интерпретировалось в соответствии с преобладающим политическим курсом. В 1920-х и 1930-х годах еще было возможно осуждать царское правление как «абсолютное зло», историки и большевистские активисты, такие как Петр Галузо и Турар Рыскулов занимали, действительно, очень радикальную антиколониальную позицию, которая до некоторой степени сохранялась в 1930-ые годы[11]. Восстание все еще фигурировало

советской историографии 1940-х годов, хотя теперь его интерпретация была перенаправлена на достижение патриотических целей[12]. Также в этот период компартия начала убеждать советских граждан в том, что российское правление в Центральной Азии было «меньшим злом» по сравнению с «феодальными» режимами, которые ему предшествовали, а так же противопоставлять российское правление британскому империализму, по сравнению с которым первое имело «прогрессивное значение» для народов региона. Некоторые историки были осуждены за «националистический уклон» из-за того, что писали с одобрением о сопротивлении Шамиля или султана Кенесары Касымова российской экспансии (последнее привело к знаменитому «делу Бекмаханова»). Такие работы были классифицированы как «феодальные» и «реакционные»[13]. Однако известная объединенная научная конференция по истории Центральной Азии и Казахстана досоветского периода, состоявшаяся в Ташкенте в 1954 году, приняла решение о том, что восстание 1916 года следует классифицировать как «прогрессивное». Его уже нельзя было описывать как межэтнический конфликт, а нужно было трактовать

Москва: Новое литературное обозрение, 2010.

[11] Рыскулов Т. «Восстание туземцев Туркестана в 1916 году». *Очерки революционного движения в Средней Азии. (Сборник статей).* Москва, 1926, сс.46-122; «Восстание 1916 г. в Средней Азии». Ред.

Галузо *Красный Архив*, №34, 1929, сс.39-94; *Восстание 1916 г. в Средней Азии. (Сборник документов.*) Ред. П. Галузо Ташкент: Госиздат УзССР, 1932; «Джизакское восстание в 1916 г». Ред. А. Шестаков. *Красный Архив*, № 60, 1933, сс.60-91; Брайнин С., Шафико Ш. *Восстание казахов Семиречья в 1916 году*. Алма-Ата, 1935; Асфендияров А.С. *Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане.* Алма-Ата: Каз. краевое изд-во, 1936; Кастельская З.Д. *Восстание 1916 года в Узбекистане*. Ташкент: Госиздат УзССР, 1938.

[12] «Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Народный герой Амангельды Иманов». *История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней*. Ред М. Адыкалыков, А. Панкратова. Алма-Ата: Казогир, 1943, сс.370-398; О споре, который впоследствии разразился вокруг этой книги, см. Йылмаз Х. «Написание истории как агитация и пропаганда: Учебник казахской истории 1943 года». (Yilmaz H. «History writing as agitation and propaganda: Kazakh history book of 1943.») *Central Asian Survey*, 31:4, 2012, pp. 409-423; Об использовании фигуры Амангельды Иманова в советской пропаганде военного времени среди казахских солдат см. Carmack R. «History and hero-making: Patriotic narratives and the Sovietization of Kazakh front-line propaganda, 1941–1945». (Кармак Р. «История и создание героев: Патриотические повествования и советизация фронтовой пропаганды Казахстана, 1941–1945 гг.») *Central Asian Survey*, vol. 33, №.1, 2014, pp.95-112.

[13] Tillett L. *The great friendship. Soviet historians on the non-Russian nationalities.* (Тиллетт Л. *Великая Дружба. Советские историки о нерусских народностях.*) Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1969, pp.110-129.

как классовую борьбу, в которой народы Центральной Азии, с помощью «старших братьев» - русских переселенцев, восстали против царского режима и собственных эксплуататорских классов в лице «баев и манапов». Массовые убийства переселенцев казахами и кыргызами в Семиречье были истолкованы как нападения на «кулацкие деревни», созданные в результате столыпинской реформы. Ранние советские авторы, такие как Рыскулов и Бройдо, Брайнин и Шафиро подверглись критике за переоценку национального характера восстания и игнорирование его классовой основы. Однако восстание все еще интерпретировалось как серия «национально-освободительных движений», приходя в некоторое несоответствие с идеей классовой борьбы[14].

1960-х годов вновь открылись дебаты и дискуссии, в том числе, появилась монография Хабиба Турсунова, которая до настоящего времени остается основным полноценным исследованием на русском языке, а также важная публикация документов Пясковского и толкование восстания как части узбекской, казахской и кыргызской национальной историй[15]. Многие из советских интерпретаций 1916 года сохранились до сих пор, особенно идея классовой борьбы, которая оказалась на редкость долговечной в современных российских публикациях[16]. В целом, официально поддерживаемые русские толкования 1916 года варьируются от активного отрицания колониального характера российского правления и представления переселенцев как единственных жертв восстания[16] до более умеренного аргумента, что восстание было «общей трагедией, спровоцированной стрессами войны»[17], – аргумента, который обходит как колониальное неравенство, так и массовое неравенство среди жертв столкнувшихся сторон.

Что касается постсоветской историографии, производимой в самой Центральной Азии, для нее характерно разделение восстания на отдельные киргизское, казахское, узбекское, таджикское и туркменское «национально-освободительные движения». Здесь так же развиваются теории заговоров в направлении Бройдо о том, что восстание 1916 года было результатом

Усенбаев К. *Восстание 1916 года в Киргизии*, сс.4-10, 173, 256; Сулейманов Б., Басин В. *Восстание 1916 года в Казахстане,* сс. 9-13, 83; Tillett. *The Great friendship* (Тиллет. *Великая дружба),* сс.185-193.

Турсунов Х. *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. Ташкент: Госиздат УзССР, 1962; Пясковский А.В. *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. Москва: Изд. АН СССР, 1960; Усенбаев К. *Восстание 1916 года в Киргизии.* Фрунзе: Илим, 1967; Кастельская З.Д. *Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане*. Москва: Наука, 1972; Сулейманов Б., Басин В. *Восстание 1916 года в Казахстане (Причины, характер, движущие силы.)* Алма-Ата: Наука, 1977. [16] Брусина О. И. *Славяне в Средней Азии*. Москва: Восточная литература, 2001, сс.20-40, 137-147; см. также: *Центральная Азия в составе Российской Империи*. Ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханов. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2008, сс. 228-292.

Ганин А. В. «Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении Туркестанского мятежа 1916-1917 гг». *Русский Сборник. Исследования по истории России*, том V. Ред. О.Р. Аирапетов, М. Йованович, М.А. Королев, Б. Менинг, П. Чейсти. Москва: Современный Королев, 2008, сс.152-2014; Ганин А. В. «Предисловие». http://semirechye.rusarchives.ru/predislovie. Просмотрено 2.12.2019.

Котюкова Т. В. *Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия. (1916 год: Уроки общей трагедии).* Москва, 2016.

умышленных провокаций[18]. Обе эти тенденции можно увидеть и в данном сборнике.

Современные условия для изучения 1916 года

Несмотря на то, что прошло более ста лет, тема остается этнически и политически чувствительной, актуализируя вопрос о возможности или невозможности деполитизировать исследования событий 1916 года. Столетняя временная дистанция и возникновение ряда новых государств на территории, где произошли столкновения, являются теми факторами, которые создают условия для рационального и совместного изучения 1916 года. Если деполитизация темы, говоря конкретно, освобождение ее от текущей политической конъюнктуры стран и этнической принадлежности ученых, возможна, то возможность эта лежит, прежде всего, в академической сфере. И для вдумчивых ученых складывается благоприятная атмосфера. Сейчас архивы в Бишкеке и Алматы открыты для исследователей из всех стран, а в Ташкенте они тоже становятся более доступными. Хорошим является и доступ к документам в России. РГВИА недавно опубликовал в Интернете большой сборник документов[19] по 1916 году, и, хотя они, очевидно, не являются исчерпывающими, но включают, например, оригинал печально известной записи в дневнике генерал-губернатора Куропаткина, в которой он изложил свой план депортации всех кыргызов, оставшихся вокруг озера Иссык-Куль, в горные районы Нарына, для освобождения лучших земель для русских поселенцев[20]. Скорее всего, с российскими архивами тесно сотрудничал Кыргызско-Российский Славянский Университет в Бишкеке[21], готовя к публикации шеститомный сборник факсимильных документов по 1916 году.

Гуманизация и расширение аспектов изучения 1916 года

Данная монография является продуктом проекта «Объединение академических сообществ в Центральной Азии для получения новых знаний по

Қаһарлы 1916 жыл: Қїжаттар мен материалдар жинағы (Грозный 1916 год: Сборник документов и материалов). В 2-х томах. Ред. М.К. Козыбаев. Алма-Аты: Казахстан, 1998; Зийоева Д. *Turkiston milliy ozodlik harakati*. (*Туркестанское национально-освободительное движение*). Ташкент: Шарк, 2000; *Восстание 1916 года. (Сборник документов и материалов).* Ред. К.И. Мамбеталиев. Бишкек: н.п., 2015, сс.5; «Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане». http://e-history.kz/ru/contents/view/287. Просмотрено 2.12.2019. См. так же статью Шварца В. «Высочайшее повеление от 25 июня 1916 года - документ двойного назначения» в данном сборнике.

«События в Семиречье по документам российских архивов». http://semirechye.rusarchives.ru/. Просмотрено 2.12.2019.

Куропаткин А.Н. «Дневник за 12/10/1916. РГВИА F.165 Op.1 D.1970 l.22». http://semirechye.rusarchives.ru/iz-dnevnikov-kuropatkina/iz-dnevnika-komanduyushchego-voyskami-turkestanskogovoennogo-okruga-0. Просмотрено 2.12.2019.

Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах. Ред. А.Ч. Какеев. В 6-ти томах. Бишкек: КРСУ, 2015-2016.

Восстанию 1916 года и создания общих академических платформ для обмена и распространения знаний по этнически и политически чувствительным темам», поддержанного OSF (Фондом Открытых Обществ).

Индивидуальное, человеческое измерение 1916 года - исследовательский ракурс, который не получил должного внимания в академических работах. Кроме целей, обозначенных в самом названии проекта, ставилась задача развивать исследования, сфокусированные на судьбах и действиях конкретных людей, будь то беженцы или переселенцы, российские чиновники или манапы, женщины, положившие начало восстаниям или мифы о них. Сами события лета и осени 1916 года с той или другой позиции описаны. Данный проект работал на смещение акцентов с событий на людей, которые в них участвовали, пережили, вспоминали. Нам важно было увидеть и понять человека в трагических обстоятельствах или гуманизировать изучение 1916 года. Сто прошедших лет не могут быть здесь помехой: есть архивные документы, фольклор, воспоминания потомков.

Гендерный аспект 1916 года

Данный раздел расширяет видение 1916 года через введение гендерного аспекта. Женщины всех этносов изначально присутствовали в описании трагедии 1916 года, однако преимущественно в качестве жертв. Женщин в качестве инициаторов и участниц сопротивления никто не изучал. Две статьи, вошедшие в данный раздел, вносят принципиальную новизну в понимание 1916 года.

статье Аскара Джумашева «Восстания 1916 года в низовьях Амударьи: характер и особенности» сравниваются два восстания из истории каракалпаков. В 1916 году каракалпаки проживали на обоих берегах Амударьи и относились к двум разным государствам. У восстаний были разные временные сроки – общей была тяжесть социально-экономических условий. Системы двух государств слаженно работали на подавление народного недовольства. На обоих берегах женщины стали катализаторами народных волнений, на основе чего автор делает попытку осветить гендерный аспект восстаний в специфичном для каждого берега социальном контексте.

Набиджон Рахимов в исследовании «Ходими Джамолак: миф или реальность» концентрируется на гендерном аспекте и анализирует тесное переплетение реальных фактов и вымышленных конструктов. Автор прослеживает, как советская власть средствами художественной литературы строит идеологию и ее концепты, в частности, «образ женщины-борца за свои права. У власти были для этого сильные основания, поскольку «во всех документах, где-то с акцентом, где-то вскользь, указывается на высокую долю участия женщин в событиях 1916 года». Публичная активность – не типичная модель поведения для еще «неосвобожденных женщин Востока», но она была нужна как раз для их освобождения. В исторической перспективе можно наблюдать, как эффективно эта модель сработала и продолжает существовать.

Глазами и голосами очевидцев

Ценность раздела «Глазами и голосами очевидцев» заключается в сосредоточенности на архивных документах как носителях информации о конкретных людях, их мировоззрении и поведении.

Карлыгаш Бижигитова в своей статье не соглашается с устоявшимся описанием рядовых участников восстания «как одной большой, однородной и при этом обезличенной массы людей, которую можно направлять, которой можно легко руководить». На основе детального анализа одного архивного документа автор вычленяет «голоса» или позиции рядовых участников восстания. Ее главный аргумент заключается в том, что представители «социальных низов» существенно повлияли на решения, принятые колониальной властью, и способствовали дальнейшему конструированию событий 1916 года.

Статья Ойбека Махмудова о мусульманском факторе в событиях 1926 года глазами российских чиновников так же основана на архивных материалах. В фокусе внимания находятся рапорты, доклады, отчеты об «исламском факторе», написанные русскими чиновниками, – людьми другой культуры. Между чиновниками и местными мусульманами лежала мировоззренческая пропасть. Автор выявляет тенденции восприятия и объяснения ислама, анализирует их корни мотивации. Одно из базовых предположений Махмудова заключается в том, что механизм принятия решений российскими властями, приведший к трагедии 1916 года, нужно искать в мировосприятии колониальных чиновников, в их жестких стереотипах об исламском фанатизме и неспособности менять отношение к «другим».

Предводители 1916 года

Советская историография, втиснутая в парадигмы классовой борьбы и народно-освободительного движения, была так же ограничена в изучении руководства и лидерства восстания 1916 года. Поэтому внимание к теме лидерства настоящее время в регионе закономерно[22]. Раздел «Предводители 1916 года» посвящен людям, которые по социальному статусу или в силу обстоятельств возглавили сопротивление и бегство коренных жителей в Китай. Три статьи, вошедшие в раздел, с разных ракурсов, на основе разного материала касаются одного процесса – активизации и возрождения традиционных схем и норм управления среди восставших казахов и кыргызов.

Асель Даниярова в своей статье ищет ответ на вопрос: «Кто они – предводители кыргызских родов – угнетатели народа, выступающие заодно с царскими властями, или трезвые разумные руководители, спасшие народ от

Амангельды Иманов. (Статьи, документы, материалы). Ред. С. Бейсембаев. Алма-Ата: Казахстан, 1973; Жолдошов Р. «1916-жылдагы кєтєрїлїштїн жетекчилери жана кыргыз манаптарынын орду (Лидеры восстания 1916 года и роль кыргызских манапов)». 1916-zhyldagy-kotorulushtunzhetekchileri-zhana-kyrgyz-manaptarynyn-ordu_swtrYbH.pdf . Просмотрено 2.12.2019.

неминуемой гибели, или даже бесстрашные вожди восстания»? Автор анализирует модели поведения семи кыргызских манапов и делает реконструкцию отдельных ступеней и всего механизма принятия ими решений. Этот анализ выявляет тенденциозность как классовой советской, так и деколониальной постсоветской трактовок лидерства 1916 года. Один из выводов, к которому приходит автор, кыргызские манапы действовали в соответствии с механизмами традиционного общества: они взяли на себя личную ответственность за сохранность родов и судьбу сородичей в критический момент истории.

Иван Фукалов в статье «Легитимность власти и ее аспекты у руководителей восстания 1916 года в Кыргызстане» сосредоточен на процессе «воссоздания восставшими национальных государственно-правовых институтов, в первую очередь, института ханской власти». Если в мирное время взаимоотношения простых кыргызов и их правителей носили вполне типичный характер подчинения властвования, то в считанные летние дни 1916 года произошло воссоединение всех слоев населения и восстановление тех властных структур, которые к этому времени не действовали.

Майсара Бекмагамбетова в работе «Легитимация лидерства А. Жанбосынова в событиях 1916 года на территории Торгайской области» изучает, как и когда менялись позиции советской историографии по отношению к лидерам восстания в Торгайской области. Автор так же отвечает на вопрос, почему Амангельды Иманов культивировался, а Абдулгафар Жанбосынов исчез из списков руководителей восстания. Анализируя происхождение, личность и действия Абдулгафара Жанбосынова в 1916 году, Бекмагамбетова приходит к выводу, что в дни трагического восстания у казахов Торгайской области действовала традиционная норма: сопротивление возглавили представители степной аристократии, представителем которой был Абдулгафар Жанбосынов.

На основе трех статей о типах лидерства, формировавшихся в 1916 году, можно предположить, что восстановление традиционных механизмов управления было знакомым и понятным инструментом мобилизации в целях самосохранения.

Переосмысление причин и потерь 1916 года

Вопросы о причинах и потерях 1916 года стоят на повестке дня со времен самого восстания. Человеческие потери с обеих сторон – вопрос, который волнует, прежде всего, вовлеченные стороны. Он изначально обрел политическую окраску.

Владимир Шварц в своей статье изучает конкуренцию и противостояние различных ведомств царской России вокруг возникновения и подписания Высочайшего повеления от 25 июня 1916 года – катализатора событий 1916 года. На основе взаимосвязанного анализа архивных документов Шварц выдвигает в число главных игроков Переселенческое управление Министерства земледелия и разрабатывает гипотезу «теневой задачи», которую инициировали и последовательно реализовали сотрудники данного ведомства. Эта гипотеза схожа с идеей Г. Бройдо «о дьявольском плане», т.е. сознательном правоцировании

беспорядков колониальными властями. Автор считает, что найденные им документы очевидно подтверждают гипотезу. Более того, гипотеза «теневой задачи», по его логике, объясняет много других до сих пор непроясненных обстоятельств. Шварц возвращается к идее, которая в науке определена как «несостоятельная», поскольку убежден, что Бройдо в 1916 году не хватило необходимых документов, чтобы увидеть главных игроков и их мотивацию. Статья содержит детализированную аргументацию, в оборот вводится большой блок новых архивных документов. Однако идея «теневой задачи» и ее аргументация вызвала критику других специалистов, изучающих восстание 1916 года.

Джамиля Маджун (Мусарова) в представленной монографии статье изучает вопрос внешнего влияния на восстание 1916 года в Семиречье. Автор системно анализирует всех внешних акторов, в том числе, исследует миграционные процессы накануне восстания, включая потоки трудовых мигрантов, контрабандистов, военнопленых, беженцев. Анализирует обострение международного соперничества и активизацию иностранных агентов в регионе. При всем этом факт, что восстание приняло беспощадный характер в трех наиболее благоприятных для хозяйствования уездах Семиречья, выводит в центр борьбу местного населения и колониальной власти за ресурсы – землю, воду, скот, опиум.

Жоомарт Сулайманов в статье «Социально-политическая мобилизация населения Туркестана русской администрацией: методы и ошибки» концентрируется на путях и способах мобилизации, которые использовала царская власть в Туркестане для выполнения Указа от 25 июня 1916 года. В период призыва на тыловые работы инородного населения, считает автор, царская власть на местах проявила свое незнание и непонимание местных сообществ и норм. Вместо мобилизации туземцев на фронт колониальная власть пробудила этническое самосознание и мобилизовала к сопротивлению большие группы людей. Ошибочность методов мобилизации стала катализатором трагических событий.

Статья Мурата Иманкулова посвящена одному из самых болезненных аспектов восстания – анализу потерь среди кыргызов, включая периоды сопротивления, его подавления и бегства в Китай. Автор развивает комплексный подход, связывая прямое насилие, гибель повстанцев во время столкновений и преследований карательными отрядами и «непрямое» насилие в форме вытеснения коренных жителей в неблагоприятные климатические зоны, отъема скота, которое началось задолго до 1916 года. На основе анализа демографических и статистических данных соответствующего периода времени, с использованием известных научных методик автор рассчитывает примерную убыль кыргызского населения.

Социально-экономический контекст 1916 года

Экономическая ситуация в 1916 году – аспект, который относится к числу мало изученных. Исследования в этом направлении делают очевидным тот факт, что 1916 год нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от комплексной программы освоения края Российской империей. Две статьи, вошедшие в данный

раздел, закономерно охватывают широкий временной период для того, чтобы увидеть экономические корни событий 1916 года.

Бахтиер Алимджанов в статье об экономической стороне жизни в «коренном» Туркестане 1916 года видит ключ к пониманию того, как развивались события в разных частях региона, в экономической ситуации. Автор анализирует экономическую модель, которую имперская власть строила в Туркестанском крае на территориях оседлых народов. Показывает прямую связь производства хлопка и винограда, обильного урожая 1916 года, развития рыночных отношений и наличия денег у жителей Ферганской долины с бескровным и быстрым характером столкновений в этой части региона. Автор редко использует определение «восстание» и утверждает, что события 1916 года не разрушили структуру оседлой экономики, наоборот, в ее определенных зонах увеличилась интенсивность ведения хозяйства, укрепились торговые связи с центром России.

Концепция статьи Иномджона Мамадалиева «Социальный конфликт 1916 года Худжанде: ретроспективный взгляд (отношения власти и народа)» основана на изучении восстания 1916 года как завершающего звена серии конфликтов, начавшихся в 1865 году с перестройки традиционных политических институтов. Он выявляет факторы, общие для колониальной системы управления, а так же дестабилизирующие обстоятельства, которые взорвали регион 1916 году. На основе анализа архивных документов автор выдвигает версию, что события в Худжанте, ставшие началом всего регионального восстания, произошли на день раньше, чем это принято в современной историографии.

Травма 1916 года

Кыргызстан в сравнении с другими странами региона отличается ясно выраженной позицией в отношении 1916 года. Именно вокруг этого восстания государственные и негосударственные структуры делают попытки сформировать политику памяти[23]. Это связано, кроме ряда обстоятельств, с масштабом и глубиной трагедии, которая произошла на территории нынешней страны. Две работы, вошедшие в данный раздел, основаны на устных историях, собранных в Китае и Кыргызстане, и показывают, что даже через сто лет воспоминания о восстании живы и широко распространены.

Гульзада Абдалиева в предлагаемой статье рассматривает три социальные катастрофы, сохранившиеся в памяти современных кыргызов – граждан Китая. Наличие трех взаимосвязанных, но отдельных насильственных миграций в памяти

Kojobekova A. «The discourses of romanticism and heroism in the post-Soviet Kyrgyzstan». (Кожобекова А. «Дискурсы романтизма и героизма в постсоветском Кыргызстане.») *International Journal of Social Science and Humanity,* vol. 4, No. 5, 2014, cc.397-404*; Kojobekova A. «*Monuments to heroes or construction of memory about the April Uprising of 2010 in the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan)». (Кожобекова А. «Памятники героям или конструкция памяти об апрельском восстании 2010 года в Кыргызской Республике (Кыргызстан).») *Memory, Identity, and Nationalism in European Regions. IGI Global, 2019,* cc.158-183.

китайских кыргызов отличает их от современников из Иссык-Кульской области. Гражданская война и коллективизация для тех, кто остался при советской власти, не могли получить определение Үркүн (исход). Автор поэтапно анализирует воспоминания о каждой миграционной волне и выявляет их структурные основы и тематическое содержание. Общим звеном в реконструкциях каждого исхода стало описание «сообществ утраты». Эти сообщества создавали механизмы компенсации потерянной Родины и этнической идентичности, размываемой в окружении другой культуры. Однако сам этнический признак, по которому люди объединились и беспощадно разделились в 1916 году, при следующем исходе отступил на второй план. В этот раз в Китай вместе уходили кыргызы и русские – противники советской власти.

Статья Джаныл Боконтаевой «Устные истории о восстании 1916 года: в судьбах и памяти жителей Иссык-Кульской области» посвящена систематизации устных историй, циркулирующих в современном обществе, и анализу их социальных функций. Воспоминания о 1916 годе являются реконструкцией трагедии столетней давности. Автор, используя теорию культурной травмы, выявляет две травмы и их сопряжение – травму от восстания 1916 года и травму из-за распада советской державы. Автор предлагает гипотезу, что разноплановая реконструкция хода и деталей восстания потомками очевидцев 1916 года является формой поиска утраченной советской идентичности и основой для нового коллективного самоопределения.

Авторы статей данного раздела утверждают, что через сто лет воспоминания о восстании не теряют свою остроту и важность, потому что 1916 год стал культурной травмой не только для очевидцев восстания и бегства в Китай, но и для их потомков во втором и третьем поколении. Авторы доказывают, что травматические воспоминания о 1916 годе выполняют важную социальную функцию: они помогают современным кыргызам одновременно преодолевать травму и вырабатывать новые формы самосознания и идентификации.

Другая точка зрения

Все публикуемые в монографии статьи проходили двойное рецензирование. Данный раздел возник из-за разных интерпретаций вопросов, рассматриваемых в статьях Владимира Шварца и Асель Данияровой. Статью Шварца «Высочайшее повеление от 25 июня 1916 года – документ двойного назначения» рецензировал Томохико Уяма, статью Асель Данияровой «Трансформация взглядов на модели поведения лидеров кыргызских родов в 1916 году в свете вновь открывшихся фактов» – Аминат Чокобаева. Томохико Уяма и Аминат Чокобаева, как специалисты по восстанию 1916 года в Центральной Азии, сделали критический анализ базовых гипотез статей. Исследователи не согласились с концептуальными замечаниями рецензентов и не сочли возможным вносить изменения. В такой ситуации все участники процесса согласились с тем, что имеет смысл представить разные позиции. Так возникло решение напечатать сами статьи и критический

анализ на них в данной монографии. Томохико Уяма и Аминат Чокобаева подчеркивают важность проблем, поднимаемых в статьях Владимира Шварца и Асель Данияровой, ценность их архивных находок, при этом считают ошибочной гипотезу «теневой задачи», выдвинутую В. Шварцем и развиваемую А. Данияровой на материале кыргызских лидеров 1916 года. Теория внутреннего заговора, по мнению Томохико Уямы, «мешает пониманию сути вопроса».

Дальнейшее изучение темы

Данная монография представляет события 1916 года в качестве очень значительного и продолжительного по времени социально-политического явления для народов Центральной Азии. Через статьи авторов она открывает для широкого круга читателей архивные материалы, опубликованные и непубликовавшиеся ранее, известные в прошлом преимущественно историкам, и тем самым создает платформу для широкого разностороннего обзора того или другого аспекта события. Ее особенностью является объединение исследователей из разных стран Центральноазиатского региона, которые на протяжении более двадцати лет разделены не только государственными границами, но и политическими повестками, влияющими на рассмотрение событий 1916 года. Авторы монографии выходят за рамки внутри-страновых политических и зачастую националистических интерпретаций и установок, создавая возможность для открытой академической дискуссии в целях преодоления установившихся стереотипов и шаблонов в изучении 1916 года. Монография обозначает целый ряд вопросов, которые могут найти свои ответы в дальнейших исследованиях, расширяя и углубляя понимание сложности и неоднозначности самих событий 1916 года и их воздействия на современную социальную и культурную память региона.

Александр Моррисон, *доктор исторических наук, научный сотрудник и преподаватель Нового колледжа и доцент факультета истории Оксфордского университета, Великобритания*

Гульнара Айтпаева, доктор *филологических наук, директор КИЦ Айгине, Бишкек, Кыргызстан*

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ СОБЫТИЙ 1916 ГОДА

Восстания 1916 года в низовьях Амударьи: характер и особенности

Аскар Джумашев

Аннотация

данной статье исследуется один из сложных и ярких моментов истории восстания 1916 года в низовьях Амударьи, его характер и особенности. На основе богатого фактического материала освещается социально-экономическое положение каракалпакского народа, в условиях его нахождения в составе двух разных государств. Рассматриваются общие и различные факторы возникновения восстания в Хиве и в Амударьинском отделе.

Ключевые слова: *восстание, социально-экономическое положение, каракалпаки, левобережье, правобережье, гендерная проблема.*

Введение

Современная территория Каракалпакстана в момент восстания 1916 года была разделена на две части, правобережье и левобережье. Первая часть относилась к территории Туркестан-генерал губернаторства царской России. Вторая сторона принадлежала Хивинскому ханству. Соответственно, восстания 1916 года в низовьях Амударьи проходили против политики разных государств. В целом, восстание 1916 года в Центральной Азии имело различные поводы и причины[24].

По нашему мнению, некоторые аспекты характера восстания 1916 года в низовьях Амударьи важно рассматривать в следующих вопросах: в процессе двойной оплаты налогов (в казну хивинского хана и царской администрации); в тяжелых условиях в аулах; в низком социальном положении как сельчан, так и горожан; Однако первопричину и особенность восстаний 1916 года в низовьях Амударьи необходимо искать в традиционном образе жизни коренного населения: по нашему мнению – это гендерный вопрос, роль и место женщин в восстаниях 1916 года.

Традиционный образ жизни коренного населения основывался на аграрном производстве. Так как в семье земледелием и скотоводством занимались мужчины, местные женщины не могли себе представить существование очага без них. Другая сторона традиционного образа жизни местного населения заключалась в том, что Коран допускал мужчинам иметь до четырех жен, но не больше.

См. об этом: Житов К.Е., Зияев Х.З. *Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября.* Ташкент, 1973; Федоров Е. *Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии.* Ташкент, 1925; Манжара Д.И. *Революционное движение в Средней Азии 1905-1920 гг.* Ташкент, 1934; Муравейский С. (Лопухов В.) *Очерки по истории революционного движения в Средней Азии.* Ташкент, 1926; Ковалев П.А. *Революционная ситуация 1915-1917 гг. и ее правление в Туркестане.* Ташкент, 1971; Турсунов Х. *Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане.* Ташкент, 1962; Рыскулов Т. *Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 г.* Кызыл-Орда, 1927.

Главными центрами восстания в низовьях Амударьи стали: в левобережье – г. Ходжейли; в правобережье – г. Чимбай и Сарыбийская волость Шураханского уезда. По всей территории Амударьинского отдела, где проходило восстание, оно ассоциировалось с царским указом от 25 июня 1916 года «О привлечении мужского инородческого населения для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ»[25]. На территории левобережья Амударьи восстание началось уже в январе 1916 года.

Историография проблемы

История восстания 1916 года в низовьях Амударьи долгое время находится в центре внимания Каракалпакстанской исторической науки. Историками Я. Досумовым, Г. Непесовым, С. Камаловым, К. Мухамедбердыевым, Р. Косбергеновым, И. Косымбетовым, Ал. Туреевым и другими исследованы различные стороны этого сложнейшего и противоречивого периода каракалпакского народа в условиях, когда данная территория была разделенной между двумя разными государствами – вначале между Россией и Хивинским ханством, а затем – СССР и ХНСР.

Опубликовано большое количество книг и статей по истории восстания 1916 года. Например, один из первых историков в Туркестане Е. Федоров в 1920-х годах опубликовал свой труд по национально-освободительному движению в Средней Азии[26].

Примерно в это же время начинается научно-исследовательская работа и на территории сегодняшнего Каракалпакстана. Г. Скалов написал несколько статей о хивинской революции[4]. Большое внимание притягивает неопубликованный тезис «О Чимбайских событиях в 1916 году» и архивные материалы юбилейного собрания, посвященного 10-летию этого восстания[27].

Некоторые аспекты народно-освободительных движений в Хивинском ханстве в начале XX века рассматриваются в научной работе Х. Турсунова. В ней изучаются проблемы восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане[6].

Для историков, изучающих историю восстания 1916 года, большое значение имеет сборник материалов «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», опубликованный в 1960 году в Москве.

Досумов Я. *Очерки истории Каракалпакской АССР 1917-1927.* Ташкент: Изд. АН УзССР, 1960, с.62; Турсунов Х. *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане.* Ташкент, 1962, с.189; *Материалы о восстании 1916 года в Средней Азии и Казахстане.* Москва: Изд. АН СССР, 1960, с. 225.

Федоров Е. *Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии.* Ташкент, 1925. [4] Скалов Г. «Хивинская революция 1920 г». *Новый Восток*, №3. 1923, сс. 241-257.

Партийный архив Каракалпакского обкома КП Узбекистана Ф.1 Оп.155 Д. 304, лл.5-12. [6] Турсунов Х. Т., 1962.

Однако история восстания 1916 года в Левобережной части сегодняшнего Каракалпакстана, отличающаяся множеством своеобразных черт и особенностей, не являлась предметом отдельного исследования.

Не является исключением в этом отношении даже и научный труд известного исследователя истории первых лет советской власти в Каракалпакстане Я. Досумова[28]. Этот научный труд представляет собой очерк истории всего Каракалпакстана. Здесь подробно охарактеризовано восстание 1916 года в Амударьинском отделе. Повторимся, что, хотя в данной работе речь идет о всей территории Каракалпакстана, но исследуемая нами проблема не находит должного освещения.

Определенный сдвиг в изучении истории восстания 1916 года в Левобережной части был совершен в работе Г. Непесова[29], в которой были изложены некоторые интересные положения о наиболее характерных моментах истории этого восстания. Эта работа обращает на себя внимание тем, что автор восполнил события 1916 года историческими личностями. Однако выводы в ней носят в основном тезисный характер.

Также в самих обобщающих трудах[30], посвященных истории Каракалпакстана, получилось неакцентированное освещение истории восстания 1916 года в низовьях Амударьи.

Данная тема и в научных работах, рассматриваемых в следующем историографическом обзоре, обходится стороной. Если даже написано об этом, то тоже как бы между строк, лишь в общей связи с освещением истории народов современного Каракалпакстана.

1971 году авторский коллектив историков Каракалпакстана опубликовал книгу под ответственной редакцией доктора исторических наук, академика С. Камалова «Борьба трудящихся Каракалпакии против социального и колониального гнета (1873 – февраль 1917 г.)»[31]. Эта книга была попыткой поэтапно показать историю борьбы каракалпакского народа против социального и колониального гнета в конце XIX – начале XX вв. Четвертая глава данной работы «Первая империалистическая война и национально-освободительное восстание 1916 года в Каракалпакии» была написана с точки зрения классового подхода Ал. Туреевым. Необходимо отметить, что многие полевые дневники автора сохранились в рукописном фонде фундаментальной библиотеки Каракалпакского отделения АН РУз, где содержатся, на наш взгляд, очень интересные сведения по данной теме. Ал. Туреев, видимо, не смог использовать все эти материалы в виду идеологических конъюнктур.

Досумов Я. М., 1960.

Непесов Г. *1920-1924 жыллардағы Хорезм халық совет революциясында Қарақалпақстан мийнеткешлериниў роли.* Нөкис: Изд. Қарақалпақстан, 1964.

Очерки истории Кара-Калпакской АССР. В 2-х томах. Ташкент: Наука УзССР, 1964; *История Каракалпакской АССР.* В 2-х томах. Ташкент: Фан УзССР, 1974; *История Каракалпакской АССР (С древнейших времен до наших дней).* Ташкент: Фан, 1986; *Қарақалпақстан XIX әсирдиў екиншиярымынан XXI әсирге шекем.* Нөкис: Қарақалпақстан, 2003.

Борьба трудящихся Каракалпакии против социального и колониального гнета (1873-февраль 1917 г.). Отв. ред. Камалов С. К. Ташкент: Фан, 1971.

В коллективной работе под названием «Каракалпаки»[32] один абзац на 51 странице книги был посвящен истории восстания 1916 года в Амударьинском отделе.

С точки зрения классового подхода была отражена история восстания 1916 года Левобережье и Правобережье в совместной монографии С. Камалова, Р. Косберегенова и И. Косымбетова[33]. В работе утверждается, что, хотя восстание окончилось поражением, оно имело большое историческое значение, поскольку явилось составной частью общего потока международной пролетарской революции.

Похожее мнение о том, что восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, несомненно, было одним из звеньев все разгоравшейся революционной борьбы колониальных народов (Китая, Персии, Южно-Американского союза и др.) против империалистического ига[34], было высказано А. В. Пястковским еще в 1960 г..

Заслуживает внимания в связи с рассматриваемой нами темой монография Алпысбая Тореева «Крестьянское движение в Каракалпакии в конце XIX – начале XX вв.»[35]. В монографии делается попытка как можно глубже исследовать процесс восстания в разных частях Каракалпакстана.

Казалось, более обстоятельные ответы на вопросы, связанные с историей восстания 1916 года в Левобережной части Каракалпакстана, на наш взгляд, должны были возникнуть в монографии К. Палуаниязова, появившейся в печати в 1992 году[36]. В данной монографии хронология истории охватывает период с 1873 по 1924 год, но с сожалением приходится констатировать, что в работе вообще отсутствует упоминание об исследуемых нами вопросах.

Интересные сведения о восстаниях 1916 года в Левобережье приводит заслуженный журналист Республики Каракалпакстан Х. Абдусодик в своей брошюре «Аслим, АСЛим Хңжа эли»[37]. В этой брошюре ряд аспектов исследуемой нами проблемы освещается довольно противоречиво, а порой, думается, явно ошибочно. Некоторые данные в работе требуют научных доказательств, так как они приведены без каких-либо ссылок и сносок.

современной исторической науке, в процессе изучения таких вопросов, как восстание народов Центральной Азии в 1916 г., в качестве одной из важных проблем научного исследования вполне может стать «видение других». Здесь имеется в виду видение событий 1916 года с разных углов зрения. Вместе с тем, изучение научных трудов зарубежных авторов, мы думаем, будет способствовать пониманию некоторых исторических событий и преодолению искусственных барьеров, существующих

Нурмухамедов М. К., Жданко Т. А., Камалов С. К. *Каракалпаки (Краткий очерк истории с древнейших времен до наших дней).* Ташкент: Фан, 1971.

Камалов С., Косберегенов Р., Косымбетов И. *Навеки вместе.* Нукус: Каракалпакстан, 1973.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстан. (Сборник документов). Москва, 1960, с. 19.

Тореев А. *XIX әсирдиў ақыры – XX әсирдиў басында қарақалпақ елкеси дийханлары ҳәрекети.* Нөкис: Қарақалпақстан, 1991.

[36] Палуаниязов К. А. *Истоки рождения Республики Каракалпакстан. Часть I. Левобережная Каракалпакия в 1917-1924 гг.* Нукус: Каракалпакстан, 1992.

Абдусодик Х. *Аслим, АСЛим Хўжа эли.* Нукус: Қарақалпақстан, 2005.

столетиями. Научные статьи и другие работы зарубежных исследователей могут показать неизвестные страницы истории восстания 1916 г.

Один из первых таких зарубежных авторов Эдвард Денис Сокол (Edward Dennis Sokol) в 1954 году опубликовал работу под названием «Восстание 1916 года в Российской Центральной Азии»[38]. В данной книге автор по фазам рассматривает историю восстания 1916 г., что позволяет читателю понимать его в динамике развития. Эдвард Денис Сокол (Edward Dennis Sokol) считает, что экономическое состояние общества стало главной причиной, вызвавшей народные волнения[39].

Известный американский специалист Сеймур Бэйкер (Seymour Becker) является автором довольно объемного труда, который имеет четкую структуру, отражающую содержание книги. Автор указывает несколько причин восстания 1916 года. Среди перечисленных причин он выделяет: увеличение налогов, раздор по поводу права на пользование водой и насильственный увоз молодых девушек в ханский гарем[40].

Другой американский исследователь Стивен Сэйбл (Steven Sabol) в своей работе «Российско-Центрально Азиатское восстание 1916 года: его причины, последствия и реинтерпретация» утверждает, чтобы понять причины того восстания, необходимо изучать русскую колониальную политику в Средней Азии в XIX в.[41] В данной статье С. Сэйбл анализирует изменяющиеся социальноэкономические ситуации в казахских степях, которые впоследствии привели к народному волнению. Он в конце своей работы акцентирует внимание на уникальности Центрально-Азиатского восстания 1916 года, которая, по его мнению, заключается в том, что оно в отличие от других похожих восстаний не было поддержано внешними силами.

Российский историк Т. В. Котюкова в статье, написанной на основе только источниковых данных, попыталась детально осветить историю восстания туркмен в Хивинском ханстве в 1916 года[42]. Причиной восстания автор называет продажную, недееспособную русскую власть, которая вполне сознательно и специально реализовала хитрую политику, приведшую к новой войне. Примечательная сторона данной статьи заключается в том, что в ней приведены весьма интересные записки, письма и другие исторические документы, которые проливают свет на рассматриваемую нами сферу исследования. Опубликованные в статье источники позволили автору раскрыть довольно интересные и конкретные моменты, касающиеся туркменского восстания в Хивинском ханстве в 1916 году. В данной работе сделаны примечания, которые в свою очередь способствуют более детальному отражению событий тех лет.

Sokol E. D. *The revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1954.

Sokol E. D., с. 21.

Becker S. *Russia's protectorates in Central Asia Bukhara and Khiva, 1865–1924*. London, New York. 2004, с.

Sabol S. «The 1916 Russian-Central Asian Revolt: Its causes, consequences, and reinterpretation». *4th bi-annual conference of the International society for the First World War studies*. Washington, DC, October 18-20, 2007, с. 2.

Котюкова Т. «Восстание туркмен в Хивинском ханстве в 1916 г». *Вопросы истории*, №9, сентябрь 2009, сс. 3-18.

Безусловно, события 1916 года являются неотъемлемой частью социального и политического кризиса самого Хивинского ханства.

Японские ученые в новом видении отражали рассматриваемую историю в своих исследованиях. Например, А. Шиойа (Akifumi Shioya) в контексте вопроса, связанного с управлением водой Амударьи, подробно рассматривает исторические события, происходившие до начала восстания 1916 года. Эти исторические события подробно представлены в свете разногласий по поводу ирригационной концессии между Россией и Хивой в 1913-1914 г[43].

Узбекистанский ученый У. Абдирасулов в своей научной статье «Конфликт как ресурс: анатомия «туркменских беспорядков» в Хорезме, 1914-1916 гг.», соглашаясь с мнением А. Шиойа (Akifumi Shioya[44]), отмечает, что «попытки объяснения конфликта влиянием извне означают игнорирование местного социально-экономического контекста, политической культуры и практик межгруппового военно-политического противостояния»[45]. Данная статья У. Абдирасулова посвящена изучению событий, которые были связаны с вооруженными выступлениями туркменских родов Хивинского ханства против действующих властей.

Естественно, всякая история имеет свою предысторию, и в случае с восстанием 1916 года, согласно мнению Ульфата Абдирасулова, на него повлияло внутреннее социальное противоречие среди населения Хивинском ханстве 1916 году. Автор указывает на то, что «преследуя собственные групповые интересы, туркменские лидеры, представители колониальной администрации, придворные группировки в Хорезме и российско-хивинские финансово-промышленные круги формировали альянсы, подрывающие сложившиеся механизмы поддержания политического равновесия»[46]. Уже «к осени 1915 г. в ханстве сложились три альтернативных центра власти, в лице Баккалова, Колосовского и Джунаид-хана. Власть хана как законного правителя Хивы была окончательно скомпрометирована, но никакого другого механизма координации притязаний конфликтующих групп интересов не было создано. Начальник Амударьинского отдела из гаранта власти законного правителя превратился в одного из заинтересованных игроков – азартного и корыстного. В надежде добиться наиболее выгодных для себя условий, все ключевые игроки продолжали предпринимать активные действия, постоянно повышая ставки. Степень нестабильности в маленьком государстве достигла критической точки»[47]. Если исходить из той предпосылки, что социально-политическая ситуация государства непосредственно определяет общее положение населения, безусловно, указанные У.

Shioya A. «Who should manage the water of the Amu-Darya? Controversy over irrigation concessions between Russia and Khiva, 1913-1914». *Explorations in the social history of modern Central Asia (19thearly 20th century*). Ed. by P. Sartori. Leiden-Boston, 2013.

Shioya A. «Irrigation Policy of the Khanate of Khiva Regarding the Lawzan Canal, 1830–1873». *Area Studies Tsukuba,* vol. 32, 2011, cc. 124-129.

Абдурасулов У. «Конфликт как ресурс: Анатомия «туркменских беспорядков» в Хорезме, 19141916 гг». *Ab Imperio,* №3, 2018, с. 147.

Абдурасулов У., с. 143.

Абдурасулов У., с. 170.

Абдирасуловым обстоятельства прямым образом повлияли на начало восстания 1916 года.

конце, вместо заключения хотелось бы отметить, что только на базе извлеченных из разных зарубежных источников ценных сведений можно описать сравнительно полноценную историю восстания народов Центральной Азии в 1916 году. Как раз этим и обусловливается большая значимость зарубежной литературы в исследовании истории восстаний 1916 года в низовьях Амударьи.

Таким образом, из краткого и неполного обзора историографии проблемы заметно, что история восстания 1916 года в низовьях Амударьи, хотя и получила некоторое освещение в различных аспектах, но специально не разрабатывалась. Это и определило задачу проведения настоящего исследования.

Восстание на левобережье Амударьи: социально-экономический аспект

Нищенская жизнь народов левобережья Амударьи усугубилась с началом Первой мировой войны. В годы войны ухудшение ирригационных отношений в Хивинском ханстве, усиление налоговой тяжести стали одной из главных причин проявления восстания в Ходжейлийском бекстве.

Дехкане не могли использовать принадлежащие им земли. Эти земли едва покрывали долги, занятые ими у собственников. Хивинский хан в целях увеличения государственных владений превращал в собственность государства те земли дехкан, которые вследствие наводнений превращались в леса. Хивинский хан не задумывался создании оросительных систем для освоения целинных земель и переселения туда дехкан. Лишившиеся земель дехкане были вынуждены становиться наемниками, пайщиками и искать любую работу.

Подорожания 1915 года, различные налоги и другие платежи экономически душили дехкан. В 1915 году царская Россия ввела налог на табак дополнительно к другим многочисленным видам налогов. Хотя налоги на табак существовали тогда во многих странах мира, в том числе, и в самой Российской империи, однако для местного населения это было нововведением. Налог взимался любыми средствами. Почти вся администрация была причастна к сбору налогов, ибо все сборщики налогов не получали определенного содержания от хана и «жили исключительно на те средства, какие удавалось ей добыть с населения сверх установленных норм»[48].

1916-1917 гг. в Хивинском ханстве насчитывались 24 вида легальных и 70 нелегальных видов налогов[49].

Пайщики, кроме государственных налогов и платежей, выплачивали владельцам земель «подарки» в денежной и вещественной форме. Например, пайщики, пользующиеся землями в Ходжейлийском бекстве у крупного землевладельца

Иванов П. П. *Очерки истории каракалпаков.* Москва-Ленинград: МИКК, 1935, с. 55.

Камалов С. *Қарақалпақлардыў халық болып қәлиплесиўи ҳәм оныў мәмлекетлигиниў тарийхынан.* Нөкис, 2001, с. 46.

Мадамина торе, вынуждены были выплачивать ему, кроме ежегодной доли от производства, дополнительно еще и около 1000 манатов.

Ухудшение земельно-водных отношений в Хивинском ханстве, возрастание налогов и различных поборов, бесправие простых каракалпаков, узбеков, казахов и туркменов привели к восстанию 1916 года. При всем этом, одной из главных причин народного выступления послужил периодический увоз девушек в ханский гарем Асфандияра. Он был сыном Мухаммада Рахимхана (Ферузшаха). В 1910 году после смерти Мухаммада Рахимхана на престол сел его сын – Асфандияр. Но он не пошел по стопам отца – покровителя просвещения и науки. Его больше интересовали светские развлечения[50]. В те времена были специально украшенные кареты Асфандияр хана, среди народа эти кареты назывались *«мңгадак арава»*[51], на этих каретах увозили девушек в ханский гарем.

Хиве наряду с дворцовым комплексом Куня-арк в Ичан-кале имеется еще один дворец – Тошховли («Каменный двор»). Раньше он состоял из трех дворов, гарема, судебного двора, приемного зала и пяти айванов. Сегодня можно посмотреть оставшийся в сохранности двор гарема. При входе во двор гарема взору открывается прямоугольное пространство, с левой стороны которого можно увидеть пять очень красивых айванов, в которых находились жилые помещения.

В первом из айванов часто жил сам хан, в остальных четырех его законные четыре жены. Прямо напротив айванов, под самым пеклом, летом находились помещения для наложниц и служанок.

Армин Вамбери, венгерский путешественник, так описывает ситуацию гарема Хивы в XIX веке: «Гарем здесь совсем не то, что при турецком или персидском дворе. Количество женщин ограничено, напрочь отсутствует феерический колорит гаремной жизни, все сводится к строгим правилам невинности и традиционности, и этим отличается Хивинский гарем от всех среди восточных дворцов. Законных жен у нынешнего хана только две, хотя Коран разрешает их четыре. Законы целомудрия требуют проводить большую часть дня в гареме, причем на макияж и туалет уделяется относительно мало времени, так как, следуя традициям, одежда, ковры и прочие вещи, которыми пользуется правитель, если не все, то большая их часть, должны быть сделаны руками его жены. Это сильно напоминает об обычае старопатриархального образа жизни, который Туркестан, несмотря на свою суровость, все-таки сохранил в каких-то проявлениях.

Прогулки и выходы в город жена правителя Хивы совершает только к дворцам, которые находятся рядом с гаремом, не верхом на лошадях, а в богато украшенной красными коврами и занавешенными платками закрытой карете. Перед каретой и позади, идут всадники с белыми шестами. На их пути благовидно все встают и приветствуют в глубоком поклоне: смелый взгляд внутрь кареты не смеет сделать никто; при таком тщательном сооружении это и так бы никому не удалось. Но такой

---

[50] Рахимов Ж. *Использование архивных материалов при изучении истории Узбекистана.* Ташкент: Узбекистон, 1996, сс. 47-48.

Абдусодик Х., с. 22.

поступок не только по отношению к жене правителя, но и к жене одного из его чиновников, может привести к смерти»[52].

Такова была традиция ханского гарема в Хиве, и она существенно изменилась при Асфандияре. В начале XX века Хивинский хан Асфандияр ввел «девичий налог», начал насильно забирать к себе в гарем невинных дочерей простого населения[53]. Все это изо дня в день увеличивало гнев народа против Хивинского ханства и его устоев. Отправной точкой восстания 1916 года, в левобережье Амударьи, по нашему мнению, был данный поступок Асфандияр хана. Наряду с этими событиями сановники хана и туркмены йомуты принудительным образом забирали в жены красивых девушек в Кипчакском, Шуманайском, Кунградском и Ходжейлийском бекствах. Все эти события еще больше усиливали народное недовольство.

По различным подсчетам в начале XX в. в подданстве хивинского хана находилось порядка 30 000 кибиток (150 000 человек) туркменского населения, составлявшего едва ли не треть всего населения ханства. При этом ни в политическом, ни в хозяйственном, ни тем более в идеологическом отношении туркмены (йомут, чоудор, имрели, кара-йилгынлы, карадашлы, ата и другие племена) не представляли собой гомогенной группы. Самым многочисленным племенем являлись йомуты, составлявшие более половины всего туркменского населения ханства. Они были главной боевой силой хивинских ханов в предшествующий период, именно они оказали наиболее упорное сопротивление российским войскам при завоевании ханства. Наряду с делением на кланы, они подразделялись и по географическому признаку – на верхних йомутов (yūqārī yāmūt), группировавшихся в районах Тахта и Газавата, и приозерных, или нижних йомутов (kullī yāmūt)[54].

Одной из особенностей туркмен можно назвать отсутствие наследственной аристократии, так называемой «белой кости». Позиции лидера рода, клана или колена отнюдь не были устойчивыми и определенными. Его авторитет постоянно сталкивался с различного рода вызовами и давлением со стороны, как членов собственной группы, так и соперничающих кланов. В результате лидеры, утратившие авторитет в своем родовом подразделении, теряли и свою власть над ним. Поэтому успех того или иного туркменского лидера зависел от его способности реагировать на новые вызовы, как со стороны соперничающих кланов, так и сановников в Хиве. Любые попытки ущемления интересов лидера клана, реальные или символические, требовали немедленного принятия ответных действий. Чаще всего ими становились нападения на близлежащие селения, торговые караваны. Нападения могли совершаться не ради наживы, а с целью передачи символического послания

Вамбери А. *Путешествие по Средней Азии*. Москва, 2003, с. 77.

Первоначально, сановники Асфандияр хана планировали забрать красивых девушек у аталыков. Это в свою очередь усилило бы противостояние класса имущих хану. Впоследствии, сановники поручили каракалпакским бекам собрать с территории левобережья Амударьи 40 девушек. Из полевых дневников Тореева А. 1963 г.

Абдурасулов У., с. 156.

оппонентам: требования прислушаться к своему мнению и побудить к переговорам, либо еще раз продемонстрировать собственное доминирование[55].

Во время демонстрации собственного доминирования туркменских лидеров больше всего страдало простое население как каракалпаков, так и туркмен. Поэтому среди возмущенных повстанцев можно было встретить многочисленных туркмен.

Возмущенный народ начал восстание против Хивинского хана в январе 1916 года. В Кунградском, Шуманайском, Ходжейлийском, Кипчакско-Мангитском бекствах движение приобрело открытый характер. 8 января 1916 года городское и сельское население начало совместное восстание в Ходжейли. Это повлияло на начало мятежа в бекстве Порсы и в других местностях. Ходжейлийские повстанцы потребовали у бека Ходжейли Авезжана ходжи и аксакалов возглавить их движение в Хиву. Вместе с тем были выдвинуты требования защитить народ от насилия и жестокости хивинского хана, его сановников и туркменских йомутов. Так как туркмены йомуты часто совершали набеги и отбирали плодородные земли у местных дехкан.

Причиной такого резкого подъема было недовольство населения города, связанное с недавним увозом девушек из Ходжейли в ханский гарем. Народ стал волноваться, тем более ходили слухи, что туркмены йомуты хотят похитить еще несколько женщин[56]. Повстанцы поставили перед собой цель: свергнуть Хивинского хана и прекратить произвол туркменских разбойников.

Испугавшиеся повстанцев сановники давали ложные обещания выполнить все требования народа. В свою очередь, оповещенный о народном восстании Хивинский хан срочно отправил в Ходжейли своего есаула. Тот совместно с правящими кругами Ходжейли приложил совместные усилия для подавления восстания. Но эти усилия не дали никаких результатов.

Почти все слои каракалпакского, узбекского, казахского и туркменского населения города Ходжейли и его окрестностей участвовали в этом восстании. Повстанцы двинулись в Хиву и по дороге к ним присоединились люди из других бекств.

14 января 1916 года мятежники города Ходжейли в составе 500-600 человек во главе с Авезджаном ходжа направились в Хиву. Поток повстанцев в сторону Хивы встревожил русскую администрацию, которая поддерживала хана. В это время Асфандияр хан начинал тесно сотрудничать с начальником хивинского гарнизона полковником Колосовским.

Царская власть несколько раз пыталась остановить движение. Ее представители предупредили повстанцев, чтобы они разошлись. Но мятежники вместо этого пошли к Джунаид хану, ставшему формально ханом туркмен Хивинского ханства и пожаловались о причиненных кули-йомутскими феодалами насилиях.

Однако куллинские туркмены не признавали власти Джунаид хана, поэтому он не мог предпринять меры против насилия феодалов. Джунаид хан всего лишь

Абдурасулов У., с. 157.

Борьба трудящихся Каракалпакии …, с. 115.

выделил для мятежников несколько человек в качестве проводников, готовясь тем самым к открытой борьбе с официальным Хивинским ханом Асфандияром для достижения своих целей.

17 января 1916 года, когда мятежники Ходжейли подошли к Хиве, представители Хивинского ханства и начальник Амударьинского отдела предложили им разойтись или выбрать из отряда заявителей, которые могли бы вести переговоры.

18 января, отвергнув данное предложение, восставшие продолжили путь ко двору хана, чтобы лично переговорить с ханом. Но эти попытки были сорваны солдатами царских войск.

Начальник Амударьинского отдела по дороге дважды потребовал у повстанцев, чтобы они разошлись, но они не стали слушать его требования. Восставшие 18 января дошли до Хивы и расположились в крепости Атажан торе. 18 января к мятежникам присоединяются еще около 3000 человек из простого населения[57], среди которых были узбеки, туркмены, каракалпаки и казахи. По некоторым данным, 3 февраля численность восставших достигла 10 000 человек. Некоторые из них, вооружившись ружьями, направились в сторону Хивы.

Тогда начальник Амударьинского отдела потребовал у повстанцев избрать заявителей хану, а другим разойтись по домам. Немного спустя был создан совет старейшин. Этот совет избрал представителей в составе 8 человек и решил оставить 300 вооруженных людей для защиты этих представителей, а остальных распустить. Народ отказывался отступать. 19 января ранним утром повстанцы пошли на ханский дворец. Они через воинов предъявили свои требования хану. Требования заключались следующем: во-первых, хан должен был прекратить насильно отбирать девушек у народа, а во-вторых, защитить от нападений и жестокости туркменских йомутов разбойников. В противном случае хан должен был отказаться от престола.

19-20 января 1916 года полковник Колосовский направился вместе с солдатами царской армии в сторону повстанцев и окружив их, задержал главарей, а остальным приказал разойтись под страхом наказания[58]. В результате восстание было подавлено, 7 человек были взяты в плен[59], руководители повстанцев – 11 мятежников – были казнены, а с населения города Ходжейли взыскана контрибуция в сумме 100 тыс. руб[60].

Так завершился первый этап восстания 1916 года на левобережье Амударьи.

Второй этап восстания относится к февралю 1916 года. Напуганные восстанием, хан и царские власти приняли некоторые меры для успокоения населения: запретили туркменским феодалам грабить население и устраивать беспорядки, сменили беков. Однако народ продолжал волноваться[61].

Напесов Г., с. 60.

Камалов С.К., 2001, с. 48.

Қарақалпақстан XIX әсирдиў екинши ярымынан XXI әсирге шекем, с. 113.

Российский государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) Ф.1396 Оп.5 Д.40 л.431.

Борьба трудящихся Каракалпакии …, с. 117.

Далее, в апреле 1916 года глава карательного отряда Царской России генерал Галкин принял решение повесить 11 человек - предводителей восстания[62]. Таким образом, руководители повстанцев были казнены в городе Ходжейли, в местности под названием «Угольный базар» - площадь перед воротами сегодняшнего хлопкоочистительного завода города Ходжейли.

Последующие поколения до сих пор хранят в своих фольклорных произведениях память о храбрости и мужестве Авезходжы и других национальных героях, защитивших честь и достоинство народа. В одном из них приводится следующее:

На каракалпакском языке	***На русском языке***
Әңезжан, Махмуджан халықтың гүли, *Молла Худайберген исенген беги,* *Он бири кеткели сынылпты гүли,* *Хожели шахриниң шайда бүлбили,* *Беглер дар астында кетти, найлеймиз*[1].	*Авезджан и Махмуджан гордость народа,* *В мулла Худайбергена верили,* *Завял цветок после ухода одиннадцати,* *Поющий соловей Ходжейли,* *Что поделаем, «беки» - на виселице.*

Почему начальник Амударьинского отдела вмешался в подавление этого восстания? В то время существовало соглашение между Хивинским ханством и царской Россией. В соответствии с ним сохранение спокойствия в ханстве было возложено на начальника Амударьинского отдела. Кроме этого, опасение того, что это восстание может охватить все территории Хивинского ханства, вынудило царскую администрацию быстро подавить его.

Таким образом, завершилось восстание, где гендерный аспект был одной из главных причин. Именно он вызвал решительные действия коренного населения города Ходжейли.

Восстание на левобережье Амударьи объективно носило освободительный характер, ибо ставило целью свержение Асфандияр хана.

После апрельских событий народы низовья Амударьи вынуждены были терпеть жестокость со стороны Хивинского хана Асфандияра и царской администрации. Но надо отметить, что насилие над женщинами было временно прекращено. Затем вышел царский указ от 25 июня 1916 года, который стал причиной восстания на правобережье Амударьи, который мы рассмотрим ниже.

Восстание в Амударьинском отделе

Восстание в Хивинском ханстве повлияло на жителей Амударьинского отдела. Движение в правобережной части Каракалпакстана имеет особенные и общие моменты с восстанием левобережной части.

Дело в том, что начавшаяся в 1914 году первая мировая война, в которой участвовала и имперская Россия, принесла ее народам большие страдания: усилился социальный и национальный гнет, неизмеримо увеличились произвол и насилие царских чиновников на окраинах империи.

Тореев А. *XIX әсирдиў ақыры – XX әсирдиў басында қарақалпақ илкеси дийханлары ҳәрекети.* Нөкис: Қарақалпақстан, 1991, с. 130.

1916 году рост национального угнетения и ненависти к войне становился повсеместным. Война ускорила процесс вызревания общенационального кризиса в стране. Восстание 1916 года, охватившее почти всю правобережную часть Каракалпакстана, стало одним из ярких проявлений кризиса.

Главными причинами восстания явились факторы социально-экономического и политического характера: усиление колониального гнета, изъятие земель, рост налогов и поборов, эксплуатация местного населения.

Однако хотелось бы подчеркнуть, что и здесь одной из главных причин восстания стал гендерный вопрос.

Непосредственным толчком к восстанию был царский указ от 25 июня 1916 года мобилизации в армию на тыловые работы «инородческого» мужского населения[63].

Согласно императорскому Указу, мобилизации подлежали порядка 450 тысяч мужчин в возрасте от 19 до 43 лет. В тот же день (25 июня 1916 года) состоялось заседание Особого совещания при военном губернаторе Туркестана по этому вопросу. 8 июля был издан приказ по Туркестанскому краю о мобилизации. Прежде всего, мобилизовались молодые мужчины (от 19 до 31 года).

Реквизированное население Средней Азии и Казахстана планировалось использовать для работ по устройству оборонительных сооружений и путей военных сообщений в районе действующей армии[64]. Также их распределяли в учреждения и предприятия, работавшие для военных нужд. Рытье окопов и траншей не было основной работой тыловых рабочих.

Между тем, местного русского населения к моменту восстания в Средней Азии было уже около трех миллионов человек (530 русских посёлков, не считая казачьих станиц), что составляло примерно пятую часть населения всего региона. Численность русских в Средней Азии к тому времени стала быстро расти, что вызывало недовольство местного населения.

В истории при соответствующих условиях одна причина может порождать несколько следствий или несколько причин могут приводить к одному следствию. В зависимости от обстановки причина вообще может или реализоваться, или остаться не развернувшейся, не раскрывшей себя. Царский указ от 25 июня 1916 года о мобилизации на тыловые работы «инородческого» мужского населения, как раз стал одной из развернувшихся, раскрывших себя, реализованных причин для восстания.

Русский царизм, испытывая жестокие удары в войне со стороны немцев, нуждался в людских кадрах в отраслях хозяйства, обслуживающих военные нужды. В такой обстановке была объявлена «реквизиция» (как выражались русские завоеватели, приравнивая своих колониальных рабов к скоту, который можно реквизировать), прямым результатом чего явилось восстание 1916 года в Средней Азии, – первый могучий удар по царизму. Таким образом, восстание вспыхнуло в ответ на «реквизицию инородцев».

Қарақалпақстан XIX әсирдиў екинши ярымынан XXI әсирге шекем, с.116.
История Казахстана. (Очерк). Алматы, 1993, с. 273.

Восстание началось с самых первых дней составления списков «реквизируемых» – с первых чисел июля. Сначала вспыхнули отдельные народные волнения по кишлакам, в волостях и городах, переходящие впоследствии в разрозненные бунты: у местной администрации отнимались и уничтожались списки призываемых.

Следует учитывать, что «туземное» население ранее не отбывало воинскую повинность, и потому трудовая мобилизация стала шоком для «туземцев». Слухи о подготовке мобилизации туземцев, причем не на работы, а на фронт, циркулировали еще с начала июня[65].

На тыловые работы предполагалось призвать 8% туземного населения. Местная администрация не осознавала моральную и фактическую тяжесть внезапного призыва, особенно в разгар летних сельскохозяйственных и заготовительных работ. При этом не разъяснялось, на какие работы будут посылаться призванные, кто мог быть освобожден от призыва. Все это способствовало циркуляции кривотолков и страхов, приведших к волнениям в среде туземного населения.

Необходимо отметить, что изначально категория лиц, не подлежавших призыву, была довольно обширной. От призыва освобождались дворяне, представители «туземной» (нерусской) администрации, духовенство, учителя и учащиеся средних и высших учебных заведений (в целях продолжения политики русификации, так как она была следующим направлением колониальных изменений), переводчики, писари, выборные лица, государственные служащие, табунщики и погонщики скота, нанятого по военно-конской повинности[66].

Сложности и недовольства начались при составлении посемейных списков, когда невозможно было точно определить возраст призываемых, а представители зажиточных слоев населения всеми способами стремились уклониться от призыва и избавить от него заодно и своих родственников, что вызывало недовольство бедноты. Фактически в списки включались только те, кто не мог заплатить взятку. Крестьяне-бедняки просили местную администрацию учесть их положение и освободить от мобилизации на тыловые работы. Но администрация относилась к таким заявлениям без внимания. Почти сразу повсеместно распространился слух о том, что призыв будет производиться на фронт, где мобилизуемых заставят рыть окопы между двумя противоборствующими армиями и всех перебьют.

Местная власть проявила себя с худшей стороны. Запись возрастов велась произвольно, не было дифференцированного подхода к срокам призыва в зависимости от дальности расстояния до сборного пункта. Положения указа не были разъяснены населению. Прошел слух, что указ вообще является выдумкой местного начальства, а полуграмотные переводчики действительно давали повод считать, что готовится мобилизация на фронт[67].

Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф.1292 Оп.1 Д.1933 л.1.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, сс. 28-29.

«К истории восстания киргиз в 1916 г». *Красный архив. Исторический журнал,* № 3 (16), Москва-Ленинград, 1926, с. 62.

Постепенно туземное население стало переходить от пассивного к активному протесту, первоначально выразившемуся в требованиях выдачи посемейных списков или попытках их уничтожения. В этих акциях участвовали огромные толпы местных женщин.

Таким образом, недовольное население стало устраивать митинги протеста против набора на тыловые работы. Участие в митингах способствовало объединению народа в борьбе против угнетателей. Волнение оживилось во второй половине июля 1916 года по всем волостям Амударьинского отдела.

Местное население, доведенное до отчаяния жестоким Указом царя и несправедливыми методами его исполнения на местах, бедняки, вооруженные, чем попало, бросились на представителей царской власти: волостных управителей, аульных старейшин, полицейских, чиновников. Женщины с криками: «Не дадим своих мужей и сыновей!» - расправлялись с ними. Они поджигали канцелярии и дома волостных управителей, аульных старейшин, уничтожали делопроизводство и списки мобилизованных, наивно полагая, что таким путем избавятся от набора на тыловые работы.

Восстание народа в Амударьинском отделе против гнета Российского царизма и местных эксплуататоров началось с волнения женщин Турткульской волости и города Турткуль.

24 июля 1916 года женщины Сахтианского общества Турткульской волости потребовали от волостного управителя Казакбая Абдукаримбаева список тыловых рабочих и освобождения от мобилизации своих мужей и сыновей[68]. При этом, как гласит архивный документ, толпа женщин «нанесла ему оскорбление действием, а одна из них дважды ударила его палкой по рукам, после чего волостные джигиты разогнали женщин»[69].

25 июля около 150 женщин Ходжаерского общества направились в Шурахан, для того чтобы предъявить недовольство по поводу мобилизации мужчин. В тот же день 200-300 женщин прибыли с детьми в Турткуль и напали на военнослужащих с криками: «Не дадим своих мужей и сыновей!». Солдаты царской армии разогнали восставших женщин, арестовав некоторых из них[70].

Одну за другой восстание охватывало волости Шураханского участка Амударьинского отдела. Опасаясь массового волнения женщин, временно исполнявший обязанности начальника Амударьинского отдела Мирецкий вынужден был послать телеграмму тому самому полковнику Колосовскому, находившемуся в тот момент в Хивинском ханстве. Мирецкий сообщал, что «назначение рабочих сходами пока не закончено. Замечается недовольство реквизицией со стороны женщин, дошедшее до угроз Турткульскому волостному управителю»[71].

Камалов С., 2001, с. 49.

Борьба трудящихся Каракалпакии…, с. 120.

Досумов Я. М., с. 64.

Борьба трудящихся Каракалпакии …, с. 121.

29 июля 1916 года более 1000 человек Сарыбийской волости, вооружившись чем попало, шли в канцелярию волостного управителя. Надо отметить, что значительную часть повстанцев составляли женщины. Они требовали отмены мобилизации. Во время столкновения мятежников с представителями власти были убитые и раненые.

Восстание жителей Сарыбийской волости на этом не закончилось. Они направились в Турткуль, чтобы предъявить свои требования начальнику Амударьинского отдела и заявить об отказе выполнять тыловые работы. В это время восставших известили о том, что едут солдаты для подавления восстания, после чего повстанцы были вынуждены разойтись. Так закончилось июльское восстание в Сарыбие.

Среди участников восстания особую активность проявила женщина, имя которой Ауез Тоты Оразбейгамова – сохранилось до наших дней в народной памяти как активной участницы восстания[72].

Восстания народа против набора на тыловые работы имели место и в Минбулакской, Тамдынской, Бийбазарской волостях Шураханского участка. И в каждой выступавшей толпе было много женщин.

Так, например, 27 июля 1916 года около 100 человек из аулов Колдаулы, Кепе и других собрались в канцелярии Бесжабской волости Чимбайского участка и просили исключить их из списков на тыловые работы. Но волостной отказал им. Заявители готовы были затеять драку. В дело вмешались старшины, уважаемые люди населенного участка и недовольные люди разошлись по домам. 28-29 июля 1916 года были мятежи в Жангабазарской, Нукусской волостях. 29 июля началось волнение жителей кварталов «Кокши кала», «Арбашы ауыл» города Чимбая. Таким образом, произошло объединение сил восставшего города и аулов.

Вооружившись случайными предметами, жители Чимбайского участка, среди которых находились женщины и дети, направились к канцелярии пристава. В рапорте начальника отдела в августе 1916 года рассказывалось о дальнейшем ходе событии: «Вскоре после того, из городской улицы, вход которой был на площадь и находился всего в 50-60 шагах от ворот участкового управления, неожиданно появилась плотная толпа каракалпаков… по определению очевидцев, численностью до 1000 человек, впереди… бежало 200-300 старух, вооруженных палками, сзади следовали мужчины всех возрастов. Остановленная у ворот переводчиком и 2-3 полицейскими джигитами, толпа наотрез отказалась расходиться и заявила, что имеет просьбу к приставу»[73].

Полицейский пристав велел разогнать людей и оставить нескольких уполномоченных. Выслушав их требования, он ответил отказом. Тогда возмущенные люди стали бросать кирпичи в окна канцелярии. Женщины кричали: «Не дадим сыновей, лучше убейте нас!», а после того, как пристав ранил из огнестрельного оружия одного из восставших группы земледельца Алламурата Бекниязова, разрушили их квартиру, сожгли списки и другие документы, а также портреты царя и наследника.

Борьба трудящихся Каракалпакии..., с. 122.

Борьба трудящихся Каракалпакии..., с.125.

Испугавшийся пристав Микельджанянц убежал через окно канцелярии, но его догнали и убили. В то же время восставшие, особенно женщины, всячески охраняли пятилетнюю дочь Микельджанянца. Женщины кричали: «Мы сами будем воспитывать эту девочку!». Это событие в истории каракалпаков осталось под названием «год смерти Ояза»[74] (Ояз - так называло местное население начальника участка).

Чтобы распустить бунтовщиков, представители вышестоящей страты, испугавшись жестокого наказания со стороны царских представителей, распространили слух о том, что приехали солдаты, и будут жестоко наказывать участников восстания.

ходе восстания в Чимбае многие из обычного населения показали себя активными руководителями и организаторами народного движения, такие как бывший ссыльный Джуман Мамбеткулов, а также Шамурат, фамилия неизвестна, Сагатбаев, Бекназар Искендеров и другие. Среди женщин - Салима Шалимова, Гульзада Тангирбергенова, Айгуль Мамбетова, Ымсын Акшаева, Латийпа Ахметова, Жумагул, Арзыгул, Гулбийби, Сарыгул, Хатийша, Ханша, Разия, Жипек, Шазада, Сарыкыз, Генжебийке, Каракыз, Назийра и другие. Вышеназванные люди были отмечены в списке царской администрации как активные участники восстания[75]. Как видно из перечня, среди организаторов было большое количество женщин.

Царская власть жестоко подавила народное восстание в Чимбае. На тыловые работы из Амударьинского отдела было отправлено 3 тысячи человек[76]. Начальник Амударьинского отдела В.П. Колосовский в рапорте от 6 августа сообщал военному губернатору Сырдарьинской области: «Позволяю себе вновь просить Ваше Превосходительство о строгом и скорейшем наказании виновников Чимбайского события, так как только в таком случае можно надеяться на восстановление нормального порядка в ближайшем будущем и ожидать благоприятный исход предстоящего набора коренного населения для нужд армии»[77].

Военный губернатор Сырдарьинской области отдал в распоряжение начальника Амударьинского отдела всех солдат, находившихся в отделе и в Хиве. Местной администрации предоставлялись неограниченные права. Все это делалось для того, чтобы поскорее покончить с восстанием и жестоко наказать его виновников. В Чимбайский участок направился сам начальник Амударьинского отдела. Были арестованы 103 участника восстания, в том числе, 18 женщин, все они были брошены

Чимбайскую тюрьму, а затем отправлены на телегах в Турткульскую тюрьму. Часть руководителей восстания была приговорена к смертной казни через повешение, а остальные осуждены на различные сроки тюремного заключения и ссылку в Сибирь. Но эти жестокие меры еще более озлобили народ, поэтому царская администрация

Тореев А., 1991, с.134.

Қарақалпақстан XIX әсирдиў екинши ярымынан XXI әсирге шекем, с.121.

Камалов С.К. «Город Чимбай – административный, политический и культурный центр Правобережной дельты Амударьи в XIX – нач. XX вв». *Тезисы докладов научно-практической конференции «Шахтемир – Чимбай»*. Нукус, 1995, с.11.

Камалов С.К., 1995, с.12.

была вынуждена изменить решение суда. Приговор был отменен, все обвиняемые остались в Турткульской тюрьме.

С осени 1916 года начали осуществлять указ царя о наборе людей на тыловые работы. В связи с этим создавались специальные «туземные комитеты», куда входили представители местной администрации и богатый слой коренного населения. В функцию комитетов входило разъяснение народу сущности тыловых работ. Теперь уже от каждых 7 хозяйств брали на тыловые работы по одному человеку. Тому, кто отправлялся на тыловые работы от 7 хозяйств, полагалось по 100 рублей с каждого хозяйства. Из причитающейся суммы волостные управители давали наемнику лишь половину суммы, а остальное оставляли у себя. Эти и другие факторы при наборе людей на тыловые работы обострили положение.

Начиная с сентября 1916 года, в некоторых волостях Чимбайского участка Амударьинского отдела недовольство народа реквизицией вновь стало переходить в открытое выступление. Острый характер приняло волнение в Даукаринской волости. Здесь 7 сентября жители избили волостного правителя Косалы Кеулимжаева и забрали его печать. Но и это волнение было жестоко подавлено. После бунта в Даукаринской волости волнение не прекратилось. Поэтому царская администрация была вынуждена оставить карательный отряд в Чимбае для подавления народных выступлений. Особенно упорное сопротивление встретили власти в Чимбайском участке. Местная администрация прибегнула к помощи солдат. Жители Таллыкской волости убили пятидесятника. Затем группа из 70 человек направилась в дом правителя волости, чтобы расправиться с ним и не застав его, они разгромили принадлежавшее ему хозяйство.

Подобные случаи имели место и в других волостях Чимбайского участка. В результате с большим трудом 16 октября, на два дня позже намеченных сроков, первая группа рабочих, а 22 октября 1916 года. Вторая группа была посажена на баржи. По данным Алпысбая Тореева, из 5348 человек, подлежащих мобилизации по правобережному Каракалпакстану, удалось мобилизовать только 3112 человек[78]. Их мобилизовали на разные военно-тыловые работы в разных городах России.

В ноябре 1916 года национально-освободительное движение в отделе, особенно Чимбайском участке, усилилось. В Чимбайском участке возник небольшой отряд из числа людей, недовольных царизмом. Отряд оказывал сопротивление царским войскам, вынуждавшим людей ехать на тыловые работы[79]. В результате Туркестанский генерал-губернатор был вынужден изменить сроки призыва на военно-тыловые работы.

Чимбайское восстание вызвало сильные волнения на полуострове Муйнак, в Урге, Тербенбесе и других районах.

Туркестанский генерал-губернатор А. Куропаткин, признав провал осуществления мобилизаций и считая, что одной из причин восстания 1916 года была реквизиция коренных мужчин во время уборки урожая, поставил перед

Тореев А., 1967, с. 54.

ЦГА РУз Ф.907 Оп.1 Д. 545 л.11.

правительством вопрос об отсрочке исполнения царского указа по всему Туркестанскому краю до 15 сентября[80]. Одновременно Куропаткин вынужден был поставить вопрос о снижении общего числа набираемых по Туркестану рабочих с 250 тыс. до 220 тыс.[81]. По отделу количество мобилизованных тоже сокращалось[82]. Предложения туркестанского генерал-губернатора были одобрены царем.

В целом, восстание 1916 года в Амударьинском отделе было полинациональным, где наряду с каракалпаками в восстании участвовали узбеки, казахи, туркмены и представители некоторых других народов. Данное восстание являлось серьезной угрозой для царских властей. Но в тоже время выступления народа были стихийными, разрозненными, лишенными централизованного предводителя.

Особенность восстания в Амударьинском отделе заключается в том, что в нем активно участвовали женщины местного населения. На самом деле социальная активность женщин не характерна для народа низовья Амударьи, их активизация и действия в 1916 году были особенностью военного времени.

Заключение

Из всего вышесказанного следует, что народное движение в Амударьинском регионе отличается от восстания в Хивинском ханстве. Если в Хивинском ханстве восстание началось тогда, когда еще не наблюдалось массовое движение в регионе, то Амударьинском отделе восстание вспыхнуло в то время, когда народное движение охватило уже весь Туркестан.

Одной из основных причин восстаний как в Хиве, так и в Амударьинском отделе, была гендерная проблема. Гендерные факторы двух восстаний были разными: характерной особенностью восстания в правобережной части было участие женщин коренных национальностей; а на левобережной территории женщины не участвовали в восстании. Тем не менее, именно они стали основной причиной народного движения. Однако в обоих случаях именно женский вопрос стал толчком кровопролитных событий 1916 года в истории народов низовья Амударьи, а классовый момент был второстепенным по сравнению с главной задачей восстания национального и политического освобождения народа.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, с. 41.

Қарақалпақстан XIX әсирдиў екинши ярымынан XXI әсирге шекем, с. 121.

ЦГА РУзб Ф.1 Оп.31 Д.1137 лл. 160, 171.

Список источников и литературы

Абдурасулов У. «Конфликт как ресурс: Анатомия «туркменских беспорядков» в Хорезме, 1914-1916 гг». *Ab Imperio,* №3, 2018, сс.141-186.

Абдусодик Х. *Аслим, АСЛим Хҗжа эли*. Нукус: Қарақалпақстан, 2005.

Борьба трудящихся Каракалпакии против социального и колониального гнета (1873-февраль 1917 г.). Отв. ред. С.К. Камалов Ташкент: Фан, 1971.

Вамбери А. *Путешествие по Средней Азии*. Москва, 2003.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (Сборник документов). Москва, 1960.

Досумов Я. *Очерки истории Каракалпакской АССР 1917-1927*. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1960.

Есбергенов Х. *Полевые записи,* №4, 1996.

Житов К. Е., Зияев Х. З. *Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября.* Ташкент, 1973.

Иванов П. П. *Очерки истории каракалпаков.* Москва-Ленинград: МИКК, 1935.

История Казахстана. (Очерк). Алматы, 1993.

История Каракалпакской АССР (С древнейших времен до наших дней). Ташкент: Фан, 1986.

История Каракалпакской АССР. В 2-х томах. Ташкент: Фан УзССР, 1974.

«К истории восстания киргиз в 1916 г». *Красный архив. Исторический журнал*, № 3 (16), Москва-Ленинград, 1926, сс.53-75.

Камалов С. К. «Город Чимбай – административный, политический и культурный центр Правобережной дельты Амударьи в XIX – нач. XX вв». *Тезисы докладов научно-практической конференции «Шахтемир – Чимбай»*. Нукус, 1995, сс.11-12.

Камалов С. *Қарақалпақлардың халық болып қәлиплесиңи ҳәм оның мәмлекетлигиниң тарийхынан.* Нөкис, 2001.

Камалов С., Косберегенов Р., Косымбетов И. *Навеки вместе*. Нукус: Каракалпакстан, 1973.

Қарақалпақстан XIX әсирдиң екинши ярымынан XXI әсирге шекем. Нөкис: Қарақалпақстан, 2003.

Ковалев П.А. *Революционная ситуация 1915-1917 гг. и ее правление в Туркестане.* Ташкент, 1971.

Котюкова Т. «Восстание туркмен в Хивинском ханстве в 1916 г». *Вопросы истории*, №9, Москва, 2009, сс.3-18.

Манжара Д.И. *Революционное движение в Средней Азии 1905-1920 гг.* Ташкент, 1934.

Материалы о восстании 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Москва: Изд. АН СССР, 1960.

Муравейский С. (Лопухов В.) *Очерки по истории революционного движения в Средней Азии.* Ташкент, 1926.

Непесов Г. *Из истории Хорезмской ССР*. Ташкент, 1962.

Непесов Г. *1920-1924 жыллардағы Хорезм халық совет революциясында Қарақалпақстан мийнеткешлериниң роли.* Нөкис: Қарақалпақстан, 1964.

Нурмухамедов М. К., Жданко Т. А., Камалов С. К. *Каракалпаки (Краткий очерк истории с древнейших времен до наших дней*). Ташкент: Фан, 1971.

Очерки истории Кара-Калпакской АССР. В 2-х томах. Ташкент: Наука УзССР, 1964.

Палуаниязов К. А. *Истоки рождения Республики Каракалпакстан*. Часть I. Левобережная Каракалпакия в 1917-1924 гг. Нукус: Каракалпакстан, 1992.

Рахимов Ж. *Использование архивных материалов при изучении истории Узбекистана.* Ташкент: Узбекистон, 1996.

Рыскулов Т. *Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 г*. Кызыл-Орда, 1927.

Скалов Г. «Национальный вопрос в хивинской революции». *Новый Восток*, № 6-7, 1922.

Тореев А. *XIX әсирдиң ақыры – XX әсирдиң басында қарақалпақ үлкеси дийханлары ҳәрекети*. Нөкис: Қарақалпақстан, 1991.

Тореев А. *Полевые записи*, 1963.

Турсунов Х. Т. *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. Ташкент: Госиздат УзССР, 1962.

Федоров Е. *Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент,* 1925.

Becker S. *Russia's protectorates in Central Asia Bukhara and Khiva, 1865–1924.* London, New York, 2004.

Sabol S. «The 1916 Russian-Central Asian Revolt: Its causes, consequences, and reinterpretation». *4th bi-annual conference of the International society for the First World War studies.* Washington, DC, October 18-20, 2007, pp.2-18.

Shioya A. «Who should manage the water of the Amu-Darya? Controversy over irrigation concessions between Russia and Khiva, 1913-1914». *Explorations in the social history of modern Central Asia (19th-early 20th century).* Ed. P.Sartori. Leiden-Boston, 2013. pp.111-136.

Shioya A. «Irrigation policy of the Khanate of Khiva regarding the Lawzan Canal, 1830–1873». *Area Studies Tsukuba*, vol. 32, 2011, pp.115-136.

Sokol E. D. *The revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1954.

Архивные материалы

ЦГВИА. Ф.1396 Оп.5 Д.40 л.431.

РГИА. Ф.1292 Оп.1 Д.1933 л.1.

Партийный архив Каракалпакского обкома КП Узбекистана Ф.1.Оп.155 Д.304 лл.5-12.

ЦГА РУзб. Ф. 907 Оп.1 Д. 545 л.11.

ЦГА РУзб. Ф.1 Оп.31 Д.1137 лл. 160, 171.

Ходими Джамолак: миф или реальность?

Набиджон Рахимов

Аннотация

Восстание 1916 года в Худжанде - первое крупное политическое событие, в котором участвовали женщины-таджички. Воплощением образа женщины-борца является Ходими Джамолак, о которой отсутствуют архивные данные. Её образ был героизирован в соответствии укрепляющейся советской идеологией, направленной на создание образа женщиныборца за свои права, равенство и политические права женщин.

Ключевые слова: *восстание 1916 года, участие женщин (гендерный вопрос), Ходими Джамолак, героизация образа, миф и реальность.*

Введение

Восстание 1916 года – самое крупное и значимое событие в истории народов Центральной Азии в период их колониальной истории, событие которое, по крайней мере раз в каждое десятилетие привлекало к себе внимание. Именно в канун и в дни юбилея публиковались статьи, книги или же проводились конференции и другие мероприятия, посвященные восстанию 1916 года. В 2016 году этому событию исполнилось 100 лет. В Таджикистане, в отличие от других республик столетний юбилей прошёл незаметно. Некоторые представители общественности выразили неудовлетворённость, более того было опубликовано открытое письмо писателя Зарифа Гулома Президенту Академии наук и Министру образования и науки Республики Таджикистан с критикой за такое отношение к значимому событию в истории таджикского народа. В обращении остро стоял вопрос о небходимости на правительственном уровне отмечать юбилей событий 1916 года, сыгравших очень важную роль в истории народов Средней Азии.

Однако попытки отдельных представителей таджикистанской интеллигенции не вызвали желаемый большой резонанс в стране. Вековой юбилей восстания 1916 года не стал событием государственной важности 2016 года в Таджикистане, за исключением, пожалуй, двух мероприятий: одной научной конференции и тематического раздела в журнале «Историк».

Республиканская научно-практическая конференция под широким и расплывчатым названием «Таджикистан и Россия: 150 лет стратегического партнёрства», посвященная 150-летию вхождения Худжанда в состав России и 100-летию восстания состоялась в Худжандском государственном университете имени академика Б.Г. Гафурова 27-28 декабря 2016 года[83]. В рамках этой конференции были представлены и обсуждены несколько докладов по восстанию 1916 года в Центральной Азии.

«Таджикистан и Россия: единство исторических судеб». *Материалы научно-теоретической конференции «Центральная Азия и Россия: Дружба и сотрудничество, испытанное временем», посвященное 150-летию присоединения Худжанда к России.* Худжанд, 2016.

В том же году вышел очередной номер научного журнала Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша АН Республики Таджикистан «Муаррих» (Историк), в котором были помещены три статьи, посвященные восстанию 1916 года в Средней Азии[84]. Одной из них была статья А. Гафурова с кратким историографическим обзором основных публикаций таджикских учёных, посвященных событиям 1916 года, главным образом на территории, впоследствии вошедшей в состав Таджикистана.

Как видно из историографического обзора Гафурова, ни в одной из ранее опубликованных работ не уделяется достаточно внимания гендерному аспекту – участию местных женщин в восстании 1916 года, хотя это было чрезвычайно важным событием. Впервые за столетия господства ислама на территории Средней Азии среди выступивших с протестом против власти участвовали женщины-мусульманки. И это при том, что во всех документах, где-то с акцентом, где-то вскользь, указывается высокая доля участия женщин в событиях 1916 года, тем самым подчёркивая, что этого не было в предыдущие годы и события. Например, в архивных документах о событиях в Худжанде, Аште, Ташкенте и других центрах, показаны активные действия женщин в протестных событиях 1916 года.

«Восстание Ходими Джамолак»

За более чем сто лет, прошедших со времени Восстания 1916 года, учёные как в республиках Центральной Азии, так и за её пределами многократно обращались к этому вопросу. Казалось бы, обсуждены почти все аспекты событий, кроме гендерного вопроса. Хотя проблема вполне заслуживает внимания, так как и в документах, и в работах исследователей указывается на участие женщин в восстании. Во всяком случае исследователи почти всегда рассматривают движущие силы восстания и указывают на социальные группы, классы и прослойки населения, принявшие участие в тех или иных событиях 1916 года. Так, в событиях 1916 года в Худжанде особую активность проявляли ремесленники, крестьяне, лавочники и другие слои жителей города. Об этом говорят и архивные материалы. Многочисленные документы, касающиеся судебных допросов участников восстания, свидетельствуют о том, что в нём принимали активное участие женщины[85]. Историки, исследующие события 1916 года, опираются на эти архивные материалы. В архивных документах указывается, что в дни восстания «в толпе было много женщин, подростков и детей, которые громко плакали и кричали, а женщины бросились в ноги приставу»[86]. Например, только в Аште среди 78 арестованных были 4 женщины[87].

Гафуров А. «Из истории изучения восстания 1916 года в Таджикистане». *Муаррих (Историк),* №3-4 (8), 2016, сс.15-20; Хотамов Н. «Шуриши миллию озодихохии соли 1916 дар кишвари Туркистон ва таъсири он ба аморати Бухоро». *Муаррих (Историк),* №3-4 (8), 2016, сс.34-40.

Искандаров Б.И. «Восстание 1916 г. в Ходженте и его влияние на другие районы Средней Азии». *Известия АН Тадж.ССР, ООН*, №1(47), 1967, с.15.

Кастельская З.Д. *Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане*. Москва, 1972, с.93.

История Таджикской ССР. Учебник для вузов республики. Душанбе, 1965, с.195.

Исследователи, изучавшие восстание 1916 года отмечают как одну из особенностей восстания активное участие женщин.

Так, профессор Г.Х. Хайдаров указывает, что среди собравшихся 4 июля возмущенных горожан Худжанда перед канцелярией колониальной администрации были и женщины, которые наряду с мужчинами «…ремесленниками и крестьянами пламенно демонстрировали свой гневный протест против существующего строя»[88]. По мнению учёного «особенно важно отметить, что в восстании 1916 года впервые приняли участие, притом весьма активно, женщины. Оно послужило для них большой школой политической борьбы» [89]. Как одну из важных особенностей восстания, подчеркивающей его всенародный характер, выделяют повсеместное участие в нём женщин[90].

Восстание 1916 года в Туркестане часто называют общесреднеазиатским. Действительно, восстание было вызвано опубликованием Указа императора Николая о призыве «инородческого» населения для тыловых работ и охватило большую часть среднеазиатских владений Российской империи. Однако события в разных районах Центральной Азии – Фергане, Джизаке, Ташкенте, Семиречье, Тургае – отличались друг от друга и имели свои особенности, что позволяет рассматривать их как отдельные эпизоды. Это в полной мере относится и к изучению участия женщин в восстании 1916 года.

Как известно, восстание 1916 года началось в городе Худжанде (Ходженте) Самаркандской области 4 июля 1916 года. Здесь гендерный вопрос связан с именем Бибисолехи Кобилходжаевой, известной как Ходими Джамолак.

Начало составления списков рабочих вызвало возмущение населения города. Протестующие против набора горожане собрались перед канцелярией городского пристава. В первых рядах толпы было немало женщин, которым набор угрожал потерей кормильцев и основной рабочей силы семьи. В самый кульминационный момент Ходими Джамолак начала активные действия: она выхватила оружие из рук полицейского и разбила его. Решительные действия стали сигналом к выступлению народа.

Восстание в тот же день было жестоко подавлено, но, под влиянием худжандских событий, в последующие дни начались выступления местных жителей в других частях Худжандского уезда, которые затем перекинулись в соседние области. Именно поэтому в исторической литературе Худжанд называют «колыбелью» восстания 1916 года – местом, где зародилось и откуда разрослось народное восстание Туркестанского края против русской колонизации.

В тоже время, местное население и жители Худжанда события 1916 года называют не иначе как «Восстание Ходими Джамолак», «Мятеж Ходими Джамолак»,

---

[88] Хайдаров Г. «О предпосылках восстания 1916 г. в северных районах Таджикистана». *Известия АН ТаджССР, ООН*, №1(47), 1967, с.24.

Хайдаров Г., с.24.

Турсунов Х. *Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане*. Москва, 1965, с.42.

по имени женщины, активной участницы восстания 1916 года в Худжанде[91]. Её действия, направленные против полицейского, захват оружия и призывы к согражданам стали тем самым «спусковым крючком», который вызвал взрыв возмущения толпы. Безоружная толпа, иногда с камнями и палками, вступила в схватку с полицейскими и содатами. Именно поэтому события 1916 года связывают с именем Ходими Джамолак – Бибисолехи Кобилходжаевой. Иногда про неё говорят: Ходими Джамолак – маленькая женщина, начавшая большую войну, имея ввиду последовавшие после Худжанда события в Туркестанском и Степном краях Российской империи: уже на следующий день начались волнения в соседних населённых пунктах уезда, вспыхнули восстания в Джизаке, Фергане, в районах Самаркандской области и других районах Средней Азии, к концу июля восстание охватило почти всё Туркестанское генералгубернаторство.

Начало восстания 1916 года в Худжанде

Рассматривая вопрос участия женщин в восстании 1916 года, следует исходить из того, что до сих пор специального исследования по этой проблеме не было. Это касается и непосредственно событий 1916 года в Худжанде.

Выше нами было отмечено, что согласно архивным документам среди восставших было немало и женщин. Но наиболее ярким эпизодом, свидетельствующим об этом, являются действия худжандки Бибисолехи Кобилходжаевой, известной среди жителей Худжанда как Ходими Джамолак.

Вопрос связан с начальным эпизодом восстания 1916 года в Худжанде. В таджикской историографии советского периода этому событию уделено достаточное внимание, чего нельзя отрицать, хотя и возникает немало противоречивых мнений.

В своём Докладе военный губернатор Самаркандской области Н.С. Лыкошин дал подробное описание событий, связанных с восстанием, представил их хронологию, а также свои выводы и заключение о причинах восстания. Он отмечает, что, получив телеграмму о наряде рабочих согласно Указа от 25 июня 1916 года, сразу же распорядился о безотлагательном составлении списков местных мужчин. Распоряжение было передано должностным лицам для исполнения и сразу же вызвало недовольство. Даже временное приостановление составления списков 2 июля не остановило рост волнений. Согласно докладу Н.С.Лыкошина, 4 июля 1916 года эти волнения в Худжанде вылились «…в форму открытого восстания против русского правительства»[92].

События в Худжанде, явившиеся началом общенародного восстания во всём Туркестанском крае, в описании Н.С. Лыкошина даны очень кратко. Он пишет: «4 июля в городе Ходженте толпа туземцев собралась у квартиры городского пристава и

---

91 «Восстание таджикской женщины против царской России». https://rus.ozodi.org/a/27862964. html. Просмотрено 14.08.2019.

Восстание 1916 года в Средней Азии. (Сборник документов). Подг. Ф. Божко, С. Волин, ред. П.Г. Галузо. Ташкент: Госиздат, 1932, с.13.

произвела буйство, для прекращения которого (без вызова администрации) явились нижние чины, произвели несколько выстрелов в толпу и толпа рассеялась»[93].

Благодаря исследованиям, основанным на архивных материалах, восстановлена хронология событий 4 июля – дня, который считается общепризнанной датой начала восстания, а цепь событий – от скопления толпы у дома старосты Калаинавской части Худжанда до требований уничтожить составленные списки рабочих, подготавливаемых для отправки и начала стрельбы солдат по безоружной толпе худжандцев – стала хрестоматийной как для школьных учебников по истории, так и для фундаментальных академических изданий[94].

Центральное место в описании этих событий отводится Ходими Джамолак. В последней по времени публикации, т.е. новейшем издании академической «Истории таджикского народа» (Душанбе, 2010)[95] начало восстания представлено очень подробно на стр. 804-808 и 816-831. В 10-й главе, посвященной восстанию 1916 года в Худжанде, отмечается, что толпа, собравшаяся у канцелярии уездного начальника, несмотря на уговоры и угрозы, не расходилась. Староста города Мирзабаходур стал стрелять в толпу. В это время к городовому подошла женщина по имени Ходим Джамолак, выхватила у него шашку и сломала её («неожиданно старуха Ходим Джамолак выхватила у старшего полицейского Полюцкого саблю и сломала её»). Народ начал бить полицейских и чиновников камнями и палками[96]. Далее в тексте дается краткая информация об этой женщине, что была она «из бедняцкой семьи и отличалась большой смелостью и решительностью»: Бибисолеха Кобилходжаева, которую звали Ходим Джамолак, была женой бедного ремесленника, который умер и оставил сына. Единственного сына Абдукарима она воспитала сама, и он был мобилизован в 1916 году на тыловые работы[97].

Это описание начала восстания в Худжанде переходит из одной статьи в другую, из книги в книгу. В советское время, особенно в 60-80-ые годы XX века, образ Бибисолехи Кобилходжаевой (Ходими Джамолак) стал символом героизма таджикской женщины, вставшей на путь борьбы за права женщин Центральной Азии. Вплоть до своей смерти в 1942 году Кобилходжаева находилась в списке Городского исполнительного комитета Худжанда (г. Ленинабад с 1936 до 1990 гг.), в числе почётных и уважаемых горожан. И сейчас Ходими Джамолак (Кобилходжаева Бисолеха) – самое известное лицо из числа восставших Худжанда. Её именем назван один переулок в старой части города Худжанда (пер. Ходими Джамолак); в Историческом музее Согдийской области есть уголок Ходими Джамолак (Кобилходжаева Бисолеха, краткая информация и фото). Имя Ходими Джамолак звучит во всех речах чиновников в дни праздничных дат или мероприятий, связанных

Восстание 1916 года в Средней Азии. (*Сборник документов*), с.13.

Напр.: *История Таджикской ССР*, 1965, сс.194-195. *История Таджикской ССР*. (*Учебник для вузов*). Ред. Б.А. Антоненко. Душанбе, 1983, сс.144-145.

История таджикского народа. В 6-ти томах. Т.4. Позднее средневековье и новое время (XVI- 1917). Душанбе, 2010, с. 1124.

История таджикского народа, т.4, с.807.

История таджикского народа, т.4, с.821.

с женщинами. В 1986 году, в дни празднования 2500-летия Худжанда, была создана аллея героев Худжанда, где одним из первых был установлен бронзовый бюст Кобилходжаевой Бибисолехи (Ходими Джамолак).

При всём этом, нет официальных документов, подтверждающих статус Ходими Джамолак, а в последнее время угасает и интерес к её образу. В связи с этим возникает вопрос: насколько образ героини Ходими Джамолак соответствует реальной Бибисолехи Кобилходжаевой?

Начало протестных выступлений в г. Худжанде отражено в нескольких архивных материалах: в докладе Ходженского уездного начальника подполковника Н.Б. Рубаха, рапорте самаркандского военного губернатора генераллейтенанта Н.С. Лыкошина, в рапорте Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина и нескольких других. Несмотря на различие авторов, объёма, даты и уровня, содержание этих документов близко друг другу. Сохранившиеся тексты позволяют рассмотреть их полностью и сравнить документы.

Сразу же в день восстания, 4 июля 1916 года начальник Ходжентского уезда полковник Рубах отправил срочную депешу военному губернатору Самаркандской области Н.С.Лыкошину. Н.Б. Рубах сообщал: «Сегодня в канцелярии пристава собралась огромная толпа туземцев, недовольная реквизицией труда. Буйствовали, напали на полицейских. Предварительное ознакомление, уговоры не действовали»[98].

Военный губернатор Самаркандской области Н.С. Лыкошин, на основе депеши Ходжентского уездного начальника, сообщает генерал-губернатору Туркестана М.Р. Ерофееву, что толпа недовольных худжандцев напала на полицейских и попыталась завладеть оружием. В документе сообщается, что «... дежурные части команды произвели пятнадцать выстрелов в толпу; убито два, ранен один. Толпа разошлась, приняты все меры водворения порядка. Сообщил прокурору и командировал помощника моего для производства расследования и принятия соответствующих мер»[17].

Выступление жителей Худжанда (Ходжента в документах того периода) привело замешательство всю систему колониального управления. В тот же день Ерофеев отправил военному министру телеграмму, в которой говорилось: «Самаркандский губернатор доносит, что 4 июля в Ходженте у канцелярии пристава собралась огромная толпа туземцев, недовольная реквизицией рабочих согласно Высочайшего повеления 25 июня, буйствуя, напала на полицейских. Уговоры не действовали, подоспевшая дежурная команда после того, как у одного нижнего чина туземцы хотели отобрать ружье, произвела пятнадцать выстрелов в толпу, убито два, ранен один, после этого толпа разошлась. Приняты все меры по водворению порядка, производится расследование»[99].

---

[98] *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. (*Сборник документов*). Москва, 1960, с.103. [17] «Док.№16. Доклад Самаркандского военного губернатора Лыкошина». *Восстание 1916 года в Средней Азии*, 1960.

[99] ЦГА РУ Ф.1 Оп.32 Д.387 л.6.

В событиях, произошедших в Худжанде было сообщено и самому императору России. Начальник Ходжентского уезда Н.Б. Рубах, отправил императору Николаю II рапорт, в котором изложил произошедшее и причины применения оружия. По его версии, толпа оказала сопротивление полицейским. Более того,Н.Б. Рубах указывает, что « ... со стороны толпы раздался выстрел, вследствие чего эти нижние чины и часть остальных той же команды, рассыпанная по валу крепости, открыли стрельбу по толпе, сделав 16 выстрелов, последствием которых оказалось 2 убитых и 1 раненый; все трое туземцы»[100].

В своём обширном хронологическом описании этих событий Лыкошин ещё раз, но короче, пишет об этом: «4 июля в городе Ходженте, толпа туземцев собралась у квартиры городского пристава и произвела буйство, для прекращения которого (без вызова администрации явились низшие чины, произвели несколько выстрелов в толпу толпа рассеялась»[101].

Как видно, описание событий, происходивших в первый день восстания в Худжанде (Ходженте), составлено находившимся в те дни в городе полковником Н.Б. Рубахом, ничего не говорится о Ходими Джамолак, есть только упоминание, что кто-то из туземцев попытался отнять винтовку у полицейского.

5 июля 1916 года на имя Н.С.Лыкошина поступила телеграмма, в которой сообщалось: «В Ходжент командующий войсками командировал для расследования полковника Просолова. Сообщаю для сведения. Семёнов»[102]. Присланный офицер – помощник начальника Туркестанской местной бригады полковник Просолов произвёл дознание и письменно изложил своё мнение. В этом подробном докладе №53 от 10 июля 1916 г. было отмечено, что в связи с началом составления списков 4-го июля в Худжанде собралась большая толпа, в которой было много женщин и детей. Выступление народа было столь бурным, что его было слышно «... за полторы версты». Отмечается, что толпа хотела встречи с ответственными лицами и получить ответы на свои вопросы. Полковник Просолов пишет, что начальник уезда якобы уже имел распоряжение не составлять списки, однако «начальник уезда куда-то ушел, но не к толпе, все это носило характер того, как бы нежелания иметь дело с толпой». Вместо начальника уезда толпу встречал его помощник подполковник Арцишевский, неуполномоченный говорить с толпой. Он вступает в беседу по собственной инициативе и говорит: «Воля государя священна … надо исполнить».

Далее в докладе Просолова события описаны со слов прапорщика Тараненко: толпа перешла к активным действиям, прозвучали выстрелы, толпа рассеялась, на площади остались два убитых и один раненный. Но есть один интересный факт: у всех трёх пули сзади, то есть они получили пули в момент, когда бежали от крепости. В заключении доклада полковник Просолов сформулировал свой вывод: «...никакой

---

[100] «Док.№ 53. Всеподданнейший рапорт начальника Ходжентского гарнизона Н.Б.Рубаха Николаю II о событиях в г. Ходжент». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*, 1960.

[101] «Доклад Самаркандского военного губернатора Лыкошина». *Восстание 1916 года в Средней Азии*, 1932, с.13.

[102] ЦГА РУ Ф.1 Оп.32 Д.387 л.7.

подготовки к беспорядкам не было вообще и весь беспорядок есть дело неумелой, не оценившей обстановки дела администрации уезда»[103].

Смысл и содержание доклада не расходится с другими, вышеприведёнными документами, здесь тоже нет упоминаний о Ходими Джамолак как инициаторе нападений на полицейских. Но в рапорте Просолова изложение событий более детальное и развёрнутое. Так, здесь ещё раз подтверждается участие женщин в волнениях («толпа шумит, женщины, дети, стоя впереди толпы, плачут») и три раза говорится о попытках восставших отнять (вырвать) ружья у полицейских. И здесь не указаны имена активистов, в том числе, Ходими Джамолак.

Однако имена активистов названы в документах следственной комиссии. Так, в ЦГА Республики Таджикистан хранится специальный том (н/542) «Документы по восстанию 1916 года в Таджикистане», в котором подробно отражены события 4 июля: скопления недовольных горожан, захват толпой главного судьи, движение толпы в центр города, к канцелярии пристава, воссоединение людских потоков из разных частей города в его центральной части. Кроме того, из архивных материалов мы узнаём о наиболее активных участниках событий утра 4 июля в Худжанде. Так, в следственных материалах есть и имена активистов восстания. Начальник Исфанейского полицейского участка Дорофеев, который на основе приказа помощника Губернатора Самаркандской области вёл дознание, отмечает, что в бушующей толпе громче всех кричали и вели толпу Абди Мадаминов, Яхьяхон Кориолимхонов, Эшон Мирзоурунов. Именно они призывали собравшихся перед зданием уездной канцелярии людей не верить обещаниям чиновников[104] . Дорофеев указывает, что одним из вожаков толпы был ремесленник Дадабай Машарипов, который отличался «крайне безобразным поведением»[105]. Именно он бросился на городового и выхватил его шашку. Таким образом, ни в документах дознания, ни в рапорте старшего унтерофицера Кобзарева, отдавшего приказ стрелять в толпу, ни в отчёте военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина или других документов с перечислением активистов событий 4 июля в Худжанде нет упоминания женщины Ходими Джамолак или Бисолихи Кобилходжаевой.

Согласно архивным документам, активисты восстания 4 июля были сразу арестованы. Но, несмотря на принятые царскими властями меры, сопротивление жителей Худжанда набору тыловых рабочих в городе не уменьшалось. Генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, возглавлявший подавление восстания, в своём приказе от 12 сентября 1916 года писал: «Согласно заключению военного прокурорского надзора Туркестанского военно-окружного суда, основанного на данных следственного производства, таджики города Ходжента: Калаинауской части, квартал Пули-аркиш 1) Ишанхон Мирза Умаров; квартала Таги-Шатута, 2) Джура Азимбаев; квартал Кони Сурби, 3) Яхьяхан Кари Алимхонов; квартала Шерби, 4) Салиджан Кори Муминов; квартала Пахтакаш, 5) Заитбай Мир Файзиев; Разакской части части

Доклад Помощника Начальника Туркестанской местной бригады полковника Просолова. РГВИА Ф.400 Оп.19 Д.159 лл.466-468.

Документы по восстанию 1916 года в Таджикистане. ЦГА РТ. н/542, с.47.

Протокол дознания. Канцелярия Туркестанского Генерал-Губернаторства, 1916. Ф.2 Оп.31 Д.35.

квартала Пахта-каш, 6) Халикбай Казакбаев; квартала Ходжи Бикроват, 7) Магомет Шараф Абдусаматов; квартала Таги Тута, 8) Саид Ахмад Саид Носир; квартала Гази-хан Тюра. 9) Сулейман Аулцеханов и селения Ак-Таш Ходжентской волости.10) Дадабай Машарифов подлежат обвинению в том, что 4-го июля 1916 г. в городе Ходженте, состоящем в то время на положении чрезвычайной охраны, ныне на военном положении, они, согласившись между собой и с другими необнаруженными лицами, с намерением не допускать проведения в исполнение Высочайшего указа от 25-го июня 1916 г. с привлечением освобождённых от воинской обязанности инородцев Империи на тыловые работы действующей армии, подойдя толпой к канцелярии местного полицейского пристава, потребовали выдачи им посемейных списков туземцев города Ходжента, а на требование полиции разойтись – набросились на наводящих порядок чинов полиции и нижних чинов ходжентской караульной команды, бросали в них камнями, хватались за шашки, пытались вырвать винтовки и причиняли находившимся при исполнении служебных обязанностей полицейским Петру Полютскому, Фёдору Дьякову и Абдумаджиду Файзибаеву, а также рядовым ходжентской караульной команды Фатулле Хамитдулину и Михаилу Кабашеву удары и ушибы…

За означенное преступное деяние вышеупомянутые таджики, в числе 10ти человек согласно заключению военно-прокурорского надзора, предаются мною Туркестанскому военно-окружному суду».

В рассмотренных выше документах приведены имена активистов восстания, подвергшихся аресту именно за действия против полицейских и солдат. Среди арестованных нет Ходими Джамолак, не упоминается её имя, а нападали на полицейских другие участники восстания. Им же вменяются попытки вырвать винтовки, шашки у полицейских, а также причинение вреда здоровью находящимся при исполнении своих обязанностей полицейских.

В советские годы героизация действий Ходими Джамолак привела к тому, что эта женщина стала воплощением образа таджикской женщины, вставшей в первые ряды борцов против колониальной системы России. Несмотря на такую популярность, официальные и документированные сведения о биографии Ходими Джамолак не сохранились. В связи с этим встаёт вопрос о реальности личности или собирательном образе Ходими Джамолак.

Ходими Джамолак: миф или реальность?

Как было отмечено выше, ни в одном архивном документе активной фазы ходжентского восстания и следственной комиссии по расследованию событий 4 июля Худжанде нет данных о женщине по имени Кобилходжаева Бибисолеха или прозвищу Ходими Джамолак. Однако о ней, как активной участнице восстания 1916 года в Худжанде, часто пишут, как в научно-популярной, так и научной литературе.

Как правило, отмечается, что женщины-таджички принимали участие в антиколониальном восстании 1916 года в Худжанде, которое затем охватило Туркестанский край. «Активными участницами восстания, - пишет Р.А.Набиева, -

являлись Бибисолеха Кобилходжаева из Ходжента, Хайринисо Мухаммедаминова, Хамропошо Камолходжаева из Ашта и многие другие»[106]. Восстание было жестоко подавлено и его участники, среди которых были и женщины, были наказаны. Так, в сборнике документов «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане» отмечается, что среди наказуемых была женщина, которой смертная казнь была заменена каторгой на 10 лет[107].

Специалист по гендерному вопросу в Таджикистане, доктор исторических наук, профессор Зикрияева М., исследуя историографию женского вопроса, отметила, что проблема участия женщин-таджичек в революционных процессах требует своего специального исследования[108]. В этом плане очень интересна история образа Ходими Джамолак, признанной всеми героической женщиной, без какого-либо документального подтверждения. Конечно, то, что до сих пор не обнаружен документ именем Кобилходжаевой Бибисолехи, ещё не повод отрицать её участие в восстании 1916 года. Возможно, имя Ходими Джамолак могло не попасть в официальные документы. Этим можно объяснить отсутствие упоминаний о Ходими Джамолак в архивных материалах, хотя её громкие призывы к активному сопротивлению набору и нападение на полицейского не должны были остаться незамеченными большинством участников восстания.

Изучение места и роли женщин в истории и в целом женский вопрос стали отдельным направлением советской исторической науки. Для Таджикистана и других республик Советской Центральной Азии главными стали вопросы раскрепощения женщин и гармоничного развития и проявления их личности.

Как показали исследования в области историографии женского вопроса в Таджикистане, за советский период истории по проблеме женского вопроса были изданы многочисленные труды, содержащие богатый материал по положению женщин Средней Азии в конце XIX начале XX вв., кампании «Худжум» (движение за снятие паранджи и раскрепощение женщин), специфическим особенностям в деятельности государственных органов, общественно-политических организаций по освобождению женщин местной национальности, роли женщин в строительстве социализма (в годы первых пятилеток), возрастанию роли женщин в народном хозяйстве и в обществе в целом и т.д.[109].

В связи с событиями июля 1916 года в Худжанде и участием в них женщин определённый интерес представляют работы о положении женщин в колониальный период.

Советская историография утверждала, что Октябрьская революция 1917 года в России принесла освобождение женщине Туркестана и Средней Азии вообще. Так, освещению вопроса социально-экономического, политического и бытового

Набиева Р. «Накши чамъиятии зан дар «Точикони» и Б.Гафуров». *Академик Бобочон Гафуров мухаккики таърих ва тамаддуни мардумони Осиёи Маркази*. Душанбе: Ирфон, 1999, с.283.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, 1960, с.76.

Зикрияева М. Ф. *Историография проблемы женщин Таджикистана*. Душанбе: Ирфон, 2001, с.71.

Зикрияева М.Ф., сс.5, 12.

положения женщин-таджичек посвящена специальная работа Р. Набиевой «Положение женщины Таджикистана до и после Великого Октября», где в частности, автор пишет следующее: «До победы Великого Октября, на протяжении многих веков, женщина-таджичка была самой угнетённой и порабощённой. Она находилась под тройным гнётом – национальным, классовым и семейно-бытовым. Невыносимые условия жизни, чудовищные законы ислама, выдача замуж девочек, не достигших половой зрелости, отсутствие медицинской помощи, вели к гибели сотен женщин»[110].

С установлением советской власти стали воплощаться программы по эмансипации женщин Средней Азии. Во всех звеньях партийных органов стали создаваться Женотделы, призванные заниматься женским вопросом.

Если в исследованиях женского вопроса того периода и документах нет имени Ходими Джамолак, то в тоже время таджикский городской фольклор времён восстания 1916 года хранит сведения об активистке восстания. Героические действия Ходими Джамолак стали известны среди населения Худжанда. О ней говорили в чайханах, на женских половинах домов, в народном фольклоре этого периода были четверостишья, описывающие героизм этой отважной женщины. Так, известны несколько рубаи и отрывки из устного народного творчества о Ходими Джамолак:

На таджикском языке	На русском языке
Ходими Чамолак мисли мард *Бар миршабхо хамла кард* *Милтики онхоро гирифт,* *Зад бар замин, шуд гард-гард.*	Ходими Джамолак, подобно мужчине, Напала на полицейских, Отняла их ружьё, Ударив о землю, разбила на части.

Есть упоминание о Ходими Джамолак и в воспоминаниях участников восстания 1916 года. Так, один из участников – Яхьёхуджа Орипов, рассказывая о событиях на площади перед крепостью, говорит, что жители города при активном участии Ходими Джамолак пришли к дому судьи и принудили его идти к канцелярии пристава[111]. Только остаётся неизвестным, видел ли Яхъёходжа женщину во время восстания или это вставка из последующих его знаний о восстании.

Джалол Ходжаев, другой участник восстания рассказывая о пребывании на площади, сообщает что даже видел, как одна женщина схватилась с полицейским и выхватила у него шашку. Полицейский хотел арестовать женщину, но испугался гнева толпы и вынужден был отступить[112].

Судя по воспоминаниям, не знал женщину по имени Ходими Джамолак и Джура Закиров, активный участника восстания, мобилизованный тыловик, в последующем

Набиева Р., с.2.

«Из воспоминаний участников восстания: Из воспоминаний Яхъёхуджа Орифова», *Известия АН ТаджССР, ООН*, №1, 1967, с.75.

«Аз ёддоштхои Чалол Хочаев.», *Известия АН ТаджССР, ООН*, №1, 1967, с.79.

один из борцов за установление Советской власти в Таджикистане[113]. Во всяком случае, вспоминая события тех дней, он не упоминает Ходими Джамолак.

Формирование образа Ходими Джамолак

Имя Ходими Джамолак неразрывно связано с событиями 1916 года в Худжанде, однако оно стало известно намного позже самих событий.

Как показали исследования в области историографии женского вопроса в Таджикистане, за начальный советский период (20 - сер. 30-х гг. XX века) истории по проблеме женского вопроса были изданы многочисленные труды, содержащие богатый материал по положению женщин Средней Азии в конце XIX – начале XX вв.[114].

В 20-ые годы XX в. имя Ходими Джамолак нигде не упоминается, что вероятно, связано с общей политико-экономической ситуацией в Таджикистане (гражданская война, национально-территориальное размежевание, образование Таджикской АССР, затем - Таджикской ССР и др.). Хотя, на наш взгляд, при проведении советской властью мероприятий по раскрепощению женщин и движении «Худжум» образ героини событий 1916 года мог быть хорошим примером, полезным для дела.

Вероятно, в это время – в первые десятилетия Советской власти революция 1917 года затмила другие события. В 20-х – начале 30-х гг. публикаций о событиях 1916 года в Худжанде почти не было и, возможно, это стало причиной забвения героизма Ходими Джамолак.

1936 году широко отмечалось 20-летие восстания 1916 года. К этому юбилею были приурочены работы, связанные с историей событий 1916 года в Худжанде. В архивах Худжанда (Ленинабад, с 1936 по 1990 гг.) и Душанбе были начаты поиски и изучение исторических документов, касающихся восстания 1916 года. Историки приступили к сбору материалов на территориях где происходили волнения, записывались устные свидетельства участников и очевидцев восстания. Впоследствии была выпущена книга «Бистсолагии шуриши соли 1916» (Душанбе, 1936).

Наиболее раннее по времени и по полноте описание событий 1916 года в Худжанде было приведено в книге Кастельской З.Д. «Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане» (первое издание – 1937 г., второе – 1972 г.). Следует отметить, что события 4 июля 1916 года описаны Кастельской З.Д. на основе подлинных архивных материалов[115].

Согласно Кастельской З.Д., утром 4 июля жители Ходжента, среди которых было много женщин и детей, потребовали прекратить составление мобилизационных списков, но получили отказ. Это привело к кровавому столкновению. Полицейские и солдаты гарнизона начали стрельбу и разогнали восставших. Несколько повстанцев

Закиров Дж. «Худжанд в революции (Воспоминания)». *Коммунистическая мысль*. Ташкент, №5, 1927, с.137. (переиздание: Закиров Дж. «Ходжент в революции». *За власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Таджикистане*. Душанбе, 1966, с.7.)

Зикриёева М.Ф., с.5-12.

Кастельская З.Д. *Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане*. Москва, 1972, с.42. 35 Кастельская З.Д., с.43.

были убиты и ранены. А на следующий день карательный отряд начал расправу над жителями Ходжента. Солдаты убивали даже тех, кто ходил за водой к реке[35]. В описаниях Кастельской З.Д. событий 4 июля присутствие и действия Ходими Джамолак не отмечены.

К числу ранних работ по теме восстания 1916 года относится статья В.Р. Уэльса, первого директора Историко-краеведческого музея Худжанда. Будучи знаком как с документами, так и с участниками восстания 1916 года в Худжанде, В.Р. Уэльс подчёркивал важность сбора и систематизации воспоминаний участников событий того периода. Он писал, что с уходом из жизни очевидцев, мы потеряем очень важный исторический источник[116]. И поэтому В.Р. Уэльс стремился максимально точно описать начало восстания 1916 года и его участников. Однако и В.Р. Уэльс не представил ясные свидетельства о Ходими Джамолак.

Таким образом, образ героической женщины – Ходими Джамолак, своими активными действиями начавшей восстание 1916 года в Худжанде, выглядит как миф.

Зарождение мифа

Впервые образ Ходими Джамолак появляется в романе известного таджикского писателя Рахима Джалиля «Бессмертные люди» (в русском переводе «Пулат и Гулру»), написанном в 1939 году. Появление образа героической женщины было связано с изображением народного выступления и протеста жителей Худжанда против набора рабочих на тыловые работы в 1916 году.

Описание событий 1916 года в Худжанде и образ Ходими Джамолак даны в главах 27 («Воля великого императора») и 28 («Восстание») романа «Пулат и Гулру». Здесь писатель описывает, как ранним утром 4 июля из кварталов Сарибаланди, Гузари Охунд, Козии Луччакон и других вышли толпы людей: мужчины, женщины, старики и дети. Толпа, захватив главного судью СаидАхмадхана, двинулась к канцелярии пристава. Люди заполнили площадь Чоршанбе. Самые смелые вышли вперёд и приблизились к подъезду канцелярии пристава[117].

Среди героев романа есть и Ходими Джамолак - бесстрашная, волевая женщина - активная участница восстания. В самый тяжелый момент – расстрел демонстрантов, она, сбросив паранджу, призывает народ к борьбе.

Описывая события начала восстания Рахим Джалил пишет, что после первого выстрела толпа вздрогнула и начала отступать. «И тогда раздался пронзительный женский голос: «Дети мои! Не отступайте! Бейте убийц. Они нас хотят испугать. Сынов наших вовлечь в сети несчастья».

Кричала Ходими Джамолак, высокая худощавая женщина с открытым лицом, в покрывале, накинутом на одну сторону головы. В городе её хорошо знали. После смерти мужа Джамолак сама вырастила сына – Карима, которого теперь включили в

Уэльс В.А. «К вопросу о восстании 1916 г. в Ходженте». *Революционный Восток*. Москва, №4, 1936, с.80.

Рахим Джалил. *Пулат и Гульру*. Душанбе, 1956, с.96.

список мобилизованных рабочих. Ходими Джамолак ходила к старосте, судье, умоляла оставить единственного кормильца. Просьб её не послушали и теперь она присоединилась к толпе»[118].

Интересно, что в этом раннем (1939 г.) описании начала восстания нет указания, что Ходими Джамолак вырвала саблю полицейского и бросила шашку под ноги[119].

В 50-е годы XX века писатель Рахим Джалил снова обратился к образу Ходими Джамолак в своих рассказах «Мать» и «Рассказ о Ходими Джамолак». Основу сюжета составили воспоминания об активной жительнице квартала – Бибисолехе Кобилходжаевой (1862-1942).

Если рассказ «Модар» (Мать) был художественным произведением, то Рахим Джалил в своём очерке «Рассказ о Ходими Джамолак» опирался, как отмечает сам автор, на вполне реальные события. Рассказ о Ходими Джамолак сначала был напечатан в газете «Точикистони Совети» (Советский Таджикистан), а затем в отдельном сборнике рассказов Рахима Джалила[120].

В этом очерке писатель Рахим Джалил представляет читателю некоторые данные по биографии Ходими Джамолак. Согласно автору, Бибисолеха Кобилходжаева, дочь небогатого ремесленника очень рано вышла замуж и жила с мужем в квартале Кокибофон города Худжанда. Согласно устным сведениям и сама Бибисолеха Кобилходжаева была выходцем из квартала Кокибофон. Этот квартал – один из старых кварталов Худжанда, расположен в Мазарской части города. В квартале Кокибофон жили в основном ремесленники. Название махалли происходит от названия занятия его жителей-ткачей *коки* (*коки* - особый сорт белых бумажных материй, род кисеи). Кроме ремесленников здесь жили купцы, скупщики, лавочники, бакалейщики, чайханщики, представители духовенства и др. Согласно устным данным и архивным документам в 1916 году на территории квартала Кокибофон располагались 53 дворов, чайхана, хавз и приходская мечеть[121].

Рахим Джалил пишет, что героиня рассказа Бибисолеха, дочь Кобилходжа была очень рано выдана замуж. И здесь получила прозвище «Джамолак». Джамолак - название девичьей прически, плетение мелких косичек, в самый низ которых вплеталась особая нить или просто скрученный хлопок. Как правило, это была прическа девушек, ещё не вышедших замуж, девственниц. После замужества, молодые женщины меняли причёску. В рассказе Рахим Джалиля девушки квартала, посещающие молодых невест в праздничные дни, застали Бибисолеху с прической «Джамолак». Вскоре все в квартале знали о невестке с джамолак и это прозвище сохранилось за Бибисолехой до конца жизни. В рассказе сообщается как Бибисолеха

Рахим Джалил. *Пулат и Гульру*. Роман, *Рахим Джалил. Пулат и Гульру. Мухаммадиев Ф. Путешествие на тот свет. Романы*. Москва, 1962, с.95.

Рахим Джалил. *Пулат и Гульру. Фазлиддин Мухаммадиев. Путешествие на тот свет*. Москва, 1964, с.

Рахим Джалил. «Киссаи Ходими Чамолак». *Точикистони Совети*, № 248 (8523) от 18 окт. 1957, сс.2-3; Рахим Чалил. *Киссаи Ходими Чамолак*. *Хикояхо*. Душанбе, 1958, с.342.

Худжанд. Энциклопедия. Душанбе, 1999, с.394.

за активную общественную деятельность и сноровку в хозяйственных делах была единодушно была избрана на должность *кайвони* – организатора торжеств и обрядов в квартале. Автор рассказа указывает, что бескорыстная служба народу принесла ей авторитет. Ни одна свадьба, торжество, похороны не обходились без её участия. Однажды и она сама, Бибисолеха – Ходими Джамолак, стала матерью, родился сын, названный Абдуазиз.

Во второй части рассказа Рахим Джалил повествует уже непосредственно о событиях 4 июля 1916 года. Узнав о том, что её сын занесён в список рабочих по набору, мать выходит на улицу и, несмотря на упрёки мужчин, присоединяется к толпе. В рассказе есть и эпизод стычки женщины с полицейским: «Бибисолеха вышла вперёд толпы и крикнула в лицо полицейскому, чтобы он не толкал людей. «Что тебе надо, бесстыдница, - крикнул на неё полицейский, - иди лучше домой». Толпа начала отступать. «Братья и сыновья, не отступайте, бейте убийц!» - крикнула Бибисолеха и сама двинулась в сторону полицейских. Один из них уперся штыком в её грудь. Она вырвала винтовку и ударила им о ступеньку и сломала. Раздались выстрелы солдат. Толпа была разогнана. Но всюду долго ещё были слышны крики, возгласы и т.д.».

Рахим Джалил пишет, что героический поступок Ходими Джамолак воодушевил толпу, о ней в народе даже стали петь песни. В конце рассказа Рахим Джалил ещё раз указывает, что в основу рассказа положены реальные события. Согласно очерку, автор встречался с героиней своего рассказа три раза: в первый раз он посетил Бибисолеху в 1933 году по поручению секретаря горкома партии, второй раз посетил в 1937 году, а когда Рахим Джалил пришёл в третий раз в 1942 году, её уже не было в живых. Далее Рахим Джалил отмечает, что написал рассказ «Мать», посвященный её участию в событиях 1916 года. Ходими Джамолак умерла, но память о ней жива в народе. Её фото, снятое в старости, помещено в музеях Сталинабада и Ленинабада. По решению областной комиссии, пишет автор, по подготовке 40-летия Октября (то есть, в 1957 г.) надгробие будет обновлено. Рахим Джалил завершает свой очерк тем, что прошли годы, но народ помнит имя единственной женщины, вставшей грудью на защиту народа

Таким образом, в течение почти 20 лет (с 1939 по 1957 гг.) в произведениях таджикского писателя Рахима Джалиля сформировался образ таджикской женщины, хорошо известной в городе, занимающей в жизни активную позицию, «общественницу», которая в дни восстания возглавила борьбу народа против колониального режима царской России.

Но в работах историков этого периода такой личности и героини нет. Так, например, в конце 30-х - начале 50-х годов известный таджикский историк Б.Г. Гафуров посвятил ряд своих работ истории таджикского народа в начале XX века и женскому вопросу. В этих работах нет упоминаний о Ходими Джамолак. Даже в обобщающих работах Б.Г. Гафурова (например, «История таджикского народа»), в

которых события 1916 года выделены в отдельный раздел или главу, имя героини Ходими Джамолак отсутствует[122].

Несмотря на отсутствие документальных свидетельств, литературный образ активистки восстания 1916 года Кобилходжаевой Бибисолехи, известной как Ходими Джамолак, был хорошо воспринят общественностью. Более того, советской идеологии нужны были именно такие герои, которых можно было представлять в школах, на лекциях, воспитательных уроках и т.д. Советская школа была построена на примерах героизма – трудового, творческого, воинского. Во второй половине 50-х гг. XX века, в условиях «Хрущёвской оттепели» во всех республиках СССР, в Таджикистане, в том числе, стали больше обращать внимания на национальную историю, искать и формировать героев в национальной культуре и для решения гендерного вопроса. Таким образом, художественный образ Ходими Джамолак, созданный на основе реальной исторической личности – Бибисолехи Кобилходжаевой, вписывается в историю и идеологию Советского Таджикистана.

В последующие десятилетия - 60-70-тые годы XX века образ Ходими Джамолак становится постоянным и привычным и в научных работах, особенно в годы юбилеев восстания 1916 года в Центральной Азии (1966, 1976, 1986 гг.).

Так, например, в 1966 году широко отмечалось 50-летие Восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Много было и публикаций по событиям 1916 года в Худжанде (Ходженте). Последние в части описания начала восстания в Худжанде представляют участие Ходими Джамолак и её действия как решительный момент восстания в Худжанде. В статье бывшего директора Института истории имени А. Дониша АН Таджикистана Б.И. Искандарова жители Худжанда, недовольные ситуацией с составлением списков рабочих на тыловые работы, собирались у здания уездного управления и требовали прекратить составление списков. Начальник уезда подполковник Рубах в это время находился по делам службы в районе парома, а его замещал подполковник Арцищевский. «… Арцищевский и полицейский пристав вышли к собравшимся, пытались объяснить, что распоряжение о «реквизиции» рабочих исходит от царя и отменить его нельзя. Чтобы выиграть время, Арцищевский пообещал пересмотреть списки. Это немного успокоило собравшихся (Судебная часть. Штаб Туркокруга, д.197, л.47). Между тем Арцищевский совместно с полицейскими стал разрабатывать план подавления волнений и ареста наиболее видных их руководителей. Однако к назначенному пункту вскоре собралось около 7-8 тысяч человек, которые потребовали разорвать составленные списки. «Толпа стала требовать для самосуда старшего аксакала и народного судью, но получив отказ пристава в выдаче названных лиц, стала напирать на канцелярию, где они прятались» (Судебная часть. Штаб Туркокруга, д.197, л.56).

К городовому подошла женщина по имени Хадым Джамолак. Она выхватила у него шашку и сломала её. Восставшие стали бить полицейских и других чиновников

Гафуров Б.Г. *История таджикского народа. В кратком изложении. С древнейших времён до Великой октябрьской революции 1917 года*. Москва, 1955, сс.419-484.

камнями и палками. Пристав Устимович приказал полицейским Полютскому, Дьякову, Файзыбаеву и другим оттеснить народ от крыльца. Произошла схватка.

На помощь были вызваны солдаты из крепости. Развернувшись в цепь, они стали теснить народ. Тем временем полицейский Дьяков ударил Машарипова шашкой по руке. Все возмутились. Бросились на солдат и полицейских, стараясь разоружить их. Солдаты не выдержали натиска и стали отступать к крепостным воротам. Тем временем староста города Мирза Бахадур из окна канцелярии стал расстреливать безоружных людей, а «нижние чины дежурной части с вала крепости произвели в толпу выстрелы из винтовок, и только тогда восставшие бросились в разные стороны. На месте столкновения оказались из числа восставших двое убитыми, один раненный» (Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, М., 1960, стр. 105)»[123].

Такое описание с указанием действий Ходими Джамолак становится эталонным общепризнанным и повторяется во всех других работах. Следует отметить, что авторы, описывающие самые первые моменты восстания в Худжанде, называют активистов этих событий: Джура Закиров, Зубайдулло Рахматуллоев, Саид Ахмед Насыров, Сулейман Алиханов и др.[124].

том же году были опубликованы и другие работы, в которых вышеназванная трактовка событий и действия их участников повторяются почти без изменений. Это же просматривается и в работах последующих лет.

Особенно часто обращались к событиям 1916 года и к его действующим лицам в 1986 году, году юбилейном как для Худжанда, так и для всего Таджикистана. В 1986 году 70-летие восстания 1916 года в Худжанде совпало с другим важным событием, отмечаемым в том же году - 50-летием Ленинабада и 2500-летием основания Худжанда.

В 1986 году Ленинабад (Худжанд) отмечал 2500-летия со дня основания и в связи с этим руководство города проводило ряд мероприятий, приуроченных к юбилею города. В русле этих дел руководством города было принято Совместное решение Горкома и Горисполкома народных депутатов г.Ленинабада от 28 мая 1986 г. об увековечении памяти борцов за установление Советской власти в Худжанде. Предполагалось создать аллею героев с бюстами активных революционеров и борцов за установление Советской власти. Среди них была названа и Бибисолеха Кобилходжаева. Инициатором этого предложения и её претворения был Махмуд Джураевич Закиров, сын активного участника событий 1916 года в Худжанде и гражданской войны Джуры Закирова. По заказу и на деньги Махмуда Закирова скульптор А.Кравинский создал бюст Бибисолехи Кобилходжаевой. Однако исполнение решения Горкома и Горисполкома Ленинабада (Худжанда) затянулось и готовые бюсты около года пылились в запасниках Худфонда Ленинабада[125]. И только в 1987 году бюст Ходими Джамолак был установлен на аллее героев Худжанда.

Искандаров Б.И., с.13.

Хайдаров, Г.Х., с.17.

Равшан Замир, Яхьяев Орифчон. «Кош моро дастгири мекарданд». *Точикистони Совети*, 16 май, 1987.

Тогда же в 1986 году жители квартала имени Первомая (бывший Кокибофон) обратились с коллективным письмом в городской исполнительный комитет г. Ленинабада с просьбой увековечить память Ходими Джамолак и назвать её именем улицу или площадь. Жители квартала отмечали, что в этом квартале живут внуки и родственники Бибисолехи Кобилходжаевой и увековечение её имени станет благодарностью потомков активной участнице событий 1916 года[126].

Ещё одним событием 1986 года, связанным с именем Ходими Джамолак было создание картины «Восстание 1916 года в Ходженте», написанной таджикским художником Абдурахмановым Воситом. Как было отмечено выше, в юбилейном 1986 году был запланирован ряд мероприятий, в числе которых были картины. Так, в 1986 году Ленинабадский Областной худфонд получил заказ от Аштского районого музея на написание нескольких картин. Молодому художнику Абдурахманову А. (ему был 31 год) по распределению тем попался заказ на написание картины про восстание 1916 года в Худжанде. Художник почти не знал об событиях 1916 года и ему пришлось «входить в тему»: работать с научной и художественной литературой, расспрашивать старожилов и т.д. В результате была написана картина, изображающая кульминационный момент восстания 1916 года в Худжанде: слева – крепость, справа – здание русской колониальной администрации, в центре – площадь с большой толпой местных жителей. Разгневанная толпа теснит ряд полицейских у входа в административное здание, на крыльце которого стоят несколько чиновников. На арбе стоит женщина с поднятой рукой и сжатыми кулаками. По словам художника, картина была написана по заказу и поэтому ушла в Аштский музей. Но художник, собравший большой материал, решил написать ещё одну картину, крупнее по размерам и с более широким обзором. В новой картине больше людей, в нижней части картины лежит раненая женщина, другая поддерживает её голову, а толпа штурмует канцелярию. Центральной является женская фигура – это Ходими Джамолак, поднявшись на арбу, призывает жителей на решительные действия. Как сказал автор картины Абдурахманов В., образ Ходими Джамолак – собирательный: художник не видел фотографию Бибисолехи Кобилходжаевой (Ходими Джамолак), а отразил собирательный образ соседей – женщин квартала, матерей и других женщин Худжанда.

Образ женщины-борца Ходими Джамолак получает закрепление и в научно-популярной литературе конца 80-ых годов XX века. Так, профессор Назирхон Турсунов, этнограф и знаток истории Худжанда конца X1X-начала XX веков в своей книге «Шахри офтоби» (Солнечный город) тоже обращается к событиям 1916 года в истории Худжанда. Здесь автор даёт общепринятую трактовку начала восстания с действиями Ходими Джамолак (вырвала шашку у полицейского, бросила под ноги и сломала)[127].

Равшан Замир, Яхьяев Орифчон, 1987.

Турсунов Н.О. *Шахри ман*. Душанбе, 1989, сс.98-99.

Это показывает, что образ Ходими Джамолак прочно вошел в круг национальных героев и утвердился в работах таджикских учёных, подкрепляющих свою точку зрения ссылками на предыдущие работы.

К столетию восстания 1916 года появились новые исследования по восстанию 1916 года в Центральной Азии. Совершенно естественно, что авторы работ обращаются к началу восстания и рассматривают события 1916 года в Худжанде (Ходженте). И опять, применяется то стандартное описание, сформировавшееся к началу 80-х годов XX века. Ниже приведены отрывки из нескольких работ, в которых есть описание событий начала восстания и места в них Ходими Джамолак. Вот, например, описание начала восстания в статье К. Абдуллаева «К 100-летию Восстания 1916 года: заметки историка»: «…4 июля, когда должна была начаться работа по набору, началось массовое недовольство и беспорядки.

Вот как описывает один из эпизодов того утра Ш. Джалилов: «К городовому подошла женщина по имени Ходими Джамолак. Она выхватила у него шашку и ударила ее о землю. Восставшие, поддержав ее, стали бить полицейских и патрульных, бросали в них камни». В тот день были ранены трое ходжентцев и двое из них вскоре скончались. Весть о восстании в Ходженте разнеслась по всему Туркестану, и буквально в считанные дни восстание распространилось по всему региону»».

Олег Панфилов в своей статье «В России «забыли» юбилей преступления» также упоминает об этом эпизоде как о начале восстания: оскорбленные люди собрались в центре города: «К городовому подошла женщина по имени Ходими Джамолак. Она выхватила у него шашку и бросила ее на землю. Восставшие, поддержав ее, стали бить полицейских и патрульных, бросали в них камни» [128]. Такое описание начала событий в Худжанде присутствует и в работах М. Суюнбаева, З.Курманова, Д.Узбекова, И. Суюнбаева[129].

В то же время публикуются и материалы другого содержания. Так, в работе Джалилова Анвара «От колониального гнёта до формирования политических партий Таджикистане»[50] подробно описаны события июля 1916 года. Однако здесь другой участник восстания – Додохонов – выхватывает шашку полицейского и ломает её, а о Ходими Джамолак нет никаких сведений. Описание событий, все подробности даны по книге Кастельской З.Д. «Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане» (первое издание – 1937 г., второе – 1972 г.). Следует отметить, что события 4 июля 1916 года описаны Кастельской З.Д. на основе подлинных архивных материалов[130]. Именно это обстоятельство стало причиной того, что в работе Джалилова А. представлено описание событий без указания на Ходими Джамолак. Её

---

[128] Панфилов О. «В России «забыли» юбилей преступления». https://ru.krymr.com/a/28109759. html. Просмотрено 2.10.2019.

[129] Суюнбаев М., Курманов З., Узбеков Д., Суюнбаев И. «Агенты с правом на убийство». Часть 2. «Никогда не говори «никогда»». kghistory.akipress.org/unews/un_post:7088. Просмотрено 25.09.2018. [50] Джалилов А. *От колониального гнёта до формирования политических партий*. Худжанд, 2007, сс.138-162.

Кастельская З.Д., 1972.

действия (нападение на полицейского, захват оружия и д.) выполняет другой герой восстания 1916 года - Додохонов.

Таким образом, восстание 1916 года до сих пор остаётся важным объектом изучения. При этом события 1916 года в Худжанде оказались тесно связанными с образом Ходими Джамолак, которая предположительно сыграла активную роль в протестных событиях в Худжанде. При этом, изучение роли Ходими Джамолак в начале восстания переплетается с гендерным вопросом, так как одной из особенностей восстания 1916 года является активное участие в нем женщин. В историографии изучения начала событий 1916 года выделяются 4 этапа:

Первый этап (1917-1937) характеризуется кратким описанием начала восстания и без упоминания конкретных участников, как Ходими Джамолак

Второй этап охватывает период с 1939 по 1959 – двадцатилетие, когда в художественной литературе формируется образ героической женщины – Ходими Джамолак, которая признаётся лидером восставших, женщиной, начавшей восстание 1916 года в Худжанде.

Третьим этапом можно обозначить следующие тридцать лет – с 1960 по 1990 гг., когда образ борца за права и свободу народа и женщин - Ходими Джамолак утверждается в науке и культуре, становится частью идеологии.

И, наконец, четвёртый период – с 1991 года и до наших дней. Это новый период, который отличается от трёх предыдущих периодов советской истории. В рамках четвёртого этапа, в годы независимого периода развития, не совсем явно, но всё-таки проявляются тенденции десоветизации, делаются попытки заполнить идеологический вакуум в стране. До сих пор нет чёткого определения и оценки политических событий прошлого, в том числе, и восстания 1916 года в Центральной Азии. Это заметно и в отношении к образу Ходими Джамолак: в работах, основанных на материалах первого периода, упоминание Ходими Джамолак отсутствует; в работах, основанных на исследованиях второй половины XX века, обязательно есть стандартное описание действий Ходими Джамолак.

Заключение

Восстание 1916 года в Центральной Азии, независимо от определений, было важным событием в истории народов юго-восточных окраин Российской империи. За прошедший период было проведено много исследований событий 1916 года. И, хотя со времени восстания прошло уже сто лет, многие вопросы остаются открытыми. Пожалуй, самый важный вопрос состоит в том, что мы крайне мало знаем о настроениях, целях, думах и задачах, которые ставили сами участники восстания, и его лидеры, к числу которых относится и жительница Худжанда, известная под именем Ходими Джамолак.

Восстание 1916 года знаменательно и тем, что в нём впервые приняли участие женщины коренных национальностей: таджички, узбечки, киргизки, казашки и др. И, что важно, архивные материалы показывают высокую активность и большую долю участия женщин в событиях 1916 года. Это подтверждают исследования учёных

Центральной Азии. К большому сожалению, гендерные аспекты событий 1916 года до сих пор не получили должного освещения в историографии Центральной Азии. Хотя со времени событий прошло более 100 лет и создана большая библиография, разные аспекты проблемы и вопросы восстания 1916 года до сих пор остаются практически неисследованными. Это в первую очередь касается участия женщин в восстании 1916 года. Во многих архивных документах указывается, что в первых рядах восставших худжандцев были женщины. Собирательным образом участниц событий 1916 года стал образ Ходими Джамолак, которая присоединилась к восставшей толпе худжандцев и своими активными действиями воодушевила толпу на решительные действия. Даже, судя по прозвищу (Ходим - общественный деятель), Ходими Джамолак обладала большим организаторским талантом, была способной организовать людей и увлечь их за собой. Этот образ сначала появился в художественной литературе и хорошо вписался в советскую идеологию раскрепощения женщины Востока и воспитания активных женщин – строителей социализма.

Историографический обзор подтверждает то, что во второй половине 30-х гг. XX в., в нескольких произведениях таджикского писателя Рахима Джалиля сформировался образ героической женщины Ходими Джамолак – активной участницы восстания 1916 года в Худжанде. И в последующем этот образ с историческими корнями из художественной литературы перешёл в исторические работы. При этом, авторы статей ссылались на предыдущие, не подвергая сомнению обоснованность утверждений и выводов. Своеобразный миф, основанный на реальном образе, сопровождается канонизацией событий, связанных с началом восстания 1916 года в фундаментальных изданиях. Одновременно наблюдается переход этого канона в учебные пособия, в выступления официальных лиц, дискуссии на страницах печати и т.д.

Появление героического образа в событиях 1916 года не случайно. И это не в последнюю очередь связано с гендерным вопросом и процессом эмансипации женщин-мусульманок. Следует вспомнить, что женщины мусульманского Востока плохо представлены в истории, за исключением искусства и литературы, где есть известные женщины. Историк Нурали Давлат отмечает, что за 14 веков мусульманского периода истории таджикского народа в двух случаях мы видим лидерство женщин (в XI в., после смерти султана Махмуда, его жена Гурраи Хатли взяла инициативу в свои руки и привела к власти сына, в 1916 году Ходими Джамолак возглавила восстание жителей Худжанда против русской колониальной администрации)[131].

Ходими Джамолак стала ярким представителем женской половины населения Худжанда. В образе этой женщины, представленом в произведениях литературы, живописи и науки, воплощены лучшие черты и творческий потенциал таджикских женщин.

Сайдамирзод Э. «Традиционное общество и лидерство женщины. (на тадж.яз.)». *Бонувони Точикистон,* №12, 2010, с.12 .

Героизм Ходими Джамолак остался в памяти народа. В народном фольклоре сохранились песни и стихи, воспевающие Ходими Джамолак. Однако в официальных документах и архивных материалах сведения о Ходими Джамолак полностью отсутствуют.

Список источников и литературы

«Аз ёддоштхои Чалол Хочаев». *Известия АН ТаджССР, ООН*, №1, 1967.

«Восстание таджикской женщины против царской России». https://rus.ozodi.org/a/27862964.html. Просмотрено 2.10.2019.

Восстание 1916 года в Средней Азии. (*Сборник документов*). Подг. Ф.Божко, С. Волин, ред. П.Г. Галузо. Ташкент, Госиздат, 1932.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (*Сборник документов*). Москва, 1960.

«Док.№ 53.Всеподданнейший рапорт начальника Ходжентского гарнизона Н.Б. Рубаха Николаю II о событиях в г. Ходжент». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (Сборник документов).* Москва, 1960.

Гафуров А. «Из истории изучения восстания 1916 года в Таджикистане». *Муаррих (Историк),* №3-4 (8), 2016, сс.15-20.

Гафуров Б.Г. *История таджикского народа. В кратком изложении. С древнейших времён до Великой октябрьской революции 1917 года*. Москва, 1955, сс.419-484.

Джалилов, А. *От колониального гнёта до формирования политических партий*. Худжанд, 2007.

«Доклад Самаркандского военного губернатора Лыкошина». *Восстание 1916 года в Средней Азии. (Сборник документов)*. Москва, 1932, с.13.

«Документ №16 из Сборника 2016 года. Доклад Самаркандского военного губернатора Лыкошина». *Восстание 1916 года в Средней Азии. (Сборник документов)*. Москва, 1960

Закиров Дж. «Худжанд в революции (Воспоминания)». *Коммунистическая мысль*. Ташкент, 1927, №5, с.137. (Переиздание: Закиров Дж. «Ходжент в революции». *За власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Таджикистане*. Душанбе, 1966.)

Зикриёева М. Ф. *Историография проблемы женщин Таджикистана*. Душанбе: Ирфон, 2001

«Из воспоминаний участников восстания: Из воспоминаний Яхъёхуджа Орифова». *Известия АН ТаджССР, ООН*, №1, 1967.

Искандаров Б.И. «Восстание 1916 г. в Ходженте и его влияние на другие районы Средней Азии». *Известия АН Тадж.ССР, ООН*, №1 (47), 1967.

История Таджикской ССР. (*Учебное пособие для вузов республики*). Душанбе, 1965.

История Таджикской ССР. (*Учебник для вузов*). Ред. Б.А.Антоненко. Душанбе, 1983

История таджикского народа. В 6-ти томах. Т.4. Позднее средневековье и новое время (XVI- 1917). Душанбе, 2010.

Кастельская З.Д. *Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане*. Москва, 1972, с.42.

Набиева Р. *Положение женщины Таджикистана до и после Великого Октября.* Душанбе, Знание, 1982

Набиева Р. «Накши чамъиятии зан дар «Точикони» и Б.Гафуров». *Академик Бобочон Гафуров мухаккики таърих ва тамаддуни мардумони Осиёи Маркази*. Душанбе, Ирфон, 1999.

Панфилов О. «В России «забыли» юбилей преступления». https://ru.krymr.com/a/28109759.html. Просмотрено 2.10.2019.

Равшан Замир, Яхьяев Орифчон. «Кош моро дастгири мекарданд». *Точикистони Совети*, 16 май, 1987.

Рахим Джалил. *Пулат и Гульру*. Душанбе, 1956.

Рахим Джалил. *Пулат и Гульру*. Роман, *Рахим Джалил. Пулат и Гульру. Мухаммадиев Ф. Путешествие на тот свет. Романы*. Москва, 1962.

Рахим Джалил. *Пулат и Гульру. Фазлиддин Мухаммадиев. Путешествие на тот свет*. Москва, 1964.

Рахим Джалил. «Киссаи Ходими Чамолак». *Точикистони Совети*, № 248 (8523), 18 октября, 1957.

Рахим Чалил. *Киссаи Ходими Чамолак*. Хикояхо. Душанбе, 1958.

Суюнбаев М., Курманов З., Узбеков Д., Суюнбаев И. «Агенты с правом на убийство». Часть 2. «Никогда не говори «никогда»». kghistory.akipress.org/unews/ un_post:7088. Просмотрено 25.09.2018.

«Таджикистан и Россия: единство исторических судеб». *Материалы научно-теоретической конференции «Центральная Азия и Россия: Дружба и сотрудничество, испытанное временем», посвященное 150-летию присоединения Худжанда к России.* Худжанд, 2016.

Турсунов Н.О. *Шахри ман*. Душанбе, 1989.

Турсунов Х. *Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане*. Москва, 1965.

Хайдаров Г.Х. «О предпосылках восстания 1916 г. в северных районах Таджикистана». *Известия АН Тадж.ССР. ООН*, №1(47), 1967.

Хотамов Н. «Шуриши миллию озодихохии соли 1916 дар кишвари Туркистон ва таъсири он ба аморати Бухоро». *Муаррих (Историк),* №3-4 (8), 2016, сс.34-40.

Худжанд. Энциклопедия. Душанбе, 1999.

Уэльс В.А. «К вопросу о восстании 1916 г. в Ходженте». *Революционный Восток,* №4, Москва, 1936.

Архивные материалы

Документы по восстанию 1916 года в Таджикистане ЦГА РТ. н/542, с.47.

Доклад Помощника Начальника Туркестанской местной бригады полковника Просолова. РГВИА Ф.400 Оп.19 Д.159 лл.466-468.

Протокол дознания. Канцелярия Туркестанского Генерал-Губернаторства, 1916. Ф.2 Оп.31 Д.35.

ЦГА РУ Ф.1 Оп.32 Д.387 л.6-7.

Иллюстрации

Фото архивного документа, первого по дате исполнения, в котором дано описание событий 4 июля 1916 года

№ 53

1916 г. июля 7.— Всеподданнейший рапорт начальника Ходжентского гарнизона Н. Б. Рубаха Николаю II о событиях в г. Ходженте.

г. Ходжент
№ 767

В. и. в. всеподданнейше доношу, что 4 сего июля, днем, в г. Ходженте, толпа туземцев-горожан, явившись в канцелярию полицейского пристава, требовала отмены составления списков рабочих, предназначаемых к отправке на работы в тылу армии по повелению в. и. в. от 25 июня сего года. Несмотря на разъяснения и уговоры полицейских властей разойтись, толпа продолжала шуметь и требовать. Когда же полицейские стали оттеснять толпу, туземцы оказали сопротивление, нанося им побои.

Выбежавшие к месту происшествия из вблизи расположенного караула пять нижних чинов Ходжентской караульной команды, находившиеся в наряде на случай беспорядков, были моментально окружены толпой, причем у одного из них один из туземцев пытался отнять винтовку, а другие стали осыпать солдат камнями.

В это время со стороны толпы раздался выстрел, вследствие чего эти нижние чины и часть остальных той же команды, рассыпавшиеся по валу крепости, открыли стрельбу по толпе, сделав 16 выстрелов, последствием которых оказалось 2 убитых и 1 раненый; все трое туземцы. Толпа немедленно рассеялась.

О происшествии произведено дознание и ведется следствие служебной властью [1].

Полковник Рубах

7 июля 1916 г., № 767, г. Ходжент.

Резолюция: На подлинном написано: Его величество изволил читать 19 июля 1916 г. Генерал от инфантерии Шуваев.

ЦГВИА, ф. Главное управление Генерального штаба, оп. 2, д. 2890, л. 10. Заверенная копия.

Карта Худжанда конца Х1Х - начала ХХ вв. с указанием кварталов города (По Н.Турсунову и Дж.Исомиддинову).

Квартал Кокибофон («Ткачей»), в котором жила Ходими Джамолак.

Кварталы Гузари Охун, Ниёзи дегча и Козии луччакон, где утром 4 июля 1916 года собралась толпа жителей, выражавших недовольство составлением списков рабочих

Площадь восстания, где выступила Ходими Джамолак

3.Фото Бибисолехи Кобилходжаевой (Худжанд, 1872- Худжанд, 1942)

Бибисолеха Кобилходжаева (Ходими Джамолак), Худжанд, 1987 г.

Художник Восит Абдурахманов. «Восстание 1916 г. в Ходженте». 1986 г.

ИЗУЧЕНИЕ 1916 ГОДА: ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ И ГУМАНИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ О ВОССТАНИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

«ГЛАЗАМИ И ГОЛОСАМИ» ОЧЕВИДЦЕВ 1916 ГОДА

«Голоса» рядовых участников и очевидцев восстания 1916 года

(на примере Джаильмышевской волости Верненского уезда Семиреченской области)

Карлыгаш Бижигитова

Аннотация

статье автор на основе анализа одного объемного архивного документа, показывает, что рядовые участники и очевидцы событий 1916 года на примере Джаильмышевской волости Верненского уезда Семиреченской области (ныне территория Первомайского сельского округа Карасайского района Алматинской области, Казахстан) не были «безмолвными», напротив, их показания, их «голоса» существенно повлияли на решения, принятые представителями колониальных властей, включая судебных чиновников. Более того, эти «голоса» способствовали дальнейшему конструированию событий, произошедших летом 1916 года на территории этой волости, как представителями колониальной администрации, так и советскими и современными исследователями.

Ключевые слова: «*рядовые***»** *участники, Бекболат Ашекеев, Джаильмышевская волость, урочище Ушконыр, «голоса», протоколы допросов, показания участников.*

Введение

Восстание 1916 года в Туркестанском крае до сих пор остается в центре внимания как исследователей стран Центральной Азии и дальнего зарубежья, так и вызывает интерес со стороны широкой общественности.

Основные причины возникновения восстания достаточно изучены и указаны разными авторами, начиная от царских администраторов до современных исследователей. Одним из известных документов, разъясняющих причины восстания, является «Всеподданнейший рапорт генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина Николаю II о причинах и ходе восстания 1916 г. в крае и мерах, принятых администрацией по его подавлению»[132]. В своем докладе генерал-губернатор в качестве основных причин восстания, или «беспорядков», по его словам, перечисляет следующее: спешность реализации царского указа о призыве инородцев на тыловые работы, неправильная интерпретация этого указа представителями местного населения, некомпетентность русской колониальной администрации в крае, экономические проблемы, прежде всего земельный вопрос.

Другая информация о причинах восстания отражена в показаниях ротмистра отдельного корпуса жандармов В.Ф. Железнякова «О причинах и ходе восстания в Семиреченской области», которые он дал судебному следователю Верненского суда в ноябре 1916 года. В целом, его сведения о причинах восстания совпадают с докладом генерал-губернатора А.Н. Куропаткина, но его показания носят более развернутый характер, так как он владел информацией, которая была получена им в ходе его профессиональной деятельности. Итак, В.Ф. Железняков перечисляет ряд причин и условий, которые стали толчком для восстания: «некорректное отношение

«Всеподданнейший рапорт генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина Николаю II о причинах и ходе восстания 1916 г. в крае и мерах, принятых администрацией по его подавлению». *Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов*), т.1, Алматы: Казахстан, 1998, сс.316-346.

чиновничества к туземцам и туземной администрации», «управление киргизами, сопровождающееся невозможными и беззастенчивыми поборами», «земельный вопрос», довольно сложные отношения русского переселенческого населения с местными жителями, постоянные сборы и пожертвования русской администрации с местного населения на нужды войны. В качестве еще одной из важных причин восстания ротмистр указывает на противоправные действия Верненского полицмейстера штабс-ротмистра Поротикова, который вместе с приближенными, которых он называет «отбросами туземцев», во главе с наманганским сартом Закиром Исабаевым, наладил систему поборов среди местного населения. Эти действия вызывали массовые недовольства и возмущения среди людей[133].

Сведения о причинах восстания в крае, предоставленные генерал-губернатором Куропаткиным и ротмистром Железняковым, являются результатом рефлексии достаточно образованных, информированных людей, которые могут анализировать весь свод данных, полученных в донесениях от подготовленных людей из различных государственных учреждений и организаций. Здесь мы имеем дело с взглядом на события 1916 года, так сказать, «сверху», со стороны представителей русской колониальной администрации.

В советский период оценка причин восстания приобретает ярко выраженный классовый и идеологический характер. Советская власть активно воспользовалась последствиями восстания для своих пропагандистских целей. Уже в 1920-30 годы были изданы книги, где давалась характерная оценка событиям 1916 года[134]. Новая власть избирательно подходит к сбору и интерпретации архивных документов, которые потом публикуются в отдельных сборниках таким образом, чтобы продемонстрировать свою освободительную и прогрессивную роль в регионе в отличие от царского режима. В этих материалах отмечается, что причины восстания заключаются не только в наличии целого ряда ошибок в земельной и переселенческой политике царской администрации, сколько вызваны самой сущностью царского правления, которое носило колониальный и эксплуататорский характер, превратив Туркестан в «тюрьму народов». Так, по мнению Турара Рыскулова, известного казахского советского государственного деятеля: «Невыносимый гнет царской администрации, притеснения в результате колонизации, гнет ростовщического капитала и своей имущей верхушки создали глубокое недовольство широких масс киргизского населения, которое и послужило основанием к восстанию киргизских трудящихся в 1916г.»[135]. При этом Т. Рыскулов признает участие состоятельных

---

133 «Протокол допроса судебным следователем Верненского суда ротмистра отдельного корпуса жандармов В.Ф. Железнякова о причинах и ходе восстания в Семиреченской области». *Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов*), т.1, Алматы: Казахстан, 1998, сс. 122-147.

Восстание 1916 года в Средней Азии. (*Сборник документов*). Ред. П.Г. Галузо. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932; Зорин А.Н. *Революционное движение киргизов (Северная часть)*. Фрунзе: Киргосиздат, 1931; Брайнин С., Шафиро Ш. *Восстание казахов Семиречья в 1916 году*. Алма-Ата-Москва: Казахстанское краевое изд-во, 1936; *Восстание 1916 г. в Киргизстане. (Документы и материалы, собранные Л.В. Лесной*). Ред. и предисловие Т.Р. Рыскулова. Москва: Социально-экономическое изд-во, 1937, и др.

Восстание 1916 г. в Киргизстане. (Документы и материалы, собранные Л.В. Лесной), с. 8.

манапов в сопротивлении властям, отмечает их вынужденную роль, когда под давлением обстоятельств они возглавили движение: «Восставшими киргизскими трудящимися массами тех родов, во главе которых стояли сыновья манапа Шабдана и Канат Абукин, фактически руководили наиболее активные элементы из самих трудящихся и особенно – из состава подлежащей мобилизации молодежи»[136].

Другой известный политический деятель Юсуф (Жусуп) Абдрахманов в своей брошюре, изданной к 15-летию восстания, так же отмечает колониальную сущность политики царской России, проводимой на территории своих окраинах. В частности, в докладе было подчеркнуто следующее: «Когда мы говорим о восстании трудящихся масс Средней Азии и Киргизии в 1916 году, многим это представляется как бунт, случайно возникший на конкретной почве недовольства набором трудящихся на тыловые работы. В действительности это не так. Восстание 1916 года имеет глубокие социально-экономические причины, вытекающие из положения Средней Азии и Киргизии как колоний царско-империалистической России»[137].

Таким образом, советские политические деятели и исследователи, рассматривая социально-экономические причины восстания, делают акцент на то, что они вызваны, прежде всего, самой колонизаторской сущностью царского режима. Поэтому новая советская власть, оценивая царское правление в данном ключе, характеризует восстание 1916 года в большей мере как антиколониальное и антиимпериалистическое, где ведущую роль играет эксплуатируемое население, которое защищает свои классовые интересы.

В новой истории, после становления независимости в странах Центральной Азии, в особенности в Казахстане и Кыргызстане, восстание 1916 года рассматривается больше как национально-освободительное[138]. Это закономерно, потому что восстание служит одним из источников легитимизации независимости и суверенитета постсоветских центральноазиатских стран. В современных национальных историографиях восстание 1916 года стало ярким доказательством того, что эти страны получили свою независимость не просто в результате распада Советского Союза, а закономерно достигли ее в результате длительной борьбы за независимость, которая берет начало с этих событий.

Краткий экскурс позволил увидеть, как администраторы и исследователи разных исторических периодов рассматривают основные причины восстания 1916 г., указывая объективные факторы: земельная, переселенческая и налоговая политика

Восстание 1916 г. в Киргизстане. (Документы и материалы, собранные Л.В. Лесной), с. 9.

Абдрахманов Ю. *Доклад на торжественном заседании, посвященном 15-летию восстания 1916 года.* Фрунзе, 1931, с.7.

Этот тезис утверждается во многих докладах конференций: Республиканская научно-практическая конференция «*Проблемы национально-освободительного движения Казахстана в начале 20 века*». Семей, мая 2016 г.; Международная научно-практическая конференция «*Восстания 1916 года в Азиатской России: неизвестное об известном*». Алматы, 28 июня 2016 г.; Международная научно-практическая конференция: «*100-летие национально-освободительного восстания 1916 года: историческая память и современное значение*». Бишкек, 18-19 апреля 2016 г.; Международная конференция «*Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии*». Бишкек, 20-21 мая 2016 г. и др.

царизма, это и поборы со стороны колониальных чиновников и туземной власти, низкая квалификация администрации всех уровней и др. Все эти причины не могли не вызвать недовольства местного населения своим положением. Призыв на тыловые работы согласно царскому Указу от 25 июня 1916 г., который принято считать основным поводом для начала восстания, также сыграл свою роль. Однако, при более детальном анализе этого крупного исторического события, возникает закономерный вопрос: почему, более или менее универсальные, или одинаковые на первый взгляд, причины восстания, присущие, казалось бы, практически всем колониальным окраинам Российской империи, оказали разное влияние на активность населения? К примеру, в одном огромном Туркестанском крае наиболее активное сопротивление властям было оказано в отдельных уездах и волостях. Население большинства областей было вынуждено согласиться, в силу разных причин, с проводимой политикой колониальной администрации. Это значит, что наличие определенного набора причин, а также повода для недовольства, не является основанием для активного сопротивления. Для этого нужны еще какие-то факторы, например, собственно, как само население реагирует на сложившиеся причины и др., которые могут сработать в одних местах, а в других не получить своего развития. Следовательно, в каждом отдельном случае, когда речь идет о более организованных выступлениях местного населения, мы имеем дело со способностью самого населения к этой самоорганизации под влиянием активных лидеров.

Главный вопрос, который будет в центре внимания настоящего исследования, – это вопрос, связанный с анализом такого понятия как «движущие силы» восстания. Когда об этом идет речь, то практически во всех исследованиях советских и современных историков можно встретить идентичные слова, своего рода клише, как например: «основной движущей силой восстания были казахские шаруа, беднота»[139], «движущими силами восстания были трудящиеся слои киргизского народа (батраки, бедняки, средняки), замученные двойным гнетом российского империализма и местных эксплоататорских классов (баев, манапов и т.д.)», «во главе всего движения стояли бедняки и батраки» [язык оригиналов сохранен] и т. д.[140]. С одной стороны, активная роль простых участников событий вроде и не отрицается, но с другой, они представлены как одна большая, однородная и при этом обезличенная масса людей, которую можно направлять, которой можно легко руководить.

В ходе исследования мы работали с множеством документов, извлеченных из фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан. Но именно детальный анализ одного объемного дела, где было зафиксировано очень много показаний различных участников и свидетелей событий лета 1916 года на территории Джаильмышевской волости Верненского уезда Семиреченской области заставил нас задуматься над вопросом: можно ли среди этой обезличенной массы людей, которых принято считать «движущими силами» восстания разглядеть реальные лица,

---

История Казахстана. (Курс лекций). Ред. К. С. Каражан. Алматы: Нур-пресс, 2009, с.239.

Материалы к докладу о двадцатилетии киргизского восстания 1916 года (*на правах рукописи*). Фрунзе: Киргосиздат, 1936, сс. 13-14; Брайнин С., Шафиро Ш., с. 48.

услышать их «голоса», способны ли они хоть как-то повлиять на ход исторических событий или все же они обречены на «безмолвие»?

Поиски методологической основы для осмысления и решения поставленной задачи привели нас к известной работе Карло Гинзбурга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.»[141], в которой рассматриваются материалы инквизиционных процессов по делу фриульского мельника – Доменико Сканделла, по прозвищу Меноккио, обвиненного в ереси. Значимость этой работы для нашего исследования заключается в том, что Карло Гинзбург продемонстрировал новые продуктивные возможности анализа и интерпретации своеобразных исторических документов, таких как судебные процессы. Совершенно прав Карло Гинзбург, когда пишет, о том, с какими сложностями встречаются историки, работая с письменными источниками прошлых эпох, «которые не являются прямыми источниками сразу в двух смыслах: потому что они письменные и потому что их происхождение связано с деятельностью лиц, прямо или косвенно причастных к доминирующей культуре. Отсюда следует, что мысли, верования, чувства живших в далеком прошлом крестьян или городских ремесленников доходят до нас (если доходят) только через посредников – в их искажающем изложении»[142]. Но при этом он настроен довольно оптимистично: «И все же, если исторические документы дают нам возможность бросить взгляд не только на общую массу, но и на отдельную личность, глупо было бы ею не воспользоваться. Это не так уж мало: расширить за счет социальных низов объем исторического понятия «индивида»[143]. В своей книге, в которой он анализирует материалы двух судебных процессов по делу фриульского мельника XVI века, Карло Гинзбург, в противовес мнению многих исследователей, включая Ф. Фюре, который утверждал, что «низшие классы могут быть реинтегрированы во всеобщую историю только под знаком «массовости и безымянности…»[144], смог показать и доказать, что «низшие» классы имеют свои «голоса», свое мнение и позицию, которые могут оказывать влияние на различные процессы и события. Карло Гинзбург смог блестяще воспользоваться имеющимися документами и «реконструировать хотя бы фрагмент того, что принято называть «культурой угнетенных классов» или «народной культурой»[145].

Исследовательский подход Карло Гинзбурга позволил нам иначе взглянуть на материалы судебного процесса по делу участников и очевидцев событий в Джаильмышевской волости Верненского уезда Семиреченской области. Этот архивный источник был известен многим исследователям, но в большей степени, оставался немым подтверждением истинности высказывания Ф. Фюре. Отдельные сведения из данного дела использовались для подтверждения имеющихся в научном обороте фактологических сведений о восстании 1916 года в Семиречье. В качестве самостоятельного источника, способного по-новому осветить события 1916 года, это

Гинзбург К. *Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в*. Москва: РОССПЭН, 2000.

Гинзбург К., с. 33.

Гинзбург К., с. 41.

Цитируется по книге: Гинзбург К. , с.41.

Гинзбург К., с.22.

дело не рассматривалось. Хотелось бы отметить, что мы имели дело с таким специфическим видом документов, как протоколы допросов, большинство которых со слов допрашиваемых, в частности, представителей местного населения, казахов, записывались, переводились вторыми лицами (переводчиками и делопроизводителями), а воспоминания советского периода подвергались существенной государственной идеологической обработке. Несмотря на это, анализ многочисленных показаний участников и свидетелей судебного процесса позволил нам увидеть представления людей о природе власти в традиционном кочевом обществе, о принципах взаимоотношений между руководителями и рядовыми участниками восстания, такие понятия как солидарность, обычаи, традиции, существующие тесные социальные связи, проблемы, которые имели место в казахском обществе в рассматриваемый период. Поэтому анализ дела №510 «О восстании казахов Джаильмышевской волости в 1916 г» позволяет увидеть скрытые, невидимые стороны жизни казахского общества, которые не попали в поле зрения официальных структур, следовательно, дополнить известное историческое событие элементами «народной культуры».

В нашем исследовании мы попытаемся показать, что рядовые участники событий 1916 года на примере одной волости Верненского уезда Семиреченской области не были «безмолвными», напротив, их показания, их «голоса» существенно повлияли на принятие решений представителями колониальных властей, включая судебных чиновников. Более того, эти «голоса» способствовали дальнейшему конструированию событий, произошедших летом 1916 года на территории этой волости, как представителями колониальной администрации, так и советскими и современными исследователями. Свидетельские показания участников и очевидцев событий 1916 года на судебном процессе являются «рядовыми» не в силу своей социальной принадлежности, так как мы будем приводить показания руководителей восстания, представителей туземной администрации в лице волостного управителя и муллы, «почетных» лиц, показания русских казаков и т.д. Они таковыми являются, потому что принадлежат тем, кто находится в зависимом положении на этом процессе. Сами они не выносят никаких вердиктов, но своими показаниями способствуют принятию тех или иных решений представителями колониальной власти. В конечном итоге, эти показания позволили сконструировать из реальной исторической фигуры, каким является Бекболат Ашекеев (по архивному источнику – Бекбулат Ашикеев, Ашакеев), не только главного руководителя выступлений казахов Джаильмышевской волости, но и главного виновника в глазах колониальной судебной власти. Т.к. в судебном процессе никаких, кроме свидетельских показаний доказательств представлено не было. Позже опять же эти показания стали основой для создания властями образа героя и одного из символов сопротивления в Семиречье

советский и постсоветский периоды.

Дело №510 – «О восстании казахов Джаильмышевской волости в 1916 г.»

Итак, в основу данного исследования лег анализ довольно интересного архивного дела под номером 510, объемом более 800 листов, хранящегося в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан – «Дело о восстании казахов Джаильмышевской волости в 1916 г.»

Для полноты и ясности картины восстановим хронологию событий, имевших место в пределах Джаильмышевской волости в июле-августе 1916 г., по материалам данного архивного источника. Судя по данным многочисленных допросов, протоколов дознания, имеющихся в вышеуказанном деле, известие о призыве на тыловые работы в Джаильмышевскую волость пришло в июле 1916 года. Реакция простых людей была неоднозначной, вначале наблюдались растерянность, незнание, что предпринять, как реагировать. В большинстве своем люди восприняли царский указ, как нарушение обещания власти не брать на воинскую службу местное население. В разных местах происходят сборы населения, где они высказывают возмущение и оказывают пассивное сопротивление путем перекочевки в горы, ухода от наемной работы. Итак, 7-8 июля 1916 г. в урочище Ушконур (Ушконыр) в 40 км от г. Верного (ныне Алматы) казахи Джаильмышевской и Чемолганской (ныне территория Шамалганского сельского округа Карасайского района Алматинской области, Казахстан) волостей собрались на съезд, чтобы выразить свое отношение к царскому указу от 25 июня 1916 г. о наборе инородцев на тыловые работы. На съезде было принято решение: «Рабочих не давать, с гор в долину не спускаться… На случай восстания участникам съезда было тогда же предложено иметь наготове баканы (деревянные с острыми концами палки) и держать при каждой юрте лошадей. Дабы закрепить принятое съездом решение участники его прочли «бату» (клятвенное обещание)»[146].

Аналогичный съезд, но более многолюдный по составу, прошел 10 июля в местности Ульконсаз, Узунагачской волости, (ныне территория Узынагашского сельского округа Жамбылского района Алматинской области, Казахстан) на котором присутствовало свыше 5 тыс. человек от одиннадцати волостей Семиречья. Участники съезда также постановили, что «лучше умереть здесь, чем идти на расстрел»[147].

Однако казахи вооруженного сопротивления оказывать не спешили, так как понимали преимущество в силе местной колониальной власти. В свою очередь, уездная колониальная власть, руководствуясь сведениями о том, что казахи собираются и высказывают свое недовольство, воспринимают это как проявление открытого сопротивления и неповиновения. Узнав об одном из таких сборов или, выражаясь языком протокола, «сборищ», в Джаильмышевскую волость, в урочище Ушконыр был послан отряд в количестве около 50 казаков под началом Верненского

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (*Сборник документов*). Ред. А.В. Пясковский. Москва: АН СССР, 1960, сс. 402-403.

Басин В.Я., Сулейменов Б.С. *Восстание 1916 года в Казахстане (Причины, характер, движущие силы).* Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1977, сс.84-85.

уездного начальника подполковника Базилевского для выяснения ситуации, разъяснения сути царского указа и попытки призвать жителей волости к его исполнению. 13 августа 1916 года произошло столкновение казахов с казачьим отрядом Базилевского, во время которого местное население, испуганное видом вооруженных людей, оказало сопротивление, погнав на отряд табун лощадей, чтобы смять их. Но произведенные казаками выстрелы из винтовок напугали повстанцев и привели их в бегство. Позже испуганное население выразило готовность пойти на переговоры с начальником карательного отряда, власти со своей стороны обещали помиловать участников, при условии добровольной выдачи активных руководителей. Бекболат Ашекеев сам был готов пойти на переговоры, он с двумя его сопровождавшими людьми был взят под стражу. А 17 августа на встрече жителей ряда аулов Джаильмышевской волости с уездным начальником казахи добровольно выдали всех своих руководителей, всего 13 человек, включая Бекболата Ашекеева,[148] которых затем переводят в город Верный и сажают на военную гауптвахту. С 18 августа 1916 года начинается процесс дознания всех участников и свидетелей данного дела. Собранные материалы дознания затем были переданы на рассмотрение отрядного суда Верненского гарнизона. 7 сентября 1916 года в Верном состоялось закрытое заседание отрядного суда под председательством полковника Левашова. Суд признал Бекболата Ашекеева виновным в том, что он «с целью воспрепятствовать исполнению Высочайшего повеления о реквизиции рабочих из туземцев Туркестанского края, собрал в месте стоянки своего аула, на местности Ошакты Верненского уезда, состоящего на военном положении, незаконный съезд из киргизов Джаильмышевской волости для организации восстания и оказал вооруженное сопротивление властям 13 августа 1916 года» [149]. Затем суд постановил: «Деяния Бекбулата Ашикеева есть явное против властей, правительством установленных, восстание с намерением воспрепятствования силою не допустить исполнения указов или предписанных правительством распоряжений и мер с оказанием противодействия в вооруженными чем-либо людьми…»[150] и по законам военного времени он был приговорен к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение 9 сентября 1916 года в окрестностях города Верный (ныне Алматы), на сопке Бурундай (ныне Боралдай).

На этом судебное следствие не закончилось, допросы продолжались, приказом командующего войсками Куропаткина от 12 декабря 1916 года 23 участника восстания Джаильмышевской волости были преданы Туркестанскому военно-окружному суду для осуждения их по законам военного времени. Суд состоялся 17 февраля 1917 г. в городе Верном под председательством генерал- майора Абрамова, продлился суд до 19 февраля. В процессе судебного разбирательства все 23 подсудимых не признали себя виновными в предъявленных им обвинениях. Также,

---

Показания русских казаков: А. Малышева, Ф. Чуличкина, В. Алексеева. ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 л. 363-об.; 374-376 об; 382-382 об.

Сапаргалиев Г.С. *Карательная политика царизма в Казахстане (1905-1917 гг.).* Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1966, с.223.

Сапаргалиев Г.С., сс.224-225.

как и Ашекеева, их осудили по законам военного времени. 15 участников были приговорены к смертной казни через повешение с лишением всех прав и состояния. Сын Бекбулата Ашикеева – Абдильда Бекбулатов, хотя и признан зачинщиком, но ввиду того, что не участвовал в стычке 13 августа, был лишен всех прав, состояния и сослан на каторжные работы сроком на 20 лет. 8 человек было оправдано ввиду недоказанности их участия в восстании. В числе оправданных был Сят Ниязбеков[151].

Таким образом, судебное следствие по делу так называемого восстания казахов в Джаильмышевской волости Верненского уезда Семиреченской области под руководством Бекболата Ашекеева вылилось в массивное дело, превышающее более 800 листов, которое не осталось без внимания со стороны советских и постсоветских историков. Но следует отметить, несмотря на то, что с этим делом были знакомы многие историки, оно не стало объектом тщательного анализа и интерпретации. Примечательно, что небольшой анализ (примерно на 10 страницах, с. 218-227) этого источника имеется в монографии известного казахстанского ученого-правоведа Г. Сапаргалиева «Карательная политика царизма в Казахстане (1905-1917 гг.)», вышедшая в 1960 году. Автор использовал сведения из этого дела для восстановления событий в хронологическом порядке, которые произошли на территории Джаильмышевской волости летом 1916 года, и его анализ документа носит больше описательный характер, с перечислением тех или иных фактов.

В первый том сборника документов и материалов «Грозный 1916 год», вышедший в 1998 году в Алматы под редакцией академика М. Козыбаева, из этого дела включены лишь два документа – протоколы допросов Бекболата Ашекеева[152].

Вместе с тем, в указанном деле имеются протоколы допросов и показания участников событий 1916 года разного уровня, начиная от рядовых казахов, их руководителей до сведений представителей колониальной власти на местах, русских казаков, переселенцев-крестьян. Анализ показаний многих участников и свидетелей событий, имевших место на территории одной волости летом 1916 года, помогли нам ходе настоящего исследования, пролить свет на многие аспекты и моменты, не изученные ранее.

Бекболат Ашекеев – известный и неизвестный

Выступление казахов в Джаильмышевской волости Верненского уезда по своему масштабу не отличилось большим размахом и было достаточно быстротечным (всего один день, 13 августа, когда собственно и произошло столкновение между казахами и отрядом русских казаков). Несмотря на это, выступление казахов в Джаильмышевской волости получило широкое освещение в материалах судебного следствия, когда колониальная власть стремилась выявить организаторов и наказать их. В газете «Туркестанские ведомости» от 30 сентября 1916 г. было опубликовано сообщение о казни 9 сентября через повешение Бекболата Ашекеева «как главаря

Сапаргалиев Г.С., с.227.

Грозный 1916 год, т.1, сс.49-50; сс.54-57.

бунтовщического движения киргиз»[153]. Весь судебный процесс над Бекболатом Ашекеевым, его казнь стала своего рода показательным примером демонстрации силы колониальных властей над местным населением в случае оказания любого неповиновения и сопротивления. Позже в советское время Бекболат Ашекеев, напротив, в силу своей жертвенности и в противовес царской власти, когда он был признан главным виновником, провозглашается героем. В современной казахстанской историографии имя Бекболата Ашекеева сохранило свое символическое значение национального героя. Стоит отметить, что в его честь село Первомайское, которое находится примерно в 13 км к западу от центра города Каскелен в Алматинской области, в 2001 году было переименовано и сейчас называется Бекболат.

Что известно на сегодняшний день о Бекболате Ашекееве? О нем сохранилось очень мало сведений. В Казахской национальной энциклопедии за 2004 год находим очень скудную информацию о нем: «Бекболат Ашекеулы (1848, по др. источникам 1843, Жайилмишская волость Жетысуской обл. - 9.9.1916, Боралдай, окрестности Алматы), один из руководителей нац.-освобод. движения 1916. 7-8 июля 1916 года в местечке Ушконыр (в 40 км к З. от Алматы) Бекболат организовал сбор повстанцев Жайилмыша и прилегающих к нему районов, не желавших подчиниться указу царя от 25 июня 1916 (о мобилизации на тыловые работы муж. населения Казахстана). После подавления мятежа решением суда Верненского воен. гарнизона 7 сентября 1916 г. приговорен к смертной казни через повешение»[154]. Это небольшое сведение взято из упомянутой выше книги Сапаргалиева Г.

Имя Бекболата Ашекеева как одного из руководителей восстания 1916 года в Семиречье вошло во все школьные учебники и академические издания советского и постсоветского периодов[155]. Но во всех этих изданиях представлена скудная информация о нем, где он назван руководителем восстания в Семиречье, наряду с именем Амангельды Иманова в Тургае. Стоит отметить также публикацию директора Института литературы и искусства им. Мухтара Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан Уалихана Калижанова, опубликованную в журнале «Простор» в 2016 году, в которой автор представил художественный, героизированнный образ Бекболата Ашекеева, пытаясь интерпретировать архивные источники[156].

Восстание 1916 года в Казахстане (документы и материалы). Сост. Киреев Ф.Н., Шафиро Ш.Я. Алма-Ата: АН КазССР, 1947, с.133.

Казахстан. Национальная энциклопедия. Гл. ред. Б. Аяган. Алматы: ҚазаҚ энциклопедиясы, 2004, сс.387-388.

Бекмаханов Е., Бекмаханова Н. *История Казахской ССР. (Учебное пособие для 9-10 классов на каз.яз*). Алма-Ата: Мектеп, 1973, сс.18-19; Козыбаев М.К., Бекмаханова Н.Б. *История Казахской ССР. (Учебник для учащихся 10 кл. русских школ)*. Алма-Ата: Рауан, 1991, сс.43-44; *История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней.* В 5-ти томах. Т.3, Алма-Ата: Наука, 1979, сс.444-445; Сапаргалиев Г.С., сс.281-227; Нурпеисов К.Н. «Предводитель восставших в Семиречье». *Советы Казахстана*, 13 июля 1993; Тилеубаев Ш. «К вопросу о руководителях национально-освободительного восстания в Семиречье (на каз.яз)». *Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Исторические и социально-политические науки*, №1 (36), 2013, сс.22-27. и др.

Калижанов У., сс.116-148.

Итак, все стороны судебного процесса единодушны в своих показаниях, выделяя из многих организаторов или зачинщиков выступления именно Бекболата Ашекеева, который на основе этих показаний затем признается судом главным лидером восстания.

Показания допросов самого Бекболата Ашекеева также представляют интерес, его допрашивали дважды: 18 августа и 2 сентября 1916 года. В своих показаниях от 18 августа, когда его допрашивал коллежский секретарь Кулишев, он признается, что «дней 5-6 тому назад, молодежь Джаильмышевской волости, за исключением аулов 3, 7 и 16, собрались в урочище Ошакты в горах Ушконыр, где стоит мой аул, и там обсуждали вопрос о восстании, при чем решили не выполнять решение правительства и оказать сопротивление властям. Я поддерживал и поощрял решение молодежи, я два дня находился с ними и ожидал прихода молодежи из аулов № 3, 7 и 16, расположенных на урочище Акчи в верстах 70-ти от нас…. С восставшими ранее киргизами других волостей сношения не имел, и наше восстание было организовано самостоятельно. Собравшаяся на Ошакты молодежь имела белый флаг, но кто из них в руках его держал не знаю»[157]. [Примечание: здесь и далее по тексту сохранена орфография и пунктуация оригинала архивных источников]. В другом показании от 2 сентября 1916 года, когда допрос вел мировой судья 8-го участка Верненского уезда Нестеров, Бекболат Ашекеев, хотя и не отрицал, что присутствовал на съезде в Ушконуре 7 июля, отметил, что там «была и вся волость. Старики и я среди них стояли за то, чтобы дать рабочих, а молодежь приняла обратное решение». Далее он утверждает, что его «в день стычки с казаками на Ушконуре не было», более того, что «он отговаривал молодежь от бунта», и задается вопросом: «Почему меня указало население как главного виновника – не знаю, хотят, очевидно, пожертвовать мною как стариком». В протоколе допроса Бекболат Ашекеев вскользь упоминает интересный факт, что «отец мой, как я сам знаю понаслышке был ханом лет шесть или семь»[158]. Вероятно эта информация была им когда-то озвучена, что позволило отдельным участникам событий 1916 года считать его не только предводителем, но и ханом. Вопрос, связанный с попытками восстановить ханскую власть в отдельных регионах современного Казахстана, до сих пор остается малоизученным, но чрезвычайно интересным, даже в силу того, что «избранные» на эту роль не были выходцами из «ақ-сүйек» (аристократов – чингизидов, привилегированной части традиционного казахского общества). В нашем случае, в протоколе допроса сам Ашекеев отрицает факт избрания его ханом в ходе восстания. Об этом же пишет казахстанский историк А. Галиев в своей статье «Реконструкция традиционной системы власти в ходе восстания 1916 г. в Казахской степи»[159].

Итак, после решения молодежи игнорировать решение правительства потребовался руководитель, который мог бы возглавить это движение. В

ЦГА РК Ф.76. Оп. 1. Д.510 лл. 397-397 об.

ЦГА РК Ф.76. Оп. 1. Д.510 лл. 443-445.

Галиев А.А. «Реконструкция традиционной системы власти в ходе восстания 1916 г. в Казахской степи». *Восстания 1916 г. в Азиатской России: Неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г*. Ред.-сост. Т.В. Котюкова. Москва: Русский импульс, 2017, сс.242-249.

соответствии с обычаями и традициями кочевников, таковым мог быть только достойный человек, т.е. соответствующий определенным требованиям. Бекболат Ашекеев был человеком в возрасте, имел определенный управленческий опыт, был когда-то волостным управителем и бием. При этом народ собрался в урочище, где стоит его аул. Кроме того, сам Бекболат Ашекеев поощрял молодежь, оказывал поддержку, и такая активность не могла остаться не замеченной. Такое стечение обстоятельств вполне могло привести к тому, что народ выбрал его своим руководителем.

В данном контексте возникает вопрос о степени участия и активности представителей туземной кочевой администрации в событиях 1916 года. Трудно не согласиться с мнением казахстанского историка Далаевой Т., которая считает, что «роль волостных управителей, их деятельность и позиции в восстании 1916 г. можно охарактеризовать следующим образом: от сотрудничества к конфронтации, причем как с восставшими, так и с российскими властями… Сотрудничество же с повстанцами происходит отчасти у бывших волостных управителей, которые ныне утратили свои официальные полномочия, но сохранили свое влияние на население своих волостей, особенно в своих «партиях»[160].

Несомненно, личность Бекболата Ашекеева представляет интерес для исследователей. На первый взгляд, значимость этой личности в истории обусловлена действиями колониальных властей, которые своим показательным судебным процессом создали образ главного виновника, преступника, заслуживающего самой суровой кары, которого в последующем, как жертву, героизировала и мифологизировала другая власть. В нашем случае материалы судебного процесса показывают, что именно свидетельские показания очевидцев тех событий повлияли на решение суда о признании Бекболата Ашекеева главным лидером, руководителем восстания. Каждый свидетель при даче своих показаний преследовал свои определенные цели и намерения, но, в конечном итоге, они свелись к одному результату, когда они вольно или невольно ввели в историю фигуру Бекболата Ашекеева.

«Голоса» «соратников» Бекболата Ашекеева

Через несколько дней, 17 августа, после вооруженной стычки восставших с карательным отрядом жители Джаильмышевской волости собрались на встречу с уездным начальством, чтобы выразить свою покорность. На этой встрече со стороны властей было озвучено, что участники будут прощены, но при этом ими было выдвинуто основное условие – назвать имена зачинщиков волнения. По показаниям Андрея Малышева, старшего урядника станицы Каскеленской, собравшиеся казахи

[160] Далаева Т. «Роль казахских волостных управителей в восстании 1916 г». *Восстания 1916 г. в Азиатской России: Неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.).* Ред.-сост. Т.В. Котюкова. Москва: Русский импульс, 2017, сс.229-242.

Джаильмышевской волости указали на своих руководителей и назвали имена 15 человек, многие из которых находились в толпе[161].

Названные лица были арестованы и вместе с Бекболатом Ашекеевым были отправлены под конвоем в город Верный, где 18 августа были допрошены коллежским секретарем Кулишевым. Всего было допрошено 12 человек, которые отрицали свое участие в восстании и свою активную роль как организаторов. Практически все отводят Бекболату Ашекееву роль организатора и руководителя. Так, допрошенный казах аула № 4 Дюсебек Касымбеков, 55 лет, дает следующие показания: «Я лично в организации возстания участия не принимал, организовал таковую киргиз аула № 4 Бекбулат Ашакеев, собрав в своем ауле всю молодежь, кроме аулов 3,7,9 и 15». Другой свидетель Кадырбек Караксин, казах аула № 8, 74-х лет показывает: «Я живу на долине, южнее почтовой дороги, слышу, что киргиз Бекбулат Ашакеев организовал шайку возстанцев из молодежи Джаильмышевской волости, кроме аулов № 3, 5 и 9 для оказания сопротивления властям…. Кто кроме Бекбулата принимал участие в организации возстания я не знаю». Брат Бекболата Ашекеева, Сармамбек (Сармамбет) Ашекеев, 65 лет подтверждает слова других очевидцев: «несколько дней тому назад я слышал, что Бекбулат Ашакеев (мой родной брат) на ур. «Ошакты» собирает народ для оказания сопротивления властям». Аспан Букенбаев свидетельствовал, что «дней 10 тому назад Бекбулат Ашакеев на ур. Ошакты в своем ауле начал собирать народ из молодежи для оказания сопротивления властям. Несколько дней назад, как-то проезжая, я лично видел, как Бекбулат Ашакеев поставил белый флаг сидел сам под флагом, собрав вокруг себя народ»[162]. Эти показания были подтверждены другими свидетелями Серикбаем Аманжоловым, Сарыгазаком Салтанаевым, Екейбаем Саткыновым и другими.

Примечательно, что все эти показания даны людьми, которые сами в свою очередь были указаны в качестве руководителей восстания. Но, как видно из протоколов допроса, все они отрицают свое активное участие и свою роль как организаторов восстания и перекладывают ее на Бекболата Ашекеева. Понятно, что в первую очередь они руководствовались личными интересами, страхом и опасением за свою жизнь, страхом понести наказание. Думается также, что такое единство в показаниях, вызвано и тем, что после избрания руководителем Бекболата Ашекеева, они считали именно его законным лидером, признавая его авторитет и верховенство, и, на полном основании, с легкостью отказывались от роли организаторов и указывали на Бекболата.

«Голоса» по ту сторону баррикад
(Показания русских казаков, переселенцев)

В ходе судебного процесса были также допрошены участники подавления восстания. Один из них – Александр Филиппов, 46 лет, казак Мало-Алматинской станицы 8 сентября 1916 года в своих показаниях мировому судье 8-го участка

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 л. 401.
ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 л. 398-400.

Верненского уезда Нестерову говорит о том, что 13 августа прибыл из Ушконура Верненский уездный начальник с 47 казаками, и «я присоединился к нему и вновь наш отряд отправился на Ушконур. В горах против Чамолгана было обнаружено большое скопище киргиз около тысяча человек. На одной из вершин здесь развивался белый флаг и вокруг него группировались киргизы, постепенно съезжаясь к этому пункту. … Знамя или белый флаг, которое во время стычки возил какой-то киргиз, было брошено и его подобрал Андрей Малышев, но древко было оставлено в горах, взято же только белое полотнище. Я видел это древко: оно было испачкано кровью в виде зигзагообразных полосок, словно от прикосновения пальцами. На четвертый день после стычки население изъявило покорность и выдало главарей»[163].

Трофим Иванов, вахмистр Каскеленской станицы, 42-х лет подтверждает вышеуказанные показания: «На большом бугре развивался белый флаг, вокруг которого была большая толпа около тысячи киргиз, с криками стягивавшихся к флагу. …Наш отряд пододвинулся поближе к толпе и дал залп, не достигший цели. В ответ на залп со стороны скопища последовал тоже выстрел. После второго залпа киргизы от флага сбежали в лог, захватив собой и флаг. Мы же, преследуя убегающих, выехали на бугор… Киргиза, который вез флаг, я стал преследовать и видел, как он после сделанного мною выстрела выронил из руки флаг, а сам скрылся за бугор… Я подобрал только полотнище, а древко, запачканное по середине кровью, бросил. От киргиз слышал, что на древко было на конце вверху надето золотое кольцо отца – Бекбулата Ашикеева – Ашикея…»[164]. Во многих показаниях русских казаков имеются сведения о том, что казахи единодушно называли имя Бекболата Ашекеева, как организатора восстания. Так Андрей Малышев, старший урядник станицы Каскеленской, который принимал участие в преследовании восставших и сам непосредственно вел переговоры с бунтовавшими казахами, приводит следующие сведения: «… я с объездчиком Чумичкиным (живет в М-Атинской ст.) поехали и уговорили толпу этих киргиз (человек в 300) не бояться, а выдать только главарей. Они все подъехали к юрте, где был Скатов, спустились и все пали на колени. Я объяснил вторично им, что от них нам нужно только указание виновников. Первым они назвали Бекбулата Ашикеева с сыном…»[165].

Федор Чуличкин, урядник Мало-Алматинской станицы, который был рядом с урядником Малышевым во время переговоров с восставшими, также подтверждает его слова: «Версты за четыре мы нагнали их и убедили остановиться толпу верховых киргиз около 200 человек. Когда мы подъехали ближе, киргизы как один человек спешили и упали на колени. Малышев стал им говорить по киргизски, зачем они решились на такой безумный шаг, как возстание против нашего Государя. Киргизы стали плакать и целовать у нас ноги, крича, что они не виноваты, что их принуждали бунту главари, которых они готовы выдать. Тут подъехали еще человек 100 киргиз и вся эта толпа последовала за нами к той юрте, где были уже трое арестованных.

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 л. 520-521.
ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 573-574.
ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 363-366 об.

Скатов и Решетников стали спрашивать у киргиз, кто их подговорил и склонил к бунту. Первого указали на Бекбулата Ашикеева, который по их словам, как только побывал в Мекке то стал враждебно относиться ко всему русскому населению» [166].

Подобные сведения находим в показаниях Георгия Феоктистова, казака станицы Каскеленской: «… Вскоре киргизы стали подходить толпами, человек по 40-50. Саженях в 200-х от юрты они были собраны и собралось их человек триста. Начальник команды спросил, кто был их руководителем, и вся толпа закричала: «Бекбулат», «Бекбулат». У Плотникова был список главарей и об них даже расспрашивал о каждом у населения Начальник, виноват ли он в бунте. Киргизы подтверждали и оговоренных выдвигали из своей среды. Всего набралось тринадцать, а четверых в толпе не оказалось»[167].

Как видим, показания казаков подтверждают не только лидерство Бекболата Ашекеева, но и наличие у него атрибутов ханской власти. Важнейшим атрибутом власти признается белый флаг, вокруг которого и группировались все участники восстания. Сам Бекболат Ашекеев в своих показаниях также говорит о том, что «флаг из белой тряпки на палке я видел, но сам его не поднимал и кто держал его во время стычки – не знаю»[168].

Ни в одном из показаний 12-ти активных участников восстания нет упоминаний наличии флага среди восставших. О флаге упоминают отдельные свидетели из местного населения, правда, с существенной оговоркой, что слышали о его наличии, видели издалека. Выходит, что только русские казаки в своих показаниях четко говорят о том, что видели флаг, более того, даже держали его в руках.

В материалах рассматриваемого дела фигурируют также свидетельские показания двух солдат, отбывавших наказание за дезертирство, которые находились в одной камере вместе с задержанными организаторами восстания, которые, по их же словам, знали казахский язык. Итак, показания Степана Юрченко, 23 лет, лишенного воинского звания за побег из гауптвахты по решению Военного Окружного: «Я нахожусь в одной камере с двенадцатью киргизами Джаильмышевской вол., задержанными по подозрению в участии в бунте, с которыми нахожусь до сего времени вместе. Владея киргизским языком, я понимаю и то, о чем они иногда ведут разговоры эти лица. Беседуя между собой, они высказывают опасения, как бы русская власть не нашла спрятанные ими и хранящиеся у какого-то Волостного Управителя список участников их клятвенного обещания проливать русскую кровь, как кровь той лощади, которую они закололи и как бы не пропало и не попортилось спрятанное в 2 верстах от их аула оружие… Относительно Бекбулата, сидящего в одиночном заключении, двенадцать заключенных опасались, как бы Бекбулат их не выдал, а другие успокаивают, что наоборот, что он все примет на себя и их оправдают»[169].

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 374-376 об.
ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 574об, 575.
ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 443-445.
ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 497-497об.

Другой свидетель, Давид Винницкий, 38 лет, крестьянин Акмолинской области, осужден за побег из гауптвахты, отбывал наказание 10 лет каторжной работы, приводит следующие сведения: «Я помещаюсь в одной камере с 12 киргизами Джаилмышевской вол. Понимая и владея их языком, урывками слышал их разговор между собой. По смыслу этих обрывков их бесед выходит так, что они принимали между собой какую-то присягу на крови старой лощади и клялись уничтожать враждебный им русский народ, проливать кровь русских как кровь этой лошади. Задержанные опасаются, как бы не нашелся список всех тех лиц, которые участвовали в совершении этого обряда. Список этот находится у какого-то Волостного Управителя, имя и фамилию которого разговаривавшие не называли, а говорили, что русская власть его не подозревает в бунте. Высказывали еще опасения насчет оружия. О Бекбулате Ашикееве одни задержанные высказывали сомнения, как бы он их не предал из боязни перед смертной казнью, но большинство выразило уверенность, что Ашикеев, наоборот, все примет на себя, а остальных не выдаст, чтобы они поддерживали дух молодежи»[170].

Чем интересны показания этих людей, которые не являлись непосредственными участниками или очевидцами событий июля-августа 1916 года? Заслуживают внимания те сведения, которые мы не встречали ранее в других свидетельских показаниях, например: сведения о наличии оружия у восставших, определенного плана действия и составленного списка участников. Конечно, возникают закономерные вопросы: если был определенный план действий и большое количество огнестрельного оружия, то почему восставшие не действовали четко по плану и не использовали ружья в полной мере? Напомним, что стрельба казаков из огнестрельного оружия привела в замешательство и бегство восставших. Полагаем, что, хотя восставшие в своем арсенале имели ружья, их, по всей вероятности, было очень мало, большей частью они были вооружены деревянным оружием. В большей степени, эти показания интересны тем, что дают представления о взаимоотношениях между переселенческим русским и казахским населением. Как указано выше, оба свидетеля хорошо владеют местным языком, более того, Давид Винницкий не только знал язык, но и понимал содержание отдельных религиозных ритуалов. Так, он смог объяснить содержание выражения «алоху акбар» переведя его как «Да поможет ему Бог во всех его предприятиях». Это говорит о наличии глубоких, разнообразных связей между местным населением и переселенцами, а не только постоянной вражды между ними, как свидетельствовал ряд представителей официальных властей. Хотя нельзя упускать из виду, что многое зависело от того, как долго жили в Семиречье русские переселенцы, т.е. так называемые «старожилы», которые переселились еще в период правления Г.А. Колпаковского. Или те русские крестьяне, которые прибыли в край относительно недавно, незадолго до событий 1916 года, в конце XIX – начале вв., с которыми у кочевого местного населения были весьма сложные отношения.

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 498-499.

Таким образом, свидетельские показания русского населения по большей части прямо указывают на лидирующую роль Бекболата Ашекеева в событиях лета 1916 года на территории Джаильмышевской волости.

«Голоса» коллаборационистов

Активную роль Бекболата Ашекеева в восстании подтверждают и представители местного населения, которые активно сотрудничали с колониальной властью. Так, Балгабек Тюлегенов, житель аула № 1, который был в составе комитета, созданного уездной администрацией для поимки руководителей восстания, показывал: «Я живу на границах Джаильмышевской и Чемолганской волостей, на уроч. Ушконур. Как-то вечером в августе месяце я заметил, что на Ушконуре, в верстах 5 от моей юрты, Бекбулат Ашикеев и с ним около тридцати неизвестных мне киргиз Джаильмышевской волости поставили белый флаг…». В конце своих показаний он указывает: «Само собравшееся население назвало Ашикеева главным руководителем бунта»[171]. Примечательно, что Балгабек Тюлегенов среди тридцати людей никого не узнает, кроме Бекболата Ашекеева. Складывается ощущение, что его показания заранее были предопределены, т.е. он был проинструктирован признать Ашекеева главным руководителем, а значит и главным виновников тех событий.

Уразали Манкин, почетный житель аула № 2 Чемолганской волости, который также являлся членом вышеуказанного комитета и присутствовал на переговорах начальника отряда с восставшими 17 августа 1916 года, приводит сведение о том, что «… общество само указало своих главарей в числе тринадцати человек». А Бекболата Ашекеева по его словам «само население объяснило, что избрало его ханом, т.к. отец Ашикеева в старину был ханом, хотя всего одну неделю»[172].

Сведения Галимкула Худайкулова, муллы Джаилмышевской волости, которые он дает Начальнику Верненского сыскного отдела Петрову от 18 августа 1916 г. являются показательными, где он всеми силами демонстрирует свою лояльность властям. «Живу я близ Каргалинского моста, где построена мечеть, в которой числюсь указным муллой. По получению поручения о призыве киргиз на работы, я собрал волостного, старшин, биев и почетных лиц, разъяснил всем им требования русской власти и сказал, чтобы все было исполнено в точности. Все собравшиеся согласились с моими требованиями и решили составить списки»[173]. В других показаниях, данных им судье Нестерову, Худайкулов по наставлению управителя Джаильмышевской волости Бейсембая Чалбарджапова 8 августа поехал переубеждать своих восставших сородичей, был задержан ими и несколько дней, до 12 августа находился у них в плену в местности Узун-Каргалы. Показания его, в основном, строятся на услышанном им из разговоров бунтующих казахов смежных волостей: «Из разговора я понял, что в бунте участвовало 150 из Джаилмышевской вол. и 350 из Каргалинской вол. Здесь было совещание между мятежниками, было решено в ночь напасть на село Татьяновское. Во время совещания из гор приехало 4 гонца,

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 425 об-428.
ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 429-431.
ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 361-362.

сообщившие, что Бекбулат Ашикеев уже выкинул флаг своего отца Ашикея и что все джаилмышевцы направились туда»[174]. Находясь в плену, пойдя на уловку, заверив, что он присоединится к восставшим, мулла Худайкулов был освобожден и отпущен восставшими. И как он свидетельствует далее: «На другой день обо всем виденном доложил Волостному управителю и назвал главных руководителей. На основании моего донесения Управитель послал рапорт Уездному начальнику»[175]. Понятно, что карательный отряд, посланный на подавление восстания, имел на руках список с фамилиями предполагаемых руководителей, среди которых был и Бекболат Ашекеев.

Волостной управитель Джаильмышевской волости Бейсенбай Чалбарджапов в своих показаниях также демонстрирует свою лояльность колониальной власти, делая своевременные рапорты уездному начальству с указанием фамилий активных участников, которые ему были предоставлены муллой Худайкуловым и другими лицами[176].

Остановимся на показаниях околоточного надзирателя Джайнакова Нургали, который служил по вольному найму в городском полицейском управлении в городе Верном. Его допрашивали несколько раз, 23 августа 1916 года он давал показания ротмистру Железнякову, жандарму отдельного корпуса и мировому судье 8 участка Верненского уезда Нестерову и в 3-ий раз уже на суде в феврале 1917 года в Верном. Стоит отметить, что из всех протоколов дознания, которые имеются в деле, показания Джайнакова по своему содержанию самые противоречивые, одновременно очень информативные. Так, в показаниях, данных им мировому судье 8 участка Верненского уезда Нестерову, Джайнаков уверенно заявляет, что он «прибыл 8 июля

Ушконур, там было 400 человек и видел в числе участников киргиз Джаилмышевской волости бывшего волостного управителя Сята Ниязбекова, он играл первую роль на съезде и подбивал киргиз этой волости не давать рабочих»[177]. В показаниях ротмистру Железнякову Джайнаков также подробно описывает свою поездку в урочище Ушконур, по поручению полицмейстера г. Верного Поротикова для подтверждения сведений о готовившемся выступлении казахов. По его словам: «Приехал я в Ушконур вечером до захода солнца. На площадке я увидел человек 400, т.к. все начали разъезжаться. Я сел между оставшимися. К этому времени уже были выбраны 2 депутата, один Дюсебек Касымбеков, а второй Надырбек (фамилии не знаю.), оба пожилые. Лично я слышал, как Сят Ниязбеков, обращаясь к оставшимся говорил: «Народ! Не дадим людей, будем все как один». После этих слов совершили «бату», которая состояла в том, что все присутствовавшие стали, сложили руки и со словами «алаху акбар» провели ладонями рук по лицу. Перевести выражение «алаху акбар» не могу дословно, но оно означает согласие на решенный вопрос, что-то вроде клятвы». В заключении своих показаний он сделал следующий вывод: «Из всего виденного и слышанного мною, я получил вполне точное представление, что всем руководил Сят Ниязбеков…». И еще одно весьма интересное наблюдение,

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 л.390.
ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 390 об-391.
ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 392-394.
ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 372-373.

отмеченное им, что «руководители отказа от набора были богачи, а не беднота. Почему именно оказались руководителя богачи и влиятельные киргизы, я не знаю и объяснить этого не могу»[178].

В суде, который состоялся в феврале 1917 года, он кардинально меняет свои показания, утверждая, что «прибыл в Ушконур 9 июля, … никакого сборища киргиз не застал, сам лично не видел Сята Ниязбекова на съезде и о его деятельности ничего не знает»[179]. Показания против Сята Ниязбекова, данные им ранее, он объяснил, что они были даны под давлением полицмейстера Поротикова.

Как было сказано выше, показания Нургали Джайнакова, несмотря на противоречивость, предоставляют для исследователя важную информацию для размышления. Так, весьма интересно наблюдение информатора о том, что на роль руководителей выступлений могут претендовать богатые и влиятельные люди, хотя объяснить это он не мог. Это утверждение Джайнакова идет вразрез стереотипным выводам советских исследователей о ведущей роли исключительно народных масс в лице бедняков, что не соответствует той действительности, в которой происходили, например, события 1916 года. В традиционном обществе место и роль индивида определяется такими категориями как возраст, социальное положение и экономическое состояние. Следовательно, все претензии на лидерство простого, бедного человека не получили бы широкой поддержки со стороны общества.

Еще один весьма важный момент, на который хотелось бы обратить внимание при анализе показаний Нургали Джайнакова. В отличие от многих рассмотренных протоколов допроса, в своих свидетельских показаниях Нургали Джайнаков затрагивает фигуру Сята Ниязбекова, весьма влиятельного человека в Семиречье, практически не упоминая Бекболата Ашекеева, как это было во всех других показаниях. На наш взгляд, личность Сята Ниязбекова примечательна тем, что его жизненный путь тесно переплетается с жизненными перипетиями Бекболата Ашекеева.

Сят Ниязбеков родился в ауле №1 Джаильмышевской волости в 1855 году. Он долгие годы был волостным управителем, в первый раз был избран волостным в 1891 году, занимал эту должность 3 срока, т.е. 9 лет. В этот же период Бекболат Ашекеев избирается бием 4-го аула этой же волости. В 1901-1903 гг. Сят Ниязбеков не проходит на выборах на должность волостного управителя, избирается бием 1 аула, победу одерживает Бекболат Ашекеев. На следующих выборах 1904-1906 гг. Сят Ниязбеков вновь избирается волостным управителем. В 1913 году, он в числе 8 участников от Семиреченской области принимал участие в торжествах, посвященных празднованию 300-летия дома Романовых. В период, когда он отсутствовал, должность волостного управителя занял сын Бекболата Ашекеева - Абдильда [180].

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 407-408.

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 лл. 301-302.

Сведения о Сяте Ниязбекове взяты из: Оразов Р. Е. «Восстание 1916 года и Сят Ниязбеков» (на каз.яз).

Сят Ниязбеков принимал активное участие в собрании казахов трех волостей Верненского уезда в урочище Ушконыр 7 июля 1916 года, на котором было принято решение людей на тыловые работы не давать. По обвинению полицмейстера города Верного ротмистра Поротикова он был заключен в тюрьму 16 июля 1916 года и находился там вплоть до февральских событий 1917 года, когда и был оправдан. Находясь в заключении, Сят Ниязбеков не участвовал в стычке между казахами и русскими казаками 13 августа 1916 года в урочище Ушконыр. История не знает сослагательного наклонения, однако можно предположить, что в случае участия Сята Ниязбекова в данной стычке, вполне возможно, что именно он мог претендовать на роль лидера наряду или вместо Бекболата Ашекеева. Политическая конкуренция, которая сопровождала противостояние этих двух личностей, проявилась на судебном процессе, о чем свидетельствует ряд показаний. Так, Тастемир Богубаев, 54-х лет, казах №10 аула Джаильмышевской волости, грамотный, бывший народный судья, дает следующие сведения: «Мне ничего по делу о бунте в нашей волости неизвестно. Слышал, что Бекбулат Ашикеев поднимал флаг и собирал народ, для чего не знаю. Жил я в то время на Чимбулак. В партии Бекбулата я никогда не был, а при выборах на должность управителя всегда поддерживал партию Сята Ниязбекова» [181]. Следующее показание Отарбая Бурлыбаева, 43-х лет, казаха №11 аула: «Во время лета жил я в горах на озере «Джасыл-куль» и здесь впервые от беглецов из Ушконура услышал, что там Бекбулат Ашикеев собирал народ и поднимал флаг, почему прибыли казаки и открыли стрельбу. Бунт начался из-за призыва киргиз на работы в тыл армии. Сам я ничего по делу не знаю. В партии Бекбулата не был»[182]. И наконец, еще одно показание Дерибека Кадырбекова, 64-х лет, казаха №7 аула: «В июле месяце, впрочем я не знаю в каком месяце, но еще до бунта в нашей волости переселенческие чины переписывали скот. Для этой цели собирались киргизы всей волости на Ошакты. О призыве рабочих нам было объявлено еще до переписи. Я был на Ошактах и видел здесь и Сята Ниязбекова, но никакого суждения по поводу призыва в этот раз мы не имели. Спустя через месяц произошел бунт, но участниками безпорядков были только сторонники Бекбулата Ашикеева, ныне все почти задержанные. Я же лично состою в партии Сята Ниязбекова. И Сят Ниязбеков и сын Бекбулата – Абдильда бывшие управители нашей волости. Сят Ниязбеков был устранен от должности, его место заступил Абдильда, но также был устранен, по каким причинам оба были устранены не знаю»[183].

Наличие внутрипартийной борьбы в Джаильмышевской волости, противостояния между Сятом Ниязбековым и Бекболатом Ашекеевым подтверждает

Балгабек Тюлегенов, активно сотрудничавший с представителями колониальной власти: «На съезде, проходившем в начале июля с.г. в местности Ушконур, я не был. А только слышал, что на этом съезде Бекбулат Ашикеев поссорился с Сятом

«Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане: Новый взгляд на историческое событие». Алматы, 2006, сс.101-104.

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 л.699.

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 л.701.

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 л.713.

Ниязбековым, из-за чего мне киргизы не объяснили» [184]. Незначительная на первый взгляд информация, которая имеется в последних показаниях, проливает свет на проблемы, которые имели место в кочевом обществе в рассматриваемый период. Очень сложно проследить по данным показаниям, как внутрипартийная борьба могла повлиять на ход событий 1916 года на территории той же Джаильмышевской волости. Было бы интересно знать, были ли аулы, которые в большинстве своем поддержали действия Бекболата Ашекеева или, напротив, были ли те, кто не участвовал ни в каких действиях? Ясно одно, что внутрипартийная борьба однозначно имела место в казахском обществе в начале XX века.

«Голоса» участников в воспоминаниях в советский период

23 июня 1926 года на заседании комиссии Казкрайкома ВКП (б) по организации 10-летней годовщины восстания 1916 года в Казахстане было принято решение: «1) Воздержаться от празднования 10-летней годовщины до подбора материалов, освещающих восстание. 5). Через печать сделать обращение к участникам восстания очевидцам прислать в редакцию статьи, рукописи, воспоминания…»[185].

В 1936 году 20-летие событий восстания 1916 года в Казахстане получило широкое освещение. Так, в постановлении Казкрайкома ВКП (б) «О 20-летии восстания казахского народа в 1916 году» отмечалось, что «20-летие восстания 1916 года является важнейшим событием в истории национально-освободительной борьбы казахского народа против русского самодержавия, против политики национального гнета и колониального грабежа…»[186]. Среди многих запланированных мероприятий в рамках юбилейной даты планировалось «издать воспоминания участников восстания 1916 года, судебно-следственные показания наиболее активных участников восстания», эта работа возлагалась на коллектив Казахского научно-исследовательского института марксизма-ленинизма. Как мы видим, работа по сбору воспоминаний участников событий 1916 года началась с 1926 года и в 1936 году было собрано немалое количество материалов, большая часть которых была опубликована.

Для нашего исследования интерес представляет воспоминание С. Бекбулатова о событиях 1916 года в Джаильмышевской волости. Возникают вопросы, кто этот информатор? Действительно ли он был очевидцем тех событий, имеет ли какое-нибудь отношение к Бекболату Ашекееву? На поставленные вопросы найти ответы сложно. Из архивной копии воспоминания объемом 7 печатных страниц известно только то, что информатор проживал в городе Алма-Ата, на улице Степная 11.

Информатор, в присущей на тот период советской риторике ярко, пафосно описывает ход событий лета 1916 года в Джаильмышевской волости. В целом, ход событий, который описывает информатор, соответствует материалам рассмотренного нами выше дела, автор называет многие имена тех, кто был участником тех событий

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510 л.581.

Архив Президента Республики Казахстан (АП РК) Ф.141 Оп.1 Д.692 л.5.

АП РК Ф.811 Оп. 8 Д.86 лл. 20-21.

(мулла Худайкулов, волостной управитель Бейсембай Чалбарджапов, казак Андрей Малышев и др.). В тексте имеются неточности в датах (информатор основные события датирует месяцами июнь-июль), количество казаков, отправленных на подавление восстания у него доходит до 150 человек, количество солдат, посланных на поимку участников восстания до 500.

В центре воспоминания – образ Бекболата Ашекеева, которому информатор придает особые героические качества. Он описывает мужественное поведение Бекболата Ашекеева после ареста, приводит речь и слова Бекболата, которые придают ему еще более героический образ: «Бекболат, обращаясь к своим 18 товарищам, говорит: «Все равно нас теперь расстреляют, лучше вы молчите, ничего не говорите, о народе скажите – мы ничего не знаем, я сам буду отвечать…»[187].

Показательны сведения информатора о том, как проходил допрос Бекболата Ашекеева: «Полевой суд допрашивал Бекболата: «Почему подняли восстание против царской власти под мотивом – не дадим солдат? Бекболат ответил, что восстание возникло не только в результате одного желания властей мобилизовать казахов в армию, а в результате колонизаторской политики, забирали лучшую землю казахов, выгнали казахов в горы, причем не осталось никакой совести у царя Николая, облагали бедняков и батраков разными налогами наравне с баями и т. д. Восстание возникло не только в Жаильмысской волости, но оно уже возникло в разных местах, оно растет как пожар. Вы хотели сегодня отрубить мою голову, но завтра они отрубят вашу голову»[188].

Как мы видим, в воспоминаниях, записанных через 20 лет после событий, Бекболату Ашекееву приписываются слова, речи, возможно, и поступки, которые он не совершал, что придает восстанию более персонифицированный характер.

Заключение

Итак, наше исследование основано на анализе одного объемного архивного дела, которое позволило нам услышать множество «голосов» рядовых участников и очевидцев событий лета 1916 года на территории одной волости. Мы попытались показать, что эти «голоса» являются не просто показательной базой судебного процесса. Эти «голоса» позволили нам увидеть ряд проблем, которые имели место в казахском обществе в начале XX века: наличие внутрипартийной борьбы, разная степень сотрудничества и конфронтации казахов с представителями колониальной власти, разнообразные личностные связи кочевников и переселенцев.

Прежде всего, многочисленные свидетельские показания участников и очевидцев тех событий были направлены на выявление главных руководителей и зачинщиков восстания, и эти показания в дальнейшем оказали существенное влияние

АП РК Ф.811 Оп.6 Д.153 л. 75.
АП РК Ф.811 Оп.6 Д.153 л.76.

на принятие решений колониальными судебными органами, а также и на дальнейшее освещение этих событий советскими и постсоветскими историками.

Как мы видим, в своих показаниях практически все участники событий лета 1916 года на территории Джаильмышевской волости Верненского уезда Семиреченской области единодушно признали руководящую роль Бекболата Ашекеева. Позже, официальные структуры и историки использовали эту фигуру для своих пропагандистских и идеологических целей, возвеличивая и мифологизируя его роль в исторических событиях 1916 года. В то же время, сводить роль Бекболата Ашекеева лишь к идеологическому конструкту официальных лиц и академического сообщества будет упрощением трагических событий далекого 1916 года. Логика массового сопротивления неминуемо должна была привести к выбору лидера, соответствующего народным представлениям, который смог бы возглавить народ в трудный период. Как видим, народные массы, основываясь на своих традициях и представлениях, совершили этот выбор. Другой вопрос, что этот выбор не успел получить своего завершенного и окончательного оформления, и сам Бекболат Ашекеев с силу разных причин не успел совершить те действия и поступки, «приписанные» ему историками позже, в силу достаточно быстрого подавления карательным отрядом этого выступления.

Список источников и литературы:

Абдрахманов Ю. *Доклад на торжественном заседании, посвященном 15-летию восстания 1916 года.* Фрунзе, 1931.

Басин В.Я., Сулейменов, Б.С. *Восстание 1916 года в Казахстане. (Причины, характер, движущие силы).* Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1977.

Бекмаханов Е., Бекмаханова Н. *История Казахской ССР. (Учебное пособие для 9-10 классов на каз.яз*). Алма-Ата: Мектеп, 1973.

Брайнин С., Шафиро Ш. *Восстание казахов Семиречья в 1916 году*. Алма-Ата-Москва: Казахстанское краевое изд-во, 1936.

Восстание 1916 года в Средней Азии. (*Сборник документов*). Ред. П.Г. Галузо. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932.

Восстание 1916 г. в Киргизстане. (*Документы и материалы, собранные Л.В. Лесной)*. Ред. и предисловие Т.Р. Рыскулова. Москва: Социально-экономическое изд-во, 1937.

Восстание 1916 года в Казахстане. (*Документы и материалы*). Сост. Ф.Н. Киреев, Ш.Я. Шафиро. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1947.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (*Сборник документов*). Ред. А.В. Пясковский. Москва: Изд. АН СССР, 1960.

Галиев А.А. «Реконструкция традиционной системы власти в ходе восстания 1916 г. в Казахской степи». *Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном. (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.)*. Ред.-сост. Т.В. Котюкова. Москва: Русский импульс, 2017, сс. 242-249.

Гинзбург К. *Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в*. Москва: Изд. РОССПЭН, 2000.

Грозный 1916 год. *Сборник документов и материалов*, тт.1-2. Алматы: Казахстан, 1998.

Далаева Т. «Роль казахских волостных управителей в восстании 1916 г». *Восстания 1916 г. в Азиатской России: Неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.).* Ред.-сост. В. Котюкова. Москва: Русский импульс, 2017, сс.229-242.

Зорин А.Н. *Революционное движение киргизов (Северная часть).* Фрунзе: Киргосиздат, 1931.

История Казахстана. (Курс лекций). Ред. К. С. Каражан. Алматы: Нур-пресс, 2009.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах. Т.3, Алма-Ата: Наука, 1979.

Казахстан. Национальная энциклопедия. Гл. ред. Б. Аяган. Алматы: ҚазаҚ энциклопедиясы, 2004, сс.387-388.

Калижанов У. «Мятежная степь. Правда о восстании 1916 года языком архивных документов». *Простор*, №8, 2016, сс.116-148.

Козыбаев М.К., Бекмаханова Н.Б. *История Казахской ССР. (Учебник для учащихся 10 кл. русских школ)*. Алма-Ата: Рауан, 1991.

Материалы к докладу о двадцатилетии киргизского восстания 1916 года (на правах рукописи). Фрунзе: Киргосиздат, 1936.

Нурпеисов К.Н. «Предводитель восставших в Семиречье». *Советы Казахстана*, 13 июля 1993, с.5.

Оразов Р. Е. «Восстание 1916 года и Сят Ниязбеков» (на каз.яз). *Сборник статей республиканской научно-практической конференции, посвященной 90-летию восстания «Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане: Новый взгляд на историческое событие»*. Алматы, 2006, сс.101-104.

Сапаргалиев Г. С. *Карательная политика царизма в Казахстане (1905-1917 гг.).* Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1966.

Тилеубаев Ш. «К вопросу о руководителях национально-освободительного восстания в Семиречье» (на каз.яз). *Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Исторические и социально-политические науки»*, №1 (36), 2013, сс.22-27.

Архивные материалы

АП РК Ф.141 Оп.1 Д.692; Ф.76 Оп.1 Д.510; Ф.811 Оп.8 Д.86; Ф.811 Оп.6 Д.153.

Показания русских казаков: А. Малышева, Ф. Чуличкина, В. Алексеева. ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.510.

Мусульманский фактор и «духовенство» в туркестанских событиях 1916 года: роль и значение глазами российских чиновников

Ойбек Махмудов

Аннотация

статье на основе опубликованных и неопубликованных архивных документов рассматривается как видели, представляли и репрезентировали колониальные российские чиновники роль исламского фактора и участия мусульманского «духовенства» в событиях 1916 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве.

Вопрос о мировосприятии различными слоями колониальных чиновников Туркестана местного населения, его взглядов, отношение и понимание «туземцев» является весьма важным. Исследование проведено на основе рапортов, донесений, отчетов российских колониальных чиновников и других архивных материалов, посвященных событиям 1916 года в некоторых районах Туркестана. На их основе прослеживается роль ислама и мусульманского «духовенства» в этих событиях глазами самих чиновников.

Понимание этих вопросов позволит лучше понять механизм принятия решений российскими властями, приведший к трагическим событиям 1916 г.

Ключевые слова: *1916 год, Туркестан, ислам, мусульманское «духовенство», «туземцы», Джизак, Ферганская область, Самаркандская область, А.И. Гиппиус, Н.С. Лыкошин, колониальные чиновники.*

Введение

Население Туркестанского края в своем абсолютно подавляющем большинстве являлось мусульманами суннитского толка и влияние ислама и мусульманского «духовенства»[189] на его жизнь, взгляды и представления по отношению к российским колониальным властям было огромным (хотя оно, конечно, отличалось у разных среднеазиатских народов). Неудивительно поэтому, что представители российской колониальной и имперской администрации очень часто видели или, по крайней мере, подозревали во многих происходящих выступлениях местного населения против российских властей влияние или прямое подстрекательство мусульманского «духовенства». Так было и с Андижанским восстанием 1898 года, и с рядом других

[189] Здесь и далее под понятием «мусульманское духовенство» я понимаю всех лиц, официально и неофициально причастных в глазах колониальной администрации к исполнению различных требований и обрядов ислама, в том числе, и судебных. В документах их называли *муллами, ишанами, ходжами, казиями* и т.д., не всегда до конца понимая подлинный смысл употребляемых терминов. В исламе не существует рукоположения и посвящения, как в христианстве. Каждый знающий мусульманин может прочитать молитву и провести обряд. Поэтому применение термина «духовенство» по отношению к *муллам, ишанам, ходжам, казиям* и т.д. не совсем корректно, хотя активно и широко применялось европейцами по аналогии с христианским духовенством для удобства обозначения в документах и институциализации управления подчиненными мусульманскими территориями в религиозном отношении.

движений, в «подстрекательстве», в которых обычно обвиняли различных духовных мусульманских лидеров, часто не пытаясь даже разобраться в глубоких социальных и экономических причинах народных выступлений. Подобные же представления существовали и относительно событий 1916 года.

Конечно, поиск причин выступления «туземцев» против российской власти в перманентной ненависти «мусульман» к «неверным» русским было намного легче, чем пытаться разобраться в подлинных причинах недовольства местного населения Туркестанского края политикой и неудовлетворительными методами управления колониальной администрации. Именно поэтому исламский фактор в недовольстве российской властью в Туркестане был столь популярен среди краевого чиновничества всех уровней. Об этом очень много писалось на самом высоком уровне[190].

Но также важно понять, а не являлись ли эти представления, в значительной мере, упрощением ситуации и причин событий 1916 г., представлявших собой, как известно, целый комплекс социально-экономических и других проблем. Представление, что ислам был одним из важнейших двигателей событий 1916 г., хотя разделялся не всеми российскими чиновниками, но все же занимал важнейшее место в представлениях практически всего российского туркестанского чиновничества и колониального общества в целом. Скорее всего, чиновникам было удобнее все проблемы российской власти в крае сваливать на «исламский фактор», и соответственно все усилия и внимание сосредотачивать на борьбе с «влиянием фанатически настроенных» мулл, ишанов и т.д. на местное население, чем замечать, а соответственно и решать проблемы, накопившиеся за десятилетия власти России в Туркестане. Это была попытка, так сказать, «спрятать голову в песок» и идти по пути наименьшего сопротивления, не обращая внимание на все эти проблемы, копившиеся десятилетиями, и надеясь, что все как-нибудь разрешится само собой. Вся эта инертность чиновничества, намеренное закрытие глаз колониальной и имперской администрации на реальные проблемы и причины недовольства населения с фактическим отказом принимать решения, предпринимать какие-либо действия и кардинально что-то менять, возможно, и привели, в конце концов, к трагическим для всех событиям 1916 года. Высочайшее же повеление о призыве населения на тыловые работы было всего лишь катализатором и поводом, но не основной причиной, которая в каждом из районов Туркестанского края была своя.

Этим же, в основном, можно объяснить и неожиданность для российской администрации в Туркестане произошедших событий в крае. Существовавшие и господствовавшие среди российского чиновничества представления о том, что, держа под контролем мусульманское «духовенство» и ислам, можно контролировать «туземное» население и вовремя остановить возможное недовольство и попытки мятежа, оказались ошибочными и привели к трагическим последствиям в 1916 году.

Например, см.: «Ислам в Туркестане. Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии [С.М.] Духовского. Ташкент, 1899». *Императорская Россия и мусульманский мир*. Ред. Д. Ю. Арапов. Москва, 2006, сс. 142–178.

Любопытно, что по отношению к событиям 1916 года, как и в уже упомянутом Андижанском восстании 1898 года, также ставшем неожиданностью для российских властей, все, в конце концов, было сведено в представлениях, официальных донесениях и отчетах чиновников к «мусульманскому фанатизму», а также влиянию и подстрекательствам мусульманского «духовенства»[191]. Но еще более поразительно, что в перспективе колониальными чиновниками практически не было сделано никаких выводов из андижанских событий 1898 года, и российские власти предпочитали все также попросту не замечать накопившихся проблем и во всем винить «мусульманский фанатизм», мусульманское «духовенство», темноту «туземного» населения и т.д.

Любое недовольство российской властью со стороны местного населения воспринималось чиновничеством как «антирусское», подоплекой которого, прежде всего, был «мусульманский фанатизм» и стремление освободиться от «неверной» власти русских. Понятно поэтому, что когда колониальные власти получили первые известия о недовольстве и неповиновении «туземцев» Высочайшему повелению о привлечении населения на тыловые работы, они сразу же стали искать в этом «мусульманский» и «панисламистский» след. Любое известие об участии того или иного представителя так называемого мусульманского «духовенства» – *ишана, муллы, казия* – народного судьи и т.д. воспринималось как подстрекательство против русских и их сторонников. Страх перед этим среди колониальных чиновников и российского общества в целом все более нарастал и приводил к тому, что вместо того, чтобы попытаться разобраться в подлинных причинах мятежа, вызванного часто злоупотреблениями и некомпетентностью власти (как «туземной», так российской) на местах, колониальная администрация, в своем большинстве, пыталась любыми способами выполнить распоряжение Императора. Возможно, они считали, что любая уступка может уронить «престиж» и уважение русской власти в крае, или же это была привычка без рассуждений выполнять распоряжения вышестоящих инстанций, что было легче и уберегало от лишней ответственности, если брать на себя принятие тех или иных решений. Как бы то ни было, эта, по терминологии Криса Бейли «информационная паника»[192], отчасти сыграла роль в обострении конфликта с последующими кровавыми событиями, особенно в Джизаке и Семиречье, хотя в последнем они имели свою специфику.

Хотя, может быть, это была попросту некомпетентность многих чинов колониальной администрации, включая самого помощника Туркестанского генерал-

---

См.: «Отчет по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 г. (3 августа 1898 г.). ЦГА РУз Ф.И-1 Оп.25 Д.73 лл. 2-35». *Туркестан в имперской политике России (Монография в документах)*. Отв.ред. Котюкова Т.В. Москва, 2016, сс. 534-609.

Bayly Ch. *Empire and information: Intelligence gathering and social communication in India 1780-1870*. Cambridge University Press, 1996, pp. 149, 171-173; Моррисон А. «Суфизм, панисламизм и информационная паника: Нил Сергеевич Лыкошин и последствия андижанского восстания». *Tartaria Magna*, № 2, 2013, сс. 50-51.

губернатора генерала-от-инфантерии М.Р. Ерофеева, мало знакомого с краем и обстановкой здесь[193].

Следует сразу отметить, что если по отношению к предыдущим событиям подобного рода, влияние ислама и мусульманского «духовенства» в той или иной мере можно более или менее проследить, то по отношению к тому, что происходило в Туркестане в 1916 году это выявить намного сложнее. Ниже я не буду пытаться доказать решающее или значительное влияние мусульманского «духовенства» и ислама на события 1916 года. Я попытаюсь показать, то, как видели представители российской колониальной администрации различных уровней произошедшие трагические события и участие в них мусульманского «духовенства». Для этого я больше буду предоставлять возможности самим чиновникам высказать свои взгляды представления, приводя цитаты, порой довольно обширные, из архивных документов, попутно комментируя и анализируя их.

Кроме того, я попытаюсь выявить, как вообще представляло себе колониальное чиновничество Туркестана особенности, взгляды, роль, деятельность, значение, влияние на местное население и т.д. так называемого мусульманского «духовенства» ислама как религиозно-политического фактора. Ответы на эти вопросы представляются чрезвычайно важными. Ведь чиновник – это человек, облеченный властью, но, как и всякий представитель рода людского, имеющий свои взгляды, пристрастия, фобии и так далее. На действия и решения, принимаемые им, в той или иной мере влияет его личное восприятие окружающего мира. От них зависело, как проводились в жизнь решения высшей администрации колонии, принимавшиеся, прежде всего, на основании информации, большей частью полученной от тех же чиновников на местах. Эта информация, после соответствующей обработки, не исключавшей привнесения чиновником, готовившего документ, своего личного мнения, интерпретации и видения фактов, ложилась на стол начальства в виде различных докладных, отчетов, рапортов, записок и т.д. Часто именно на их основе и определяли основные направления политики метрополии на местах. Понимание же того, как репрезентировал для других и для себя колонию, ее жителей и их религиозно-политические взгляды колониальный чиновник, управляющий и принимающий решения, дает нам шанс понять подоплеку многих действий, а также скрытых, часто неосознанных движущих сил политики, проводимой местной российской администрацией на «окраинах» Империи[194]. Тут стоит привести весьма интересное и, я думаю, достаточно меткое высказывание Анны Лауры Столер о подобных документах: «Это относительно сухие, шаблонные документы – административные послания, резолюции и внутренние сообщения – колониальных бюрократов, стремящихся предстать перед начальством в благоприятном свете,

---

См.: «Послужной список генерала-от-инфантерии М.Р. Ерофеева». РГВИА Ф.409 Оп.1, п/с лл.167860, лл. 126-142.

Подробнее о проблеме см.: Makhmudov O. «The «virtual reality» of colonial Turkestan: How Russian officials viewed and represented the participation of the local population in the 1916 revolt». *The Central Asian Revolt of 1916. A collapsing empire in the age of war and revolution*. Ed. by A. Morrison, C. Drieu, A. Chokobaeva, Manchester University Press, 2019.

старательно отвлекая внимание от своих собственных недостатков, подтверждая при этом свою преданность власти… Эти сообщения категорически отрицают голоса тех, кого они боялись»[195].

Следует сразу отметить, что различные аспекты жизни чиновного сословия, его политические или социальные контексты жизни рассматриваются в ряде исследований[196]. Но, к сожалению, фактически не существует работ, специально рассматривающих вопрос о мировосприятии различными слоями колониальных чиновников в Средней Азии местного населения, его взглядов, отношений и понимания «туземцев», делами которых они призваны были заниматься и управлять. Недостаточно изучено и то, как это сословие воспринимало себя и свою деятельность в крае[197].

Отнюдь не претендуя на полноту разрешения проблемы, я постараюсь рассмотреть некоторые ее аспекты на примере рапортов, донесений, отчетов и т.п. российских колониальных чиновников, посвященных событиям 1916 года в некоторых районах Туркестанского края[198]. С их помощью мы сможем увидеть роль ислама и мусульманского «духовенства» в этих событиях, глазами самих чиновников. Именно во время происходивших событий 1916 г. весьма ярко проявились все страхи стереотипы, бытовавшие среди колониального чиновничества Туркестана по отношению к исламу и мусульманскому «духовенству».

Конечно, я вряд ли смогу здесь полностью ответить на вопрос о реальных истоках и причинах трагедии 1916 г. Но на основании архивных документов, я попытаюсь показать, как сами российские колониальные чиновники видели, воспринимали и представляли участие мусульманского «духовенства» и его роль в этих событиях. Это приблизит нас к пониманию того, как они воспринимали происходящее, увидеть слабости колониальной администрации, ее реакцию и то, почему произошел столь жесткий ответ на выступления «туземцев». Именно поэтому я не привожу здесь документов, исходящих от самих местных жителей – участников событий 1916 г. и содержащих их восприятие и представление событий. Это требует отдельного специального исследования, которому я предполагаю в будущем посвятить отдельную работу. Не останавливаясь и не рассматривая подробности событий 1916 г., так как это не входит в мои задачи, я ограничусь лишь описанием и рассмотрением некоторых основных моментов.

«Изменить теперь принятое решение невозможно»:

Stoler A. ««In Cold Blood»: Hierarchies of credibility and the politics of colonial narratives». *Representations,* no 37, 1992, pp. 182.

Sahadeo J. *Russian colonial society in Tashkent: 1865–1923.* Bloomington-Indianapolis, 2007. Также см.: Morrison A. *Russian rule in Samarkand (1868–1910). A comparison with British India.* New York, 2008, и др.

Схожие вопросы, об отношениях англо-индийского чиновничества и местного населения, затрагиваются в исследовании Клайва Дьюи. См.: Dewey C. *Anglo-Indian attitudes: The mind of the Indian civil service.* Hambleton Press, 1993; Stoler A., 1992; Cohn B. *Colonialism and its forms of knowledge. The British in India.* Princeton University Press, 1996.

При исследовании я, в основном, пользовался архивными документами, как неопубликованными, так и опубликованными в различных специальных сборниках.

Н.С. Лыкошин и «мусульманский» след в Самаркандской области

События 1916г. охватили огромную территорию современных центрально-азиатских республик. Хронологически самое первое выступление произошло 4 июля 1916 года в Ходженте. Толпа «туземцев-горожан» собралась у канцелярии полицейского пристава и потребовала отмены составления списка рабочих для отправки на тыловые работы. Произошло столкновение, и был открыт огонь. Погибли двое из нападавших и один был ранен. Через несколько дней военный губернатор Самаркандской области Н.С. Лыкошин встретился с местными жителями, собравшимися на площадке возле городского вокзала. Вот как описывает эту встречу сам Н.С. Лыкошин: «Здесь меня ожидала довольно большая толпа народа из соседних селений Костакоза и Исписара и я остановился, желая с ними говорить. Я просил всех сесть, как стояли, и сам стоя, начал разъяснять собравшимся все значение Высочайшего повеления о наряде рабочих и правила самого набора.

Меня внимательно слушали, но толпа стояла с мрачными лицами и хранила жуткое молчание.

Ученый туземец, один из мулл сел[ения] Исписар, бывший когда-то народным судьей, дав мне договорить, встал и, почтительно сложив руки, попросил позволения спросить еще несколько слов и, получив разрешение, он повторил мне легенду о данном Генерал-Адъютантом Кауфманом обещании не брать в солдаты туземцев… пока не минует 50 лет со дня завоевания края. «Вот для ташкентцев уже истекло полвека и от них уже можно брать рабочих, – закончил туземец свою легенду, а Ходжент и Ура-Тюбе присоединены позже, льготный срок для них еще не истек».

Мне пришлось разъяснить моему собеседнику и всей толпе баснословность рассказанной легенды и мое объяснение было, как будто, принято, но последствия сего получились совсем неожиданными: мулла с которым я говорил, вдруг обратившись к толпе, сказал: «да что там толковать – ведь говорили же вы, мусульмане, что не дадите рабочих», – «Не дадим, не дадим», - тихо загудела толпа и лишь только еще раз подтвердил, что Высочайшее повеление о наряде необходимо исполнить, во что бы то ни стало»[199].

В этом эпизоде интересна роль «муллы». Он сам являлся когда-то членом русской колониальной администрации, будучи народным судьей (кази). Но теперь именно он являлся своеобразным вожаком толпы людей, нежелающих отправляться на работы. И в этом он и его сторонники, кажется, непоколебимы. Осознавая это, Н.С. Лыкошин может лишь, кажется, беспомощно и обреченно высказаться о непременности исполнения императорского повеления. А ведь Н.С. Лыкошин считался «знатоком» края, прекрасно владел местными языками, и именно поэтому, казалось бы, довольно хорошо понимая «туземцев», возможно должен был чувствовать некоторую свою беспомощность и нерешительность перед, хотя и задавленным, но продолжавшимся сохраняться втуне протестом. Но, скорее всего,

---

Описание беспорядков, вызванных набором рабочих в Самаркандской области (декабрь 1916 г.). ЦГА РУз Ф.И-1 Оп.31 Д.1100 лл. 22-22об.

будучи слишком хорошим и исполнительным служакой, Н.С. Лыкошин не допускал даже мысли о каком-нибудь, даже малейшем, отклонении от исходящих от начальства приказов.

Еще одним районом в Самаркандской области, где, по мнению колониальных властей, чувствовался «исламский след» была Дагбидская волость Самаркандского уезда. Здесь недовольство населения обернулось намного более жестокими событиями. По сообщению начальника уезда Мартинсона, толпа, возглавляемая местным жителем муллой Усман Абдурасулевым, явилась на сход и стала требовать от волостного управителя и его мирзы Саид-Мурада Мирза-Кабылова списки «реквизируемых». Хотя списки им были отданы, но толпа все равно напала на волостного и мирзу. В результате волостной был ранен, Мирза-Кабылов был «растерзан» толпой[200]. При последующем расследовании событий Н.С. Лыкошин выяснил, что среди подстрекателей были и ряд пятидесятников, т.е. членов низшей «туземной» администрации. Любопытно, что хотя он нигде напрямую не упоминает об участии в событиях здесь мусульманского «духовенства», но по прибытии в Дагбит по приказу Лыкошина, как он сам доносил, прежде всего, были «захвачены ишаны[201] и бывшие при них мюриды, кроме того, я (т.е. Н.С. Лыкошин – О.М.) задержал несколько пятидесятников, бывших на сходе, всего 24 человека»[202]. Т.е. опять же все свелось к поиску «мусульманского» следа!

В донесении вр. и.д. Туркестанского генерал-губернатора генералу М.Р. Ерофееву от 7 июля 1916 г., Н.С. Лыкошин высказал следующее мнение о причинах возникновения недовольства среди местного населения Высочайшим указом: «полученное на местах распоряжение о составлении списков до крайности взволновало население тем более, что во время поста в месяце Рамазан голодные весь день туземцы и без того нервничают и легко поддаются раздражению. Прежде всего, никто из туземцев не поверил, что от населения требуются рабочие за плату для тыловых работ, а все испугались, что всех мужчин указанных 12 возрастов берут в солдаты и что поэтому людям этим не суждено возвратиться на родину». Далее пытаясь дать объяснение или даже оправдать позицию зажиточной части «туземцев» Н.С. Лыкошин отмечал следующее: «Несомненно, влиятельные туземцы вынуждены были по своему положению стать сразу в оппозицию и учить народ не подчиняться предъявленному требованию, так как иначе народ мог бы обвинить своих вожаков в предательстве и желании, освободившись самим от повинности, послать на войну бедных и не пользующихся влиянием людей. Оставаясь на этой позиции, влиятельные люди советовали не дать рабочих волею, так как силою их не возьмут, а ввиду затруднения применения реквизиции с войсками предпочтут просто взять с населения

---

[200] «Рапорт начальника Самаркандского уезда А.И. Мартинсона военному губернатору Самаркандской области Н.С. Лыкошину (7 июля 1916 г.)». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. (*Сборник документов*). Москва, 1960, сс. 105-106.

В публикации документа ошибочно напечатано «имамы».

«Донесение военного губернатора Самаркандской области Н. С. Лыкошина и. д. генерал-губернатора Туркестанского края М.Р. Ерофееву (12 июля 1916 г.)». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. (*Сборник документов*). Москва, 1960, сс. 112-113.

хотя бы значительную сумму взамен людей. Кроме того, советовали подождать, как наряд пройдет в других городах Туркестанского края, чтобы не опередить других в сговорчивости и не испортить дела торопливостью»[203].

Но одним из наиболее ярких и жестоких эпизодов 1916 года (помимо Семиречья), являются события в Джизакском уезде Самаркандской области. Начались они 13 июля 1916 года и почти сразу же приняли чрезвычайно острый и остервенелый характер.

В этот день толпа предъявила требование уездному начальнику П.И. Рукину выдать им списки отправляемых на тыловые работы. После получения отказа произошло возмущение, и П.И. Рукин с несколькими подчиненными был жестоко убит[204]. На следующий день т.н. «мятеж» охватил почти всю территорию уезда.

Во всех документах о событиях в Джизаке особо подчеркивается, что здесь они приняли откровенно антирусский характер. Наиболее ярко это проявилось в тех районах уезда, где во главе восставших встали представители мусульманского «духовенства» и потомки бывших местных правителей. В частности, по сообщениям документов, одним из главарей джизакских событий являлся Назыр-ходжа. Как доносил заместитель военного прокурора генерал-лейтенант Игнатович, расследовавший события в Джизаке, «сигнал этому восстанию подал некий ишан Назыр Ходжа, бывший посланцем от города Джизака в Ташкенте. Вернувшись 13 июля из Ташкента, ишан Назыр-Ходжа благословил народ на войну с русскими и двинул громадную вооруженную толпу на русскую часть гор. Джизака, причем первою жертвою этого восстания был начальник уезда, полковник Рукин». Далее в своем рапорте Игнатович сообщает, что в третьем Зааминском участке Джизаккого уезда Зааминским беком был избран «некто ишан Касым Ходжа, который, назначив своих сподвижников при себе «Министрами», начал священную войну против русского владычества, с целью образования… самостоятельного бекства»[205].

Н.С. Лыкошин в своем донесении Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину утверждал, что между ишаном Назыр-ходжой, Мухтар-ходжой, еще одним предполагаемым главой восставших в Джизаке и главой «мятежников» в Богданской волости Абдурахманом Дживачи существовала связь. Вывод этот делался на основании сведений, что сын последнего был «мюридом или последователем, учеником ишана Назыр-Ходжи». Н.С. Лыкошин также считал очевидным, что «ишаны других местностей Джизакского уезда (напр., ишан в селении Заамина) были осведомлены о предположениях джизакских ишанов и, может быть, действовали с ними заодно через своих мюридов – последователей в разных местах края и путем

---

[203] «Из донесения военного губернатора Самаркандской области И. С. Лыкошина и. д. генерал-губернатора Туркестанского края М.Р. Ерофееву (7 июля 1916 г.)». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане.* (*Сборник документов*). Москва, 1960, с. 107.

Подробное описание этих событий см.: «Донесение военного губернатора Самаркандской области Н. С. Лыкошина и. д. генерал-губернатора Туркестанского края М.Р. Ерофееву (12 июля 1916 г.)», сс. 122-

Докладная записка по военно-ссудным делам генерал-лейтенанта Игнатовича военному министру о восстаниях туземцев (31 декабря 1916 г.). ЦГА РУз Ф.И-1 Оп.31 Д.1100 лл.103-103об.

мистическо-религиозных внушений совершенно порабощают себе волю своих учеников, так что стоит ишану чтонибудь приказать своим мюридам и приказание будет исполнено без рассуждения совершенно автоматически. Никакой страх ответственности не может удержать мюрида от исполнения, хотя явно преступного, веления ишана, так как мюрид считает ишана своим духовным руководителем и считает себя обязанным творить волю наставника, в уверенности таким образом спасти свою душу и заслужить одобрение наставника». При этом Н.С. Лыкошин считает, что «набор рабочих послужил лишь удобным предлогом, а больше имелись в виду религиозно-завоевательные стремления ишанов свидетельствует тот факт, что при нападении на русских имели место настойчивые предложения русским переходить в ислам и даже, как говорят, случаи производства обрезания над новообращенными, под угрозой смерти согласившимся переменить веру отцов на мусульманскую»[206]. Кажется, что Н.С. Лыкошин чересчур абсолютизирует влияние «духовенства» на свою паству, которая, по его мнению, вообще не может рассуждать действует лишь по приказу своих ишанов и мулл. Впрочем, это вполне в русле «ориенталистких» представлений, господствовавших в широких кругах чиновничества и вообще в образованных кругах русского общества Туркестана в целом. Кроме того, свести все причины волнений к деятельности каких-либо сил – мусульманского «духовенства», китайцев, германских и турецких агентов[207] или неумелых действий администрации на местах[208] было легче и удобнее для властей, чем разбираться с глубокими подлинными причинами недовольства «туземцев».

Несомненно, ислам играл значительную и отчасти движущую роль в представлениях «мятежников». Это видно хотя бы и в факте, отмеченном Н.С. Лыкошиным, о спасении тех русских, которые под угрозой смерти соглашались принять ислам. Вот еще один пример подобного отношения. 14 июля в кишлаке Сантабе Богданской волости Джизакского уезда осадили топографа и техника поземельно-податной комиссии, живших в юрте вместе с женами. Их окружили и начали обстреливать камнями. «Спасло всю эту горсть русских людей, – говорится в одном из документов, – то обстоятельство, что им предложили принять

«Донесение военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина генерал-губернатору Туркестанского края А.Н. Куропаткину о причинах и ходе восстания в Джизакском уезде (8 августа 1916 г.)». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. (*Сборник документов*). Москва, 1960, с. 141.

Хотя, существует ряд документов, написанных еще до начала восстания, о действиях германских и турецких агентов против российской власти в Туркестане: «Секретная телеграмма посланника в Пекине В.Н. Крупенского в Урумчи, Кашгар и Кульджу». *Восстание 1916 года в Туркестане: Документальные свидетельства общей трагедии*. (*Сборник документов и материалов*). Москва, 2016, сс. 156-158.

Например, см.: Донесение военного губернатора Семиреченской области генерал-лейтенанта М.А. Фольбаума и. о. помощника командующего войсками Туркестанского военного округа генералу от инфантерии М.Р. Ерофееву (14 августа 1916 г.). РГВИА Ф.1396 Оп.2 Д.2419 лл.179-179об; Протокол межведомственного совещания, образованного при Военном министерстве для обсуждения вопроса об оказании материальной помощи русскому и «киргизскому» населению Семиреченской области, пострадавшему от «киргизского мятежа» в 1916 г. (8 июля 1917 г.). РГВИА Ф.400 Оп.1 Д.4639 лл.102 и др. Любопытно, что и сейчас подобные представления видятся как основные в некоторых публикациях. Например, см.: Зубов А. «Как иностранная разведка готовила восстание 1916 года». http://365info.kz/2016/07/kak-inostrannaya-razvedka-gotovila-vosstanie1916-goda. Просмотрено 31.10. 2019.

мусульманство, на что, ввиду безвыходности положения, они решили согласиться. Настроение толпы тотчас изменилось к лучшему и около русских появился ишан и, как будущих мусульман, взял под защиту и провел в свое помещение, где они и проживали до 26 июля, когда пришли казаки и выручили их»[209].

И наоборот, если русские отказывались принять ислам, то их непременно стремились убить. Например, Зааминский участковый пристав Соболев 12 июля отбивался вместе со стражниками от осаждавшей толпы «туземцев» в одном из домов Заамине. «До 12 часов дня выстрелов со стороны мятежной толпы не было, они имели намерение взять всех живьем, чтобы заставить принять мусульманство (такое предложение делал Зааминский ишан). Когда же осажденные отвергли сдачу, из толпы начали стрелять». В результате Соболев погиб, а стражникам все же удалось спастись[22].

В большинстве документов, исходящих от чиновничества «коренных» областей, чаще обвиняется местное «фанатичное» и малоразвитое местное население, несмотря на то, что российские власти, как обычно утверждалось, всячески стремились принести народам Туркестана свет истины и просвещения. Так, например, Н.С. Лыкошин с горечью писал, что, возможно, отражало и мнение значительной части российского «просвещенного» общества Туркестанского края, следующие строки: «Видимо, за прошедшие после завоевания края полвека нам не удалось побороть в народе фанатическую его нетерпимость к иноверцам завоевателям и убедить население в преимуществах русской культуры и русской гражданственности». Далее, Н.С. Лыкошин называет свыше 16 причин, по его мнению, такой «неудачной колонизации». Среди них, в частности, отмечалась «совершенная неосведомленность наша (российских властей – О.М.) о ходе духовного и умственного развития туземного населения, отсутствие развивающих школ и полнейшее невмешательство в дела мусульманской школы, передающей подрастающему поколению только схоластическую премудрость, унаследованную от предков, нисколько не развивающей, а фанатизирующей своих учеников». Еще одной причиной, по мнению Н.С. Лыкошина, является «равнодушие к борьбе с суфийской проповедью местных ишанов, поработивших своих духовных последователей (мюридов) и ведущих свою паству вовсе не навстречу русским интересам в крае. Видное участие ишанов в Джизакском мятеже подтверждает это указание»[210].

Вторил Н.С. Лыкошину и. д. Военный губернатор Ферганской области П.П. Иванов, утверждавший, что долгое время «велась мусульманская фанатическая пропаганда против неверных в покровительствуемых нами мусульманских учреждениях, оставшихся без всякого надзора. Одновременно с сим облегчалась возможность широкого паломничества в Мекку и сотни тысяч ходжей разносили по

Описание беспорядков, вызванных набором рабочих в Самаркандской области (декабрь 1916 г.). ЦГА РУз Ф.И-1 Оп.31 Д.1100 лл.26об. [22] ЦГА РУз Ф.И-1 Оп.31 Д.1100 лл.25об.

ЦГА РУз Ф.И-1 Оп.31 Д.1100 лл. 29об-30.

краю фанатические доктрины ислама и почерпнутые в Турции идеи панисламизма вместе с описанием своих впечатлений о величии мусульманского государства»[211].

Но был и несколько иной взгляд на роль мусульманского «духовенства» в событиях 1916 г. Так, Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин считал, что оно сыграло немалую роль «в деле происшедших беспорядков», но при этом оно, «зависящее по своему положению от доброхотных деяний населения, вынуждено было высказывать себя не иначе как борцами за народное дело»[212]. Таким образом, А.Н. Куропаткин снимает основную ответственность за события 1916 г. с «духовенства», но, правда, и не указывает других конкретных виновных.

Н.С. Лыкошиным высказывалось и такое мнение о причинах участия «духовенства» в народном выступлении: «…Ишанам. – писал он, – не хотелось отпускать в Россию своих мюридов, потому что… они лишились с их уходом даровых рабочих рук и отлично понимали, что из России их последователи вернутся совсем не такими послушными их слугами, какими были здесь…»[213].

Вообще, если следовать за рассуждениями колониальных чиновников, возникает ощущение, что, когда они писали о тех же ишанах, муллах, имамах и т.д. будто бы являвшихся подстрекателями народа против русских в некоторых районах Туркестана, подразумевалось, что последние, прежде всего, руководствовались не религиозными, а чисто земными практическими целями захвата власти или сохранения влияния на своих мюридов и связанного с этим личного благополучия. Возможно, это делалось из неосознанного или осознанного желания выставить духовных лидеров мусульман Туркестана своего рода дельцами от религии, пекущихся лишь о своем благополучии и беспринципно использующих простых верующих для достижения этих целей. Особенно любопытно это слышать от считавшегося «знатоком» края военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина. Все эти рассуждения показывают насколько «ориенталистким», в понимании Э. Саида, было восприятие «туземцев» у российского колониального чиновничества, причем это восприятие здесь было отнюдь не положительного характера.

Для лучшего понимания взглядов российского колониального чиновничества на мусульманское «духовенство» было бы не лишним выяснить, кого же они сами включали в это понятие и как характеризовали его значение и роль в жизни местного мусульманского населения Туркестана. В этом на помощь нам приходит тот же полковник П.П. Иванов. Вот что он пишет по этому поводу: «…Считаю своевременным охарактеризовать совершенно обособленную от русского влияния…

Отчет Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина о беспорядках, прошедших в Ферганской области по поводу Высочайшего повеления о наборе рабочих на тыловые работы от 25 июня 1916 года ([1916 г.]). ЦГА РУз Ф.И-1 Оп.31 Д.1100 л.46об.

Письмо Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина военному министру Д.С. Шуваеву (4 января 1917). ЦГА РУз Ф.И-1 Оп.31 Д.1100 л.149.

Описание беспорядков, вызванных набором рабочих в Самаркандской области (декабрь 1916 г.). ЦГА РУз Ф.И-1 Оп.31 Д.1100 л.31.

группу туземного населения, определяемую словом духовенство. Сюда входят туземные священнослужители, класс учителей в бесчисленных медрессе и мактабах, бродячие проповедники (маддахи) и представители мусульманского воинствующего суфизма – ишаны со своими мюридами и учениками (суфи). Вся эта группа, с первых моментов после завоевания края, оплакивала утрату мусульманской самобытности и подпадание под власть неверных. Эта группа провозвестников воинствующего ислама не вложила, как и велит Коран, меча в ножны и после того, как русское оружие разбило всякое сопротивление туземных народов и покорило их под власть Белого Царя. На всем пространстве времени от первых дней завоевания края русскими войсками до наших дней, эта группа вела тайную агитацию против русского влияния, пользуясь покровительством веротерпимого закона, лишь усиливалась с каждым днем, все более и более овладевая настроениями народной массы. Так, с каждым годом росло число мусульманских учебных заведений, а вместе с тем увеличивалось число обучающихся в них распропагандированных фанатиков. С каждым годом увеличивалось паломничество в Мекку, обратившееся в последнее время в массовое движение. А вместе с этим увеличивались контингенты, среди которых фанатическое духовенство приобретало значение единоличных властителей дум. Постепенно пропаганда мусульманского духовенства приняла решающее значение. Все туземное население пришло к выводу, что русские принесли с собой в край «скверну» нетерпимую мусульманским вероучением и что скверна эта грозит заражением всему правоверному населению, дети которого уже начали заражаться. Отсюда успех идей панисламизма…»[214].

Как видно из вышесказанного, представление о мусульманском «духовенстве» у российских чиновников отрицательное. Оно представляется как перманентный враг власти России в регионе, с которым надо бороться во что бы то ни стало.

«Обратная волна патриотического воодушевления»: А.И. Гиппиус и мусульманское «духовенство» в Ферганской области

Ферганской области, согласно сведениям, заключенным в документах, также было довольно много представителей «духовенства» и, прежде всего, ишанов, «замешанных в ведении подстрекательства к делу учинения беспорядков и отказа давать рабочих в формируемые рабочие команды». Среди них в Андижанском уезде, по агентурным данным Помощника Начальника Туркестанского районного охранного отделения подполковника Г.Ф. Розалион-Сошальского, были следующие духовные лица: Кайкинский ишан Нарынской волости Ходжа-Мухаммед Сайид-Ахмед-Ишанов – участник еще Андижанского восстания 1898 года; Дальверзинский ишан Шамсутдин-Мирза Сайфетдинов с двумя сыновьями. Кроме того, указывается, что в кишлаке Чинабад подстрекательством к беспорядкам занимался некий неизвестный по имени ишан из Ташкента и еще один ишан, также не известный по имени, из

Отчет о беспорядках происшедших в Ферганской области по поводу Высочайшего Повеления о наборе на тыловые работы от 25 июня 1916 г. (17 декабря 1916 г.). ЦГА РУз Ф.И-1 Оп.31 Д.1100 л.47-47об.

кишлака Найнаван, Ханаватской волости. Пропагандой избиения русских занимался в кишлаке Яробаши местный мулла совместно с седым стариком сартом[215].

Кокандском уезде, отмечается Г.Ф. Розалион-Сошальским, «заметно влияние мулл на учинение беспорядков». Весьма любопытно обоснование этого вывода. Он утверждает, что, так как все случаи волнения произошли на рассвете, то «принимая затем во внимание, что в настоящее время ураза (пост), когда мусульманам днем не разрешается ничего есть, а можно есть лишь ночью, когда в мечетях происходят усиленные моления, является несомненным, что разработка плана действий происходит не без участия мулл»[216]. Доводы, конечно, довольно странные, показывающие, по крайней мере, весьма поверхностное знание и понимание подполковником основ ислама, что, впрочем, было скорее обычным явлением среди российских чиновников Туркестана, чем исключением.

Довольно показателен и один из выводов, сделанный Г.Ф. Розалион-Сошальским событиях 1916 года: «по имеющимся агентурным сведениям, как в Ферганской, так равно в Сыр-Дарьинской и Самаркандской областях за спинами толпы стоят казии и муллы, которые, благодаря своему привилегированному положению, играют на два фронта, а именно: перед начальствующими лицами они с успехом стремятся доказать свою преданность России, но в этом направлении абсолютно ничего ни делают, наоборот, будучи обеспокоены тем обстоятельством, что в рабочие команды легко могут попасть их сыновья и родственники, они тайно подстрекают толпу своих прихожан отказываться от поставки рабочих…»[217].

Некоторые представители колониального чиновничества, включая вр. и.д. Туркестанского генерал-губернатора генерала М.Р. Ерофеева, были сторонниками различных крайних и резких мнений, видевших корень всех бед лишь в деятельности и подстрекательствах мусульманского «духовенства», с которым стоит бороться, и победа над которым решит все проблемы. Но были и другие, более прагматичные оценки и мнения, указывающие, что влияние ислама на население и его оппозиционные настроения против российской власти лишь последствия, а не причина этого, и что бороться с влиянием мусульманского «духовенства» и ислама на население надо совершенно другими способами. Так тот же вр. и.о. Ферганского военного губернатора полковник П.П. Иванов в резолюции на секретном сообщении Начальника Туркестанского районного охранного отделения начальнику Андижанского уезда от 23 декабря 1916 г. указал следующее: «Бороться с человеконенавистническим направлением ислама, выражавшимся в проповедях маддахов, программах медресе и мактабов и всей деятельности мусульманского духовенства, – я нахожу возможным лишь путем устранения всего того, что составляет благоприятную почву для ненависти, т.е. несправедливости,

---

[215] Рапорт помощника начальника Туркестанского районного охранного отделения Г.Ф. РозалионСошальского Начальнику Туркестанского районного охранного отделения (20 июля 1910 г.). ЦГА РУз Ф.И-276 Оп.1 Д. 905 лл. 37-37об.

ЦГА РУз Ф.И-276 Оп.1 Д. 905 л.39.

ЦГА РУз Ф.И-276 Оп.1 Д.905 лл.46об-47.

злоупотреблений эксплуатации, а также выдвинуть свою, отвечающую народным запросам программу образования, мерами же полицейского воздействия я опасаюсь вызвать лишь еще большее недовольство и достичь этим результатов совершенно обратных»[218].

Таким образом, события 1916 года всколыхнули и возродили все призраки и страхи перед исламом российской колониальной администрации, существовавшие у нее со времен Андижанского восстания 1898 года, и даже со времен завоевания края в 60-70-х гг. XIX века. Ислам всегда воспринимался большинством российского чиновничества Туркестана как нечто враждебное власти России в крае, требующим чрезвычайно осторожного отношения и контроля. То же касалось и мусульманского «духовенства». К нему также старались подходить с осторожностью, считая его перманентным врагом русской власти. Но при этом мусульманское «духовенство» старались всячески задобрить, привлечь на свою сторону, включив в состав «туземной» администрации в качестве волостных старшин и народных судей (кази), или, по крайней мере, нейтрализовать, контролируя их деятельность. Но эта политика не была последовательна и сбалансирована. Власть никак не могла решить, стоит ли создавать специальные органы для регулирования ислама (Духовное управление) или нет. Эта дискуссия длилась со времен завоевания Туркестана и так и не была разрешена вплоть до 1917 года[219].

События 1916 года заставили колониальные власти вновь обратить пристальное внимание на мусульманское «духовенство» и искать, по крайней мере, в некоторых районах, именно в нем источник «возмущения» как против мобилизации населения на тыловые работы, так и российской власти вообще. Часто виновность и участие мусульманского «духовенства» обосновывалась просто тем, что «если бы они (муллы ишаны – О. М.) возвысили голос и обратились к общей массе населения с разъяснениями и указаниями на текст корана о повиновении сему распоряжению, то, безусловно, все обошлось бы спокойно»[220]. Таким образом, даже нейтральную позицию мусульманского «духовенства», в вопросе призыва рабочих, многие российские чиновники претенциозно были склонны расценивать как враждебную русской власти.

Очень трудно ответить на вопрос, насколько велико или же мало было участие мусульманского «духовенства» в событиях 1916 года, да это и не входит в мои задачи. Но, как бы то ни было, в представлении многих российских чиновников это участие было довольно значительным, а иногда и решающим, при этом их не интересовали особые доказательства. Это признавалось как данность, как факт еще со времен Андижанских событий 1898 года. И именно в этой предубежденности,

---

Резолюция на секретном сообщении Начальника Туркестанского районного охранного отделения начальнику Андижанского уезда от 23 декабря 1916 г. ЦГА РУз Ф.И-276 Оп.1 Д.905 л.112 об.

Например, см: *Туркестан в имперской истории России* (*Монография в документах).* Отв. ред. Т.В. Котюкова. Москва, 2016, сс. 626-689.

Рапорт помощника начальника Туркестанского районного охранного отделения Г.Ф. РозалионСошальского Начальнику Туркестанского районного охранного отделения (20 июля 1910 г.). ЦГА РУз Ф.И-276 Оп.1 Д. 905 л. 33 об.

возможно, и крылась причина того, что колониальное чиновничество «проморгало» начало возмущения населения против российской власти, в котором указ о призыве на тыловые работы явился, в значительной мере, всего лишь искрой, возжегшей пламя.

Но во всей этой стройной картине, сложившейся в головах российского колониального и имперского чиновничества, о роли и значении ислама и мусульманского «духовенства» в событиях 1916 г., как того, что в значительной мере определило действия местных жителей против российских властей, явным диссонансом звучит мнение бывшего военного губернатора (до конца июля 1916 г.) генерал-лейтенанта А.И. Гиппиуса. Оно было высказано им в «Показаниях Александра Ивановича Гиппиуса, генерал-лейтенанта, бывшего военного губернатора Ферганской области, ныне в отставке»[221], предназначенных для Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств (ЧСК), созданной Временным Правительством. Далее я подробнее остановлюсь на рассмотрении этого документа, как поразительного свидетельства своей эпохи, при этом исходящей из уст человека, занимавшего один из высших постов в иерархии колониальной администрации Туркестана. А.И. Гиппиуса, так же как и военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина, можно отнести к «знатокам» края. Он получил востоковедное образование, владел несколькими восточными языками и был неплохо знаком с исламом. Но у этих двух «знатоков» края, занимавших равные должности военных губернаторов, был совершенно разный подход к исполнению Высочайшего повеления по призыву населения на тыловые работы. В итоге разными стали и результаты их действий, что является весьма показательным.

Ферганская область была единственной из областей Туркестанского генерал-губернаторства, где выступления местного населения против проведения набора на тыловые работы был минимальны и относительно ограничены[222], особенно на фоне происходивших трагических событий в соседних Самаркандской и Семиреченской областях.

В том, что в Ферганской области, традиционно считавшейся оплотом «мусульманского фанатизма», события не достигли таких масштабов как в соседней Самаркандской, значительная заслуга именно военного губернатора Ферганской области А.И. Гиппиуса[223]. О своих действиях по недопущении «волнений и

Показания бывшего военного губернатора Ферганской области генерал лейтенанта Гиппиуса. ГАРФ Ф.102 Оп.125 Д. 130, ч.11 лл. 1-25. Хочу здесь поблагодарить Владимира Шварца, усилиями которого этот документ стал известен и доступен исследователям.

Например, см.: Показания бывшего военного губернатора... ГАРФ Ф.102 Оп.125 Д.130, ч.11 л.6; *Восстание 1916 года в Туркестане: Документальные свидетельства общей трагедии. (Сб. док. и материалов).* Сост., предисловие, вступительная статья и комментарии: Т.В. Котюковой. Москва, 2016, сс. 347-348, 349-350 и др.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (*Сборник документов*). Москва, 1960, с.40.

выступлений» местных жителей и о своих взглядах на «туземное население» и отношение к нему и сообщает А.И. Гиппиус в своих «Показаниях».

При чтении этого документа сразу же бросается в глаза совершенно иной вокабуляр по отношению к местному населению и исламу. Нельзя сказать, что он не «ориенталисткий», но все же он более положительный, чем это было обычно у российского чиновничества. А.И. Гиппиус, прежде всего, стремится, используя все методы, как экономические, так и социально-политические, повысить симпатии и авторитет российский власти у местного населения. И это ему в значительной мере удается. Эти же методы он стал применять после подписания Высочайшего повеления о призыве местного населения на тыловые работы. А.И. Гиппиус всячески старался разъяснить суть повеления, что практически не делалось колониальными властями в других областях Туркестанского генерал-губернаторства, и этим привлечь добровольно, а не принудительно местных жителей к даче людей для отправки на тыловые работы. В том числе, он использовал для этого и мусульманское «духовенство». Причем, что примечательно, во всем тексте документа отсутствуют какие-либо откровенно враждебные и негативные высказывания по отношению к исламу и представителям мусульманского «духовенства», что резко контрастирует с тем, что писалось обычно колониальными чиновниками, когда говорилось о значении и мусульманского фактора и роли «духовенства» в событиях 1916 г.

Для подтверждения своих действий А.И. Гиппиус приводит довольно большое количество цитат из телеграмм, донесений и т.п., которые он представлял своему начальству.

Согласно этим документам, одним из методов, примененных А.И. Гиппиусом для недопущения волнений и поднятия «обратной волны патриотического воодушевления» местных жителей, как он сообщал в телеграмме от 26 июля 1916 г. Туркестанскому генерал-губернатору, являлись его «непрерывные разъезды по области с публичным выступлением перед мусульманским духовенством, почетными влиятельными лицами и даже перед толпами народа». Далее, А.И. Гиппиус сообщал: «25 июля после моего обращения с речью во дворе медресе города Старого Маргилана присутствовавшая масса туземцев молилась за здравие государя императора с пожеланием погибели врагам и охотно выразила готовность содействовать набору добровольцев-рабочих тем простым и легким способом, как я всем объяснял. Вчера же, 2 дня спустя после такого же моего публичного обращения к толпе в Намангане, впереди которой сидели мусульманское духовенство и почетные влиятельные лица[224], была устроена в Намангане шумная патриотическая манифестация тысячью записавшихся добровольцев-рабочих туземцев. Эта тысяча добровольцев сопровождалась мусульманским духовенством, почетными лицами и огромной толпой народа. Манифестанты несли впереди себя портрет государя императора с пением патриотических песен и криками «ура» прошлись по главным улицам города, остановились перед уездным управлением, просили выйти уездного начальника, уверяли его в полной готовности своей исполнить волю царя по набору

Т.е. 23 июля 1916 г.

добровольцев ради успеха русского оружия и на погибель врагов. Во всех остальных главных городах области: Коканде, Андижане, а теперь и Маргилане – наблюдается такой же патриотический подъем, в мечетях молятся за царя и успех русского оружия. После вчерашнего моего выступления [в] Маргилане я немедленно распорядился о выводе из города всех войск ради содействия подъему настроения. Теперь готов первый ферганский поезд добровольцев-рабочих, после чего станем набирать второй поезд, так как контингент для двух поездов уже имеется и только требуется время для организационной работы»[225].

В телеграмме начальнику Главного Штаба от 18 июля № 66 А.И. Гиппиус сообщал: «Мое воззвание к туземному населению начинает, по-видимому, давать благоприятные результаты. Наступают признаки успокоения. Сегодня в Андижане первый день праздника Байрама, население нарасхват разбирает мои воззвания. В главной мечети, откуда еще недавно выходила бунтующая толпа мулл, сегодня по собственному желанию мусульман совершено молебствие о здравии государя императора и пожелание побед русскому войску»[226].

Говоря о населявших Ферганскую область киргизах и сартах А.И. Гиппиус отмечает, что «киргизы более воинственны, ученого сословия среди них совсем нет, они малорелигиозны: мусульманство насаждают у них ученые сарты. Сарты живут в теплой равнине, занимаясь земледелием, киргизы живут в горах, ведут полукочевой образ жизни, они отличные наездники и стрелки. Большинство населения – 60-70 Ҟ – сарты, меньшинство – киргизы. Сарты трудно сходятся с русскими, среди них совсем нет людей, прошедших русские школы, тогда как среди киргиз встречаются люди с русским университетским образованием. Все переводчики в Фергане, да и во всем Туркестане, – киргизы»[227].

При всем этом, А.И. Гиппиус, конечно же, отнюдь не настроен к исламу дружественно и считает что мусульманству свойственен фанатизм, особенно в определенные моменты: «20 июня начался 28-дневный мусульманский пост «ураза», когда мусульмане остаются целый день без пищи, физически утомлены, а нравственно бывают настроены в религиозном отношении фанатично»[228]. Это представление о влиянии мусульманского поста было весьма расхожим представлением среди российского колониального чиновничества, что, например, видно из приведенных выше высказываний Н.С. Лыкошина и Г.Ф. Розалион-Сошальского. Следует также подчеркнуть, что про ислам и мусульман А.И. Гиппиус упоминает не так много, при этом, в основном, употребляя термин «мусульманин», он чаще подразумевает просто местного жителя («туземца»), без специального акцента на религиозную принадлежность.

Указывая на результативность принимаемых им мер к успокоению области, с привлечением для этого мусульманского «духовенства», А.И. Гиппиус в телеграмме

ГАРФ Ф.102 Оп.125 Д.130, ч. 11 лл. 13-13об.
ГАРФ Ф.102 Оп.125 Д.130, ч.11 л.8 об.
ГАРФ Ф.102 Оп.125 Д.130, ч.11 л.1.
ГАРФ Ф.102 Оп.125 Д.130, ч.11 л.5.

от 23 июля 1916 г. Туркестанскому генерал-губернатору сообщал: «Настроение туземцев в городах Ферганской области быстро меняется, переходя от недавнего бунтовского, а затем спокойного к патриотическому воодушевлению. Сегодня 23 июля в 11 часов дня в Намангане я беседовал с духовными лицами, почетными представителями, позади которых стояла сплошная толпа народу. Мои слова были приняты не только сочувственно, но восторженно. Слепцом начетником была пропета песнь Корана, затем совершена громкая молитва за Царя с пожеланием побед русским войскам. Выделялось до 200 туземцев охотников-рабочих, которые повязали себе на левом рукаве красную повязку. Они же громко пропели патриотическое стихотворение. По приглашению мусульманского священника-имама вся толпа молитвенно подняла руки вверх. Эту картину запечатлел приглашенный мною фотограф. Старший казий обратился ко мне с речью, в которой просил по телеграфу всеподданнейше донести Государю императору, что у населения и в мыслях не было выходить из послушания, что оно 40 лет подряд было верно Государю и остается непоколебимо верным своему Царю, бывшие же беспорядки объясняются агентской телеграммой, в которой Высочайшее повеление было изложено совсем не так, как население услышало теперь от своего военного губернатора, внезапность агентской телеграммы и краткость Высочайшего повеления, неправильно населением истолкованного, внесли смуту в умы, вследствие чего народ стал собираться толпами, толпою же руководить нельзя, и таким образом произошли печальные беспорядки. Народ, доверяя ныне своему губернатору, обещает впредь не слушаться тех, кто станет приглашать собираться толпами, и впредь больше никаких беспорядков не будет. Так говорил старший казий при видимом общем одобрении. Я верю искренности этих слов, потому что многие в толпе, слушая мои слова, плакали от умиления. Я ответил, что согласно усердным просьбам старшего казия буду ходатайствовать о помиловании тех из задержанных туземцев, которые, не принимая непосредственного участия в беспорядках, были попросту вовлечены в толпу стихийно. Всего по беспорядкам в городе Намангане задержано 40 человек, по беспорядкам же во всем Наманганском уезде задержано до 200 человек. Сейчас получил из Андижана от полковника Бржезицкого телеграмму с описанием подобной же картины в Андижане: среди тысячной толпы многие плакали от умиления, когда услышали истинный смысл призыва Государя. Во всех городах Ферганской области появляются не только охотники-рабочие, но и добровольцы-туземцы для зачисления в русскую армию на фронт. Третьего дня на жел[езно]-дор[ожной] станции Коканд была умилительная картина: старик сарт провожал своего сына, уезжавшего в форме русского солдата, воинским поездом в действующую армию. Старик громко сказал: отдаю своего единственного сына на службу царю. Окружающая публика, русские и сарты, стали собирать деньги и вручили собранную сумму сарту-добровольцу, некоторые плакали от умиления»[229].

Об этом же событии подробнее сообщается и в другом документе, в котором говорится, что в Андижане после объявления о наборе рабочих толпа стала

ГАРФ Ф.102 Оп.125 Д.130, ч.11 лл. 11-11 об.

спрашивать у членов туземной администрации как им поступить. Алайлыкский народный судья (казий) Мулла Мавмен Ходжа Мулла Наркулов заявил: «Я имею единственного сына, если царю он нужен, я жертвую своим сыном». Сайский же народный судья Мулла Тюракул Джанбалиев заявил, что «по шариату туземцы обязаны выполнять Высочайшие повеления». Выступивший вслед за ними «Главный Ишан» Мод-Мулла Ахун также заявил, что «шариат мусульманам не воспрещает исполнять волю царя». Далее в документе говорится, что «выступление двух указанных народных судей и ишана были встречены народом с энтузиазмом, поднятием туга[230] и единовременным возгласом: мы согласны выставить рабочих и исполнить царскую волю. Амин. Душевный подъем народа был настолько высок, что все собравшиеся начали плакать от умиления. Собрание закончилось краткой молитвой за царя и народ, уполномочив старшего аксакала составить приговоры о своем согласии поставить рабочих для армии, мирно разошелся по домам…». Действительно, весьма умильная и приятная для слуха вышеначальствующих сцена! Но все это благообразие разбивается о дальнейшие строчки документа что «туземное население все же продолжает волноваться» и отказывается подчиняться своей «туземной администрации», которая полностью утратила всякое влияние[231].

Из приведенных выше цитат видно, что А.И. Гиппиус стремился всячески привлечь мусульманское «духовенство» к проведению в жизнь Высочайшего повеления. Идя на сотрудничество и фактический союз с представителями мусульманского «духовенства», а также с его помощью и лично разъясняя суть и цель Высочайшего повеления, военный губернатор Ферганской области А.И. Гиппиус добился намного больше, чем власти других областей Туркестанского края, применявшие карательные и насильственные меды, вызвавшие только сопротивление населения и жертвы с обеих сторон, за что он осуждает, прежде всего, и.д. Туркестанского генерал-губернатора генерала М.Р. Ерофеева и возглавлявшего карательные мероприятия в Самаркандской области, полковника П.П. Иванова, сменившего А.М. Гиппиуса на должности военного губернатора Ферганской области.

То, что А.И. Гиппиус был абсолютный прагматик, а отнюдь не человек либеральных взглядов по отношению к исламу, использующего мусульманское «духовенство» для того, чтобы исполнить Высочайшее повеление о призыве населения на тыловые работы, видно из еще одного любопытного документа[232].

Как уже упомянуто выше, 23 июля А.И. Гиппиус выступил перед жителями Намангана в джами-мечети. Но это обращение к «туземцам», о чем Гиппиус ничего не говорит в своих Показаниях, было весьма необычно, если не сказать экстравагантно и вызвало много вопросов со стороны как начальства в Ташкенте, так

В тексте ошибочно «пуга». О туге см.: *Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь*. Сост. и отв. ред. Прозоров С. М., т. I. Москва, 2006, сс. 384-385.

Рапорт Андижанского уездного начальника И.А. Бржезицкого военному губернатору Ферганской области А.И. Гиппиусу (23 июля 1916). ЦГА РУз Ф.И-461 Оп.1 Д.1888 а л.60.

Об обращении А.И. Гиппиуса к жителям Намангана см.: «Губернатор в роли проповедника Корана». *Красный архив*, т. 2 (75), 1936, сс. 188-191.

в Военном министерстве. Необычность эта заключалась, прежде всего, в том, что Военный губернатор Ферганской области, генерал-лейтенант А.И. Гиппиус выступил перед «туземцами» в мечети, надев «сартовский халат», чалму и держа в руке Коран, наподобие мусульманского проповедника.

Вызванный в Петроград для объяснений, А.И. Гиппиус предоставил письменные объяснения своих действий на имя Военного министра и Министра внутренних дел. Этот весьма показательный документ довольно хорошо характеризует своеобразие взглядов и представлений А.И. Гиппиуса о значении и роли ислама и мусульманского «духовенства» в событиях 1916 г. Вот, например, что говорилось в этом документе: «Вскоре же после первых беспорядков стало ясно, что дело грозит перекинуться на почву религиозную, так как во время моих (А.И. Гиппиуса – О.М.) разъездов мне неоднократно докладывали, что туземцы ссылаются на коран, якобы не допускающий им давать рабочих для нужд русской армии»[233].

В основном, поддерживая господствующее мнение российского чиновничества об ответственности мусульманского духовенства за «серию беспорядков в Ферганской области», А.И. Гиппиус одновременно стремился заручиться поддержкой этого сословия: «(А.И. Гиппиус – О.М.) неоднократно пытался, во всех городах, беседовать с лицами ученого мусульманского сословия, с муллами, мударисами, аглямами, муфтиями и просил их разъяснить населению, что в коране нет таких запретительных постановлений… В своих беседах с этими господами я все время чувствовал упорное с их стороны сопротивление». Это последнее А.И. Гиппиус объяснял тем, что «муллы» опасаются, что они сами будут призваны на работы, как подходящие по возрасту, так как никаких льгот для них в законе не предусмотрено. Поэтому, по словам А.И. Гиппиуса, на его просьбы «эти ученые мусульмане или молчали, или говорили, что никак не могут исполнить моей просьбы», т.к. перевод корана на «туземный язык запрещается мусульманским законом». Последнее положение ислама подтверждает и сам А.И. Гиппиус. Но, считая, что только таким образом можно добиться согласия местного населения на проведение набора на тыловые работы, военный губернатор решил самолично растолковать населению коран, отметив, что в нем нет указаний против этого. Об этом он договорился с «муллами». 23 июля в Намангане было собрано в мечети большое количество народа. А.И. Гиппиус, правда, был вынужден одеть халат и чалму, так как «коран нельзя читать без чалмы и халата», что, по его утверждению, все было подстроено «господами хитрыми муллами», рассчитывавшими, что военный губернатор не сделает этого. Но, одев халат и чалму, А.И. Гиппиус, «господам ученым муллам… не дал себя провести»[234].

Очевидно, что А.И. Гиппиус отнюдь не сторонник ислама и относится к нему и мусульманскому «духовенству», как и большинство российского чиновничества, абсолютно отрицательно, считая последних в значительной мере ответственными за выступления населения против Высочайшего повеления. Но в отличие от других

«Губернатор в роли проповедника Корана», сс. 189.

«Губернатор в роли проповедника Корана», сс. 190-191.

чиновников, он стремится договориться с «духовенством» и использовать его, а население – убедить в необходимости дать рабочих на тыловые работы, используя, в том числе, и религиозные аргументы, что ему, судя по относительному спокойствию в области, вполне удалось сделать, не применяя насилие – путь, по какому пути пошли российские колониальные власти в остальных областях Туркестанского генерал-губернаторства, включая и вр. и.д. генерал-губернатора М.Р. Ерофеева.

Возвращаясь к Показаниям А.И. Гиппиуса, стоит отметить, что они были даны А.И. Гиппиусом уже после Февральской революции и вряд ли бы ранее он решился высказаться открыто и в столь резком тоне против действий высших чинов колониальной и имперской администрации. Но при этом, он, несомненно, занимал такую неудобную для многих высших чиновников позицию и до февраля 1917 г., за что и был снят с должности военного губернатора Ферганской области. Вот как это объяснял сам А.И. Гиппиус: «Генерал Ерофеев защищал себя настоятельными телеграммами Штюрмера, торопившего исполнение Высочайшего Повеления 25 июня; карательные экспедиции со всеми последствиями: разорение населения, сжиганием нескольких селений и даже одного города оставались фактами, которые нуждались в оправдании; такое оправдание могло найтись только в объяснении возникших в Туркестане беспорядков мнимой «революцией», и потому мой образ действий во время беспорядков, мое усмирение области мерами управления были неприемлемы для высшего правительства, возглавляемого Б.В. Штюрмером, а, следовательно, не были приемлемы и для военного министра генерала Д.С. Шуваева. Понятно, что нельзя было оставлять одну Ферганскую область в исключительном положении, которое объяснялось мною совершенно иначе, причем я не только словами, но на деле доказал, что восторжествовавший в Петрограде взгляд был ошибочен»[235].

В целом, в своих Показаниях А.И. Гиппиус отрицает основное значение мусульманства в «беспорядках» 1916 г. в Туркестане и считает, что, в основном, население не имело намерения восставать против российской власти, а все трагические события связывает больше с ошибками и некомпетентностью колониальных властей, которые отсылками к «мусульманскому фанатизму и «революционным брожением» среди мусульман пытались оправдать себя[236].

Заключение

Таким образом, все эти сложившиеся стереотипы и представления, укоренившиеся в умах российских чиновников и значительной части туркестанского колониального общества (причем взгляд и мнение А.И. Гиппиуса, в целом, был скорее исключением), в значительной мере не позволяли им видеть всех подлинных причин событий 1916 г., заставляли упрощать ситуацию и сводить все лишь к

Показания бывшего военного губернатора Ферганской области генерал лейтенанта Гиппиуса. ГАРФ Ф.102 Оп.125 Д.130, ч.11 лл.14 об-15.

ГАРФ Ф.102 Оп.125 Д.130, ч.11 лл.16-25.

узколобому фанатизму местного населения и ненависти к русским«кафирам» и желанию освободиться из-под власти «неверных», Или видеть первопричину в простом равнодушии, недобросовестности, злоупотреблениях и неспособности российских властей, как это виделось относительно происходившего в Семиречье, а также в агитации неких враждебных сил из-за границы. Это видно из многочисленных документов, которые составлялись до, во время и после событий 1916 г. В результате реальные проблемы оставались незамечаемыми и нерешенными. Легче было все списать на «фанатизм» и «ограниченность туземцев», чем пытаться что-то в реальности сделать по разрешению накопившихся в крае проблем.

Хотя еще в 1915 г. высказывалось мнение, что местное население Туркестанского края нельзя привлекать на «натуральную» военную службу из-за их неблагонадежности, «фанатичности», нелояльности и даже враждебности по отношению к Российскому государству[237]. Но здесь опять же все сводилось лишь к белому или черному, лояльности или нелояльности. Именно это отсутствие полутонов в значительной мере и приводило к тем многочисленным конфликтам и недоразумениям между российскими властями Туркестана и местным населением, приведшим в конечном итоге к общей трагедии 1916 года.

Одним из последствий событий 1916 г. было то, что оно заставило колониальные власти вновь обратить пристальное внимание на исламский фактор и мусульманское «духовенство» и искать, по крайней мере, в некоторых районах края, именно в нем источник «возмущения» как против мобилизации населения на тыловые работы, так и российской власти вообще.

Очень трудно ответить на вопрос, насколько велико или же мало было участие мусульманского «духовенства» в событиях 1916 года, но, как бы то ни было, в представлении многих российских чиновников данное участие было довольно значительным, а иногда и решающим, при этом их не интересовали особые доказательства.

Конечно, это было намного удобнее для российского чиновничества всех уровней, чем показать свою неспособность понять и осознать происходящие события критически и соответственно признать свои ошибки по управлению краем. Большая проблема существовала и с профессиональной подготовкой кадров чиновников. Большинство из колониальных чиновников были кадровые военные, не имевшие специальной подготовки и востоковедного образования, а иногда даже никогда ранее не служившие в крае. Но даже служа многие десятилетия в крае, колониальные чиновники часто не удосуживались выучить, хотя бы поверхностно, местные языки, что создавало дополнительную преграду между колонизаторами и колонизованными.

об исламе вообще имелись устойчивые отрицательные стереотипы, которые существовали еще со времен если не завоевания Казани, то, по крайней мере, со времени Кавказской войны. А пребывание и контакты с мусульманским населением

---

237 Отношение начальника Главного штаба Военного министерства генерала от инфантерии Н.П. Михневича министру иностранных дел С.Д. Сазонову (21 сентября 1915 г.). АВПРИ Ф.147 Оп. 486 Д.340б лл.5-5 об.

Туркестана отнюдь не поколебали эти отрицательные представления, а лишь углубили их. Именно кадровый вопрос, возможно, в итоге и привел к тому, что произошло в 1916 г., а ранее в 1898 г, хоть и в меньших масштабах. Хотя, конечно, наличие специальной подготовки не являлось само по себе панацеей, что видно из примера «знатока» края Н.С. Лыкошина.

Предубежденное и отрицательное отношение к исламу и мусульманскому «духовенству», и как следствие, отказ сотрудничать с последним, что восходит еще к пресловутой доктрине К.П. фон Кауфмана об «игнорировании ислама» и привело к трагическим событиям 1916 г. Военный губернатор Ферганской области А.И. Гиппиус, попытавшийся сломать сложившийся стереотип и использовать метод сотрудничества с мусульманским «духовенством» ради достижения цели, поставленной Высочайшим повелением, был вытолкнут системой, несмотря на достигнутый успех. Сложившаяся система со своими устоявшимися представлениями стереотипами не допускала каких-либо изменений и отхода от шаблона, так как это ставило под удар остальные части системы.

именно в этой предубежденности, косности, неподготовленности и стремлении чиновников, прежде всего, выгородить самих себя, возможно, и крылась часть причин того, что колониальное чиновничество проморгало начало возмущения населения против российской власти, в котором пресловутое Высочайшее повеление о призыве на тыловые работы явилось, в значительной мере, всего лишь катализатором, приведшим к трагическим для всех сторон последствиям.

Список источников и литературы

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (Сборник документов). Москва, 1960.

Восстание 1916 года в Туркестане: Документальные свидетельства общей трагедии. (Сб. док. и материалов). Сост., предисловие, вступительная статья и комментарии: Т.В. Котюковой. Москва, 2016.

«Губернатор в роли проповедника Корана». *Красный архив*, т. 2 (75), 1936.

«Донесение военного губернатора Самаркандской области Н. С. Лыкошина и. д. генерал-губернатора Туркестанского края М.Р. Ерофееву (12 июля 1916 г.)». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. (*Сборник документов)*. Москва, 1960.

«Донесение военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина генерал-губернатору Туркестанского края А.Н. Куропаткину о причинах и ходе восстания в Джизакском уезде (8 августа 1916 г.)». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. (*Сборник документов*). Москва, 1960.

Зубов А. «Как иностранная разведка готовила восстание 1916 года». http://365info.kz/2016/07/kak-inostrannaya-razvedka-gotovila-vosstanie-1916goda. Просмотрено 31.10. 2019.

«Из донесения военного губернатора Самаркандской области И. С. Лыкошина и. д. генерал-губернатора Туркестанского края М.Р. Ерофееву (7 июля 1916 г.)». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (Сборник документов).* Москва, 1960.

«Ислам в Туркестане. Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии [С.М.] Духовского. Ташкент, 1899». *Императорская Россия и мусульманский мир.* Ред. Д. Ю. Арапов, Москва, 2006.

Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров, т. I. Москва, 2006.

Моррисон А. «Суфизм, панисламизм и информационная паника: Нил Сергеевич Лыкошин и последствия андижанского восстания». *Tartaria Magna,* № 2, 2013.

«Рапорт начальника Самаркандского уезда А.И. Мартинсона военному губерна-тору Самаркандской области Н.С. Лыкошину (7 июля 1916 г.)». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (Сборник документов*). Москва, 1960.

«Секретная телеграмма посланника в Пекине В.Н. Крупенского в Урумчи, Каш-гар и Кульджу». *Восстание 1916 года в Туркестане: Документальные свидетельства общей трагедии.* (*Сборник документов и материалов*). Москва, 2016.

Туркестан в имперской политике России. (Монография в документах). Отв. ред.

Т.В. Котюкова, Москва: Кучково поле, 2016.

Bayly Ch. *Empire and information: Intelligence gathering and social communication in India 1780-1870.* Cambridge University Press, 1996.

Cohn B. *Colonialism and its forms of knowledge. The British in India.* Princeton University Press, 1996.

Dewey C. *Anglo-Indian attitudes: The mind of the Indian civil service.* Hambleton Press,1993.

Makhmudov O. «The «virtual reality» of colonial Turkestan: How Russian officials viewed and represented the participation of the local population in the 1916 revolt». *The Central Asian Revolt of 1916. A collapsing empire in the age of war and revolution*. Ed. by A. Morrison, C. Drieu, A. Chokobaeva. Manchester University Press, 2020.

Morrison A. *Russian Rule in Samarkand (1868–1910). A Comparison with British India.* New York, 2008.

Sahadeo J. *Russian colonial society in Tashkent: 1865–1923.* Bloomington-Indianapolis, 2007.

Stoler A. ««In Cold Blood»: Hierarchies of Credibility and the Politics of Colonial Narratives». *Representations,* no 37, 1992.

Архивные материалы

Докладная записка по военно-ссудным делам генерал-лейтенанта Игнатовича военному министру о восстаниях туземцев (31 декабря 1916 г.). ЦГА РУз Ф.И-1 Оп.31 Д.1100.

Донесение военного губернатора Семиреченской области генерал-лейтенанта М.А. Фольбаума и. о. помощника командующего войсками Туркестанского военного округа генералу от инфантерии М.Р. Ерофееву (14 августа 1916 г.). РГВИА. Ф.1396 Оп.2 Д.2419.

Описание беспорядков, вызванных набором рабочих в Самаркандской области (декабрь 1916 г.). ЦГА РУз. Ф.И-1 Оп.31 Д.1100.

Отношение начальника Главного штаба Военного министерства генерала от инфантерии Н.П. Михневича министру иностранных дел С.Д. Сазонову (21 сентября 1915 г.). АВПРИ. Ф.147 Оп.486 Д.340б.

Отчет о беспорядках происшедших в Ферганской области по поводу Высочайшего Повеления о наборе на тыловые работы от 25 июня 1916 г. (17 декабря 1916 г..) ЦГА РУз. Ф.И-1 Оп.31 Д.1100.

Отчет по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 г. (3 августа 1898 г.). ЦГА РУз. Ф.И-1 Оп.25 Д.73.

Отчет Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина о беспорядках, прошедших в Ферганской области по поводу Высочайшего повеления о наборе рабочих на тыловые работы от 25 июня 1916 года ([1916 г.]). ЦГА РУз. Ф.И-1 Оп.31 Д.1100.

Письмо Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина военному министру Д.С. Шуваеву (4 января 1917 г.). ЦГА РУз Ф.И-1 Оп.31 Д.1100.

Показания бывшего военного губернатора Ферганской области генерал лейтенанта Гиппиуса ГАРФ. Ф.102 Оп.125 Д.130, ч. 11.

Послужной список генерала-от-инфантерии М.Р. Ерофеева. РГВИА Ф.409 Оп.1 п/с.167-860.

Протокол межведомственного совещания, образованного при Военном министерстве для обсуждения вопроса об оказании материальной помощи русскому и «киргизскому» населению Семиреченской области, пострадавшему от «киргизского мятежа» в 1916 г. (8 июля 1917 г.). РГВИА Ф.400 Оп.1 Д.4639.

Рапорт Андижанского уездного начальника И.А. Бржезицкого военному губернатору Ферганской области А.И. Гиппиусу (23 июля 1916). ЦГА РУз Ф.И-461 Оп.1 Д.1888а.

Рапорт помощника начальника Туркестанского районного охранного отделения Г.Ф. Розалион-Сошальского Начальнику Туркестанского районного охранного отделения (20 июля 1910 г.). ЦГА РУз Ф.И-276 Оп.1 Д.905.

Резолюция на секретном сообщении Начальника Туркестанского районного охранного отделения начальнику Андижанского уезда от 23 декабря 1916 г. ЦГА РУз Ф.И-276 Оп.1 Д.905.

ПРЕДВОДИТЕЛИ 1916 ГОДА

Трансформация взглядов на модели поведения лидеров кыргызских родов в 1916 году в свете вновь открывшихся фактов

Асель Даниярова

Аннотация

В статье рассматриваются модели поведения кыргызских манапов в ходе событий 1916 года Семиречье. В их сознании произошел крутой переворот, обозначенный как процесс «осознания неизбежного», условно выделены этапы: шок, замешательство, этап принятия решений и их реализации, исход с земли, известный как Үркүн. Приведены примеры действий 7 манапов. Приведен анализ соответствия реальных индивидуальных действий манапов и их оценок, доминировавших в разные исторические периоды в учебниках, монографиях и публицистических статьях за прошедшие сто лет. Эта оценка кардинально менялась в зависимости от политической ситуации в стране и принятых идеологических установок.

Ключевые слова: *манапы, Семиречье, 1916 год, модель поведения лидеров*

«… Разобраться, где кончается шпионство и начинается сыск, где кончается подавление беспорядков и начинается подстрекательство к ним, очень трудно, так как все это перепуталось в один клубок …»

В.Ф.Железняков,
заведующий Розыскным пунктом в г. Верном и Семиреченской области, Ротмистр Отдельного корпуса жандармов[238]

Введение

На протяжении столетия, прошедшего со времени драмы, развернувшейся в Туркестане в 1916 году, и, в частности, в одном из центров напряжения – в Семиречье, взгляды историков на роль манапов, предводителей кыргызских родов, претерпевали значительные, даже кардинальные изменения. Можно утверждать, что образ манапов в этот драматический период истории подвергался серьезным трансформациям в зависимости от того, кто именно был субъектом его формирования – царская администрация Российской Империи, Временное правительство, советские политические деятели и историки или исследователи и общественные деятели постсоветского периода. Характеризуя манапов во время этих трагических событий, авторы колебались между крайними оценками от «предатели интересов народа» до «предводители национально-освободительного движения». Очевидно, описание участия манапов в событиях в Семиречье зависело от доступности первичных

Доклад заведующего Розыскным пунктом в г. Верном и Семиреченской области ротмистра Отдельного корпуса жандармов В.Ф. Железнякова от 10 февраля 1917 г. ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.46, лл.41-51об.

документов, глубины знаний вопроса авторами, но главным образом определялось политической ситуацией в стране и принятыми на момент публикации идеологическими установками. Смена этих установок наиболее заметно отражена в трактовке исторической роли именно манапов, потому что они, обладая большим влиянием на кыргызские роды, находились на стыке взаимодействия колониальной администрации и местного населения.

Вследствие указанных выше исторических обстоятельств подлинные факты, касающиеся роли манапов в противодействии или, наоборот, в поддержке действий колониальных властей, их участие в беспорядках, а также их решения в отношении исхода народа в Китай, остаются в значительной мере невыясненными. Между тем, по нашему мнению, ответ на вопрос: кто они – предводители кыргызских родов – угнетатели народа, выступавшие заодно с царскими властями, или трезвые разумные руководители, спасшие народ от неминуемой гибели, или даже бесстрашные вожди восстания, представляется важным не только для восстановления исторической справедливости, но и для более полного и точного понимания событий 1916 г. в Семиреченской области, во всем Туркестанском крае и в целом в Российской империи, то есть на территориях современной Кыргызской Республики и в Российской Федерации.

Говоря о переосмыслении роли манапов в свете «вновь открывшихся фактов», мы имеем ввиду данные, представленные Владимиром Шварцем в докладе[239] о «теории провокации», впервые высказанной Г.И. Бройдо[240]. Рассматривая поведение манапов с учетом провокационного характера действий администрации, можно понять и объяснить логику поступков кыргызских предводителей. Без учета этого фактора их действия кажутся весьма противоречивыми и неразумными.

Кто такие манапы, и каково было их место в обществе на момент исторических потрясений 1916 года?

Вот такое определение термину «манап» дает знаменитый словарь Константина Юдахина: «манап (представитель верхушки киргизской феодальнородовой знати, который, не имея личной собственности, жил за счёт управляемого им населения и распоряжался его собственностью; одни манапы управляли несколькими родами, племенами, а другие - только частью волости; поэтому по значимости манапы делились на несколько категорий: 1)чоң манап или ага манап старший манап (ему подчинялись более мелкие манапы его рода, племени);2)жынжырлуу манап наследственный манап; 3)чала манап второстепенный манап (зависимый от старшего манапа);4)чолок манап самый мелкий манап (из таких манапов обычно выбирались в царское время пятидесятники); 5) букара манап родственник манапа, который всё же

Шварц В.И. «Григорий Бройдо заблуждался... Но в чем?.. Семиреченские хроники 1916 года». *СДКФ*, http://daniyarov.kg/2019/06/05/vladimir-shvarc-grigoriy-broydo-zablu/. Просмотрено 10.11.2019.

Бройдо Г.И. *Восстание киргиз в 1916 году. Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 года.* Москва: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925, с.

стоял выше других людей; были среди них и совершенно разорившиеся и опустившиеся)» [241].

Это определение лингвиста в целом совпадает с пониманием термина ротмистром В.Ф. Железняковым, современником событий, находившимся в самой их гуще, который в своем Докладе, описывая ситуацию, сложившуюся в Семиречье к лету 1916 года, так формулирует это понятие: киргизы «... разделялись на роды, во главе которых у «казаков» стояли султаны /ханы/, а у кара-киргиз «манапы» /нечто вроде владетельных князей/…»[242].

Итак, манапы – это предводители кыргызских родов, среди которых можно выделить первую по значимости категорию – *чоң манаптар* (или старшие манапы), именно о них преимущественно пойдет речь в данной статье.

Оценка роли манапов в историографии затруднена тем, на наш взгляд, что манапы в системе колониального управления Туркестана, в отличие от периода до колонизации, являлись лидерами неформальными, их авторитет и влияние на простой народ были сильны, хотя и не были обусловлены административными полномочиями. Это была власть авторитета, а не авторитет власти, что обусловливало их относительную независимость или скорее некоторую самостоятельность. Данное обстоятельство не могло остаться незамеченным для представителей официального Туркестана. «Родовое управление еще и теперь не потеряло своего значения, и глава рода в среде киргизов имеет влияние даже большее, чем русская администрация», - считал Н.И. Гродеков[243], который, будучи военным губернатором Сыр-Дарьинской области, инициировал изучение норм обычного права населения вверенной ему территории.

Для определения положения манапов в обществе того времени, нужно сказать несколько слов об иерархии Туркестанского края, который с момента образования находился под управлением Военного Министерства.

Высшие должности в краевой, областных и уездных администрациях занимали военные, назначенные сверху – из Санкт-Петербурга (Петрограда) или Ташкента. Должности с уровня волостных и ниже – старшины аулов, пятидесятники, относились так называемой «туземной администрации» и были заняты представителями коренного населения. Это были выборные должности, причем система выборов была устроена так, что создавался конфликт интересов внутри каждой волости, что можно охарактеризовать, как практическую реализацию известного колониального принципа «разделяй и властвуй».

Юдахин К.К. *Киргизско-русский словарь*. В двух книгах. Кн.2, Фрунзе: Главная Редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985, с. 16.

«Доклад заведующего Розыскным пунктом в г. Верном и Семиреченской области ротмистра Отдельного корпуса жандарм В.Ф. Железнякова о причинах мятежа киргизов в Семиреченской области, его течении и настроении населения к текущему моменту». http://semirechye.rusarchives. ru/dokumenty-po-istorii-sobytiy-1916-g/doklad-zaveduyushchego-vernenskim-zhandarmskimrozysknym-punktom. Просмотрено 10.11.2019.

Гродеков Н.И. *Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области: Юридический быт*. Москва: Вост. лит., 2011, с. 27.

«Вообще мысль о том, что туземные власти - волостные управители, старшины и пятидесятники продали население за большие деньги <…> было общим убеждением населения, и в данном случае сказался глубоко вкоренившийся в населении всего края вообще взгляд на все эти должности, как на особый источник крупных доходов. Местные партии горячо борются на выборах за получение в свои руки всех этих должностей и расходуют на эти выборы десятки тысячи в полной уверенности, что, добившись доходных мест, они быстро возместят свои расходы», - так описывает выборы специально приглашенный генерал-губернатором А.Н. Куропаткиным помощник главного военного прокурора генерал лейтенант В.Е. Игнатович в своем докладе в 1916 году[244].

В том же сообщает в своем докладе ротмистр В.Ф. Железняков: «Выборы в волостные управители и судьи, завершаемые однажды в 3 года, сопровождаются борьбой кандидатов из самих же «почетных» и «манапов». Обыкновенно 2 рода, редко больше, в волости ведут между собой борьбу за обладание выборными должностями. Пускаются перед выбором съездами подкупы для получения возможно большого числа голосов для избрания. Сопровождаются эти выборы горячими дебатами на волостных съездах, доходящими иногда до общих потасовок и драк» [245] .

В процитированном выше докладе ротмистр В.Ф. Железняков, продолжая описание выборной системы в Семиречье, приводит такое наблюдение: «у «кара-киргиз» эти должности занимают иногда не сами «манапы», а их ставленники, являющиеся фактически марионетками в руках своих патронов»[246]. Иначе говоря, обычно крупные манапы предпочитали не входить в официальную административную пирамиду, считая более удобным иметь в качестве волостных своих детей, родственников или подвластных джигитов.

Хотя манапы не могли быть назначены на высокие должности в управлении Туркестанским краем и областями, однако представители колониальной администрации прекрасно осознавали их влияние на народ. Не только губернаторы областей, но и Туркестанские генерал-губернаторы были знакомы с наиболее авторитетными *чоң манапами*. Так, например, имеются документальные материалы с ходатайствами нескольких Туркестанских генерал-губернаторов в разные периоды времени о выделении манапу Шабдану Жантаеву земли в собственность, что генерал-губернаторы, в частности А.В. Самсонов, аргументируют тем, что манап Шабдан, как человек, обладающий огромным влиянием в среде «инородцев», будет весьма полезен Российской Империи[10]. В документах представители Российской администрации часто называют манапов «почетными». Надо сказать, такое определение и в самом деле отражает их роль в обществе. Манапы имели неформальную, но крепкую власть

«Док. №7. Доклад помощника главного военного прокурора генерал-лейтенанта В.Е. Игнатовича Военному министру по военно-судным делам о восстаниях туземцев». *Восстание 1916 года в Средней Азии. Сборник документов*. Ред. П.Г. Галузо. Ташкент: Госиздат, 1932, с.75.

«Доклад заведующего Розыскным пунктом в г. Верном и Семиреченской области...», с.8.

«Доклад заведующего Розыскным пунктом в г. Верном и Семиреченской области...», с. 8 [10] Об отводе в собственность войсковому старшине милиции Шабдану Джантаеву 400 десятин в Сарыбагишевской волости, Пишпекского уезда, Семиреченской области. РГИА Хр. 12 Ф. 391 Оп. 3 Д. 925.

среди представителей своего рода и, как мы уже упоминали, были относительно самостоятельны в своих решениях.

Следует сказать, что повседневное общение простого народа с административной властью осуществлялось преимущественно через «туземную администрацию», то есть через посредников: аульных старшин или волостных, а также через переводчиков и писарей, которые знали и кыргызский, и русский языки. Здесь отметим, что группа людей, которая, в отличие от манапов, не занимала высокого положения в обществе, но имела влияние на простой народ в силу служебных обязанностей остается вне внимания исследователей. Речь идет о джигитах уездных управлений, упомянутых переводчиках, писарях, служивших в управлениях уездных начальников, кроме того, писари имелись и при волостных управителях, формально им не подчиняясь. Именно в этой среде было немало людей, занимавшихся доносами, распространением слухов, а также вымогательством и передачей взяток начальству всех уровней.

Естественно простые люди не испытывали к этим должностным лицам большого доверия и нередко перепроверяли сведения, полученные от посредников, обращаясь к своим манапам[247].

Можно охарактеризовать отношение простого народа к манапам **как к лидерам, ответственным за их судьбу, за принимаемые решения**, о чем говорил один из манапов, Кемель (Камалетдин) Шабданов, описывая обстановку в конце лета 1916 года: «Кыргызы, привыкшие на все смотреть глазами своих руководителей, окончательно растерялись...»[248]. Ему вторит представитель русской администрации – Пржевальский уездный начальник Валериан Иванов (со слов допрашиваемого Т. Дюсебаева): «Я служу по администрации 18 лет, хорошо знаю, что все дела у киргиз решаются почетными…»[249].

Обладая большим авторитетом среди своих сородичей, манапы имели влияние преимущественно на свой род и не управляли представителями других родов. Не было у кыргызов единого общепризнанного правителя, по крайней мере, в этот период. Это было дополнительно обеспечено тем, что в системе управления Туркестанским краем кыргызы были «рассыпаны» по четырем областям – Самаркандской, Ферганской, Сыр-Дарьинской и Семиреченской. Каждой из этих областей управлял свой военный губернатор. Каждый из этих представителей генералитета обладал собственным характером, жизненным опытом, взглядами и применял индивидуальные методы управления, соответственно, они вели себя по-разному в ходе драматических событий 1916 года.

Зорин А. «Из истории восстания казахов и киргизов в 1916 году». *Борьба классов*, № 7-8, 1932, с.135.

«Док. № 131. Прошение беженцев-киргизов, проживающих в Китае на имя члена Ферганского Облисполкома М. Т. Хохлова». *Восстание 1916 года. Сборник документов и материалов*. Бишкек, 2016. , с.332.

«Док.№56. Протокол допроса ротмистром В.Ф. Железняковым переводчика Пржевальского уездного правления Т. Дюсебаева о событиях восстания в уезде». *СДКФ,* http://daniyarov. kg/2019/06/06/dokument-n55-protokol-doprosa-rotmist/ Просмотрено 10.11.2019.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в трех областях, где часть населения составляли кыргызы, – Самаркандской, Ферганской и СырДарьинской – протестные выступления представителей кочевых народов против властей не были отмечены (за исключением Меркенского и Аулие-Атинского уездов), несмотря на то, что, как известно, стычки «инородцев» как с «туземной», так и с русской администрацией с жертвами с обеих сторон имели место в каждой из трех «коренных» областей Туркестана. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что на действия кыргызов и их манапов в Семиреченской области повлияла специфическая политика колониальных властей именно на указанной территории.

Далее мы сосредоточимся на событиях и действиях манапов в Семиречье, где имели место наиболее тяжелые столкновения между кыргызами, дунганами, таранчинцами (уйгурами), с одной стороны, и русской администрацией, переселенцами и казаками, с другой, и эти драматические события переросли в практически полный исход кыргызов Пишпекского и Пржевальского уездов в Китай.

Как документированы действия манапов Семиречья в июле – сентябре 2016 года?

В нашем исследовании мы поставили задачу реконструировать события, в которых участвовали манапы, на основе источников, вызывающих доверие. Мы исходили из того, что в большинстве известных фундаментальных исследований и вступительных статей к сборникам документов авторы, критикуя действия колониальных властей, тем не менее не подвергали сомнению факты, изложенные в рапортах и донесениях Туркестанских администраторов и командиров карательных отрядов, и не допускали мысли о том, что эти документы могут представлять собой сознательную дезинформацию, являющуюся частью информационной войны. Речь идет, например, о монографиях Э.Д. Сокола[250], К.У. Усенбаева[251], Х. Турсунова[252], подробных вступительных статьях к сборникам документов А.В. Пясковского[253], Турара Рыскулова[254] и других работах. Учитывая, что составители рапортов и донесений входили в число прямо заинтересованных лиц, создающих собственную версию событий, на наш взгляд, и изложенные ими факты следует рассматривать критически.

К числу «достоверных источников» мы отнесли три основных документа, которые имеет смысл охарактеризовать несколько подробнее.

1. Протоколы допросов *чоң манапа* Абайилдинской волости (*сарыбагыш*) Каната Ыбыке уулу (Каната Абукина) 21-23 ноября 1916 года заведующим Розыскным

Sokol E. *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016.

Усенбаев. К.У. *Восстание 1916 года в Киргизии*. Фрунзе: Илим, 1967.

Турсунов. Х. *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. Ташкент, 1968.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ред. А.В. Пясковский. Москва: Изд. АН СССР, 1960.

Восстание 1916 года в Киргизстане. Ред. Т.Р. Рыскулов. Москва, 1937.

пунктом в г. Верном и Семиреченской области ротмистром отдельного корпуса жандармов В.Ф. Железняковым[255].

Этот документ рассматривался как очень важный многими исследователями, о чем мы можем судить на основании того факта, что его неоднократно публиковали на протяжении прошедшего столетия в солидных сборниках документов по событиям 1916 года. Это был вообще первый источник, представивший голос «инородца» еще в 1926 году, и вышедший в печать в журнале «Борьба классов». Однако содержание этих показаний не очень широко использовалось исследователями, и нередко их выводы прямо противоречили высказываниям самого Каната Абукина. Указанный документ представляет интерес для выявления фактических действий манапов по следующим причинам:

- в документе подробно представлены события июля-августа 1916 года в Пишпекском уезде;
- Канат Абукин излагает сведения не только о себе самом, но и о других манапах Пишпекского уезда;
- допросы проводил ротмистр В.Ф. Железняков, о котором будет сказано далее;
- Канат Абукин по собственной воле сдался властям, для того, чтобы представить свое свидетельство новому генерал-губернатору Куропаткину и осознавал, что скорее всего будет убит, а два его сына уже были к этому времени убиты;
- Канат Абукин не пытается уменьшить свою «вину», за которую ему грозит уголовное наказание.

И, наконец, не лишним будет заметить, что показания дает человек, обладающий здравым смыслом, логическим мышлением и до ареста – властью. В показаниях не выявлено внутренних противоречий.

Следующий источник – доклад ротмистра Отдельного корпуса жандармов В.Ф. Железнякова директору Департамента полиции генералу Е.К. Климовичу[256]. Этот документ также рассматривается нами как важный и один из наиболее достоверных источников, потому что:

- документ содержит подробную информацию о происходившем в Семиречье в августе 1916 года;
- В.Ф. Железняков - знаток истории колонизации Туркестана, обладатель всей полноты информации о ситуации в крае. Он был ни кем иным, как главой службы разведки и контрразведки Российской империи в Семиречье и располагал агентурной сетью, имел специальные полномочия и выполнял специальное поручение руководства Департамента полиции и Министерства внутренних дел.

Зорин. А., сс.130-137.

«Доклад заведующего Розыскным пунктом в г. Верном и Семиреченской области ….».

Подробный анализ доклада и сведения об авторе содержатся в статье В. Шварца[257] .

Протокол №10 допроса от 10 ноября 1916 года письменного переводчика Пржевальского уездного правления, губернского секретаря Туленбая Дюсебаева заведующего Розыскного пункта в г. Верном и Семиреченской области ротмистром В.Ф. Железняковым[258].

Этот документ обнаружен нами в ЦГА КР и ранее нигде не был опубликован. В настоящее время документ представлен на сайте[259]. Т. Дюсембаев работал переводчиком в Пржевальском уездном правлении непосредственно под началом уездного начальника В.А. Иванова. В научном обороте имеются показания Т. Дюсембаева, которые он дал мировому судье В.Н. Руновскому 21 сентября 1916 г., то есть до того, как его допросил ротмистр В.Ф. Железняков. Между этими показаниями имеются различия: при допросе жандармским ротмистром Дюсембаев указал на то, что жители Пржевальска, допрошенные ранее, в том числе и он сам, подвергались давлению со стороны уездного начальника полковника В.А. Иванова. Это давление было оказано уездным начальником в связи с тем, что он узнал о том, что в Пржевальск едет ротмистр Г.А. Юнгмейстер по поручению ротмистра В.Ф Железнякова. Показания Т. Дюсебаева с разоблачениями уездного начальника сопровождаются опасениями, что если полковнику В.А. Иванову станут известны эти показания, то жизнь переводчика окажется под угрозой. Множество фактов, приведенных в протоколе, свидетельствуют о том, что эти опасения были вовсе не напрасными. В момент дачи показаний В.Ф. Железнякову Т. Дюсебаеву уже удалось «ускользнуть» из Пржевальска в Верный.

Этот документ ценен для нашего исследования тем, что:

содержит сведения о действиях большого числа манапов Пржевальского уезда;

допросы проводил ротмистр В.Ф. Железняков - человек, не подчиненный Туркестанскому руководству;

разоблачения Уездного начальника во взятках и злоупотреблениях властью, которые совпадают со сведениями из других источников, указывают на правдивость допрашиваемого.

Итак, все три указанных документа: а) содержат информацию о значительном числе манапов волостей, входящих в эти уезды; б) охватывают Пржевальский и Пишпекский уезды; в) очень подробно описывают события в их самом разгаре; г) связаны с расследованиями, которые заведующий Верненским розыскным пунктом ротмистр В.Ф. Железняков вел по прямому указанию туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина.

Шварц В.И. «Генерал-губернатор Куропаткин: Как могло случиться, что дети Шабдана стали во главе мятежа?» *СДКФ,* http://daniyarov.kg/2016/04/27/general-gubernator-kuropatkin-kak-mo/. Просмотрено 10.11.2019.

Протокол допроса ротмистром В.Ф. Железняковым переводчика Пржевальского уездного правления Т. Дюсебаева о событиях восстания в уезде. Подлинник. ЦГА КР Ф.И-34 Оп.2 Д.5 лл. 137-152.

«Док.№56. Протоколы допроса…».

Манапы Семиречья в июле-августе 1916 года: процесс осознания неизбежного

Какая картина выстраивается при изучении этих документов в сопоставлении с другими известными источниками?

Все три документа свидетельствуют о стремительном развитии событий: всё произошло в течение двух месяцев - июля и августа 1916 года. Анализируя действия манапов в эти дни, мы стремились выявить общее и частное в их поступках, что привело нас к заключению, что в сознании большей части кыргызских лидеров в эти дни произошел крутой переворот, вызвавший необходимость срочно найти выход из создавшегося положения и реализовать принятые решения. Метаморфозу в умах, приведшую к резкому изменению поведения манапов, мы обозначили, как процесс «осознания неизбежного», который мы условно разделили на четыре этапа.

Этап шока – со 2 по 9 июля 1916 г.

Этап замешательства – с 10 июля по 7 августа 1916 г.

Этап принятия решений и их реализации – с 8 по 20 августа 1916 г.

Үркүн – с 20 августа 1916 г.

Рассмотрим последовательно эти этапы и опишем их основные признаки.

2 июля – 9 июля 1916 года: Этап шока

Как известно, пусковым механизмом волнений в Туркестанском крае послужило печально известное повеление о призыве «инородцев» на тыловые работы, подписанное царем 25 июня 1916 года. Как рождался этот указ, можно подробно прочитать на сайте www.daniyarov.kg в рубрике «Хроника кровавого повеления»[260]. Здесь же мы скажем, что еще за неделю до того, как повеление было официально введено в силу, в адрес исполняющего обязанности Генералгубернатора Туркестанского края М.Р. Ерофеева поступила телеграмма от министра внутренних дел Б.В. Штюрмера о том, что работы по призыву инородцев надо начать незамедлительно. Генерал Ерофеев тут же созвал на совещание губернаторов четырех областей. Единственным губернатором, которому было позволено не явиться на совещание, был губернатор Семиреченской области М.А. Фольбаум, что было объяснено большим расстоянием от Верного до Ташкента[261].

Хотя телеграмма Генерал-губернатора была секретной, о совещании в Ташкенте мгновенно стало известно всему Туркестану. Отсутствие официальных разъяснений способствовало возникновению и распространению панических настроений среди местного населения, в том числе, и в Семиречье. Даже бывший член 2-й Государственной Думы Российской Империи высокообразованный инженер-путеец

Шварц В.И. «Хроника Кровавого повеления». *СДКФ*, http://daniyarov.kg/2018/05/15/1916-godkrovavoe-povelenie-khronika-za-23-d/. Просмотрено 10.11.2019.

«Телеграмма вр.и.д. Туркестанского генерал-губернатора М.Р. Ерофеева Военному губернатору Семиреченской области М.А. Фольбауму от 29 июня 1916 года». *Восстание 1916 года. (Документы и материалы)*. Ред. К.И. Мамбеталиев. Бишкек, 2015, сс. 52-53.

М.Т. Тынышпаев признавался, что не мог внятно объяснить, чего именно власти хотят от «киргизов»[262]. Есть все основания охарактеризовать реакцию «туземного» населения, включая манапов, как шок.

Повеление стало неожиданностью для всех. Местное население до этого времени было уверено, что в армию «инородцев» не будут забирать никогда. «В июле месяце слухи эти встревожили киргизов, но сомневались, так как знали о существовании письменного обещания белого царя не брать от киргизов солдат»,- говорит Канат Абукин[263].

Все это хорошо известно историкам, не будем останавливаться на дополнительных свидетельствах.

10 июля – 7 августа 1916 года: этап замешательства

8 июля 1916 года в администрации Генерал-губернатора и военных губернаторов, в канцелярии полицейских управлений и служб поступил официальный текст «Высочайшего повеления от 25 июня 1916 года». В тот же день текст был опубликован. Получив первые, пусть не очень четкие, но официальные разъяснения, подавляющее большинство манапов после первоначального шока было готово проявить лояльность по отношению к решению властей и предоставить мужчин управляемого ими рода для тыловых работ. Им, возможно, не нравился указ, но представителям колониальной администрации они демонстрировали готовность его выполнять. С первых дней подготовки к реквизиции манапы стали отмечать брожение молодежи, которая до этого времени не осмеливалась не подчиняться решению манапов, но на сей раз, подогреваемая слухами и агитаторами, *букара* (ист. простолюдин, простонародье[264]) «бродила», выказывала недовольство. Это «брожение» стало первым фактором, породившим замешательство манапов.

Что же администрация? Выказывая полное равнодушие к вопросу набора и почти демонстративно, упорно, многократно не реагировала на обращения манапов за поддержкой для успокоения молодежи. Такое поведение администрации имело место обоих уездах – Пишпекском и Пржевальском. При этом в правление были приглашены или, точнее сказать, вызваны уездным начальством большое число манапов из разных волостей, в том числе, и *чоң манапы*, которых остальные и уполномочили вести переговоры.

Из показаний Каната Абукина: «На седьмое августа к Уездному Начальнику в Пишпек были вызваны почетные лица и должностные лица от всех Загорных волостей и от Атекинской и Сарыбагишевской волостей. 7-го мы, в числе **около 300 человек** (выделено мной А.Д) были во дворе уездного управления, куда к нам вышел

«Представленная туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину копия показаний инженера М. Тынышпаева, данных следователю по требованию прокурора Верненского окружного суда о предыстории и ходе событий 1916 года». *Восстание 1916 года в Киргизстане*. Ред. Т.Р. Рыскулов. Москва, 1937, с.143.

Зорин А., с.135.

Юдахин К.К., кн.2, с.156.

уездный начальник Путинцев, к которому мы обратились с заявлением, что молодежь не соглашается давать людей и идти. С Уездным Начальником говорили трое в присутствии остальных, а именно Хисамутдин Шабданов, (Сарбагишевская волость), Курман Лепесов (Курманходжинской волость) и я. Переводил письменный переводчик Абдукерим Сыдыков. Уездный Начальник Путинцев нам ответил, что он должность сдал, <…>, а он хочет обратиться к нам с просьбой <…> построить на Арасане <…> барак для больных, мы тут же согласились дать со всех здесь бывших волостей по 30 коп. с каждой кибитки. Во время разговоров с Путинцевым к нам вышел Рымшевич, к которому мы обратились с тем же заявлением о нежелании молодежи подчиниться требованию о составлении списков и приговоров и просили его вызвать войска. <…>. В начале августа 1-го, 2-го или 3-го с просьбой о вызове мы обращались и к Меньшикову, который приезжал к нам по поводу набора лошадей. Меньшиков нам ответил, что он сам едет в Пишпек и доложит Уездному Начальнику. После этого он был в Пишпеке и присутствовал 7 августа, когда мы были у уездного начальника. Рымшевич с нами не разговаривал, а просто развернулся и ушел, и из этого мы заключили, что нас вызвали не для того, чтобы решить наболевший вопрос о призыве рабочих <…>. Это и составляло тему наших разговоров, но мы вскоре разъехались» [265].

Как видим, 300 манапов и волостных, вызванные 7 августа к уездному начальству из своих волостей в Пишпек, обратились за помощью в организации реквизиции на тыловые работы к бывшему начальнику Пишпекского уезда Г.Ф. Путинцеву, сменившему его на этой должности Ф.Г. Рымшевича. Как отмечает допрашиваемый, это не первое их обращение, ранее манапы уже обращались с той же просьбой к Г.Ф. Путинцеву, а также к заведующему полицейской частью М.Н. Меньшикову. Все три представителя уездной администрации по сути отмахнулись от их настойчивого обращения.

Кроме прочего, в эти дни манапы не только не получили поддержки от властей в деле организации реквизиции, но и удерживались в уездном управлении вне своей волости, что лишало их контроля над происходящим в их собственных волостях...

Полагаем, любой человек был бы на месте манапов ошеломлен, растерян, озадачен…

А между тем, серьезные беспорядки в соседнем Верненском уезде начались уже 2 августа, а за день до сбора манапов в Пишпеке у уездного начальника на границе двух уездов пролилась первая кровь и действовали карательные отряды. Об этом позднее во Всеподданнейшем докладе писал подполковник М.А. Алексеев:

«При первом открытом выступлении мятежников спешно были мобилизованы льготные сотни Семиреченского казачьего войска ... 6-го августа шайки мятежных киргиз появились в 75 верстах к западу от гор. Верного»[266].

Зорин А., с.136.

«Док. №268. Всеподданнейший рапорт и.д. Военного губернатора Семиреченской области А.И. Алексеева о восстании в области в 1916 году». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*, 1960., с.409.

Непосредственно в тот же день, когда манапы собрались в Пишпеке в уездном управлении, «для усмирения восстания уже 7 августа из Верного выступили отряды пехоты и казачьи сотни, которые внезапным своим появлением и решительными действиями быстро рассеяли бунтовщиков»[267].

Карательные отряды Семиреченских казаков были направлены губернатором М.А. Фольбаумом, и его подчиненные подполковники Ф.Г. Рымшевич, а до отставки – Г.Ф Путинцев не могли не знать об этом. Скорее всего, слух дошел и до кыргызов. И тем не менее, в этот момент уездные начальники беседовали с манапами о сдаче 30 копеек на больницу.

Практически то же самое произошло и в Пржевальске. Манапы этого уезда, которых весь июль уездные начальники вызывали на совещания и удерживали в городе, в очередной раз были собраны 22 июля во дворе уездного правления г. Пржевальска. Предводители Пржевальских родов сообщили уездному начальнику В.А. Иванову о том, что молодежь взбудоражена, что нужны меры для того, чтобы ее «реквизировать», но «Валериан Великолепный», как прозвали его за пристрастие к роскошным выездам, просто-напросто проигнорировал обращения манапов за помощью. Дело дошло до того, что видные манапы (Кыдыр Байсарин среди них) предложили посадить их в тюрьму в качестве заложников, ... чтобы молодежь увидела их в заключении и сама пришла участвовать в наборе на тыловые работы. Кыдыр Байсарин известен нам, как абсолютно лояльный к текущей власти предводитель рода *бугу*. Он только за три года до описываемых событий участвовал в Санкт-Петербурге в торжественном отмечании 300-летия дома Романовых...

Вот как описывает эти события Туленбай Дюсебаев: «Из собравшихся почетных Кыдыр Байсарин, Байгазы Исабеков доложили, что почетными решаются только гражданские дела, а не такие дела, как призыв рабочих. В этот день ввиду наступившего вечера переговоры остались неоконченными. На другой день 23 июля почетные киргизы Тургенской волости Кыдыр Байсарин, Заукинской волости Байгазы Исабеков, Кучук Джапаев, Курментинской волости Кыдырбай Тунгатаров, Курткамергенской волости Максут Солтоев, Торгаевской волости Исагалы Алматаев, Семизбельской волости Сагын Ниязбеков, Бакачинской волости Танкатбай Кезеев и др. от имени всех почетных киргиз участка просили Уездного начальника посадить всех почетных участка и их в тюрьму, говоря, что тогда народ, жалеючи их, явится к нему (уездному) сам и составит приговоры на отправку рабочих, а в противном случае, то есть если почетные изъявят свое согласие дать рабочих от имени народа, то народ порежет всех почетных и совершит побег в китайские пределы. Уездный начальник на это повторил то же самое, что он говорил 22 июля и потребовал от явившихся почетных киргиз волостей участка как от представителей народа изъявление, что волости готовы дать рабочих и приказал почетным принять меры по недопущению побегов в Китай. Насколько я помню переговоры в этот день тоже остались неоконченными» [268].

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, с. 409.

«Док.№56. Протоколы допроса…».

В последующие многократные повторения просьбы, обращенной к начальнику уезда со стороны собранных им манапов в организации реквизиции мужчин на тыловые работы согласно царскому повелению, не привели ни к каким действиям со стороны администрации.

Более того, когда уездному начальнику доложили, что «почетные киргизы [Курткамергенской] волости Раимкул Сарыбаев и Акмолда (фамилия неизвестна) занимаются в волости агитацией против призыва рабочих», начальник никак не отреагировал. Несмотря на неоднократные предупреждения полковника В.А. Иванова со стороны Т. Дюсебаева о том, что в районе Каркаринской ярмарки Узак Сауруков проводит агитацию против набора, уездный начальник не реагировал, и только, когда страсти накалились, отдал приказ на арест Саурукова.

Обращает на себя внимание и долгое удержание уездным начальником манапов себя в правлении, еще более длительное, чем в Пишпекском уезде, а именно, начиная с 22 июля «должностные и почетные лица многих волостей жили безвыездно в городе почти до 2 августа, а почетные киргизы Заукинской волости Байгазы Исабеков и Восточно-Джетыогузской волости Мамырбай Тайлаков по приказанию начальника уезда жили до 11 августа»[269].

Итак, в период с 10 июля по 7 августа 1916 года большинство манапов Пишпекского и Пржевальского уездов, прекрасно осознавая нежелание своего народа идти по объявленному набору на тыловые работы, тем не менее выказывали готовность предоставить своих людей. Но они постоянно наталкивались на бездействие, даже противодействие их усилиям со стороны властей. Уездные начальники подолгу удерживали вне собственной волости, с ними говорили о совершенно второстепенных вопросах, при этом еще и никак не привлекали к ответственности агитаторов против набора. В такой ситуации естественно задаться вопросом: чего хотят власти?

И тогда к манапам пришло понимание – властям не нужна была лояльность «инородцев», властям не нужна была реквизиция, власти добивались недовольства и беспорядков. Кыргызские лидеры осознали, что у них отсутствует выбор: у народа нет шансов, представив необходимое число мужчин для реквизиции, остаться на своей земле и продолжать вести традиционный образ жизни. Властям нужен был конфликт, который привел бы к освобождению земель от местных жителей. Пришло осознание неизбежного: народ уже приговорен, администрация всеми силами прилагает усилия для освобождения земли. Или выказать неповиновение и тем самым стать преступником для властей, или «добровольно» сбежать…

Именно в эти дни в Петрограде хлопотами нового назначенного генералгубернатора А.Н. Куропаткина, набор был отложен на полтора месяца. Царь подписал новое повеление о том, что начало реквизиции «инородцев» повсеместно откладывается до 15 сентября[270]. Позднее, уже в сентябре Туркестанский генерал-

---

«Док.№56. Протоколы допроса…».

«Док. №22. Канцелярия Степного генерал-губернатора. Подлинник. ЦГА РК. Ф Д.1303а л.257».

губернатор дополнительно отложил начало набора в Семиречье на неопределенное время[271]. Мужчины получили возможность собрать урожай, а все местное население - отметить мусульманский праздник. Но военный губернатор М.А. Фольбаум до начала сентября, то есть до дополнительного приказа А.М. Куропаткина, ничего не сообщил местному населению о такой важной новости. Это умолчание столь значительного для местного населения события, призванного снять напряжение, прямо указывает на то, что русским властям в Семиречье не нужна была реквизиция, а нужно было неспокойствие, нужны были слухи и беспорядки!

На этапе «замешательства» обращает на себя внимание еще один важный момент: влиянию манапов на своих сородичей противостоит влияние еще каких-то сил, назовем их здесь силами, «альтернативными» манапам. Предводители родов прямо жаловались на выход молодежи из повиновения их авторитету, потому-то им и требовались дополнительные силы для контроля своих же сородичей. Кто мог «подогревать» молодежь? Об этом говорится, в частности, в протоколе допроса отставного генерал-майора Сибирского казачьего войска Ивана Яковлевича Нарбута, жителя Пржевальска, ромистром Г.А. Юнгмейстером: «Причинами восстания считаю: устройство русских переселенцев на земли киргиз, причем были отобраны лучшие земли, плохое отношение русского населения, главным образом, новоселов, к киргизам, которых они ставили на одном уровне с животными. Полагаю, что дело не обошлось без агитации, причем агентура воспользовалась Высочайшим повелением о наборе рабочих» [272].

Никаких иностранных агентов ни в Пржевальском, ни в Пишпекском уезде нет[273]. Значит, агитацию мог вести только кто-то из «своих» же кыргызов или родственных представителей, кто говорит с людьми на их языке, и может противопоставить влиянию манапов свою осведомленность и административную власть. Позволим себе сделать вытекающее из описанных обстоятельств предположение о том, что такими «альтернативными» силами могли быть, помимо лиц, прямо указанных по фамилии в показаниях следствию Т. Дюсебаевым (Узак Сауруков, Раимкул Сарыбаев и Акмолда), агенты из числа переводчиков, писарей, получающих зарплату в администрации, упоминаемые в докладах «*жигиты*» волостных и внедренные в среду кыргызов многочисленные осведомители и «*жандары*».

Некоторые сведения об этом имеются в Докладе ротмистра В.Ф. Железнякова: «Со вступлением на должность Верненского Полицмейстера ШтабсРотмистра

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, 1960, с.43.

[271] «Примечание 16». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*, 1960, с.718.

[272] «Док. №80. Протокол допроса жандармским ротмистром Юнгмейстером свидетелей – отставного генерал-майора И.Я.Нарбута и мещанин А.Вонькова о причинах восстания коренного населения и положении в г. Пржевальске во время восстания от 3 ноября 1916 г». *Восстание 1916 года. (Сборник документов и материалов)*. Ред. Э.С. Каптагаев. Бишкек, 2011, с.140.

Шварц В.И. «Рождение, смерть и эксгумация мифа о германском следе в Туркестанских событиях». *СДКФ*, http://daniyarov.kg/2016/05/23/1916-god-rozhdenie-smert-i-yeksgumaciya-mif/. Просмотрено 10.11.2019.

Поротикова, … им была организована целая система сыска между … между киргизами. Система эта заключалась в том, что при помощи одного из своих приближенных, Наманганского сарта Закира Исабаева, ... всякие отбросы туземцев … разъезжали по области, открыто выдавая себя за «жандаров», наводя страх на туземное население и нещадно его обирая» [274].

том же пишет и М.Т. Тынышпаев: «Обирала Исабаев не был никем тронут, в то время как киргизы стали позволять себе убийства русских. Я склонен предполагать, что Исабаев давал разрешения на эти дикости и даже подстрекал народ. От Исабаева можно ожидать решительно всего» [275].

Наконец, и в показаниях Г.И. Бройдо можно найти следующие сведения: «... Шла работа по дезорганизации их (киргиз) общественности, достигшая таких размеров, что у них было невозможно ни одно самое узкое секретное собрание, никакая подготовка к восстанию. Малейшие попытки стали бы известны администрации через «своих» киргиз волости» [276].

Таким образом, к 1916 году уже было немало сил, внедренных в кыргызское общество, которые, не будучи лидерами, могли будоражить людей.

Итак, первоначальный шок, овладевший манапами и простым народом, растерянность от ошеломившей их новости перешли в замешательство манапов от реакции властей и, наконец, в «осознание неизбежного»: надо принимать решения, как быть дальше, исходя из того, что власти добиваются освобождения земли от присутствия местного населения. Уже стало понятно, что лояльность по отношению к властям никому не нужна и потому никем не была оценена. Предводителям надо принимать решения за себя и за свой род. И вот с этого момента Семиреченские манапы повели себя по-разному. Тем более, что, вернувшись из уездных центров в свои волости, большинство из них обнаружили, что ситуация уже вышла из-под контроля.

8 августа – 20 августа 1916 г.
Этап принятия решений и их реализации

Каждый из предводителей рода стоял перед выбором дальнейшей стратегии. Надо отметить, что в большинстве своем они осознавали личную ответственную роль за судьбу всего рода. В то же время практически никто из манапов не предпринимал действий, направленных на объединение всех кыргызов, не говоря уже обо всем «туземном» или «инородческом» населении. Манапы были сосредоточены на судьбе своего рода. Здесь следует сказать, что во многих рапортах чиновников и в устных

---

[274] «Доклад заведующего Розыскным пунктом в г. Верном и Семиреченской области ротмистра Отдельного корпуса жандарм В.Ф. Железнякова…», с.13.

«Представленная туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину копия показаний инженера М. Тынышпаева, данных следователю по требованию прокурора Верненского окружного суда о предыстории и ходе событий 1916 года». *Восстание 1916 года в Киргизстане*, 1937, с.146.

Бройдо Г.И., с.29.

историях народа говорится о том, что видные крупные манапы были избраны своими родами в этот период «ханами» [277]. К числу якобы избранных народом ханов относят,

частности, Каната Абукина, Мокуша Шабданова, Батырхана Нагоева, Тезекбая Тюлькина, Байзака Мырзаева и других. В то же время, подтверждений, исходящих от самих «избранных», в документах допросов, показаний, рассказов нам не удалось обнаружить. Канат Ыбыке уулу (Абукин) в своих показаниях прямо отрицает избрание ханом. В протоколе его допроса мировой судья Волков записал: «Я командовал только своей волостью, напрасно ходят слухи, что я был ханом» [278]. Разговоры об избрании манапов в ханы были выгодны в тех обстоятельствах Семиреченской администрации. Известно, что, согласно кыргызским традициям, ханом избирают лидера на период военных действий, то есть избрание свидетельствовало бы в рапортах об агрессивных намерениях со стороны народа и самого «хана», хотя народ мог избирать ханов и для оборонительных целей. Таким образом уездные и областные начальники могли обосновать преступность замыслов манапов, объявляя их врагами Российской государственности и тем самым укрепляя аргументацию в пользу необходимости их уничтожения. Ведь если исход народа в Китай приводил к освобождению вожделенной земли, то оставление на свободе манапов не гарантировало хорошее алиби уездным начальникам, карателям и Семиреченскому губернатору…

Проследим поступки манапов в этот короткий период времени, перевернувший жизнь кыргызов Семиречья на многие годы, на отдельных примерах, а также постараемся дать характеристику приписываемой им роли в последующих исторических периодах в зависимости от того, кто был субъектом таких оценок.

Пример первый

Мухитдин, Исаметдин, Камалетдин, Амалетдин (Мөкүш, Самүдүн, Кемел, Аман) Шабдановы - были яркими представителями манапов, предводителями крупного рода сарыбагышей. Будучи сыновьями знаменитого и очень влиятельного чоң манапа Шабдана Жантаева, они были и сами известны среди кыргызов далеко за пределами своей Сарыбагышевской волости Токмакского участка Пишпекского уезда. Они получили хорошее образование по тем временам и к 1916 году имели каждый собственный бизнес - конезавод (Мөкүш), садоводство (Самудин), пасека (Кемель), кожевенное производство (Аман)[279]. Можно утверждать, что серьезных причин для враждебного отношения к властям, а уж тем более совершения преступных действий у них не было. Набор в рабочие манапам, разумеется, не грозил.

Нам известно из показаний Каната Абукина, что Исаметдин Шабданов был в числе собравшихся 7 августа в уездном управлении, участвовал в переговорах от лица

См. статью Ивана Фукалова «Легитимность власти и ее аспекты у руководителей восстания 1916 года в Кыргызстане» в данном сборнике.

«Док. №256. Показания одного из предводителей восстания Канаата Абукина, данные им мировому судье Волкову». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*, 1960, с.378.

Абдылдабек кызы Жаныл. «Шабдан баатыр: Эпоха и личность». *Кемель Шабдан уулу. Краткая История Шабдана баатыра*. Бишкек: Шам,1999, с. 254.

остальных манапов, выражавших готовность исполнить повеление о реквизиции и предоставить нужное число мужчин на тыловые работы. Есть косвенные сведения о том, что после его возвращения в Чон-Кемин, братья обсуждали между собой, как действовать в сложившихся обстоятельствах, отстаивать ли с оружием в руках свои права на земли или покинуть родные места. Между братьями первоначально не было полного единства в выборе пути, Мокуш и Аман были настроены более решительно, чем Кемел и Исаметдин, однако 18 августа Мокуш посетил отряды Каната Абукина, и не поддержал его действия. Никаких доказанных акций против властей они не совершили. А когда пришли в Кемин казаки, ни Шабдановых, ни сородичей уже не было. Братья увели Сарыбагышевскую волость в Китай не позднее 20 августа 1916 года, вместе с ними ушла также родственная Атекинская волость.

В рапортах чиновников и в некоторых показаниях подследственных из кыргызов есть упоминания о том, что братья направили письма другим манапам о том, что сами они взбунтовались и предлагают также поступить и остальным предводителям[280]. Мы склонны рассматривать эти письма, как вброс дезинформации, письма эти не обнаружены, и, главное, написание такого письма противоречило бы их интересам. До этого времени семья Шабдана Жантаева не имела проблем с властью, с ними считались, им было что терять, и уже совсем не было причин становиться преступниками в глазах властей.

По официальной версии русской администрации братья Шабдановы - вдохновители и главари всего восстания в Семиречье. Такое обвинение создавало удобный предлог для их поимки и уничтожения до окончания расследования, осуществлявшегося по указанию А.Н. Куропаткина. Они могли бы раскрыть в дальнейшем следствию неблаговидную роль администраторов области, а также в целом выступить свидетелями провокационных действий казаков, уездной администрации, Семиреченского губернатора. Их назначили виновными… Задуманное преследование и в самом деле было реализовано, за ними как за главарями восстания, в декабре 1916 года в Китай был послан отряд карателей во главе с войсковым старшиной Бычковым, с целью уничтожения. Авантюра, однако, не удалась из-за препятствий со стороны китайских властей.

Именно нелогичность, приписываемых братьям Шабдановым, преступлений, необоснованность обвинений их в общем руководстве «восстанием», заставила Генерал-губернатора А.Н. Куропаткина усомниться в правдоподобии версии событий Семиречье, изложенной в рапортах губернатора и уездных начальников. Генерал-губернатор отдал распоряжение провести расследование, и на свет появились доклад ротмистра В.Ф. Железнякова и инженера М.Т. Тынышпаева, благодаря которым действия этих манапов выглядят в совсем ином свете.

Несмотря на существование указанных документов, в советской историографии братья Шабдановы неизменно назывались главарями восстания, примкнувшими к

«Док. №258. Протокол допроса жандармским ротмистром Юнгмейстером Пржевальского купца А. М. Ибрагимова о начале восстания в Пржевальском уезде». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*, 1960, сс.381-382.

повстанцам, чтобы «коварно повернуть» его в антирусском направлении. При этом своевременность принятого ими решения о бегстве, позволившем вывести сородичей в Китай до наступления морозов, не упоминается и не оценена.

Пример второй

Ыбыке уулу Канат (Канат Абукин). 1860 Кочкор – 1917 Верный, тюрьма.

Канат Абукин – один из наиболее авторитетных манапов кыргызов того же рода *сарыбагыш*, проживавшего в Абайильдинской волости.

Вернувшись из Пишпека 12 августа, Канат Абукин узнал, что русское поселение Столыпино (Кочкорка) атаковано и разгромлено кыргызами из Пржевальского уезда. Тогда же, как указывает он сам в показаниях ротмистру В.Ф Железнякову, манапу стало известно об убийстве заложников - манапа Райымбека преклонного возраста со всей семьей, которые желая продемонстрировать миролюбивое отношение к русским переселенцам прикочевали к Токмаку с семьей, но несмотря на мирную миссию, были заколоты. Возмущение этим подлым убийством и послужило причиной атаки на Покровское, как признается Канат Абукин в своих показаниях ротмистру В.Ф. Железнякову: «… моя волость окончательно решила напасть на Токмак и Покровское лишь после известия о гибели шамсинского волостного управителя и киргиза Раимбека» [281]. Канат Абукин добровольно сдался властям, чтобы объяснить произошедшее генерал-губернатору Куропаткину, тем не менее двух его сыновей казнили и его самого уничтожили в заключении. По-видимому, причина и в этом случае была - чтобы не осталось свидетелей преступлений администрации.

Очень важно обратить внимание на мотив нападения на русское поселение, совершенного под руководством Каната Абукина. Сам Канат в своих показаниях утверждает, что с самого начала, с момента объявления царского повеления он не был против реквизиции на тыловые работы, и такое отношение у него сохранялось и после ареста. «Я лично ничего не имел против распоряжения правительства о реквизиции рабочих из числа киргиз[ов] и никаких мер к противодействию против этого распоряжения не принимал, ни о каких совещаниях почетных лиц по этому вопросу я ничего не знаю»[282] .

Основной мотив его заключался в возмущении несправедливым убийством заложников.

Несмотря на собственные признания манапа Каната Абукина, данные им после его добровольной сдачи органам правосудия, в советской историографии он был «назначен» руководителем «антиколониального восстания». Это тем более удивительно в свете того, что его показания были хорошо известны, многократно публиковались, а они явно противоречили такой версии.

«Док. №256…» *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*, 1960, с.377.

«Док. №256…» *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*, 1960, с.377.

Показания манапа Каната Абукина принципиально не совпадают и с описаниями событий в изложении всех уровней Семиреченской администрации, но не противоречат теории Г.И Бройдо о провокации.

Пример третий

Сарыпбек уулу Туркмен (Туркмен Сарпеков), Максы уулу Биялы (Биялы Максымов, Биялы бий). 1868 – 1947.

Старшие манапы Суусамырской волости Пишпекского уезда из рода *саяк*. Туркмен Сарпеков и Биялы Максымов активно возражали против вооруженного сопротивления набору и не допустили участия Суусамырской волости в восстании. Усилиями Туркмена Сарпекова и Биялы Максымова были спасены несколько русских людей – гидротехники Васильевской партии (Джумгальской гидрологической станции)[283].

Этот поступок манапов был отмечен в докладе начальника Пишпекского уезда Ф.Г. Рымшевича[284], что впоследствии сослужило им плохую службу, бросая на них тень коллаборационистов. При этом спасение гидротехников приписывалось исключительно простым кыргызам, а агрессивные действия по отношению к партии приписывалась неназванным по имени «манапам»[285].

Лояльная позиция и миротворческая роль Туркмена Сарпекова и Биялы Максымова не вписывалась в образ «врага Российской империи», и в список предлагаемых к награждению эти манапы включены не были. После революции 1917 года те же поступки не соответствовали образу «феодала-угнетателя». В результате информация о них замалчивалась как царской администрацией, так и советскими историками.

Пример четвертый

Сооронбай уулу Дүр (Дюр Сооронбаев). Годы жизни: 1862 – 1918. Дюр Сооронбаев - манап Тынаевской волости Пишпекского уезда из рода *тынай*. Он окончил гимназию в Верном с серебряной медалью и открыл русскую школу в Токмаке для мусульманских детей. Позже школа была превращена в русско-туземную.

Известно, что в августе 1916 года Дюр Сооронбаев, избранный волостным управителем Тынаевской волости, временно исполнял обязанности переводчика при отряде участкового пристава А.Г. Байгулова, известного жестокими карательными действиями. В показаниях следственным органам он поддержал версию об инициативе сарыбагышских манапов во всех нападениях на русские селения

Заявление Туркмена Сарпекова. Подлинник. Перевод. ЦГА РК Ф.44 Оп.1 Д.19370 лл.44-44об.

«Док.№261. Рапорт начальника Пишпекского уезда Ф.Г. Рымшевича и.д. военного губернатора Семиреченской области А.И. Алексееву о ходе восстания в уезде и мерах к его подавлению». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*, 1960, с.388.

Усенбаев К.У., с. 290.

Токмакского участка[286]. Эти факты биографии Дюра Сооронбаева вызывают неоднозначные оценки исследователей. Будучи рядом с Байгуловым в момент наиболее тяжелых преследований кыргызов Токмакского участка карательными отрядами, он дал повод для обвинений в коллаборационизме.

Вместе с тем известно, что поведение Дюра Сооронбаева привело к тому, что 4 аула его волости, которые не присоединились к отрядам Каната Абукина, а бежали в горы, спасаясь от карателей, получили от властей исключительное право остаться на своих землях.

Другая часть Тынаевской волости присоединилась к волостям, атаковавшим Токмак под руководством Каната Абукина. Сам же Дюр Сооронбаев, по некоторым сведениям, убит переселенцами в 1918 г.

Сотрудничество с приставом А.Г. Байгуловым дало основания некоторым исследователям советского периода считать его «предателем интересов народа». В постстоветский период акцент делается на его просветительской деятельности. Исследователи рассматривают его как представителя джадидизма, общественно-политического и интеллектуального движения среди мусульманских (преимущественно тюркских) народов в Российской империи конца XIX – начала XX века[287]. О его роли в событиях 1916 года в современных публикациях упоминаний нами не обнаружено

Пример пятый

Байсары уулу Кыдыр Аке (Кыдыр аке Байсарин). 1843 Сары-Жаз – 1926 Кереге-Таш, Ак-Суу.

Кыдыр Аке - знаменитый манап Тургенской волости Пржевальского уезда, из рода *бугу*. В юности он занимал должность волостного, позже был советником уездного начальника. Известно, что Кыдыр Аке был почетным гостем на 300-летии дома Романовых в 1913 г, и в период пребывания на торжествах в Санкт-Петербурге был приглашен в качестве гостя на заседание Государственной Думы.

12 июля 1916 он находился в Пржевальске, участвовал в переговорах с уездным начальником, запрашивая помощь в осуществлении набора и даже предлагал от имени всех манапов уезда сесть в тюрьму, что предполагалось использовать в качестве меры воздействия на вышедшую из послушания молодежь.

Тургенская волость в нападениях не участвовала, тем не менее в августе он бежал со своим родом на сырты в район Нарына, а по другим данным бежал с народом в Китай.

В донесениях русской администрации Кыдыр Байсарин обвинялся в авторстве письма, якобы адресованного братьям Шабдановым, призывающего к бегству в Китай, на основании будто бы имеющейся договоренности с тамошними администраторами о предоставлении условий для размещения на территории Китая[288].

Протокол допроса ротмистром Г.А. Юнгмейстером 20 ноября 1916 г. Управителя Тынаевской волости Дюра Сооронбаева. ЦГА КР Ф.34 Оп.2 Д.5 лл.219-221.

Кубатова А.Э. *Кыргызстандагы жадидчилик кыймылы*. Бишкек, 2012, с. 112.

Зорин А., с.137.

Письмо это, также, как и письмо братьев Шабдановых, нигде обнаружено не было, а призыв к бегству в Китай по меньшей мере странен для человека, который имел награды от царского правительства и был почетным гостем царской семьи.

Тем не менее имя Кыдыра Байсарина было включено В.А. Ивановым в список «главарей восстания»[289]. Позже, после того, как по указанию генерал-губернатора Куропаткина началось расследование преступных действий чиновников, тот же В.А. Иванов предлагал сделку Кыдыру Байсарину – возвращение его со своим родом на прежние места жительства в обмен на дачу показаний, обеляющих Пржевальскую администрацию. Об этом сообщил в показаниях ротмистру В.Ф. Железнякову переводчик Т. Дюсебаев: «Полковник Иванов 24 октября с войсковым старшиной Бычковым выехали на сырты для розыска киргиз Тургенской волости, которые по слухам не бунтовали. По моему мнению, как я понял со слов господина Иванова, поездка его на сырты имела два пункта: 1) разыскать и вернуть киргиз и 2) через почётного киргиза названной волости Кыдыра Байсарина подготовить киргиз остальных волостей участка на случай допроса в пользу себя и во вред тем, которые могут выступить против него свидетелями обвинения» [290].

В советской историографии сведения о нем замалчивались, как несоответствующие образу «угнетателя-манапа». В постсоветский период Кыдыр Аке стал одним из 7 Иссык-кульских Аке, высоко почитаемых населением за мудрые решения и высказывания. Бюст ему от имени Кыргызской Республики установили в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге, как олицетворение дружбы двух народов.

Информация о событиях в Тургенской волости летом-осенью 1916 года противоречива и заслуживает внимательного исследования.

Пример шестой

Тыналы уулу Чолпонкул (Чолпонкул Тыналин, Чолпонкул Тыналиев). Крупный манап Тлеубердинской волости из рода *солто*. Считался одним из богатейших кыргызов, получил образование, знал несколько языков. Совершил хадж Мекку. Имел медали и почетный халат в награду от администрации. В 1916 г. Асанкул Тыналин, его сын, был волостным той же волости. В документах также упоминается его второй сын Суеркул Тыналин. В показаниях при расследовании они указывают на себя как на грамотных.

В селе Беловодское, примыкающем к Тлеубердинской волости, имела место известная трагедия, когда погибли более 600 сородичей Чолпонкула из Тлеубердинской и двух соседних волостей Беловодского участка, которых жестоко убили крестьяне-переселенцы. Следствие, начатое по этому делу, сдерживалось областной администрацией, погибшие были объявлены бунтовщиками[291]. Из-за этого

Список главарей киргиз Пржевальского уезда. Подлинник. ЦГА КР Ф.34 Оп.2 Д.5 лл.164-166.

«Док.№56. Протоколы допроса…»

«Док. №474. Телеграмма начальника Пишпекского уезда Г.Ф. Путинцев от 19 сентября 1916 года Военному губернатору Семиреченской области М.А.Фольбауму». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*, 1960, с.675.

печального события Тлеубердинская волость в Уркүн не уходила. Это преступление имеет признаки государственного и нуждается в историческом расследовании, так как дело, открытое в 1916 году, не было доведено до суда и было закрыто в связи с общей амнистией, объявленной Временным правительством в апреле 1917 года.

Характеризуя роль манапов в событиях 1916 года и указывая на их виновность наряду с царской администрацией в межнациональной резне, К. Усенбаев иллюстрирует это поведением манапа Чолпонкула Тыналина в разгар трагического события в селе Беловодское. Автор, ссылаясь на воспоминания кыргыза - жителя Тлеубердинской волости Осмонкула Алымбекова, приводит «красочный» эпизод предательского поведения манапа: «По дороге начальник карательного отряда, указывая на людей, взятых под стражу, сказал манапу Чолпонкулу Тыналину: «Все они, без единого исключения будут убиты. Если среди них имеются люди, находившиеся с вами в дружественных и близких отношениях, я могу их освободить спасти им жизнь». На это манап совершенно равнодушно и цинично ответил: «Они мятежники и ваши враги. Раз ваши враги, значит и мои враги. Среди наших врагов нет и не могут быть мои близкие н друзья. Делайте с ними, что хотите» [292].

Однако нам не удалось найти описание этого эпизода в источнике по ссылке, приведенной в монографии 1967 года и переработанной версии 1997 года.

Вместе с тем в научном обороте имеются показания сыновей Тыналина, где они рассказывают о конфликте Чолпонкула и Асанкула Тыналина, а также манапа Джантая Кененсарина[293] с представителями своего рода, возмущенными несправедливым составлением списков и указывают следствию на виновных в «неподчинении» властям.

В советской историографии Чолпонкул Тыналин остался символом предательского отношения к простому народу. Действия Чолпонкула Тыналина нуждаются в прояснении исследователями.

Пример седьмой

Каныбек уулу Касен, Рыспек уулу Иткара, Данай уулу Осман (или Осмон?) (Касен Каныбеков, Иткара Рыспеков, Осман Данаев). Манапы Карабулакской волости Токмакского участка Пишпекского уезда из рода *сарыбагыш*.

Эти манапы взяли под охрану русский переселенческий поселок Михайловское (Карабулак), расположенный к северо-востоку от Пишпека. Кыргызы совместно с переселенцами не только защищались, но и посылали смешанные отряды в станицу Самсоновскую. Сведения об этом есть в дневнике Нины Бондыревой-Полторацкой за

Усенбаев К.У., с.189.

«Док. №250. 1916 г. Из протокола старшины Тлеубердинской волости Пишпекского уезда Асанкула Чолпонкулова о восстании в сел. Токтинском». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*, 1960, сс.365-366; «Док. №260. Протокол допроса в Верненском окружном суде свидетеля Булекбая Тутина о восстании в Восточно-Сукулукской волости Пишпекского уезда». *Восстание 1916 года…*, 1960, с. 383; «Док. №267. Протокол допроса в Верненском окружном суде свидетеля - жителя сел. Тыналинского С. Чолпанкулова о восстании в Восточно-Сукулукской волости Пишпекского уезда». *Восстание 1916 года…,* 1960, с.450.

9 августа 1916 года: «Со стороны Карабулака - тоже толпа конных. Насторожились. Отлегло от сердца, когда в приближающихся опознали обещанную помощь: 20 человек русских и 50 карабулакских киргиз и токмакские добровольцы. Среди последних три раненых - один в ногу; пуля из винтовки» [294].

Важно заметить, что предпринимали карабулакцы такие шаги несмотря на то, что несколько их знатных сородичей - манапов Кара-Булакской волости, согласившихся стать добровольными заложниками, были жестоко и провокационно убиты казаками сотни Бакуревича. Но оставшиеся в живых карабулакцы, не поддались даже на такую подлую провокацию и не стали мстить жителям Михайловского. Об этих событиях рассказывает находившийся в то время в Верном юрист Г.И.Бройдо: «Бакуревич, между прочим, рассказал... что в селе Михайловском (Кара-булак) он нашел, что целая киргизская волость Карабулакская сдвинула свои юрты к русскому селу, заявив, что они будут вместе с крестьянами сражаться против киргиз, если те нападут. Эта была счастливая мысль спастись от действий карательного отряда. Однако Бакуревич взял заложников и повез их с собой, но рассказал: он, «мои шутники потопили их по ошибке в Чу. Карабулакская волость, несмотря и на это, до сих пор спокойна»[295]. 9 августа 1916 года в первой телеграмме генерал-губернатору А.Н. Куропаткину семиреченский губернатор М.А. Фольбаум называет Карабулакскую волость в числе трех «восставших» наряду с Сарыбагишевской и Атекинской [296]. Это выглядит как реализация «домашней заготовки», видимо, верненским властям трудно было предположить такую выдержку, находчивость и самоотверженное поведение карабулакцев. Однако позднее, когда стали известны имена спасенных русских переселенцев, Фольбаум вынужден был описать Кара-Булакскую волость как «единственную невоставшую волость»[297]. В результате названная волость была исключена из списков смещаемых волостей, что стало исключением из общего правила действий властей.

советской историографии действия кара-булакцев приводились как пример интернациональной дружбы, но имена руководителей замалчивались, очевидно, потому что они были манапами, что никак не соответствует истории о борьбе народа «собственными угнетателями».

Модели поведения манапов в разгар событий – на этапе принятия решений и их реализации не исчерпываются указанными 7 примерами.

Общим является тот факт, что нет свидетельств того, что именно манапы явились зачинщиками нападений на русские поселения. Даже в известных тяжелых эпизодах нападений на русские поселения манапы выступали скорее миротворцами и в некоторых случаях защитниками пленных. Об этом свидетельствуют, например, в

Дневник Н. Бондыревой-Полторацкой, 1916 г. Подлинник. ИЯиЛ АН КР. Рукописный фонд. Оп. Тарих. Д.5173 лл.1-22, с.14.

Бройдо Г.И., с.22.

«Примечание 186». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*, 1960, с. 730.

«Док. № 477. Телеграмма Военного губернатора Семиренческой области М.А. Фольбаума от 24 сентября 1916 года начальнику карательного отряда Л.В. Слинко о выселении казахов и киргизов, участвовавших в восстании». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*, 1960, с. 677.

своих показаниях, данных по свежим следам во время расследования в 1916 году, побывавшие в плену у кыргызов архитектор Пугаченков[298], учительница Игнатова Васса Васильевна[299], учитель Ходосов[300], писарь В.Н. Терентьев[65], крестьянский мальчик А.В Ходоровский[301].

Исключение составляет атака на поселение Покровское, организованная Канатом Абукиным, который лично призвал народ выступить, однако, как уже приведено выше, мотивом нападения в данном случае была месть за произвол со стороны переселенцев, совершивших несправедливое убийство. Нельзя отнести этот поход к эпизодам национально-освободительного восстания против колонизаторов, спровоцированного царским повелением о реквизиции.

Надо отметить, что поведение манапов на этапе принятия решений и их реализации дало повод для прямо противоположных оценок их роли в изучаемых событиях со стороны царской администрации, советских исследователей и постсоветских историков, а также общественных деятелей.

Непосредственно в разгар событий 1916 года царской администрации был нужен образ врага империи, мирные скотоводы никак не подлежали изгнанию с земель. А их предводители в своей массе более образованные, менее наивные, чем их сородичи, могли еще и стать разоблачителями преступных действий конкретных начальников. Поэтому их надо было не только изгнать, но и уничтожить. Это манапы поняли не сразу, но все же довольно быстро и повели себя в этой ситуации по-разному. Однако подавляющему большинству пришлось бежать, уводя свой род за пределы родины, то есть разные действия все же привели к сходному результату. Неизбежному, потому что изгоняющая сила была значительно мощнее.

советский период доминирующей точкой зрения стал взгляд на события августа 1916 года как на антиколониальное национально-освободительное восстание,

котором кочевые народы и, в частности, кыргызы обратили оружие не только против русской администрации, но и против собственных «угнетателей» - манапов. Однако такой взгляд совсем не подтверждается документами.

постсоветский период преобладает взгляд на модель поведения манапов, как благородную и отвечающую интересам народа. Интересно, что при этом антиколониальная, национально-освободительная составляющая, которая стала

«Свидетельство А.А. Пугаченкова, запись 1926 г. ИЯиЛ АН КР. Подлинник. Рукописный фонд. Оп. Тарих д.5173 лл.44-46.

Протокол № 29 допроса ротмистром отдельного корпуса жандармов Г.А. Юнгмейстером учительницы В.В. Игнатовой по делу о восстании киргиз в Пржевальском уезде. Подлинник. ЦГА КР Ф. 34. Оп. 2 Д лл. 212-214об.

«Док. №52. Дневник настоятеля Иссык-Кульского монастыря о восстании на юге Семиреченской области»». *Восстание 1916 года. (Сборник документов и материалов).* Бишкек, 2016, с.112. [65] Протокол допроса мировым судьей 5-го участка Пржевальского уезда П. Денякиным Улахольского волостного писаря В.Н. Терентьева о его пребывании в плену у киргизов Улахольской волости. Подлинник. ЦГА КР Ф.97 Оп.1 Д.1 лл.11-13.

Протокол допроса мировым судьей 5-го участка Пржевальского уезда П. Денякиным крестьянина Пржевальского уезда А.В. Ходоровского по делу о нападении киргизов на село Кольцовка и его пребывании в плену у киргизов Улахольской волости. Подлинник. ЦГА КР Ф.97 Оп.1 Д.1 лл.100-111.

«академической» точкой зрения советского времени, сохраняется, хотя теперь уже манапы «встроены» в эту модель, вместе с народом. В значительной мере такому взгляду способствуют журналистские статьи, которые не ставят задачей скрупулезный анализ документов, и вольно интерпретируют поведение манапов, смешивая подтвержденные факты с устными легендами.

Следующий этап событий, в которых действующими лицами были манапы и их роды, уже назван народом - **Үркүн**. Этот этап - отдельная большая, выходящая за рамки настоящего исследования тема.

Заключение

На разных этапах событий 1916 года модели поведения манапов менялись, но на всех этапах отличались от роли, которая им приписывалась - как во время событий, так и в период последующего изучения. Выделены этапы: сначала шок, сменившийся замешательством, когда все они действовали вместе и однотипно, затем последовал этап принятия решений и их реализация, когда модели поведения были разными, но все они привели к исходу с земли, известному под словом Үркүн.

Образ кыргызских манапов, как «врагов российской государственности», создававшийся Туркестанской администрацией непосредственно в разгар событий, не подтверждается действиями предводителей родов.

Единственно возможным мотивом со стороны колониальной администрации для создания образа врага в лице кыргызских манапов в глазах петроградского руководства и русского населения было формирование оснований для насильственной «зачистки» земель от кыргызского населения.

Большая часть манапов осознавала личную ответственность за судьбу своего рода и за сохранение жизни - и не только своей, но и всего своего рода. Решение о том, чтобы увести людей в Китай (Үркүн), было попыткой спастись и спасти людей от неминуемой гибели. В свою очередь, и народ, принимая это решение об исходе с родных земель, следовал за традиционными лидерами – манапами.

Во всех волостях действовали «альтернативные» манапам силы, подстрекавшие к уклонению от набора и бегству в Китай. Сразу по принятии решения об уходе в Китай какие-либо проявления альтернативных сил прекращались. Назрела необходимость более глубокого изучения этого вопроса, в том числе, с выявлением конкретных персоналий.

Насильственных действий со стороны призывников против самих манапов не зафиксировано, даже несмотря на «взбудораженное» состояние кыргызского общества. Говорить о восстании против «собственных угнетателей» не приходится.

Приведенные данные дают основания расстаться с милым сердцу романтизмом национально-освободительного движения и героикой борьбы против колониального гнета, а свидетельствует о трагическом **вынужденном исходе** народа с прекрасных земель Чуйской и Иссык-Кульской долин.

Список источников и литературы

Абдылдабек кызы, Жаныл. «Шабдан баатыр: Эпоха и личность». *Кемель Шабдан уулу. Краткая История Шабдана баатыра*. Бишкек: Шам, 1999.

Бройдо Г.И. *Восстание киргиз в 1916 году. Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 года.* Москва: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925.

Восстание 1916 года в Киргизстане. Ред. Т. Р. Рыскулов. Москва: Соцэкгиз, 1937.

Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. (Сборник документов). Ред. коллегия: А.В. Пясковский (отв. ред.), Т. Е. Елеуов, А. Г. Зима, О. К. Кулиев, Х. Т. Турсунов. Москва: Изд. АН СССР, 1960.

Восстание 1916 года в Средней Азии. (Сборник документов). Ред. П.Г. Галузо. Ташкент: Госиздат, 1932.

Восстание 1916 года: Документы и материалы. Ред. К.И. Мамбеталиев. Бишкек, 2015.

Восстание 1916 года. (Сборник документов и материалов). Ред. Э.С. Каптагаев. Бишкек, 2011.

Восстание 1916 года. (Сборник документов и материалов). Сост. О.К. Ахмедов и др. Бишкек: Кут-Бер, 2016.

Гродеков Н.И. *Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области: Юридический быт*. Москва: Вост. лит., 2011.

Зорин А. «Из истории восстания казахов и киргизов в 1916 году». *Борьба классов*, № 7-8, 1932, сс.137-139.

Кубатова А.Э. *Кыргызстандагы жадидчилик кыймылы*. Бишкек, 2012.

Турсунов Х. *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. Ташкент, 1968.

Усенбаев К.У. *Восстание 1916 года в Киргизии*. Фрунзе: Илим, 1967.

Шварц В.И. «Григорий Бройдо заблуждался... Но в чем?.. Семиреченские хроники 1916 года».*СДКФ*,http://daniyarov.kg/2019/06/05/vladimir-shvarc-grigoriybroydo-zablu/. Просмотрено 10.11.2019.

Шварц В.И. «Хроника Кровавого повеления». *СДКФ,* http://daniyarov.kg/2018/05/15/1916-god-krovavoe-povelenie-khronika-za-23-d/. Просмотрено 10.11.2019.

Шварц В.И. «Генерал-губернатор Куропаткин: «Как могло случиться, что дети Шабдана стали во главе мятежа?»» *СДКФ*, http://daniyarov.kg/2016/04/27/ general-gubernator-kuropatkin-kak-mo/. Просмотрено 10.11.2019.

Шварц В.И. «Рождение, смерть и эксгумация мифа о германском следе в Туркестанских событиях». *СДКФ,* http://daniyarov.kg/2016/05/23/1916-godrozhdenie-smert-i-yeksgumaciya-mif/. Просмотрено 10.11.2019.

Юдахин К.К. *Киргизско-русский словарь.* В двух книгах. Кн.2. Фрунзе: Главная Редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985.

Sokol E. *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016

Архивные материалы

Об отводе в собственность войсковому старшине милиции Шабдану Джантаеву 400 десятин в Сарыбагишевской волости, Пишпекского уезда, Семиреченской области. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 391 Оп. 3

Д. 925. Подлинник

Дневник Н. Бондыревой-Полторацкой, 1916 г. Подлинник. ИЯиЛ АН КР. Рукописный фонд. Оп. Тарих. Д. 5173 лл. 1-22.

Доклад заведующего Розыскным пунктом в г. Верном и Семиреченской области ротмистра Отдельного корпуса жандармов В.Ф. Железнякова от 10 февраля 1917 г. Заверенная копия. ЦГА КР Ф.И-75 Оп. 1 Д. 46 лл. 41-51об.

Доклад заведующего Розыскным пунктом в г. Верном и Семиреченской области ротмистра Отдельного корпуса жандарм В.Ф. Железнякова о причинах мятежа киргизов в Семиреченской области, его течении и настроении населения к текущему моменту. Копия. РГИА Ф.1292. Об.1 Д. 1933а лл.475-505.

Заявление Туркмена Сарпекова. Подлинник. Перевод. ЦГА РК Ф.44
Оп.1 Д.19370 лл. 44-44об.

Протокол допроса мировым судьей 5-го участка Пржевальского уезда П. Денякиным крестьянина Пржевальского уезда А.В. Ходоровского по делу о нападении киргизов на село Кольцовка и его пребывании в плену у киргизов Улахольской волости. Подлинник. ЦГА КР Ф.97 Оп.1 Д.1 лл.10-11.

Протокол допроса мировым судьей 5-го участка Пржевальского уезда П. Денякиным Улахольского волостного писаря В.Н. Терентьева о его пребывании в плену у киргизов Улахольской волости. Подлинник. ЦГА КР Ф.97 Оп.1 Д.1 лл.11-13

Протокол № 29 допроса ротмистром отдельного корпуса жандармов Г.А. Юнгмейстером учительницы В.В. Игнатовой по делу о восстании киргиз в Пржевальском уезде. Подлинник. ЦГА КР Ф.34. Оп. 2 Д лл. 212-214об.

Протокол допроса ротмистром Г.А. Юнгмейстером 20 ноября 1916 г. Управителя Тынаевской волости Дюра Сооронбаева. Подлинник. ЦГА КР Ф.34 Оп.2 Д.5 лл.219-221.

Протокол допроса ротмистром В.Ф. Железняковым переводчика Пржевальского уездного правления Т. Дюсебаева о событиях восстания в уезде. Подлинник. ЦГА КР Ф.И-34 Оп.2 Д.5 лл.137-152.

Свидетельство А.А. Пугаченкова, запись 1926 г. Подлинник. ИЯиЛ АН КР. Рукописный фонд. Оп. Тарих Д. 5173 лл. 44-46.

Список главарям киргиз Пржевальского уезда. Подлинник. ЦГА КР Ф.34 Оп.2 Д.5 лл.164-166.

Легитимность власти и ее аспекты у руководителей восстания 1916 годав Кыргызстане

Иван Фукалов

Аннотация

статье рассказывается о легитимации власти руководителей восстания 1916 года в Кыргызстане, ее аспектах и специфике. Дается исторический экскурс в развитие форм власти местных родоплеменных правителей, их функции и основная деятельность. Восстание 1916 года в Кыргызстане рассматривается в сравнении с восстаниями, произошедшими в примерно то же время, но в других областях мира и при других обстоятельствах. Особая роль в статье отводится специфике форм легитимации власти, военному оснащению восставших, влиянию вооружения и внешних сил на формы власти и их аспекты. Внимание уделено символам власти у руководителей восстания и их формам в виде клятв и знамен.

Ключевые слова: *власть, легитимность, восстание, 1916, кыргызы, хан, символы*

Введение

Большинство исследователей, занимающихся историей восстания 1916 года в Семиречье, сосредоточены на изучении всей массы происходивших событий, их этнических и экономических причин, что выглядит вполне логичным. При написании данной статьи нам, безусловно, неоднократно приходилось обращаться к архивным данным и устной истории, однако сразу хотелось бы отметить, что мы не ставили целью представить в нашей статье набор документальных сведений о предводителях восстания 1916 года в Семиречье. Нас заинтересовал сам феномен установления власти предводителей, причины появления избранных ханов в среде кыргызов Семиречья, способы обоснования ими своих претензий на руководство и привлечения ими своих сторонников.

Таким образом, фактически речь пойдет о специфическом аспекте политико-правовой культуры в кратковременный период восстания 1916 года в Семиречье. Наибольший интерес представляют механизмы использования политических принципов, правовых норм, обычаев и традиций (или их отсутствие), которые позволяли лицам претендовать на руководство восставшими.

Наша цель – найти ответ на вопрос, как политические обстоятельства и правовая ситуация позволяли предводителям восстания проявить свои лидерские позиции и как с этими позициями соотносилось отношение восставших к своим руководителям.

Конкретные личности в контексте изучения этих проблем будут своеобразными case studies – наглядными иллюстрациями в пользу выявленных тенденций.

Исследование феномена признания и сакрализации власти руководителей восстания 1916 года в Семиречье является еще одним аспектом данной работы в общем исследовании политико-правового развития как национального масштаба, так всего среднеазиатского региона в период переломного момента истории.

Учеными подробно проанализированы причины и ход восстания, его движущие силы, последствия и прочее. Но практически не уделено внимания историко-правовому аспекту, т.е. тому, как строили восставшие свои институты власти, чем регулировались их правоотношения между собой и с мирным населением, каковы были их цели в государственном и правовом направлении в случае победы. А между тем попытки воссоздания восставшими национальных государственно-правовых институтов, в первую очередь, института ханской власти, подтверждаются и официальными документами, и свидетельствами современников, в том числе, его участников[302].

Для достижения поставленной цели нами сформулированы следующие задачи:

Изучить вопросы, связанные с признанием власти предводителей восстания 1916 г. среди восставших, наличие в этой власти сакральных факторов или отсутствие их.

Выяснить специфику избрания предводителей в среде восставших.

Выявить границы власти предводителей восстания 1916 г.

Определить влияние доколониальных и колониальных государственных институтов на власть предводителей восстания 1916 г.

Выяснить степень влияния внешних факторов на легитимацию и сакрализацию власти выбранных руководителей восстания 1916 г.

Проследить взаимосвязь между вооруженными силами восставших и властью руководителей.

Выявить воздействие личных факторов руководителей на ход восстания и специфику сопротивления силам карателей.

Методы исследования

Методология нашего исследования основана на совокупности современных подходов и теорий, включая концепции политогенеза и социогенеза, теории традиционных обществ и многолинейности эволюции, мир-системный и историко-антропологический подходы, а также методы политической социологии, политической и сакральной антропологии. Одним из методов исследования стало выявление типологии предводителей восстания (главных акторов). Географическими рамками исследования выбран регион Семиречья (Жетисуу).

Как известно, у истоков разработки понятия «социальная (социокультурная) норма» стояли классики социологии конца XIX – начала XX вв. Э. Дюркгейм и М. Вебер[303]. При всех несходствах их общих методологических установок, и Дюркгейм, и

---

[302] *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (Сборник документов)*. Москва: Академия наук КазССР, 1960, сс. 13–14.

Дюркгейм Э. «Метод социологии.» *Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии*. Москва, 1991, сс. 391–532; *Вебер М. «*О некоторых категориях понимающей социологии». *Вебер М. Избранные произведения*. Москва, 1990, сс. 495–546; Вебер М. «Основные социологические понятия.» *Вебер М. Избранные произведения*. Москва, 1990, сс.602–643.

Вебер подчеркивали роль норм в обеспечении внутренней цельности и устойчивости социума. Так, Дюркгейм, противопоставлял здоровому обществу, в котором господствуют социальные нормы, общество социальнопатологическое, находящееся в состоянии «аномии» – дезорганизации, когда внутренняя связь между нормами нарушается, а представления об их незыблемости и обязательности следования им размываются, вследствие чего поведение человека становится «девиантным». Если Дюркгейм был склонен рассматривать поведение индивида как следствие состояния общественной нормы в данном социуме, то для Вебера обратная идея – о поведенческой природе социальной нормы стала одним из краеугольных камней его «понимающей социологии». Норма, по Веберу, – это узаконенные нравы. Они же, в свою очередь, есть следствие регулярности социальных связей в обществе, порождаемых социальным действием, – социальным (т.е. осмысленным и ориентированным на других людей) поведением индивидов.

Идеи Дюркгейма и Вебера получили дальнейшее развитие в трудах ученых последующих поколений, так или иначе признававших и признающих в социальных нормах, прежде всего, необходимый и сравнительно устойчивый элемент общественной практики, определяющий границы допустимого поведения, свод обязательных правил поведения, регулирующих общественные отношения в различных формах: обычаев, моральных и религиозных предписаний, корпоративных правил, законов. Следует отметить, что понятие «социальной нормы» отразило настолько значимый фактор существования социумов, что плодотворность его использования и одновременно углубление понимания были осознаны не только социологами, но и представителями всех общественных наук. Нас же, в контексте проблематики данной работы, в первую очередь интересуют его исторические и культурно-антропологические аспекты.

В диахронном аспекте социальные нормы – факт не только социологический, но исторический. Ни в одном обществе они не появляются *deus ex machina*, но неизменно проходят процессы сложения, утверждения, трансформации; и то, какие нормы в итоге будут интериоризированы сознанием членов определенного социума в ту или иную эпоху, напрямую связано с историческими условиями, фоном и конкретными событиями, в которых данные процессы протекают. В результате «социальная норма определяет *исторически сложившийся в конкретном обществе* предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных организаций»[304]. Факторы исторического характера прямо влияют и на динамику социальных норм, их изменение; в каких-то случаях менее, а в каких-то – более дискретное и радикальное. В немалой степени ими обусловлены как элементы преемственности, так и существенные различия между социальными нормами, принятыми, например, в Риме республиканском и имперском, Индии колониальной и независимой, России царской советской.

---

[304] Гилинский Я.И. «Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория». *Социологические исследования*, №4, 1991, с.74 (курсив наш. – Д.Б., А.Н.)

Кочевые элиты до событий 1916 года в Семиречье

В своем большинстве, общества номадов Евразии были, в основном, бесписьменными, поэтому на первый план в них выдвигались устные способы передачи и хранения информации. В условиях господства патриархальной психологии общественное мнение в степи ориентировалось на ценности прошлого, на «завещанные предками» порядки. А о порядках этих, т.е. о принципах социальной регламентации, узнавали, очевидно, из двух главных источников – норм обычного права, жестко регулировавшего повседневную жизнь, и из сказаний о легендарных предках-героях, служивших примером для подражания, другими словами, из героического эпоса, как основы миросознания и становления младшего поколения носителей института власти. Процессы социальной интеграции и властного доминирования имели в кочевом обществе сложную многоуровневую природу. Была создана такая государственная идеология, которая гармонично влилась в существующий мировоззренческий императив. В учёт необходимо брать и то, что у номадов уже существовало определенное понимание верховной власти, существенным выражением которой был культ вождя, сакральный характер власти, культ родовых и племенных предков. Дальнейший генезис института власти, появление его государственной формы потребовало идеологического оформления. Появилась настоятельная потребность интерпретации культа предков как государственного. В то же время в сложный период предшествовавших двух веков у кыргызов не сложилось института верховной власти как сакрально-легитимного в полном значении данного слова. Надо сказать, что выборный верховный правитель кыргызов, не располагавших значительной и постоянной военной силой (кроме личной дружины «*кырк джигит*» – буквально «сорок молодцев»), фактически не имел реальной власти над главными биями племен. Поэтому он довольствовался формальным признанием его роли как верховного правителя кыргызов, не имеющего права вмешиваться во внутреннюю жизнь племен, родов и их подразделений. Таким образом, при внешней видимости некоего централизованного управления страна в описываемое время фактически была политически раздробленной. Причем в родоплеменных группах господствовали наряду с феодальными и патриархальные отношения, которые тормозили общественное развитие, препятствовали государственному объединению кыргызов.

Стремление навязать кочевникам совершенно чуждые им порядки, при этом как можно быстрее, давало совершенно противоположные результаты то му, на что рассчитывали российские власти. Основн ой проблемой во взаимоотношениях стал вопрос о подданстве. С точки зрения российских властей это означало, что кочевники должны согласиться на прям ое управление русскими чиновниками, соблюдать российские законы, прекратить *барымту*, уничтожить институт рабства и по возможности стараться перех одить от кочевого скотоводства к оседлости и землеп ашеству. Напротив, кочевые народы за много веков контактов с оседло-земледельческими государствам и выработали свое понимание подданства: предос тавление своему сюзерену воинских контингентов и иногда небольшую дань в виде скота, при этом никто даже не допускал мысли о вмешательстве во внутреннюю

жизнь кочевников, заставляя их приним ать совершенно чуждые им порядки и законы. Ранее считалось, что процессы подобной концентрации власти нарастают по ходу линейного развития потестарных систем, завершающегося сложением раннего, а потом и развитого государства. Однако в последние десятилетия выяснилось, что феномен обособления власти лидеров социума от самого социума может достигать исключительно высокой степени выражения практически на любой (начиная с определенного момента) стадии политогенеза и на любом из направлений его далеко не линейного развития[305]. В одних случаях власть в принципе остается инструментом общества, хотя и приобретает достаточную самостоятельность по отношению к нему,

других случаях власть из средства обеспечения общества и его норм де-факто почти превращается в самодовлеющую цель существования общества, в третьих случаях такой самодовлеющий или почти самодовлеющий характер власти начинает приписывать идеология (причем это может сочетаться как с реальным полновластием, так и с реальным неполновластием и даже с полным безвластием правителя!), в четвертых – идеология, наоборот, рассматривает власть как инструмент, которым распоряжается общество, а реальность имеет скорее противоположный характер, и т.д. Совершенно поразному может при этом складываться внутри самой властной верхушки соотношение сил между верховным правителем и высшими иерархами. В разных сферах жизни общества правитель может пользоваться существенно разной свободой рук. Наконец, сам процесс «высвобождения» правителя из-под влияния общества и нормы, как и контрпроцесс, могут неравномерно проходить в четырех достаточно различных аспектах:

усиление/ослабление возможностей правителя изменять, отменять, преступать и диктовать нормы по своему произволу;

усиление/ослабление возможностей общества и его членов критиковать, оценивать и увещевать правителя;

усиление/ослабление возможностей общества накладывать на правителя те или иные санкции;

колебания между определением целей властвования в рамках «инструментального» взгляда на власть и в рамках подхода к ней как к самодовлеющему (относительно общества) феномену.

Если добавить, что во всех этих аспектах нормативная идеология и реальность могут существенно расходиться друг с другом (и то, что на многих стадиях развития общество вынуждено ради обеспечения нормы вручать лидерам такую власть, опираясь на которую, они могут попытаться преступить и аннулировать саму норму), то станет ясна причина того многообразия конкретных реализаций обсуждаемых процессов.

В прошлом, при избрании руководителя всех действующих сил, существовала процедура избрания хана. Сама процедура провозглашения хана служила

Кляшторный С.Г. «Основные этапы политогенеза у древних кочевников в Центральной Азии». *Проблемы политогенеза кыргызской государственности.* Бишкек, 2003, с.115.

одновременно напоминанием о возможности его низвержения. Хана избирали почетные представители родов, которые поднимали его на белой кошме.

Потом эту кошму или одежду хана разрезали на мелкие части, и каждый забирал себе по куску в знак своего участия в избрании хана. После этого они расходились по домам, расхватав весь ханский скот. Этот акт назывался «*ханталамай*» (буквально: ограбление хана) и означал, что избранный хан теперь скота своего не имеет и переходит на содержание народа. После этого представители родов пригоняли для хана новое поголовье скота из стад и табунов народа, которое возможно значительно превышало количество расхватанного былого скота. Если действующий хан не устраивал общество, то он отстранялся от власти. Причиной устранения могли быть тенденции к узурпации власти, нарушение прав общества, отдельных его членов или групп. Демократизм, направленный на ограничение власти ханов, на деле означал не только подавление монархических тенденций, но и сохранение кочевой цивилизации, образа жизни. При этом, вовсе не обязательно было вести так называемую классовую борьбу. Хану достаточно было послушать *акынов, биев* или *батыров*, а то и простого кочевника, который мог высказать в адрес хана все, что о нем думает, и принять соответствующие меры. Если хан не понимал или не хотел понять то, что до него пытались довести, то срок его правления был весьма короток[306]. Ареалом распространения данной традиции являлся Северный Кыргызстан, хотя явных описаний такого обычая не встречалось в широком употреблении.

Если в мелких родах власть переходила по прямому наследованию, то на более высоком уровне происходило уже избрание. Такой аналог выборов был связан с тем, что требовалась централизация власти и координация действий для защиты от внешних врагов или организация похода на другие земли. И в этом случае требовалось полное подчинение Верховному правителю.

Правовые обычаи (*адат*) являлись исторически первой и наиболее распространенной в дореволюционном обществе формой выражения права. Нормы обычая в условиях кыргызской родоплеменной общины санкционировались судебными решениями. Абсолютно верным является рассмотрение обычного права кочевых народов, как права «бесклассового», «общенародного», одинаково защищающего интересы всех членов общества[307]. Существующие в науке взгляды на природу общественного устройства кочевых народов, до сих пор весьма разноречивы. Их определяют и как военную демократию, и как родоплеменное государство, и как военно-рабовладельческие империи, и как феодальные или патриархально-феодальные военные образования. Структуры кочевой общины веками складывались и приспосабливались к целям и задачам военного быта.

Традиционные сословия, сложившиеся у этих народов, скорее всего, оставались лишь сословными и не стали зрелыми классовыми. Высшим сословием общины были

---

306 Анарбекова В.Э. «Ормон хандын ємїрї жана ишмердигине карата айтылган кошоктордун тарыхый мааниси». *Известия вузов Кыргызстана*. (*Республиканский научно-теоретический журнал*). Бишкек, №4, 2017, сс. 74-77; Жусупов К. *Кыргыздар*. Бишкек: Кыргызстан басмасы, 1991, сс.470478.

Марков Г.Е., Масанов Н.Э. «Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов». *Вестник МГУ. Серия историческая*, № 4, 1985, сс.94-95.

беки, аристократия по крови, по праву происхождения из рода, особый статус которого в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией. Положение знатных родов зиждилось как на праве руководства племенем общиной, так и на обязанности заботиться о благосостоянии соплеменников. Каждую племенную группу связывала идеология генеалогической общности, реальной материальной базой которой было право собственности на коренные земли. Единство внутри общины, которого требовали вожди, основанное не на равенстве соплеменников, а на многоступенчатой системе подчинения, означало отказ от сословных различий и принятия такой политической структуры и таких правовых норм, при которых власть, а следовательно и богатство, принадлежали бы аристократам по крови, выделявшим остальной общине установленную традицией долю дани[308]. Обычно нормы *адата* не были по своему содержанию одинаковыми в различных местностях, отличавшихся различными экономическими и бытовыми условиями жизни. Партикуляризм является одной из характерных черт кыргызского права дореволюционного периода. Каждое крыло, племя, даже крупные общины стремились иметь свои обычно-правовые нормы. Однако наличие этих различий не говорит о том, что между правовыми нормами, действовавшими в различных местностях Кыргызстана, нет ничего общего. Несмотря на некоторые особенности юридических обычаев различных местностей, в общих чертах они были одинаковыми.

Россия привнесла свое влияние на изменение схемы выборов управителей на местах. Представители русской царской администрации возглавляли генерал-губернаторство, области, уезды. Но один из помощников уездного начальника назначался из местной элиты. Уезды делились на волости и вот на этом уровне волостного управления начальники уезда организовали съезды для выбора волостного или *болуша*. Делегатов – выборщиков избирали *элю-баши* (главы 50 кибиток) – тайным голосованием. Это были не прямые, а косвенные выборы, но процесс голосования происходил тайно: бросали шары или камешки, черные и белые – черные «против», белые «за». Кто набирал больше всех голосов, тот и побеждал. Например, с 1867 года проводились альтернативные выборы, где выставлялись по два - три претендента на должность[309].

Для того времени это был своего рода эксперимент. Губернаторами на периферии царской России тогда были выходцы из этнических российских немцев, которые пытались быть передовыми для своего времени. Они и вводили такие новшества, хотя в самой в России этого еще не было. Конечно, здесь были свои положительные и отрицательные моменты.

В одной стороны, происходил отбор достойных людей, с другой стороны, через учет населения шла легализация скрытых кибиток, чтобы собирать больше налогов от

Нурбеков К. *История государства и права Кыргызстана*. Бишкек, 1999, с.62.

Бахтурина А.Ю. «Управление в Туркестанском крае накануне и во время восстания 1916 г». *Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). (Сб. докл. Международ. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г.).* Москва, 2016, сс.33–49.

аилов для казны. Поэтому уездные правители, по-нынешнему, акимы, старались собрать соплеменников со всех краев, чтобы гарантировано выбрать «своих» людей. Место волостного правителя было, в какой-то степени, заманчивым - он получал жалованье из казны сначала 300 рублей, потом 1000-1800. По тем временам, это была большая сумма. Жалованье *болуша* собиралось за счет налога сородичей. 1 кибитка выплачивала – 2 рубля 50 копеек. Поэтому зарождалась межгрупповая борьба сообществ, поскольку победившая партия оставляла налоги в своем распоряжении. Борьба за это место иногда доходила до кровавых стычек. Так произошло на Иссык-Куле и в Джумгале. Но где народ был дружным, выборы проходили безболезненно, там заранее планировалась победа авторитетному человеку. Но не обходилось и без межродовых конфликтов, например, собирали *солтинцев* со всего уезда, чтобы обеспечить большинство голосов. Если до введения такой системы власть была в большей степени общественной должностью, то появление чиновнических привилегий породило межродовую вражду, началась борьба за власть, за привилегии как возможность получить прибыль, участок земли и т.п.

Когда избирали *болушей*, русская администрация, в основном, ориентировалась на местную элиту, смотрела, какое влияние имел претендент. Поэтому первыми кандидатами на должность волостного были бии и манапы. 90Қ *болушей* - это представители кыргызской родовой элиты. Но со временем, они (русская администрация) естественно стали отбирать наиболее способных, и часто из среднего слоя. Были также случаи, когда население игнорировало выборы, и тогда русские колониальные власти сами назначали туземную власть[310].

Факты перехода выборных должностей по наследству при царском режиме тоже имели место. Сами *болуши* стремились, чтобы к власти пришли их дети. Например, клан Шабдан-батыра имел постоянно своих представителей, его дети один за другим становились волостными правителями. На Иссык-Куле - потомки Боромбай-бия. В Чуе выделились сыновья Тилекмата-батыра. У Байтика-батыра в Пишпекском уезде сыновья стали *болушами*, сыновья Джангарача также стали волостными. Почему так происходило, что власть у кыргызов не всегда переходила по наследству? У кыргызов не было государственности в европейском понимании. Дело защиты и самостоятельности было проблемой и делом всего рода и практически каждого дня. Поэтому родами и племенами управляли достойные люди, которые не допускали раздора внутри и сплачивали сородичей. Но все-таки не обходилось и без межродовых конфликтов. Авторитет власти у населения резко упал, причем многие современники связывали это явление именно с принятием вышеупомянутого документа. Так, выборы местной («туземной») администрации превратились в открытую куплю-продажу должностей, из-за чего честные и порядочные представители коренного населения не принимали в них участия. В обществе все сильнее проявлялась тенденция падения нравственности, выражавшаяся в увеличении преступности, пьянства и других проступков, но эти явления не находили адекватного ответа ни со стороны администрации, ни со стороны судебных органов, что

Бахтурина А.Ю., сс.33–49.

воспринималось мусульманским населением крайне негативно. Коренные жители связывали подобное положение дел с русской властью, русскими людьми вообще, в результате чего участились случаи неприязненного к ним отношения[311]. В последующем авторитет русской власти и эффективность административной системы только снижались.

Власть и ее легитимация у представителей кочевой элиты во время восстания 1916 года в Семиречье. Действия избранных руководителей восстания

Во время восстания 1916 года власть совместилась в руках людей уже имевших должность старшин управителей. В Абаильдинской волости Пишпекского уезда должность волостного старшины последовательно занимали Канат Абукин, Карыпбай Джапар Канатовы, в Атекинской – Исмаил, Султан и Ибрагим Долбаевы, в Шамсинской – Мамбеталы и Закир Мураталины, в Сукулукской – Чолпонкул Тыналин и его сын Асанкул Чолпонкулов. 9-го августа *сарыбагишевцы* на большом съезде дали клятву (*ант*) ни в коем случае не давать рабочих, не подчиняться приказам русских властей и торжественно провозгласили ханом манапа Мокуша Шабданова. Провозглашение Шабданова ханом не единичный случай. В Загорном участке Пишпекского уезда под именем «кочкорского» был провозглашён ханом Канат Абукин; на Иссык-Куле в племени *бугу* – Батыркан Ногаев; на Курдае у казахов – Бекбулат Ашикеев. В отличие от остальных сёл иссык-кульского побережья постройки Иссык-Кульского монастыря хотя и были захвачены восставшими, но не пострадали. Предполагают, что Батыркан предполагал сделать монастырскую обитель своей ханской резиденцией[312].

Но при передаче власти по наследству обязательно возникали злоупотребления. Процесс выбора манапов регулировали Советы аксакалов - непререкаемые авторитеты кыргызских племен. Так, в сообщении Туркестанского охранного отделения про Пишпекский уезд говорилось: «Душою восстания были дети покойного войскового старшины Шабдана: Мокуш и Хасамутдин. Агитация исходила от них». На Иссык-Куле руководителем восстания был манап Батыркан Ногаев, в Нарыне – манап Канат Абукин. Джанышевская волость Пишпекского уезда в восстании не участвовала, но волостной управитель Сармамбетов, его отец Сармамбет Испымбетов, помощник волостного управителя Телепберген и бывшие волостные управители Мусабыр и Телеке Телибаев разъезжали по аулам и агитировали людей к выступлению. Помощник областного прокурора Н. Ф. Комаринец 18-го августа докладывал: «Военноначальниками киргизов являются их манапы, то есть члены высшего сословия»[313].

РГВИА Ф.483 Оп.1 Д.137 л.26.
ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.26 л.17.
ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.2 л.43-44.

Одним из крупных предводителей восстания был Канат Абукин (Канат Абыке улуу), волостной управитель Абаильдинской волости, который безуспешно осаждал Токмак. При нем руководителями восставших были такие волостные управители и их приближенные: 1) Исхак, отец волостного управителя, и Мамут Абайдулин – над восставшими киргизами Иссыгатинской волости; 2) Мамбеталы Мураталин, Максым-Ходжа, Тоголок Ходжаев, Мундузей Мургазин и Малыбек Джаркимбаев (бывший переводчик мирового судьи 2-го участка Шамсинской волости) – над Шамсинской волостью; 3) Сопубек Маманов, Балпык и волостной управитель Бурадинской волости; 4) Сарыбай Диконбаев, Курач Манатов с сыном (волостным управителем) и Тюлек Турдин – Кочкорской волостью. «Еще с нами был Исхак Курманов с сотней людей из Курманходжаевской волости. Отец Исхака Курман Лепесов был руководителем восставших» Как мы видим, предводители восстания выходили не одни, с ними шли многие близкие им люди, отдававшие в руки руководителей восстания свои жизни. Сам Канат Абукин на допросе старался замять действия своих подчиненных, еще бывших на свободе, потому вину принимал исключительно на себя, но указывая на связь с Мокушем Шабдановым.

В советской историографии утверждался постулат о «корыстных идеях» руководителей восстания. Однако из материалов следствий и допросов мы фиксируем, что руководители восстания не сразу вставали во главе восставших, к примеру, Мокуш Шабданов решился на руководство восставшими только после упоминания о том, сколько проблем и неурядиц причинили ему колониальные власти с 1912 года[314].

Многие представители национальной интеллигенции приняли участие и даже возглавили восстание. Некоторые стали предводителями национальноосвободительного движения. Например, Белек Солтоноев (автор книги «Кызыл кыргыз тарыхы», он же первый и описал восстание), сыновья Шабдана Жантаева – Мокуш, Хисаметдин, Аман, Кемел (выпускник медресе «Галия»), Канат Ыбыке уулу (Канат Абукин), Исхак Канат уулу (сын Канат Хана) (выпускник медересе «Галия»), Осмоналы Сооромбаев, Максут-Ходжа и др. Но в советской историографии отмечалось, что они преследовали свои корыстные цели, т.е. стремились сохранить свое влияние среди коренного населения. А о тех, кто не хотел присоединиться к восставшим, писали, что группа родоплеменных руководителей колебалась и заняла выжидательную позицию, и после начала восстания они отвели своих людей в более безопасное место, а затем бежали в Китай. При изучения материалов восстания, в частности, допроса Каната Абукина[315], возникает вопрос, как человек, который в 1912 г. построил на свои деньги новую школу-интернат и содержал 9 учителей, мог иметь корыстные цели? Или дети и родственники Шабдан Баатыра, у которого были вполне устойчивые отношения с царской властью? Давление царских властей и надежды народа на улучшение положения, после

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.2 л.42.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.35 л.6–6 об.

избрания своих собственных и независимых предводителей – вот основная причина появления легитимных факторов в избрании предводителей восстания. Царские колониальные власти в результате десятилетий несправедливых выборов и стравливания между собой кыргызских родоплеменных руководителей сами подготовили фундамент для проявления неудовольствия и желания кыргызов создать собственные органы управления.

Точкой бифуркации в восстании 1916 года в Семиречье является захват обоза с оружием в Боомском ущелье (6-7 августа 1916 г.)[316]. Мы должны отметить этот момент как крайне важный в становлении власти предводителей восставших. До данного момента родовые правители старались сдерживать восставших, не предпринимать попыток нападать на поселения. Белек Солтоноев очень ярко описал момент взятия *«кызыл-мылтыков»* (винтовок системы Бердана), указывая что после привоза оружия пути назад не было и Мокуш Шабданов был призван на управление силами восставших. В отличии от *«кара-мылтыков»* (ружей с фитильным или кремневым замком), захваченные винтовки давали возможность противостоять казакам и поселенцам с их оружием[317]. Антрополог Даймонд Джаред указывает в своей работе: «Оружие играет важнейшую роль в становлении любой власти, его сила и возможности, открывают перед властью путь к наивысшему подчинению обывателей, и делают власть наиболее легитимной»[318].

Позволю сравнить три восстания и руководство ими и получение оружия как фактор, легитимирующий власть руководителей восстания. Дублинское Пасхальное восстание 1916 г., восстание Якуб бека и создание его государства Йеттишаар, наконец, начальный этап Семиреченского восстания. В Дублинском восстании произошел эпизод: «Основатель и формальный лидер «Ирландских добровольцев» историк Эон МакНейл считал, что для успеха необходимо сначала заручиться массовой народной поддержкой. Но штаб восстания просто поставил его перед фактом. В течение недели МакНейл дважды изменил своё отношение к восстанию, и

В конце концов, узнав о захвате транспорта с оружием, выпустил приказ «Ирландским добровольцам»: все мероприятия, назначенные на воскресенье, 23 апреля, – отменяются, всем надлежит оставаться дома. Приказ этот, впрочем, не отменил восстания, которое оказалось перенесено на понедельник, но добровольцев изрядно сбил с толку, вследствие чего подавляющая их часть в восстании участия так и не приняла. Утром 24 апреля в центре Дублина около тысячи шестисот вооружённых людей стали занимать ключевые точки города. Первым пал почтамт. Над почтамтом подняли зелёное знамя, зачитали Прокламацию о создании Ирландской республики и организовали в нём штаб восстания. Помимо почтамта оказались заняты: здание Четырёх судов – резиденция собственно Верховного суда, Высокого суда, окружного Дублинского и Центрального уголовного судов; бисквитная фабрика, дублинская мэрия, приют для бедных, мельница Боланда и городской парк Сант-Стивен-Грин.

Лесная Л.В. *Восстание 1916 г. в Киргизии: Документы и материалы*. Москва, 1937, с.47.

Солтоноев Б. *Кызыл кыргыз тарыхы*, т.2. Бишкек, 1993, сс.24-27.

Даймонд Д. М. *Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ.* (Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies). Пер. с англ. М. В. Колопотин. Москва: АСТ Москва, 2010, с.112.

Попытка взять Дублинский замок и Тринити-колледж провалилась, несмотря на, как пишут, чрезвычайно слабую охрану. В понедельник же случились первые стычки с британскими войсками: похоже, британцы не могли осознать, что мятежники настроены серьёзно, и понесли потери, просто попав под огонь при попытке понять, что же происходит. Только узнав о наличии винтовок в руках восставших, МакНейл согласился выступить напрямую против британских властей как один из активных руководителей Пасхального восстания»[319].

Вторым восстанием для сравнения я хочу привести восстание уйгуров в Синьцзяне. Здесь вооружение и умение управлять массами войск стало причиной создания теократической власти Якуб бека. В результате победы мусульманских восстаний 1864–1866 гг. на территории Синьцзяна возникло пять независимых государств: Кучарское, Хотанское и Кашгарское – в Восточном Туркестане, Урумчинское и Кульджинское - в Джунгарии. Все они стали исламскими ханствами с теократической формой правления, когда государством управляет монарх, одновременно являющийся религиозным лидером своего народа. Все ханы управляли своими государствами при помощи военно-бюрократического аппарата. Военные силы крупнейших из них возглавил Якуб бек, выходец из Кокандского ханства[320]. Организационный талант и опыт борьбы с современной армией выделяли Якуб-бека среди прочих вождей, новоявленных султанов и ханов Синьцзяна. Он начал деятельно формировать новую армию Кашгара. Когда капитулировал цинский гарнизон городской цитадели, Якуббек предложил почти трем тысячам сдавшихся маньчжуров и китайцев принять ислам в обмен на сохранение жизни. Из тысячи «новых мусульман» он сформировал так называемый «тайфурный» отряд (иначе – отряд «тайфурчи»), заметно усиливший его войско. Особые войска составляли тайфурчи, вооруженные тайфурами (большими фитильными ружьями), при каждом из которых было 4 человека прислуги; 5 тайфур + 5 человек прикрытия составляли отделение (т.е. всего 25 человек). Высшим военным чином являлся ляшкар-баши (командующий дивизией), далее следовали пансаты и юз-баши и низшие чины – пяндж-баши, да-баши, рядовые. Одной из особенностей армии Якуб-бека было то, что в ней было четкое этническое деление по родам войск. Так, если сарбазы, джигиты и топчи в основном набирались из кашгарцев, кокандцев и таджиков, то тайфурные войска комплектовались из китайцев (остатки войск Цинской империи, принявшие ислам) и дунган. При этом надо отметить, что китайцев всячески презирали и возлагали на них всю грязную работу в армии. Помимо тайфурчи дунган брали в джигиты, их положение было несколько лучше, чем у китайцев, однако и к ним относились с большим недоверием. Кыргызы же служили конными разведчиками и почтовыми курьерами. При таком подходе, конечно, боеспособность войск, находящихся непосредственно под командованием Якуб-бека, значительно превосходила остальные. До 1868 г. пехота кашгарской армии была вооружена в

Francis X. Martin. *Leaders and men of the Easter Rising: Dublin 1916*. Cornell University Press, 1967, с.86.

Дубровская Д. В. *Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем новой границы в конце XIX в.* Москва: ИВ РАН, 1998, с.147.

основном фитильными ружьями и в небольшом количестве – кремневыми; из холодного оружия у сарбазов были короткие дротики, шашки, батики, а у джигитов – пики и шашки (клычи). Как отмечал Куропаткин, до 1868 г. в кашгарских мастерских в основном изготовлялись фитильные ружья и в небольших количествах курковые. Качественное перевооружение началось с первой миссией Р. Шоу в 1868 г. Д. Форсайт в 1870 г. привез около 400 ружей, а в 1873–1874 гг. он же доставил около 2,2 тыс. скорострельных ружей. В 1870 г. в Афганистане было приобретено около 600 ружей. В 1874 г. англичанами было доставлено 8 горных нарезных 3-фунтовых орудий, а в 1875 г. из Турции прибыло около 7 тыс. ружей и 8 орудий. Таким образом, к 1876 г. в кашгарских войсках находилось до 8 тыс. энфильских нарезных ружей со штыками и около 4 тыс. скорострельных ружей системы Снайдера (кстати, одно из самых современных ружей того времени). Следовательно, к моменту решающих сражений регулярные войска примерно на 50Қ были вооружены современным стрелковым оружием, что являлось исключительным примером в центральноазиатских армиях того времени, включая и Афганистан[321]. Любопытной чертой обеспечения кашгарских войск являлось то, что население должно было бесплатно поставлять армии лошадей, скот, провиант, фураж и топливо, что объяснялось и оправдывалось властями как чрезвычайная мера при «газавате», т.е. священной войне с неверными. Первоначально таковыми являлись китайцы, а с 1867 г. к ним прибавились русские. Таким образом, благодаря военной силе и использованию трофейного и собственного огнестрельного оружия, Якуб бек фактически узурпировал власть через силу нового вооружения. Это позволило ему наделить себя правами легитимного правителя[322]. Исламизаторская политика Якуб бека должна была повысить его легитимность в глазах местного населения. И сами жители Восточного Туркестана, и иностранные путешественники прекрасно понимали, что он фактически захватил власть, отстранив номинального законного правителя Бузрук-хана-тура[22]. Поэтому ему необходимо было сформировать в глазах своих подданных образ борца за «истинную веру» (прибавив к своему имени титул «гази»), чтобы они признали и поддержали его власть. Кроме того, уже обращалось внимание, что Якуб бек никогда не принимал титула хана или султана, чтобы не дать повода обвинить себя в прямой узурпации власти: он носил титулы эмира, аталыка, а затем получил от османского султана также сакрализованный титул бадаулета (счастливейшего) и довольствовался фактической властью в регионе[323].

Такую же картину мы наблюдаем в поступках и позиции Мокуша Шабданова в момент начала восстания. «Большое значение для перехода из пассивного сопротивления кыргызов Семиречья в активную имело событие, которое произошло возле посёлка Рыбачье Пржевальского уезда до того, как началось восстание. 6 и 7

Яншин В. «Вооруженные силы Уйгурского государства Йеттишаар». http://uyghurtoday.com/2016/05/29/vooruzhennye-sily-ujgurskogo-gosudarstva-jettishar-1865-1877-gg/.Просмотрено 17.11.2019.

Исиев Д.А. *Уйгурское государство Йэттишар (1864-1877).* Москва: Наука, 1981, сс.71-74. [22] Беллью. *Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873-1874 г*. СПб., 1877, с.182.

Kim H. Holy *War in China: The Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 1864-1877*. Stanford, 2004, pp. 98-99.

августа группа кыргызов напала на конвой из 3–4 солдат, в результате у них оказались запасы оружия из 200 винтовок и 3000 патронов. Простые кочевники, в жизни не видевшие такого количества оружия, были ослеплены неисчерпаемым, как им казалось, запасом. Винтовки были распределены между группами кыргызов и во многом укрепили их решимость оказать сопротивление. Именно благодаря этому трофею, по словам одного очевидца, кыргызы решили перейти к активному сопротивлению» [324]. Белек Солтоноев в своем произведении напрямую указывает что подвоз захваченного оружия переломил и позицию Мокуша Шабданова, который до последнего момента не желал поднимать знамя Шабдана над восставшими[325]. Оружие сподвигло к установлению прочной связи между руководителями восстания, и восставшими. Оружие было разделено между восставшими под руководством Мокуша и Каната. Кыргызы проявили большую организованность в своих действиях. Их силы подразделялись на 28 отрядов, у каждого имелся свой отличительный флаг. Вся операция проходила под командованием Каната Абукина, кыргыза из высшего сословия, в то же время в каждой волости был свой лидер. Он был первым среди равных себе других руководителей с равными правами, как он сам позже свидетельствовал. В битве всадники шли с тыла – всей конницей – и подстёгивали нерешительных идти вперёд. Флаги каждого подразделения служили для того, чтобы свои держались вместе и не смешивались с другими. В плане оснащённости оружием люди были частично вооружены винтовками, включая армейские винтовки Бердана (полученные и войсками Мокуша Шабданова), кремниевыми ружьями и мушкетами. Боеприпасов было мало: около 10-15 патронов на человека. Остальные были вооружены копьями и топорами, закрепленными на длинном шесте. Следует упомянуть одну тактику, к которой прибегли кыргызы. Для того, чтобы дезорганизовать ряды обороняющихся, в город сначала впускали рогатый скот, приведенный в состояние панического страха, и затем следовали нападающие. Восставшие также использовали самодельные «пушки»[326]. *Захват или наличие надежного вооружения, как мы видим на примере сразу трех различных восстаний, стал ключевым моментом в открытии роли предводителей как акторов восстания*. Заметим, что два восстания произошли в один год (Дублинское и Среднеазиатское), поэтому о технических различиях в использовании вооружения говорить не приходится. Восстание Якуб бека характерно тактическими приемами, которые использовались и применялись на протяжении конца XIX – начала XX вв.

Военное руководство как фактор в сакрализации власти предводителей имеет важный вес в типологии акторов восстания 1916 года. Стоит заметить одну деталь – царские власти, сталкиваясь с активным сопротивлением на местах, часто приписывали его активность не местным жителям и их руководителям, а иностранным агентам и эмиссарам. А. Боромбаев, служивший аксакалом на Арасане,

своих показаниях указывал, что в августе бунтовщики прибыли на Кочкор к хану Абукину. Здесь стояло более 1000 юрт. Участвовали киргизы Пржевальского и

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.26 л.11об, 12

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.26 л.11 об, 12

ЦГА РК Ф.44 Отд.1 Ст. 2 Д.16925 л.17.

Пишпекского уездов. Среди них находились два человека, одетые в европейскую форму. Абукин и другие почетные киргизы объявили, что скоро прибудут к ним из Китая на помощь китайцы, турки, афганцы и др.[327]. Наличие иностранных советников обещания заграничной помощи действует на массы положительно, доказывая, что они не одиноки в своей борьбе. Это в свою очередь дает дополнительные основания к легитимности и сакральности власти руководителей восстания, показывая их умелыми дипломатами.

В действительности же роль турецких эмиссаров была невелика в восстании 1916 года в Семиречье. Турецкие источники довольно скупо информируют о появлении эмиссаров в Туркестане. Турецкий автор Юсуф Гедикли в 1998 г. переиздал с комментариями, в современной турецкой графике, воспоминания участника «туркестанской миссии» Адила Хикмет-бея. В составе этой разведывательной миссии из 5 человек находился и Хаджи Сами-бей (известный также как Селим Сами), фактически руководивший миссией. Позже, уже в начале 20-х гг., он повторно оказался в Туркестане и вместе с Энвер-пашой играл активную роль в руководстве басмачами Восточной Бухары. Исследование, проведенное Гедикли, получило, соответственно, название – «Пятеро турок в Азии» (Asya'da beş Turk – *тур*.). В состав миссии, помимо Адила Хикмет-бея и Селима Сами, получивших военное образование и находившихся на военной службе, входили также Эмруллах (Баркан) – бей, гражданский чиновник, Ибрагим-бей, о жизни которого мало что известно (кроме того, что он, не являясь кадровым военным, проходил военную службу «добровольно»), а также Хусейн-бей. Миссия, добравшись в Туркестан, минуя Индию и Афганистан, оказалась в Семиречье и приняла, как отмечено Гедикли, самое деятельное участие в руководстве восстаниями 1916 г. в Семиреченской области. Комментируя воспоминания Адила Хикмет-бея, Гедикли пишет, что восстание в Семиречье благодаря приданному ему миссией «организованному характеру» нанесло «значительный урон российскому присутствию в Туркестане»[328]. Германская миссия Фон Хентига находилась в регионе в это же время, в своем дневнике сам эмиссар кайзера Вильгельма II указывает: «На разъездах близ реки Каракол обошли посты российских войск, нами в разведку были направлены несколько человек» [329], об их дальнейшей судьбе не указано. Продолжая тему миссии Хентига в его записях также находятся следующие сведения: «В горах много людей, они озлоблены ростом цен…для поддержания людей мной (фон Хентигом) было закуплено оружие» [330]. Однако уже вскоре деятельность миссии германских офицеров была прекращена совместными действиями британцев и россиян. Фон Хентиг указывает лишь на закупки оружия, но фиксирует, что оно было предназначено для поднятия афганского восстания, в котором было куда более

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.2140 б. Св. 92 л.258.

Gedikli Y. Adil Hikmet Bey. Asya'da Beş Turk. İstanbul, 2012, с.606.

Werner Otto von Hentig. *Das nie geschaute Land.* [Unpublished manuscript from 1994, edited by Hans Wolfram von Hentig]. Istanbul,1994, с.90.

Werner Otto von Hentig, с. 92.

заинтересовано его руководство в Берлине[331]. Впрочем, с таким же успехом могли свидетельствовать о своей роли даже бывшие царские офицеры-тюрки, оказавшиеся вовремя на территории, охваченной восстанием. Например, офицер Бекимов, который странным образом оказался одним из руководителей восставших Джаркентского уезда (Казахстан), в то же время ссылался на помощь извне[332].

Уже в гражданскую войну Адила Хикмет и Бекимов войдут в составы басмаческого и белогвардейского движений, оставаясь на протяжении длительного времени на арене политических интриг в Туркестане. Но их значимость как руководителей была невелика, иностранцы и фактически «солдаты удачи» (коим являлся Бекимов, сменивший за два года сразу несколько сторон в конфликте) не могли получить легитимный и тем более сакральный статус руководителей восстания. Они оставались на заднем плане, не входя в активные акторы восстания, поскольку их фактическая значимость не могла была быть выше, чем у местных руководителей, которым восставшие могли доверить свои жизни.

Власть предводителей восстания 1916 года в Семиречье в народной памяти и ее фиксация

Сакрализация власти предводителей восставших фиксируется на трех основах – клятвы (*ант*), знамена и сам факт избранности руководителей.

Традиция военной демократии – выборы полководца - были связаны с теми личностями, которые были вынуждены координировать общие военностратегические действия. И здесь предпочтение отдавалось личным заслугам, тем, кто отличался храбростью или дипломатическими качествами, полезными для защиты народа. Именно такими правителями и предстают Канат и Мокуш. В первой декаде августа 1916 года стали проводится массовые выборы «ханов». Данные избранные ханы выбирались массами восставших, следуя процедуре, которая была издревле характерна для кочевников-кыргызов. Выборы «ханов», в первую очередь, должны были привести к появлению военных руководителей из числа родовой аристократии, лидеров, способных принимать решения в условиях боевых действий, командовать большими массами людей. Кроме Мокуша и Каната мы знаем еще нескольких «малых ханов-руководителей»: 1. Восток Кочкорской долины –Тезекбай Түлкү уулу.

Запад Жумгала – Көкүмбай Чыны уулу. 3. Север Нарынской долины – Байзак Мырза уулу. 4. Южный берег ИссыкКуля – Баатыркан Ырайымбеков. 5. Предгорья Иссык-Кульской долины – Баатыркан Ногоев[333]. Данные представители были вызваны из народа, подняты на белом войлоке и влились в восстание как руководители своих родо-племенных объединений. Историк Солтоноев указывает на курултай в Каркыре, куда съехались представители нескольких племен кыргызов, порядком 15 человек. В результате данного курултая, проведенного ночью-днем 10 июля, было решено

Werner Otto von Hentig, с.110.
РГАСПИ Ф.670 Оп1 Д.51 л. 81.
Солтоноев Б., с.99.

выступать против мобилизации на тыловые работы. Судя по мнению Солтоноева, верховное слово на курултае имели Мокуш и Канат. Их риск был осознан: на курултае держал слово один из кыргызских представителей колониальной администрации, Мамбеталы Мураталиев, который указывал на сильное войско колонизаторов и наличие в нем «пулеметов с быстрым выстрелом и больших пушек в 76 мм.». Мураталиев бывал в действующей армии и его знания фактически сыграли важную роль в первых столкновениях восстания[334]. Мокуш и Канат принесли клятву воевать до смерти, по словам Солтоноева, они посчитали «смерть лучше, чем рабство навечно». В свою очередь собравшиеся поддержали негласных предводителей, о назначении какого-либо верховного командования речи не шло. Фиксация легитимности и «негласной сакрализации» руководителей восстания шла фактически месяц – с 10 июля по 10 августа, что свидетельствует о высокой мобильности как населения, так и самих руководителей восстания.

Клятвы на готовность к борьбе и кровопролитию стали приноситься кыргызами короткий срок с 6 по 10 августа, фактически сразу же после начала выступлений против колониальных властей. Клятвы приносились как с религиозным оттенком, так и с исконно кочевым элементом. Два примера клятв. Одна клятва носила религиозный мотив – мулла Сарыбагишевской волости Умар убеждал киргиз не подчиняться призыву: «Не бойтесь умирать здесь. Эта смерть священна, таких людей ожидает рай»[335]. Так выступили на борьбу люди Мокуша Шабданова, здесь присутствовал аспект клятвы на Коране. Также, начальник Туркестанского охранного отделения сообщал: «В селе Токмак Пишпекского узда имам означенного селения, когда к нему обратился один из волостных управителей за советом, что делать с убитыми киргизами, так как их без намаза хоронить нельзя, разрешил погребальный намаз совершать над живыми, отправляющимися воевать против русских. И сам совершал таковой несколько раз над партиями киргиз в количестве более 300 человек»[336]. Данные религиозные клятвы и «посмертные увещевания» были элементом сакрализации восстания и борьбы против колонизаторов.

У историка Солтоноева мы видим факт сакральной клятвы (второй вид клятвы в указанное время) в момент инициации Каната Абукина: «В конце июля 1916 года Канат поехал в Алма-Ату по приглашению управителей русского царизма, услышал там о необходимости призыва на войну кыргызских ребят. Он созвал народ в волостях Темир-Болот, Абайылда в Кочкоре, посоветовался. Люди выступили против приказа о взятии в рабочую армию царя. Примерно 300 джигитов, вошедших в список, отделились от народа и выступили: «Мы не пойдем, будем бороться». Канат в отчаянии не знал, что делать, пригласил тамошних молдо, устроил совет. В итоге пришли к выводу выступить на «*Нээти казат*» (войну за правое дело). Канат в местности Ак Бел волости Сарала-Саз собрал народ из Абайылды и Темир-Болота, провел собрание. На собрании народ принес в жертву белую кобылу, зарезав ее на

Солтоноев Б, сс. 89-92.
ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.34 л.12 об.
ЦГА РУз Ф.И-1 Оп 31 Д.1138-а л.160.

338

белом ковре, возвел Каната в ханство»[337]. Наследственность в преемственности «сакральных сил» правителей мы находим в посмертном *кошоке* – плаче по внуку Нузуп-бия (видный кокандский военачальник начала XIX века), погибшему в июле 1916 года на юге Кыргызстана. Приведу пример *кошока*: «Узнав о смерти своего сына, заболел и умер его отец, волостной управитель Сулайманкул. И тогда его дочь Байыскан сложила такой *кошок*: «…Эх, вернулся бы наш хан-отец, дал бы он жару русским. Эх, вернулись бы мои семь предков, смерть была бы их концом» . Как мы видим, значение хана и его силы в борьбе с колонизаторами важный факсакральности власти руководителей восстания. Устная история транслирует желание народа в обретении ханской власти как власти «героев-победителей», формируя архетип руководителя как в первую очередь воинского командира.

Следующий кошок по Мокушу Шабданову, к сожалению, не изобилует мотивами о власти, поскольку сочинялся во время Советской власти. В одном из отрывков о его власти и избрании Каната сказано: «Стрелял во врагов и спас нас славный Мёкюш…» [339]. И еще: «Из Кочкора и Джумгала выступили Кёкюмбай, Канат

Курман. Такова была весть. Назначили ханом Каната, возвестив это на все перекрестки земли…» [340]. Как мы видим, в основе устных исторических преданий заложено желание обрести хана, как руководителя боевых действий, человека в первую очередь способного поднять силы народа на борьбу против колонизаторов. Это противоречит изжившим себя мнениям о «корыстности «бай-манапской верхушки». Ханская власть в первую очередь сакрализовалась в результате народного желания обретения правителя-воина, защитника от врагов и носителя идеи ханства как института своего государства у кыргызов. Это же подтверждают опросы населения в момент восстания. Житель Токмака Г.К. Иваненко сообщал: «Относительно целей восстания мне пришлось говорить с одним молодым киргизом ещё до начала восстания. Он говорил, что киргизы не хотят давать рабочих на войну,

что они под властью Мокуша Шабданова создадут ханство»[341]. Токмакский торговец У. Фальзыбаев тоже подтверждает: «Относительно планов и целей восстания среди киргизов я слышал следующее: 1) воевать с русскими до тех пор, пока не будет отнята земля до самого Ташкента; 2) после захвата указанной части края организовать ханство; 3) русское правительство изгнать и истребить»[42]. В какой-то мере данная цель обретала почву из-за исторических воспоминаний о Нузуп-бие, Пулатхане и Шабдан-баатыре. Здесь важен сакральный аспект легитимности власти героя, архетип воителя, сложившийся в период XIX века у кыргызов. Однако

Солтоноев Б., с.29.

Анарбекова В.Э. «Кокон хандыгынын коомдук турмушунун фольклордо чагылдырылышына тарыхый сереп (кошоктордун мисалында)». *Известия вузов Кыргызстана*. (*Республиканский научно-теоретический журнал).* Бишкек, №11, 2016, сс.189-191.

Анарбекова В.Э. «Историческая значимость пения причетов (кошок – оплакивание в стихах умершего) в традициях у кыргызов». *Наука, техника и образование*. (*Научно-методический журнал). М*осква, №7 (25), 2016, сс. 80-82.

Анарбекова В.Э, 2016а, с. 81.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.27 л.16 об [42]
ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.27 л.25 об.

оглядываясь в прошлое, смею утверждать, что сакральная специфика хановправителей у кыргызов чаще имела значение «первый среди равных». У кыргызов в средневековый период и период Нового времени сакральный источник власти централизовывался вокруг личности «*ажо*» и «*бека*» как верховного правителя, при этом даже наличие чуждых титулов, полученных от правителей соседних народов, не снимало сакральной нагрузки у титулов правителей кыргызов. Сакральность власти передавалась через «*кут*», обладание которым было жизненной необходимостью для власти правителя на протяжении всего постосевого времени у кочевых народов Центральной Азии.

У кыргызов, как коренного кочевого народа, государственная власть имела свои отличительные черты, накладывавшие отпечаток на сакральность. Государственность кочевников имела другую форму, функции и цели, чем у земледельцев. Её основополагающими принципами являлись:

самоорганизация общественных отношений;

деление общества по родовому принципу, в связи чем функции местного самоуправления сосредоточивались в руках родовых лидеров – манапов, биев, аксакалов и т.д.;

возникновение кочевых государств было связано не только с внутренними, сколько с внешними причинами, чаще всего с войной;

государственность кочевников носила обратимый характер. Государственные образования могли возникать и исчезать или перестраиваться по мере необходимости.

Архетип воина-героя, к которому апеллируют указанные материалы, больше характерен для образа батыра. *Батыры* – социальная категория, которая имела большой социальный вес и влияние. Звание *батыра* присваивалось за личные подвиги и храбрость и никогда не было наследственным. Ученыекыргызоведы считают, что бийство и манапство выросли именно из этой категории. Их можно отнести к господствующему классу, поскольку они играли большую роль в военно-политических структурах кыргызского общества, особенно в XIV–XIX вв. во время бесконечных военных конфликтов. Формирование этого сословия было основано на принципах приоритетности личных достоинств индивида. По такому принципу выбирали и руководителей восстания 1916 года. В первую очередь от руководителей ждали воинских успехов, поскольку сакрализация имела и оборотную сторону. При поражениях руководители теряли свой сакральный авторитет в народе, потому что не могли защитить народ от бед и ужасов войны с более сильным противником. Приведем пример ослабления сакрализации власти руководителей в строках из плача по Үркүн: «Кыргызы не стали ждать. Они были напряжены событиями. Пришла весть кыргызы с русскими вступили в бой. Пришел день сражения… Русские оповестили все свои силы. Из Андижана, Пишпека и Ташкента пришли русские солдаты, чтобы вырезать нас. Они подготовились очень хорошо… Вдруг, пришла весть из Чуйской долины: бежал род тынай, не спасли его главные и не было сильных. По обе стороны гор Иссык-Куля спешил народ. Начался великий исход народа: страх, перед глазами их стояла смерть, погибли храбрые, ушли сильные. Люди забыли родные края…

Проложили дороги через горы, где не было перевалов раньше. О-о, родина моя Ала-Тоо – плача бежал народ»[342]. Лишь те из руководителей, что не отказались от защиты своих соплеменников, сохранили сакральный статус. Начальник Нарынкольского пограничного отряда капитан Неклюдов в декабре 1916 г. докладывал руководству: «28 прошлого ноября в присутствии помощника начальника Илийского края Цань Моуцана Ноу-сы я предъявил представителям кара-киргиз от 10 волостей требования

выдаче главарей, пленных, оружия и о наряде весною от каждой волости 200 лошадей для армии. Лошадей они готовы доставить; пленные, оружие у них уже отобраны и переданы в отряд, но главное условие – выдать главарей, они исполнить отказываются»[343].

И это был не единичный случай. Здесь раскрывается сакральность власти как ее трактовал французский теоретик Реймон Арон. Он указывал, развивая теорию М. Вебера: «Человек должен быть постоянно «открыт» и «обречен на свободу», так как только в этом случае он имеет шанс лучше приспособиться к действительности и ответить на вызов природы социальной организации, позволяющей ему каждый раз заново «определять» себя в зависимости от изменяющихся условий своего существования. Технические параметры социальной организации дают возможность человеку выжить и расширить зону своего существования, постоянно апеллируя к его сознанию, выраженному в рациональной способности творить искусственный мир. Сущность человека не имеет выраженного фиксированного характера, в результате чего он осознает свою смертность, но, как правило, не соглашается с ней и пытается в реальной жизни противостоять тягостным интенциям грядущего конца героически-рациональным протестом в виде свободного творчества, единственно возможного для человека средства самовыражения. Несмотря на свою рациональность, человек не знает своих границ и целей, поэтому каждый день «начинает все с начала», постоянно проявляя себя демиургом создаваемого им мира»[344]. Сакральность власти определяет устойчивая позиция устремленности руководителя в достижении целей и задач, в руководстве народом и своими соплеменниками.

Правители выдвигались из числа наиболее мудрых, авторитетных и сильных личностей. Каждый воин гипотетически мог стать правителем. Разумеется, решающий голос при этом имели влиятельные люди. Когда над народом нависала смертельная опасность порабощения, у каждого появлялось чувство исторической ответственности, стихийно срабатывали демократические принципы. В то время на курултаях при выдвижении ханов, биев, беков и военачальников, о трайбализме, кланстве, местничестве, никто не решался говорить. К сожалению, так обстояло дело только во время войн. В мирное время власть опять захватывали алчные баи, манапы, действовавшие только в своих интересах. К тому же, в почете был не сам труд, а скот и те привилегии, которые он давал обладателю. Обладание богатством расценивалось

Анарбекова В.Э. «Жанр «кошок» как уникальный памятник кыргызского народа». *Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. (Серия общественных и гуманитарных наук).* Алматы, № 2 (300), 2015, сс. 221-226.

РГВИА Ф.1436 Оп.1 Д. 23, л.118

Арон Р. *Мемуары. 50 лет размышлений о политике*. Москва: Ладомир, 2002, с. 873.

как следствие покровительства духов за праведное поведение: «*Оозу кыйшык болсо дагы байдын уулу суйлосун*» (хоть кривой рот, пусть говорит сын бая). Разумеется, это не означает свободу слова, а указывает на привилегию богатых. Однако свобода слова связана с менталитетом кыргызов, его генетической нетерпимостью ко лжи и, наоборот, предрасположенностью говорить правду при любых условиях, как бы это ни было трудно. Поэтому в народе говорят: «*Баш кесмек бар, тил кесмек жок*» (можно отрезать голову, но нельзя отрезать язык). Когда возникали недовольства к правителю или правящему режиму, рядовые племена всегда могли откочевать к другому хану или попытаться создать свое ханство Быть свободным означало возможность жить по своей воле, не стесненными никакими социальными узами и целями.

Определителем, создателем социальной организации во время восстания 1916 года в Семиречье являлся руководитель, который возлагал на себя ответственность как перед народом, так и перед самим собой. Его творением и была власть над восставшими, оставаясь при этом «первым среди равных», хан становился и первым ответственным за всех. Позиция Канат хана здесь более чем примечательна. После прихода отрядов казаков с пулеметами системы «Максим» (600 выстрелов в минуту)

мощного разгрома сил восставших, Канат приказал отступать. «Народ рассыпался, в конце сентября бежал в Китай. Отряд полковника Слинько схватил Каната на джайлоо Соок в Кочкоре. Каната задержал Ысак – сын свата саяка Курмана со словами «отца собираются убить русские, сдайтесь». Когда Канат сдался, он сказал: «Это дело начал я, пусть из-за меня не истребляется народ, если бы я думал лично о себе и семье, то бежал бы в Китай или провел дни за камнями-горами. Не убивайте народ». Был пленен и его сын Карыпбай. Каната привезли в Верный»[345]. Осознавая свою вину и ответственность за поражение, Канат хан на допросе всячески старался отвести удар от простого народа, принять полную меру вины на себя. Также хотелось бы прояснить действия Канат хана в отношении тех, кто не желал воевать против колонизаторов.

Арон указывает на смысл верховной власти: «Носитель высшей власти, в задачу которого входит налаживание мира, установление правил, коим должна подчиняться любая деятельность отдельных лиц, принятие решений внутриполитического или внешнеполитического характера, нуждается в согласии тех, кем он управляет. Это не просто одна из функций. Это одна из существенных сторон любого политического режима. Всякий режим должен обеспечивать подчинение своей воле. От управляемых требуется, чтобы они принимали его таким, каков он есть. Более того, необходимо, чтобы определенными способами режим добивался одобрения со стороны управляемых». Канат хан работал жестко согласно этому подходу, что вызывает споры и по сей день. Каждая киргизская волость, участвовавшая в боевых действиях, должна была дать бойцов по числу юрт[346]. Обычно боевой отряд волости состоял из

Солтоноев Б., с.31.

Скрипкина С.М. «Изучение восстания 1916 года в Кыргызстане по материалам рукописного фонда Национальной академии наук Кыргызской Республики». *Вопросы истории Кыргызстана*, №3, 2006, с.68.

трех-четырех сотен всадников, многие из которых были вовлечены туда силой и принуждением небольшой группой боевиков. В одном из документов указывается, что 10 августа руководители повстанцев Сарыбагишевской волости Пишпекского уезда связались с повстанческими отрядами других районов. Они разослали послания гонцов во все каракиргизские волости Пржевальского и Пишпекского уездов. Значительные группы их гонцов не только вели агитацию, но и принимали меры энергичного воздействия на колеблющихся и трусливых[347]. Канат Абукин, в своих показаниях отмечал: «Я с отрядом из киргизов своей волости в 300 человек напал на Токмак и Покровское лишь после известия о гибели Шамшинского волостного управителя и киргиза Раимбека. Против Токмака и Покровского выступили сообща 10 волостей, каждая – со своим начальником, которые были между собой равны. Всего было 4–5 тысяч бойцов, шли в бой верхом. Шли неохотно. Приходилось подгонять сзади нагайками[348]. Здесь мы видим целенаправленное и единственное искажение информации – действия Каната представлены как действия «заградотрядов», чего скорее всего не было в действительности и выдавалось для угоды показаний против руководителя восстания.

По поводу наличия знамен и знаков различия среди кыргызов и казахов Верненского, Пишпекского, Пржевальского и Джаркентского уездов и.о. начальника штаба Туркестанского военного округа М.Н. Михайловский писал: «Обращает на себя внимание организованность мятежных киргизов: в некоторых бандах имеются значки-знамена, на шапках многих бунтовщиков надеты однообразные металлические бляхи, в горах устроены мастерские для выделки холодного оружия и пороха, скопища киргизов управляются, применяется оптическая сигнализация для передачи сведений о движении наших отрядов, при перестрелках киргизы окапываются. Сам мятеж именуется у киргизов войной. Часть вооружения доставлена мятежниками из пограничных местностей Китая, где, по-видимому, находятся германские и турецкие агенты и агитаторы, воспользовавшиеся набором рабочих как ближайшим поводом для возбуждения восстания, подготовлявшегося ими с самого начала войны»[349]. М. Михайловский явно передергивает факты, желая перевести вину за восстание с неэффективности царских колониальных властей на германо-турецких агентов.

Канат Абукин показывал, что у повстанцев было 24 флага для удобства командования, сам же он выступал под красным флагом[350]. Знаменем Мокуша Шабданова был белый стяг, символизирующий чистоту помыслов и единение под знаменем веры.

Полотнище белой материи и древко было конфисковано у мятежников Джаильмышевской волости Верненского уезда[351]; с белым знаменем разъезжали бунтовщики по берегам Иссык-Куля. О цвете этого знамени с иронией отозвался архимандрит Иссыккульского монастыря Иринарх Шемановский, подробно

ЦГА РК Ф.44 Оп.1 Св. 2 Д.16920 л.21.

ЦГА РК Ф.76. Оп.1 Д.2140 б. Св. 92 лл.245–248

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, 1960, с. 347.

ЦГА РК Ф.77 Оп.1 Д.571 л. 57.

РГИА Ф.1405 Оп.530 Д.956 л.32.

описавший все дни киргизского бунта в Пржевальском уезде: «Около 9 утра с острова заметили группу человек в 50 всадников с белым флагом по средине. …вскоре же разъяснилось, что, то не кто иные, как свободно разъезжающие киргизы. Почему же у них белый флаг? Я думал и, как в последствии подтвердилось, не ошибся, что киргизы пользуются всякими тряпками для флагов, лишь бы он был. Где им было додуматься, что их мусульманскому флагу как магометову знамени надлежит быть зеленым»[352]. Довольно-таки распространенное среди немусульман заблуждение. Между тем, по мнению В.В. Акунова, «никаких вразумительных данных на этот счет не существует. Известно лишь, что зеленым было боевое знамя не Мухаммеда и не его преемников – первых праведных халифов… – а халифов династии Омейядов (Умайядов)»[353]. Войсковые знамена – «райя» – многих мусульманских племен, в том числе, курайшитов, были белыми или имели широкую белую кайму. Личный флаг Посланника Аллаха – «лива» – черный, но в хадисах упоминается и белое знамя, под которым он вступил в Мекку. Белое знамя в мусульманской символике связывается с территорией ислама – «Дар ал-ислам», в отличие от черного знамени, которое символизирует «Дар ал-куфр», территорию неверия. Мусульманское знамя может быть также и красным. Красное мусульманское знамя начала XX в. хранится в Киргизском историческом музее. Здесь уместно вспомнить про это знамя, так как сей предмет культа, принадлежавший кара-киргизам, свидетельствует об их религиозности и о том, что они разбирались в своей символике лучше русского священника. Поднимая белое знамя, восставшие заявляли, что Семиречье – это земля ислама, что на этой земле нет места иноверцам, что власть здесь должна принадлежать мусульманам[354]. Стоит добавить, что сакральная семантика цвета – белого и красного всегда была значимой у кыргызов, что отразилось позже в подборе цветовой гаммы для государственной символики[56]. Знамя Канат хана возможно было отобрано по цветовой семантике эпоса «Манас».

«Красное знамя бая Жакыпа Кто
заметил, то слова такие:
От множества кыргызов
С давних пор сохранившееся знамя
От первопредка Бабыр-хана осталось это знамя»[355].

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.45 л.12.

Акунов В.В. «Было ли «знамя Пророка» зеленым?» Международная военно-историческая ассоциация. http://www.imha.ru / 1144536520-bylo-li-znamya-islama-zelenym.html#.WAPQafmLRCE. Просмотрено 8.10.2019

354 Волков И.В. «Система этноконфессиональных отношений в Русском Туркестане как основамежцивилизационного сотрудничества в Средней Азии». *Исламоведение*, т.7, №2 (28), 2016, с.10.

http://www.aigine.kg/ru/demo-layouts-2/publikatsii-sotrudnikov/533-religioznye-motivy-v-kyrgyzskikh-romanakh-ajtpaeva-g, сс.28-30. Просмотрено 8.10.2019.

Манас. ВСО.2-кн., 1980, с.78.

Заключение

Восстание 1916 года – это очень сложное и многоплановое явление, оно происходило как серия где-то стихийных, где-то более организованных локальных беспорядков, которые так или иначе затронули все регионы Центральной Азии. К числу общих факторов можно отнести сам колониальный характер российской имперской власти, которая была внешней, во многом чуждой (по языку, религии, культурным привычкам) и абсолютно доминирующей, основанной на военном могуществе силой. Это не означает, что российская власть всегда действовала только во вред местному населению, не учитывала его интересы и не пыталась привлечь местных жителей к разным формам самоуправления.

Любая колониальная власть заинтересована в том, чтобы поддерживать некоторый баланс, но при этом она не перестает быть колониальной и видеть ситуацию, прежде всего, с собственной точки зрения. Этот баланс как раз и был нарушен в 1916 г., когда указом Николая II было решено призывать на тыловые работы жителей Центральной Азии. Конечно, указ был вызван необходимостью чрезвычайного военного времени и не означал призыва на фронт, но он резко поменял отношения власти и людей, расшатал внутренние противоречия в обществе.

поспешность с его исполнением только усилила негативные последствия, что признавали сами российские чиновники. Современный британский историк Александр Моррисон в книге «Российское управление в Самарканде» пишет, что колониальные государственные институты были фактически подчинены интересам локальной элиты, «государственной властью и государственным авторитетом они манипулировали, используя их в разнообразных целях, будь то личное обогащение или создание патронажной системы»[356]. Моррисон отмечает не только слабость российской власти, но и преемственность между доколониальными и колониальными режимами, рассматривая местные элиты как заинтересованных участников имперского управления. Только подключение к внешним, колониальным механизмам доминирования местных механизмов управления и регулирования давало возможность российским чиновникам господствовать в регионе, в т.ч. осуществлять свои проекты его трансформации, причем распределение выгод и дивидендов от этих проектов также было многосторонним и не всегда несправедливым. Колониальная власть имела право и возможности провозглашать окончательный вердикт и наказывала виновного, утверждая тем самым свое господство в этой ситуации. Она вводила правила и ограничения, определяла те рамки, в которых шла игра. Таким образом, одновременно с тем, как линии взаимодействия растягивались и опутывали общество, количество точек с сильным напряжением, да и само напряжение нарастали, конфликты смещались к ним, создавая условия для восстаний и войн.

Собственные внутренние иерархии и противоречия в местном обществе сохранялись, как сохранялась и некоторая замкнутость, закрытость этого мира для внешнего наблюдателя, но империя настойчиво вмешивалась в локальную жизнь,

---

Morrison A. *Russian Rule in Samarkand, 1868–910. A Comparison with British India.* Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2008, c.199.

предлагала невиданные ранее возможности и вызывала в ответ и новый интерес, и новые возмущения. В Семиречье колониальная власть нарушила баланс между установившимся ранее паритетом, чем вызвала массовые возмущения как в среде элиты кочевых сообществ, так и в массе рядовых кочевников, подвигнув их на крайнюю степень возмущения – бунт, переросший в восстание, во главе которого встали представители элиты кочевого общества, как носители военных и политических устоев кочевого общества в Семиречье. Их власть легитимировалась как предшествующими механизмами, так и новыми, привнесенными колониальными порядками.

Колониальная власть перестала удовлетворять население, она оказалась слабой, потому ненужной. Никогда раньше российская власть не стала бы принимать непродуманных решений, не взвесив тщательно, как это может быть воспринято населением с совершенно иным менталитетом. В свою очередь туземцы раньше никогда не посмели бы выступить против власти. Власть потеряла свое значение, а значит, лишилась опоры. Все что случилось в 1916 году в Туркестане – это не кризис власти на окраине, это кризис власти в стране в целом, кризис системы имперского управления центральноазиатскими владениями России, да и всей российской колониальной политики. Легитимация власти у руководителей восставших и ее устойчивость во время восстания 1916 года в Семиречье показала порочность системы управления краем. Важно заметить и то, что бывший коммунистический историографический подход не позволял видеть роль таких лидеров, как Канат-хан Ыбыке уулу, Баатыркан Ногой уулу, Мокуш Шабданов, которые были представителями бай-манапов, то есть кыргызских феодальных аристократов, в качестве предводителей движения за государственную независимость от царской России. Это из-за того, что они были представителями «эксплуататорского класса», того класса, который был всецело назван врагом поступательного движения человечества в направлении будущего бесклассового общества. Однако невозможно представить данные национально-освободительные восстания и другие протестные движения против царского и иного колониализма без «соли земли» – без кочевой аристократии, т.е. людей, которые имели больше возможности для личного обучения и для общественного осознания положения своего народа в рамках цивилизации той эпохи, где они жили. Их статус позволял выступать перед огромной аудиторией и вести руководство среди масс. Так, указанные нами Якуб-бек, один из лидеров национально-освободительного движения антицинского сопротивления, был отпрыском важного рода в Коканде. Конечно, в наше время уже можно каждому члену нашего общества стать президентом, министром, депутатом, и т.д., но мы анализируем традиционное восточное общество начала XX в.

ряде очагов восстания в августе 1916 г. появились местные ханы, т.е. люди, которые были объявлены независимыми руководителями. Эти попытки стали апогеем восстания, когда кыргызский народ встал на путь возрождения традиционных форм государственности. Тогда народы Центральной Азии не имели представления об идеях демократической республики и других форм демократической государственности, и, соответственно, идея о независимом ханстве (монархии) для

них была идеей, сохранившейся в политической памяти и в фольклорном наследии. Эта знакомая идея для них казалась вполне досягаемой мечтой, которую они всеми силами и в столь краткие сроки пытались воплотить в жизнь.

Список источников и литературы

Акунов В.В. «Было ли «знамя Пророка» зеленым?». *Международная военно-историческая ассоциация.* http://www.imha.ru / 1144536520-bylo-li-znamya-islamazelenym.html#.WAPQafmLRCE. Просмотрено 8.10.2019.

Анарбекова В.Э. «Ормон хандын өмүрү жана ишмердигине карата айтылган кошоктордун тарыхый мааниси». *Известия вузов Кыргызстана. (Республиканский научно-теоретический журнал).* Бишкек, №4, 2017, сс.78-81.

Анарбекова В.Э. «Кокон хандыгынын коомдук турмушунун фольклордо чагылдырылышына тарыхый сереп (кошоктордун мисалында)». *Известия вузов Кыргызстана. (Республиканский научно-теоретический журнал).* Бишкек, №11. Часть I., 2016, сс.188-190.

Анарбекова В.Э. «Историческая значимость пения причетов (кошок – оплакивание в стихах умершего) в традициях у кыргызов». *Наука, техника и образование (Научно-методический журнал).* Москва, №7 (25), 2016а, сс.80-82.

Анарбекова В.Э. «Жанр «кошок» как уникальный памятник кыргызского народа». *Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан (Серия общественных и гуманитарных наук)*. Алматы, № 2 (300), 2015, сс.221-226.

Арон Р. *Мемуары. 50 лет размышлений о политике.* Москва: Ладомир, 2002.

Бахтурина А.Ю. «Управление в Туркестанском крае накануне и во время восстания 1916 г». *Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). (Сб. докл. Международ. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г.)* Москва, 2016.

Беллью. *Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873-1874 г.* СПб., 1877.

Вебер М. *Избранные произведения.* Москва, 1990.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (*Сборник документов).* Москва: Академия наук Казахской ССР, 1960.

Волков И.В. «Система этноконфессиональных отношений в Русском Туркестане как основа межцивилизационного сотрудничества в Средней Азии». *Исламоведение,* т.7, № 2 (28), 2016.

Гилинский Я.И. «Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория». *Социологические исследования,* № 4, 1991.

Даймонд Д. М. *Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ.* (Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies) / Пер. с англ. М. В. Колопотин. М.: АСТ Москва: Corpus, 2010.

Дубровская, Д. В. *Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем новой границы в конце XIX в.* Москва: ИВ РАН, 1998.

Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии.* Москва, 1991.

Жусупов К. *Кыргыздар.* Бишкек: Кыргызстан басмасы, 1991.

Исиев Д.А. *Уйгурское государство Йэттишар (1864-1877).* Москва: Наука, 1981.

Кляшторный С.Г. «Основные этапы политогенеза у древних кочевников в Центральной Азии». *Проблемы политогенеза кыргызской государственности.* Бишкек, 2003.

Лесная Л.В. *Восстание 1916 г. в Киргизии: Документы и материалы.* Москва, 1937.

Манас. *ВСО.* 2-кн. Фрунзе, 1980.

Марков Г.Е., Масанов Н.Э. «Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов». *Вестник МГУ. Серия историческая*, № 4, 1985, сс.86-96.

Нурбеков К. *История государства и права Кыргызстана.* Бишкек, 1999.

Скрипкина С.М. «Изучение восстания 1916 года в Кыргызстане по материалам рукописного фонда Национальной академии наук Кыргызской Республики». *Вопросы истории Кыргызстана.* Бишкек, № 3, 2006, с.68.

Солтоноев Б. *Кызыл кыргыз тарыхы.* Т.2, 1993.

Яншин В. «Вооруженные силы Уйгурского государства Йеттишаар». http://uyghurtoday.com/2016/05/29/vooruzhennye-sily-ujgurskogo-gosudarstvajettishar-1865-1877-gg/ Просмотрено 17.11.2019.

Francis X. Martin. *Leaders and men of the Easter Rising: Dublin 1916.* Cornell University Press, 1967.

Gedikli Y. *Adil Hikmet Bey. Asya'da Beş Turk.* İstanbul, 2012.

Kim H. *Holy war in China: The Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 18641877.* Stanford, 2004.

Morrison A. *Russian Rule in Samarkand, 1868–910. A Comparison with British India*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2008.

Werner Otto von Hentig. *Das nie geschaute Land.* [Unpublished manuscript from 1994, edited by Hans Wolfram von Hentig]. Istanbul, 1994.

Архивные материалы

РГВИА Ф.483 Оп.1 Д.137 л.26.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.26 л.17.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.2 лл.43–44.

ЦГА КР. Ф.И-75 Оп.1. Д.26 л.17.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.2 л.42.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.35 л.6–6 об.

ЦГА РК Ф.44 Отд.1 Ст.2 Д.16925 л.17.

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.2140 б. Св. 92 л.258.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.26 л.11об, 12.

РГАСПИ Ф.670 Оп1 Д.51 л.81.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.34 л.12об.

ЦГА РУз Ф.И-1 Оп. 31 Д.1138-а л.160.

ЦГА РК Ф.44 Оп.1 Св.2 Д.16920 л. 21.

ЦГА РК Ф.76 Оп.1 Д.2140б. Св.92 л.245–248.

ЦГА РК Ф.77 Оп.1 Д.571 л.57.

РГИА. Ф.1405 Оп.530 Д.956 л.32.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.45 л.12.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.27 л.16об.

Легитимация лидерства А.Жанбосынова событиях 1916 года на территории Торгайской области

Майсара Бекмагамбетова

Аннотация

Одним из крупнейших центров событий 1916 г. стала Торгайская область. В советской историографии в угоду марксисткой идеологии насаждался миф о лидерстве в нем исключительно Амангельды Иманова. Однако приведенные в данной статье факты: статус, политический вес, харизма, нравственные характеристики позволяют аргументировать легитимацию Абдулгафара Жанбосынова в качестве руководителя и признанного лидера восстания.

Ключевые слова: *колония, восстание, советская власть, историография, хан, национальная интеллигенция.*

Введение

В начале XX века в казахском обществе сохранялись традиционные устои, которые сформировались за длительный период проживания казахов на огромной территории в специфических условиях. Имперские административно-управленческие экономические новации внесли определенные изменения в социальную органику казахов. Однако по факту доминанты кочевого образа жизни, как одного из приемлемых к адаптации, в менталитете казахов сохранялись традиции степного государственного устройства и степной демократии. Безусловно, исторически ханы по факту присвоения им соответствующего титула выполняли значительную организационно-управленческую роль. Сила и власть ханов, равно как и представителей всей кочевой элиты, зависели от личных харизматических данных в условиях рассредоточения немногочисленного населения на значительных расстояниях. Именно по причине соблюдения устоявшейся системы обычного права, сложившихся веками традиций и законов, ханы укрепляли в подвластном обществе собственный авторитет в качестве дальновидных, мудрых правителей. Подобные правители ассоциировались в качестве защитников национальных интересов. Подтверждением их статусности являлась способность к мобилизации в кратчайшие сроки больших воинских подразделений для противостояния внешним агрессорам. Определенно, огромным авторитетом в казахском обществе обладали признанные аристократы Кенесары Касымов, султан Каратай, Каиыпкали Есимов, Губайдулла, Арынгазы, которые в противоречивых политических условиях первой половины XIX в. заявили о праве на ханский престол и получили поддержку и признание со стороны значительного количества казахского населения.

Методы исследования

Для рассмотрения легитимации лидера восстания 1916 г. на территории Тургайской области Степного края (современная Костанайская и Актюбинская области Республики Казахстан) использован историко-системный подход, что

позволило более комплексно и целенаправленно использовать обнаруженные источниковые материалы. Так же автор использовал такие методы, как наблюдение, анализ документации, анализ статистического материала.

Постоянно возникающая необходимость ответить на ключевые вопросы, а именно: чем обуславливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были его внутренние мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы

реальные действия лидера, как воспринималось расхождение между ними, насколько сильны и устойчивы были внешние факторы и внутренние импульсы – потребовали из микроистории переходить в исследовательское пространство макроистории.

Источники и историография

Источниковая база представлена документами Центрального Государственного архива Республики Казахстан, однако, как верно отметил в свое время С. Мендешев в докладе на совещании в комвузе им. Голощекина, посвященном 15-летию восстания 1916 года, «они исключительно официальных материалов царского времени, где, понятно, эти события освещаются с точки зрения царской политики, где многое преувеличено, искажено и т. п. Обработки материалов, показаний самих участников этих соб ытий нигде нет»[357]. Бесспорно, ценными являются мемуары воспоминаний участников событий 1916 года, хранящиеся в Архиве Президента Республики Казахстан, однако в основной массе они создавались уже в советское время и соответственно для них характерна идеологическая заданность.

Поднимая проблемы, связанные с событиями 1916 года, получившими в отечественной историографии определение как национально-освободительное движение в Казахстане, необходимо отметить, что в условиях независимости появилась возможность рассмотреть их объективно. Еще в первой половине 90-х гг. академик Козыбаев М.К. отмечал, что в советской историографии длительное время искусственно сужалась социальная база национально-освободительного движения, с позиции классового подхода руководство восстания, его лидеры определялись как выходцы из социальных низов[358]. При этом в сферу исследовательского внимания включались лишь те деятели, которые своими подвижническими биографиями «вписывались» в новую советскую героикоэпическую традицию. Подчас в формировавшийся пропагандой пантеон коммунистических вождей и героев включались люди, факты биографии которых были либо мало известны, либо намеренно фальсифицировались. В результате такой мифологизаторской «методологии» деятели, выдвигавшиеся на роль «героев», оказывались зачастую не реальными историческими личностями, а персонажами героического эпоса - одного из составляющих фальсифицированного исторического повествования, которые, в свою очередь, стали частью глобального тоталитарного мифа.

Архив Президента Республики Казахстан (АП РК) Ф.811 Оп.20 Д.752 лл.1-16.

Козыбаев М. *Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана.* Алматы: Ғылым, 2006, с.111.

Понятно, что предельно идеологизированная селекция не оставляла шансов занять свою достойную нишу в панораме исторического действия многим действительно выдающимся личностям прошлого. Это касается и событий 1916 г. в Казахстане.

Рассматривая проблему лидерства в событиях 1916 г., необходимо отметить, что она слабо изучена в историографии. Истоки заложены еще советской историографией, поскольку в ней было закреплено положение о руководящей роли рабочего класса и крестьянства в восстании 1916 года.

Восстание 1916 года охватило многие регионы Центральной Азии. Ученые всех поколений в своих работах актуализировали данную проблему. Исследователи, в ракурсе социальной структуры и лидеров восстания с апелляцией к различного рода источникам, выдвигают собственные умозаключения на предмет причины лидерства.

Как отмечает профессор Кушбек Усенбаев, факты свидетельствовали о том, что руководство восстанием принадлежало кыргызским родоплеменным вождям – манапам[359]. Об этом в свое время писал и председатель кыргызского Совнаркома Юсуп Абдрахманов к 10-летию восстания - в 1926 году, за что подвергся критике со стороны партии и обвинялся в политической незрелости. Он одним из первых в своей статье утверждал, что руководство восстанием отдельными баями и манапами имело прогрессивное значение[360].

Современная историография отмечает следующее: «...вынуждены единичные случаи руководства восставшими представителями букары возводить в ранг исторической закономерности. Манапов же вынуждены описывать в черных красках как примазавшихся к восстанию ради удовлетворения своих корыстных целей предателей народных интересов и прислужников царизма»[361]. Очень скудные и отрывочные сведения о лидерах на территории Узбекистана и Таджикистана, особенно, это касается «колыбели восстания» Ходжента.

Безусловно, лидером массового движения, коим стали события 1916 года, в традиционном обществе мог стать человек, обладающий соответствующими характеристиками: происхождение, социальный статус, уровень образованности, личностные качества. Именно он признается легитимным, то есть власть его является признанной и юридически, и фактически. Ведь легитимная власть принимается массами, а не просто навязывается им. Массы согласны подчиняться такой власти, считая её справедливой, авторитетной, а осуществляемый ею порядок наилучшим.

Движение, охватившее с середины 1916 г. весь Казахстан и Центральную Азию в связи с высочайшим указом о реквизиции на тыловые работы в армии местных «инородцев» в возрасте от 19 до 43 лет, затронуло и казахов Торгайской области. Торгайский очаг восстания был наиболее крупным и наиболее организованным.
Критериями характеристики организации и масштабов национально-

---

Усенбаев К. *1916: героические и трагические страницы*. Бишкек, 1997, с.174.

Абдрахманов Ю. «Незабываемая годовщина (К 15- летию восстания в Киргизии)». *Советская Азия*, кн. 5-6. Москва, 1931, с. 175.

АП РК Ф.811 Оп.20 Д.752.

освободительного восстания являются структура повстанческих отрядов или войск, структура административной власти на территориях, контролируемых восставшими.

связи с этим, правомочно определить Торгайское восстание как имевшее наиболее широкий размах и напряженный характер.

Центром восстания стал Тургайский уезд. Вслед за начавшимся недовольством в Карабалыкской волости Кустанайского уезда 9 июля, в середине июля в Батпаккаре в Караторгайской волости большая группа молодежи выступила против указа, дойдя до избиения заместителя начальника уезда Ткаченко[362]. Харлампович К.В. так же отмечал, что «оно началось едва ли не раньше, чем в Туркестане (уже в июле) и продолжалось дольше, до самой февральской революции»[363].

В соответствии с духом идеологии большевизма Амангельды Иманов считался предводителем бедных слоев населения, а баи и духовенство, интеллигенция - предателями интересов народа. Советская историческая наука целенаправленно внедряла культ А. Иманова (Удербаева). Его имя стояло в одном ряду с такими героями, как В. Чапаев, Л. Щорс, С. Лазо, В. Блюхер, В. Киквидзе, О. Городовиков и др. Еще в 70-е г. XX в. М. Козыбаев изучал данный вопрос[8]. Он отмечает, что 5 марта 1936 года бюро Казкрайкома партии приняло постановление «О двадцатилетии восстания Казахского народа 1916 года». Бюро Казкрайкома особо обратило внимание исследователей на необходимость изучения революционной деятельности Амангельды Иманова, который, как указывается в постановлении, «явился наиболее выдающимся и последовательным вождем революционного восстания 1916 года». «Поручить авторам монографий, брошюр, - указывалось в решении далее, - при оценке роли руководителей движения особо отметить выдающуюся роль Амангельды Иманова, который последовательно, не складывая оружия, боролся против царского самодержавия, политики Временного правительства, политики Алаш-Орды и погиб активным коммунистом, организатором масс на борьбу за Советскую власть от пули заклятых врагов казахского народа – алаш-ордынцев, Дутова и проч.»[364]. Именно тогда принимается решение о переименовании Батпаккаринского района Кустанайской области в район имени Амангельды[365]. В заданном идеологическом духе проходили юбилейные мероприятия: проведение дня 25-летия со дня смерти батыра как исторической даты (1944 г.), принятие в начале 1973 года ЦК КП Казахстана развернутого решения о праздновании 100-летия со дня рождения и т.д.

Современная историография отмечает ряд периодов в вопросе изучения событий 1916 г. и роль его руководителей[366]. До 1936 года происходил сбор информации и давалась относительно объективная оценка. В 1926 году проведены мероприятия,

---

Мырзағалиұлы М. *1916 – 1917 жылдардағы Торғай қазақтарыныў кєтерілісі.* Алматы: Атамура, 2005, с.162.

Харлампович К. *Восстание Тургайских казах-киргизов 1916-1917 гг*. Кзыл-Орда, 1926, с.19. [8] Иманов А. *Статьи, документы, материалы*. Ред. С.Бейсембаева А. Казахстан, 1973.

Иманов А., с.24.

АП РК Ф.141 Оп.1 Д.1059 л.245.

Аймағамбетұлы Р. «1916 жылғы Торғай қазақтарыныў ұлт-азаттық кєтерілісі және Амангелді Иманов». https://e-history.kz/kz/books/library/view/490. Просмотрено 3.11.2019.

посвященные десятилетию восстания. При этом освещалась и отмечалась роль А. Жанбосынова в работах В. Харламповича, А. Байтурсынова, А. Бокейханова, С. Мендешова. А. Жангельдин, давая характеристику Рустему Жанбосынову, отмечал: «Отца его Абдулгафара знаю до и когда он руководил восстанием казахов 1916 г в Тургайском уезде. То восстание, которым руководил Абдулгафар, есть одно из крупнейших в казахской истории»[367].

Ситуация меняется с 1936 года, с вышеупомянутого постановления бюро Казкрайкома партии «О двадцатилетии восстания Казахского народа 1916 года». Казкрайком считал целесообразным «учесть необходимость критики и развенчания явно ошибочных и несостоятельных утверждений о политическом и классовом характере восстания 1916 года и его движущих силах, имеющихся в большом количестве в выпущенных за этот период статьях, брошюрах и исследовательских работах»[368].

этого периода именно Амангельды Иманов рассматривался как единственный лидер событий 1916 г. в Торгайской степи. Этому способствовала и установка, которую определил сам И. Сталин. В своих воспоминаниях композитор Евгений Брусиловский излагает следующее: «Мирзоян, Исаев и Жангельдин в 1935 году на приеме у Сталина, разговаривая, вспоминали проводившего военные действия на северо-западном регионе Казахстана Чапаева. В тот момент неожиданно Сталин скажет: «У вас ведь и у себя имеется свой Чапаев». Тогда Исаев и Мирзоян указали на Жангельдина. Но он не говорил о Жангельдине. Сталин рассказывал, как во время защиты Царицына устанавливал связи с руководителем восстаний в казахских степях бесстрашным Амангельды. Сталин скажет: «Тот самый Амангельды Иманов и является казахским Чапаевым». Далее композитор приводит личное заключение: «В 1933 и 1934 годах об Амангельды никто не говорит, не пишет, а владеющий о нем информацией Жангельдин тоже не торопится с воспоминаниями. После этого события требовалось немедленное восстановление упущенных моментов. Главный редактор газеты «Казахстанская правда» Верховский, вызвав к себе историка Шафиро, дает поручение найти сведения и подготовить объемную статью об Амангельды Иманове. Однако, сколько бы Шафиро ни старался, он не находит никаких данных о батыре. Согласно сведениям, приведенным в памятке, Сталину Амангельды Иманов был известен как доверчивый и отчаянный батыр, выросший в бедной крестьянской семье»[369].

Советская идеология в историографии актуализировала доминирующую роль Амангельды Иманова в Торгайском восстании периода 1916 года. Однако изучение архивных источников демонстрирует факт активного участия в качестве лидера на территории Торгая Абдулгафара Жанбосынова. Фактически эти две персоны в качестве тандема прекрасно гармонировали как две сильные политические персоны в

Мырзағалиұлы М., с.152.

Иманов А., с.24

Брусиловский Е. *Судьба – великий драматург: Воспоми нания*. Сост. И. М. Самигулин. Алматы, 2014, с.66.

процессе защиты интересов казахского населения. В Торгайской области сохранялись устойчивые родоплеменные отношения. Согласно традиции, корпоративное единение и управление, руководящие функции соответствующих родовых структур аргынов и кыпчаков возлагались на представителей местной степной аристократии. В частности, отряды аргынов возглавлялись Шолаком Оспановым, кыпчакские войска подчинялись Абдулгафару Жанбосынову. Таким образом, объединенные общей идеей, родовые аристократы сумели мобилизовать имеющиеся людские ресурсы в условиях специфики родоплеменного деления.

По социальному статусу Абдулгафар Жанбосынов являлся представителем аристократического клана. В советской исторической литературе, по причине господства идеологии, представители аристократических династий и социально приближенных к ним слоев эпохи народных восстаний первой половины XX века и последующей гражданской войны подвергались демонизации и их заслуги умалялись целью снижения их волевой значимости в общественном сознании, поэтому в дальнейшем в советской историографии, традиционно акцентировалось внимание только на Амангельды Иманове и его лидерских качествах.

Для восстановления исторической справедливости первыми в Тургае выступили старожилы Н. Конкышев, Б. Молдашев, Ж. Жангабылов, Б. Байымбетов, Т. Батырбеков, Е. Сейткожин, Ж. Бекентаев. В 1991 году эти аксакалы попросили в письменном обращении местную власть, Институт истории археологии и этнологии имени Ш. Уалиханова, Национальную Академию Наук о справедливом исследовании личности хана Абдулгафара. Первым на это обращение откликнулся ученый Манаш Козыбаев. Он заверил, что уровень развития исторической науки и исторические факты позволяют исследовать национально-освободительное движение 1916 года как национально-освободительную революцию, которая будет рассматриваться с новой точки зрения, с новой концепцией.

Согласно источникам и народным преданиям Амангельды Иманов так же являлся выходцем из родовитой, но обедневшей семьи. А. Иманов был сардарбеком - военоначальником, командовавшим армией А. Жанбосынова. Он родился в 1873 г. в ауле №3 в местности Тениз-Бутак Кайдаульской волости. Необходимо отметить тот факт, что Иманов состоял в родственных отношениях с Абдулгафаром. Что касается образования, известно, что Амангельды учился грамоте у аульного муллы. Его предок батыр Иман был сподвижником легендарного К. Касымова, и этот фактор в сознании казахов накладывал особую ответственность на Амангельды, согласно традициям воспитания. Семья А. Иманова рано обеднела, поэтому Амангельды и его родственники по экономическому статусу существенно отличались от других зажиточных социальных категорий. Вся юность Амангельды характеризуется его противостоянием с местной администрацией. Именно А. Иманов в источниках характеризуется как организатор и сподвижник народных волнений на территории области, направленных против местной администрации. Поэтому в период 1916 года Амангельды Иманов олицетворялся широкими слоями казахской бедноты как защитник интересов данных социальных групп.

В лидерстве Иманова и Жанбосынова пишется в монографии проф. К.В. Харлампович «Восстание Тургайских казах-киргиз 1916-1917 гг.», опубликованной в 1926 г. в Кызыл-Орде. Работа была написана, как сообщает сам автор, по рассказам очевидцев, где главным «источником» был участник событий Б. Каралдин[370]. Здесь практически впервые даются объективные факты социального происхождения лидеров восстания А. Иманова и А. Жанбосынова. Суть состоит в том, что доселе в исторической литературе подчеркивалась мысль о низком социальном происхождении А. Иманова. Тем временем документы показывают, что Амангельды является представителем степной аристократии[371]. Интересна оценка А. Жанбосынова. К.В. Харлампович дает характеристику А. Жанбосынова как общепризнанного авторитета, обладавшего властью, практическим умом и проницательностью. В советской историографии объективная оценка А. Жанбосынову так и не была дана. Поскольку он не имел соответствующего социального происхождения, был выходцем из степной аристократии, то и роль его была реакционной. В большевистской идеологии первостепенное значение имела принадлежность к неимущим слоям, в силу чего А. Жанбосынов не мог быть лидером героем 1916 г. Тем более, что последний стал инициатором восстановления ранее существовавших структур общественного организма.

Генеалогия А. Жанбосынова, его семья и окружение

Адбулгафар был уроженцем Каратургайской (современный Амангельдинский район Костанайской области) волости, родился в 1870 г. в местечке Карасу. Был он из рода каракыпчак, потомок легендарного Тлеулы батыра (1695-1760 гг.), современник Есет-батыра. Его прадед был знаменит неоднократными победами в походах против жонгар. Как свидетельствуют источники, его подпись стоит в прошении о принятии российского подданства 1738 г. в г. Оренбурге наряду с ханом Абулхаиром и Шакшак Жанибеком[372]. Имя Тлеулы батыра всегда упоминается в народе наравне с другими казахскими батырами такими, как Шакшак Жанибек Тархан, Тама Есет и другие. Эти батыры в тревожный период для казахского народа проявили сплоченность, объединились как настоящие боевые друзья и показали себя отважными полководцами. Тлеулы батыр возглавлял войска 92 племён кипчаков в боевых походах в Аныракае, Калмаккыргане и Каракумах в войне против жонгаров.

Он вместе с Богембаем, Саурыком, Тайлаком и другими батырами участвовал в создании ополчения Абулхаир хана. В 1738 году от имени многочисленных

Харлампович К., с.20.

Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 г.: Характер, движущие силы, уроки. Алматы: Фонд XXI век, 1997, с.71.

Крафт И. «Сборник узаконений о киргизах степных областей». *Электронный ресурс. Сост. ст. советник Тург. обл. правл. И.И. Крафт, И.И. Крафт.* Скл. изд. у авт., 1898. https://rucont.ru/ efd/6051. Просмотрено 13.02.2019.

сородичей - кипчаков, Тлеулы батыр и его сын Нияз-бий подписывают документ о присоединении казахского народа к России[373].

Самый младший сын Тлеулы Нияз (1735-1783 гг.) в последний период правления Абылай-хана возглавлял территорию Караоткеля в Орде. Нияз-бий был одним из авторитетнейших советников Абылай хана. Даже сам хан Абылай называл Нияза «ханом».

Матерью Нияз-бия была Жапалак - сестра легендарного Есет-батыра. Похоронен Нияз-бий на побережье Нуры, на его могиле установлен высокий белый памятник. Современные предания гласят о том, что именно в честь этого памятника Акмола (современная столица Казахстана) получила название. На этом настаивал герой второй мировой войны Рахимжан Кошкарбаев[374].

волости Сарытерек появился на свет один из знаменитых людей кыпчакского рода - Кажымукан Мунайтпасулы. И в роду Нияза был подобный силач - единственный ребенок Жабай батыра - Жангожа (1822-1862). Мать Койсан своего сына вырастила лелея, и Жангожа вырос сильным и образованным человеком.

Отец Абдулгафара (пятое поколение Нияз-бия) Жанбосын Жангожаулы (1847-1885 гг) долгие годы управлял Кара-Торгайской волостью. За знания и справедливость его почитал весь Торгайский край. Мать Абдулгафара Алуа (1840-1934 гг) из рода *аргын актас* была родственницей лидера казахской интеллигенции Ахмета Байтурсынова. После смерти отца Абдулгафара семья перебралась из Карасу в Каратогай, где они построили большой 4-комнатный дом[375].

М. Сулейменов приводит воспоминания Рахимы Садвакасовны Мусабековой, заслуженной артистки Казахстана. У Жанбосына и Алуа было трое сыновей: Абдулгафар, Садвакас, Жагыпар. Рахима - дочь Садвакаса. Алуа рассказывала о первой встрече с Жанбосыном в г. Торгае. Они друг другу понравились и решили создать семью. По традиции, Жангожа у побережья Кайынды ставит шестикрылую юрту для сына. Молодая сноха покорила всех своим мягким характером, религиозностью, почтением к родственникам. В результате место их проживания так стало называться «Алуа». Уже в советское время созданное здесь хозяйство тоже сохранило свое название. Жангожа продолжительный период был волостным, прожил сорок лет.

Надо отметить, что уровень образования сородичей был достаточно высоким, например, брат Жалмагамбет с отличием закончил школу Ы. Алтынсарина, младшие братья Дауыт, Садвакас были выпускниками Оренбургской гимназии. Соответственно владели русским языком. Сам же Абдулгафар был очень религиозен, получил мусульманское образование. По окончании медресе Сатыбалды ишана, он продолжил обучение в медресе Ахон-хазиретта в городе Троицке. В основе мусульманского образования лежало духовно-интеллектуальное развитие человека,

---

Казахстан. Национальная энциклопедия, т.8. Алматы, Атамура, 2010.

Кошкарбаев Р. *Женіс жалауы*. Алматы 1978 г.; *Даланыў дара ділмарлар.* Алматы: ТОО «Қазақстан» баспа іїі», 2001.

Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (ЦГА РК) Ф.25 Оп.1 Д.418.

придание жизни осмысленного созидательного начала. Целью исламского воспитания являлось привитие комплекса моральных качеств. Думается, здесь в будущем лидере было заложено постоянное стремление к справедливости.

1885 г. скоропостижно скончался Жанбосын, Абдулгафар был вынужден вернуться домой. Его отцу на момент смерти было всего 38 лет. Согласно воспоминаниям родственников, его отравили[376].

1890 г. он перевозит хозяйство отца с Улкен-Карасу в местность Караторгай. Совместно с братом Жалмагамбетом занялся поливным земледелием. Так же Абулгафар мастерски изготавливал из дерева *кебеже* (деревянный сундук для хранения продуктов, посуды), *сапты аяк* (черпаки для разлива кумыса), *бесик* (традиционная казахская колыбель для новорожденных детей). Через два года организовал строительство четырехкомнатного дома из красного кирпича, где двери, оконные рамы были сделаны самим Абдулгафаром. В Караторгайской волости такие дома были редкостью, на пересчет. Жители приходили посмотреть на такой дом, каждого приветливо встречала Алуа. Позже здесь хозяин отдаст комнату, а потом полдома для получения местными детьми религиозного образования. С ними занимались его родные дети: Магзум, Мырзагали. Еще в 1890 г. в возрасте 20 лет он женится на дочери известного своим богатством в Улытау бае Ердене Далтазе[377].

Хотя, как гласят семейные легенды, ему нравилась дочь Кулик-кажи Жамиля. Но по традиции она была засватана за другим. И чтя традиции, Абдулгафар не стал их нарушать. Вместе с Жамилей они решают, что им не быть вместе.

1902 г. Далтаза скончалась. От этого брака остались дети Кали, Назар, Рустем.

соответствии с обычаями, спустя год, он женится. Будучи в гостях у своей сестры Марии знакомится с будущей супругой Тынышбалой, у них возникает взаимная симпатия. Мария Жанбосынкызы была замужем за Тилеумбетом Алимжаном Умбетейулы. Они воспитали пятерых детей: Койшитай, Тайшытай, Мазикура, Жамиля, Шамшия. Тынышбала была сестренкой Алимжана, к ней сватался кокандский бай. Но тут Абдулгафар решил нарушить традиции и украл Тынышбалу. Ей тогда было 15 лет. В этом браке родились Магзум и Мырзагали.

По воспоминаниям Кабдена Калиулы, внука Жанбосынова, Тынышбала была особенной личностью. Благородными манерами она походила на ханшу. Обладала физической силой, умело обращалась с оружием. Так же она занималась врачеванием.

Круг общения Жанбосынова был широк. Он часто посещал родственника по материнской линии А. Байтурсынова, где встречался с его друзьями М. Дулатовым и другими, поэтому можно утверждать о знании Абдулгафаром политических процессов, протекавших в России. Абдулгафар неоднократно посещал г. Оренбург, Атбасар, Акмолинск. Но приоритетным для него была приверженность исламу, он часто беседовал с Файзолла-ишаном Сатыбалдыулы, почитал его.

Сулеймен М. *Әбдіғапар Жанбосынұлы*. Павлодар: ЖК «Сытина Н.И.», 2017, с.34.
ЦГА РК Ф.25 Оп.5 Д.496 л.37.

тоже время Абдулгафар не был консерватором, пытался взять на вооружение все лучшее. Проявлялось это и в одежде - наряду с национальными, он носил и европейские вещи. Как отмечает Харлампович: «Он не был враждебен русской власти, которая ему доверяла, и что русская культура ему не была чужда»[378].

меру своих возможностей Абдулгафар стремился мобилизовать коллективные общественные ресурсы в реализации социальных благ. Он по примеру известных представителей казахского общества возводил социальные, духовные и культовые объекты. Его предшественники и современники Ибрай Алтынсарин, Байкадам Каралдин, династия Беримжановых и многие другие стремились к распространению в казахском обществе светского и религиозного образования, ибо прекрасно осознавали востребованность в обществе просвещенных образованных людей, способных впоследствии развиваться и защищать свой народ. Абдулгафар Жанбосынов конкретными действиями осуществлял идею развития просвещения. Он лично патронировал созданную им казахскую аульную школу. Под помещение этой школы он выдал собственное жилище. А. Жанбосынов, осознавая значимость образования, стремился дать его своим родственникам, детям и землякам. В школе, открытой в доме Абдулгафара, вел занятия А. Балгымбаев[379].

Абдулгафар осознавал, что отстаивать свои взгляды лучше через властные институты. В 1908 г. он избирается волостным управителем. Как свидетельствуют архивные документы, в 1907 г. Сары-Тургайская волость была разделена на две: Караторгайскую и Сарытургайскую. Приказом за №5 от 1908 г. Сарытургайским волостным управителем 22.10.1907 г. избран Чонов Абдрахман, 2.09.1908 г. избран на три года волостным управителем Караторгайской волости Абдулгафар Жанбосынов[380]. Будучи в этой должности, он был ограничен в действиях, что стало впоследствии причиной отказа от данной службы. Но Абдулгафар по-прежнему считал своим долгом отстаивать справедливость. Так, при введении налога за 1914-1915 гг., он обязал выплачивать его зажиточных баев. Собрание по данному налогу проходило в ауле Саба. О налоге вел пояснения Садвакас, поскольку владел ситуацией. Именно Абдулгафар здесь предложил выплачивать повинность за неимущее население байским хозяйствам, к коим сам и принадлежал. Это налог и получил название «*бай-салык*»[381].

Волостными управителями в Караторгайской волости после Жанбосынова были его родственники: с 31 августа 1910 г. Дауыт Иржанов и с 11 ноября Садвакас Жанбосынов[382].

1915 г. случилось два знаменательных события, связанных с Амангельды Удербайулы Имановым. На ярмарке в г. Торгае в убийстве русского учителя в результате массовой драки были обвинены 30 человек, в том числе, Амангельды,

---

Харлампович К., сс.16-17.

Большаков Л. *Казахская энциклопедия*. http://file:///C:/Documents. Просмотрено 13.02.2019.

ЦГА РК Ф.25 Оп.5 Д.496 л.16.

«Догал согысы». *Жулдыз*, №6, 1992, с.181.

Сулеймен М., с.40.

Киякбай Уркимбайулы, Хакимбек Токеулы и др. Каждому грозил срок заключения от 18 месяцев до 3 лет лишения свободы. Озабоченный судьбой земляков, по совету А. Байтурсынова, Абдулгафар консультируется через Смагула Токеулыс с адвокатом П. Плевако. В результате предпринятых действий всех 30 человек после выплаты штрафа выпускают через 18 месяцев.

Другое событие произошло в июне 1915 года. В местечке Майдамтал волости Сейткерей прошло большое совещание, где присутствовали *бии* 10 волостей и решали вопрос о передаче Бирали-баю земли в Терисбутаке, переселив оттуда 50 семей родственников Амангельды Иманова. В 1916 г. 5 мая, когда Амангельды вышел из тюрьмы, Абдулгафар встретил его и помог обосноваться на новом месте.

Накануне событий 1916 г. авторитет А. Жанбосынова распространялся на шесть волостей, где проживали кыпчаки; на шесть волостей, населенных аргынами, и одну найманскую волость. С его мнением считались, все важные проблемы и спорные вопросы решались при его активном участии, чему есть ряд подтверждений. Так, в газете «Казах» за 1915 г. в 139 номере вышла статья «Дело партии»[383]. Здесь описываются события, связанные с барымтой. Группировка, которую и назвали партией Бирали, состоявшая из жителей Кайдаульской волости братьев Амангельды и Бектепбергена Удербаевых, украла скот у Кошимбека Рахметова. Последний, со своим другом, погнался вслед за ними, завязалась драка, в ходе которой сторонника Кошимбека ранили. В результате судебного производства 4 июня судья выносит решение пятерых взять под стражу.

мае на ярмарке А. Жанбосынов выступил в качестве судьи для решения проблемы. Это свидетельствует о привлечении А. Жанбосынова к решению общественных проблем, возникавших в регионе.

Вероятно, личности подобные А. Жанбосынову в яркой степени проявлялись в тот исторический период, когда в обществе в силу разных исторических причин ослабевали веками устоявшиеся государственные и социальные институты. Официально функционировавшая политическая и судебная системы оказались не в состоянии стабилизировать разрушаемые социальные связи и экономические модели

регионе. В обстановке тотальной коррупции и мздоимства с отчетливой силой проявлялись негативные факторы силовой направленности, которые следовало предотвращать и преследовать адекватными мерами воздействия. Именно в этот период начинающегося безвременья Абдулгафар интуитивно почувствовал свою силу и право человека, способного противостоять трагическим потрясениям судьбы.

А. Жанбосынов – лидер восстания на территории Торгайской области

При реализации указа о мобилизации чиновники сделали упор на авторитет аксакалов. На 1 сентября 1916 г. Тургайский губернатор назначает съезд аксакалов. На этом съезде должны были объяснить, что вся ответственность за призыв ложится

«Дело партии». *Казах,* №139, 1915.

на аксакалов, в противном случае, «если не явятся на призыв, то надлежащий аксакал будет подвергнут тюремному заключению»[384]. От Караторгайской волости на съезд обязали явиться А. Чачембаева, Ж. Жангужина, А. Жанбосынова, М. Байгужина[385].

В донесении губернатора Эверсмана на имя военного губернатора Сырдарьинской области, отмечается, что «Тургайский уезд является наиболее упорным в своем стремлении уклониться от мобилизации». В Кустанайском уезде реализация указа прошла более спокойно, и это Эверсман связывает с результатом проведенного собрания 1 сентября[386]. Об этом свидетельствует и статистика, в справке о числе принятых на тыловые работы по Тургайской области представлены следующие данные: Актюбинский уезд – 4761 человек, Тургайский уезд – 15, Кустанайский уезд – 5325 и Иргизский уезд – 74[32].

Как свидетельствуют архивные документы, помощник уездного начальника Ткаченко с 14 июня по 30 июля с целью закупки скота для армии объезжал волости уезда. Сообщение о мобилизации застигло его в тот период, когда он находился в местности, где проживал Абдулгафар Жанбосынов, в Караторгайской волости урочище Батпаккара, в 150 верстах от города. Как отмечает чиновник, «тут собралась огромная масса киргиз, которые настолько были возбуждены, что тотчас готовы были произвести беспорядки»[387].

А. Жанбосынов пользовался авторитетом среди народа. 21 ноября 1916 г. на курултае представителей 13 волостей на берегу озера Жалдама, в присутствии тысячников Карбоза, Косжана, Кейки, Досжана бия, он был избран ханом восставшего Тургайского уезда. Обращение к институту ханства было неслучайным. Известно, что самоорганизация повстанцев тяготеет к традиционным для них формам. Она, как пишет К. Жиренчин, как бы запрограммирована в организации политического строя, существовавшего до потери национальной государственности и установления колониального режима. Восставшее население стремится организоваться по принципам своего «мира»[388]. Также существует мнение, что необходимость избрания хана объясняется следующим образом: народ считал, что в смутные времена нужен хан – хозяин, авторитетный, смелый и справедливый человек. М. Козыбаев в своей статье утверждает, что повстанцы, воссоздав у себя традиционные институты управления, выразили подобным образом протест против царизма. Всенародно избранный хан, по мнению аксакалов, должен был обеспечить легитимность власти восставшего народа. Хан должен был своей властью обеспечить юридическую законность многих хозяйственных операций, главным образом, по снабжению армии восставших питанием, жильем и лошадьми. Необходимо отметить,

---

Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (ЦГА РК) Ф.25 Оп.1 Д.418 л.311.

ЦГА РК Ф.25 Оп.1 Д.418 л.318.

ЦГА РК Ф.25 Оп.1 Д.418 л.475. 32

ЦГА РК Ф.25 Оп.1 Д.419 л.6.

ЦГА РК Ф.25 Оп.1 Д.418 л.392.

Жиренчин К. *Политическое развитие Казахстана в XIX-начале XX веков*. Алматы: Жеті жарғы, 1996, с.261.

что практически во многих архивных документах, в донесениях колониального аппарата Абдулгафар именуется именно ханом. Хотя себя он требовал называть эмиром, поскольку не был чингизидом.

До событий этого периода зафиксировано избрание ханов по всей территории Казахстана. Так, в воспоминаниях Г. Станкевича «1916 г. в Иргизском уезде» отмечается: «Среди ушедших из аулов в степь лиц призывного воз раста началась организация отрядов по волостям, причем каждая волость выбрала себе предводителя хана. Так по Аманкульской волости был избран Ужге Каражанов, а после его смерти – Бижан Даганов; по Таупской – Айимбет Шобанов, по Кызыл-Джарской – Тайшим Урусов, по Кинжегаринской – Айжарык Канаев. Последнему было вве рено и общее руководство движением»[389].

К.В. Харлампович дает следующие характеристики: «Уроженец Караторгайской волости, мужчина лет 45, Абдулгафар принадлежал к сильному боевому роду (род Тлевлинцев) и, отстаивая интересы своих сородичей, всю жизнь провел в подвигах и занятиях, которые в старые времена доставляли славу отдельным казак-киргизам и уважение»[390].

Ставка Абдулгафар-хана разместилась в 15 км. от Урпека в зимовье Дукенбайулы Сейитказыма. На территории, контролируемой повстанцами, была отстранена от управления низовая аульно-волостная администрация. Были установлены принципы степной демократии. Одним из главных атрибутов демократии являются выборы. В выборе хана принимало участие все взрослое население, однако последнее слово оставалось за представителями родоплеменной верхушки. Каждый участник курултая мог высказать свое мнение о претенденте на ханский титул: в этом проявлялась специфика степной демократии. При этом каждый хан имел свои права и обязанности перед народом. И, если он их не выполнял и угнетал своих подданных, то, согласно обычаям, решением *маслихата* его низлагали.

хана отбирали всё имущество. Он не имел права сопротивляться; если хан или султан сопротивлялся и при этом пострадали люди, он обязан был выплатить выкуп[391].

Так же понятие степной демократии заключалось в том, что власть должна принадлежать большинству, т.е. народу, которого больше, чем баев. Отсюда и демократия как власть большинства. Все это мы видим в едином военном организме, созданном А. Жанбосыновым и А. Имановым, ставшим военачальником (*сардарбеком*), из неорганизованных повстанцев.

При *сардарбеке* функционировал *Кенес* – совет, состоящий из руководителей отдельных повстанческих отрядов. При *Кенесе* работал секретариат, решавший все административные вопросы, и судейская коллегия. Сардар имел двух помощников –

«Қаһарлы 1916 жыл: Құжаттар мен материалдар жинағы». *Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов)*. Гл. редактор М.К. Козыбаев. Отв. сост. Ж.Б. Сулейменов. Алматы: Қазақстан, т.2, 1998, с.80.

Харлампович К., с.18.

Магауин М. *Азбука казахской истории*. Алматы: Казахстан, 1997, с.185.

по военным и гражданским вопросам. Ему также подчинялись главы военно-гражданской администрации в волостях – *мынбасы*, которые в своей деятельности опирались на *елбеги*, в функции которых входил разбор споров между мирным населением и повстанцами. Хан не мог вынести ни политического, ни хозяйственного решения без согласования с *Кенесом.*

Для заведования финансами ханом назначался *казынаши,* ему подчинялись *жасакши* – сборщики налогов и продовольствия для повстанцев. Все налоги и повинности в царскую казну отменялись, вместо этого вводился *битамал* – 4 рубля со двора, кроме того, дополнительным налогом были обложены богатые казахские хозяйства. Они выплачивали *зякет* в количестве от 40 баранов - 1 баран, от 5 голов крупного рогатого скота в налог шла 1 голова. Для распространения письменных указаний и различных объявлений были установлены специальные пункты «*Кызыл-бекет*». Они устанавливались каждые 15-20 км., и строились из красного кирпича, отсюда и их название[392].

Состав *Кенеса* был следующий: заместители военачальника - Мусабайулы Омен, Рыспайулы Абиш; казначей, обеспечение армии лошадьми - Ержанулы Даут, Туйтебекулы Ыбырай; ответственный за обеспечение армии вооружением - Садвакас Жанбосынов; судебные функции - Карабайулы Досан, Манабайулы Косжан; судебное делопроизводство - Ержанулы Дауыт.

октябрю 1916 г. в Торгайском и Иргизском уездах насчитывалось до 20 повстанческих отрядов, в каждом из которых было по 2-3 тыс. человек. Повстанческие отряды объединялись в три группы. Первая группа, находившаяся на севере от Торгая, состояла из казахов Наурзумской и Сары Копинской волостей; вторую группу, расположившуюся к западу от Торгая, представляли отряды Тусунской и Шубаланской волостей; в третью группу (восточнее Торгая) входили отряды Кайдаулской, Аккумской и Караторгайской волостей. Как отмечают источники, сначала уезд распался на три ханства: северное, восточное и западное (называем их так по географическому положению в уезде). Но северное, состоявшее из двух Наурзумских волостей Аргынского рода, скоро было ликвидировано: нашли, что при близости к сплошному русскому населению трудно сохранить свою самостоятельность. Тогда область его отошла к двум другим ханствам. Западное ханство включало волости Турсунскую и Чубаланскую, населенную казахами Аргынского рода, почему и называлось Аргынским. Восточное ханство называлось Кипчакским, так как оно объединяло казахов Кипчакского рода»[39]. В процессе развития восстания А. Жанбосынов был избран «ханом» кыпчакских повстанцев, а у аргынских повстанцев – Шолак Оспанов. Но после избрания Абдулгафара единым ханом на курултае, он стал единым лидером.

Характерно, что в официальных источниках именно Абдулгафар позиционируется как руководитель восстания. Так мы встречаем следующего рода

---

[392] Кузембайулы А., Абиль Е. *История Казахстана (Учебник для вузов)*. Спб.: Соларт, 2004, с.263. [39] *История Казахстана (с древнейших времен до наших дней).* Алматы: Атамура, т. 3, 2000, с.648; «Қаһарлы 1916 жыл: Құжаттар мен материалдар жинағы.», с.71.

характеристики «с урочища Батпаккара отступавшая шайка хана Абдулгафара Жанбосынова»[393], «главное скопище киргизов под предводительством хана Абдул-Гафарова»[394], «главарь шайки мятежных киргизов, именующий себя ханом Абдулгафаром»[395].

На протяжении всего движения, Абдулгафар не терял своего авторитета, напротив, он только укреплялся. Харлампович пишет: «С достижением общепризнанного авторитета и выс шей власти Абдулгафар продолжал держаться скромно, умеренно и мягко не только по отношению к подчиненным, но и к врагам даже. Об этом, как и его практическом уме, свидетельствует проводившаяся им на совещании 4 ноября точка зрения, что город не следует брать штурмом»[396].

торгайским повстанцам присоединились казахи соседних областей. В ноябре 1916 г. число восставших достигло 50 тыс. Повстанцы почти полностью парализовали местный колониальный аппарат. Карательные отряды не могли подавить восстание. Основная масса повстанцев сосредоточилась в районе Батпаккары. Отсюда совершались партизанские рейды против карателей со второй половины ноября 1916 г. до середины февраля 1917 г. Схватки между повстанцами и карателями происходили на Татыре, Акчиганаке, Дугал-Урпеке, в Куйуке. Напряженными были бои в районе Батпаккары, где находилс я штаб. Бои развернулись во второй половине февраля 1917 г. В этих боях повстанцы встретили Февральскую буржуазно-демократическую революцию.

Несмотря на то, что на подавление восстания в Тургайской области были брошены мощные силы, карателям так и не удалось подавить выступление. Восстание Тургайской области прекратилось лишь после свержения царизма. Отмечая значение и результаты национально-освободительного восстания, необходимо отметить, что оно стало результатом пробуждения национального самосознания народа. Во главе данного движения стояли все слои казахского народа.

Позиция А.Жанбосынова в период революционных преобразований

После свержения царизма А. Иманов в сотрудничестве с А. Жангельдиным активно начал поддерживать большевиков. А. Жанбосынов же, общаясь и с А. Байтурсыновым, М. Дулатовым, не примкнул ни к алашевцам, ни к большевикам. Источники дают противоположные представления по позиции Абдулгафара в этот период. В качестве источников выступают воспоминания очевидцев, так Слесарев в мемуарах «Уроки восстания» отмечает: «При этом интересно, что из ряда восставших многие лица впоследствии участвовали в революционном восстании, и когда алаш-ордынцы были в Тургае, то многие восставшие, во главе, даже кажется, с Абдулгафаром, были на стороне советской власти, а сам Абдулгафар был убит алаш-

ЦГА РК Ф.25 Оп.1 Д.419 л.169.
ЦГА РК Ф.25 Оп.1 Д.134 л.196.
Иманов А., с.70.
«Қаһарлы 1916 жыл: Құжаттар мен материалдар жинағы.», с.73.

ордынцами»[397]. А вот Беркимбаев в воспоминаниях «Основной очаг восстания – в Тургае и Иргизе» пишет: «отряд Амангельды Иманова не был распущен, его группа джигитов осталось верной, он был стоек, но вот хан Абдулгафар – тот продался Алаш-Орде»[398].

18 марта 1917 г. в Тургайском уезде поселке Караторгай Абдулгафар-хан проводит собрание населения. Несмотря на то, что не все смогли прибыть, собрание стало довольно представительным. На нем принимается решение о создании временного комитета по управлению уездом, руководителем которого избирается Абдулгафар Жанбосынов.

При опоре на своих сподвижников в период восстания 1916 г., тысячников и *ельбеги*, Абдулгафар направил усилия на восстановление жизни и быта в регионе. Проблем накопилось достаточно много: это и обеспечение скота кормом, поскольку сено было сожжено в результате событий 1916 г., разрушенные зимовки, разгромленные дома.

О непризнании Жанбосыновым органов временного правительства свидетельствует следующий факт. На заседании Тургайского городского гражданского исполкома, протокол № 7 от 26 апреля 1917 г, рассматривается «устное заявление граждан города Торгая о временном арестовании впредь до приезда областного комиссара киргиз Джанбосынова А., А. Удербаева, К. Кокенбаева, Б. Каралдина, Б. Отузбаева, Д. Карабаева, С. Туякова и др. Упомянутые лица подстрекают киргиз к непривидению умиротворения горожан пострадавших от бывших киргизских беспорядков… »[399]. На основании документов от 2 мая 1917 года известно, что они были задержаны, «мера эта была вызвана необходимостью внести успокоение среди населения, требующего ареста, а в противном случае могли быть крупные беспорядки»[400]. Через некоторое время все задержанные были отпущены, о чем свидетельствует протокол № 10 от 4 мая 1917 г заседания Тургайского городского гражданского исполкома. «Постановили: Задержанных на 2 мая с.г. освободить из-под ареста…»[401].

этот период, как отмечает М. Сулеймен, в донесении А. Жангельдина в августе 1917 г. Амангельды характеризовался изначально негативным отношением к новой власти. Он хочет отделиться от России и создать свое ханство. Учитывая такое настроение, Жангельдин отмечает необходимость перетянуть на сторону большевиков А. Иманова.

Временное правительство в лице А. Букейханова пыталось найти компромисс в отношениях с местным населением. А. Букейханов встречается с наиболее авторитетными представителями местного населения: А. Жанбосыновым и А. Имановым. Комиссар Временного правительства А. Букейханов предлагал прекратить

АП РК Ф.811 Оп.20 Д.752 лл.32-35.
АП РК. Ф.811 Оп.20 Д.753 лл.2-4.
ЦГА РК Ф.18 Оп.1 Д.137 с.36.
ЦГА РК Ф.18. Оп.1. Д.13 с.1.
ЦГА РК Ф.18. Оп.1. Д.13 с.30.

сопротивление установлению власти Временного правительства. А. Жанбосынов и А. Иманов дали подписку в том, что согласны с предложением А. Букейханова[402].

Верно отмечает Д. Аманжолова, что позиция казахской интеллигенции и ее лидера А.Н. Букейханова в 1916 г. служит важным примером конструктивной практики достаточно искусного переговорщика и политического лоббиста, открывавшего окно возможностей для диалога власти и общественности[403]. 1916 г. вскрыл значительные сложности во взаимоотношениях светски образованных, встроенных в общероссийскую социально-культурную жизнь казахских интеллектуалов с традиционной этно-социальной элитой, из которой во многом и вышли казахские «западники», а также малочисленными приверженцами большевизма. Думается, что отношения с таким представителем традиционной этно-социальной элиты как А. Жанбосынов у Букейханова были сложными. Но консенсус находится уже в конце мая: «В области спокойно. Абдулгафар и Амангельды, об аресте которых я просил 18 мая, 797, моя телеграмма, приехали в Оренбург ко мне. Надеюсь их удержать без ареста»[404].

Следующий эпизод, вызвавший эскалацию напряженности, состоит в следующем. В июле 1917 г. органы Временного правительства при поддержке алашевцев проводят суд. Обсуждался вопрос о выплате денег участниками событий 1916 г. В знак протеста А. Жанбосынов и А. Иманов покидают данное мероприятие[405]. По воспоминаниям К Торыбаева, с Жанбосынова, как с руководителя восстания, потребовали выплатить компенсацию за погибших в период событий 1916 г., затребовали сумму в размере 60 тысяч рублей. Вот как об этом пишет А. Букейханов: «Желая прекратить грабежи, я созвал в гор. Тургай стариков обеих сторон и предложил им ликвидировать взаимные гражданские претензии мирным путем. Абдулгафар с Амангельды, не желая принять участия в совещании, выехали из Тургая. Успокоение уезда требует ареста их»[406].

событиях этого периода пишет в своих воспоминаниях Альжан Карабайулы, *мынбасы* (тысячник) восстания 1916 г.: «После получения известия о падении царской власти 25 марта 1917 г. в Оренбурге казахами стал управлять А. Букейханов, который пригласил на съезд торгайских представителей. Решили отправить Амангельды, Жалмагамбет Жангозина и меня. Когда прибыли в Торгай выяснилось, что уже уехали Жакып Дауренбеков, Тоймагамбет Котибаров, Байкадам Каралдин, Шайхы Кулжанов. В это время прибыл Алибий Жангельдин, который призвал поддержать большевиков и бороться за советскую власть, которая даст свободу народу. В ответ на эти действия Букейханов прислал телеграмму о необходимости взять Алиби под стражу. Там он просидел недолго и в мае отправился в Москву. На

ЦГА РК Ф.544 Оп.1б Д.63 с.39.

Аманжолова Д. «Восстание 1916 года в политической биографии А.Н. Букейханова». *Восстания 1916 г. в Азиатской России: Неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.* Ред.-сост. Т.В. Котюкова. Москва: Русский импульс, 2017, с.22.

Иманов А., с. 72.

ЦГА РК Ф.693 Оп.16 Д.156 л.22.

Иманов А., с. 71.

собрании в Оренбурге была создана Земская управа. В Торгае земским управителем был избран Корганбек Биримжанов[407].

А. Карабайулы так же касается отношений между Абдулгафаром и Амангельды по событиям 1915 г., которые трактуются как захват Абдулгафаром родовых земель Амангельды «Кара булак» и «Коколен». Начался конфликт, Амангельды со своими *жигитами* организовал поход на Абдулгафара и его отряд.

А когда начались события 1916 г. Абдулгафар предлагал сородичам через Семей уйти в Китай. Так в донесении Каретникова отмечалось, «хан Абдыгафар со своими приверженцами и имуществом намерен ранней весной откочевать через Улутавские горы по рекам Сарысу и Чу»[408]. И дальше он высказывает опасение, что Абдулгафар приверженцы хана вместе со всем скотом могут уйти за границу в Китай или Афганистан, и ему надо преградить дорогу. Этому воспротивился Амангельды.

После съезда в Оренбурге у Абдулгафара просит поддержки бывший волостной Ажибек. Но Амангельды, прибывший по поручению Алибия, назначил волостным Акмолду Нуркасымова.

В период, когда Абдулгафар управлял местностью Раис, он с 20 людьми хотел захватить богатый аул Токсанова. Эту весть донесли до Амангельды в Торгае, «который с 50 сарбазами выгнал Абдугафара из аула»[409]. Таким образом, воспоминания очевидцев свидетельствуют о противоречивых взаимоотношениях между Амангельды и Абдулгафаром.

25 октября (7 ноября) 1917 г. в г. Петрограде был совершен вооруженный переворот, приведший к власти коалицию наиболее радикальных частей социал-демократической рабочей партии и партии социалистов революционеров, большевиков и левых эсеров.

С ноября 1917 г. по апрель 1918 г. на всей территории Казахстана установилась Советская власть. Установление советской власти в Тургайской области и ее центре происходило в обстановке ожесточенной борьбы.

В декабре 1917 г. в Торгайскую область были отправлены отряды красногвардейцев, а в январе А. Дутов освободил город, но позже был вынужден отступить в степь. Тургайским областным комиссаром был назначен А. Жангельдин. Однако Советская власть носила, вероятно формальный характер и опиралась на отряды красной гвардии. Особенностью Советской власти было полное отсутствие аппарата и людей, способных организовать систему органов управления. В качестве сотрудников аппарата часто привлекались люди, имевшие опыт работы в чиновничьем аппарате царской России, либо имевшие какоенибудь образование. Иногда, видимо, на привлечение на работу в органы Советской власти влияли личные отношения.

В этот период существенно обострились отношения между представителями Советской власти и лидерами казахской национальной интеллигенции. 25 января А.

Сулеймен М. *Әбдіғапар Жанбосынұлы*. Павлодар: ЖК «Сытина Н.И.», 2017, с.148.

ЦГА РК Ф.25 Оп.1 Д.419 л.165.

Сулеймен М., с. 150.

Жангельдин направил из г. Оренбурга предписания в местные органы от имени Совета народных комиссаров арестовать в случае появления А. Букейханова, А. Байтурсынова и А. Омарова, выехавшим из Оренбурга. Перед органами Советской власти стояла задача в кратчайшие сроки создать собственный государственный аппарат. Если в Петрограде эта задача решалась посредством созыва Всероссийского съезда советов и привлечения в состав съезда представителей различных политических течений, то на местах эта проблема стояла достаточно остро. Одной из попыток образования органов Советской власти можно считать состоявшийся с 21 марта по 3 апреля 1918 года в г. Оренбурге съезд Советов рабоче-крестьянских и солдатских депутатов Тургайской области. Съезд был подготовлен и созван тогдашним чрезвычайным комиссаром Тургайской области А. Жангельдиным вместе оренбургской партийной организацией[410]. В работе съезда принимали участие 472 человека среди них А. Иманов, А. Жанбосынов, М. Туганчин, Н. Токарев, Б. Каралдин и другие известные личности. Вот как описывает эти события участник А. Карабайулы: «В 1918 г. пришло приглашение от Алиби для участия в съезде. По 10 человек от каждой волости. В нем приняли участие и Амангельды (от Кайдаульской волости) и Абдулгафар (Караторгайской волости), всего 480 человек. Каждому участнику выдано за каждый день по 25 рублей. Мы жили вместе со Смагулом Токиным, Николаем Токарев. Домой вернулись через 32 дня»[411].

Согласно воспоминаниям Толебая Карибаева в мае 1918 г. через ЫргызЧелкар должен был прибыть отряд А. Жангельдина с 500 бойцами. Об этом событии через посыльного Кутпана становится известно Оспану Шолакову, который сообщает Омару и Хакимбеку. В этот период Амангельды находился у Б. Каралдина. Некая группа людей, Зейнолла, Шайкы, Досжан, Бержан пыталась взять в плен Амангельды, но тот со своими джигитами сумел избежать ареста побегом. В местечке Сардар Серали он встречается с отрядом Жангельдина и вместе с ним вступает в город. Здесь Алиби сообщает о том, что существовавшая власть пала, о создании Советов и организует формирование районного Совета. В состав избранного Совета вошли 5 человек: Оспан Шолаков, Омар Тынымов, Амангельды Иманов, Абдрахман Иманкулов и Абдулгафар Жанбосынов.

Тургайский областной съезд, проходивший в Оренбурге, стал определяющим для А. Жанбосынова. С этого периода он четко определился не поддерживать ни Жангельдина, ни Букейханова. Хотя был в родственных отношениях с А. Байтурсыновым, тесно общался с М. Дулатовым, его сын Рустем активно сотрудничал с Алиби Жангельдиным. Абдулгафару не импонировали идеи большевиков и алашевцев. Как отмечает Файзолла Сатыбалдиев, А. Жанбосынов отмечал, что именно после падения царизма надо воспользоваться моментом, чтобы

Тургайский областной съезд Советов. Протоколы. Под ред. и вступ.статьей Н.Тимофеева. А-М.: Каз.краевое изд., 1936, с. 23.

Сулеймен М., с. 149.

полностью отойти от влияния России. Если этого не произойдет сейчас, казахи навечно останутся колонией[412].

ноябре 1918 года вновь была установлена Советская власть в Тургае. Председателем уездного исполкома на уездном съезде избирается Б. Каралдин. Военным комиссаром Тургайского уезда был назначен Амангельды Иманов[413].

Убийство Амангельды и трагическая гибель А.Жанбосынова

Весной 1919 г. в г. Торгае происходит контрреволюционный переворот, который возглавили деятели Алаш-орды М. Дулатов, А. Темиров и другие. 20 апреля алашординцы, после получения известия о приближении отряда Тарана к Тургаю, свергли Советы, восстановили органы местного самоуправления, подчиненные Омску. Направили навстречу отряду Тарана свои силы, разоружили его, а сам Таран был доставлен в Тургай. Для восстановления власти Советов выступил отряд А.Е. Жиляева. 17 мая его отряд завязал перестрелку у Тургая. Вот как описывает данные события Ужгин: «Приближаясь к Тургаю, партизаны расспрашивали и узнавали о судьбе военкома Амангельды Иманова, Л. Тарана, Н. Иноземцева и других советских работников. Одни рассказывали, что узники алаш-орды живы и находятся в тюрьме, другие же говорили, что они все расстреляны. Из расспросов казахской бедноты выяснилось и то, что алашордынский гарнизон Тургая состоит из 800 джигитов, вооруженных трехлинейными винтовками и 4 пулеметами. Всем стало ясно, что предостоит упорный бой.

10 километрах от Тургая алашордынские джигиты обстреляли разведку партизан. Отряд партизан развернулся в боевой порядок двумя колоннами. 17 мая 1919 года с раннего утра до позднего вечера продолжался бой. Наступающие цепи партизан упорно продвигались вперед. После приближения вплотную к городу был дан приказ о штурме. С громовым «ура», на плечах побежавших алашордынцев партизаны ворвались в город. На мосту через реку Тургай джигиты сделали последнюю попытку к сопротивлению, однако были смяты и утоплены, немногие спаслись бегством... Вследствие темноты партизаны не стали преследовать бегущих из города алашордынцев, ночь провели без сна, посменно находясь в разъездах, охранявших подступы к городу.

Утром из опросов жителей и бывших красноармейцев военкома Иманова, примкнувших к партизанам, выяснилось, что никого из арестованных алашордынцами живых не осталось.»[414].

Сулеймен М., с.155.

ЦГА РК Ф.135 Оп.1 Д.439 с.15.

Ужгин С., Фролов Н. *Партизанское движение против Колчака*. Казгосиздат, 1957, с.92.

сложившейся обстановке в ночь с 17 на 18 мая 1919 года в Торгае были расстреляны А. Иманов и несколько других видных представителей Советской власти (К. Иноземцев, Таран)[415].

советской исторической литературе данный факт получил различные оценки. казахстанской историографии существовало подозрение о причастности к этим событиям различных личностей, например, Б. Каралдина. Эти подозрения высказаны в целом ряде статей историков и литераторов[416].

Основой для подозрений явилась поддержка, оказанная Байкадамом Каралдиным алашординцам в марте 1919 года во время установления контактов по вопросу перехода на сторону советской власти. Однако в период алашордынского переворота и убийства А. Иманова, т.е. в апреле – мае 1919 г. Б. Каралдин находился Москве вместе с А. Жангельдиным, А. Байтурсыновым и участвовал в переговорах, вследствие чего он не мог принимать участия в уничтожении А. Иманова.

Вместе с тем известно, что в отношениях между Б. Каралдиным и А. Имановым, несмотря на длительную совместную работу, возникали серьезные разногласия. По воспоминаниям Г. Мусрепова, между Б. Каралдиным и А. Имановым летом 1918 г. произошел следующий инцидент. Амангельды, назначенный военкомом уезда, начал борьбу с байской группировкой в Совдепе. Он собирался создать Ревком вместо действовавшего Совдепа, включив в него новых людей. В связи с этим всячески препятствовал работе А. Жанбосынова, Б. Каралдина и других «баев». Для выяснения создавшегося положения, А. Жанбосынов и Б. Каралдин приглашали А. Иманова на квартиру Балгимбаева, но согласие между лидерами Тургая достигнуто не было[417].

Также существовала версия убийства А. Иманова М. Дулатовым. На страницах 12 томного дела расследования касательно Алаш-орды есть объяснение, собственноручно написанное Миржакыпом Дулатовым на русском языке: «Я виновен смерти Амангельды Иманова. Но я лично сам не убивал его. Я понимаю свою ответственность. Потому, что мы заключили Амангельды по подозрению. После того, как мы услышали весть о том, что с Кустаная едут отряд красноармейцев, я вместе с частью отряда вышел им навстречу в 30 километрах от Тургая», - написал он. Иными словами, когда был убит Амангельды, Миржакыпа не было в городе[418].

причастности к убийству народного героя был обвинен и Абдулгафар Жанбосынов. Как отмечает М. Козыбаев, начали активно распространяться слухи о причастности к смерти Амангельды А. Жанбосынова. И в какой-то момент, Алиби Жангельдин поверил данным слухам[66].

Брайнин С., Шафиро Ш. *Очерки по истории Алаш-Орды*. А-М: Казкрайиздат, 1935, с.72.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1943.; *Қазақ ССР тарихы. Социализм дәйірі.* Алма-Ата, т.2, 1961; *Батырдыў биік тұлғасы*. Алма-Ата, 1986.

АП РК Ф.811 Оп.6 Д.227 л.3.

Каримхан З. *Миржакип не убивал Амангельды*. https://e-history.kz. Просмотрено 13.02.2019. [66] Козыбаев М. *Жауды шаптым ту байлап*. Алматы, 1994, с.62.

Арест Амангельды весной 1919 года, по воспоминаниям Р. Абдулгафарова, происходил следующим образом: 19 апреля 1919 г. Дулатов, Касымов, Каратлеуов посылают делегацию в лице Токтабаева Д., Атабаева С., Кульджанова на квартиру Иманова (дом Мулюкова Файзрахмана). Эта делегация с Кораном в руках, используя различные доводы, уговорила А.Иманова пойти в штаб АлашОрды, где он и был схвачен. Непосредственно заинтересованным человеком в аресте Амангельды называют Балыкова Кочумбека, который враждовал с ним, а также Удербаева Бектебергена. Вражда с Бектебергеном берет начало в 1917 году, когда последний обокрал склад Байконурского каменноугольного копи и после чего администратор обратился к Амангельды, который приехал, установил факт кражи и публично избил Удербаева Бектебергена[419].

Такой поступок оказался позором для него. Естественно, что после публичной экзекуции Бектеберген затаил в себе самые негативные чувства к родственнику.

После известия о гибели Амангельды, происходит совещание между Абдулгафаровым Р., Жанбосыновым А. и А. Жангельдиным. На нем, учитывая все обстоятельства и факты, приведшие к гибели Иманова, собравшиеся пришли к выводу, что эти события стали возможными из-за допуска алаш-ординцев в марте 1919 года в город при оружии. Главными виновниками ареста и гибели Амангельды Иманова, по мнению Р. Абдулгафарова, А. Жанбосынова и А. Жангельдина, являются его родственники: Балыков Кочумбек и Удербаев Бектеберген.

По версии Абдулгафарова Рустема, именно Абдулгафар поставил в известность А. Жангельдина, находившегося в штабе Актюбинского фронта, о событиях, происходящих в данный момент. Переговоры велись так же с Токаревым, Т. Мукашевым, Ж. Беисовым, С. Сарбасовым. Именно после этого разговора в Тургайский уезд направляется член Тургайского облисполкома Койдосов К. «для проведения указаний штаба, совместно с раннее выехавшим Буркутовым». По прибытию в город Торгай, алаш-ординцы взяли у них подписку о невыезде. Затем они направились к Абдулгафару, где, посовещавшись, пришли к следующему решению: дальнейшее пребывание чревато арестом и для информированности штаба необходимо Койдосову и Буркутову вернуться в Челкар. А. Жанбосынов снарядил лошадьми и сопровождающего. Сам же Абдулгафар выехал в свой аул. А на следующий день произошло убийство Амангельды. Таким образом, он «находился в своем ауле в 250 верстах от Тургая и не участник в убийстве Амангельды»[420].

Осенью 1919 г. к отряду Жангельдина присоединяется Тойгужин Мукаш. В той характеристике, которую дает Рустем Абдулгафаров, отмечается, что Тойгужин - старый царский волостной управитель, действовавший против Абдулгафара, который был одним из инициаторов требования выплаты контрибуции А. Жанбосыновым за события 1916 г. Именно он, воспользовавшись отъездом Жангельдина в г.Оренбург, организовывает вместе с родственниками Амангельды: Б. Кочумбеком,

---

АП РК Ф.811 Оп.6 Д.166 л.21.

АП РК. Ф.811. О.6. Д.166, л.20.

Бектепбергеном, Сутемгеновым и Бектасовым О., Кокембаевым К. дело против Абдулгафара и вовлекает Бактыгереева.

Именно подозрение к причастности Абдулгафара к убийству Амангельды привело к его гибели, отмечают биографы Жанбосынова. Это подозрение поддерживалось следующими событиями. В начале лета 1919 г. в местности Кусеген представители рода Амангельды созвали совет из 8 биев, который вынес решение о выплате Абдулгафаром куна (штраф) за смерть Амангельды в размере как за два человека. На что А. Жанбосынов дал согласие. Но сородичей Амангельды не удовлетворило решение биев, они потребовали наказание «кровь за кровь». Согласие Абдулгафара на выплату штрафа дало основание считать его виноватым, хотя его родственники утверждали, что он дал согласие с целью погашения конфликта. Абдулгафар всегда стремился к мирному урегулированию всех проблем, даже если для этого надо было поступиться принципами. Так согласно преданиям, когда обсуждался вопрос, кто виновен в гибели Амангельды, он сказал следующее: «Чтобы быть самостоятельным государством, мы должны быть едины. От смерти одного Амангельды род кыпчак не станет меньше»[421].

21 ноября 1919 года Абдулгафар был застрелен в спину во время чтения намаза на сопке Зауре. Как отмечается в воспоминаниях, по поручению Алиби Жангельдина красногвардейский отряд во главе с Шамилем Каратаевым прибыл с особым поручение в Батпаккару. Абдулгафар знал о том, что они должны были его уничтожить. Он советуется с Файзоллой-ишаном о своих дальнейших действиях. Основная задача, стоявшая перед Абдулгафаром, - не допустить кровопролития родных и близких. Поэтому он принял решение не оказывать сопротивление. Он разместил отряд в ауле, дал ночлег, накормил. А утром на рассвете вместе с ними направился в город. Когда настало время намаза, Абдулгафар, будучи правоверным мусульманином, решил совершить обряд. Именно в этот момент его настигла смерть. По одной из версий, это совершил родственник Амангельды по имени Тугел, отметив: «Вчера ты убил Амангельды, сегодня твоя очередь»[422]. Судьба многих выдающихся представителей казахского общества оказалась в условиях становления советского режима трагичной. Большая часть их была физически уничтожена, это коснулось и Абдулгафара Жанбосынова, имя которого на долгие десятилетия было предано общественному остракизму.

Его потомки, пятеро сыновей, разделили эту печальную участь в период сталинского тоталитаризма. В процессе следствия по Батпаккаринскому восстанию 1929 года расстреливаются сыновья Жанбосынова Магзум и Назар Абдигапаровы, Кали отправляется в ссылку на 5 лет. Его младший брат Садман (Садуакас), близкий родственник Уали Жалмагамбетов и другие приговариваются к расстрелу решением тройки[423]. Рустем - младший сын Абдулгафара участвовал в подавлении восстаний

Сулеймен М., с.157.

Жас Алаш. 29 июня 2010, с.2.

Еримбетова К. «Торгайское восстание. Репрессии поколений». https://e-history.kz. Просмотрено 13.02.2019.

белогвардейцев в Оренбурге, Астрахани и ханской орде. В 1918-1919 гг. Рустем возглавлял интернациональный отряд разведчиков Красной Армии, позднее его также ждал расстрел. Когда Ахмета Байтурсынулы вновь поймали 8 октября 1937 года, Рустем вместе с ним был посажен за решетку. В процессе обыска дома Рустема и Катез обнаруживается толстая рукопись Ахмета Байтурсынулы «История культуры». Помимо сожжения рукописи, будет предъявлено обвинение за утаивание «опасного» произведения «политически ненадежного» человека, каким считали А. Байтурсынова. Так же «выявят» «преступление» Байтурсынулы по распространению обращения казахскому народу, которые были переписаны и размножены Рустемом. Катез была приемной дочерью А. Байтурсынова. Соответственно Рустем считался зятем известного алашевца. Как отмечает исследователь К. Мауленов, К. Карпыков в протоколе допроса от 9 декабря 1929 года свидетельствовал: «Известный националист Ахмет Байтурсынов, за день до ареста, заставил своего зятя Рустема Абдулгафарова писать под свою диктовку воззвание всем поддерживающим националистов лицам казахского населения». Там же он отмечает: «Зять Ахмета Байтурсынова Рустем Абдулгафаров служит в г. Кызыл-Орде инструктором Казживотноводческого союза, происходит из Батбаккаринского района Кустанайского округа, сын бывшего волостного управителя Абдулгафарова, расстрелянного в 1920 году красными, как бежавшего от преследования Чрезвычайной комиссии по борьбе с бандитизмом за участие в расстреле в 1919 году Торгайского военного комиссара Амангельды Иманова белыми»[424].

Младший сын Абдулгафара Жанбосынова Мырзагали родился в 1910 году. После начавшихся гонений на родителей и родственников, не видя просветлений в будущем, переезжает в Узбекистан. Тем самым спасает свою семью от бед.

Долгое время могила Абдулгафара не была известна широкому кругу. Только к 1970 году потомки Абдулгафара Кабден и Габдолла своими руками возведут гробницу с «четырьмя выступами», а после обретения независимости под руководством Кабдена Калиулы, Сагадата Едигеулы и Марата Мырзагалиулы появится возможность построить на том месте белый мавзолей.

Заключение

истории народа особое место занимают исторические личности, сыгравшие значительную роль в национально-освободительных движениях за сохранение национальной государственности и территориальной целостности казахского народа. Влиятельной политической силой проявила себя степная элита. Неизмерима их роль в сохранении казахским народом национальной целостности и суверенитета. В сложный период начала XX столетия на территории национальных окраин царской России ответственность за судьбы народа и государства взяли наиболее активные слои, которые в силу своей образованности и интеллектуального потенциала

[424] Мауленов К. «Неизвестное восстание в Кустанайской степи. Дело №702». *Казахстанская правда*, 22.05.2003. http://nomad.su/?a=15-200305220015. Просмотрено 3.11.2019.

обладали авторитетом для массового сознания. Таковым стал наш герой Абдулгафар Жанбосынов.

Рассмотренные качественные характеристики Абдулгафара Жанбосынова: статус, политический вес, харизма, нравственные качества позволяют утверждать о легитимации его как лидера в событиях 1916 года на территории Торгайской области. Харизматический лидер Абдулгафар Жанбосынов получил власть естественным путем благодаря своим личностным качествам. Формированию таких качеств способствовало происхождение Абдулгафара. Семейное окружение и генеалогия формировали идейно-нравственные представления, заложили такие качества как гордость, стремление к образованию.

меру своих возможностей А. Жанбосынов стремился мобилизовать коллективные общественные ресурсы в реализации социальных благ. Он по примеру известных представителей казахского общества возводил социальные, духовные и культовые объекты. Его предшественники и современники Ибрай Алтынсарин, Байкадам Каралдин, династия Беримжановых и многие др. стремились к распространению в казахском обществе светского и религиозного образования, ибо прекрасно осознавали востребованность в обществе просвещенных образованных людей, способных впоследствии эволюционировать и защитить свой народ. Абдулгафар конкретными действиями осуществлял идею развития просвещения. Он выдал часть собственного жилища под помещение школы. В дальнейшем он способствовал функционированию этой школы.

Имея ярко выраженную индивидуальность, собственную систему ценностей, Абдулгафар устанавливает свои правила и следует им, невзирая ни на что. Харизматическое лидерство Жанбосынова наиболее эффективно проявилось в кризисный момент. Руководство Абдулгафаром восстания еще раз подтверждает тезис, что почти все подобные явления в истории возглавлялись представителями высших управленческих слоев. Данному аспекту имеется вполне логическое объяснение. Основу восстаний или движений всегда составляли представители простого народа, та категория, которая именуется средним и бедным сословием населения, так как она составляет основу любого населения. Управленческие функции, в большинстве случаев, всегда оставались в руках баев, которые имели определенное образование, влияние и авторитет среди местного населения, могли стратегически мыслить и т.д. Следует отметить, что для казахской среды такое положение являлось нормальным, так как баи или аксакалы руководили казахской общиной, которая основывалась на родственно-патронажной взаимосвязи. В большинстве случаев, именно они направляли в нужном русле настроение народа. Реставрация традиционных политических структур, которые упразднялись представителями царской администрации в период колонизации, отражало степень сознания широких слоев населения и явилось своеобразным актом рекламации против царизма. Именно данное обстоятельство определило избрание восставшими лидеров движения из представителей степной аристократии. Отсюда избрание ханом Тургайского восстания Абдулгафара Жанбосынова.

Восстановившаяся традиция управления казахским обществом в 1916 г. больше отражает попытку казахского народа восстановить основную функцию хана, а именно защиту территории и ведение переговоров, в данном случае – с российскими властями.

сложный период гражданского противостояния идейно-нравственная позиция представителей казахской интеллигенции и степной элиты была направлена на защиту интересов казахского этноса. Методы и формы отстаивания политических идей диктовались трагическими реалиями исследуемой эпохи. Алгоритм поведения и мотивация поступков А. Жанбосынова определяется его обеспокоенностью за дальнейшее развитие государственности. Он отражал взгляды той категории казахского социума, которая не приемлила большевистскую концепцию, и не приняла идеи алашевцев. Видение дальнейшей политической системы в казахской степи он никак не связывал с Россией. В советской историографии детально описано большевистское течение, за годы независимости отечественные историки исследовали деятельность и взгляды движения Алаш, а часть общества, выразителем интересов которых был А. Жанбосынов, еще ждет своего изучения.

Алгоритм действия А. Жанбосынова поддается научному анализу и вполне предсказуем. Реакция утверждавшейся советской власти отразилась в репрессивном акте по отношению к Абдулгафару и носителям аналогичного сознания. Физическая ликвидация А. Жанбосынова сочеталась с морально-психологическим остракизмом его имени и семьи, что характерно для советского периода.

Список источников и литературы

Абдрахманов Ю. «Незабываемая годовщина (К 15-летию восстания в Киргизии)». *Советская Азия*, кн. 5-6. Москва, 1931, сс.70-175.

Аймағамбетұлы Р. 1916 жылғы Торғай қазақтарының ұлт-азаттық көтерілісі және Амангелді Иманов. https://e-history.kz/kz/books/library/view/490. Просмотрено 3.11.2019

Аманжолова Д. «Восстание 1916 года в политической биографии А.Н. Букейханова». *Восстания 1916 г. в Азиатской России: Неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.)* Ред.-сост. Т.В. Котюкова. Москва: Русский импульс, 2017.

Батырдың биік тұлғасы. Алма-Ата, 1986.

Большаков Л. «Казахская энциклопедия». http://file:///C:/Documents. Просмотрено 13.02.2019.

Брайнин С., Шафиро Ш. *Очерки по истории Алаш-Орды*. А-М: Казкрайиздат, 1935.

Брусиловский Е. *Судьба – великий драматург: Воспомин ания*. Сост. И. М. Самигулин. Алматы, 2014.

Даланың дара ділмарлар. Алматы: ТОО «Қазақстан» баспа үйі», 2001.

«Дело партии». *Казах,* №139, 1915.

«Догал согысы». *Жулдыз*, №6, 1992, с.181.

Жас Алаш. 29 июня 2010.

Жиренчин К. «Политическое развитие Казахстана в XIX-начале XX веков». Алматы: Жеті жарғы, 1996.

Еримбетова К. «Торгайское восстание. Репрессии поколений». https://e-history. kz. Просмотрено 13.02.2019.

Иманов А. *Статьи, документы, материалы*. Ред. С. Бейсембаев, Казахстан, 1973.

История Казахстана (С древнейших времен до наших дней). Алматы: Атамура, т. 3, 2000.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1943.

Қазақ ССР тарихы. Социализм дәуірі. Алма-Ата, т.2, 1961

Казахстан. Национальная энциклопедия, т.8. Алматы, Атамура, 2010.

Каримхан З. «Миржакип не убивал Амангельды». https://e-history.kz. Просмотрено13.02.2019

«Қаһарлы 1916 жыл: Құжаттар мен материалдар жинағы». *Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов)*. Отв. сост. Ж.Б. Сулейменов. Гл. ред. М.К.

Козыбаев. Алматы: Қазақстан, т.2, 1998.

Козыбаев М. *Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана*. Алматы: Ғылым, 2006.

Козыбаев М. *Жауды шаптым ту байлап*. Алматы, 1994.

Кошкарбаев Р. *Женіс жалауы*. Алматы 1978.

Крафт И. «Сборник узаконений о киргизах степных областей». *Электронный ресурс. Сост. ст. советник Тург. обл. правл. И.И. Крафт, И.И. Крафт.* Скл. изд. у авт., 1898. https://rucont.ru/efd/6051. Просмотрено 13.02.2019.

Кузембайулы А., Абиль Е. *История Казахстана (Учебник для вузов)*. Спб.: Соларт, 2004.

Магауин М. *Азбука казахской истории*. Алматы: Казахстан, 1997.

Мауленов К. «Неизвестное восстание в Кустанайской степи. Дело №702». *Казахстанская правда*, 22.05.2003. http://nomad.su/?a=15-200305220015. Просмотрено 3.11.2019.

Мырзағалиұлы М. *1916-1917 жылдардағы Торғай қазақтарының көтерілісі.* Алматы: Атамура, 2005.

Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 г.: Характер, движущие силы, уроки. Алматы: Фонд XXI век, 1997.

Сулеймен М. *Әбдіғапар Жанбосынұлы*. Павлодар: ЖК «Сытина Н.И.», 2017.

Тургайский областной съезд Советов. Протоколы. Под ред. и вступит статьей Н.Тимофеева. А-М.: Каз.краевое изд., 1936.

Ужгин С., Фролов Н. *Партизанское движение против Колчака*. Казгосиздат, 1957.

Усенбаев К. *1916: героические и трагические страницы*. Бишкек, 1997.

Харлампович К. *Восстание Тургайских казах-киргизов 1916-1917 гг*. Кзыл-Орда, 1926.

Архивные материалы

Архив Президента Республики Казахстан (АП РК) Ф.811 Оп.20 Д.752.

АП РК Ф.811 Оп.20 Д.752.

АП РК Ф.141 Оп.1 Д.1059

АП РК Ф.811 Оп.20 Д.752.

АП РК Ф.811 Оп.20 Д.753.

АП РК Ф.811 Оп.6 Д.227.

АП РК Ф.811 Оп.6 Д.166.

Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (ЦГА РК) Ф.25 Оп.1 Д.418.

ЦГА РК Ф.25 Оп.5 Д.496. 10. ЦГА РК Ф.25 Оп.1 Д.419. 11. ЦГА РК Ф.25 Оп.1 Д.134.

ЦГА РК Ф.18 Оп.1 Д.137.

ЦГА РК Ф.18 Оп.1 Д.13.

ЦГА РК Ф.544 Оп.1б Д.63.

ЦГА РК Ф.693 Оп.16 Д.156.

ЦГА РК Ф.135. Оп.1 Д.439.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРИЧИН И ПОТЕРЬ 1916 ГОДА

Высочайшее повеление от 25 июня 1916 года - документ двойного назначения

Владимир Шварц

Аннотация

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов исследуется вопрос о формировании идеи привлечения инородческого населения Российской Империи к работам для нужд действующей армии. Показано, что инициатива привлечения кочевого населения к окопным работам исходила не от военных, а из Переселенческого управления Министерства земледелия, которое тогда же занималось срочным освобождением колоссальных территорий в Азиатской части империи для заселения русскими солдатами, отличившимися в сражениях Первой мировой войны. Описаны возможные пути лоббирования реквизиции и роль чиновников различных ведомств подготовке окончательной редакции Высочайшего повеления. Показано, что в конечном итоге «теневая» задача высвобождения принадлежавших киргизам-кочевникам земель была решена в полном объеме, а декларированная цель оказания помощи фронту, «спущена на тормозах» и, по сути, забыта. При этом травма, нанесенная киргизскому народу Үркүн, остается незаживающей раной и столетие спустя.

Ключевые слова: *Семиречье, причины восстания 1916 года, реквизиция инородцев, переселенческая политика, теория провокации*

Какую пользу принесли реквизированные инородцы воюющим армиям?

5 мая 1917 года, когда до завершения Первой мировой войны оставалось еще полтора года, Временное Правительство России, рассмотрев представление Военного министерства, приняло решение «возвратить на родину всех реквизированных на основе указа от 25 июня 1916 года для работ на фронте и на оборону инородцев»[425]. Решение о возвращении домой рабочих из Туркестанского края было принято еще за 10 дней до «общего отбоя» - 24 апреля 1917 года[426]. Так закончилась «служба на благо Отечества» для двух с лишним сотен тысяч мужчин с восточных окраин России. Если брать за начало этой истории заседание Совета Министров от 3 мая 1916 года, на котором, как принято считать, впервые было озвучено предложение создавать «особые рабочие отряды» для нужд фронта, то вся эпопея с «реквизицией труда инородцев» продолжалась один год и два дня. Каковы же были практические результаты этой кампании, сдвинувшей с места огромные массы людей и потребовавшей огромных затрат?

В каких-либо нужных для армии или полезных для борьбы с врагом результатах этой «реквизиции», как ни удивительно, практически ничего не известно. Во всяком случае ни рапорты, ни доклады о хотя бы одном метре «окопов и других

«Док. №115. Сообщение о постановлении Временного правительства *Қаһарлы 1916 жыл: Құжаттар мен материалдар жинағы. Грозный 1916-й год. (Сборник документов и материалов),* т.1. Ред. М.К. Козыбаев. Алматы: Қазақстан, 1998, с.368.

Подпрятов Н.В. «Этнические строительные отряды русской армии на фронтах Первой мировой войны». *Власть*, №10, 2013, сс.160-164.

оборонительных сооружений», созданных в районах действующей армии трудом реквизированных рабочих до настоящего времени не выявлены. Зато есть отчет о том, каких тяжелых условиях находились реквизированные азиаты в земляных бараках и списанных вагонах-теплушках, стоявших в тупиках станции «Сортировочная» в Петрограде. Описав эти условия, подпоручик Азиатской части Главного Штаба А.С. Матвеев, посетивший 15 марта 1917 года место, где в течение 5 месяцев находились 1300 туркестанцев, заканчивает свой отчет словами[427]: «Впечатление от этого посещения прямо ужасное, кажется, будто привезены были туземцы Туркестана не для работ, а для создания в них ненависти к русскому государству».

Эта эмоциональная, несвойственная офицерам Генерального Штаба, реакция ярко свидетельствует, что и в 1917 году у людей, непосредственно соприкоснувшихся с привезенными в европейскую Россию инородцами, возникало впечатление явного несоответствия методов, которыми проводилась эта кампания, с той целью, которая была официально заявлена при обосновании этой акции.

связи с этим и сегодня - век спустя представляется вполне обоснованным вопрос: зачем было нужно затевать всю эту суету летом 1916 года, если через 8 месяцев люди были отправлены обратно, не сделав ничего заметного ни для фронта, ни для победы?

Известные ныне факты позволяют дать ответ, отражающий реальное положение дел: задуманная и осуществленная операция по «реквизиции рабочих» оказалась не просто бесполезной с точки зрения поддержки боевых действий, но нанесла прямой вред обороноспособности России. С 15 сентября 1916 по май 1917 года на содержание и транспортировку «рабочих» были израсходованы не только установленные законом деньги на оплату реквизированного труда, но значительные продуктовые и транспортные ресурсы, которые были так необходимы воюющим армиям.

В связи с этим возникают другие вопросы: Кто персонально виноват в этом неэффективном расходовании ресурсов? Кто выдвинул и лоббировал идею использования мужчин из числа освобожденных от воинской повинности народностей для проведения строительных и иных работ в тысячах верст от их дома? Кто придал этой акции такие форму и содержание, что она, нанеся существенный ущерб, была свернута, не дав никаких практических результатов?

Ответы можно найти обратившись к событиям, предшествовавшим 25 июня 1916 года, то есть к обстоятельствам возникновения идеи «реквизиции труда инородцев для работ в районах действующей армии». Этим обстоятельствам и посвящена настоящая статья, которая является развернутым комментарием к хронологическому документальному описанию действий различных ведомств и должностных лиц, представленному в докладе[428] автора настоящей статьи на Международном

Зорин А. «Из истории восстания казахов и киргизов в 1916 году». *Борьба классов*, № 7-8, 1932, сс.137-

Шварц В.И. «Григорий Бройдо заблуждался... Но в чем?.. Семиреченские хроники 1916 года». *СДКФ,* http://daniyarov.kg/2019/06/05/vladimir-shvarc-grigoriy-broydo-zablu/. Просмотрено 11.11.2019.

симпозиуме «Восстание 1916 года в Центральной Азии: академическая интеграция, новые подходы и знания» (31 мая-1 июня 2019 года, Каракол, Кыргызская Республика).

Был ли генерал М.В. Алексеев автором идеи создания «особых рабочих отрядов»?

современной историографии событий, связанных с реквизицией инородцев в 1916 году, распространено мнение, что единоличным автором идеи привлечь к строительству прифронтовых сооружений освобожденных от воинской повинности жителей российских окраин является начальник Штаба Ставки Верховного Главнокомандующего, генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев. Документом, на основании которого делается такой вывод, является «Особый журнал Совета министров 3 и 6 мая и 14 июня 1916 года: По вопросу о пополнении рабочих дружин, предназначенных для производства работ по устройству оборонительных сооружений военных сообщений в ближайших к фронту местностях»[429], который был согласован императором Николаем II 30 июня 1916 года, то есть на 5 дней позже самого Высочайшего Повеления о реквизиции.

Приведем соответствующие выдержки этого документа: «При обсуждении состоявшимся в Ставке Верховного Главнокомандующего 24 апреля 1916 г. особым совещанием при участии подлежащих военных властей и представителей Министерств Военного и Внутренних Дел некоторых вопросов, связанных с производством работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в ближайших к фронту местностях, выяснилось, что потребность в рабочей силе для таковых работ определяется в количестве одного миллиона людей. Признавая удовлетворение этой потребности в полном объеме, необходимым для успеха ведения войны, Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего полагает, что в случае, если окажется невозможным получить нужное число рабочих иными путями, придется вновь прибегнуть к реквизиции труда в районе театра военных действий.

Однако подобная мера, по мнению генерал-адъютанта Алексеева, должна почитаться лишь крайним средством, так как она вызвала бы полный застой сельского хозяйства в тыловых местностях... Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего обратился к Председателю Совета Министров с просьбой обсудить, не представится ли возможным приискать потребный для армии кадр рабочих в губерниях, вне театра войны расположенных. Со своей стороны, генерал-адъютант Алексеев находил, что наиболее желательным являлось бы использование беженцев ...»

«№104 Особый журнал Совета министров 3 и 6 мая и 14 июня 1916 года: По вопросу о пополнении рабочих дружин, предназначенных для производства работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в ближайших к фронту местностях». *Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1916 год.* Сост. Б.Д. Гальперина. Москва: РосПЭН, 2008, сс.252-255.

При внимательном прочтении становится очевидным, что приведенный текст не дает никаких оснований считать, что автором идеи о привлечении инородцев является начальник Штаба Ставки Верховного Главнокомандующего, генерал-адъютант М.В. Алексеев. Более того, судя по представленному в «Особом журнале..». пересказу его выступлений, генерал М.В. Алексеев на Особом совещании в Ставке 24 апреля 1916 года заявил и обосновал мнение, что привлечение в качестве тыловых рабочих «работоспособных беженцев» более рационально, чем реквизиция коренных жителей, так как беженцы «не будучи коренным населением в местах водворения, не связаны хозяйством». На наш взгляд, последняя фраза однозначно свидетельствует о том, что предложение привлечь «коренное население» исходило от какого-то другого участника совещания, а генерал М.В. Алексеев ему оппонировал.

Однако при беглом прочтении «Особого журнала..». создается впечатление, что «генерал М.В. Алексеев потребовал набрать миллион рабочих методом реквизиции». Этот эффект весьма искусно обеспечен чисто бюрократическим приемом: в приведенном тексте не упоминается ни одно лицо из числа «подлежащих военных властей и представителей Министерств Военного и Внутренних Дел», участвовавших

Особом совещании, обсуждавшем данный вопрос в Ставке Верховного Главнокомандующего 24 апреля 1916 г. При этом начальник Штаба Ставки генерал М.В. Алексеев упомянут целых четыре раза. Таким манером составители «Особого журнала...», ничуть не исказивши истинное положение дел, прочно повесили инициативу «реквизиции инородцев» на начальника Штаба Ставки Верховного Главнокомандующего. Ничего не скажешь: высокое канцелярское мастерство! Но после того, как эта небольшая хитрость раскрыта, становится очевидным, что исходный вопрос об авторстве идеи остается без ответа.

Вторым документальным основанием мнения, что именно заявление генерал-адъютанта М.В. Алексеева стало отправной точкой для подготовки Высочайшего повеления, являются показания генерала от инфантерии Д.С. Шуваева, данные им в 1917 году во время допроса Чрезвычайной следственной комиссией. Бывший военный министр генерал Д.С. Шуваев был допрошен ЧСК 11 сентября 1917 года как свидетель, однако изначально он, на пару с бывшим Председателем Совета Министров Б.В. Штюрмером, проходил по этому делу как обвиняемый. Вот что было зафиксировано в стенографическом отчете[430]:

«Председатель. – Генерал, будьте добры дать краткий очерк того, как возникла мысль об этом высочайшем повелении, к которому вы оказались причастны, о привлечении мужского населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений, и какое было тут участие Штюрмера, и какое ваше, потому что это имеет для нас значение.

Шуваев. – Тут, главным образом, требования ставки, во что бы то ни стало, дать рабочих. Они начали с миллиона. ... Таким образом, я решительно был поставлен в

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Ред. П.Е. Щеголева. В 7 томах, т VII. Ленинград, 1927, сс. 291-292.

невозможность обойтись без какого-нибудь источника, который бы давал эти миллионы. Но, параллельно с этим, шла усиленная торговля со ставкой в лице начальника штаба верховного главнокомандующего.

Председатель. – Генерала Алексеева?

Шуваев. – Да. .... Как же получить? И получить их немедленно, можно сказать, получить не по закону какой-нибудь повинности, а немедленно должны были получить. Это настоятельно требовалось, как письменно, так и словесно, при поездке в ставку».

Из приведенных показаний генерала Д.С. Шуваева, на первый взгляд, также следует, что генерал-адъютант М.В. Алексеев - единственный инициатор идеи привлечения инородцев к окопным работам. Однако допрашиваемый экс-министр, отвечая на прямой вопрос председателя комиссии делает оговорку: «Тут главным образом, требование ставки..». Это означает, что были и другие, не названные, стороны, причастные к возникновению «мысли об этом высочайшем повелении». Второй момент, который обращает на себя внимание, это последняя фраза генерала Д.С. Шуваева в приведенном фрагменте допроса - о том, что предоставить рабочих «настоятельно требовалось как письменно, так и словесно..».

Слова, как известно, к делу не подошьешь, но если были письменные требования, то генерал Д.С. Шуваев должен был на них прямо сослаться. Но он этого не сделал. Более того, документы, подтверждающие слова бывшего военного министра, не были обнаружены следователем В.В. Соколовым, ведшим по поручению ЧСК дело по обвинению генерала Д.С. Шуваева и гофмейстера Б.В. Штюрмера. В то же время представляется крайне маловероятным, что предложение, обсуждавшееся в Ставке в присутствии Николая II, было сочтено настолько малозначимым, что его даже не сочли нужным оформить официально. Но если помнить, что на совещании в Могилеве 24 апреля 1916 года генерал М.В. Алексеев высказал не идею привлечения инородцев, а напротив - предложил Председателю Совета Министров гофмейстеру Б.В. Штюрмер «приискать» для тыловыхработ освобожденных от воинской повинности российских подданных, то отсутствие письменного поручения от начальника Штаба Ставки становится вполне логичным. Коль скоро инициатива привлечь на окопные работы именно «инородцев, освобожденных от воинской повинности» исходила от Председателя Совета Министров, а генерал М.В. Алексеев, сделав некоторые оговорки, с этой идеей в принципе согласился, то никаких дополнительных поручений в адрес Совета Министров от военных и не должно было появиться. Приведенный выше фрагмент записи в «Особого журнала Совета министров 3 и 6 мая и 14 июня 1916 года» полностью соответствует такому предположению.

Естественно возникает вопрос: а почему об этой роли гофмейстера Б.В. Штюрмера ничего не говорит на допросе бывший военный министр? На него имеется ответ в цитированном выше протоколе допроса генерала Д.С. Шуваева[431]:

Падение царского режима…, 1927, сс. 294-295 [8]
ГАРФ Ф.1467 Оп.1 Д.417 л. 224.

«Председатель. – Какое же участие в испрошении этого закона принимал министр внутренних дел и председатель совета министров?

Шуваев. – Нужно было решить вопрос больше военный относительно этих рабочих в пределах театра войны. ... и потому порешили, что я должен испросить высочайшее соизволение.

Председатель. – Это порешили где и с кем?

Шуваев. – Штюрмер, я и Куколь-Яснопольский.

Председатель. – Куколь-Яснопольский, как исполняющий обязанности министра внутренних дел?

Шуваев. – По отбыванию воинской повинности.

Председатель. – Штюрмер и вы это решили?

...

Шуваев. – Да. Вообще по отношению к Штюрмеру я связан».

Напомним, что к тому времени, когда был произведен этот допрос, Б.В. Штюрмер уже скончался, что дало экс-министру Д.С. Шуваеву возможность уклониться от ответов на вопросы о роли бывшего Председателя Совета Министров в истории появления на свет Высочайшего повеления от 25 июня 1916 года. Но заметим, что названный генералом Д.С. Шуваевым третий участник «решения» о реквизиции, - начальник Управления МВД по воинской повинности С.А. Куколь-Яснопольский Следственную комиссию вовсе не заинтересовал, хотя повестка о явке на допрос ему была послана[8]. А между тем этот чиновник, как непосредственный и очень активный исполнитель, возможно, знал о теневых сторонах этой истории значительно больше, чем министры. Увы, умышленно или нет, но Следственная комиссия его не допросила.

Таким образом, при внимательном изучении все известные источники, на основании которых генерал-адъютант М.В. Алексеев объявлялся автором идеи о призыве инородцев, оказываются не убедительными, а показания подследственных - уклончивыми и двусмысленными. Подтвердить его авторство однозначно могло бы только обнаружение «письменного требования», о котором говорил генерал Д.С. Шуваев.

Проведенный нами целенаправленный анализ большого объема историографических работ по данной проблеме подтвердил, что ни одного документа, вышедшего из Штаба Ставки или подписанного начальником этого Штаба, подтверждающего факт инициирования «реквизиции инородцев» генерал-адъютантом М.В. Алексеевым до настоящего времени не выявлено. Кроме того, ни в одном из множества документов (в том числе, с грифом «Совершенно секретно» и «Конфиденциально») нет упоминаний или ссылок на документ, подтверждающий авторство генерал-адъютанта М.В. Алексеева. Суждение об авторстве генерала основано исключительно на утверждениях, содержащихся в исходящих документах не подчинявшихся ему органов власти и подписанных другими должностными лицами.

Приведенные данные если и не исключают полностью возможность инициирования призыва инородцев военными, то во всяком случае дают основания провести поиск других органов власти и должностных лиц, которые могли предложить подобные меры.

Если инициатива призыва инородцев исходила не от военных, то кто автор идеи?

Вполне возможно, что вопрос об авторе идеи привлечения инородцев так и остался бы открытым, если бы сотрудники Центрального государственного архива Киргизской Республики (ЦГА КР) Б.О. Самаева и Г.Б. Мамытбекова не обнаружили в фонде Министерства земледелия, хранящемся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (РГИА), документ, который в 1916 году подготовил помощник начальника Переселенческого управления указанного министерства А.А. Татищев.

Этот документ опубликован в издании «Восстание 1916 года. Сборник документов и материалов» под названием «Предложения Переселенческого управления о мерах по привлечению кочевого и полукочевого населения в нестроевых командах к воинской повинности». Уже по заголовку можно видеть, что этот документ как-то связан с Высочайшим повелением о «реквизиции инородцев для тыловых работ». Приведем ключевые положения документа, составленного помощником начальника Переселенческого управления графом А.А. Татищевым[432]: «...Наблюдаемый ныне в сельском хозяйстве острый недостаток рабочих рук налагает на правительство обязанность принять все меры к возможному восполнению происшедшей в этом отношении убыли, а с тем вместе и к возможно полному использованию для государственных целей всего работоспособного населения Империи.

... есть целый ряд народностей, которые не подлежат воинской повинности, в то же время и не изменили своего обычного образа жизни в направлении усиленного производства экономических ценностей. Не может быть двух мнений, что эти народности, к числу коих приходится в первую очередь отнести инородцев, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни, должны быть привлечены к участию в общегосударственной страде. При этом следует прийти к заключению, что это привлечение может осуществиться не иначе, как в форме обязательной по закону повинности. Кочевое население Империи могло бы призываться на военную службу, но зачисляться не в ряды действующей армии, а в составе особых нестроевых команд, используемых для нужд ближайшего тыла /рытье окопов, служба в обозах военного ведомства и т.п./. ...Подобная мера имела бы чрезвычайно серьезное значение для устранения наблюдаемой остроты рабочего вопроса в сельском хозяйстве. ...

«Док. № 18. Предложения помощника начальника Переселенческого управления Министерства Земледелия А.А. Татищева». *Восстание 1916 года. (Сборник документов и материалов)*. Сост. О.К. Ахмедов и др. Бишкек: Кут-Бер, 2016, сс. 58-61.

Производство этих работ нестроевыми командами из кочевников соответственно уменьшило бы потребность ближайшего тыла армии в рабочих руках со стороны и тем самым сохранило бы последние для столь нуждающегося в них сельского хозяйства. Вместе с тем намеченный способ использования туземного населения Империи в государственных видах устраняет те опасения, которые вызвало у Министерства Внутренних Дел и отчасти у Военного Ведомства привлечение того же населения в ряды действующих армий....

...Что же касается самого призыва, то таковой должен естественно остаться в руках органов Министерства Внутренних Дел...».

На наш взгляд, данный документ по форме и содержанию является «служебной запиской» или «справкой». Как будет показано ниже, последнее наименование соответствует тому, как этот документ был квалифицирован его составителями. Поэтому в дальнейшем мы так и будем его называть – «Справка Переселенческого управления о привлечении кочевого населения Империи для формирования нестроевых команд, используемых для нужд ближайшего тыла» или сокращенно «Справка...», что позволит отличать его от еще одного документа, о котором будет написано ниже и который имеет оригинальное наименование «Предложения».

Использованные в «Справке..». специфические термины и аргументы в пользу необходимости формирования «нестроевых команд из кочевников» практически полностью идентичны тем понятиям и доводам, которые использовали в мае-июне 1916 года чиновники Военного министерства и МВД в документах, обосновывающих реквизицию коренных жителей российских окраин для тыловых работ. Это текстуальное совпадение дает веские основания предположить, что идея «призыва инородцев» исходит от чиновника Министерства земледелия.

Для проверки этого предположения, основанного на текстуальном сходстве документов - первостепенное значение приобретает вопрос о датировке «Справки...».

приоритетности этого документа можно говорить только в том случае, если он был подготовлен до того, как вопрос об использовании инородцев для государственных нужд стал предметом обсуждения в Совете Министров.

Если же данная «Справка..». была составлена до 24 апреля 1916 года, то есть до проведения Особого совещания в Ставке Верховного Главнокомандующего, на котором обсуждался вопрос о потребности армии в рабочих для тыловых работ, то есть все основания считать, что именно этот документ стал «стартовым выстрелом» для череды бюрократических действий, которые в конце концов привели к изданию Высочайшего повеления о реквизиции инородцев от 25 июня 1916 года.

Когда и для кого была составлена «Справка..». Переселенческого управления?

В связи с указанным нами был детально проанализирован не только текст «Справки...», но и предприняты шаги по установлению ее «бюрократической истории». Кроме того, был осуществлен поиск документов, подготовленных в развитие положений «Справки...».

Данный документ хранится в РГИА в фонде Переселенческого управления Министерства земледелия в составе дела «Справки по общим вопросам переселенческого и колонизационного дела»[433]. Крайние даты делопроизводства: начато - 14 марта 1916 г.; решено - 26 октября 1916 г. Подшитая в Деле № 300 «Справка Переселенческого управления о привлечении кочевого населения Империи для формирования нестроевых команд, используемых для нужд ближайшего тыла» напечатана на пишущей машинке и является первым экземпляром (оригиналом). Документ не имеет заголовка и реквизитов внутренней - исходящей или входящей - регистрации; не указано и должностное лицо, которому адресована данная «Справка...». Приведены только должность и фамилия составителя – «Помощник Начальника Переселенческого Управления Татищев», и имеется его подпись. Всё это свидетельствует о том, что данная «Справка..». является внутренним документом структурного подразделения министерства Земледелия, а именно - Переселенческого Управления. Также не вызывает сомнений, что первым адресатом, которому была предназначена «Справка...», составленная помощником начальника управления, мог быть только сам начальник Переселенческого управления - Геннадий Федорович Чиркин.

Это предположение подтверждается рукописными пометками на полях документа, которые сделаны тем же подчерком, что и рукописные надписи на других документах Дела № 300, адресованных Г.Ф. Чиркину. Таким образом, должностное лицо, которое первым ознакомилось со «Справкой...», можно считать установленным.

Для уточнения даты или периода составления документа был проведен анализ других служебных бумаг, имеющихся в Деле № 300. Этот анализ показал, что наиболее ранним документом в этой папке является отношение товарища Министра, гофмейстера А.А. Риттиха от 14 марта 1916 г. № 2564[434] на имя начальника Переселенческого управления Г.Ф. Чиркина с поручением представить справки по вопросам бюджетной комиссии Государственной думы с цифровыми данными по главным отраслям деятельности ведомства земледелия. Поскольку дата составления этого документа совпадает с датой начала Дела, не может быть никаких сомнений, что подшитая в деле «Справка..». была составлена в рамках выполнения поручения товарища министра А.А. Риттиха, причем конечными адресатами являлись министр земледелия А.Н. Наумов и бюджетная комиссия Государственной Думы.

Срок исполнения подобных поручений в бюрократических системах не может превышать 1 недели, но, как правило, составляет от 1 до 5 дней, в зависимости от сложности вопроса. В книге мемуаров А.Н. Наумова «Из уцелевших воспоминаний» имеется запись, касающаяся событий этих дней[435]: «Надо сказать, что спрос на военнопленных был в то время огромный. Со всех краев землевладельческой России получались самые настойчивые просьбы снабдить их хозяйства рабочими руками. Законодательные палаты горячо вторили этим голосам. Лишь среди носителей

РГИА Ф.391 Оп.6 Д. 300.

РГИА Ф.391 Оп.6 Д.300 л. 83. Подлинник.

Наумов А.Н. *Из уцелевших воспоминаний. 1867-1917*. В 2 томах. Т.2. Нью-Йорк, 1955, с.454. 13 РГИА Ф.391 Оп.6 Д.300 л.102.

высшей правительственной власти эта острая нужда, требовавшая самого срочного и возможно полного своего удовлетворения, не встречала должного понимания и отклика. Случилось так, что 25-го марта – как раз накануне весеннего сева, собравшиеся на заседание министры, пользуясь, очевидно, моим отсутствием (в тот день я должен был присутствовать в Государственной Думе, рассматривавшей смету моего Ведомства), – уважили ходатайство Министра Торговли кн. Шаховского, потребовавшего для работ в Донецко-угольном районе значительное количество военнопленных, и решили передать в его распоряжение 50.000 человек из контингента предназначенного для сельскохозяйственных работ».

Приведенный фрагмент мемуаров А.Н. Наумова не только позволяет определить 24 марта 1916 года как крайний срок составления «Справки...», но и подтверждает актуальность затронутых в этом документе вопросов острой потребности в рабочих руках, как для Министерства земледелия, так и для других ведомств.

Кроме приведенного выше основания названный срок подтверждается карандашной отметкой «30/III», проставленной на титульном листе «Справки...»[13] и фиксирующей дату «30 марта 1916 года».

Таким образом, есть все основания считать, что помощник начальника Переселенческого Управления А.А. Татищев написал «Справку..». во второй половине марта 1916 года, не раньше 14 и не позже 24 числа. Но, скорее всего, справка была подготовлена не позднее 20 марта, так как 25 марта министр А.Н. Наумов уже делал в Государственной Думе доклад, включавший и материалы Переселенческого управления. Не исключено даже, что «Справка..». была направлена министру буквально в тот же день, когда в Переселенческое Управление поступило упомянутое выше поручение помощника министра А.А. Риттиха от 14 марта 1916 г. № 2564.

Дополнительные подтверждения последней гипотезы имеются в документах Дела № 300. Как было указано выше на «Справке..». А.А. Татищева имеются рукописные пометки, сделанные начальником Управления Г.Ф. Чиркиным. В самом конце «Справки..». им добавлена фраза следующего содержания: «Внести на уважение С[ове]та М[инист]ров вопрос о привлечении кочевых и полукочевых инородцев Азиатской России, Ставропольской и Астраханской губерний к отбыванию воинской повинности в нестроевых частях для уменьшения потребности действующей армии в найме рабочих на устройство окопов».

Это добавление означает, что начальнику Переселенческого Управления Г.Ф. Чиркину настолько понравилось предложение его помощника, что он счел целесообразным внести эту идею на рассмотрение в заседании Совета Министров, то есть на высший уровень исполнительной власти. Приведенная выше приписка на внутриведомственном документе еще не означает, что это предложение прошло и было принято к исполнению. Но и на этот вопрос имеется ответ. На последней странице «Справки..». имеется еще одна пометка, сделанная от руки, но не почерком Г.Ф. Чиркина, которая гласит: «На черновике – переписан»

Это означает, что, как и следовало ожидать, все замечания начальника Управления были приняты его помощником. Подтверждением тому служит вторая,

чистовая редакция «Справки...», также подшитая в Дело №300 и отличающаяся от первой тем, что в ней учтены все ремарки начальника Переселенческого управления Г.Ф. Чиркина[436].

Приведенные факты дают основания считать, что «первородство» идеи об использовании инородческого мужского населения на окопных работах или хотя бы принудительного привлечения их в «особые «рабочие команды», «... переданные в распоряжение нуждающихся врабочих земских учреждений» принадлежит вовсе не начальнику Штаба Ставки Верховного Главнокомандования генерал-адъютанту М.В. Алексееву, как это принято считать, а вполне штатскому чиновнику Переселенческого управления Министерства земледелия.

Данная гипотеза снимает вопрос о том, почему не было выявлено ни одного документа с заявлением о срочной потребности армии в 1 миллионе рабочих, исходящего из Штаба Ставки Верховного Главнокомандующего. Ответ на вопрос становится тривиальным: никакого документа, подписанного генераладъютантом М.В. Алексеевым нет потому, что первичным основанием для этих мероприятий явилось предложение Министерства Земледелия.

Приняв указанную гипотезу, необходимо установить и, по возможности подтвердить документально последовательность событий, вызванных «Справкой..». и установить путь этой идеи от петроградского особняка Министерства Земледелия до Штаба Главнокомандующего в Могилеве.

Как идея использования инородцев шла от ведомства к ведомству?

Во второй половине марта 1916 года министр земледелия А.Н. Наумов или один из его помощников, курирующий деятельность Переселенческого управления, получает подготовленную Переселенческим Управлением «Справку..». с предложением вынести на заседание Совета Министров вопрос об использовании инородцев, освобожденных от воинской повинности, для производства работ в ближайших к фронту местностях. По-видимому, министру А.Н. Наумову идея нравится, и в начале апреля содержание «Справки..». становится известным Председателю Совета Министров и, по совместительству, министру внутренних дел Б.В. Штюрмеру. Судя по последующим событиям, гофмейстеру Б.В. Штюрмеру эта идея тоже представилась весьма конструктивной и перспективной, и он 24 апреля 1916 года на Особом совещании в Ставке озвучивает ее в присутствии военного министра и начальника Штаба Верховного Главнокомандования, но при этом умалчивает о том, что предложение исходит из Переселенческого управления. Генерал-адъютант М.В. Алексеев, естественно, соглашается с тем, что было бы очень хорошо получить миллион рабочих для нужд армии, но... высказывает вполне резонные опасения о возможных негативных последствиях такой меры. И тем не менее, не услышав принципиальных возражений, воодушевленный Председатель

РГИА Ф.391 Оп.6 Д. 300 лл. 123-132. Отпуск.

Совета Министров Б.В.Штюрмер, уже не стесняясь, на заседании Совета Министров 3 мая 1916 года выносит этот вопрос на рассмотрение как требование Штаба Верховного Главнокомандующего и заявляет, что условия военного времени и Ставка настойчиво требуют рабочих, что их надо предоставить немедленно, что время не ждет, что надо срочно поручить Военному министру подготовить соответствующее распоряжение....

Сомнения в реализации такого сценария могут возникнуть в связи с тем, что министр земледелия А.Н. Наумов весной 1916 года был крайне озабочен поиском трудовых ресурсов для сельскохозяйственных работ. В мемуарах А.Н. Наумова «Из уцелевших воспоминаний» описан относящийся к началу 1916 года эпизод, когда он, только что назначенный министром земледелия, даже нарушил придворный этикет для того, чтобы привлечь императора на свою сторону в борьбе с военным ведомством за право использовать труд военнопленных[437]. Принимая во внимание такую озабоченность А.Н. Наумова в поддержке стабильности сельского хозяйства, логично предположить, что предложения, изложенные в «Справке..». А.А. Татищева, навряд ли нашли бы поддержку у Министра земледелия. Тем более, что он, как человек разумный, несомненно, увидел бы в них не только потерю рабочих рук, но и прямую угрозу вообще всему сельскому хозяйству. Однако вполне возможно, что министр земледелия выдвигал идею своих подчиненных, рассчитывая получить рабочие руки исключительно для сельскохозяйственных работ, но Председатель Совета Министров эту «идею» перехватил и ... предложил ее военным (судя по приведенным выше воспоминаниям А.Н. Наумова, конкуренция между ведомствами за дефицитные рабочие руки была крайне жесткой).

Кроме двух названных, вероятен также вариант продвижения идеи Переселенческого управления, посредством доведения этой идеи до сведения министра внутренних дел Б.В. Штюрмера через его подчиненных - чиновников МВД, например, через начальника Управления по воинской повинности С.А. Куколь-Яснопольского. Сделать это можно было даже минуя Министра земледелия А.Н. Наумова, который, будучи по должности одновременно Председателем Особого совещания по продовольствию, в 1916 году полностью сосредоточился на продовольственном вопросе и не имел возможности заниматься проблемами переселенческими. Такой путь продвижения идеи был тем более возможен вследствие того, что вплоть до 1905 года Переселенческое управление входило в структуру МВД, потом еще 10 лет тесно сотрудничало с этим ведомством, так что чиновники Министерства земледелия и Переселенческого управления (в частности помощник министра Г.В. Глинка и начальник управления Г.Ф. Чиркин) могли сохранить связи со своими коллегами, в том числе и с руководством Управления по воинской повинности. Существенным недостатком этой версии является отсутствие документов, подтверждающих контакты Переселенческого управления и Управления по воинской повинности по данному вопросу. Поэтому нужно провести архивный поиск в фондах обоих управлений.

Наумов А.Н., с.511.

Наличие еще одного канала обмена информации между высокопоставленными должностными министерств Земледелия и Внутренних дел следует из показаний, которые в 1917 году бывший министр А.Н. Наумов дал Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, в которых он, в частности, замечает: «Придворная сфера для меня, как провинциала, была совершенно незнакома. В результате, я могу давать характеристику постольку, поскольку говорили люди, которым я верил. Так, например, сошлюсь на кн. В. М. Волконского, который 12 января у меня завтракал. Мы давно с ним были знакомы по предводительству»[438].

Заметим, что упомянутый князь В.М. Волконский в этот период занимал должность помощника министра внутренних дел, курирующего Управление по воинской повинности, то есть являлся непосредственным начальником тайного советника С.А. Куколь-Яснопольского. Известно несколько исходящих документов МВД, подготовленных в 1916 году и непосредственно касающихся привлечения туркестанских инородцев для государственных нужд, которые подписал не гофмейстер Б.В. Штюрмер, а его помощник князь В.М. Волконский.

И, наконец, пятый - на первый взгляд фантастический, но тем не менее реальный, - канал, по которому предложение о реквизиции инородцев могло стать известно Председателю Совета Министров, это непосредственный контакт автора идеи - графа А.А. Татищева с самим гофмейстером Б.В. Штюрмером. Чтобы объяснить появление такой гипотезы необходимо обратиться к фигуре помощника Переселенческого управления Министерства Земледелия графу Алексею Алексеевичу Татищеву.

Кем был и что мог себе позволить коллежский советник А.А. Татищев?

период нестабильности, каковым, несомненно, являлся для России 1916 год, особую значимость приобретают субъективные факторы и персональные аспекты событий. В хорошо отлаженной и рутинно работающей системе управления шансы были невелики, чтобы сырую и явно авантюрную идею товарища начальника Переселенческого управления А.А. Татищева подхватили и активно продвигали чиновники, стоящие значительно выше него по служебной лестнице, начиная с начальника управления Г.Ф. Чиркина, и заканчивая членами Совета Министров, включая Председателя этого Совета. А в данном случае эти сильные мира сего согласились с тем, что служащий средней руки, чиновник VI класса А.А. Татищев, стал играть роль «серого кардинала». Как это могло произойти?

Возможность высказанного выше предположения о прямом контакте помощника начальника переселенческого управления и Председателя Совета Министров произрастает из фактов, приведенных в воспоминаниях самого А.А. Татищева. Вот

Падение царского режима…, т.1, 1924, с. 417.

как он описывает взаимоотношения семейств графов Татищевых и Б.В. Штюрмера[439] (упоминаемые Ника и Боря - старшие родные братья А.А. Татищева): «Весна 1916 года внесла некоторые перемены в жизнь братьев. В мае Ника, который был годом перед тем назначен курляндским губернатором, но из-за нашего отступления не мог вступить в исправление своей должности и работал по Красному Кресту в одном из передовых отрядов, был, совершенно для него и для всех нас неожиданно, назначен губернатором в Москву. ... Не вполне ясно, чем было вызвано столь видное назначение: среди губернаторов Ника был самым молодым; быть может, у Штюрмера, бывшего тогда министром внутренних дел, оставалось в душе чувство, что он невольно подверг в свое время Нику болезненному для самолюбия «невыбору» на тверских выборах 1910 года, когда он его убедил идти баллотироваться, быть может, просто хотел поддержать и выдвинуть человека из семьи, к которой с детства был близок и даже немного обязан (и Екатерина Степановна, и мой отец, когда могли, помогали денежно сильно нуждавшейся семье Штюрмеров, а сестра его годами жила нас в Беляницах и в Полтаве). Месяцем позднее тот же Штюрмер, но уже в качестве министра иностранных дел, продвинул в смысле карьеры Борю».

Никита Алексеевич Татищев (Ника) стал начальником Московской губернии 11 мая 1916 года, а его брат Борис Алексеевич (Боря) в июле того же года после личной встречи с гофмейстером Б.В. Штюрмером занял пост директора канцелярии МИД. Такая «дружба домами» вполне позволяла весьма активному А.А. Татищеву напрямую довести свои идеи до сведения Председателя Совета Министров. Но это, безусловно, тоже лишь версия, требующая проверки.

Однако не вызывающая сомнений близость семейств Татищевых и Штюрмеров является не единственным основанием для того, чтобы 68-летний Председатель Совета Министров прислушался к мнению 32-летнего помощника начальника Переселенческого управления.

Весьма детальный портрет, образ мыслей и действий этого чиновника дают опубликованные в 2001 году воспоминания самого А.А. Татищева, на которые мы уже ссылались в этом исследовании. Из приведенных выше фрагментов воспоминаний «Земли и люди» совершенно ясно, что Алексей Алексеевич Татищев коллежский советник 32 лет от роду был далеко не рядовым чиновником VI класса, а принадлежал к верхнему слою столичной аристократии, перед которым были открыты все двери. И хотя по табелю о рангах он был ниже своих начальников по Министерству земледелия, но по месту в петербургском свете он был выше их всех, включая министров А.Н. Наумова или Б.В. Штюрмера. Но это было не единственное и даже не главное качество А.А. Татищева, дававшее ему право вносить предложения государственной значимости. Главное состояло в том, что он был наиболее квалифицированным специалистом Министерства земледелия по всем туркестанским вопросам, так как 26 ноября 1912 года высочайшим указом был назначен начальником Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ и

Татищев А.А. *Земли и люди. В гуще переселенческого дела (1906-1921).* Москва: Русский путь, 2001, с.240.

состоял в этой должности по ноябрь 1915 года. За три года очень активной работы в Туркестане граф А.А. Татищев стал настоящим экспертом по всем аспектам переселенческих проблем, существовавших в этом крае. Он сам пишет, как нравилось ему быть там полновластным администратором, почти не контролируемым ни Переселенческим управлением из Санкт-Петербурга, ни Туркестанским генералгубернатором и его канцелярией. А.А. Татищев в бытность в Туркестане стал авторитетом по проблемам переселенческой и земледельческой политики этого региона. Отметим, что именно в бытность А.А. Татищева на посту начальника Переселенческого Управления Туркестанского края удалось провести через Государственную Думу закон от 3 июля 1914 года «Об установлении Правил о наделении землею Семиреченского казачьего войска»[440], борьба за принятие которого продолжалась более 15 лет.

Занять пост помощника начальника Переселенческого управления А.А. Татищева настойчиво уговаривали его начальники из центрального аппарата Министерства земледелия - Г.В. Глинка и Г.Ф. Чиркин. Перспективный молодой сотрудник нужен был этим «зубрам» переселенческого дела именно как специалист по Туркестану, в частности, - по вопросам наделения землей Семиреченского казачьего войска. Именно эта осведомленность А.А. Татищева по крайне актуальной проблеме, подкрепленная его связями, безусловными талантами и энергией, вызывала доверие вышестоящих должностных лиц и делала его предложения в их глазах особенно весомыми и реалистичными. Все это находит убедительное подтверждение том факте, что А.А. Татищев был командирован в августе 1916 года с инспекционной миссией по маршруту от Семипалатинска до Ташкента, то есть через все те районы, где объявленная «реквизиция» должна была привести к бегству кочевников и освобождению земель под колонизацию, но где перед этим разыгрались многочисленные кровавые драмы, получившие наименование «киргизские беспорядки» и поставившие под угрозу исчезновения весь киргизский народ.

Поэтому на вопрос, имел ли коллежский советник А.А. Татищев достаточный авторитет для того, чтобы его мнение приобретало вес в глазах начальства Министерства Земледелия, следует дать положительный ответ. А коль так, то можно считать реалистичными все приведенные выше версии продвижения идеи графа А.А. Татищева.

В любом случае, какую бы версию продвижения идей, изложенных в «Справке...», ни принимать за гипотезу, неизбежно возникает и требует ответа ряд вопросов, которые можно объединить в три группы.

Первый комплекс вопросов касается компетенции Министерства земледелия и включает следующие пункты. Возможно ли, чтобы чиновники Министерства земледелия в целом, и Переселенческого управления - в частности, стали заниматься вопросами воинской повинности, кадрового обеспечения армии и военных действий? На каких основаниях и для решения каких ведомственных задач помощник

Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. Ред. Чиркин Г.Ф. Петроград, 1915, сс. 283-287.

начальника Переселенческого правления внес предложение, которое, на первый взгляд, находится вне его компетенции?

Может ли Переселенческое управление заниматься вопросами воинской повинности?

Ответы на вопросы о компетенции Переселенческого Управления в области привлечения населения к работам в районе действующей армии, дает анализ содержания еще одного документа, подготовленного чиновниками Переселенческого управления весной 1916 года и отложившегося с отметкой «30/ III» в деле №300 «Справки по общим вопросам переселенческого и колонизационного дела»[441].

Документ этот, озаглавленный «Предложения о главнейших мероприятиях по Министерству земледелия в связи с войной (по Переселенческому управлению)»[442], представляет собой таблицу (авторы называют ее «схематический перечень»), в которой в первой колонке перечислены непосредственно связанные с войной мероприятия, реализованные Переселенческим Управлением в первые два года войны, а во второй - мероприятия, предлагаемые к осуществлению в 1916-1917 годах. Всего в документе представлено 12 мероприятий.

В контексте вопроса об использовании труда инородцев для нужд действующей армии обращает на себя внимание пункт 9 «Предложений...». В первом столбце составители указывают: «На 1 января 1916 года в распоряжении Переселенческого Управления имеется 140000 пригодных для немедленного заселения долей. В результате намеченных сметными предположениями 1916 года землеотводных, гидротехнических и дорожных работ, а также в результате ожидаемого в 1916 году использования, к 1917 году будет сохранен количественно тот же, примерно запас. Но сметные ассигнования 1916 года относятся к заготовке фонда и для 1918 года, к каковому времени этот запас будет уже частью использован, и в 1918 г. может быть встречен с пригодным для заселения фондом всего в размере до 60000 тысяч долей (800000 десятин)».

Таким образом, составители «Предложений…» показывают, что для выполнения планируемых объемов колонизации и обеспечения ожидаемой потребности в новых территориях для переселенцев нужно срочно выявить и закрепить в качестве переселенческого фонда дополнительные земельные участки. Во второй части пункта 9 той же таблицы не только указано, что для решения поставленной задачи необходимы «особо крупные суммы», но и приведены основания для ожидания дополнительного и весьма значительного роста потребности в землях для переселения, и, соответственно, «особых средств» для «расширения подлежащих работ»: «Если в предстоящем году не будут ассигнованы особо крупные средства для мелиорации не вполне пригодного для заселения фонда, имеющегося в распоряжении Управления в количестве 250000 десятин, то ведомство может оказаться лишенным

РГИА Ф.391 Оп.6 Д. 300.

РГИА Ф.391 Оп.6 Д.300 лл. 106-113. Подлинник.

возможности удовлетворить спрос на землю не только со стороны обычных переселенцев, но и имеющих на то особливое основание - участников и отличившихся в настоящей войне. Между тем, этих последних (только георгиевских кавалеров) предполагается до 800000 человек, причем Георгиевский Комитет рассчитывает на надобность для них 8 миллионов десятин. Так как в пределах Европейской России для этой категории может быть назначено не свыше 3 миллионов десятин из казенных и банковских земель, то остальное, очевидно, упадает на Азиатскую Россию. Отсюда ясно, что соответственные мероприятия в этой области срочно необходимы и нужно нынче же, в связи с войною, озаботиться расширением подлежащих работ и испросить на таковые, начиная с 1917 года, особые средства».

В приведенной выдержке «Предложений..». крайне важен фрагмент, касающийся «георгиевских кавалеров», для которых, по мнению автора, потребуется колоссальная территория в 8 миллионов десятин. Примечательно, что цифра «8» в документе зачеркнута карандашом и написано «20». Это означает, что руководство Переселенческого управления считало, что к моменту победного окончания войны нужно выявить в Азиатской части России 17 миллионов десятин земли, не занятой коренными жителями и пригодной для переселения туда русских крестьян.

«Предложениях..». в явной форме отсутствуют указания на то, где и каким способом предлагается обеспечить решение этой задачи. Однако в той же таблице имеется пункт 11, который, как представляется, имеет непосредственное отношение к пункту 9. В колонке «Меры осуществленные» этого пункта отсутствует информации каких-либо конкретных мероприятиях, проведенных в 1914-1915 годах, а только формулируется целевое направление деятельности в общей форме: «Землеустройство киргизского населения путем перевода их на оседлость в целях интенсификации хозяйства отдельных районов в связи с обстоятельствами военного времени».

Зато в колонке «Меры предполагаемые» отмечается неудовлетворительный ход решения данной задачи и декларируется потребность в форсировании данного направления деятельности Переселенческого управления: «Ныне существующий порядок перевода киргиз на оседлость слишком медлителен и неопределенен. Желательно, местами, сплошное устройство киргиз, что даст необходимое восполнение земельного фонда, повысив вместе с тем, производительные силы отдельных местностей».

«Предложениях..». не приведены какие-либо обоснования или выкладки, связывающие пункты 9 и 11. Однако эта связь совершенно явственно обозначена... в воспоминаниях А.А. Татищева в главе «По Сибири и Восточном Казахстану»[443].

Данная глава воспоминаний А.А. Татищева примечательна тем, что в ней категорически отсутствуют какие-либо признаки того, что автор этих мемуаров имел отношение к реквизиции киргизов и казахов на тыловые работы. Более того, сама поездка преподносится как некое «путешествие», совершенное по собственной инициативе чиновника, что, как минимум, странно для военного времени. Зная теперь о «Справке...», составленной А.А. Татищевым, такая «фигура умолчания» делается особо «лукавой». Гораздо резоннее предположить, что А.А. Татищев был командирован в поездку через Степной край и Туркестан, чтобы лично проинспектировать, какие последствия имела задуманная лично им акция по «реквизиции инородцев» с точки зрения освобождения земель для колонизации. Особо надо отметить, что

Бывший помощник начальника Переселенческого управления и автор «Справки..». А.А. Татищев описывает поездку в Степной край и Туркестан, которую он совершил в августе 1916 года. Среди прочего он записывает: «... Процесс «оседания» киргизов в те годы начал обнаруживаться довольно сильно. Для задач Переселенческого управления ускорение этого процесса имело громадное значение, так как киргиз, переходящий на земледельческое положение, наделялся землей на равных основаниях русскими переселенцами, то есть по 15 десятин на душу мужского пола (примерно по 50 десятин на семью), тогда как для киргизов, остающихся на кочевом или, вернее, на полукочевом положении (почти у всех киргизов были небольшие участки посева при их «зимовках», откуда они на лето уходили в горы на летние пастбища), переселенческим землемерам вменялось в обязанности оставлять в запасе площадь, необходимую для такого полукочевого хозяйства, то есть, естественно, гораздо большую. Поэтому «оседание» киргизов автоматически освобождало дополнительные площади для целей колонизации».

Ни для кого не секрет, что активное стимулирование кочевых народов к переходу на оседлый образ жизни, если и преследовало «цивилизаторские или культуртрегерские» цели, то скорее в пропагандистском смысле, основная же цель этих мер заключалась в интенсификации русской колонизации этих земель, а если совсем простым языком, то - в скорейшем и по возможности полном вытеснении коренных жителей Семиречья из экономически привлекательных районов и заселении этих земель пришельцами из европейских регионов России. И тем не менее, очень наглядна разница в формулировании целей «*землеустройства киргизского населения путем перевода их на оседлос*ть», декларируемых в «Предложениях..». как *«интенсификация хозяйства отдельных районов в связи с обстоятельствами военного времени»*, и тем как эти цели откровенно и цинично, без всякого камуфляжа изложены А.А. Татищевым в его воспоминаниях. Можно не сомневаться, что именно так - хладнокровно и безразлично к интересам киргизов, действовал А.А. Татищев и в 1916 году, будучи в должности помощника начальника Переселенческого управления.

Такой взгляд на действия органа государственной власти кто-то может счесть излишне «конспирологическим», а сами действия - неправдоподобными, однако в практике государственного управления такие скрытые действия осуществляются весьма часто.

Почему полностью скрыто авторство Переселенческого управления?

Следующая группа вопросов, требующих ответа в связи с выдвигаемой гипотезой о роли переселенческого фактора в истории с «реквизицией инородцев», касается общих принципов межведомственных отношений, в частности, необходимо внести ясность по следующим аспектам. Если инициатива «призыва кочевников» исходила от Переселенческого управления Министерства земледелия, почему

воспоминаниях А.А. Татищев принижает масштабы произошедших в Туркестане волнений и тяжесть их последствий.

упоминание об этом отсутствует в более поздней переписке, более того, всеми документами формируется впечатление, что предложение использовать инородцев изначально исходит от военных? Почему канцелярия Совета Министров приложила столько усилий, чтобы создать видимость того, что идея использования инородцев принадлежит начальнику Ставки Верховного Главнокомандующего? Почему из служебной переписки МВД с Военным министерством никоим образом не явствует, что данное предложение исходит из Переселенческого управления Министерства земледелия?

Выше уже были приведены документы, свидетельствующие о том, что руководство Министерства земледелия, в частности глава Министерства земледелия А.Н. Наумов, главной своей задачей считал решение проблемы снабжения армии продовольствием. Из воспоминаний министра вполне убедительно явствует, что сам А.Н. Наумов и привлеченные им к работе Особого совещания два помощника Г.Ф. Глинка и С.Н. Ленин были всецело заняты проблемой недопущения продовольственного кризиса. Поэтому не может быть сомнений, что любые действия, угрожающие устойчивости положения в тыловых сельскохозяйственных районах, должны были натолкнуться на самое жесткое сопротивление со стороны министра земледелия, облеченного огромной властью и имеющего прямой выход на императора. И все-таки, несмотря на это, Высочайшее повеление о реквизиции сотен тысяч мужчин трудоспособного возраста в период уборочной кампании было подписано. Произошло это еще в то время, когда А.Н. Наумов формально исполнял должность министра земледелия. По его собственному признанию отставка его была принята Николаем II 21 июля 1916 года, то есть за день до того, как для подавления вызванных Повелением и непрекращающихся беспорядков в Туркестане туда было решено направить генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина.

Удивительно, но факт, - в подробнейших описаниях событий тех дней, которые приводит А.Н. Наумов в своих мемуарах «Из уцелевших воспоминаний», какие-либо упоминания о событиях в Туркестане отсутствуют категорически. Скоропалительное применение Высочайшего повеления от 25 июня практически остановило сельскохозяйственные работы в важнейшем тыловом регионе, а министр земледелия

Председатель продовольственной комиссии об этом «забывает», во всяком случае - не упоминает. Но при этом именно в эти дни он по собственной инициативе оставляет свой ответственный пост. Причем покидает этот пост с громким скандалом и обвинениями в адрес гофмейстера Б.В. Штюрмера - человека, которого принято считать главным виновником туркестанской катастрофы. Все эти обстоятельства дают основания полагать, что для А.Н. Наумова тема «реквизиции инородцев» была либо «запретной», либо настолько неприятной, что он предпочел отнести ее к разряду «не уцелевших воспоминаний» и в своих мемуарах вообще не касаться.

Причиной такого замалчивания мог быть тот факт, что министр земледелия знал, что идея «реквизиции» исходила из его ведомства и потому не мог обвинять кого-либо в этом мероприятии, заведомо деструктивном для сельского хозяйства всех российских окраин. А расписываться в собственной вине, глупости, или беспринципности у мемуаристов всех народов и эпох не принято.

Также возможно, что А.Н. Наумов, будучи не просто «стойким и убежденным монархистом», но и искренним поклонником лично Николая II, не хотел оставлять потомкам свидетельства вопиющей неразумности и недальновидности своего государя, подписавшего столь разрушительное для интересов государства повеление.

наконец третье объяснение «фигуры умолчания» может быть связано с тем, что для министра земледелия вся эта история стала классическим и практически неразрешимым «конфликтом интересов»: как руководитель работ по продовольственному обеспечению фронта он должен был всячески противодействовать изъятию рабочих рук из сферы сельскохозяйственного производства, но в качестве ответственного за переселенческую деятельность - он был обязан признать целесообразными предложения, подготовленные его подчиненными А.А. Татищевым и Г.Ф. Чиркиным. В такой ситуации министру оставалось только уповать на авось - вдруг удастся и киргиз с земель столкнуть и урожай собрать. Но когда стало ясно, что такое упование не сработало, министру оставалось только одно - бросать все и бежать прочь, стараясь забыть свою причастность к этой авантюре, повлекшей столь катастрофические последствия. При этом не надо забывать, что при всем своем монархизме А.Н. Наумов считался прогрессивным и даже либеральным человеком, и был на хорошем счету в Государственной думе. Разве он мог, не потеряв лицо, официально поддержать столь вопиюще противозаконные действия, в которые вылилось решение откровенно надуманной, камуфляжной, проблемы «окопных работ»?

Принятие последнего варианта позиции министра земледелия дает ответы на все поставленные выше вопросы. Руководство Министерства земледелия самоустранилось от какого-либо участия в реализации того проекта, который родился недрах этого ведомства, чтобы не быть обвиненным в сознательном нанесении колоссального вреда сельскому хозяйству, но при этом не предпринимало никаких мер, чтобы противодействовать этому мероприятию. Следуя этой политике, канцелярия Совета Министров предприняла меры, чтобы в «Особом журнале..». выгородить истинных инициаторов «реквизиции». Поскольку сделать это было весьма непросто, Совмину пришлось трижды возвращаться к одному и тому же вопросу - 3 и 6 мая и 14 июня 1916 года. Что интересно - на окончательном варианте «Особого журнала № 140» нет подписи министра земледелия, но на журналах, составленных по другим вопросам, рассмотренным 3 и 6 мая (например, Особые журналы Совета Министров № 78[444] и № 79[445] соответственно), подпись А.Н. Наумова имеется. То есть, министр А.Н. Наумов, присутствовавший на первых двух заседаниях Совета Министров, посвященных вопросу призыва инородцев, не мог не

---

[444] «№78 Особый журнал Совета министров 3 мая 1916 года: О сокращении числа дел, повергаемых главными начальниками отдельных ведомств на высочайшее разрешение и благовоззрение». *Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1916 год.* Сост. Б.Д. Гальперина. Москва: РосПЭН, 2008, с.192.

«№79 Особый журнал Совета министров 6 мая 1916 года: По проекту положения об Особом комитете по борьбе с немецким засильем». *Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1916 год.* Сост. Б.Д. Гальперина. Москва: РосПЭН, 2008, с.195.

быть в курсе намеченных мер, причем, с учетом содержания «Справки..». подготовленной в его ведомстве, именно он должен был выносить этот вопрос на рассмотрение. И тем не менее на последнем этапе этой работы - 14 июня 1916 года, когда «разномыслие» по процедуре реализации этого предложения между военным ведомством и Министерством внутренних дел достигли своего апогея[446], министра земледелия решили (или он сам попросил) «не подставлять». В итоге все тяготы и ответственность по реквизиции труда инородцев легли на ведомство Военного министра Д.С. Шуваева, который, как явствует из Особых журналов № 78 и № 79... в заседаниях Совета Министров 3 и 6 мая участия не принимал и потому знать о том, что думал по этому вопросу его коллега А.Н. Наумов не мог[25].

Учитывая сказанное, ответ на поставленный выше вопрос может быть следующим. Несмотря на то, что идея освободить под грядущую колонизацию земли, используемые кочевыми инородцами, напугав их привлечением к окопным работам, исходила из Министерства земледелия, открытая декларация этого циничного плана и вынесение его на утверждение Николаю II было признано категорически невозможным. Поэтому была предпринята серия «бюрократических уловок», которая позволила, во-первых, скрыть и от военных и от Государственной Думы и, в конце концов, даже от Николая II истинные цели этих действий и прямую заинтересованность в них Переселенческого Управления, а во-вторых, в дальнейшем убедить не только генерала от инфантерии Д.С. Шуваева – «почтенного, но недалекого старика» по характеристике А.Н. Наумова[447], но и депутатов Государственной Думы в том, что реквизиция инородцев нужна исключительно начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего М.В. Алексееву.

Какова была истинная цель «реквизиции инородцев», и была ли эта цель достигнута?

Поверили ли в «необходимость реквизиции инородцев для обороны» А.Ф. Керенский и его коллеги по Государственной Думе - сказать затруднительно. Но достоверно известно, что, заклеймив на закрытом заседании 13 декабря 1916 года противозаконность и провокационность всей этой авантюры с «реквизицией», думцы ни разу не попытались задаться вопросом: коль все эти объяснения про «окопные работы» выглядят столь невразумительно, то может быть истинная цель столь настойчивого проталкивания и форсированного проведения в жизнь реквизиции состояла в чем-то другом? Такой вопрос не был задан никем и никогда.

---

[446] Шварц В. «Хроника Кровавого Повеления. - 9 дней до Кровавого Повеления». *СДКФ*, http://daniyarov.kg/2018/08/17/1916-god-khronika-krovavogo-poveleniya-9-dne/.Просмотрено 11.11.2019. [25] В мемуарах А.Н. Наумова [Т.2. стр.401-402] из событий 3 мая 1916 года упомянут только банкет, посвященный 25-летию франко-российского союза, на котором Ф.Шаляпин пел «Марсельезу», а представитель французского правительства пытался выторговать «пятачок» с цены за 15 миллионов пудов зерна, которые стоящая на грани продовольственного кризиса России по себестоимости продала Франции.

Наумов А.Н., т.2, 1955, с.457.

Министерство земледелия, которое уже покинул А.Н. Наумов, 11 декабря 1916 года письмом № 995 за подписью Управляющего министерством сенатором А.А. Риттиха на имя Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина выразило полное одобрение реализации плана по перемещению киргизов с мест их прежнего проживания в Нарынский уезд[448]. Более того, как только в марте 1917 года вся полнота власти перешла в руки этих самых думцев, они самым откровенным образом полностью одобрили и объявили «законными» все перемены в области распределения земель в Семиречье, которые произошли в результате реализации предложений, сформулированных в двух документах, подготовленных в марте 1916 года помощником начальника Переселенческого управления А.А. Татищевым[449].

Министром Земледелия во Временном Правительстве стал А.Н. Шингарев - депутат Госдумы, одним из первых заговоривший не только о беззаконии, имевшем место при подготовке указа о реквизиции, но и о провокационном характере некоторых действий должностных лиц МВД в Туркестане. Казалось бы, именно этот человек, вместе с главным обличителем действий «проклятого самодержавия» А.Ф. Керенским, должен был принять меры по восстановлению справедливости в отношении к изгнанным киргизам, казахам и дунганам. Но ничего подобного он не сделал, а хладнокровно и цинично подтвердил письмом от 3 марта 1917 г. № 223[450] на имя генерал-губернатора А.Н. Куропаткина «законность» его действий.

Об особом отношении к реквизиции семиреченских киргизов свидетельствуют и другие исторические факты - специфические (отличающиеся от посылаемых в другие туркестанские области) распоряжения генерал-губернатора

М.Р. Ерофеева о порядке «реквизиции» в Семиречье в период с 29 июня по 3 августа 1916 года, действия губернатора М.А. Фольбаума по срочному формированию особых казачьих сотен в тот же период; смена и отстранение от реального управления целого ряда семиреченских администраторов уездного уровня; провокационные убийства киргизских манапов; заведомо ложные, панические доклады в Петроград о происходящем в Семиречье. Все это необходимо рассмотреть в комплексе и с учетом большого массива новых документов. Но уже имеющаяся информация дает основания поставить следующий принципиальный вопрос о сути семиреченских событий августа-октября 1916 года.

Можно ли считать Үркүн основным исторически значимым результатом реализации Высочайшего повеления от 25 июня 1916 года?

«Док. № 85. Отношение управляющего министерством земледелия сенатора А.А. Риттиха 11 декабря 1916 г». *Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 года. История в документах*, т.II. Бишкек: КРСУ, 2016, сс. 277-278.

Шварц В.И. «Григорий Бройдо заблуждался... Но в чем?.. Семиреченские хроники 1916 года». *СДКФ*, http://daniyarov.kg/2019/06/05/vladimir-shvarc-grigoriy-broydo-zablu/. Просмотрено 11.11.2019.

«Док. № 77. Письмо Министра земледелия А.И. Шингарёва 3 марта 1917 г.». *Казақ ұлт-азаттық қозғалысы. Жетісу - Ыссықкөл кдсіреті. Құжаттар мен материалдар жинағы. 1916-1920 жж. Жетысу - Иссык-Кульская трагедия. (Сборник документов и материалов. 1916-1920 гг.)*, т.2. Алматы: Елшежіре, 2009, сс.188-192.

В начале статьи было заявлено, что «реквизиция» не дала никаких практических результатов, не принесла пользы воюющей армии, то есть не оправдала своего назначения. Но такое заключение справедливо только в том случае, если считать, что «набор инородцев в особые рабочие отряды» был организован исключительно с целью оказания помощи фронту. Но, во-первых, верховное армейское командование,

лице начальника Штаба Ставки Верховного Главнокомандующего, генерал-адъютанта М.В.Алексеева еще в июле 1916 года прямым текстом призвало «дать отбой» набору рабочих[451]. Ввиду начавшихся отказов принимать эшелоны с идущими из Азии рабочими, так как их нечем было занять, мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба в октябре 1916 года издал циркулярное письмо о недопустимости отказа в приеме тыловых рабочих предприятиями, ранее запрашивавшими их[452]. В итоге в начале мая 1917 года военное ведомство предложило отправить всех инородцев домой[453], несмотря на то, что война продолжалась и впереди было лето, когда потребность в оборонительных сооружениях могла встать весьма остро.

Все перечисленные обстоятельства дают основания сделать парадоксальный вывод: военным призыв рабочих инородцев был не нужен. Армия не имела для такой категории призванных ни жилых помещений, ни нормативов обеспечения питанием, ни командиров, ни санитарно-медицинского обеспечения, не было даже уставных документов, определяющих действия таких лиц. В единственном специальном исследовании практических, военно-оборонительных результатов проведения в жизнь высочайшего повеления от 25 июня 1916 года – монографии «Тыловые рабочие из Туркестана на годы Первой мировой войны» – автор д.и.н. П.А. Ковалев, подводя итоги «реквизиции инородцев», пишет: «За время с 18 сентября по 1 марта было мобилизовано и направлено на разные работы 123 309 рабочих, против сниженного правительственного задания по первой очереди в 200 000 рабочих (61,5%)...На тыловых работах фронта работало немногим более 30 000 рабочих[454], то есть около 28% всех мобилизованных рабочих Туркестана. Остальная масса в количестве немногим менее 100 000 рабочих размещалась на предприятиях капиталистов и в имениях помещиков: Европейская Россия – 67 913, Кавказ – 7405, Сибирь – 4000, Туркестан –10 304 рабочих... В летние дни 1917 года кончилась печально знаменитая эпопея мобилизации коренного населения Туркестана на тыловые работы. С этой кампанией долго (в течение года) и безуспешно возились царизм и Временное буржуазное правительство. ... Не оправдывали больших надежд русского

Стенограмма разговора по прямому проводу. Подлинник. ЦГВИА Ф.400 Оп.19 Д.15 155 лл.163170. Подлинник.

«Док. № 47. Отношение и. д. начальника мобилизационного отдела ГУГШ 15 октября 1916 г.». *Грозный 1916 год. (Сборник документов),* т.1. А.-А., 1998, с. 83.

Подпрятов Н.В. «Этнические строительные отряды русской армии на фронтах Первой мировой войны». *Власть*, №10, 2013, сс.160-164.

NB - Приведенная цифра ориентировочная и максимально возможная, так как на стр. 103 автор монографии отмечает: «На военно-тыловых работах была занята сравнительно небольшая часть тыловых рабочих – 20 000 - 30 000 человек.»

империализма и мобилизованные тыловые рабочие. В этом были повинны и сами организаторы мобилизации – колониальная администрация и царское правительство, и особенно последнее..». [455].

Принимая во внимание, что в телеграмме МВД № 18991 от 28 июня 1916 года, с которой и началось, согласно резолюции самого Николая II, «*...спешное и недостаточно обдуманное проведение в жизнь этой меры, вызвавшей на окраине кровавые беспорядки»* предлагалось отправить на окопные работы всех коренных жителей Туркестана от 19 лет до 31 года, и число таковых изначально было оценено в четверть миллиона человек, получается, что реально в районах действующей армии нашлась работа только для 12 Қ от численности, которая якобы была крайне необходима фронту. А если вспомнить, что изначально утверждалось, что Штаб Верховного Главнокомандующего вообще запрашивает миллион рабочих, то реальная цифра составляет и вовсе жалкие 2-3 Қ от первичной численности.

Получается, что Высочайшее Повеление от 25 июня 1916 года окончилось полным провалом и к нему можно применить поговорку «гора родила мышь»? Можно сказать и так, но только, если не смотреть на это мероприятие поверхностно, не заглядывая в глубь вещей.

В упомянутой выше монографии д.и.н П.А. Ковалев в полном соответствии с советской стилистикой исторических исследований пишет: «Мобилизация на тыловые работы преследовала явно реакционные цели. По замыслам правящих кругов России она должна была помочь ускорению хода империалистической воины и борьбе против поднимающейся революции в России» [456].

В этом заключении нет ничего о «задуманной провокации». В то же время советский историк считает «реквизицию» частью системы мероприятий, направленных на предотвращение революции, а цель этой акции называет «реакционной», а отнюдь не оборонной или обусловленной объективными потребностями фронта. Такой взгляд вполне соответствует тем выводам, к которым приводят нас исследования документов, раскрывающих неизвестные П.А. Ковалеву и другим историкам обстоятельства появления и процедуру подготовки и проталкивания «повеления о реквизиции».

В связи с этим было бы неправильно говорить о полном провале авантюры, задуманной в Переселенческом управлении Министерства Земледелия. Потому что один, и очень значительный, результат всей этой операции хорошо известен и имеет непреходящее историческое значение для киргизского, дунганского и, в несколько меньшей степени, казахского народов. Результат этот заключается в том, что значительная часть коренных жителей южных уездов Семиреченской области в августе-сентябре 1916 года была насильственно изгнана с мест их исторического проживания, а в октябре того же года была официально лишена права вернуться на эти места в прежнем качестве. Конечно, в отдаленной перспективе бежавшие под

---

455 Ковалев П.А. *Тыловые рабочие из Туркестана в годы Первой мировой войны. 1916 - май 1917 гг.* Ташкент: Госиздат УзССР, 1957, сс.164-167.

Ковалев П.А., с. 167.

выстрелы в спину киргизские, казахские и дунганские роды могли появиться на берегах озера Иссык-Куль, в долинах рек Текес, Джергалан, Чу, Большой и Малый Кемин в качестве бесправных наемных работников на плантации новых землевладельцев, но в качестве собственников земли, на которой они проживали веками, - никогда. В качестве нового места жительства для беженцев были определены малопригодные для жизни сырты Нарынского уезда. Для тех, кто не желал переселяться в эту «резервацию», в Российской империи места не было - им предоставлялась возможность медленно вымирать в китайских пределах.

Имелся и очевидный результат для Семиреченского казачьего войска - казаки в считанные недели получили то, чего безуспешно добивались несколько лет, и даже с лихвой. Огромные просторы плодородных земель и пастбищ южных районов Семиречья стали казачьей землей. Причем эти земли оказались освобожденными не только от киргизов, но и от русских переселенцев-самоселов, чьи поселения были уничтожены с такой тщательностью, что вопрос о восстановлении этих поселений на прежних местах даже не ставился: на местах пяти крупных переселенческих поселков предполагалось разместить казачьи станицы.

По содержанию и последствиям этот результат «реквизиции» можно квалифицировать как насильственную депортацию по национальному и социальному признакам, которая в истории киргизского народа получила наименование Үркүн. Причем, как показывает анализ информационных событий 2016 года, Үркүн является единственным результатом введения Высочайшего повеления от 25 июня 1916 года, который не потерял исторической значимости и через сто лет после «реквизиции труда».

Этот результат воплощения в жизнь Высочайшего повеления от 25 июня 1916 года был зафиксирован тем же Временным Правительством за несколько дней до того, как кампания по привлечению мужского инородческого населения была признана завершенной.

17 апреля 1917 года Канцелярия Временного Правительства письмом № 1050 за подписью начальника Канцелярии В. Набокова уведомила военного министра А.И. Гучкова[457], что распоряжение Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина конфискации 2000 десятин земель у коренного населения Джизакского уезда отменено как неправомочное. Тем самым новая «демократическая власть, сместившая царских сатрапов», установила, что нельзя наказывать целый народ за преступления, совершенные отдельными представителями этого народа, что это не только негуманно, но и противозаконно. Это решение было принято Временным Правительством несмотря на то, что протестные выступления 10-15 июля 1916 года в Джизакском уезде во-первых, были первыми по времени и спровоцировали череду протестов в других районах: во-вторых, имели организованный характер и явных лидеров; в-третьих, были кровопролитными и весьма жестокими по отношению к

[457] «Док. №21. Предписание Временного правительства военному министру А. И. Гучкову». *Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 года. История в документах*, т.III. Бишкек: КРСУ, 2016, сс. 59-60.

русскому населению, и в-четвертых, что наиболее важно, носили ярко выраженный и доказанный проведенным следствием антирусский, сепаратистский характер - именно там повстанцы кричали «Хотим под власть Германа (то есть - Германии)». И тем не менее гуманность и законность восторжествовали... Но это «торжество справедливости» по оставшимся без объяснений причинам не было распространено на абсолютно идентичное наказание, которое генерал-адъютант А.Н. Куропаткиным наложил на киргизов Семиреченской области. По вопросу о конфискации нескольких миллионов десятин киргизских земель Временное Правительство вынесло постановление, которое в том же письме Военному Министру от 17 апреля 1917 года изложено в совсем других выражениях: «... вопрос о устройстве в земельном отношении киргиз Пишпекского, Пржевальского, и Джаркентского уездов Семиреченской области передать для улажения на место, где он мог бы быть подробно обсужден с представителями местных общественных организаций, в том числе, киргизов, совместно с Туркестанским комитетом и краевым начальством..». [458] .

Выходит, что депортация населения в Джизакском уезде Самаркандской области называется «конфискацией» и потому незаконна, а точно такие же, но в больших масштабах, действия в южных уездах Семиреченской области следует «подробно обсуждать» и улаживать путем «устройства киргизов в земельном отношении». Политика «двойных стандартов» здесь проявилась в самом откровенном виде, это бесспорно и не требует дополнительных доказательств. Но важно понять, почему так поступили те люди, которые всего за 4 месяца до этого - на заседаниях Государственной Думы 13 и 15 декабря 1916 года - метали громы и молнии в адрес царских сановников, обвиняли петроградские, туркестанские и семиреченские власти во всех смертных грехах, включая жестокость, бесчеловечность, недальновидность и неуважение к закону и «святости частной собственности».

Такая кардинальная перемена взглядов бывших критиков царской системы управления и проведение ими политики, адекватно описанной в басне И.Крылова «Пестрые овцы», требует объяснения. На основе традиционных взглядов на события в Туркестане понять и объяснить «логику» А.Ф. Керенского, А.И. Гучкова, В.Д. Набокова и прочих представителей «либеральной общественности» невозможно. Но если учесть обстоятельства, при которых зародилась, материализовалась и воплощалась идея «конфискации труда инородцев», то поведение представителей крупной буржуазии становится вполне объяснимым.

«Док. № 82. Отношение Управляющего делами Временного Правительства В.Набокова 17 апреля 1917 г». *Казақ ұлт-азаттық қозғалысы. Жетісу - Ыстықкөл көсіреті. Құжаттар мен материалдар жинағы. 1916-1920 жж. Жетысу - Иссык-Кульская трагедия. (Сборник документов и материалов. 1916-1920 гг),* т. 2. Алматы: Ел-шежіре, 2009.,с.199.

Были ли в 1916 году люди, понявшие суть происходящего в Туркестане?

Для понимания всех хитросплетений произошедшего в Семиречье 1916 года и правильной оценки действий чиновников и администраторов в этих событиях участвовавших, весьма важно отличать тех людей, которые были осведомлены о существовании «теневой задачи» реквизиции, от тех, кого об этой задаче в известность не ставили.

К числу последних, безусловно, относятся военный министр Д.С. Шуваев и генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, назначенный Туркестанским генералгубернатором 22 июля 1916 года. Детальный анализ истории скоропалительного назначения командующего Северным фронтом генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина на должность Туркестанского генерал-губернатора и реакции на это назначение чиновников Министерства внутренних дел показывает, что это назначение категорически не входило в планы инициаторов «реквизиции» как операции прикрытия для «смещения киргизов». Назначение А.Н. Куропаткина, с трудом выхлопотанное у Николая II военным министром Д.С. Шуваевым, поставило под угрозу срыва дело, задуманное Переселенческим управлением, но не остановило эту авантюру, а лишь заставило семиреченских администраторов и казачьих атаманов начать действовать, не завершив подготовительные мероприятия, что в какой-то мере стало причиной столь значительных жертв среди переселенческого контингента в Пржевальском уезде.

Трудно сказать, догадался ли в конце концов о «теневой» сути произошедшего военный министр Д.С. Шуваев: по его невнятным и путанным показаниям Чрезвычайной следственной комиссии нельзя сделать однозначный вывод - лукавит он или искренне убежден, что помощь фронту была единственной целью издания Высочайшего повеления. Что касается генерал-адъютант А.Н. Куропаткина, то с ним ситуация несколько иная. Интересно, что косвенное свидетельство того, что генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, прибыв в августе 1916 года на место новой службы, разобрался в происходящем и смог, если не понять, то почувствовать, в какую авантюру его втянули и кто является ее постановщиком, оставил сам А.А. Татищев, который в своих мемуарах, завершая рассказ о своей поездке в августе 1916 года через весь Степной край и Туркестан, пишет: «По приезде в Ташкент мне надо было представиться Куропаткину. Оказалось, что в этот день был общий прием чинов гражданского ведомства и я – несколько опрометчиво – из любопытства стал с Сахаровым, но «напоролся» на сухое замечание нового начальника края, что «по полученным мною сведениям, одна из серьезных причин восстания – в деятельности Переселенческого управления», на которое при обстановке общего приема не мог возражать. Должен, впрочем, сказать, что в дальнейшем это мнение свое Куропаткин если и не изменил, то во всяком случае ни в чем реальном его не проявил и до своего

ухода (с революцией) не поднял перед нашим министром вопроса о каких-либо переменах в политике переселенческих учреждений в Туркестане»[459].

В последнем своем утверждении А.А. Татищев близок к истине: А.Н. Куропаткин и в самом деле не изменил свое мнение о причастности чинов Переселенческого управления к семиреченским беспорядкам. Об этом свидетельствует ответ бывшего туркестанского генерал-губернатора на вопрос, поставленный перед ним уже в 1917 году следователем В.В. Соколовым, который по мандату Чрезвычайной следственной комиссии вел дело по обвинению Д.С. Шуваева

Б.В. Штюрмера в «насильственном призыве туркмен, калмыков и др. национальностей для работ в тылу действующей армии»[460]. Среди прочих вопросов следствием было предложено А.Н. Куропаткину ответить на вопрос № 10, который был сформулирован следователем ЧСК следующим образом: «10.Что вообще может сказать свидетель о ближайших причинах беспорядков и в какой степени можно считать имеющими значение в этом отношении агитацию, проповедь панисламизма, немецкого влияния и т.п.?»[461]

А вот что ответил бывший Туркестанский генерал-губернатор: «Повторяю, что ближайшею причиною беспорядков я считаю распоряжение о призыве туземцев на работы, произведенное без предварительной подготовки, без разъяснения цели, установления очередей, выявления материальной стороны, организации сбора туземцев, обмундирования их, обеспечения пищей и пр. Требовалось немедленно послать туземцев от 19 до 31 года. Такое распоряжение произвело смятение в умах не только у туземцев, но и у исполнителей этого распоряжения - начальствующих лиц. Утверждаю, что при должной спокойной подготовке Туркестан с пользою для нашей армии мог выставить до 300000 рабочих, особенно полезных не в зимнее время. Эта мера освободила бы 300000 русских для усиления боевой мощи русской армии.

Наибольшее значение имела экономическая сторона вопроса: в областях с оседлым населением требовали отдать внезапно всю рабочую силу в возрасте от 19 до 31года. Выполнение такого распоряжения - это разорение населения, лишение его сбора хлопка, лишение средств к жизни. В областях же с кочевым населением кроме тягости лишения рабочих рук, главною причиной восстания было отобрание у киргиз земель и насилие их лесным ведомством. Беспорядки в Семиречье, по моему мнению, возникли и развивались на аграрной почве» [462].

Последние три слова в подлинном рукописном ответе на вопросы следователя Соколова подчеркнуты самим генерал-адъютантом А.Н. Куропаткиным. Немаловажно также то, что причины беспорядков в Семиречье А.Н. Куропаткин оговорил особо, отделив тем самым характеристику ситуации в этой области от сказанного им по поводу оснований для волнений в других районах Туркестана. Тем

Татищев А.А. *Земли и люди. В гуще переселенческого дела (1906-1921).* Москва: Русский путь, 2001, с.

ГАРФ Ф.1467 Оп.1 Д.417.
ГАРФ Ф.1467 Оп.1 Д.417 л.190.
ГАРФ Ф.1467 Оп.1 Д.417 лл.206-206об.

самым бывший главный начальник Туркестанского края, по сути принявший на себя ответственность за задуманный Переселенческим Управлением план, признал, что в Семиречье «реквизиция» для нужд военного ведомства, не играла определяющей роли, так как там беспорядки возникли на «аграрной почве», то есть причинами стали местные земельные проблемы, относящиеся к области компетенции Министерства земледелия и, в частности, Переселенческого управления.

К числу людей, которые, судя по их действиям, были посвящены в планы Переселенческого управления и потому всячески им содействовали относятся помощник военного министра генерал от инфантерии П.А. Фролов и его ставленник вр.и.д. генерал-губернатора Туркестанского края генерал от инфантерии М.Р. Ерофеев. Безусловно знал, для чего на самом деле был раскручен маховик «реквизиции», и Семиреченский губернатор генерал-лейтенант М.А. Фольбаум: ведь именно он был главным исполнителем всего этого, по выражению Г.И. Бройдо, «дьявольского плана». А вот все остальные туркестанские губернаторы, включая генерал-лейтенанта А.И. Гиппиуса, даже представить себе не могли, какое коварное, с двойным дном, действо происходит на их глазах.

В этом отношении весьма показательно ироническое восклицание, имеющееся в первой части «Показаний Александра Ивановича Гиппиуса, генераллейтенанта, бывшего военного губернатора Ферганской области, ныне в отставке»: «Если бы людям, хорошо знающим все эти местные реалии, поставить задачу создать в Туркестане беспорядки, то нельзя было бы выбрать более подходящее для того время, как конец июня месяца, и нельзя было сделать иных, более раздражающих распоряжений, как распоряжения, исходившие от Штюрмера, генерал Шуваева и генерала Ерофеева» [463].

Было бы очень интересно послушать, что сказал бы генерал-лейтенант А.И. Гиппиус, если бы он, ознакомившись со «Справкой о привлечении кочевого населения Империи для формирования нестроевых команд, используемых для нужд ближайшего тыла», узнал, что инициатором и режиссером всех действий по «реквизиции инородцев» был вовсе не Д.С. Шуваев, не Б.В. Штюрмер и даже не М.Р. Ерофеев, абсолютно не сведущие в туркестанских реалиях, а хорошо знакомый А.И. Гиппиусу по работе в Туркестане[464], молодой и весьма успешный карьерист граф А.А. Татищев, который целых три года заведовал переселенческими и

«Показания Александра Ивановича Гиппиуса» *СДКФ*, http://daniyarov.kg/2018/11/13/pokazaniyaaleksandra-ivanovicha-gipp/. Просмотрено 11.11.2019.

В книге воспоминаний «Земли и люди» А.А. Татищев описывает свои впечатления от встречи в 1913 году с ферганским губернатором следующим образом «Гиппиус оказался губернатором старой туркестанской традиции, для которой идеал администратора воплощался в уездном начальнике, разбирающем дела населения по совести и здравому смыслу. Как-то он вовсе забывал, что, благодаря хлопковому хозяйству, Фергана более других частей края вовлечена в оживленный коммерческий оборот. К чиновникам нашего ведомства относился с большим недоверием, а агронома Курбатова (правда, человека довольно ядовитого) прямо не переносил и принципиально делал все напротив. Но в душе был человеком добрым и действовал по мере своего разумения. Кончил он свою карьеру довольно печально». Далее А.А. Татищев излагает шаблонную официальную версию про надевание халата, чтение и целование Корана и т.д.

землеустроительными делами в Туркестанском крае и, будучи человеком сколь умным, столь и циничным, очень хорошо изучил «все эти местные реалии». С учетом приведенной выше цитаты из «Показаний..». А.И. Гиппиус должен был бы сделать однозначный вывод - знавший положение дел в Семиречья А.А. Татищев поставил перед собой *«задачу создать в Туркестане беспорядки»*. И, к общему несчастью, с этой задачей хорошо справился.

Кроме названных выше «посвященных» и «непосвященных» администраторов были и такие, которые, не будучи осведомлены о деталях задуманной А.А. Татищевым операции, но догадываясь о ее сущности, отказались участвовать в этой постыдной кровавой акции. К таковым относятся военные начальники Пишпекского, Верненского, Лепсинского и Джаркентского уездов, положение и действия которых в июне-августе 1916 года детально описано в статье «Кадровая политика губернатора М.А. Фольбаума»[465].

той же категории людей, понявших всю провокационность и истинную суть происходящих событий следует отнести и тех русских переселенцев Пржевальского уезда, которые перешли на сторону «восставших» киргизов и оказывали им помощь в борьбе с карательными казачьими отрядами. Эти русские люди поняли, что их переселенческие поселки - точно так же, как и киргизские аулы и оседлые поселения - обречены на уничтожение, что обрабатываемые ими земли, причем наиболее плодородные, заранее отданы под казачьи станицы и наделы для тех местных и верненских администраторов, которые «особо отличились» в карательной акции (Ф.Г. Рымшевич, Ф.И. Поротиков, В.А. Иванов, П.В. Бычков и др.).

О европейцах-переселенцах, оказывавших помощь киргизам и расстрелянных за это казачьим карательным отрядом под командованием П.В. Бычкова, пишет в дневнике настоятель Свято-Троицкого монастыря архимандрит Иринарий (И.С. Шемановский)[466], отмечая, что «предателями» стали не рядовые переселенцы, а наиболее образованные из них, способные разобраться в происходящем и понять, от кого исходит реальная угроза, в частности отставной унтер-офицер, георгиевский кавалер Марк Власенко, волостной староста Д. Кошаев, зажиточный крестьянин Тимофей Лобзов. Поэтому все эти люди были уничтожены казаками без суда и следствия, немедленно после захвата в плен. Каждый такой эпизод следует изучить с учетом вновь открывшихся обстоятельств.

Ну и конечно же, наиболее прозорливым современником всех тех событий, понявшим подоплеку и суть произошедшего, оказался правовой консультант семейства манапов Шабдановых, ссыльный социал-демократ, житель города Пишпека Григорий Исаакович Бройдо, который будучи в центре событий и получая информацию ото всех задействованных в этой трагедии сторон, сумел не только

---

[465] Шварц В.И. «Кадровая политика губернатора М.А. Фольбаума. Части 1-3». *СДКФ*, http://daniyarov.kg/2018/04/01/v-shvarc-kto-i-kak-gotovilsya-k-vosstani/. Просмотрено 11.11.2019.

«Док. № 269 «Из дневника настоятеля Иссык-Кульского монастыря И. С. Шемановского о восстании на юге Семиреченской области»». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (Сборник документов).* Ред. А.В.Пясковский. Москва, 1960, с. 418.

разобраться и осознать всю сложную интригу этой авантюры, но и изложить ее в своих показаниях прокурору Ташкентской Судебной Палаты А.И. Адамову[467]. Составленный им документ - воистину удивительный памятник истории! Проделанная нами работа полностью подтвердила правоту версии Г.И. Бройдо и лишь добавила к ней «петроградскую составляющую».

Заключение

На основании анализа ранее опубликованных документов с учетом впервые вводимых в научной оборот материалов следствия Чрезвычайной следственной комиссии по обвинению министров Б.В. Штюрмера и Д.С. Шуваева, служебной переписки между подразделениями Министерства земледелия, а также воспоминаний должностных лиц этого ведомства о событиях весны-лета 1916 года, можно сделать следующие выводы:

Проблема изыскания трудовых ресурсов для осуществления работ на государственные нужды весной-летом 1916 года реально существовала, однако дефицит рабочей силы испытывали не только и не столько действующая армия, сколько другие ведомства, в частности - Министерство земледелия и Министерство торговли и промышленности, между которыми возникла жесткая конкуренция по данному вопросу.

Идея принудительного формирования «рабочих отрядов» из представителей кочевого населения первоначально исходила из Переселенческого управления Министерства земледелия и была выдвинута в контексте другой государственной задачи - выявления больших земельных площадей для предоставления их отличившимся солдатам русской армии, в частности - георгиевским кавалерам, сразу после окончания боевых действий. Кроме того, Переселенческое управление было обязано разрешить задачу наделения дополнительными земельными участками казаков Семиреченского казачьего войска, так как этого требовали положения закона, принятого и отложенного в связи с началом Первой мировой войны.

Параллельные, противоречивые и несогласованные действия различных ведомств, проявившиеся уже при разработке нормативной базы «реквизиции» и вылившиеся в организационный хаос при реализации Высочайшего повеления, были обусловлены тем, что, с одной стороны, непосвященные в наличие «теневой задачи» представители военного министерства стремились к достижению официально декларированной цели набора рабочих для тыловых работ, а с другой стороны - чиновники Переселенческого ведомства и администрации Семиреченской области действовали в целях решения задачи смещения кочевников с закрепленных за ними земель. Такой «конфликт интересов» повлек несогласованность действий и массовые эксцессы исполнения, которые привели к гибели тысяч русских переселенцев и

Бройдо Г.И. «Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 года». *Восстание киргиз в 1916 году. Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР*. Москва, 1925, с.29.

десятков тысяч представителей коренного населения. В этом отношении показательна реакция Николая II изложенная в его мемории от 28 июля 1916 года на всеподданнейший доклад Военного Министра от 26.07.1916 г. № 164[468]

Относительная бесконфликтность проведения «реквизиции» «инородцев» в регионах, не относящихся к Туркестанскому краю, а также та легкость, с которой реквизиция была отменена на Кавказе, в Якутии и ряде других районов, позиция Штаба Верховного Главнокомандующего и самого Николая II, готовых полностью отказаться от призыва инородцев, свидетельствуют о малой значимости этой кампании в глазах военного руководства России. О том же свидетельствуют отсутствие реальных результатов данной кампании и быстрота, с которой она по инициативе Военного министерства была полностью прекращена весной 1917 года, несмотря на то, что положение на фронтах оставалось крайне тяжелым, характер боевых действий со стороны русской армии был преимущественно оборонительный, а Временным Правительством был выдвинут лозунг «Война до победного конца».

Предложенная в 1906 году П.И. Столыпиным переселенческая политика, в том числе ее туркестанская составляющая, полностью поддерживалась всеми буржуазными партиями, составлявшими большинство в Государственной Думе IV созыва. Эта политика не подвергалась сомнению и активно реализовывалась в течение десятилетия всеми составами Совета Министров, в том числе, и членами кабинета Б.В. Штюрмера, включая министра Земледелия А.Н. Наумова. Точно также все органы власти, действовавшие в 1916 году, поддерживали распространение закона воинской повинности на те народности, которые были от нее освобождены по состоянию на начало Первой мировой войны. В связи с этим разработанный Переселенческим управлением план, в том числе, его «теневая» цель были вполне приемлемы и для Государственной Думы, и для Временного Правительства: вопросы благополучия и даже существования любой «инородческой народности» не волновали ни «народных представителей», ни членов правительства. Вся патетика выступлений 13 декабря 1916 года нужна была «либералам» исключительно для дискредитации кабинета Б.В. Штюрмера и подрыва устоев действующей власти.

Предложенная концепция предпосылок и причин семиреченских событий 1916 года позволяет дать логичные и непротиворечивые ответы на многие вопросы, остававшиеся открытыми на протяжение столетия, и, как общее резюме, охарактеризовать весь комплекс мер, предложенных Переселенческим управлением и осуществленных под его контролем, начиная с подготовки и принятия Высочайшего повеления от 25 июня 1916 года и заканчивая реализацией «плана А.Н. Куропаткина» по колонизации Пржевальского и Пишпекского уездов, как циничную авантюру общегосударственного масштаба, сыгравшую огромное и недооцененное историками значение, повлекшую огромные человеческие жертвы, неисчислимые материальные потери и, в итоге, негативно повлиявшую на межнациональные отношения и в целом на экономическое положение не только Туркестанского края, но России в целом.

«Док. №20. Всеподданнейший доклад помощника военного министра П.А. Фролова 26 июля 1916 г». *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане.* Ред. А.В. Пясковский. Москва, 1960, сс. 39–42.

Описание событий июля-августа 1916 года на юге Семиреченской области с учетом выявляемых документов насущно необходимо для объективного понимания причин и хода Үркүн - самого драматического события в истории киргизского народа XIX-XX веков. Обстоятельства, предшествовавшие этим событиям, также важны для лучшего понимания действий различных политических сил в последний год существования Российской империи.

Список источников и литературы

Бройдо Г.И. «Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 года». *Восстание киргиз в 1916 году. Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР*. Москва, 1925.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (*Сборник документов)*. Ред. А.В. Пясковский. Москва, 1960.

Восстание 1916 года. (Сборник документов и материалов). Сост. О.К. Ахмедов и др. Бишкек: Кут-Бер, 2016.

Зорин А. «Из истории восстания казахов и киргизов в 1916 году». *Борьба классов*, № 7-8, 1932, л.137-139.

Казақ ұлт-азаттық қозғалысы. Жетісу - Ыссықкөл кдсіреті. Құжаггар мен материалдар жинағы. 1916-1920 жж. Жетысу. Иссык-Кульская трагедия. (Сборник документов и материалов. 1916-1920 гг.). Алматы: Ел-шежіре, 2009.

Қаһарлы 1916 жыл: Құжаттар мен материалдар жинағы. Грозный 1916-й год. (Сборник документов и материалов). В 2 томах. Т.1. Ред. М.К. Козыбаев. Алматы: Қазақстан, 1998.

Ковалев П. А. *Тыловые рабочие из Туркестана в годы Первой мировой войны. 1916 - май 1917 гг.* Ташкент: Госиздат УзССР, 1957.

Наумов А.Н. *Из уцелевших воспоминаний. 1867-1917.* В 2-х томах. Т.2. Нью-Йорк, 1955.

Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1916 год. Сост. Б.Д. Гальперин. – Москва: РосПЭН, 2008.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Ред. П.Е. Щеголева. В 7 томах. Ленинград, 1924-27.

Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. Ред. Г.Ф. Чиркин, Петроград, 1915, сс. 283-287.

Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 года. (История в документах). В 6 томах. Бишкек: КРСУ, 2016.

Подпрятов Н.В. «Этнические строительные отряды русской армии на фронтах Первой мировой войны». *Власть*, № 10, 2013.

Татищев А.А. *Земли и люди. В гуще переселенческого дела (1906-1921).* Москва: Русский путь, 2001.

Шварц В. И. «Григорий Бройдо заблуждался... Но в чем?.. Семиреченские хроники 1916 года». *СДКФ*. http://daniyarov.kg/2019/06/05/vladimir-shvarc-grigoriybroydo-zablu/. Просмотрено 11.11.2019.

Шварц В.И. «Кадровая политика губернатора М.А. Фольбаума. Части 1-3». *СДКФ*, http://daniyarov.kg/2018/04/01/v-shvarc-kto-i-kak-gotovilsya-k-vosstani/.Просмотрено 11.11.2019

Шварц В. «Хроника Кровавого Повеления. - 9 дней до Кровавого Повеления». *СДКФ*, http://daniyarov.kg/2018/08/17/1916-god-khronika-krovavogo-poveleniya-9dne/. Просмотрено 11.11.2019.

Архивные материалы

Отношение товарища Министра А.А. Риттиха, 14 марта 1916 г. Подлинник. РГИА Ф.391 Оп.6 Д.300 л.83.

Показания А.И. Гиппиуса. 1917 г. ГАРФ Ф.102 Оп.125 Д.130 ч.11. л.5. *СДКФ*, http://daniyarov.kg/2018/11/13/pokazaniya-aleksandra-ivanovicha-gipp/. Просмотрено 11.11.2019

Предложения Переселенческого Управления (проект). 30 марта 1916 г. Подлинник. РГИА Ф.391 Оп.6 Д.300 лл.106-113.

Протокол допроса А.Н. Куропаткина. 7 августа 1917 г. ГАРФ Ф.1467 Оп.1 Д.417 лл.206-206об.

Соколов - Куколь-Яснопольскому. 9 августа 1917 г. ГАРФ Ф.1467 Оп.1 Д.417 л.224.

Соколов - Куропаткину. 17 июля 1917 г.. ГАРФ Ф.1467 Оп.1 Д.417 л.190

Справка Переселенческого Управления. 30 марта 1916 г. РГИА Ф.391 Оп.6 Д.300 лл.123-132. Отпуск.

Справка Переселенческого Управления (проект). 30 марта 1916. Подлинник. РГИА Ф.391 Оп.6 Д.300 л.102.

Фролов/Алексеев стенограмма разговора по прямому проводу. 20 июля 1916 г. Подлинник. РГВИА Ф.400 Оп.19 Д. 155 лл.163-170.

Международные связи и участие иностранцев в событиях 1916 года в Семиречье

Джамиля Маджун (Мусарова)

Аннотация

Ряд царских чиновников Семиречья полагали, что организаторами восстания 1916 г. в Туркестанском крае были иностранные агенты. Однако, прогрессивные деятели русской и казахской интеллигенции считали, что никакого внешнего воздействия на восставших не было, а восстание было вызвано преступной алчностью представителей колониальных властей, казачества и новых славянских переселенцев. Имел ли внешний фактор решающее влияние на восстание 1916 г. в Семиречье или носил характер вымысла?

Ключевые слова: *Семиречье, восстание 1916 г., Китай, киргизы, колониальная администрация, внешнее вмешательство.*

Введение

Восстания коренных народов Туркестанского края Российской империи, вспыхнувшие летом 1916 г., произошли в разгар Первой мировой войны, когда воюющие стороны использовали все возможные средства для достижения победы – от открытых военных боев, ведения закулисных игр с соседними странами, не втянутыми в конфликт, до попыток дестабилизации внутреннего положения вражеских стран. Война разрушила прежний мировой порядок, основанный на открытой бесцеремонной эксплуатации десятков и сотен колониальных народов небольшой кучкой крупных монархических держав. Результатом Первой мировой войны стало разрушение Британской, Османской и Российской империй, порабощенные народы которых попытались воспользоваться представившимся случаем для своего освобождения.

Колониальные власти, военные Туркестана, в частности, Семиречья, в условиях слабого контроля со стороны Российского правительства также попытались воспользоваться войной и указом о призыве коренного населения на тыловые работы для собственного обогащения. Наиболее ожесточенный и трагический характер восстание 1916г. приобрело в самых богатых уездах Семиречья: Пржевальском, Пишпекском и Джаркентском, с их благоприятными для земледелия и скотоводства природно-климатическими условиями, которые притягивали сюда тысячи крестьян из России и китайских сезонных рабочих. Накануне восстания на руках у местного населения было сосредоточено огромное состояние в виде земли, воды, многомиллионного поголовья скота и десятков тысяч тонн урожая опиума, который стал к тому времени международным платежным средством. Поэтому борьба за отъем этих богатств у коренного населения приняла здесь крайне жестокие и трагические формы, подтвердив поговорку: «Кому – война, а кому – мать родна».

Пытаясь снять с себя вину за неэффективное управление и притеснение коренного населения, приведшие к кровавым событиям, колониальная администрация

Семиречья искала причину восстания во внешнем иностранном факторе. Но ряд прогрессивных русских деятелей и очевидцев событий 1916 г. считали, что никакого внешнего воздействия на восставших не было, а восстание было вызвано алчной деятельностью представителей колониальных властей, казачества и новых славянских переселенцев. Так чем же было вызвано это восстание: деятельностью властей или иностранным вмешательством? Чтобы ответить на этот вопрос, мы постараемся воссоздать картину сил и групп, заинтересованных в этих событиях, обрисовать специфику их интересов, показать методы их воздействия.

Источниковедческая база исследования

Источниковедческой базой исследования явились официальные документы имперской и местной колониальной администрации, доклады военных, дипломатов, органов разведки, а также материалы судебных разбирательств, воспоминания очевидцев и участников восстания 1916 г. В ЦГА Республики Казахстан использованы материалы фонда 77 «Верненский окружной суд», содержащие секретные донесения генеральных консульств России в Китае, судебные разбирательства по восстанию киргизов и казахов Семиреченской области в 1916 г., в том числе, в отношении полицмейстера г. Верного Поротикова и его туземных жандармов, сыгравших провокационную роль в возникновении беспорядков в Семиречье. «Семиреченское областное правление Министерства внутренних дел» (фонд 44) имело право разрешать пограничные дела с китайским правительством, ведало делами военнопленных, принимало меры в отношении народных волнений и беспорядков. В фонде 46 «Штаб войск Семиреченской области» содержатся материалы разведки, донесения генеральных консульств о положении военных дел в Китае, деятельности запрещенной партии Гэлаохуй. Фонд 797 «Судебный следователь Верненского окружного суда» содержит дела о восстании и судебные разбирательства над повстанцами.

ЦГА Кыргызской Республики в фонде И-75 хранится коллекция «Восстание киргизов в 1916 г. и присоединение Киргизии к России», где собраны документы из архивов России, Казахстана и Узбекистана, охватывающие период с 1850 г. по 1921 г.

фонде широко представлены документы и свидетельства очевидцев восстания 1916 г. в Семиречье. В фонде И-34 и фонде 97 хранятся дела мировых судей Пржевальского уезда Верненского окружного суда 3-го и 5-го участков, в основном, уголовные дела по обвинению участников восстания.

Как дореволюционные источники, так и материалы советского и постсоветского периодов, требуют критического подхода, так как часто «грешат» неточностями, искажают факты или содержат ложную информацию в зависимости от того, какие цели преследовались автором. При использовании полицейских и военных донесений, в том числе, о подготовке киргизов к восстанию, нападениях и агрессивных действиях против представителей власти и вооруженных военных, нельзя принимать их все за «чистую монету». Очень часто, ограбив и убив коренных жителей, в своих отчетах казаки и военные, чтобы избежать наказания за свои преступления, перекладывали

вину за произошедшие инциденты на своих безоружных жертв, обвиняя их в нападении или бегстве из-под ареста. Определить истинную картину событий помогают свидетельства очевидцев, а также честных и здравомыслящих представителей военных и администрации, таких, как социал-демократ Г.Бройдо[469], казахский инженер М.Тынышпаев[470], ротмистр Особого корпуса жандармов в г. Верном В. Железняков[471], ротмистр Юнгмейстер[472], драгоман российского консульства в г. Кашгар Г.Ф. Стефанович[473] и др.

Существует еще один важный и интересный вид исторических источников, который в советское время не рассматривался. Речь идет о воспоминаниях очевидцев, боровшихся против Советской власти, но считавших себя патриотами России. В этой связи интересно выслушать и противоположную сторону, например, очевидца восстания 1916 г. и участника Гражданской войны в Туркестане на стороне белогвардейцев П.С. Назарова. Он родился в Оренбурге, с детства знал казахский язык, был высокообразованным человеком, закончил МГУ. После установления Советской власти скрывался у казахов, киргизов, узбеков, затем бежал в Китай, а оттуда на Запад. В 1932 г. он написал книгу о восстании 1916 г. и гражданской войне Туркестане, которая была издана на английском языке[474].

В начале 30-х годов начинают публиковаться сборники документов о восстании 1916 г. из царских архивов и документы русской и туземной администрации Семиречья и Туркестана. Практически все доступные к тому времени документы и материалы из архивов России, Казахстана, Узбекистана и Киргизии, касающиеся восстания, были собраны кропотливым трудом советских историков. Многие из этих материалов были опубликованы[475], а многие хранятся в Рукописном фонде Института языка и литературы Национальной Академии наук Кыргызской Республики (РФ ИЯЛИ НАН КР)[476], в том числе, воспоминания участников и очевидцев восстания,

---

Бройдо Г. *Восстание киргиз в 1916 г.: Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 г.* Москва, 1925.

Показания Тынышпаева прокурору Верненского окружного суда. ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.46 лл.132-145.

Мятеж киргиз в Семиреченской области в 1916 г. (Его причины, течение и постепенная ликвидация). Фонд рукописей и редких книг Национальной Библиотеки Республики Казахстан (ФРРК НБ РК). Инв.62.

Рапорт от 30.12.1916 г. чиновника для поручений районного охранного отделения Юнгмейстера о восстании в Пржевальском уезде. *Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане (Сборник документов*). Москва, 1960, сс.395-402.

Галиев В. «Драгоман российского консульства в г. Кашгар Г.Ф. Стефанович и восстание 1916 года». *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов*, 2006-2018.

Nazaroff P. *Hunted through Central Asia*. Oxford University Press, 1993.

Лесная Л. *Восстание 1916 г. в Киргизии: Документы и материалы.* Ред. и предисл. Т.Р. Рыскулова. Москва, 1937; *Восстание в Средней Азии (Сборник документов).* Подг. С. Волин, Ф. Божко. Ред. П.Г. Галузо. Ташкент, 1932; *Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г* (*Сборник воспоминаний и материалов).* Алма-Ата, 1937; *Восстание 1916 г. в Туркмении (Документы и материалы)*. Сост. С.А. Ершов. С.Т. Филиппов. Ашхабад, 1938; *Восстание 1916 г. в Северной Киргизии* (*Сборник документов).* Сост. М.Д. Рабинович, И.П. Липшиц, В.И. Салий. Фрунзе, 1941; *Восстание 1916 г. в Казахстане (Документы и материалы)*. Алма-Ата, 1947 и др.

Лачко Л. «Копийные материалы по теме: «Аграрная политика царизма в годы столыпинской реакции». РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв.156, 1948; *Характер восстания 1916 г. в Киргизии*. Собран С.К. Керимбаевым в

собранные студентами истфака КГУ и сотрудниками Академии наук Киргизии в начале 1950-х годов[477]. Эти материалы позволяют раскрыть процессы, происходившие внутри киргизского общества, определить характер восстания и воссоздать картину трагических событий глазами повстанцев и беженцев.

Т. Котюкова и Федеральное архивное агентство России проводят огромную работу по поиску и публикации ранее неизвестных архивных документов по восстаниям 1916 г. на окраинах Российской империи[478]. В 2015 г. в СанктПетербурге вышел капитальный трехтомный труд Б.Ф. Мухлынина[479], в основу которого легли документы и материалы Российского исторического архива, Российской национальной библиотеки, архивов государств Центральной Азии, воспоминания первых переселенцев-колонистов и их потомков об истории села Беловодское. Автор попытался довести до читателя точку зрения славянских переселенцев, пострадавших в ходе восстания, описав ужасы и страдания жертв повстанцев.

В. Шварц, соучредитель фонда С. Даниярова, за последнее время ввел в научный оборот много документов из архивов Москвы, пытаясь воссоздать цельное и конкретное документальное повествование по дням и в лицах, без предубеждений и оценочных суждений, чтобы выяснить, кто и когда, по каким причинам совершал действия, приведшие к трагедии 1916 г.[480]

Большой интерес представляют исследования зарубежных историков[481], которые опираются на архивы Германии, Англии, Турции и описывают эти события из «неприятельского лагеря» (как известно, Германия и Турция выступали против России в Первой мировой войне), что, несомненно, поможет всестороннему восстановлению общей картины восстания 1916 г.

Первая мировая война привела к перемещению огромных людских потоков во всем мире, а закономерным следствием смешения европейских, славянских, тюркских и китайских народов стала интернационализация политических событий и конфликтов в Туркестанском крае. Имел ли внешний фактор решающее влияние на восстание 1916 г. в Семиречье или носил характер вымысла? Этот вопрос мы и попытаемся выяснить в ходе исследования.

ЦГВИА. 1952-1953 гг.; Там же. Инв.1503, 1953; *Архивные материалы из ЦГИА Узбекской ССР о восстании 1916 г. в Киргизии*. Собран А.Г. Зима; Там же. Инв. 1505; *Архивные документы ЦГИА Каз ССР*. Собран З.Л. Амитиным-Шапиро; Там же. Инв. 60, 1946 и др.

РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв.321, 1494, 61, 1487, 1491, 1519.

Восстание 1916 года: документальные свидетельства общей трагедии. (Сборник документов и материалов). Ред. Т.В. Котюкова, 2016; События в Семиречье 1916 г. по документам российских архивов. Предисловие А.В. Ганина. http://semirechye.rusarchives.ru/predislovie#06. Просмотрено 15.05.2017; и др.

Мухлынин Б. *История села Беловодское*. В 3-х томах. СПб., 2015.

Шварц В. «Летопись: Туркестан 1916». http://daniyarov.kg Просмотрено 3.03.2018.

Sokol E. *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimor. 1954; Фурсов К. *Большая игра – взгляд из Британии. Обзор работ Питера Хопкирка*. Москва, 2016; Brophy D. *Uyghur Nation. Reform and revolution on the Russia-China Frontier*. Cambridge, Massachusetts, London, 2016; Werner, Otto von Hentig. «Das niegeschaut Land (AT) Asiatische Reisen 1912-1917 herausgegeben von Hans Wolfram von Hentig». http://jarring collection.se/travel/das-nie-geschaute-land/. Просмотрено 21.08.2018.

Миграционные процессы в Туркестане накануне восстания 1916 г.

В начала XX в. в России наблюдается экономический бум, освоение ее среднеазиатских владений происходит через развитие в крае передовых капиталистических отношений, строительство железных дорог, соединявших центральные регионы страны с Туркестаном и Китаем. Продолжается освоение земель посредством строительства оросительных каналов, развития торговли и промышленности, появляются первые шахты и нефтепромыслы, заводы, новые города и селения, создается экономическая и транспортная инфраструктура Туркестанского края. Все это требовало огромной армии рабочих, поэтому поток переселенцев из России и трудовая миграция из приграничных стран, особенно, Китая, на территорию Туркестана достигали значительных размеров.

Численность трудовой миграции из Китая неуклонно возрастала: если в 1905 году она составляла 13000, в 1908 г. – 28000, то к началу Первой мировой войны достигла более 50000 человек[482]. Дэвид Брофи отмечает, что тысячи молодых кашгарцев искали работу в таких городах, как Верный (Алматы, Казахстан), Каракол или Токмак (Кыргызстан), где ежедневная заработная плата была более чем в десять раз выше, чем в Кашгаре, а труд кашгарцев стал рассматриваться как важнейший компонент развития Русского Туркестана. Связи Синьцзянской провинции с Китаем продолжали оставаться достаточно слабыми, в то время как связи с Россией быстро развивались и крепли[483].

Обширная культура опийного мака, возникшая в Пишпекском, Джаркентском и Пржевальском уездах, к лету 1916 г. привлекла сюда тысячи выходцев из Кульджи и Кашгара, прибывавших на работу по орошению долины реки Чу, на строительство Семиреченской железной дороги и для сбора и закупки опия. Русско-подданные дунгане добывали опиум для продажи в Китае, а рабочими, культивировавшими маковые плантации, были обычно кашгарские сарты и китайско-подданные дунгане. Консул в Кульдже Л. Бродянский отмечал, что в 1916 г. в мае месяце наблюдался особенно большой наплыв китайцев в с. Токмак и вся эта волна рабочих нахлынула через границу тайно, без паспортов[484]. Именно они, главным образом, и занимались контрабандой опиума в китайские пределы, пользуясь малоизвестными и малодоступными тропами[485].

Другим источником пополнения населения Туркестана в этот период были военнопленные и беженцы. К концу 1916 г. в России насчитывалось до 3,6 млн. беженцев, которые государством перемещались вглубь России и в Туркестан, в том числе. Общая численность перемещенных граждан в период первой мировой войны в

---

482 Мамедова Э. «Из истории взаимоотношений Туркестанского края и Синьцзяна в начале XX в». *Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока в XVIII – начале XX века*. Ташкент: АН Уз.ССР, 1963, сс.160, 166.

Brophy D., p.84.

ЦГА РК Ф.77 Оп.2 Д.130 л.103 об.

ЦГА РК Ф.44 Оп.1 Д.37979 лл.44, 64-66.

России достигла 5 млн. человек[486]. В 1914 г. в Туркестанский край было вывезено почти 70 тыс. беженцев[19]. Так как пособия были небольшими, беженцы искали работу на производстве, но их большая часть работала в сельском хозяйстве.

Во время Первой мировой войны на территории Российской империи находилось, по разным источникам, от 1,9 млн. до 2,4 млн. военнопленных вражеских армий. Летом 1915 г. только в Туркестане находилось около 200 тысяч военнопленных, более половины из которых, работала в сельском хозяйстве. В целях поощрения к более усердному труду с весны 1915 г. им даже выплачивали зарплату. Контроль над ними, в силу разных причин, не мог осуществляться в полном объеме, а офицерам военнопленным предоставлялась практически неограниченная свобода[487]. В ряде мест количество военнопленных стало превышать количество населения городов, в которых они размещались[488].

Таким образом, на территории России во время войны было сосредоточено более 7 млн. военнопленных и перемещенных граждан, большая половина из которых была трудоспособной и имела готовность к оплачиваемой работе. Ставке же нужен был только 1 млн рабочих[489]. Высочайшим повелением от 25 июня 1916 г. из Туркестана планировалось реквизировать для работы в тылу 200 тысяч здоровых мусульман 25 возрастов, в то время как с начала войны отсюда на фронт уже было отправлено около сотни тысяч русских крестьян[490]. После выполнения данного указа на приграничной с Китаем, Афганистаном и Ираном территориях остались бы, в основном, немощные старики, женщины, дети и многотысячная армия хорошо обученных немецких, австрийских и турецких военнопленных и китайско-подданные рабочие, среди которых орудовали анархисты. Именно десятки тысяч бывших солдат вражеских армий впоследствии примут участие в сломе государственного аппарата Российской империи, сыграв немаловажную роль в революциях 1917 года и во время Гражданской войны 20-х годов на территории Туркестана и Сибири.

Неслучайно, многие современники считали, что Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. носило провокационный характер, а подобные решения министров царского правительства шли вразрез с интересами страны, более того, ставили под удар ее территориальную целостность и мирную жизнь населения всего Туркестанского края.

Международное соперничество в Центральной Азии

Накануне и во время Первой мировой войны усилилась борьба за влияние в Центральной Азии между крупными игроками: Англией, Россией, Китаем, Турцией и

---

[486] Курцев А. «Беженцы Первой мировой войны в России». *Вопросы истории*, №8, 1999, сс.98-113. [19] Котюкова Т. «Восстание 1916 г. в Туркестане: Ошибка власти или историческая закономерность?» *Обозреватель*, №8, 2011, с.103.

Васильева С. *Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны*. Москва, 1999, сс.83, 100-102.

Котюкова Т., сс.98-124.

Восстание 1916 года: документальные свидетельства общей трагедии (Сб. док. и мат). Москва, 2016, с.37.

Восстание 1916 года: документальные свидетельства общей трагедии (Сб. док. и мат), с.25.

Германией, которые засылали сюда своих агентов, что способствовало обострению соперничества иностранных разведок и борьбы контрразведок в регионе.

В начале XX в. участилось паломничество состоятельных лиц из числа коренного мусульманского населения Семиречья в Мекку, число паломников составляло до нескольких тысяч человек в год. Наступление славянских переселенцев на земельную собственность и права коренного населения края вынуждало последних искать поддержки у мусульманских стран, той же Турции, обещавших избавление из-под власти «неверных». Власти предполагали, что в числе паломников могли находиться завербованные иностранцами агенты: согласно донесениям, в Туркестане оживилась деятельность турецких агентов, призывавших к священной войне против неверных[491].

Однако, что касается реального влияния Турции на повстанцев, Д.Е. Сокол отмечает, что турецкий панисламизм полностью провалился в своей миссии в Центральной Азии, как и везде. Офицер Эсертон, сменивший Г. Макартни на посту Британского генерального консула в Кашгаре в 1918 г., писал в 1923 г.: «После изучения дел я нашел очень мало признаков влияния мусульманства на Центральную Азию со стороны панисламизма; симпатии к Турции были ярко не выражены, и она не рассматривалась как хаб исламского мира»[492].

В архивных документах и воспоминаниях современников встречаются упоминания об участии отдельных иностранцев в восстании киргизов в 1916 г. в Семиречье. Так, непосредственным поводом к началу восстания в Семиречье стал захват обоза с оружием в Боомском ущелье, заставившим основную массу сомневавшихся киргизов присоединиться к повстанцам. В одном из документов жандармского управления г. Верный указывается, что «в первых числах августа 1916 г. в Пишпек прибыл транспорт оружия: 172 винтовки и 34 тыс. патронов к ним, следующий из Верного в Пржевальск. 9 августа при приближении к Куты-Малдам киргизы напали на обоз и перешли в атаку: вперед выехал их командир, которого можно было принять за армянина или грека, но не киргиз, с серебряной шашкой. Муховиков его убил, киргизы бросились его подымать и в это время оставшиеся в живых два защитника транспорта многих убили». Далее источник сообщает, что «киргизы, бросившиеся лавой с криками: «Ура!», убили старшего конвоира и сумели захватить оружие»[493].

По поводу волнений среди киргизов и казахов Верненского, Пишпекского, Пржевальского и Джаркентского уездов исполняющий дела начальника штаба Туркестанского военного округа М. Н. Михайловский писал: «Обращает на себя внимание организованность мятежных киргизов: в некоторых бандах имеются значки-знамена, на шапках многих бунтовщиков надеты однообразные металлические бляхи, в горах устроены мастерские для выделки холодного оружия и пороха, скопища киргизов управляются, применяется оптическая сигнализация для передачи

Усенбаев К. *Восстание 1916 года в Киргизии*. Фрунзе, 1967, сс.78–79, 235.
Sokol E. *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimor, 1954, с.149.
ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.55 лл.20-21.

сведений о движении наших отрядов, при перестрелках киргизы окапываются. Сам мятеж именуется у киргизов войной. Часть вооружения доставлена мятежниками из пограничных местностей Китая, где, по-видимому, находятся германские и турецкие агенты и агитаторы, воспользовавшиеся набором рабочих как ближайшим поводом для возбуждения восстания, подготовлявшегося ими с самого начала войны»[494].

Заведующий Пржевальским оброчным подрайоном сообщал: «Мятеж готовился не только изнутри, но и извне. Пленные (например, крестьяне села Кольцовского Семён Меньших и другие, пробывшие в плену у киргиз по месяцу и больше) слышали от многих киргиз рассказы о том, как представители не только рода Шабдана, но и Тонской, Улахольской и других волостей были в Турции, где получили деньги, оружие и обещание устроить в Туркестане особое киргизско-сартовское царство. Условием для этого ставилось уничтожение русских. Во всём Туркестане, несомненно, имела место турецко-немецкая пропаганда»[28]. Очевидец событий П. Назаров, основываясь на слухах, отмечал, что казахские и киргизские соединения были под командованием турецкого офицера, военнопленного, сбежавшего из Сибири[495].

Но далеко не все донесения военных и показания свидетелей содержали правдивую информацию. Приведем примеры о том, как создавались мифы о восстании 1916 г. из непроверенных слухов и сплетен. Подполковник в отставке В.К. Сапожников на следствии Мировому судье 3-го участка Пржевальского уезда показывал, что перед восстанием наблюдались признаки подготовки киргизов к восстанию, а «в одном из домов дунган в с. Мариинском (Ирдык) Пржевальским инструктором полеводства г-ном Каракашем при розыске опиума был случайно найден склад разного оружия»[496]. Сам же инструктор полеводства Д.Г. Каракаш на том же следствии заявил: «Относительно того, что у дунган в Мариинке был найден склад оружия, я слышу впервые и уверен, что этого быть не могло»[497].

Матрене Берниковой писали в прессе, что, будучи в плену у киргизов Пржевальского уезда, она видела там двух европейцев и одного турецкого генерала. На допросе 5 декабря 1916 г. она отмечала: «Насилий надо мной никаких не было, но работать меня заставляли, кормили, как только могли. Когда я была у них в плену, за все 25 дней, никаких европейцев или турецкого генерала я не видела»[498].

Немецкие и турецкие агенты не могли свободно осуществлять свою деятельность в Семиречье, как они делали это, например, в Афганистане, не встречая сопротивления властей и даже пользуясь их поддержкой. В Туркестане многочисленные органы Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел и Военного министерства ревностно конкурировали между собой в поисках

---

494 *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане (Сб. док.)*. Док. №239. Москва, 1960, с.347 28 Мухлынин Б. *История села Беловодское*. В 3-х томах. СПб., 2015. http: //belovodskoe-muh.ucoz. ru/index/0-2 Просмотрено 15.08.2017.

Nazaroff P. *Hunted through Central Asia.* Oxford University Press, 1993, с.166.

ЦГА КР Ф.И-34 Оп.2 Д.5 л.16 об.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.2 л.91.

ЦГА КР Ф.И-34 Оп.2 Д.5 лл.222-223.

иностранных шпионов и агентов влияния. Это, несомненно, затрудняло планомерную организационную деятельность агентуры иностранных держав, хотя имеются много свидетельств участия отдельных иностранных подданных в событиях 1916 г. в Семиречье и во всем Туркестанском крае. Некоторые из приезжающих в Туркестанский край европейских путешественников были правительственными агентами на задании, но было также много и независимых авантюристов и разного рода мошенников из числа торговцев, военнопленных, европейских переселенцев, китайских анархистов, контрабандистов опиума и прочего люда, пытавшихся «ловить рыбу в мутной воде».

Приоритетной задачей Германии на Востоке оставался захват Индии, которую летом 1914 г. кайзер Вильгельм II решил попытаться вырвать из рук Англии. Для этого было задумано развязать против Англии священную войну мусульман Османской империи, Кавказа, Ирана и Афганистана. С этой целью в Берлине стал издаваться бюллетень на восточных языках, распространявшийся в мусульманском мире. П. Хопкир отмечает, что при помощи своей широко разветвленной агентурной сети Германия проводила агитационную работу по всей Азии, стремясь втянуть в войну, прежде всего, Иран, Афганистан и Индию. Для этих целей осенью 1914 г. немцы стали набирать совместную немецко-османскую миссию для ведения разведывательной и подрывной деятельности на Востоке, в которую вошли дипломат Вильгельм Вассмусс и капитан Оскар фон Нидермайер. Точная численность миссии неясна, но британская разведка идентифицировала 84 имени. Автор также отмечает, что для британцев опасность, какую представляла священная война, становилась достаточно реальной. На значительной части территории Ирана немцы расширяли контроль день за днём. Лишь на подконтрольном России севере Ирана немецким агентам не давали развернуться русские казаки[499].

О. Нидермайер был послан в Афганистан вместе с опытным разведчиком Вернером Отто фон Гентигом, работавшим секретарем германского консула в Пекине, с целью склонить афганского эмира вступить в войну на стороне Германии и Турции. По данным русской разведки, Германия занималась поставками немецкого оружия в Афганистан. В октябре 1909 г. туда из Германии было доставлено 17000 винтовок с патронами. Вместе с ними в Кабул по приглашению эмира прибыло семь немецких оружейных мастеров, которые через некоторое время приступили к работе на большом оружейном заводе, на котором работало 300 человек[500]. Ежедневно там изготовлялось по 100 и более ружей, а также пушки, называемые «гандак карабин». Из Афганистана поступали сведения, что в Ханабаде и Кабуле афганские войска обучались немецкими и турецкими офицерами. Российская разведка опасалась, что эти обученные войска готовились вступить на территорию Российской империи с местности Дарбаз и Куляб[501].

Фурсов К. *Большая игра - взгляд из Британии. Обзор работ Питера Хопкирка*. Москва, 2016, сс.47-48.

Оришев А., Ряполов В. *Германские миссии на Востоке: от Бисмарка до Гитлера*. Москва- Берлин, 2016, с.36.

ЦГА РК Ф.44 Оп.1 Д.38239 лл.39-40,43.

В феврале 1916 г. русские войска очистили Северо-Западный Иран от турок, немцев и их персидских сторонников и углубились в Восточную Турцию. Победные бои Антанты в Азии подтолкнули афганского эмира, несмотря на внешнее давление, отказаться вступить в войну и заключить союз с Германией и Турцией. Поэтому 21 мая 1916 г. потерпевшая неудачу миссия Нидермайера – Гентига выбыла из Кабула: Нидермайер поехал на запад к иранской границе, а Гентиг – на восток через Памир в Китайский Туркестан. Через два месяца после их отъезда из Кабула серия восстаний вспыхнула в русской Средней Азии. П. Хопкир отмечает, что «если бы немцы знали, что назревает на севере, они попытались бы управлять событиями, так как, возможно, то была та самая искра, высечь которую им так и не удалось в Афганистане»[502].

В середины XIX века территория Китайского Туркестана находилась в зоне политических и торговых интересов России, на страже которых стояли Императорские консульства в Кашгаре и Кульдже. Российские консульства принимали все меры по выдворению с этой территории всех подозрительных турецких, и, особенно, немецких и австрийских подданных. Так, в июле 1916 г. Русским генеральным консулом были высланы из Кашгара трое военнопленных австрийцев, бежавших сюда из г. Скобелева. В это же время из Афганистана в Яркенд прибыл подполковник Хэндиг, который со своими попутчиками ночью секретно выехал по направлению в Кашгар. Для их сопровождения был выделен конвой, который настиг беглецов по пути в Янгишар. По прибытии в Янгишар немцы намеревались проехать в Кашгар, но *титай* (уездный начальник) запретил им эту поездку; сопровождавшие же немцев мусульмане были, по распоряжению *титая,* заключены в тюрьму. Позже Синьцзянский губернатор разрешил немцам выехать из Кашгара в нужном им направлении[503].

В августе 1916 г. Консул в Кашгаре сообщал, что «Яркендский уездный начальник Лю получил от Синьцзянского губернатора несколько строгих выговоров за то, что им не были приняты меры к тому, чтобы прибывшие из Афганистана три германских офицера не пробрались в Кашгар, а равно и за то, что он слишком мягко отнесся к названным германцам и тем самым дал повод русскому и английскому консулам обвинить китайские власти в недружелюбии и нежелании поддерживать хороших отношений с Россией и Англией»[504].

В связи с оживлением деятельности немецких агентов в Афганистане и Иране, генеральные консульства России и Англии в Кашгаре настояли на дополнительной охране на перевале Бахджир. В ноябре 1916 г. этой охраной были арестованы германские шпионы Андерсон и Фридериксон, которые направлялись в Афганистан. При арестованных оказалось около 9000 фунтов стерлингов золота, предназначенных на агитацию среди приближенных афганского эмира[505]. (После отказа афганского

Фурсов К., с.64.

ЦГА РК Ф.44 Оп.1 Д.38239 лл.17-19.

ЦГА РК Ф.44 Оп.1 Д.38239 л.24.

ЦГА РК Ф.44 Оп.1 Д.38239 лл.38об-39.

эмира Хабибуллы вступить в войну, немцы предпринимали попытки его свержения, пытаясь подкупить его ближайшее окружение).

Правительство Германии тратило огромные деньги на подкуп правителя страны попытках обрести военного союзника в лице Афганистана или Ирана. Но в Русском Туркестане, с его многочисленными разрозненными народами и племенами, отсутствием единого общепризнанного лидера и под неусыпным контролем органов российской безопасности, любые финансовые вливания превратились бы, в деньги, брошенные на ветер. Несмотря на многочисленные слухи, доклады военных и даже опубликованные в прессе свидетельства, многие из которых на поверку оказывались ложными, до сих пор не найдены серьезные документальные свидетельства о подготовке и руководстве восстанием 1916 г. в Семиречье со стороны правительств Германии и Турции.

Политическое положение в Китайском Туркестане во время Первой мировой войны

Китай в начале XX в. находился в состоянии полуколонии, охваченной глубоким политическим и экономическим кризисом. В результате победы Синьхайской революции 1911-1913 гг. имперское маньчжурское правление было свергнуто, и была провозглашена Китайская Республика. Но вскоре, опираясь на помощь международного империализма и китайской реакции, Юань Шикай начал готовиться установлению единоличной военной диктатуры, объявив в декабре 1915 г. о своём решении стать императором, чем вызвал в стране широкое антимонархическое движение. Связи между центральным правительством в Пекине и отдаленными провинциями, в том числе, Синьцзяном, были ослаблены, а попытки пекинского правительства привести к повиновению своих высших провинциальных чиновников оставались совершенно тщетными.

Накануне Синьхайской революции в Синьцзяне возникли отделения различных тайных антиманьчжурских обществ, созданных, главным образом, политическими ссыльными из Внутреннего Китая. Наиболее крупным и сильным было отделение общества Гэлаохуй (Общество старших братьев), связанное с созданной Сунь Ятсеном буржуазно-революционной организацией Тунмынхой (Объединенная лига). Общество было организовано в Китае с центром в Пекине. После неудавшейся попытки убить императора, часть общества была ликвидирована китайскими властями, а трое его членов прибыли в Кульджу, где в 1911 г. им удалось свергнуть руководство Кульджинского района. Власть в Кульдже перешла в руки члена партии Гэлаохуй Ян-Ту-Лина[506].

Российский Консул в Кашгаре кн. Мещерский в феврале 1914 г. докладывал, что наместник ложи Гэлаохуй в Кашгаре настолько угнетающе действовал на местную администрацию, что всякие проступки и преступления членов этого общества

---

506 Моисеев В. *Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в.–1917 г.)*. Барнаул, 2003, с.259.

сходили им совершенно безнаказанно. На Лоб-норе произошел вопиющий случай, когда был убит уездный начальник по приказу районного подотдела общества Гэлаохуй из-за наложения им ареста на запрещенный к провозу опиум. Это происшествие настолько взволновало общественное мнение в Урумчи, что в начале 1914 г. в Илийском крае предпринимаются жесткие попытки усиления власти Синьцзянского губернатора, по приказу которого были произведены захваты и обыски у наиболее известных анархистов, из которых многие были арестованы, трое казнены публично, а человек 18 умерщвлены негласно. В Лоб-нор была снаряжена карательная экспедиция под командой начальника Кучарской лянцзы дунганина Тун с 200 солдатами, тоже, по большей части, дунган, которая вешала и расстреливала десятками людей, заподозренных в причастности к обществу Гэлаохуй[507].

Весной 1916 г. усиленно муссировались слухи о начинающемся, будто бы, в отдаленных уголках Синьцзянской провинции революционном движении, готовящемся приверженцами общества Гэлаохуй. Китайские власти, наученные горьким опытом мусульманских восстаний и Синьхайской революции, оперативно и в жесткой форме пресекали всякие попытки дестабилизации ситуации в стране. Сообщалось, что в Кашгаре, Синьцзяне ловят и казнят всех, уличенных в принадлежности к преступному обществу. Гнездом Гэлаохуй считался город Яркенд, где весь гарнизон, начиная с самого Сетая и кончая последним солдатом, считали принадлежащими к этому обществу, а немецкие агенты чувствовали себя здесь достаточно свободно. Так, в сводках секретных сведений Российского императорского консульства в Кашгаре за июль 1916 г. отмечается, что проживающие Яркенде германские офицеры заявили уездному начальнику, что, если в их ставку будут допускать русских или английских подданных, они их будут убивать, а китайские подданные могут беспрепятственно посещать немцев. Немцы также потребовали доставки фуража и еды, заявив, что в случае неисполнения их приказов, будут жаловаться императорскому посланнику в Пекине. В Яркенд был направлен ревизор с поручением арестовать и казнить всех приверженцев братства[508].

Соблюдая нейтралитет и находясь под присмотром российских и английских консульств, правящие круги Китая все же лелеяли надежду ослабить позиции России Синьцзяне. По согласию с германским посланником в Пекине, все путешествующие по Синьцзяню лица, именующие себя германскими подданными и не имеющие подданства, должны были быть препровождены в собственный Китай в распоряжение германского консула. Китайские власти принимали бежавших из России военнопленных вражеских армий и оказывали им поддержку. Так, Синьцзянский губернатор распорядился отправить в Урумчи бежавших из России в Кашгар военнопленного германца и австрийца и прибывших в Яркенд из Афганистана немецких офицеров со всеми сопровождавшими их лицами[509].

ЦГА РК Ф.46 Оп.1 Д.8 лл.14-18, 22-24.
ЦГА РК Ф.44 Оп.1 Д.38239 л.9, 11об, 16.
ЦГА РК Ф.44 Оп.1 Д.38239 л.14.

Судя по всему, бежавшие из русского плена немецкие офицеры занимались пропагандистской деятельностью и информировали население Синьцзяна о происходивших на фронтах войны событиях и скорой победе германского оружия. Военный губернатор Семиречья Фольбаум 11 августа 1916 г. писал в Ташкент: «Из показаний освобожденных из киргизских рук инженера Пугаченкова и почвоведа Ефименко выясняется, что киргизы убеждены в необычайных успехах германского оружия, отчаянном положении русской армии и в близком объявлении нам войны Китаем. Ефименко удостоверяет, что из Кульджи были получены киргизами письма с воззванием о восстании, причем источник, видимо, германского происхождения. Ему это передавали благомыслящие киргизы, разуверить которых в лживости прокламаций было невозможно. Это же сведение подтверждается агентурным путем из других районов»[510].

Таким образом, в начале второго десятилетия XX в. в условиях политической нестабильности в Китайском Туркестане активизировалась деятельность различных деструктивных китайских обществ, самой влиятельной из которых была партия Гэлаохуй. Деятельность этого секретного общества привлекла внимание царских чиновников, которые подозревали его членов в организации восстания в Семиречье. Под давлением правительственных войск часть членов этого запрещенного общества под видом сезонных рабочих проникала на территорию Семиречья. В то же время немецкие и турецкие агенты осуществляли здесь разведывательную и подрывную деятельность, направленную против России.

В поисках «китайского следа» в восстании 1916 г.

Поступающие из Китайского Туркестана сведения о борьбе китайского правительства против членов деструктивной партии Гэлаохуй усилили соперничество между Розыскным Пунктом в городе Верном и Семиреченской области, возглавляемым ротмистром Железняковым и Сыскным отделением в лице и.д. Полицмейстера г.Верного штабс-ротмистра Ф.И. Поротикова, деятельность которого поддерживалась Военным губернатором Семиреченской области М. Фольбаумом.

Сразу после восстания 1916 г. в Семиречье растерявшаяся администрация стала срочном порядке искать виновных в кровавых событиях, чтобы переключить внимание центральных властей России с собственной ответственности за кровавую трагедию. 18 августа 1916 г. военный губернатор Фольбаум писал в телеграмме Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину: «Сейчас положение опаснее всего там, где были постоянные прочные связи с Кульджой через наших дунган и таранчей, а именно в Пржевальском, Пишпекском и Джаркентском уездах. Огромное опиумное дело в этих трех уездах, особенно, в Пржевальском, облегчило наплыв кульджинских и кашгарских выходцев»[511].

ЦГА РК Ф.797 Оп.1 Д.36 л.156.

Восстание 1916 г. в Киргизии. Из архивных материалов, собранных А.Г. Зимой. РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв.1505., л.1.

В 1916 г. дунганами, киргизами и русскими в трех названных уездах выращивался опиум на площади более 10 тыс. гектаров, урожай с которых, по самым скромным подсчетам, ожидался более 100 тонн, на сумму около 3 млн. руб.[512]. В казну поступила лишь малая часть от выращенного урожая опиума – 22 тонны на сумму 535 тыс. руб.[513]. Остальной опиум, утаенный от государства, стал «яблоком раздора» между администрацией, военными, китайскими скупщиками и местным населением.

По оценкам современников, вокруг опиумного дела совершалось много «темных дел» как Опийной организацией, так жандармами и местными властями. Если в прежние годы опиум довольно свободно скупался китайскими скупщиками, то в 1916 г. весь добываемый опиум забирали в казну по цене не более 15 руб. за фунт, в то время как китайские скупщики платили за него до 60 руб.[514]. Опийная организация имела специальных агентов, которые, злоупотребляя своим положением, задерживали и конфисковали опиум, вымогали у крестьян взятки опиумом или деньгами. За недодачу опиума в казну имущество дунган конфисковалось, много людей за опиум доставлялось в тюрьму, даже без указания срока пребывания их в заключении[515]. Подобные незаконные действия администрации и Опийной организации вызывали недовольство и возмущение многотысячного населения Пржевальского уезда и китайских подданных, занимающихся сбором и скупкой опиума. Поэтому китайские анархисты и контрабандисты активно подстрекали дунган и киргизов к беспорядкам. Так, по словам Пржевальского мещанина Иванова, накануне восстания знакомый дунганин говорил ему, что дунгане и китайцы агитируют устроить бунт, желая воспользоваться этим для вывоза опиума в Китай[516].

Не поставив в известность Розыскной пункт и проводя дознание и аресты втайне от него, Поротиков командировал Начальника Верненского сыскного отделения А.С. Петрова не в Пржевальск, где прошло восстание с участием дунган, а в дунганское селение Николаевское (ныне Масанчи, Казахстан) Пишпекского уезда, где им были арестованы первые попавшиеся китайцы, проживающие в этом селе и соседнем с. Токмак[517]. Интересно, что дунгане с. Николаевского (Каракунуз) не приняли участия в восстании киргизов, но именно здесь были найдены «зачинщики» восстания киргизов Семиречье. В самом же Пржевальском уезде, где вместе с киргизами в восстании приняли участие дунгане и китайско-подданные, проживающие в дунганском с. Мариинском, ни один китайский подданный не был пойман и допрошен.

Полицмейстер г. Верного Ф.И. Поротиков на допросе в качестве свидетеля у судебного следователя Верненского Окружного суда 7 марта 1917 г. показывал, что

---

512 Маджун Д. «Борьба за опиум как одна из причин трагических событий в Семиречье в 1916 г». *Международное научное совещание в АУЦА «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии». (Сборник статей*). Бишкек, 2017, сс.66-72.

Опий, его обработка и добывание в Туркестане (в Семиречье, в Джетысу). ФРРК НБРК, инв.172, л.3-4.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.2 л.80 об.

Юсуров Х. *История советских дунган*. РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв.28,1947, л.28.

Восстание 1916 года. (Документы и материалы). Бишкек, 2015, с.198.

ЦГА РК Ф.797 Оп.1 Д.36 л.82об.

10 августа 1916 г. военный губернатор Фольбаум приказал ему проверить информацию о том, что некто Ю-ды-хей с сообщниками, принадлежащие к китайскому сообществу Гэлаохуй, собрали дунган и готовят нападение на город Пржевальск. Поротиков опросил Лохура Арьянова, Меджахей и несколько дунган г. Верного, которые сообщили, что общество Гэлаохуй стремится к ниспровержению монархического строя в Китае и к образованию самоуправлений в каждом отдельном городе. Весной 1915 г. они, якобы, командировали своих членов в пределы Семиреченской области, для пропаганды своих идей среди русско-подданных мусульман и для образования в Пржевальске, Пишпеке и Верном отдельных ханств. Один из агитаторов, якобы, поселился в дунганском селении Николаевском (Каракунуз), где завербовывал в свою организацию молодых дунган. Эти трое агитаторов вели сношения с кара-киргизами Пишпекского и Пржевальского уезда, а в Пржевальске они, якобы, образовали банду в 1000 человек из дунган и киргиз, русско- и китайско-подданных[518].

Полицмейстер, сообщив начальнику Верненского Сыскного отделения А.С. Петрову эти сведения, командировал его вместе с переводчиками А. Ахунбаевым и Лоху Арьяновым в Пишпек, дав установку найти и арестовать членов общества Гэлаохуй, которые, якобы, являются руководителями киргизского восстания[519]. Прибыв в с. Токмак, Петров, всего за один день – 1 сентября 1916 г. – не только опросил около десятка свидетелей-дунган с. Николаевского (Каракунуз) и китайских подданных, но и арестовал четверых китайцев по подозрению в агитации среди коренного населения к выступлению против русского правительства, при этом ни один из арестованных свою вину не признал[520].

Почти все допрошенные дунгане показали, что, по слухам, проживающие в их селе китайцы из партии Гэлаохуй уговаривали молодых дунган поднять восстание против русских, а затем создать отдельные мусульманские ханства под управлением туземцев или китайцев. После объявления о наборе на тыловые работы дунгане были собраны в мечети и почетные люди разъясняли им, что нужно помочь русским, так как русские в свое время помогли после побега дунган из Китая, также наказали молодежи не иметь никаких дел с проживающими в селе китайцами из партии Гэлаохуй. Все допрошенные дунгане с. Каракунуз не владели русским языком и допрос велся через переводчика сыскного отделения А. Ахунбаева, которого органы безопасности подозревали в шпионаже[521].

Обращает на себя внимание факт хорошей осведомленности простых земледельцев – русско-подданных дунган – о политической программе секретного и запрещенного в Китае общества Гэлаохуй. Возможно, это объясняется тем, что свидетели могли оговорить подозреваемых под давлением следствия или их показания были неправильно переведены. В пользу этого положения может

ЦГА РК Ф.77 Оп.2 Д.130 лл.147-153 об.
ЦГА РК Ф.77 Оп.2 Д.130 лл.7-10.
ЦГА РК Ф.77 Оп.2 Д.130 лл.11-23.
ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.46 л.51.

свидетельствовать и тот факт, что чуть ли не единственным человеком, который не знал об агитации китайцев общества Гэлаохуй в собственном селе, был его волостной управитель Булар Магуев, который во время проведения следственных мероприятий в Каракунузе, находился под арестом в Верненской тюрьме[522].

В рапорте от 20 сентября 1916 г. на имя Штаба войск Семиреченской области Поротиков писал, что, по собранным сведениям, в Кульдже проживают несколько лиц немцев германско-подданных, которые ведут широкую пропаганду в домах, на базарах среди китайцев и русско-подданных мусульман, призывают к восстанию, причем, внушают им объединиться и образовать отдельные мусульманские государства. Русским мусульманам разъясняют, что их призывают не на работы, а, чтобы истребить их население на войне под германскими выстрелами[523]. 26 сентября 1916 г. Поротиков докладывает военному губернатору Фольбауму: «За последние дни дополнительно получены сведения, что члены общества Гэлаохуй вели пропаганду не только среди киргиз Пржевальского и Пишпекского уездов, но и в Верненском, Джаркентском, Копальском и Лепсинском уездах. О чем мною уже собираются точные сведения и выясняются лица, причастные к этому делу»[524].

Начальник сыскного отделения А.С. Петров 5 января 1917 г. показывал на следствии, что по его агентурным сведениям, в пределах Семиреченской области есть много членов общества Гэлаохуй, которые стремятся образовать здесь отдельные ханства, причем, во главе каждого ханства предполагают поставить ханов не из туземцев Семиреченской области, а из китайцев, принадлежащих к их обществу[525]. Вызывают большие сомнения как источники и методы сбора информации, так и то, что восставшие киргизы могли поддержать подобные политические лозунги.

По поводу причастности общества Гэлаохуй к восстанию в Семиречье Консул в Кашгаре 3 октября 1916 г. писал Прокурору Верненского Окружного суда что, по имеющимся у него секретным сведениям, «проживающие в Кашгаре дунгане имеют, безусловно, сношения с дунганами Пржевальского уезда, причем, преступный характер таковых сношений заключается, главным образом, в провозе опиума в пределы Китая, ввоз коего сюда запрещен. Что же касается влияния китайцев, а равно других народностей, проживающих в Кашгарии, на наших киргиз, то о таковом не может быть и речи. Местное население, относящееся весьма презрительно к кочевому племени киргизов, никогда не вступало с ним ни в какие сношения, и весьма сомнительно, чтобы со стороны жителей Кашгарии нашлись бы лица, кои были заинтересованы в деле восстания киргиз в Семиреченской области. Находящиеся в Кашгарии преступные китайские общества, вроде Гэлаохуй и проч., главной своей целью имеют восстановление монархического правления в Китае и очень далеки от мысли иметь какоелибо влияние на наших киргизов». Далее Российский консул в Кульдже также высказывал сомнения по поводу активного участия китайских

ЦГА РК Ф.77 Оп.1 Д.832 л.46.
ЦГА РК Ф.77 Оп.2 Д.130 л.6.
ЦГА РК Ф.77 Оп.2 Д.130 л.28.
ЦГА РК Ф.77 Оп.2 Д.130 лл.88об-89.

подданных в восстании. Консул писал: «Судя по тому, что мятежи возникали не только в Пржевальском уезде, но повсюду в Туркестанском крае и областях Степного генерал-губернаторства, казалось бы, особого значения деятельности выходцев из Китая нельзя придавать. Они лишь воспользовались благоприятно сложившимися для смуты обстоятельствами»[526].

16 ноября 1916 г. ротмистр Железняков на допросе следователя Верненского окружного суда подчеркивал, что «дунгане и таранчи являются кровными врагами китайцев и не имеют ничего общего с киргизами. В их жизни в русских пределах нет тех причин недовольства, какие имеются у киргизов, поэтому пропаганда идеи китайского общества Гэлаохуй о восстановлении Дайцинской династии не может иметь успеха у дунган, а таковое предположение является и историческим, и логическим абсурдом. Предположение же, что члены этого общества могли поднять восстание дунган, является вторым абсурдом, т.к. населяющие русские пределы дунгане более развиты, чем киргизы и отлично поняли назначение рабочих для действующей армии, что и доказали, оставшись верными России во время восстания киргиз»[527]. (Дунгане Пишпекского и Джаркентского уездов не приняли участия в восстании).

Когда жандармские агенты прибыли в Уч-Турфан и Аксу с целью проследить воздействие со стороны мусульман – китайских подданных на возникновение волнений в Семиречье, драгоман российского консульства в Кашгаре Г.Ф. Стефанович полностью отверг их подозрения. Он писал: «Заявляю: о воздействии со стороны китайских мусульман, как руководителей на русских (мусульман) не может быть и речи. Китайское инородческое население, как по своему развитию, образованию, а главное, по своим понятиям об отношениях властей к подданным и наоборот, стоящие ниже русского населения, не могло занять такого положения, чтобы руководить в таких вопросах как религия и взять всё в свои руки»[528].

Таким образом, версия властей о подготовке и руководстве восстанием киргизов Семиречье со стороны китайских подданных не имеет под собой серьезных доказательств. Китайские сезонные рабочие присоединились к ранее восставшим киргизам, когда те подходили к Пржевальску и не могли стоять во главе восстания. И хотя китайские подданные принимали участие в восстании и пострадали в ходе его подавления, они попытались лишь воспользоваться беспорядками для грабежа и вывоза опиума в Китай. Попыткой властей Семиречья найти организаторов киргизского восстания среди членов китайского общества Гэлаохуй можно было ввести в заблуждение правительство в Петербурге, но люди, обладающие всей полнотой информации на местах, совершенно опровергали это обвинение.

ЦГА РК Ф.77 Оп.2 Д.130 лл.101-103об.

ЦГА РК Ф.797 Оп.1 Д.36 л.82 об.

Галиев В. «Драгоман российского консульства в г. Кашгар Г.Ф. Стефанович и восстание 1916 года». *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов.* 2006-2019. http://jurnal.org/articles/2010/hist14.html. Просмотрено 21.01.2020.

Участие китайских подданных в восстании 1916 г. в Семиречье

Накануне событий 1916 г. у значительной части населения Семиречья, особенно Пржевальском уезде, наблюдался существенный рост благосостояния, у многих его жителей на руках находились немалые по тем временам денежные средства и ценное имущество[529]. К тому же в Пржевальске проживали сотни купцов из Ферганы, Андижана, Ташкента, Китайского Туркестана, торговавших на Каркаринской ярмарке, китайских контрабандистов, имевших огромные суммы денег для закупки опия, да и среди простого туземного населения многие выручили хорошие деньги за урожай того же опиума. Например, во время беспорядков, у содержащегося на военной гауптвахте Мариинского волостного управителя Маруфу русские жители г. Пржевальска ограбили в доме: наличных денег 22 тыс. руб., золотых вещей на 4 тыс. руб., семь медалей, золотые часы, подаренные генерал-губернатором и шашку, пожалованную государем императором, вещей на 11 тыс. руб. и 3 тыс. баранов. У 106 кашгарских туземцев во время восстания было ограблено не менее 150 тыс. руб. У Токмакского дунганина-купца жители Пржевальска ограбили лавку, склад товаров и деньги на сумму 145 тыс. руб. и т.д.[530]

Дунгане и китайские подданные приняли участие в восстании киргизов в Пржевальском уезде, где беспорядки начались с нападения киргизов на с. Григорьевку вблизи Сазоновки 9 августа вечером, а утром 10-го распространились уже до с. Преображенского[531]. В то время, когда военные были уже на пути к Пржевальску, на следующий день после начала киргизских беспорядков, Пржевальский уездный начальник полковник Иванов вызывает в город 15 мариинских дунган и просит их (не русских военных, расквартированных в городе, и не городских дунган) посторожить его дом и говорит дунганам о том, что в казне нет оружия. Дунгане рассказали, что в Мариинке неспокойно, в селе наблюдается какое-то брожение, они боятся нападения киргизов и китайцев и просят дозволения переехать с семьями в город и выдать им 20 винтовок для самообороны. В просьбе о выдаче оружия Иванов отказал, но разрешение на переезд было дано в 6 часов вечера. Прокарауливши всю ночь, дунгане утром уехали домой[66].

Межевой техник Пржевальска И.А. Поцелуев показывал на следствии, что «с полудня 11 августа разъезды стали доставлять в крепость китайцев-опийщиков, которые попадались на пути к Мариинке. Сначала полковник Иванов приказывал их отпускать после обыска и отобрания ножей и опия. Им было велено идти в сторону границы, но вскоре было установлено, что, обойдя город, китайцы пробирались в Мариинку, где рассказали о том, что жители Пржевальска ловят и грабят опийщиков. Набеги на китайцев-опийщиков стали в это время предприниматься вооруженными группами и отдельными жителями и приняли массовый характер. Пойманных китайцев-опийщиков толпами приводили в Пржевальск, где у них, по приказу

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.2 лл.11, 88–89.

ЦГА РК Ф.44 Оп.2 Д.16330 л.17.

Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. (Сборник документов). Москва, 1960, с.349. [66] ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.2 лл.3-4.

Иванова, отбирали опиум и сажали в тюрьму»[532]. Судя по тому, что китайско-подданные дунгане и китайцы, имея значительный численный перевес, не оказывали сопротивления при задержании, они были застигнуты врасплох и не были зачинщиками восстания.

По договоренности с Ивановым, 11 августа утром часть Мариинских дунган, забрав свои семьи, двинулась к Пржевальску под защиту его стен. Вместе с ними в Пржевальск направились верховые к уездному начальнику и волостному управителю Марафу с просьбой о помощи против китайских подданных, силой заставлявших местных дунган поднять восстание. При подходе к городу, дунгане были встречены ружейным огнем со стороны организованного добровольческого отряда, состоявшего из отряда солдат, местного чиновничества и отставных военных[533].

Согласно воспоминаниям очевидца тех событий, Фатимы Юсуповой, 11 августа, примерно в 2 часа дня во время пятничного намаза солдаты окружили дунганскую и центральную мечети в г. Пржевальск. После намаза дунган и других городских мусульман под конвоем отвели на мусульманское кладбище возле села Жаны-Арык и расстреляли. Оставшиеся дунгане, в основном женщины и дети, большей частью сразу бежали в село Ирдык. Даже не успев собрать необходимые вещи, дунгане вместе с киргизами стали уходить в Китай.

Весть о расстреле городских мирных мусульман на подходе к городу и охота за китайцами-опийщиками вызвала ожесточение в Мариинском. В тот же день восстали китайские поденщики и часть мариинских дунган. Толпой численностью до 400 человек, вооруженные ружьями, шашками, топорами и пиками, они стояли вдоль Покровской дороги недалеко от местности Ирдык, нападая на беженцев крестьян из сел Иваницкого и Высокого, направлявшихся к Пржевальску[534]. Стремительная атака повстанцев была остановлена наспех сформированной властями дружиной с большим трудом и потерями. Затем дунгане вернулись в Мариинск, спешно стали собираться и уходить, т.к. увидели, что идут солдаты. Дунгане и китайские подданные оставили Мариинск и двинулись по направлению к Уч-Турфану[535].

Современник писал: «Лишь только панический страх пред грозившей опасностью прошел, и толпа почувствовала свою силу, явилась жажда мести и самосуда, при которой, конечно, не учитывалось, причастно ли данное лицо к мятежу или нет. Особенно жестока была самосудная расправа в Пржевальске над жившими в городе дунганами Мариинской волости. При первом известии, что односельчане их присоединились к мятежникам, почти все городские дунгане были перебиты, а имущество их разграблено»[536]. Здесь погибло, по приблизительным данным, до 140

Лесная Л., с.43.

«Док. №259». *Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. (Сборник документов).* Москва, 1960, с.382.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.50 л.41.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.50 л.33; Ф.И-75 Оп.1 Д.10 л.5.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.46 лл.30,34.

дворов, или около 1500 человек. Осталось в живых всего 8 человек дунган. Имущество Мариинска было вывезено в Пржевальск[537].

Вместе с многонациональными представителями Туркестанского края, китайские подданные были вовлечены в кровавые события, произошедшие в середине августа 1916 г. у села Теплоключинского. На Каркаринской ярмарке (Джаркентский уезд) с середины июля по 14 августа находился вызванный туда отряд ротмистра Кравченко. 1 августа отряд должен был выступить с Каркары в г. Пржевальск, поэтому Кравченко предложил бывшим на ярмарке торговцам или отправиться в с. Зайцевское без всякой охраны, или следовать с отрядом в Пржевальск. Большинство торговцев-туземцев направилось без охраны в с. Зайцевское, а меньшая часть торговцев из Пржевальска, Ташкента и Пишпека направилась с отрядом Кравченко. 15 августа отряд подошёл к селу Теплоключенка, находящемуся в 9 верстах от Пржевальска, где должен был остановиться на ночлег.

Ротмистр Кравченко, получив известие, что Пржевальску грозит опасность, пошёл рысью с неполной сотней казаков в Пржевальск. В селе им была оставлена рота под командой прапорщика Моргунова и обоз с торговцами. Из показаний Моргунова следовало, что, когда голова колонны прошла через мост Ак-Су, крестьяне с. Теплоключенского совместно с крестьянами и беженцами из других сел, вооруженные кольями, самодельными пиками и ружьями, заняли мост и, пропустив русских и татар, задержали торговцев сартов, таранчинцев и дунган. Избиение началось с вечера 15 августа и продолжалось до полудня 16 августа. Избивались туземцы исключительно с целью грабежа на глазах всего отряда. Прапорщик Моргунов грозил грабителям расстрелом, но дальше угроз не пошёл, и те продолжали своё кровавое дело. Всего убили более 500 человек, из числа приведенных, взяв себе их деньги[538]. По показаниям одного из свидетелей этого события ротмистру Железнякову, только у убитых ташкентских торговцев было отобрано свыше миллиона рублей деньгами, не считая имущества[74].

Подсчетом численности убитых китайско-подданных никто не занимался, однако в справке по канцелярии Туркестанского генерал-губернатора от 9 октября 1916 г. отмечается, что 28 сентября от министра внутренних дел были получены сведения о том, что китайское правительство обратилось к нашему посланнику в Пекине с сообщением о том, что во время недавних беспорядков в Пржевальске было убито свыше 400 китайско-подданных и разграблено имущество 4000 китайцев. Китайское правительство просит поэтому возместить потерпевшим убытки[75].

Таким образом, тысячи китайских подданных, привлеченные в Семиречье опиумным делом, были вовлечены в конфликт между русскими властями и коренным населением, выступив на стороне последних. Главным стремлением китайских подданных в Семиречье была возможность быстрого обогащения за счет грабежа и вывоза опиума в Китай, никаких политических целей они не преследовали. При этом

ЦГА РК Ф.77 Оп.1 Д.2123 лл.105–106.

Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. (*Сборник документов*). Москва, 1960, с.401. [74] «Док.№103». *События в Семиречье 1916 г. по документам российских архивов*, с.488. htpp://semirechye.rusarchives.ru/predislovie#06. Просмотрено 15.05.2017 [75] ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.46 л.107.

значительная часть китайских подданных была ограблена и многие сотни из них были убиты во время беспорядков.

Заключение

Результат колонизации или иностранное вмешательство?

Как известно, восстания 1916 г. произошли не во всех областях Туркестанского края и не во всех уездах областей. Мирное выполнение Высочайшего повеления о призыве инородцев на тыловые работы от 25 июня 1916 г. в значительной степени зависело от профессионализма и нравственных качеств генерал-губернаторов областей и уездных начальников. Г. Бройдо отмечал, что оставшийся в Пишпеке Путинцев был против восстания, и беспорядков не было в 12 волостях, окружающих Пишпек, несмотря на то, что киргизы этих волостей были в близких отношениях с киргизами, перебитыми в Беловодской волости[539]. Губернатор Ферганской области Гиппиус лично объезжал все уезды и, используя Коран, разъяснял населению необходимость подчинения указу царя, благодаря чему восстание в Фергане пошло на убыль[540].

Семиреченской области события развивались по другому сценарию. Депутаты Государственной Думы, приезжавшие в Семиречье для расследования причин восстания 1916 г., обвинили администрацию в том, что она не предпринимала никаких мер к разъяснению киргизам указа о реквизиции, а занималась вымогательством. Депутаты отмечали, что именно применяемая администрацией откупная система возбудила вражду между богачами и бедняками, почему и начались волнения[541]. Ведь в тех волостях, где проводилась разъяснительная работа о том, что киргизы будут работать в тылу и получать за это деньги, население успокаивалось и соглашалось добровольно выполнить указ о мобилизации. Например, один из документов гласит: «Некоторые из загорных волостей не присоединились к восстанию, благодаря влиянию М. Дикомбаева Кокчинской волости и Худайбергена Раимбекова Сусамырской волости. Эти главари удержали киргиз от восстания»[542].

Губернатор М. Фольбаум еще до восстания практиковал изъятие земли у киргизов (казахов), сверх тех земель, которые отбирало Переселенческое управление. Так, в 1915 г. он изъял у 3500 семейств казахского оседлого населения их земли для пополнения соседнего надела казаков[543], а также ходатайствовал перед министром Земледелия о дополнительном увеличении земельных наделов Семиреченского казачьего войска. В день выхода Высочайшего повеления о призыве инородцев на тыловые работы, 25 июня 1916 г. министр Земледелия А.Н. Наумов удовлетворил просьбу наказного атамана Семиреченской области М. Фольбаума об увеличении

Бройдо Г. *Восстание киргиз в 1916 г.* Москва, 1925, с.26.

Шварц В. «Док.№ 54. Показания А.И. Гиппиуса, бывшего губернатора Ферганской области, ч.1». http://daniyarov.kg. Просмотрено 12.08.2018.

ЦГА РК Ф.44 Оп.1 Д.72 л.189.

Восстание 1916 г. в Северной Киргизии. (Сборник документов). Сост. М.Д. Рабинович, И.П. Лифшиц, В.И. Салий. Фрунзе, 1941, с.114.

Бройдо Г., с.6.

земельных наделов 5 станиц Семиреченского казачьего войска путем смещения киргизов с занимаемых и обрабатываемых ими угодий[544]. Неслучайно, что именно в этих районах события 1916 г. приняли самый кровопролитный характер, и именно отсюда была вытеснена значительная часть коренного и русского населения.

Главными причинами недовольства коренных народов Семиречья в 1916 г. являлись отъем их земли, беззакония, откровенный грабеж и притеснения со стороны центральной имперской власти, Семиреченской колониальной и местной уездной и волостной администрации. Во многих уездах области беспорядки явились следствием откровенной провокации администрации в лице полицейских, туземных жандармов и казаков, преследовавших цель отъема у коренного населения земли, скота и опиума. М. Фольбаум признавался, что среди русских были злостные провокаторы, полагавшие, что бунт киргизов принесет выгоды русским, как при подавлении мятежа, так и после возможной конфискации земель[545]. В некоторых волостях (особенно экономически благополучных и богатых плодородной землей) «туземное» начальство, очевидно, с подачи представителей русской администрации, наоборот, подбивало население к мятежу[546].

Не последнюю роль в разыгравшихся трагических событиях сыграл Полицмейстер города Верного Поротиков. Ротмистр Железняков писал, что при помощи приближенного наманганского сарта Закира Исабаева, хорошо знакомого с местным населением, Поротиков набрал шайку отбросов из коренного населения, и те разбрелись по сёлам и кишлакам, выдавая себя за жандармов (сыщиков), наводя панический страх на туземцев и нещадно их обирая. Поротикову удалось войти в доверие к Военному губернатору Семиреченской области Фольбауму и настолько подчинить его своему влиянию, что доклада Полицмейстера, даже необоснованного, было достаточно, чтобы туземец попал в тюрьму. Страх перед жандармами был настолько велик, что перед ними преклонялись, откупались самые влиятельные «почетные» киргизы и манапы.
Жаловаться на них было бесполезно[547].

Поротиковым арестовывались видные киргизы и казахи, которые отговаривали население от бунта. Так, после собрания казахов на Ушконуре Поротиков от имени своего агента Джайнакова донес Военному Губернатору Семиреченской области, что на этом сходе Сят Ниязбеков склонял свою волость не давать рабочих по реквизиции. На основании этого ложного доноса всеми уважаемый казах Верненского уезда Сят Ниязбеков был арестован, провел в тюрьме 4 месяца и был освобожден только после 16 октября 1916 г. В феврале 1917 г. Временный суд г. Верного установил, что Сят Ниязбеков был оговорен агентом Джайнаковым под давлением Поротикова, а сам

---

544 Шварц В. «Док.№ 52. Отношение министра земледелия военному министру о наделении казачьих станиц дополнительным земельным наделом за счет смещения киргиз». http: //daniyarov.kg. Просмотрено 12.08.2018.

ЦГА РК Ф.44 Оп.2 ст.2 Д.16921 л.222.

ЦГА РК Ф.44 Оп.1 Д.19369 л.45; ФРРК НБ РК. Инв.62, л.24; Бройдо Г, сс. 2, 24.

ФРРК НБ РК. Инв.62, л.14.

Ниязбеков население к бунту не подстрекал[548]. Таким же образом был арестован почетный и уважаемый киргиз Кызылджарской волости Хажгалий Маулимбериев по обвинению его по 129 ст. уголовного уложения и содержался в Лбищенской тюрьме, хотя всем киргизам было известно, что он убеждал и склонял киргизов своей волости к спокойному составлению списков[549].

Подобные расправы с неугодными людьми раскрывали Поротикову и его агентам широкую дорогу для незаконных поборов, провокаций и прямого грабежа в степи. Киргизские волости в течение двух лет до восстания незаконно обирались агентами сыска Полицмейстера. Народ стал смотреть на власть, как на особую организацию для поборов и вымогательства с населения, которые безнаказанно творили насилие и произвол. Инженер Тынышпаев показывал на следствии, что «перед самым волнением в Пржевальском уезде также «работали» агенты Поротикова во главе с Исабаевым. Везде, где побывали агенты Поротикова, затем начинались волнения»[550].

Ротмистр Железняков, расследуя причины восстания в Семиречье, считал одной из главных, провокационную деятельность административно-полицейского аппарата[551]. Организация «массовых беспорядков» коренного населения, с последующим его ограблением и уничтожением, была для власть имущих удобным способом отъема у местных народов земли, скота и опиума. Во избежание судебного преследования за содеянные злодеяния, коренное население разными способами вынуждалось к проявлению неповиновения, затем обвинялось в бунте, который потом жестоко подавлялся. Чтобы отвести от себя подозрения в причастности к развернувшимся трагическим событиям в Семиречье, виновными в случившейся трагедии Поротиков и Фольбаум называли немецких агентов и китайских анархистов, которые, якобы, подстрекали коренное население к восстанию. В этих условиях всякая информация о «китайском» или «немецком» следе в восстании, чаще всего, из крайне сомнительного источника, без дополнительной проверки бралась на вооружение, раздувалась и подносилась как имевший место реальный факт.

Ротмистр Железняков заявлял по этому поводу, что «немецкой пропаганды в крае не было, и если о ней кто-либо говорит, то это делается исключительно лишь для того, чтобы или оправдать свою близорукость или свою преступную бездеятельность»[552].

Современный исследователь восстания 1916 г. в Семиречье В. Шварц, работая с документами российских архивов, пришел к выводу о том, что ротмистр Особого корпуса жандармов в г.Верном Владимир Федорович Железняков, обладавший всей полнотой информации об истории завоевания Туркестанского края и ситуации в Семиреченской области накануне и во время восстания, был ни кем иным, как главой

ЦГА РК Ф.77 Оп.1 Д.818 л.11.

Чулошников А. «К истории восстания киргизов в 1916 г». *Красный архив*, № 3 (16), 1926, с.65.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.46 л.118.

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.46 л.41-51; ЦГА РК Ф.797 Оп.1 Д.50 л.45.

ЦГА РК Ф.797 Оп.1 Д.36 л.86 об.

службы разведки и контрразведки Российской империи в Семиречье[553]. Судя по тому, как этот честный офицер, в одиночестве, никем не поддерживаемый, боролся со злоупотреблениями властей, предпринимая все от него зависящие меры по предотвращению мятежа коренного населения, у этого предположения есть справедливые основания. После объявления Высочайшего повеления о призыве инородческого населения на тыловые работы, к Железнякову отовсюду стали поступать тревожные сведения о намерении ряда волостей противодействовать призыву или скрыться в горах и труднодоступных местах. Но Фольбаум постарался отстранить слишком усердного агента от расследования, лишив его возможности обмениваться последней информацией о происходящих событиях на местах с уездными начальниками с целью предотвращения восстания коренного населения[554].

Начальник штаба 6-го ополченского корпуса писал главе Туркестанского края А.Н. Куропаткину, что «неудовольствие киргиз не вылилось бы в форму восстания, если бы местной администрацией были приняты соответствующие меры, так как о брожении, происходящем среди киргизов, было заведомо известно администрации. Начальник Верненского охранного отделения ротмистр Железняков еще за месяц до начала восстания доносил о брожении киргиз в Петроград и об этом докладывалось губернатору»[555]. Всего по подготовке мятежа Железняковым, за три недели до начала восстания, было составлено 47 агентурных записок, кроме того, им лично производились допросы свидетелей для выяснения всех обстоятельств мятежа, организована разведка и контрразведка, и выяснены все главари восстания мятежников Чуйской и Кочкорской долин и прилегающих местностей озера Иссык-Куль[556]. Но Военный губернатор Семиречья Фольбаум неизменно игнорировал все предупреждения.

20 июля 1916 г. Фольбаум испрашивает приказания Штаба округа все сношения гарнизонами Семиречья делать только через него. Свою просьбу он аргументировал следующим образом: «Т.к. начальники малых гарнизонов делают распоряжения о реквизициях или охране селений, противные моему плану, чем усложняется работа и вносится ненужная нервозность и даже тревога. Объединяя всю военную и гражданскую власть на месте, только один я могу планомерно начальствовать над местными силами, как гражданскими, так и военными. В области спокойно, даже откочевки в горы или пески не представляют чего-либо непоправимого». Командующий войсками генерал Ерофеев из Ташкента удовлетворил эту просьбу и приказал по всем вопросам обращаться непосредственно к губернатору Фольбауму[94]. Конечным итогом сосредоточения в одних руках всего полицейско-административного ресурса и военных сил стало ограбление, массовое истребление туземного населения и вытеснение его с территории проживания.

Шварц В. «Генерал-губернатор Куропаткин: «Как могло случиться, что дети Шабдана стали во главе мятежа?»» http: //daniyarov.kg. Просмотрено 22.09.2017.

ЦГА РК Ф.797 Оп.1 Д.36 лл.75-105.

ЦГА РК Ф.44 Оп.2 Д.16920 лл. 162-163.

Дело о восстании казахов Семиреченской области в 1916 г. ЦГА РК Ф.797 Оп.1 Д.36 лл.75-105. [94] ЦГА РК Ф.44 Оп.1 Д.20064 л.9.

Один из образованных казахов своего времени инженер М. Тынышпаев в своих показаниях отмечал, что «люди, незнакомые с историей взаимоотношений русских и киргизов… в попытках объяснить причины волнений в Семиреченской области, отыскивают эти причины, не задумываясь, слишком просто и легко: в «турецкой и германской» агитации. …Если бы не было тех отношений к киргизам, что были до войны, если бы мобилизация рабочих проводилась более осмотрительно, то самая идеально обставленная, какую только можно себе представить, «турецко-германская» агитация не достигла бы того, свидетелем чего мы явились»[557].

А. Чулошников отмечал, что в степных областях в период составления списков киргизами призывного возраста заметно было, что киргизская молодежь искала для себя вожака, но не нашла его, а потому и брожение ее носило характер неорганизованности, не отличаясь от обыкновенных трений, вызываемых всяким новым явлением в народной жизни. Оно не заключало в себе признаков восстания или возмущения в целях отпадения от России. Это брожение не было вызвано влиянием извне, ни немцами, ни турками, ни австро-венгерцами и ни болгарами. Если бы оно было вызвано ими, с их стороны была бы попытка найти для киргизов хотя бы путем подкупа или иным способом вожака, снабдить их огнестрельным или иным оружием. Никаких подобных признаков не наблюдалось. Наоборот, киргизы были настроены очень враждебно против немцев. Поэтому всякое утверждение, исходящее от кого бы то ни было, о влиянии врагов России на возмущение киргизов по поводу призыва их на работы представляется такой неизвинительной и непростительной ошибкой, которая может отразиться несправедливо незаслуженно на судьбе несчастных номадов, а потому требует осторожного к себе отношения[558].

Деятельность Семиреченских властей вызывала вопросы не только до восстания, но и после его подавления. Так, Е.Д. Сокол[559] отмечал, что как ни странно, усилия драгомана Российского консульства в Кашгаре Г.Ф. Стефановича по репатриации беженцев тормозились действиями местных властей, казаков и военных. Российский Генеральный консул докладывал: «Меры Стефановича по возвращению киргизов в Россию, несмотря на желание этого киргизами, не достигли своей цели. В это время в Пржевальский уезд прибыли значительные массы различных войск, и они преследовали повстанцев так энергично, что часто не отличали их от мирных жителей. Как следствие, специальные сообщения были посланы Стефановичем Пржевальскому уездному начальнику для выяснения условий возвращения киргизских беженцев, но эта миссия не преуспела, поскольку казаки расстреливали всех, кто появлялся на дороге к Пржевальску»[98].

Таким образом, Туркестанский край с начала XX столетия был втянут в орбиту международной борьбы империалистических стран за передел сфер влияния, которая не могла не оказывать воздействия на внутренние события этой окраины России. Но

ЦГА КР Ф.И-75 Оп.1 Д.46 л.145.

Чулошников А., сс.66-67.

Sokol E.. *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimor. 1954, p.133. [98] Лесная Л., с.107.

внимание стран Тройственного союза было направлено, главным образом, на вовлечение граничащих с Россией государств в войну на стороне Германии и ее союзников, и организацию восстаний против Британского владычества в ее колониях. Несмотря на то, что существует множество свидетельств реального или вымышленного участия отдельных иностранцев в событиях 1916 г., не обнаружены следы серьезных финансовых вливаний, поставок вооружения и руководства повстанцами в Семиречье со стороны иностранных государств.

Однако главными режиссерами внутренних социально-экономических и политических процессов на этой далекой окраине Российской империи, обладавшими силой и властью, были представители колониальной администрации, озабоченные целью личного обогащения за счет грабежа и отъема земли у податного туземного населения. Их деятельность, противоречащая интересам Российского государства, подверглась судебному разбирательству и была осуждена центральными властями России.

Список источников и литературы

Бройдо Г. *Восстание киргиз в 1916 г.: Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 г.* Москва, 1925.

Васильева С. *Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны.* Москва, 1999.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. (Сборник документов). Ред. А.В. Пясковский. Москва, 1960.

Восстание 1916 года: Документальные свидетельства общей трагедии. (Сборник документов и материалов). Ред. Т.В. Котюкова. Москва, 2016.

Восстание 1916 г. в Кыргызстане. (Сборник документов). Сост. Т.Г. Гуля, Е.А. Романова, Б.О. Самаева. Бишкек, 2011.

Восстание 1916 г. в Северной Киргизии. (Сборник документов). Сост. М.Д. Рабинович, И.П. Лифшиц, В.И. Салий. Фрунзе, 1941.

Галиев В. «Драгоман российского консульства в г. Кашгар Г.Ф. Стефанович и восстание 1916 года». *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов*. 2006-2019. http://jurnal.org/articles/2010/hist14.html. Просмотрено 21.01.2020.

«К истории восстания киргиз в 1916 г.: Документы, отражающие расстановку сил, причины, начало и ход восстания в 1916 г. в Тургайской и Семиреченской областях». *Красный архив*, №3, 1926, сс.56–69.

Котюкова Т.В. «Восстание 1916 г. в Туркестане: Ошибка власти или историческая закономерность?» *Обозреватель,* №8, 2011, сс.98-124.

Курцев А. «Беженцы Первой мировой войны в России». *Вопросы истории*, №8, 1999, сс.98-113.

Лесная Л. *Восстание 1916 г. в Киргизстане. (Документы и материалы).* Ред. Т. Рыскулов. Москва, 1937.

Маджун Д. «Борьба за опиум как одна из причин трагических событий в Семиречье в 1916г». *Международное научное совещание в АУЦА «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии». (Сборник статей).* Бишкек, 2017, сс.66-72.

Мамедова Э. «Из истории взаимоотношений Туркестанского края и Синьцзяна в начале XX в». *Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока в XVIII – начале XX века.* Ташкент: АНУзССР, 1963, сс.156-172.

Моисеев В. *Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в.–1917 г.).* Барнаул, 2003.

Мухлынин Б. *История села Беловодское*. В 3-х томах. СПб., 2015. htpp: // belovodskoe-muh.ucoz.ru/ index/0-2. Просмотрено 15.08.2017.

Оришев А., Ряполов В. *Германские миссии на Востоке: От Бисмарка до Гитлера.* Москва-Берлин, 2016.

«События в Семиречье 1916 г. по документам российских архивов». Предисловие А.В. Ганина. http://semirechye.rusarchives.ru/predislovie#06. Доступ 15.05.2017. Просмотрено 15.05.2017.

Усенбаев К. *Восстание 1916 года в Киргизии*. Фрунзе, 1967.

Фурсов К. *Большая игра - взгляд из Британии. Обзор работ Питера Хопкирка*. Москва, 2016.

Шварц В. «Летопись: Туркестан 1916». http: // daniyarov.kg/2016/05/23/1916god-rozhdenie-smert-i-yeksgumaciya-mif/. Просмотрено 3.03.2018.

Шварц В. «Генерал-губернатор Куропаткин: «Как могло случиться, что дети Шабдана стали во главе мятежа?». htpp: // daniyarov.kg. Просмотрено 22.09.2017.

Шварц В. «Док.№ 52. Отношение министра земледелия военному министру о наделении казачьих станиц дополнительным земельным наделом за счет смещения киргиз». http: //daniyarov.kg. Просмотрено 12.08.2018.

Чулошников А. «К истории восстания киргизов в 1916 г». *Красный архив*, № 3 (16), 1926.

Brophy D. *Uyghur Nation. Reform and revolution on the Russia-China Frontier*. Cambridge, Massachusetts, London, 2016.

Mark R. *Im Schatten des «Great Game»: Deutsche «Welt politik» und russischer Imperialismus im Zentral Asien, 1871–1914*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2012.

Nazaroff P. *Hunted through Central Asia*. Oxford University Press, 1993.

Sokol E. *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimor. 1954.

Werner, Otto von Hentig. «Das niegeschaut Land (AT) Asiatische Reisen 1912-1917 herausgegeben von Hans Wolfram von Hentig». http: // jarringcollection.se/travel/ das-nie-geschaute-land/. Просмотрено 21.08.2018.

Архивные материалы

Архивные документы ЦГИА Каз ССР. Собран З.Л. Амитиным-Шапиро. РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв.60, 1946.

Восстание 1916 г. в Киргизии. Из архивных материалов, собранных А.Г. Зимой. РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. 1505.

Куропаткин, ген. Рапорт Николаю II от 22.02.1917 г. о восстании 1916 г. ФРРК НБ РК. Ташкент, Инв.69, 1917.

Лачко Л. Копийные материалы по теме: «Аграрная политика царизма в годы столыпинской реакции». РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв.156, 1948.

Мятеж киргиз в Семиреченской области в 1916 г. (его причины, течение и постепенная ликвидация). ФРРК НБ РК. Инв.62.

Характер восстания 1916 г. в Киргизии. Собран С.К. Керимбаевым в ЦГВИА. 1952-1953 гг. Инв.1503, 1953.

ЦГА КР Ф.И-34, Ф.И-75, Ф.97.

ЦГА РК Ф.44, 46, 77, 797.

Юсуров Х. История советских дунган. РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв.28, 1947.

Опий, его обработка и добывание в Туркестане (в Семиречье, в Джетысу). ФРРК НБ РК. Инв.172.

Социально-политическая мобилизация населения Туркестана русской администрацией: методы и ошибки

Жоомарт Сулайманов

Аннотация

данной статье рассматриваются особенности социально-политической мобилизации населения Туркестана в 1916 году после объявления призыва на тыловые работы. Автор показывает, как методы реализации указа о мобилизации и множество ошибок, допущенных краевой администрацией, привели к волнениям и сопротивлению. А само восстание оказало глубокое воздействие на умонастроение и самосознание местного населения.

Ключевые слова: *1916г., мобилизация, тыловые работы, туземное население, посемейные списки, карательные акции, волостные управители и аульные старшины, манапы, бунт, восстание.*

Введение

Первая Мировая война, которая приобрела затяжной характер, потребовала дополнительных ресурсов. Царское правительство для решения данной проблемы решает провести мобилизацию туземного населения на тыловые работы. Указ о мобилизации на тыловые работы, изданный летом 1916 года, спровоцировал массовые волнения в Туркестанском крае. Формы и методы реализации данного указа приводят к активному сопротивлению местного населения. Администрация края для решения проблемы прибегает к репрессиям и карательным акциям.

Анализ особенностей социально-политической мобилизации населения на тыловые работы показывает, как одно из множества мероприятий, проводимых в военное время, способно спровоцировать массовые акции неповиновения и сопротивления. А само восстание стало не только демонстрацией недовольства действиями властей, но и способствовало консолидации людей на основе родовой и этнической идентичности, объединению народа вокруг своей элиты.

Причины мобилизации на тыловые работы населения восточных регионов

Одним из мероприятий во время Первой мировой войны в России была мобилизация населения восточных регионов на тыловые работы. Большие потери личного состава, необходимость дополнительных сил для ведения тыловых работ, а также потребность в рабочих силах на промышленных предприятиях вынудили военное командование обратиться к использованию всех резервов, которые имелись в стране. Одним из таких резервов было инородческое население в сибирской и азиатской частях страны. Армейское командование имело планы по использованию этих ресурсов для использования в военной мобилизации, даже подготовило законопроект. Так, по подсчетам специалистов выходило, что увеличение призывного контингента влекло увеличение финансовых расходов: единовременного

до 250 300 рублей и ежегодного до 198 500 рублей. В силу отсутствия посемейного списка населения, начало призыва «инородческого» населения пришлось бы на 1 октября 1917 года, когда война будет закончена[560]. Кроме того, товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий отметил, что даже слух о введении воинской повинности в Средней Азии может вызвать волнения и беспорядки, подавление которых за недостаточностью полицейских сил и отсутствием военных частей, «будет сопряженно со значительными трудностями»[561]. Таким образом, рассмотрев последствия данного законопроекта, его введение было сочтено нецелесообразным. Трудности, которые стали накапливаться ко второму году войны, вынудили власти мобилизовать все ресурсы. Результатом стало издания указа о мобилизации на тыловые работы. 25 июня 1916 года Николай II подписывает Высочайшее повеление «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ»[562].

Своевременность и необходимость принятия данного решения вызвали много нареканий со стороны представителей как центральной власти, так и администрации Туркестанского края. Однако, несмотря на осознание последствий этого решения, оно было принято и стало поспешно реализовываться. В сложное военное время власти получили еще одну проблему, которую им пришлось решать, растрачивая ресурсы, так необходимые для театра военных действий. В Туркестанском крае местная администрация владела информацией о положении и ситуации в регионе, однако своими поспешными действиями способствовала усилению проблемы. Методы и формы мобилизационных работ, используемые региональной администрацией, создали условия для вооружённого восстания.

Методы и формы мобилизационных мероприятий в Туркестанском крае

Одной из главных причин волнений была поспешность в реализации данного указа. Об указе в Туркестане узнали 28-29 июня 1916 года, по телеграфу был получен сокращенный вариант повеления, краевая администрация сразу приступила к его реализации. Сам документ был официально опубликован только 6 июля[563]. Уже 2 июля, под руководством вр.и.д. Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии Ерофеева проводится совещание по разработке плана мобилизации киргизов военными властями края.[5] На совещании присутствовало все управление края, не считая губернатора Семиреченской области М.А. Фольбаума. На совещании

АВПРИ Ф.147 Оп.486 Д.340 л.23.

Особые журналы заседания Совета министров Российской империи.1915 год. Москва, 2008, с.556.

Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов), т.1. Алматы, 1998, сс. 13-14.

Собрание узаконений и распоряжений правительства. №182 от 6 июля 1916 г., с. 1526. [5] «Разработка плана мобилизации киргиз военными властями края». *Восстание 1916 года в Киргизстане. (Документы и материалы, собранные Л.В. Лесной).* Москва, 1937, сс. 15-27.

обсуждались конкретные мероприятия, которые должны были реализоваться на местах. В ходе обсуждений высказывались опасения о последствиях данного мероприятия. Руководство края достаточно четко осознавало сложность и возможные последствия реализации указа. «Военный губернатор Сыр-Дарьинской области генераллейтенант Галкин, указав на некоторые бытовые особенности туземного населения края, высказал мнение, что при отсутствии посемейных списков этого населения реквизиция рабочих мобилизованным порядком, строго придерживаясь указанных министром внутренних дел возрастов, представляется почти невыполнимой, так как администрация не располагает силами для составления посемейных списков, само определение возраста туземцев за отсутствием метрических записей и существующего у них исчисления лет по лунному году и циклам крайне затруднительно и поведет к массовым злоупотреблениям».[564] Он же высказал мнение, что «набор рабочих определенных возрастов даст населению повод думать, что под видом рабочих их будут отправлять на фронт в качестве боевой единицы, т.е. на них распространят воинскую повинность, это легко поведет к брожению, и возможно, к беспорядкам, между тем Высочайшее повеление о привлечении инородцев к тыловым работам легко было бы выполнять тем способом, который уже знаком населению и потому будет понятен ему и не вызовет никаких недоразумений - это наряд рабочих натуральной повинности как для ирригационных дорожных работ, так работ по уничтожению саранчи. Таким образом, в задачу настоящего совещания входило бы лишь определение числа рабочих, которое каждая область должна доставить. Получив наряд на определенное число, губернаторы произведут раскладку по уездам, уезды по волостям и т. д. и требуемое от края число рабочих будет доставлено легко, быстро и без всяких осложнений»[565].

Другие губернаторы также высказывали конкретные и разумные предложения, где учитывались все нюансы мобилизационной работы. «Начальник Закаспийской области (генерал-лейтенант Калмыков) высказал, что каких-либо выступлений населения против реквизиции рабочих опасаться нет оснований, из состава населения сформирован Туркменский полк, находящийся и отличающийся в действующей армии, много туземцев уже отправилось на работы на Кавказский фронт, в туземной газете будет напечатало воззвание к населению, в котором будет объяснена цель наряда рабочих. Следовало бы указать населению, что особо усердные из наряженных рабочих могут рассчитывать на награждение медалями, что при присущей туземцам страсти к знакам отличия явилось бы побудительным фактором. Военный губернатор Самаркандской области (генерал-майор Лыкошин) также удостоверил, что никаких эксцессов ожидать нельзя, но при условии, что не будет составляться посемейных списков и набор рабочих будет произведен путем наряда повинности. Губернатор Ферганской области Гиппиус высказал более сдержанную оценку ситуации, по его мнению, от форм и методов проведения реквизиции будет зависеть спокойствие населения. Он обратил внимание, что «настроение масс зависит от так называемых

«Разработка плана мобилизации киргиз военными властями края», с. 16.

«Разработка плана мобилизации киргиз военными властями края», с. 16-17.

верхов населения: мулл, почетных лиц и т. д. Если брать и их, что неизбежно будет в случае набора по семейным спискам, то ими будет создано неблагоприятное настроение, да и практически такие лица явятся в качестве рабочих слабосильными, неприспособленными».[566] На совещании решили, что «составлять посемейные списки совершенно некому, ввиду крайней малочисленности и переобремененности текущей работой чинов административного управления. Поэтому и по самой технике составления списков, на это потребуется много времени, что надолго отодвинет срок поставки рабочих; между тем министром внутренних дел указана крайняя необходимость скорейшего получения рабочих, и потому рекомендуется все распоряжения по призыву их и вызываемые призывом действия исполнить в кратчайший срок, с наименьшей затратой времени»[567]. Как видно из решений собрания, руководителями края ситуация достаточно реально осознавалась, однако главная задача мобилизации сводилась к своевременному исполнению приказа министра внутренних дел – в кратчайший срок и наименьшей затратой времени. Несмотря на то, что были высказаны довольно взвешенные предложения, они носили достаточно общий характер. План мобилизационных работ не был детализирован, не были назначены конкретные ответственные лица, не было инструкций и рекомендаций по его реализации. Механизм организационных работ не был разработан и был отдан на откуп местным органам, которые должны были принимать решения по своему усмотрению. Постановление совещания было кратким: «посемейных списков не составлять, предоставив губернаторам дать населению наряд на поставку рабочих натуральной повинности по обычаю, но, придерживаясь указанных в телеграмме министерства внутренних дел возрастов, не исключая, однако, уклонений в сторону; более зрелого до 40 лет»[568].

Патриотическая риторика властей в процессе мобилизационных мероприятий

После совещания 8 июля вр.и.д. генерал-губернатора Туркестанского края генерала от инфантерии Ерофеев издает приказ о мобилизации инородческого населения, освобожденного от воинской повинности на тыловые работы. В своем приказе генерал-губернатор выразил «уверенность, что туземное население края, не несшее до сих пор тягостей великой ответственной войны и ныне призываемое высочайшей волею к труду в тылу армии, с полной готовностью явится на призыв, а затем с особой энергией будет работать в тыловом районе действий победоносной русской армии, предводимой верховным вождем ее государем императором»[569]. В данном приказе особого внимания заслуживает аргументация и риторика, которую использует генерал-губернатор, выражая уверенность в полной поддержке своего

«Разработка плана мобилизации киргиз военными властями края», с. 18.

«Разработка плана мобилизации киргиз военными властями края», с.21.

«Разработка плана мобилизации киргиз военными властями края», с. 21.

Восстание 1916 года в Киргизстане. (Документы и материалы, собранные Л.В. Лесной). Москва, 1937, с.28.

решения. С первых дней войны в крае был введен воинский налог, который собирался исправно и постоянно увеличивался. Местное население Туркестана ввиду того, что оно не подлежало призыву в регулярные войска, платило воинский налог. В 1914 году был установлен специальный военный налог в размере 4 руб. с кибитки. Только в 1914 году из Семиреченской области было вывезено скота и продуктов животноводства на общую сумму 33.833.000 рублей. Из рапорта генерал-губернатора Куропаткина царю Николаю II видно, что в течение войны из Туркестанского края в склады Военного Интендантства было отправлено: хлопка - 40.899.044 пудов, мыла - 222.000 пудов, мяса - 300.000, рыбы - 473.928 пудов, лошадей - 70.000 голов, юрт - 1344 штуки, повозок - 270 штук и кроме того, деньгами на нужды войны было собрано с населения Туркестана 2.400.000 рублей[570]. Поэтому упрек в адрес местного населения, что оно не несло тягот войны, выглядело для людей обидным и несправедливым. Кроме того, на чем основывалась уверенность, что участие, хотя бы на тыловых работах победоносной войны, ведомой императором, являлось долгом и обязанностью *инородческого* населения? Приказы начальства всех уровней края были наполнены патриотической риторикой. Воззвание губернатора Семиреченской области Фольбаума наполнено призывом к солидарности к русскому народу «в великой борьбе народов за освобождение от немецкого ига, нашей матери родине Великой России пришлось принять на себя большую долю груза и выставить больше, чем все союзники, воинов, чтобы сломить мощь сильного врага. Уже 2 года сыны России проливают свою кровь, создавая своим потомкам и себе светлое будущее. Тысяча-тысяч русских воинов безропотно складывают свои головы на полях битв во славу царя и родины. Тысячи-тысяч других людей в тылу куют оружие воинам и готовят для них порох и снаряды. Целая масса русских людей заботится о том, чтобы армия была сыта и одета и имела для раненых необходимую врачебную помощь. Смело можно сказать, что каждый человек в России делает что-нибудь на пользу войны. Сейчас, когда под руководством державного вождя, наша армия начинает одолевать противника, явилась надобность еще больше напрячь народные силы. Все русское население готово взяться за оружие. Но на войне, кроме солдат с оружием в руках, очень нужны люди в качестве рабочих. Руками этих рабочих создаются укрепления, проводятся дороги и вообще облегчается деятельность войск. Чтобы увеличить число таких рабочих, явилась надобность зачислить в их ряды всех тех, кто по закону освобождается от выхода в поле с оружием в рука»[571]. Издавались приказы «всему населению свято исполнить волю государя императора»[14], потому что «те киргизские, таранчинские и др. волостные управители, которым я лично объявил волю монарха, приняли мое приказание молодцами и, обсудив подробности предстоящего набора, воскликнули в честь обожаемого монарха такое громкое и дружное «ура», что зазвенели стекла губернаторского дома, где я с ними беседовал».[572] Акцент на патриотические чувства повсеместно использовался в

Восстание 1916 года: Документы и материалы. Бишкек, 2015, с. 8.

Восстание 1916 года: Документы и материалы, с. 58. [14]

Восстание 1916 года: Документы и материалы, с. 29.

Восстание 1916 года: Документы и материалы, с. 29.

различных обращениях и воззваниях, руководство края было уверено, что такая тактика принесет успех. Однако уверенность в солидарности и патриотизме себя не оправдала, мобилизация на тыловые работы заставила сплотиться людей и принять решение об отказе от выполнения царского указа. Несмотря на то, что велись разъяснительные работы о том, что люди призываются на работы в тылу, а не для выполнения воинской обязанности, что данная работа будет оплачиваться, местное население продемонстрировало массовый отказ от мобилизации.

Уверенность в лояльности местного населения оказалась неоправданной. Надежда на помощь и поддержку людей в трудные военные годы себя не оправдала. Массовый отказ от мобилизации, вооруженное сопротивление царскому указу показало, что за полувековое правление краем колониальным властям не удалось достичь лояльности местного населения. Туземное население отказало в поддержке властям, начав массовое сопротивление в виде побегов в горы и сопредельные страны, а затем организовав вооруженное восстание.

Спешка и неразбериха мобилизационных работ на местах

Волнения и беспорядки, которые переросли в вооруженное сопротивление, администрация края предвидела на начальном этапе мобилизационных работ. Местные чиновники заранее говорили, что спокойствие в крае зависит от умения эффективно провести реквизицию. Однако в мобилизационных работах преобладало желание побыстрее выполнить указания вышестоящих органов. Это стремление в кратчайшие сроки решить сложную организационную проблему привело к использованию силовых, административных методов. В условиях отсутствия посемейных списков, подготовленных кадров, четких и продуманных инструкций, отсутствия поддержки со стороны местной элиты и духовенства, мобилизация сводилась к изданию приказов. При этом приказы большей частью сводились к требованию скорейшего и немедленнейшего исполнения царского повеления. В инструкции и.д начальника Копальского уезда даются следующие указания: волостному управителю – «по получении распоряжения о доставке рабочих немедленно оповещает об этом всех аульных старшин и пятидесятников. Всех людей, сгруппированных на условном месте, доставляет к назначенному сроку на сборный пункт – при кратком именном списке. Волостной сборный пункт должен быть избран вблизи общего сборного пункта». Аульным старшинам – «по получении распоряжения о созыве рабочих немедленно оповещает об этом своих пятидесятников. Всех людей, собранных пятидесятниками на аульный условный пункт при списке, составленном заранее аульным съездом, доставляет волостному управителю. С волостным управителем препровождает рабочих на сборный пункт, где находится безотлучно до окончательной сдачи людей». Пятидесятникам – «по получении распоряжений о призыве людей, предназначенных по наряду на работы по приговорам аульных съездов – собирает их и доставляет на условное место к аульному старшине. Вместе с волостным управителем и аульным старшиной сопровождает рабочих на сборный пункт, где находится безотлучно до конца сдачи

людей. В случае неполной явки рабочих – разыскивает своих уклоняющихся»[573]. Эта инструкция подготовлена и распространена 18 июля 1916 года, когда массовое уклонение от призыва на тыловые работы получило повсеместное распространение. Уже с конца июня местное население оставляет работы, уходит в свои аилы, молодежь начинает убегать в горы или заграницу. Во многих местах люди собираются в группы и отбирают списки у волостных управителей и уничтожают их. Ответственные лица отказываются составлять списки и участвовать в наборе людей. Несмотря на эти события, уездное начальство издает инструкции, которые невозможно исполнить в указанные сроки. На частном совещании киргиз у Тургайского губернатора отмечается, что «в Актюбинском уезде, в 3 уч(астке) местная власть приказала явиться к приему через 10 дней. Киргизы этого участка разбросаны на пространстве в 400–200 верст в длину и ширину. В Кустанайском уезде местная власть назначила прием в Аракарагайской волости через 9 дней, в Сорогской волости через 15 дней. В других волостях также чрезвычайно спешно требовали явку на сборный пункт, отдаленный от населения на 200-300-400 верст»[574]. При этом, все эти указания не подкреплены финансовыми, материальными и организационными ресурсами. А губернатор Семиреченской области М.А. Фольбаум телеграфирует руководству Лепсинского уезда: «Подтверждаю, что от Вашего уезда должно быть то именно количество рабочих, которое назначено моим номером 2029, то есть 8530, причем, если не хватит людей призывного возраста [с]наряжайте [рабочими] старше 31 года. Немедленно телеграфируйте точное распределение данного мною наряда между сборными пунктами»[18]. В этом приказе дается разрешение на нарушение условий набора, согласие на призыв людей, которые не подходят по возрасту. Главное условие - это количество людей и сроки набора.

И.д начальника Закаспийской области Н.К. Калмаков издает циркуляр: «Ввиду отсутствия у туземного населения метрических записей и трудности точно установить возраст от 19 до 31 года, разрешаю Вам не придерживаться этого строго и брать лиц, которым по их заявлению более 31 года, лишь бы они были хорошим рабочим материалом, т. е. крепки и здоровы[19]». Отсутствие метрических записей заранее делало это мероприятие трудновыполнимым, что неминуемо должно было привести к различным нарушениям. Без наличия метрических записей мобилизация людей могла проводится только «на глазок» и вызвала массовые злоупотребления, следствием которых стало недовольство населения методами набора на тыловые работы. На это указывали и представители киргизского сообщества, которые отмечали, что «всем известно, что в посемейных списках записанные возрасты киргиз не соответствуют действительности. Возрасты киргиз в списки заносятся аульными (старшинами] произвольно. Никто правильностью этих записей до сих пор не интересовался. Некоторые записи заведомо властями делались неправильно: богатые киргизы, подготовляя требуемый при выборах на общественные должности возрастной ценз,

---

Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов), т.1. Алматы, 1998, сс. 16-17.

Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов), с. 32. [18]

Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов), с. 19. [19]

Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов), с. 24.

умышленно записывали лета своих сыновей старшими. Поэтому в степи нередкость 20-летний бий или волостной управитель, когда по закону они должны быть не моложе 35 и 25 лет. До мобилизации необходимо было при участии аульного схода исправить заведомо неправильные списки или составить новый верный список. Между тем местная власть спешно потребовала старые неправильные списки, объявив их неприкосновенными и пожелала мобилизовать по ним единовременно 18% всего мужского населения»[575].

Реакция местного населения на реализацию царского указа

В протоколе частного совещания киргизов пяти областей отмечали, что «просьбу киргиз об исправлении списков, о согласовании их с действительностью никто не хотел слушать. Когда население увидело явную несправедливость, то оно обратилось

самосуду, повсеместно отбирая у волостных управителей списки. Это было в областях (цитируется по архивным источникам) Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской. Местами волостные управители пожелали на почве мобилизации свести счеты со своими партийными врагами, стали сочинять новые списки, включив всех своих противников в возрасте 19-31 [года], другие стали торговать списками, предлагали за деньги изменить возрасты призываемых. Одни откупались, другие непризываемые попадали в список призываемых. Волостные управители Карабалыкской волости Кустанайского уезда Саим Кадыфов и Чингирлауской волости Уральского уезда Ахмед Сарыбалин были убиты населением именно за разнообразные свои злоупотребления. Некоторые волостные управители, желая нанести самый верный удар своим врагам, обвиняли их в сопротивлении мобилизации и доносили по начальству» [576].

Поспешность в реализации царского указа привела к игнорированию интересов местного населения. Издание указа было полной неожиданностью для населения туркестанского края. Указ настиг их в разгар полевых работ, не дал возможности людям собраться и подготовиться к мобилизации на тыловые работы. Интересы государства, армии оказались выше интересов и потребностей простых людей. Такое игнорирование насущных потребностей не могло не вызвать массового недовольства среди людей. Тем более, со стороны коренного населения были высказаны пожелания добровольно принять участие в наборе на тыловые работы, при условии учета их интересов. Так в своем прошении на имя министра внутренних дел Б.В. Штюрмера аксакалы Кустанайского уезда обратились со следующими просьбами: «1. Отсрочить призыв киргизского населения до окончания уборки урожая настоящего года. 2. Оставить в каждой семье по одному работнику. 3. При определении возраста руководствоваться не старыми списками аульных старшин, а особыми списками, для этой цели аульными сходами составленными. 4. Сократить по возможности количество призываемых лет для каждого призыва. 5. Заранее выдать бедным

Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов), с.33.

Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов), с. 32.

киргизам деньги, необходимые на покупку одежды пригодной для работ» [577]. Как видно из содержания письма, просьбы уважаемых людей не содержали трудновыполнимых требований. Единственно, они могли затянуть сроки и время реализации мобилизационных планов, а это в условиях военного времени могло вызывать только неудовольствие у армейского руководства. Срочные сиюминутные интересы военной администрации оказались выше интересов населения, которое было, в первую очередь, материалом для достижения высших целей. Таких обращений с просьбой предоставить отсрочку и возможность подготовиться к мобилизации было немало. В целом, осознавая обоснованность этих требований, власти руководствовались иными интересами, которые диктовало военное время.

Местная элита: Между служебным долгом и лояльностью соплеменников

В управлении краем русская администрация была представлена на областном и уездном уровнях. На местном уровне бразды правления находились в руках местного населения. Волости управлялись избираемым должностным лицом, а судебное управление осуществлялось на основе *адата* в кочевом обществе или шариата у оседлого населения. Руководство края было уверено, что посредством местной элиты сможет реализовать свой мобилизационный план. Русские чиновники были свидетелями того, что власть выборных управляющих над коренным населением была безграничной, а сами коренные управляющие находились в полной зависимости от русской администрации. Эта самоуверенность и уверенность в силе местной власти привела к ошибкам в управлении. Система выборов волостного управления сопровождалась массовыми злоупотреблениями. Часто местная элита получала свои должности путем подкупов и запугиваний. Краевая администрация большей частью закрывала на это глаза, не в состоянии изменить ситуацию. Отсюда проистекала
уверенность, что местные лидеры находятся в полной зависимости у русской администрации. Но события 1916 года поставили местную элиту перед сложным выбором: остаться со своими соплеменниками или стать сторонниками русской власти. В этих условиях элита вынуждена была стать на сторону народа, иначе она теряла лояльность своих соплеменников.

своих показаниях письменный переводчик Т. Дюсебаев сообщает, что «съехавшиеся представители волостей, после общего переговора между собой, 23 июля заявили уездному начальнику Иванову, что население их волостей может их не послушаться, так как киргизы призывного возраста открыто говорят, что, прежде чем идти на фронт на работы, они убьют своих представителей, если те дадут согласие на отправку рабочих на тыловые работы в армию. Представители просили уездного начальника арестовать их и посадить в тюрьму. Начальник ответил им, что сделать этого без основания не может. Тогда представители волостей заявили, что если он их арестует, то народ, жалея их, явится сам в город и составит приговоры о даче рабочих

Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов), с. 27.

в армию. Если же они сами дадут согласие на отправление рабочих в армию, то мобилизованные и их родственники перережут своих представителей»[578]. Такое утверждение представителей волости вызвало недоверие уездного начальника, который заявил, что заявление о непослушании волостных представителей простыми киргизами является «глупостью», по его представлению, такое невозможно. Мысль о том, что простые люди могут поставить свою элиту перед выбором, что они могут угрожать смертью, не допускалась начальством. Соглашаясь на требования уездного начальства о предоставлении списка рабочих, их предоставление всячески затягивалось местными властями. «Причины этого уклонения от составления аульных именных приговоров некоторые лица усматривают в том, что волостные списки были составлены киргизской «знатью» с таким расчетом, чтобы самим не итти. (*Орфография документа сохранена*) При составлении же списков по аулам скрыться этой «знати» и ее родственникам не удалось бы, так как это вызвало бы волнение среди бедноты, итти (*Орфография документа сохранена*) же на работы в армию «знать» не хотела. Составление аульных списков, несмотря на категорическое требование уездного начальника, оттягивалось»[24].

Представители русской администрации не могли понять, что элита не могла игнорировать интересы своего народа, иначе потеряла бы всю свою власть. Поэтому неудивительно, что «в первых числах августа крестьянин селения Шамировки киргиз Усень Шамиров пригласил почетных киргиз: Джетыогузовской волости – Кулберика Матаева: Джалгибаевской волости–Орозона Худоярбекова; Торгожеской волости–Болтебая Курбаева; Барскаунской волости – Дорбеша (фамилия не ясна), Кандырбая Солтонаева и др., которые зарезали кобылу и совершили «*бату*» (клятву) не давать рабочих в армию»[579]. Такое единение людей вокруг своих правителей произошло во многих уездах и областях. Многие влиятельные люди поддержали идею отказа от призыва и решили не давать людей для тыловых работ.

В послереволюционный период, превозносится роль бедняков, как инициаторов восстания, а участие влиятельных людей преподносится как вынужденное присоединение к движению простого населения. Так Т. Рыскулов, видный большевистский деятель в своем докладе пишет, что «имелись отдельные случаи перехода манапов на сторону восставших; так, во главе повстанцев в Пишпекском уезде стали сыновья известного манапа Шабдана Джантаева. Такие случаи объясняются экономическими причинами: скот манапов, смешанный со скотом всего остального населения, угонялся в общей массе. Для них невыгодна была жизнь вне родовой общины: кроме того, они не надеялись получить надлежащую поддержку у русской администрации. Манапам не по сердцу была активность *пухары* (черни), стихийно властвовавшей во время этих событий, но другого выбора у них не было. Те же сыновья Шабдана и другой руководитель восставших, Канат Абукин, вначале вели переговоры с уездной Пишпекской администрацией с просьбой послать войска

«Разработка плана мобилизации киргиз военными властями края», с. 31. [24] «Разработка плана мобилизации киргиз военными властями края», с.31.

«Разработка плана мобилизации киргиз военными властями края», с. 32.

против киргиз, чтобы заставить их дать рабочих, но потом, когда началось восстание, вынуждены были уйти к восставшим» [580]. Такая интерпретация роли манапов и влиятельных людей в восстании носит упрощенный и идеологический характер. В действительности, в традиционном обществе легитимным правом на власть обладали влиятельные люди, поэтому люди группировались во время восстания вокруг таких людей, требуя возглавить движение. Простой человек не смог бы возглавить общественное движение, так как не имел право на это. Его претензии на лидерство не получили бы поддержку среди людей. В действительности, как верно отметил Т. Рыскулов, на требование властей успокоить население К. Абукин ответил, что это восстание можно остановить только силой. Позже он был вынужден возглавить восставших людей в своей волости. Иное решение привело бы его к лишению статуса положения. Участие сыновей известного манапа Шабдана Джантаева так же вызвано последствием переселенческой политики властей. Не только простые дехкане пострадали от изъятия излишков, но и наследники Ш. Джантаева потеряли большие наделы земли, которые были представлены в пожизненную собственность этой семье. Поспешные решения мобилизационных вопросов привели не только к активизации населения всего края, но и способствовали единению местного населения. Призыв на тыловые работы способствовал этнической мобилизации туземного населения, когда раздираемое экономическими и социальными противоречиями местное население сплотилось вокруг своих лидеров и выступило единым фронтом против царской власти. В ходе восстания и в дальнейших страданиях на чужбине влиятельные люди были вместе с простым народом. Таким образом, надежды на помощь волостных представителей в решении императорского указа не оправдали себя полностью, так как многие из них вынуждены были выбрать лояльность своих соплеменников, а не службу царской власти.

Жесткая альтернатива, которая встала перед местной элитой во время восстания, привела к консолидации туземных народов. Растерянная толпа, выразившая свое недовольство призыву на тыловые работы, обратилась к своей элите – аксакалам, биям, волостным, чтобы она возглавила их. Значительная часть элиты вынуждена была проявить солидарность со своим народом. Жесткие карательные меры, предпринятые царской администрацией, разделили население Туркестана на две половины. Значительную часть составило местное население со своими интересами, другая часть - администрация и русское, переселенческое население.

В краевой администрации было много людей, которые находились на государственной службе, которые в ходе восстания, осознавая его последствия, выступили в роли посредников между властями и местным населением. Переводчиками, секретарями в уездных и областных управлениях были представители местного населения. Им также отводилась большая роль в разъяснительной работе по реализации набора на тыловые работы. Кроме того, среди казахов были люди с высшим образованием, которые находились на различных должностях государственной службы. Они занимались разъяснительной работой

«Разработка плана мобилизации киргиз военными властями края», с.9.

среди местного населения, а также отстаивали их интересы перед властями. За эти действия позже, они были обвинены советской властью в пособничестве царским властям. Так, например, инженер М. Тынышпаев, который был специалистом по железным дорогам, докладывал официальным лицам о происходящих событиях, описывая и разъясняя причины восстания. В это время в официальных сообщениях действия восставших людей описывались как бунт и неповиновение и сопровождались обвинением в преднамеренных и запланированных действиях. В своем докладе на имя Сырдарьинского губернатора А.С. Мадритову, Тынышпаев дает детальное описание начала восстания в Аулиеатинском уезде. По его словам, восстание носило спонтанный характер, было вызвано различными слухами, которые циркулировали среди населения, вызывая различные страхи и ожидания. Он отмечает, что достоверной информации не было не только среди коренного населения, но и среди переселенцев. Взаимное недоверие и страхи были той основой, которая послужила толчком к взаимному противостоянию и столкновениям. Основными причинами событий он называет следующие факторы: «1. необъяснение вовремя властями сущности высочайшего указа; 2. Растерянность власти; 3. Неумелые шаги приставов; 4. Грабежи крестьян»[581]. Он пытался донести до официальных властей, что ответственность за восстание не должна ложиться полностью на плечи местного населения. Тынышпаев стремился показать, что восстание вызвано множеством причин, которые должны учитываться при последующих действиях, репрессиях и карательных актах.

К началу XX века среди местного населения сформировалась прослойка интеллигенции, которая получила высшее образование, участвовала в политической жизни страны. Эти люди избирались депутатами в Государственную Думу, издавали газеты, сотрудничали с другими российскими партиями. Такие представители казахской интеллигенции как А. Байтурсынов, А. Букейханов, М. Дулатов были организаторами и издателями газеты «Казах» (каз. *Қазақ*), в которой достаточно спокойно отнеслись к идее мобилизации. В своей газете они обсуждали возможность военного участия казахов, считая, что они могут быть хорошими воинами кавалеристами. Они выбрали стратегию сотрудничества с властями, считая, что это более оптимальное решение проблемы. Поэтому уже 7 августа они собрали в здании Тургайского губернатора активистов пяти областей и выработали комплекс мер из 18 пунктов для нормализации обстановки в регионе. Рекомендации были приняты, но не получили своей реализации. Помощь, оказанная лояльными властям людьми, не получила соответствующей поддержки, соответственно не могла повлиять на снижение напряженности. В то же время нужно отметить, что интеллигенты – выходцы из коренных народов предприняли политические меры по урегулированию возникшего противостояния. В дальнейшем именно они стали инициаторами обсуждения причин восстания на уровне Временного правительства.

Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов), с.70.

Политическая оценка восстания властями

Жестокие действия властей по подавлению восстания вызваны отказом в признании законности требований местного населения на соблюдение основных интересов и потребностей. Выполнение каких-либо требований воспринималось как уступки, которые могут повредить авторитету власти. В телеграмме генерал-губернатора А.Н. Куропаткина губернатору Семиреченской области М.А. Фольбауму указывалось: «Проверив наряд рабочих по всем областям [и] уездам, ставим наряд [в) Семиреченской области [на] семнадцать тысяч, держась одинаковой [для] всех нормы [–] восемь процентов со всего мужского населения. До усмирения беспорядков осторожно задержите ретивое составление именных списков назначаемых на работы

уездах еще спокойных, чтобы не пролить несвоевременно масла в огонь, но уступки, замирив мятеж, делать не будем бунтовавшим»[582]. Текст телеграммы показывает, что власти воспринимали действия местного населения как мятеж, основанный на неправомерных требованиях, выполнение которых воспринималось как уступки.

Недовольство населения царским указом о наборе на тыловые работы было воспринято как политическое действие, поэтому оно было таким жестоким образом подавлено. Губернатор Ферганской области генерал-лейтенант А.Н. Гиппиус в своих показаниях, который он дал Чрезвычайной следственной комиссии, сформированной Временным правительством, писал: «…возникшие летом 1916 года в Туркестане беспорядки не имели никакого отношения к тем мотивам, на которые указывало Охранное отделение в своей оценке местного политического положения, т.е. никакого отношения к бунту против верховной власти… ...именно события последних двух лет перед возникновением в Фергане и во всем Туркестане беспорядков наглядно показали, что у населения и в мыслях не было волноваться на политической почве. Эти два года были временем патриотического подъема наших мусульман в пользу русских войск»[583]. Верховная власть не ведет переговоры с политическими противниками, любое их требование незаконно по своей природе и должно жестко пресекаться, без жалости и снисхождения. Только такое восприятие действий восставших может объяснить последующие репрессии и карательные операции. Местное население, посмевшее иметь свое мнение и выдвигать какие-либо требования, становится врагом, который должен быть уничтожен.

На закрытом заседании Государственной думы А. Ф. Керенский, который был в составе комиссии по изучению причин восстания 1916 года в Туркестане, в своем выступлении описывает действия карательных войск по подавлению восстания: «В то время когда 13 июля произошли беспорядки в Джизаке, 3 августа издается вот этот приказ. Вот подлинный приказ, который говорит о карательных экспедициях. 3 августа, повторяю, почти через месяц после этих эксцессов толпы, издается приказ, чтобы все местное туземное население города Джизака – я был там, я был потом на

Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов), с. 48.

Шварц В. «О показаниях «губернатора с гвоздем»». http://daniyarov.kg/2018/11/13/v-shvarc-opokazaniyakh-gubernatora-s-gv/. Просмотрено 13.09.2019.

развалинах и я все сам видел – где жило несколько тысяч, может быть, свыше 10. 000 туземцев... (голос: 20. 000)... да 20. 000 туземцев, если оно в трехдневный срок, т. е. до 6 августа, не выдаст убийц со всего уезда, т.е. всех убийц на пространстве нескольких тысяч верст, в горах неуловимых, если не выдаст убийц, то все население будет беспощадно изгнано из города. 6 или 7 августа этот приказ был исполнен и утром, по пушечному выстрелу эта масса, главным образом, женщин, детей и стариков, была выброшена из своих домов и очагов без пищи, продовольствия и была послана неоазисами, где есть вода, а пустынными местами в глубь уезда, а город был планомерно и систематично весь уничтожен. Я, г.г., будучи на двух фронтах, западном и кавказском, нигде не видел столь идеально уничтоженного вражеского города, как этот город Джизак, находящийся в России, русский город. Но этим не ограничились, г. г., теперь Туркестанский генерал-губернатор издал приказ о конфискации всех земель всех жителей г. Джизака, который находится на пространстве, кажется, 900 десятин, огромного размера площадь самого города и его окрестностей. Эти земли конфискованы, и население, без различия правых и виновных, лишено права впредь пользоваться своей собственной землей. То же самое проделывается теперь в Семиречье, и вы говорите, – иначе нельзя»[584]. Такое отношение к собственному населению возможно только в случае, когда оно воспринимается как враг, противник. Поэтому в его отношении применяются меры военного времени, а не меры судебного преследования.

Недовольство местного населения призывом на тыловые работы было воспринято властями не только как сопротивление и отказ выполнять царское повеление, но и как враждебная политическая акция. Тем самым, царская администрация сама создала политическое сопротивление на месте простого недовольства местного населения.

Заключение

Таким образом, социально-политическая мобилизация, проводимая царской властью в Туркестане, показала, что действия администрации в колониальных территориях носили непродуманный и непоследовательный характер. За более полувековой период правления представления власти о собственной территории были часто основаны на ошибочных знаниях, управление осуществлялось крайне неэффективно. В сложных условиях войны администрация создала для себя внутреннего врага, расходуя на это и без того крайне скудные людские ресурсы, а также нанеся значительный урон собственной экономике.

Поспешные и непродуманные мобилизационные мероприятия привели к стихийному сопротивлению, которое большей частью носило пассивный характер. Усиление карательных мер приводит местное население к консолидации, объединению и осознанию своей родоплеменной и этнической идентичности. Жестокое подавление восстания показало, что местному населению противостоит

«Стенографический отчет закрытого заседания Государственной думы». *Грозный 1916 год*, с. 182.

колониальная власть в лице царской администрации и русского переселенческого населения. Переселенцы оказались единственной ее опорой. Как заметил бывший губернатор Ферганской области А.Н. Гиппиус, выступления местного населения не носили политический характер, не были выступлением против верховной власти. Но жестокое подавление придало сопротивлению политический характер. Это обстоятельство через несколько лет эффективно использовала новая большевистская власть.

Призыв на тыловые работы инородного населения был одним из множества мобилизационных мероприятий, которая проводила царская власть по время войны. Однако ее методы и формы проведения не только спровоцировали волну сопротивления местного населения, но оказали глубокое воздействие на ее умонастроение и самосознание.

Список источников и литературы

«Разработка плана мобилизации киргиз военными властями края». *Восстание 1916 года в Киргизстане. (Документы и материалы, собранные Л.В. Лесной).* Москва, 1937.

Восстание 1916 года: Документы и материалы. Бишкек. 2015.

Грозный 1916 год. (Сборник документов и материалов), т.1. Алматы. 1998.

Особые журналы заседания Совета министров Российской империи.1915 год. Москва, 2008.

Собрание узаконений и распоряжений правительства. №182 от 6 июля 1916 г.

Шварц В. «О показаниях «губернатора с гвоздем»». http://daniyarov.kg/2018/ 11/13/v-shvarc-o-pokazaniyakh-gubernatora-s-gv/.Просмотрено 13.09.2019.

Архивные материалы

АВПРИ Ф.147 Оп.486 Д.340 л.23.

Еще раз о потерях в период восстания 1916 года в Кыргызстане

Мурат Иманкулов

Аннотация

Автор полагает, что восстание 1916 года было ярким выражением открытой борьбы кыргызского народа за выживание и свободу. В статье затрагивается одна из наиболее спорных и болезненных проблем этой трагедии – человеческие потери восставших. Здесь мы сталкиваемся со множеством проблем. Даже сейчас, спустя столетие, нам точно неизвестно количество потерь, понесенных кыргызским народом в ходе подавления восстания. В этой статье предпринимаются попытки на основе исследования статистических материалов, научных работ конца XIX и первой четверти XX века, определить количество потерь восставших кыргызов.

Ключевые слова: *русский элемент, летучие отряды, восстание, статистика, статистические данные, колониальная политика, демографический кризис, естественный прирост населения, убыль населения, экстраполяционный метод.*

Введение

Более ста лет назад произошло трагическое событие – масштабное восстание кыргызов против колониальной политики царской России. Несмотря на широкий размах, массовость и упорную борьбу повстанцев против царских карательных отрядов, восстание было жестоко подавлено. Жестокое подавление восстания, последующий побег кыргызов в Китай и повсеместный голод привели к гибели тысяч кочевников. Численность погибших вызывает споры до сих пор, но, несомненно то, что события 1916 года и последующие события: революция, гражданская война привели к демографическому кризису коренного населения Семиречья и других областей Туркестана, населенных этническими кыргызами.

Целью данной статьи является выявление причин обширных демографических потерь среди кыргызов и приблизительная оценка убыли кыргызского населения вследствие восстания 1916 года. Эту статью я начну с анализа колонизации Семиречья. Я покажу, что массовое переселение крестьян из центральной России было главной причиной восстания и что демографический кризис начался за десятилетие до восстания и был вызван масштабным изъятием плодородных земель у кочевников-кыргызов.

Фокусируясь на восстании, я покажу, что жестокое подавление восстания не представляло собой эксцессы отдельных карательных экспедиций. Скорее, методы подавления восстания были тактическими и были подготовлены военными ведомствами задолго до восстания. Более того, более существенную роль в высокой смертности среди коренного населения играло не столько прямое насилие, т.е. убийство повстанцев карательными войсками, сколько насильственный отъем скота, который составлял главный источник пропитания для кочевников-беженцев из Семиречья, и также насильственное вытеснение кочевников в горы, где

климатические условия были крайне неблагоприятны как для людей, так и для скота. каким демографическим последствиям привели эти меры по подавлению восстания я покажу во второй части этой статьи, где подсчитаю примерную убыль среди этнических кыргызов Семиреченской и Ферганской областей с 1916 по 1917 год.

Массовое изъятие земель как основная причина восстания

Основной причиной восстания 1916 г. являлось массовое изъятие земель у населения, которое связано с казачьей и переселенческой колонизацией в Семиречье. Можно согласиться с мнением Т. Котюковой, которая пишет, что: «Серьезное изучение восстания 1916 г. невозможно начинать с 25 июня 1916 г. - даты подписания злосчастного Высочайшег о повеления «О призыве на тыловые работы». Многие аспекты этого нелинейного события уходят своими корнями чуть ли не во вторую половину XIX столетия и заканчиваются в 1920-е гг.
XX столетия»[585].

Колонизация территории современного Кыргызстана казаками и крестьянами-переселенцами началась после завоевания Семиречья в 1867 г. Все земли, населяемые кочевниками покоренного края, их недра, а также леса были объявлены государственной собственностью. Колонизация Семиречья преследовала две цели. С одной стороны, после революции 1905 года, царское правительство надеялось разрешить земельный кризис, который привел к печально известным событиям 1905 года, путем переселения крестьян на новые земли в Азиатских колониях империи. Не менее важным соображением была безопасность новых колоний. Гранича с Китаем, Семиреченская область была, по мнению военных чинов, особенно уязвима и подвержена влиянию и вмешательству как Цинского Китая, так и Британской империи. Заселение края «надежным русским элементом» виделось государственным чиновникам наилучшим способом укрепления государства на азиатских границах. Один из идеологов колонизации Туркестана, Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский рекомендовал усилить «русский элемент» в крае «не только путем увеличения численности казачьего населения, но и организации правильной колонизации страны,

привлечением в нее переселенцев из крестьян»[586]. Показательно в этом смысле высказывание Николая Ивановича Гродекова, военного губернатора Сырдарьинской области, о том, что «каждый новый русский поселок в Туркестане равносилен батальону русских войск»[587].

Малочисленность надежного русско-православного «элемента» и неоднородность состава населения Семиречья представлялись факторами,

---

585 *Восстание 1916 года в Туркестане: Документальные свидетельства общей трагедии. (Сб. док. и материалов МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т всеобщ. истории РАН)*. Сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюковой. Москва: Марджани, 2016, с.20.

Туркестанский край. Полное географическое описание нашего отечества. Сост. Масальский В.И., Семенов-Тян-Шанский П.П., Ламанский В.И., т. 19. Спб., 1913, с.322.

«Туркестанское восстание 1916 года: незадолго до конца Российской империи». *Медина альИслам, №119*. http://idmedina.ru/medina/?2476. Просмотрено 12.08.2011.

подрывающими государственность империи в крае. Так, русский генерал, профессор Николаевской академии Генерального штаба, сенатор, военный писатель А.М. Золотарев считал «племенной и религиозный состав населения этой окраины (Семиречья) крайне неблагоприятным»[588]. Мнение Золотарева разделяли многие другие. «...Нельзя назвать [состав населения] благоприятным, так как русский элемент составляет менее 50Қ инородческого ... необходимо признать состав [населения], с военной точки зрения, неблагоприятным», - писал полковник Д.Я. Федоров, занимавший различные должности в Туркестане, в своей книге «Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа: Чжунгарско-семиреченский приграничный район». Полковник Федоров делает вывод о том, что «вопрос о колонизации Семиреченской области русским элементом весьма важен в военном отношении» и, что государство должно стремиться «к усилению колонизации края русской народностью, хотя бы и в ущерб туземным инородцам» [589].

Центральная администрация, несмотря на сопротивление большинства представителей туркестанской администрации, стояла за продолжение крестьянской колонизации. Эту позицию разделял и Николай II. На отчете военного губернатора Семиреченской области за 1904 г., где были написаны соображения по поводу устройства прибывших переселенцев, царь надписал: «надо настойчиво двигать колонизацию этого края»[590]. Резолюция дала сильный толчок переселенческой политике. Сыр-Дарьинская и Семиреченская области были объявлены переселенческими районами. Задача изыскания свободных земель в этих областях была возложена на чиновников Переселенческого управления, находившегося в подчинении министерства земледелия и государственных имуществ.

Первый переселенческий район в Семиречье был создан в 1905 году[591]. Крестьяне-переселенцы получали по 30 десятин удобных для обработки земель, освобождались от всех налогов и воинской повинности сроком на 15 лет. Под нужды переселенцев колониальная администрация изымала «земельные излишки», находившиеся в пользовании кыргызов[592]. «Излишки» земель, предназначавшиеся переселенцам для размещения новых поселений, вовсе не были свободными и активно использовались коренным населением, «…в действительности такого излишка не было и нет»[593]. В то же время, чиновники переселенческого управления в ходе определения «излишков» приписывали негодные для земледелия территории к

Золотарев А.М. *Военно-географический очерк окраин России*. Спб., 1903, с.177.

Федоров Д. (полковник). *Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа: Чжунгарско-семиреченский приграничный район,* т.1. Ташкент, 1910, сс.98, 76, 163; Федоров Д., т.2., с.32.

Шарова П. «Переселенческая политика царизма в Средней Азии». *Исторические записки*, №8, 1940, с.4-

Кауфман А.А. *К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: Отчет члена ученого комитета Министерства З. и Г.И. [Земледелия и государственных имуществ] Кауфмана по командировке летом 1903 г.* Спб, 1903.

Mission to Turkestan being the memoirs of Count K.K. Pahlen, ed. by Pierce R. London, 1964, сс.191, 196.

Восстание 1916 года в Туркестане, сс.103-104.

пахотным, искусственно увеличивая земледельческие площади. На эти неплодородные земли впоследствии вытеснялись кыргызы.

Переселенцы же наделялись лучшими землями, отбиравшимися у местного населения, расположенными ближе к воде и проезжим путям. Как писал Мустафа Чокаев, «для поселения двух с половиной тысяч русских переселенцев в Пишпекском (ныне Фрунзенском) районе был снесено, по свидетельству отчета графа Палена, свыше 30 тыс. оседлых туземных хозяйств… А в названных мной только что «казенных лесных дачах» границы дач доводили до 30 саженей до зимовки казак-киргиза, который из-за этого при въезде, пастьбе скота и выезде из своей зимовки должен был платить штраф за потраву. И хозяева бросали свои жилища, а иногда это – дома из жженого кирпича, уходили, куда глаза глядят. И переселенческие чиновники спокойно заносили в свои регистры «дома, добровольно оставленные хозяевами»[594].

Помимо легальных переселенцев, в Семиречье стихийно прибывали тысячи неорганизованных безземельных крестьян. Давление русской иммиграции в крае еще более усилилось. Между 1904 и 1914 годами в Семиречье прибы вало около 20 000 новых поселенцев в год. Русское население земель Семиречья, которое в 1897 году насчитывало 67 000 человек, вырос ло в 1907 до 107 000, в 1911 - до 154 000, и в 1914 до 255 000[11].

Аннексия колониальными властями кыргызских земель, особенно зимних и летних пастбищ, принесла экстенсивному кочевому животноводству кыргызов непоправимый урон, и еще более усугубила их тяжелое положение. По данным Турара Рыскулова, итогом работы переселенческой политики Российской империи было то, что «к 1916 г. в распоряжении русских поселков и станиц в Туркестане (всего до 941 селения) числилось 1900 тыс. десятин, или 57,6Қ обрабатываемой площади. Иначе говоря, на каждого живущего в Туркестане русского приходилось 3,17 десятины обрабатываемой земли, а на каждого коренного жителя (казаха, узбека, киргиза, таджика, туркмена) - только 0,21 десятины, т.е. в 15 раз меньше»[595].

Эти факты подтверждает и П.Г. Галузо в своей книге «Туркестан – колония»: «Колонизация уже в начале войны продвинулась настолько дал еко, что «для киргиз остались лишь самые вершины гор, где пастб ища для скота не пригодны в летнее время» (выражение одного из прошения киргиз на имя генерал-губернатора) – словом, были изъяты такие количества земель, что дальнейшее существование и развитие хозяйства кочевников оказались уже невозможными»[596].

Чокаев М. «Революция в Туркестане. Февральская эпоха». *Вопросы истории*, №2, 2001, с.8. [11] Буттино М. *Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР*. Пер. с итальянского Н. Охотина. Москва: Звенья, 2007, с.49.

Восстание 1916 г. в Киргизстане: Документы и материалы. Ред. и с предисл. Т.Р. Рыскулова. Москва, 1937, сс.1-12.

Галузо П.Г. *Туркестан – колония. (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года*). М., 1929, с.152.

Как заметил Александр Моррисон, «Отчет графа К.К. Палена об официальной ревизии администрации Туркестанского края за 1910 год предупреждает, что беск онтрольная крестьянская колонизация «закладывает семена национальной роз ни в инородческом крае»[597].

Подавление восстания

Отъем огромных земельных угодий и вытеснение коренного населения на бесплодные земли привели к обострению отношений между переселенцами и кыргызами. Нередки были стычки и локальные конфликты. Нарастающая напряженность давала военным чиновникам основания предполагать возможность недовольства и сопротивления со стороны коренного населения против колониальной администрации.

«…Военный губернатор Семиреченской области писал в 1907 г. генералгубернатору, что «свыше двадцати тысяч самовольных переселенцев ... преимущественно бродяг ждут наделения землей. Переселенческая партия собирается наделить их орошенной, лучшей киргизской землей с усадьбами и пашнями. Результатом таких действий будет переход киргизов из нынешнего панического состояния к бунту»[598]. Опасался восстания и Военный губернатор Ферганской области. В том же году он писал о необходимости положить решительные преграды русской колонизации, «дабы не возбудить против русских туземное население Ферганы и без того находящегося в состоянии хронического брожения ...», и далее: «русского переселения сюда ни в коем случае быть не может»[599].

Поэтому царские власти готовились к такому повороту событий и рассматривали возможности подавления в случае вспышки восстания. Полковник Д. Федоров в своей книге предложил подробный план действий русских войск «на случай непредвиденных обстоятельств военного характера» в Семиречье, выделив специальной темой «свойства района при народном восстании». Он предсказывает, что «как наступательные, так и оборонительные операции могут крайне осложниться случае открытия местным инор одческим населением неприязненных действий. Возможность такого явления без внешней помощи трудно допустить, так как для погашения отдельных вспышек достаточно войск, постоянно содержимых в области. Отвлечение же этих частей для борьбы с внешним противником может, при умелом его содействии, дать мятежу распространиться на значительные пространства. В этом отношении свойства района являются крайне для нас неблагоприятными: чрезвыч айно пересеченная местность в горных частях, обширн ые болотисто-камышевые и песчаные пространства в низм енных местах способствуют партизанской войне. К этому надо добавить отличное знание местности туземцами и еще очень

Моррисон А. «Беженцы, реабилитация и «революционное» насилие после восстания 1916 года». *Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии». (Сборник статей).* Бишкек: Нео Принт, 2017, с.180.

Пален К.К. *Переселенческое дело*. Спб., 1910, сс.131-132.

История народов Узбекистана. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1947, с.341.

незначительное заселение района коренным русс ким населением, сосредоточенным только в некоторых открытых долинах»[600] .

Далее Д.Федоров дает совет войскам: «Несмотря на неблагоприятные условия местности, борьба с местным населением облегчается его образом жизни, в большинстве еще кочевым. Главное богатство кочевника, скот не позволяет населению сосредоточиваться для образо вания больших партий, так как большие массы скота трудно прокормить и укрыть, оставить же его без надзора и защиты значить лишиться всего благосостояния. Мелкие же партии кочевников, хотя и могут причинить много затрудн ений, но не являются слишком опасными. Борьба с восста нием должна в этом случае быть направлена в его сла бое место. Семьи с домашним скарбом, навьюченным обыкновенно на рогатый скот и мелкий рогатый скот, не могут так быстро двигаться, как конные партии, отлично знакомые с местностью. Захватывая скот и семейства в залог, а главное, не позволяя им укрыться за границу, можно легко заставить более умеренные элементы населения вернуться к мирному образу жизни; оставшиеся же шайки беспокойного элемента придется истреблять или изгонять за границу»[601].

Как пишет Питер Холквист, «именно по подобным предвоенным инструкциям действовали российские войска при подавлении восстания 1916 г… Такое поведение не было ни проявлением личной жестокости, ни превышением полномочий, так как соответствовало официальной политике»[602]. Инструкции вышестоящих военных чинов во время восстания позволяют судить о том, что карательные войска действовали согласно планам, разработанным Федоровым и другими. Военный губернатор Семиреченской области М. А. Фольбаум так инструктировал своих подчиненным, в телеграмме 14 августа 1916 г. Лепсинскому, Пишпекскому, Копальскому и Джаркентскому уездным начальникам об «образцовой» расправе карательного отряда хорунжего Александрова с восставшими казахами: «Одной из первых возмутилась [в] Верненском у[езде] Ботпаевская во лость]. Хорунжий Александров с сотней 10 августа в степи к северу от Таргапа настиг волость, 3 аула поголовно истребил, стойбища сжег, скот угнал; 12-го ботпаевцы изъявили покорность и выдали заложников. Нес колько соседних волостей, угрожавших русским селениям, поспешили в балхашские пески. Сообщается как образец действий, руководимых лично мною, 2764 – 14.VIII – 1916 г.»[603].

Летучие отряды – небольшие сборные пехотно-кавалерийские отряды в составе 2-х рот пехоты, 2-х сотен казаков, батареи, 2-х пулеметов, – получили приказ «для уничтожения киргизов и подавления восстания ... загонять киргизов в горы и там уже уничтожать их»[604].

Федоров Д., т. 2, с.28.

Федоров Д., т. 2, с.29.

Холквист П. «Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения». http://www.ecc.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/1998/holkvist_11-12_1998. htm. Просмотрено 11.11.2019.

Восстание 1916 года, сс.662-663.

Восстание 1916 года, сс.668.

М.А. Фольбаум также инструктировал войска считать «малейшую группировку киргиз[ов] кучами уже за мятеж» и «подавлять таковой крестьянскими дружинами, наводить на эти волости панику». «При первом признаке волнения» его подчиненные должны были «арестовать хотя бы второстепенных главарей, предавать [их] полевому суду и немедленно повесить. Никакие граж данские суды в этих случаях не должны действовать», - напоминал Фольбаум. Он также инструктировал карательные экспедиции «не гоняться за сох ранением мелочей, но наносить сильные удары самим, где возникает опас ность». В крайнем случае, отдавал приказ Фольбаум, войска должны были «поймать кого-нибудь [из] подозрительных и для примера по весить»[605].

В телеграмме Куропаткина генералу Фольбауму, говорится: «Получил донесение, что Токмак занят капитаном Неклюдовым, на помощь ему идут подкрепления отряда Гейцига надеюсь первый десяток шрапнелей заставит отхлынуть скопища киргиз»[606]. Снаряды шрапнеля, предшественник кассетной бомбы, использовались для физического уничтожения живой силы, против восставших.

Приведенные выше меры по подавлению восстания, по мнению Питера Холквиста, «нельзя рассматривать лишь как конкретную спланированную военную операцию. Власти империи стремились не только восстановить порядок в мятежных регионах, но вслед за этим и окончательно в них утвердиться».

Об эффективности мер по подавлению восстания свидетельствует сокращение численности кыргызского населения Семиреченской области. Сокращение численности населения произошло за счет бежавших в Китай и погибших повстанцев.

В восставших районах, предназначенных к депортации (используя восстание как предлог), вместо простого выселения из них кыргызов и поселения русских, административные границы изменялись таким образом, чтобы «создать обособленную от киргиз[ов] территорию с русским населением не только в границах этнографических, но и географ ических, поэтому его высокопревосходительство (генерал-губернатор Туркестанского края А. Н. Куропат кин – ред.) предложил провести гра ницы по горным хребтам как с северного берега ИссыкКуля, так и юж ного»[607]. Как видно из вышеприведенного документа, депортация целых народов во время Второй Мировой войны, осуществленная в Советском Союзе, не новинка, а продолжение колонизаторской политики царского режима в Российской империи. В отличие от них, только часть кыргызов подлежала депортации для «укрепления русского элемента» и для образования районов с «чисто русским населением».

В своем последнем докладе Николаю II (22 февраля 1917 г.) Куропаткин сообщает, что эти планы уже выполнены и направлены военному министру для конфискации туземных земель в Семиречье «в целях укрепления русского элемента в

Восстание 1916 года, сс.669.
Восстание 1916 г. в Киргизстане, с.82.
Восстание 1916 года, с.685.

Туркестанском крае» [608] и удаления киргизов из некоторых районов Семиречья и замены их русскими переселенцами для образования районов с «чисто русским населением» [609].

Глава министерства земледелия Российской империи сенатор Риттл полностью поддержал этот план, указав на то, что аннексированные у кыргызов земли вполне можно подвести под законную статью об «излишках». Наряду с этим он ставил в известность, что в стадии завершения находится разработанный земельным управлением проект построения в окрестностях Сонкуля и в долинах Кокомерен и Жумгал крупных водохранилищ с целью будущего орошения 500 тысяч га сельхозугодий в Казахстане и более 200 тысяч га в Ферганской долине. В этой связи сенатор просил генерал-губернатора не населять кыргызами вышеуказанные территории.

Казалось, что долгосрочная программа укрепления этого региона с помощью «русского элемента» будет вот-вот реализована. И только «революция 1917 года не позволила осуществить предложения генерал-губернатора о выселении всех киргизов огромных территорий долины Чу и земель вокруг Иссык-Куля, которым предстояло стать «чисто русскими»[610].

Положение беженцев-кыргызов в Китае

Поскольку волна насилия и дикого произвола со стороны карательных отрядов все больше и больше усиливалась, коренному населению ничего не оставалось, как бежать в Китай. Тысячи и десятки тысяч обездоленных людей, спасаясь от пресле дований царских карателей и других колонизаторов, бежали на чужбину, в Китай, покидали родную землю.

Бежавшие в Китай кыргызы разместились по аймакам Восточного Туркестана. Основная масса беженцев осела в окрестностях Уч-Турпана и Ак-Суу, вторая часть оказалась в провинции Кашгар, третья часть остановилась в Кульджинском аймаке. Представители местной власти запугиванием и обманом отнимали у беженцев последний скарб и помыкали ими, как скотом. Лишившиеся скота и имущества беженцы мерзли и голодали. Готовые на все за кусок хлеба или горсть толокна, опухшие от голода толпы кыргызов бродили по городам и айылам Восточного Туркестана.

Войсковой старшина Бычков, прибывший в Кашгарию, отмечал, что кыргызы «продают последнюю свою одежду; весь уч-турфанский базар завален киргизскими вещами, как-то: войлоками с юрт, казанами, арканами, седлами и остальными домашними вещами»[611]. Положе ние беженцев с каждым днем ухудшалось. Они

Восстание 1916 года, с. 99.

Восстание 1916 года, сс. 676-677, 684-687, 99-100.

Холквист П. «Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения». http://www.ecc.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/1998/holkvist_11-12_1998. htm. Просмотрено 11.11.2019.

Усенбаев К. *Восстание в 1916 года в Киргизии*. Фрунзе: Илим, 1967, с.241.

голодали и не имели одежды. Более состоятельные выносили на базар, что могли. Цены на предлагаемые ими одежду и домашнюю утварь были ничтожными, в то же время продукты стали дороже в 5-6 раз. Отчаявшиеся беженцы за пригоршню зерна или за гроши отдавали своих маленьких детей, а чаще всего подросших дочерей местному населению. Число проданных богатеям в жены девушек составило около 4 тысяч.

Находясь в критическом положении, беженцы искали выход из него и обращались за помощью к официальным представителям России в Китае. Российский консул в Кашгаре в донесении от 1 декабря 1916 г. отмечал, что «доведенные до такой крайности киргизы проявляют сговорчивость и желание возвратиться в пределы России, и даже те из них, которые теп ерь еще упорствуют»[612]. Однако царское правительство выдвинуло такие условия их возвращения, которые были абсолютно неприемлемы. В частн ости, им предлагалось выдать руководителей восстания, сдать оружие, поставить от каждой волости по 200 лошадей для армии и возместить ма териальный ущерб, нанесенный восстанием[613]. Фактически это означало отк лонение царскими властями просьбы беженцев. Их судьба не интересов ала никого. Царские власти не хотели возвращения беженцев и угрожали расправой повстанцам, а местные правители тех районов Китая, где они поселились, относились к ним как к объекту эксплуатации. Казалось, что выхода из этого тупика нет[614].

Потери кыргызского населения после восстания

Споры о количестве погибших вызывают споры до сих пор. Трудности при подсчете демографической ситуации вызваны, прежде всего, недостаточностью и недостоверностью статистических данных о численности коренного населения. Как писал К. Усенбаев, «В архивных документах и дореволюционной литературе сод ержатся противоречивые, иногда взаимоисключающие сведения о численности киргизов дореволюционного периода. Мало того, в исторических источниках киргизов часто путают с ка захами, а в некоторых случаях совсем не отличают от послед них»[615]. Для того, чтобы прояснить ситуацию в этом вопросе, необходимо анализировать статистические документы.

Как пишет Ш. Батырбаева «Достоверность численности кыргызов, зафиксированной переп исью 1897 г., среди исследователей не вызывает вопросов, а ито ги переписи 1917 г. оцениваются противоречиво[616]. Для объективности, проверим ее утверждение относительно достоверности.

Восстание 1916 г. в Киргизстане, с.108.

Усенбаев К., с.241.

Будянский Д.М. *История беженцев-кыргызов (1916-1927 годы*). Бишкек, 2007, с.60.

Восстание 1916 г. в Киргизстане, с.6.

Батырбаева Ш.Д. «Восстание 1916 г. в Кыргызстане в человеческом измерении». *Nowa Polityka Wschodnia*, 2016, №2 (11), сс.237. https://czasopisma.marszalek.com.pl/images/pliki/npw/11/ npw2016217.pdf. Просмотрено 2.12.2019.

При изучении данного периода мы опираемся на документы того периода. Но «большинство публикуемых в сборнике документов явл яется продуктом творчества царских чиновников и администраторов, работавших в разных ведомствах. Поэтому при использовании документ ов надо подходить к ним сугубо критически. Следует помнить, что предс тавители царских властей, из-под пера которых вышли публикуемые до кументы, относились враждебно к восстанию, нередко искажали значе ние описываемых событий, извращали их и смысл»[617].

Первые попытки определить численность жителей и вести систематический учет естественного и механического движения населения были предприняты после завоевания края. В оседлых районах Туркестана регистрация рождения, смерти, браков и разводов велась крайне ограниченным числом аульных старшин, записи были неполными и делались от случая к случаю, а у кочевого населения вести такой учет было практически невозможно. На это было несколько причин. Во-первых, крайне низкий уровень делопроизводства вследствие неграмотности и незнания русского языка айыльными старшинами, проводившими статистический учет, приводил к неполности и неточности данных. Во-вторых, кочевой образ жизни кыргызского населения сильно усложнял учет населения.

Численность населения по волостям и уездам, численный состав семей, хозяйств, владельцев движимого и недвижимого имущества и других категорий населения устанавливались приблизительно. Для определения численности населения использовались расчеты средней людности двора или среднего размера семьи, (для Семиречья расчеты средней людности двора или среднего размера семьи – 5,1 или 5,5 – ред.) «поземельные ведомости, различные сводки, списки налогоплательщиков и единовременные регистры»[618]. Такой метод не учитывал состав семьи, создавая искаженное представление, в оценке их демографического потенциала, так как существовали как большие семьи богатых людей с несколькими женами и детьми от них, так и большие семьи бедных, которые не имели возможности отделить старших сыновей от семьи. Уровень рождаемости и смертности, вероятно, также занижались в результате неполноты (или даже отсутствия – И.М.) регистрации[36].

Наибольшие трудности вызывают расчеты естественного прироста населения Средней Азии. Все наши сведения о состоянии и движении населения Средней Азии до революции чрезвычайно неполноценны. Ни переписи, ни текущая регистрация движения населения не дают здесь сколько-нибудь достоверных цифр[619].

состоянии демографического учета в Туркестанском крае в конце прошлого века дает представление ответ на запрос Статистического комитета императорского вольно-экономического общества о приросте и убыли населения Сырдарьинской

Восстание 1916 года, с.20.

Караханов М. К. «Демографические процессы в Средней Азии во второй половине XIX столетия источники изучения демографической истории Средней Азии». *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. (Сб. статей).* Ред. А. Г. Вишневский. Москва: Статистика, 1977, с.193. [36] Сифман Р.И. «Динамика численности населения России за 1897-1914 гг». *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. (Сб. статей).* Ред. А. Г. Вишневский. Москва: Статистика, 1977, с.74.

Сифман Р.И., сс.72-73.

области за 1894–1896 гг.: «...сведений о движении населения области по городам и уездам за 1894–1896 гг. сообщить не можем, так как, вопервых, не располагаем такими цифрами, во-вторых, их получить невозможно при современном положении статистики в области, так как цифровые данные, доставляемые для нужд администрации, имеют характер беспочвенный и фантастический, а что касается сведений о вселяющихся и выселяющихся из области, то комитет по этому вопросу никаких данных не имеет и иметь не может благодаря кочевому образу жизни населения»[620].

В определении количества населения сыграло свою негативную роль состояние тогдашней статистики в Российской империи, в Туркестане, в частности, и в кочевых районах, в особенности. Из-за недостоверности статистических данных, отсутствие учета рождаемости, брака и смертности невозможно установить точное количество населения, соответственно, точное количество жертв восстания.

Можно согласиться с мнением Марко Буттино, что: «Статистические данные позволяют только очень приблизительную оценку, потому что до конца 1926 года не было никакой реальной переписи населения, но только оценки местными властями»[621].

В искажении и снижении количества кыргызов были заинтересованы и администрация Семиреченской области, и местное население, в лице волостных управителей. Для колониальных властей более малочисленное население давало повод объявить используемые земли «излишками», которые затем изымались из пользования туземного населения. Тем не менее, местное население также стремилось укрывать точные данные. В сборнике документов «Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии» приводится документ о том, что «разъезжавшим в 1906 г. командированным для изучения положения местных землевладельцев и кочевников «статистикам» опрашиваемые киргизы, не зная цель их опросов и опасаясь, что сведения собираются с целью заставлять киргиз отбывать воинскую повинность и облагать население новыми налогами, сведения о кол ичестве населения, скота и земель давали самые неверные»[622]. Поэтому все данные не точны и не достоверны.

В 1897 году была проведена «Первая всеобщая Перепись населения Российской Империи на основании Высочайше утверждённого Постановления 5 июня 1895 года». Перепись проводилась по всей территории Российской Империи в один день, 28 января 1897 года под руководством известного русского географа и статистика П. П. Семёнова-Тян-Шанского.

Караханов М. К., с. 193

Buttino M. «Study of the economic crisis and depopulation of Turkestan». *Society for Central Asian Studies,* 1990, с. 67.

*Восстание 1916 года в Туркестане: Документальные свидетельства общей трагедии. (Сб. док. и материалов). (*МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т всеобщ. истории РАН.) Сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент.: Т. В. Котюкова. Москва: Марджани, 2016, с.103. [41] Ананьева О. «Первая всеобщая перепись в России». http://informat444.narod.ru/museum/pres/pl-6-99. htm. Просмотрено 11.11.2019.

Разработка переписи затягивалась и грозила быть бесконечной. В эту работу вкладывались огромные денежные средства и людские силы, проводились ревизии и проверки, к сожалению, такие же поверхностные, как и сама перепись, честнее было бы от нее отказаться[41].

Тем не менее, поспешность проведения переписи и обсуждаемая выше неграмотность и неподготовленность нижних чинов, привлекавшихся к ее проведению, позволяют судить о неточности ее результатов. Можно выделить три фактора, негативно повлиявших на достоверность переписи населения 1897 года. Первым фактором был низкий уровень подготовленности чиновников, непосредственно проводивших перепись и подсчет населения. Как говорится в историко-генеалогическом словаре-справочнике «Переписи населения России»: «Главная переписная комиссия не ставила перед собой задачу обучения статистических агентов на местах. Вся организация строилась на привлечении местных чиновников, служащих и представителей творческих профессий»[623].

Вторым фактором недостоверности проведенной переписи была мобильность кочевого населения. Учитывая крайнюю спешку переписи можно предположить, что чины, ответственные за перепись, не могли полностью охватить кочевое население. Семипалатинский статистический комитет по этому поводу отмечал: «однодневная перепись в среде кочевого населения области, безусловно, неисполнима, ибо для исполнения в точности однодневной переписи по местным условиям понадобилось бы так много сотрудников, ... их... область ни в коем случае не может представить ввиду вообще ограниченного контингента, из которого можно было бы собрать сотрудников для переписной работы»[624].

Третьим фактором, дающим повод усомниться в достоверности результатов переписи населения, был отказ от контроля переписных листов, поступающих от учетчиков, – данные стали стекаться в отдел переписи Центральной счетной комиссии (ЦСК), а Главная переписная комиссия закончила свою деятельность.

Таким образом, Центральная Счетная Комиссия стала единственным государственным органом ответственным за первую перепись населения Российской империи [Переписи населения в России]. Отсутствие контроля за работой ЦСК создавало условия для многочисленных неточностей и даже манипуляций данными переписи. Как пишет Роза Иосифовна Сифман – видный советский демограф, известный специалист по санитарной и демографической статистике, «после переписи 1897 г. ЦСК регулярно публиковал в своих ежегодниках данные о численности населения как по России в целом, так и по административным подразделениям (губерниям, уездам). Однако даже при самой поверхностной

---

623 «Переписи населения в России». http://www.defree.ru/publications/p01/p61.htm#1264. Просмотрено 11.11.2019.

Калиева К.С. «Переписи населения как источник для изучения народонаселения Казахстана 1897-1926 гг. Автореферат дисс. на соискание уч. степ. к.ист.н. Барнаул, 2009». http:// cheloveknauka.com/perepisi-naseleniya-kak-istochnik-dlya-izucheniya-narodonaseleniya-kazahstana1897-1926-gg#ixzz5gjle2BGf. Просмотрено 11.11.2019; ЦГИАРФ Ф.1290 Оп.10 Д.46 л.178. Цит. по: Алексеенко Н.В. *Статистические источники по демографии Казахстана.* Усть-Каменогорск, Шыгыс баспа, 1999, с. 25.

критической проверке этих данных они оказываются настолько неубедительными, что возможность их использования была поставлена под сомнение всеми авторами, касавшимися этого вопроса»[625].

Более того, имеется официальное признание недоброкачественности дореволюционных данных о движении населения в Средней Азии. Комиссия под председательством графа Палена, обследовавшая деятельность областной администрации Туркестанского генерал-губернатора, дает следующую характеристику работе статистических комитетов в области учета населения: «Собирание статистических данных среди постоянно подвижного кочевого населения области сопряжено с громадными затруднениями. Поэтому, например, сведения о движении населения, о числе браков, родившихся и умерших, о распределении его по народностям и вероисповеданиям, собираемые ежегодно через уездную администрацию, до очевидности неверны, так как у туземцев не ведется никаких метрических записей, а возложенные на волостных управителей, по ст. 99 Туркестанского Положения, обязанности по ведению подворных списков с показанием прибыли и убыли населения обыкновенно не исполняются. Кроме того, выработанные комитетом формы таблиц и ведомостей настолько сложны, что правильное заполнение их едва ли под силу для малограмотных и мало интеллигентных письмоводителей при приставах и волостных управителях, не говоря уже о туземных должностных лицах, сплошь да рядом не понимающих русского языка. При таких условиях творцами почти всех собираемых статистических данных являются письмоводители при участковых приставах, которые, в лучшем случае, черпают требуемые сведения из имеющихся данных за прежние года, а в худшем– заполняют присылаемые таблицы и ведомости фантастическими цифрами»[626].

Учитывая недостатки и недочеты переписи населения 1897 года, я все же попытаюсь подсчитать численность кыргызов на террит ории Кыргызстана, опираясь на ее данные. К населению Кыргызстана отнесено учтенное переписью 1897 г. население Пишпекского и Пржевальского уездов Семиреченской области, Ошского уезда (за исключением части населения Булакбашинской и Ак-Буринской волостей) Ферганской области, Карабалтинской волости и частично Кураттатинской волости Аулиэатинского уезда Сырдарьинской области, Ак-Мечетского и Чангирташского сельских обществ Айимской волости и Карасуйского сельского общества Андижанского уезда. Территории этих уездов вошли в состав Киргизской ССР после национально-территориального размежевания в 1924 году, и последующих годах.

Численность кыргызского населения на территории Кыргызстана в 1897 г. составила примерно 663 тыс. человек, а в 1900 году 697 тыс. человек.

Сифман Р.И., с. 62.

Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенного по Высочайшему повелению сенатором Гофмейстером графом К. К. Паленом. Областное управление. Спб., 1910, сс.309-310. [46] Караханов М. К., с. 200.

Динамика численности населения на современной территории союзных республик Средней Азии за 1865–1900 гг., тыс. чел.[46]:

Годы	Узбекской ССР	Киргизской ССР	Таджикской ССР	Туркменской ССР	Средняя Азия
1865	3 320	547	686	637	5 190
1870	3 426	562	703	653	5 344
1875	3 529	533	722	672	5 506
1880	3 650	603	742	692	5 687
1885	3 767	622	763	711	5 863
1890	3 889	641	784	731	6 045
1895	3 931	655	792	737	6 115
1897	3 948	663	810	750	6 171
1900	4 016	697	848	797	6 358

Согласно статистическим материалам первой всеобщей переписи населения 1897 г. все население в Пишпекском уезде насчитыва ло 176,577 человек, в г. Пишпек – 6,613 человек, в уезде без города – 169,962. В Пржевальском уезде проживало 147,517 человек, в г. Пржевальск – 8,108 человек, в уезде без города – 139,409[627]. Из них этнических кыргыз в Пишпекском уезде без города насчитыва лось 151,107, в городе Пишпек - 666 человек, вместе с городом Пишпек - 151,773 человек. В Пржевальском уезде без города - 128,307 человек, в городе Пржевальск - 1,366 человек, вместе с городом Пржевальск - 129,673 человек[628]. Всего без города 279,414 человек или с городом 281,446.

Согласно статистическому ежегоднику России, к 1 январю 1914 г. численность населения в Пишпекском уезде насчитыва лось 243,9 человек, а в Пржевальском уезде 205,4 человек[49]. Всего 449,3 тыс. человек. По данным И.И. Зарубина, к 1 января 1914 г. в Пишпекском уезде насчитыва лось 101,518 мужчин и 76,773 женщины, т. е. всего 178,291 человек, а в Пржевальском уезде 84,072 мужчин и 61,652 женщины, т. е. всего 146,724 человек, т.е. всего 325 015 человек в обоих уездах[629].

С 1915 года начинается разделение кыргызов и казахов. По данным статистического ежегодника России, к 1 январю 1915 г. коренного населения в Пишпекском уезде насчитыва лось 247 тыс. человек, а в Пржевальском уезде 206,6 тыс. человек[630]. Из них кара-кыргызов 201,682 человек. В этом статистическом ежегоднике России впервые появляется название «кара-кыргыз». Всего 453,6 тыс. человек. А к 1 январю 1916 г. численность коренного населения в Пишпекском уезде

Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Семиреченская область. СПб: Издание Центрального Статистического Комитета МВД, 1905, с.2.

Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Семиреченская область, с.3. [49] *Статистический ежегодник России, 1914 год*, МВД, Издание Центрального Статистического Комитета. (Год одиннадцатый), Петроград, 1915, с.56.

Зарубин И. И. «Список народностей Туркестанского края». *Труды комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран,* вып. 9. Л., 1925, сс.10-11.

Статистический ежегодник России, 1915, с. 56.

насчитыва лось 265,7 человек, а в Пржевальском уезде 210,9 человек[631]. Всего 476, из них кара-кыргыз 201,682 человек[632]. Всего 476,6 человек.

По данным же сельскохозяйственной переписи 1917г. в Пишпекском уезде насчитывал ось 161,113 человек, в Пржевальском уезде к моменту переписи насчитывалось всего 14,546 кыргызов, в Нарынском участке - 41,956 человек. Всего 217,615 человек. Таким образом, можно судить о том, что численность кыргызов сократилась в Пишпекском уезде на 47,5 тыс. чел., а в Пржевальском – на 123,6 тыс. чел., всего на 171,1 тыс. чел.[633] Если прибавим убывшее население 171,1 тыс. чел, к 217,615 человек, то общее количество кыргызов этих двух уездов составило бы 388,715 человек.

Советский историк Х.Т. Турсунов в своей работе «Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане» указывал, что в 1913 г. общая численность населения Туркестана (без Бухарского эмирата и Хивинского ханства) составляла 9,5 млн. человек, из них узбеков - 39,2%, казахов - 19,5%, киргизов - 13,5%, таджиков - 7,3%, туркменов - 4,9%, каракалпаков - 1,3%, уйгуров - 1%, курама - 0,8%, кипчаков - 0,7%, дунганов - 0,3%, русских - 9,1% и прочих - 2,4% [634], (то есть, примерно 1 282 500 человек – И.М.), иначе говоря, тюркское население составляло около 80% населения Туркестана, из них узбеки - почти половину.

Если кыргызы составляли - 13,5% общей численность населения Туркестана (без Бухарского эмирата и Хивинского ханства), то в нем в 1900 году проживало 6,358 тыс. человек. Тогда количество кыргызов должно было быть не менее 858 тыс. человек, вместо 697 тыс. человек. Разница в 161 тыс. человек.

По данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. численность кыргызского населения на территории Кыргызстана в 1897 г. составила примерно 663 тыс. человек, из них количество населения Пишпекского и Пржевальского уезда, составила 279,414 человек. Если население было не менее 858 тыс. человек, вместо 697 тыс. человек, тогда количество населения Пишпекского и Пржевальского уезда, составило бы 362,076 человек. Таким образом, получается разница в 82,662 человек.

Опираясь на данные о коэффициенте прироста за указанный период и числен ность кыргызского населения по переписи 1897 г., попытаемся установить чис ленность кыргызов, путем подсчета перспект ивного альтернативного прироста населения на осн ове установленного среднегодового темпа роста до переписи 1926 г.

Статистический ежегодник России, 1916 год, с.46.

Статистический ежегодник России, 1916 год, с. 57.

Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 г. Ташкент, 1916, сс.14-15.

Шамсутдинов Р.Т. «Советы и образование национальных республик Средней Азии (1917-1925 гг.)» *Вопросы истории*, 1986, с.30.

Динамика численности населения на современной территории Кыргызстана за 1897–1926 гг., тыс. чел.

гг.	Население	Рост	Население	Рост	Население	РОст
		Рост 1,7%		**Рост 1,7%**		**Рост 1,7%**
1897	663 000	11 271	663 000	11 271	663 000	11 271
1898	674 271	11 462	674 271	11 462	674 271	11 462
1899	685 733	11 657	685 733	11 657	685 733	11 657
1900	697 390	9758	697 390	11 855	697 390	11 855
		Рост 1,4%		**Рост 1,5%**		**Рост 1,6%**
1901	706 758	9894	709 245	10 638	709 245	11 347
1902	716 652	10 033	719 883	10 798	720 592	11 529
1903	726 685	10 173	730 681	10 960	732 121	11 713
1904	736 858	10 316	741 641	11 124	743 834	11 901
1905	747 174	10 460	752 765	11 291	755 735	12 091
1906	757 634	10 606	764 056	11 460	767 826	12 285
1907	768 240	10 755	775 516	11 632	780 111	12 481
1908	778 995	10 905	787 148	11 807	792 592	12 681
1909	789 900	11 058	798 955	11 984	805 273	12 884
1910	800 958	11 213	810 939	12 164	818 157	13 090
1911	812 171	11 370	823 103	12 346	831 247	13 299
1912	823 541	11 529	835 449	12 531	844 546	13 512
1913	835 070	11 690	847 980	12 719	858 058	13 728
1914	846 760	11 854	860 699	12 910	871 787	13 948
1915	858 614	12 020	873 609	13 104	885 735	14 171
1916	870 634	12 188	886 713	13 300	899 906	14 398
1917	882 822	12 359	900 013	13 500	914 304	14 629
1918	895 181	12 532	913 513	13 702	928 933	14 862
1919	907 713	12 707	927 215	13 908	943 796	15 100
1920	920 420	12 885	941 123	14 116	958 896	15 342
1921	933 305	13 066	955 240	14 328	974 238	15 587
1922	946 371	13 249	969 568	14 543	989 825	15 837
1923	959 620	13 434	984 111	14 761	1 005 662	16 090
1924	973 054	13 622	998 872	14 983	1 021 752	16 348
1925	986 676	13 813	1 013 855	15 207	1 038 100	16 609
1926	1 000 489		1 029 062		1 054 709	

К сожалению, из-за недостоверности и неточности дореволюционных статистических документов, даже спустя больше столетия, нам точно неизвестно количество потерь, понесенных кыргызским населением в результате восстания и его подавления. До сих пор ведутся споры о том, сколько именно повстанцев погибло от рук войск, сколько стало жертвами голода и болезней. «В значительной мере это связано с тем, что прямых статистических данных об этом нет, источники содержат лишь отрывочные данные о численности погибших. Получить даже приблизительные данные о всех жертвах, понесенных в восстании, можно только косвенным путем, методом подсчетов по данным массовых статистических источников», - пишет Г.К. Кронгардт[635]. В разных материалах, трудах, написанных в разные годы озвучиваются разные цифры.

Самую низкую цифру называет доктор исторических наук, профессор Ш.Д. Батырбаева. Она подсчитала, что в 1917 г. киргизов в Пишпекском и Пржевальском уездах должно было быть 361,108 чел. (прогнозное значение), а так как перепись

Восстание 1916 года в Кыргызстане. (Сборник материалов научной конференции, посвященной 75-летию восстания). Бишкек: Илим, 1993, с.50.

1917 г. показала 324 тыс. чел. (реальное значение), то разница составила 37,1 тыс. чел. (убитые, погибшие, переселившиеся, несостоявшееся рожде ние), при этом отметила погрешность своего метода +/ - 10%, т.е. могли быть потери и в 41,3 тыс. чел.[636]

Для того, чтобы удостовериться в верности расчетов, посчитаем еще раз. Если от 361,108 человек мы отнимаем 324,000, то выходит 37,108. От этого выводим +/ - 10% и получаем цифру в 3,710 человек. Теперь 3,710+37,108=40,818.

Непонятно, как цифра 37,1 тыс. чел., превратилась на 37,6 чел., и как она пришла к цифре в 41,300 человек.

Ш.Д. Батырбаева в статье «Восстание 1916 года» впервые внятно о числе погибших» утверждает, что «в 1917 году на территории северной части Кыргызстана должно было проживать около 362,291 представителя кыргызского этноса». Здесь же она приводит данные 1897 года, согласно которым в северном Кыргызстане в 1897 году проживало 279,814 человек, из них 128,307 человек в Пржевальском и 151,507 человек в Пишпекском уездах.

Ш.Д. Батырбаева в разных статьях называет разные цифры, например, в одной статье число кыргызов по данным переписи за 1897 г., составляло 278,9 тысяч человек, в другой - 279,814 человек, из них 128,307 в Пржевальском уез де, 151,507 человек в Пишпекском уезд е. Здесь автор статьи допускает неточности; в действительности в Пишпекском уезд е указано 151,107 человек, без учета городского кыргызского населения. В результате таких неточностей получаются разные цифры в 1917 году. В одном месте она называет цифру в 361,108 человек, в другом - в 362,291 человек.

Здесь разница должна составить: 361,000-324,000 = 37, 000 человек, а превращается в 38,200, разница в 1,200 человек. 10% из 38,200 составляет 3,820+38,200=42,020, и выходит цифра не более 42 тыс. че ловек. Должно было: 37 000:10=3,700+37,000=40,700. Разница 42,020 – 40,700=1,320.

своих расчетах Ш.Д. Батырбаева опирается на труды Н.Е. Бекмахановой. Ш.Д. Батырбаева заявляет о применении экстраполяционного способа перспективного исч исления населения, используя данные Бекмахановой за 1917 г. Возникает естественный вопрос, применяя экстраполяционный способ перспективного ис числения населения, возможно ли утверждать, «что за исчисляемый пер иод не было катаклизмов и катастроф, которые могли сократить численность населения, а также значительных миграционных поток ов, которые также могли повлиять на вычисления»?[637].

---

[636] Батырбаева Ш.Д. «Демографические потери кыргызов во время восстания 1916 г.: Мифы и реальность». *Центральная Азия в исследованиях XIX-XXI вв. К 175-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского. (Материалы Международной научно-практической конференции)*. Бишкек, 2014, с.108.

Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). (Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г.) Сост. и науч. ред. Т. В. Котюкова. Москва, 2016, с.174.

Так, автор учебно-методического пособия для студентов «Демография» И.В. Смирнова[638], на которую ссылается Ш. Батырбаева, считает, что «экстраполяционный метод применим только при отсутствии резких колебаний рождаемости, смертности и миграции»[639].

Агрессивную переселенческую политику царских властей и жестокое подавление восстания 1916 года можно считать катаклизмом и катастрофой, которые могли сократить численность населения. Снижение естественного прироста с 1,7% до 1,3%, с 1897 года до 1917 года, в результате агрессивной колониальной политики царских властей, захват земель, уменьшение жизненного пространства нанесли ущерб динамике роста населения. Агрессивная переселенческая колонизация на территорию Семиреченской области привела к изменению демографической картины и обострению земельного кризиса. «В результате подобной колонизационной политики, особенно за время с 1902 по 1913 г., количество населения в Киргизстане сократилось на 8-9К[640]. Как писал Г.К. Кронгардт: «…последствия восстания были кровавыми для кыргызского народа. Демографические последствия восстания 1916 г. были ущербн ы для развития кыргызского народа»[62].

Батырбаева же использует материалы переписи 1897 г. для подсчета численности кыргызов до 1916 г., которая, по ее мнению, составила на начало года около 780 тыс. человек. Затем она сравнивает ее с данными с Всесоюзной переписью населения 1926 г., согласно которой в тогдашней Киргизской АССР проживало 661 тыс. человек. Таким образом, она выводит разницу между двумя показателями - 1916
1926 гг.

Батырбаева объясняет, что: «Часть людей бежала в Узбекистан и Китай и позже, спустя пару лет, частично, вернулась обратно в родные края. Часть - действительно погибла. Также в это число входят дети, которые могли родиться в этот период, но из-за ухудшившихся условий не были зачаты или рождены». Далее: «…число вернувшихся в родные края кыргызов к 1920 году составляло более 30 000 человек»[641].

Если из убывших 41,3 тысяч или более 42 тысяч человек к 1920 году более 30 000 человек вернулись в родные края, то получаются потери не более 11 или 12 тысяч человек. Если в эту цифру входят «дети, которые могли родиться в этот период, но из-за ухудшившихся условий не были зачаты или рождены», тогда потери будут еще меньше.

Смирнова И.В. *Демография. (Учебно-методическое пособие для студентов специальности «Государственное и муниципальное управление»*). Калуга, 2004, с.124.

Смирнова И.В., с.125.

Восстание 1916 г. в Киргизстане, с. 6 [62]
Восстание 1916 года в Кыргызстане, с.52.

«Восстание 1916 года. Впервые внятно о числе погибших». https://vesti.kg/analitika/item/34378vosstanie-1916-goda-vpervyie-vnyatno-o-chisle-pogibshih.html. Просмотрено 11.11.2019.

Тем не менее, утверждение Ш. Батырбаевой, что «во время конфликта погиб ли или были вынуждены бежать около 10-12Қ кыргызов»[642] опровергается даже сообщением Куропаткина, что : «Около 39 волостей мятежных киргиз Пржевальского Пишпекского уездов и дунгане села Мариинского вместе с наиболее видными их вожа ками после сосредоточения в районе восстания наших войск через сырты и горы, забрав с собой захваченных ими в плен русских, перебрались в Китай и поселились частью в Кашгарской и Кульджинской провинциях, частью же во внутреннем Китае; вследствие потери весьма значительного количества скота беглецы, по сообщению наших консулов, болеют, бедствуют; ныне получили разрешение вернуться»[65] .

Во Всеподданнейшем рапорте и. д. военного губ ернатора Семиреченской области А. И.Алексеева Никол аю II о восстании в области в 1916 г. от 4 марта 1917 г. говорится, что «Вызванная восстанием убыль кочевого населения в области опреде лится с точностью только при предстоящем переучете кибиток; к янва рю же 1917 г. она приблизительно исчислена в 38 тыс. кибиток с населением свыше 150 тыс. душ обоего пола» (3800x5.1=193 800, 3800x5.5=209 000, 3800x5.7=216 600 душ обоего пола – И.М.)[643].

Примерное количество населения 39 волостей мятежных киргиз Пржевальского Пишпекского уездов и дунгане села Мариинского приводится в книге Т. Рыскулова «Восстание туземцев 1916 г. в Средней Азии». Рыскулов пишет, что: «По Верненскому уезду число кибиток было до восстания 4.347, а к 17 году убыло 1.932. По Джаркентскому уезду было 17.096 убыло–12.718. По Пишпекскому уезду: было–21.831, убыло–9.313. По Пржевальскому уезду: было–34.509, убыло–25.660. По Лепсинскому уезду: было–7.071, убыло–3.442. Всего по области было до восстания: 84.854, убыло–58.006.

Общее число кибиток в области по переучету на трехлетие 1916/18 года определено в 182.255, следовательно, убыль их составила 29,12%. Состав кибитки по статистическим данным определялся тогда в 5.1 душ обоего пола, поэтому убыль кочевого населения в области, вызванная восстанием, к январю 1917 года исчисляется в 270.632 души обоего пола, а с прибавлением к этой цифре присоединившегося к бун товщикам населения Мариинской дунганской волости в Пржевальском уезде, бежавшего в Китай в числе 2.590 душ обоего пола, общая убыль туземного населения в области выразится суммой в 273.222 души обоего пола, что составляет 20,61% всего населения области, зарегистриро ванного в январе 1915 года[644].

Альтернативным способом подсчета потерь кыргызского населения является подсчет населения по кибиткам. Состав кибитки по статистическим данным для Семиреченской области определялся в 5.1 человек. «…численный состав кибитки был

Батырбаева Ш.Д. «Сколько же кыргызов погибло в восстании 1916 г. в Северном Кыргызстане: Опыт создания и использования базы данных». *Вестник КРСУ*, том 16. № 12, 2016, с.18. [65] *Восстание 1916 года*, с. 90.

Восстание 1916 года, с. 415.

Рыскулов Т.Р. *Восстание туземцев Туркестана в 1916 году*. Кзыл-Орда, 1927, с.61.

во время восстания 1916 г. больше 5,1 чел» писал Г.К. Кронгардт. В обследовании П. Румянцева, средняя численность семьи-кибитки коренного населения в Пишпекском Пржевальском уездах составляла соответственно 5.7 и 5.5 человек[645]. Опираясь на результаты обследования П. Румянцева, посчитаем убыль населения: 58, 006х5.1=295,830 или 58, 006х5.5=319,033. Таким образом, получаем цифру от 295,830 до 319,033.

Если по Пишпекскому уезду из 21,831 кибиток убыло 9,313, то 9.313х5,7=53 084 человек. По Пржевальскому уезду: было–34,509 кибиток, убыло 25,660, 25, 660х5.5=141,130 человек. Полученные цифры, вместе: 53,084+141,130=194,214 человек. Таким образом, убыль населения составила 194,214 человек.

предисловии книги «Восстание 1916 г. в Киргизстане» Т. Р. Рыскулов, пишет, что: «По сведениям областного статистического комитета и командированных из Ташкента чиновников для размежевания территории расселения казахов, киргиз и русских крестьян, убыль киргизского населения и потери в хозяйстве в результате восстания 1916 г. и карательных мер правительства установлены следующие:

По Пишпекскому и Пржевальскому уездам число киргизских хозяйств до восстания было 62,340, к январю 1917 г. 20,365, т. е. убыль – 41,975. Иначе говоря, в этих районах охваченных восстанием, выбыло 66% киргизского населения»[646]. Если умножить 41,975 на 5.5 выходит 230,862 человек. (41975х5,5= 230 862 человек или 41975х5,7= 239 257 человек – И.М.).

По мнению К. Усенбаева, численность коренного населения Пишпекского и Пржевальского уездов «уменьшилась на 119,215 человек, или на 41,4%, а по Семиреченской области - на 25%[647]. По расчетам Г.К. Кронгардта в 1916 г. (на начало года) общая численность кыргызов составила около 780 тыс. человек. Численность кыргызов на территории Кыргызстана зафиксирован а также Всесоюзной переписью населения 1926 г. Она составила в тогдашней Киргизской АССР 661 000 тыс. человек[648]. 780,000-661,000=119,000. Таким образом, расчеты Г.К. Кронгардта и К. Усенбаева совпадают. Получаем цифру: 119,000 человек, без учета естественного прироста населения, «с учетом же естественного-прироста численность погибших будет еще большей». Эту цифру Г.К. Кронгардт относит «в основном, к жертвам карательн ых действий царизма и гибельных условий, создавшихся для повстан цев после подавления восстания и бегства их за пределы Российской империи».

Можно вычислить примерную численность коренного населения, опираясь на данные царских властей. По данным царских властей, в 1916 году в Пишпекском и Пржевальс ком уездах проживало 67,602 кибиток. Из них, в Пишпекском уезде 38,559 семей, а в Пржевальс ком уезде 29,043 семей[649] . Для определения численности

Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П.П. Румянцева.
Т. VII, вып .1, с.60.

Восстание 1916 г. в Киргизстане, с. 6.

Усенбаев К. *1916: Героические и трагические страницы*. Бишкек: Шам, 1997, с.94.

Восстание 1916 года в Кыргызстане, с. 50.

Усенбаев К. *Восстание в 1916 года в Киргизии*, с. 145-147.

населения, умножив эти данные на 5,7 человек, мы установим общее количество кыргызов в Пишпекском уезде: 38 559x5,7=219,786 человек. Умножив на 5,5 человек, установим общее количество кыргызов в Пржеваль ском уезде: 29,043x5,5=159,736. Если сложим получившиеся цифры, то получим 379,522 человек. Так, общее количество кыргызов до восстания составляло 379,522 человек. После восстания осталось 217,615 человек. Если от 379,522 отнимем 217,615, то получим цифру в 161,907 человек. Таким образом, 161,907 человек можно отнести к убывшему населению.

Количество жертв с российской стороны, по официальным данным, составило 3,709 человек, включая убитых и пропавших. Из них погибло всего 97 солдат и 24 чиновника. Хотя Россия принесла в жертву восстанию больше людей, чем в ходе завоевания всех пяти областей Туркестана, это несопоставимо с местными жертвами, составивших около 270 тыс. людей. Уничтожено 20% населения, 50% лошадей, 39% скота, 55% верблюдов, 58% овец и коз. Культивируемая земля сократилась на 163 тыс. гектар[650]. В результате к январю 1917 г. численность коренного населения Семиречья упала на 20%, а в некоторых районах – на 66%[651] .

А. Каппелер полагает, что во время восстания в Семиречье свыше 3 тыс. русских были убиты, свыше 10 тыс. крестьянских хозяйств было разграблено и сожжено, погибло более 100 тыс. казахов и киргизов, свыше 200 тыс. человек бежали в горы и в сопредельный Китай[652]. Преследуемые царскими войсками, более 300 тыс. казахов и киргизов покинули родные места[653].

Большая часть кыргызов, вынужденных бежать в соседний Китай, вернулась, при этом потери были катастрофическими. Согласно данным по определению состава населения Туркестанской АССР накануне национального размежевания, в сентябре 1924 года кыргызов насчитывалось 860 тыс. человек, которые были расселены на территории Ферганской, Сыр-Дарьинской, Семиреченской и Самаркандской областей. По данным Всесоюзной переписью населения 1926 г., численность кыргызов на территории Киргизской АССР составила 661 000 тыс. человек.

Заключение

Опираясь на вышеназванные факты, можно делать определенные выводы. Из-за недостоверности статистических данных, отсутствия учета рождаемости, брака и смертности невозможно установить точное количество населения, соответственно, и точное количество жертв восстания. «Семиречье было областью, где резня кочевого населения приняла особо крупные масштабы. Численность потерь населения можно оценить между максимальной цифрой в 270 000 человек и минимальной в 150 000 человек. Нижняя оценка, возможно, не включает беженцев. Верхняя оценка

См. Sokol E. D. *The revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimore, The Johns Hopkins Press, 1954.

Buttino M., pp. 59-74

Каппелер А. *Россия - многонациональная империя*. Москва, 1997, с260.

Сулейманов Б.С., Басин В.Я. *Восстание 1916 г. в Казахстане*. Алма-Ата. 1977, с. 93. [77]

Буттино М. *Революция наоборот*, с.80.

соответствует 30% всего кочевого населения области и приводит к заключению, что она включает как жертв насилия со стороны колонистов, так и бежавших в Китай. Вероятно, эти две цифры приблизительно равны»[77].

С учетом естественного прироста кыргызского населения, без учета убыли населения в результате подавления восстания, численность кыргызов в 1924 году составила бы при росте в 1,4% - 973,054 человек, при росте в 1,5% - 998,872 человек, при росте в 1,6% - 1,021,752 человек. А в 1926 году составила бы при росте в 1,4% - 1,000,489 человек, при росте в 1,5% - 1,029,062 человек, а при росте в 1,6% - 1,054,709 человек.

В эти исчисления входит естественный прирост кыргызского населения до 1926 г. Это население можно отнести, в основном, к жертвам карательных действий царизма и гибельных условий, создавшихся для повстанцев после подавления восстания и бегства их за пределы Российской империи, а так же жертвам голода, имевшего место в 1917-1918 гг.

Если основываться на методе сравнения теоретической и фактической численности населения[654] и сравнивать данные 1897, 1916, 1917, 1926 годов, убыль населения составила от 161,907 до 194,214 человек, без учета естественного прироста. Разница между двумя показателями, от 1916 года до 1926 года может составить, при расчете, в 1,4%: 1 000 489-661 000=339,489 человек. При расчете в 1,5%: 1 029 062-661 000=368,062 человек, и при расчете в 1,6%: 1 054 709-661, 000 выходит 393,709 человек.

Сравнивая данные 1897 и 1926 годов, без учета естественного прироста, мы видим, что убыль населения составила от 161,907 до 194,214 человек, а с учетом естественного прироста кыргызского населения убыль населения составила от 339, 489 до 393, 709 человек.

Поэтому 161,907 человек, предположительно, можно назвать минимальной, а 393,709 человек - максимальной цифрой убыли населения в результате катастроф, самой масштабной из которых является восстание 1916 года. В дальнейшем необходимы глубокие, разносторонние исследования в этом направлении.

Список источников и литературы

Buttino M. «Study of the economic crisis and depopulation of Turkestan». *Society for Central Asian Studies,* 1990.

Ананьева О. «Первая всеобщая перепись в России». http://informat444.narod.ru/museum/pres/pl-6-99.htm Просмотрено 11.11.2019.

Батырбаева Ш.Д. «Сколько же кыргызов погибло в восстании 1916 г. в Северном Кыргызстане: опыт создания и использования базы данных». *Вестник КРСУ,* том 16, № 12, 2016, сс.15-19.

Батырбаева Ш.Д. «Демографические потери кыргызов во время восстания 1916 г.: Мифы и реальность». *Центральная Азия в исследованиях XIX-XXI вв. К 175-летию со дня*

Buttino M., p. 69.

рождения Н.М. Пржевальского. (Материалы Международной научно-практической конференции). Бишк ек, 2014.

Батырбаева Ш.Д. «Восстание 1916 г. в Кыргызстане в человеческом измерении». *Nowa Polityka Wschodnia,* №2 (11), 2016, сс.234-242.

Будянский Д.М. *История беженцев-кыргызов (1916-1927 годы*). Бишкек, 2007.

Буттино М. *Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР*. Пер. с итальянского Н. Охотина. Москва: Звенья, 2007.

Восстание 1916 г. в Киргизстане: Документы и материалы. Ред. и с предисл. Т.Р. Рыску лова. Москва, 1937.

Восстание 1916 года в Кыргызстане. (Сборник материалов научной конференции/ посвященной 75-летию восстания). Бишкек: Илим, 1993.

Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. (Сборник документов). Ред. коллегия: Пясковский А.В. (отв. ред.), Елеуов Т. Е., Зима А. Г., Кулиев О. К., Турсунов Х. Т. Москва: Изд. АН СССР, 1960.

Восстание 1916 года в Туркестане: Документальные свидетельства общей трагедии. (Сб. док. и материалов). Сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюковой. Москва: Марджани, 2016.

«Восстание 1916 года. Впервые внятно о числе погибших». https://vesti.kg/ analitika/item/34378-vosstanie-1916-goda-vpervyie-vnyatno-o-chisle-pogibshih.html. Просмотрено 11.11.2019.

Галузо П.Г. *Туркестан – колония. (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года*). Москва, 1929.

Зарубин И. И. *Список народностей Туркестанского края. (Труды комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран*), вып. 9. Ленинград, 1925.

Золотарев А.М. *Военно-географический очерк окраин России*, Спб., 1903.

История народов Узбекистана. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1947.

Калиева К.С. «Переписи населения как источник для изучения народонаселения Казахстана 1897-1926 гг. Автореферат дисс. на соискание уч.степ. к.ист. наук. Барнаул, 2009». http://cheloveknauka.com/perepisi-naseleniya-kak-istochnik-dlyaizucheniya-narodonaseleniya-kazahstana-1897-1926-gg#ixzz5gjle2BGf. Просмотрено 11.11.2019.

Каппелер А. *Россия - многонациональная империя*. Москва, 1997.

Караханов М. К. «Демографические процессы в Средней Азии во второй половине XIX столетия: Источники изучения демографической истории Средней Азии». *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. (Сб. статей)*. Ред. А. Г. Вишневский. Москва: Статистика. 1977.

Кауфман А.А. *К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: Отчет члена ученого комитета Министерства З. и Г.И. [земледелия и государственных имуществ] Кауфмана по командировке летом 1903 г*. Спб, 1903.

Материалы по обследованию туземного и рус ского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П.П.Румянцева. Т. VII, вып.1, с.354; Т. VIII, вып.1.

Моррисон А. «Беженцы, реабилитация и «революционное» насилие после восстания 1916 года». *Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии». (Сб. статей)*. Бишкек: Нео Принт, 2017.

Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенного по Высочайшему повелению сенатором Гофмейстером графом К. К. Паленом. Областное управление. Спб., 1910.

Пален К.К. *Переселенческое дело*. Спб., 1910.

Mission to Turkestan being the memoeirs of Count K.K. Pahlen, ed. by Pierce R. London, 1964.

«Переписи населения в России». http://www.defree.ru/publications/p01/p61. htm#1264. Просмотрено 11.11.2019.

Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Семиреченская область. Издание Центрального Статистического Комитета МВД. СПб, 1905.

Рыскулов Т.Р. *Восстание туземцев Туркестана в 1916 году*. Кзыл-Орда, 1927.

Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 г. Ташкент, 1916.

Сифман Р.И. «Динамика численности населения России за 1897-1914 гг.» *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. (Сб. статей).* Ред. А. Г. Вишневский. М.: Статистика, 1977.

Смирнова И.В. *Демография. (Учебно-методическое пособие для студентов специальности «Государственное и муниципальное управление»).* Калуга, 2004.

Sokol E. D. *The revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimore, The Johns Hopkins Press, 1954.

Статистический ежегодник России, 1914 год, МВД, Издание Центр/льного Статистического Комитета. (Год одинадцатый), Петроград, 1915.

Статистический ежегодник России, 1915 год, МВД, Издание Центрального Статистического Комитета. (Год двенадцатый), Петроград, 1916.

Статистический ежегодник России, 1916 год, КВД, Центральный Статистический Комитет. (Год тринадцатый), выпуск 1-ый, Москва, 1918.

Статистический ежегодник России, 1916 год, КВД, Центральный Статистический Комитет. (Год тринадцатый), выпуск 1-ый, Москва, 1918.

Сулейманов Б.С., Басин В.Я. *Восстание 1916 г. в Казахстане*. Алма-Ата. 1977.

Туркестанский край. Полное географическое описание нашего отечества. Сост. Масальский В.И., Семенов-Тян-Шанский П.П., Ламанский В.И. Т. 19. Спб., 1913.

«Туркестанское восстание 1916 года: Незадолго до конца Российской империи». *Медина аль-Ислам, №119*. http://idmedina.ru/medina/?2476 Просмотрено 12.08.2011.

Усенбаев К. *Восстание в 1916 года в Киргизии*. Фрунзе: Илим, 1967.

Усенбаев К. *1916: Героические и трагические страницы*. Бишкек: Шам, 1997.

Федоров Д. (полковник). *Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа: Чжунгарско-семиреченский приграничный район*. Т. 1-2. Ташкент, 1910.

Холквист П. «Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения». http://www.ecc.ru/XXI/RUS_21/ ARXIV/1998/holkvist_11-12_1998.htm. 2.12.2019.

Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия. (1916 год: Уроки общей трагедии). (Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г.). Сост. и науч. ред. Т. В. Котюкова. Москва, 2016.

Чокаев М. «Революция в Туркестане. Февральская эпоха». *Вопросы истории,* №2, 2001, сс.1-19.

Шамсутдинов Р.Т. «Советы и образование национальных республик Средней Азии (1917-1925 гг.)» *Вопросы истории*, 1986. https://library.tj/m/articles/view/ советы-и-образование-национальных-республик-средней-азии-1917-1925-гг. Просмотрено 04.12.2019.

Шарова П. «Переселенческая политика царизма в Средней Азии». *Исторические записки,* №8, 1940, сс.90-102.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ 1916 ГОДА

Экономическая жизнь в «коренном» Туркестане и события 1916 г.

Бахтиер Алимджанов

Аннотация

статье рассматриваются истоки экономической политики Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве. Автор подробно осветил роль коммерческих банков в жизни местного населения. Особое место автор уделяет экономическим отношениям и росту цен во время Первой мировой войны, а также влиянию экономических процессов на события 1916 г.

Ключевые слова: *Туркестан, банки, восстание, Первая мировая война, империя, инфляция, события 1916.*

Введение

В исторической науке постсоветского пространства идет ревизия узловых моментов прошлого, основой которого является борьба за «национальные» интересы «бои» за «объективную» историю. Одними из спорных моментов из истории политической жизни Туркестана являются события 1898 и 1916 годов. Эти события стали маркером для историков, которые строят свои системы для объяснения природы колониализма и колониальности, империализма и имперскости, локальности периферийности. Нужно понимать, что колониализм порождал колониальную ситуацию, которую сложно определить и научно описать. Каркасом объяснений исторических событий становятся переосмысление и издание архивных документов[655] на основе новых методологий или новых прочтений. Постколониальный поворот в науке повлиял на центральноазиатские исследования, но пока неясно, к каким результатам мы придем. Привлекательность новых методологий и инструментов в современной исторической науке порождает дискуссии и споры в среде историков, что приводит к появлению не соперничающих школ, а соперничающих историков. Нужно отметить, что в современной историографии очень мало работ, посвященных экономическим факторам событий 1916г.[656] Считаю, что изучение экономических причин событий 1916 г. дало бы исследователю важный инструмент для понимания специфики «восстания» по всему региону. Одними из первых «экономическую» версию событий 1916 г. выдвинули имперские чиновники, чтобы «исторически» объяснить эти эксцессы на местах. «Экономическое порабощение туземцев коммивояжерами туземного и пришлого капитала, взяточничество то подчас откровенное вымогательство, – вот где нужно искать корни июльских событий (1916 г.)», - отмечал губернатор Ферганской области

---

655 *Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. (Сборник документов и материалов)*. Сост., авт. пред., вступ. ст. и коммент. Т.В. Котюковой. Москва: Марджани, 2016, с. 468.

Бахтурина, А.Ю. *Окраины Российской империи: Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)*. Москва: РОССПЭН, 2004, сс. 300–316.

П.П. Иванов[657]. Но существует и другое противоположное мнение: «Война благоприятно отразилась в экономике империи, но она не коснулась Туркестана»[658]. В основном современные историки пишут о причинах и ходе восстания, а не как эти события повлияли на жизнь местного населения. Как уже упоминалось, экономические причины (изъятие земель на колонизацию, увеличение налогов и т.д.) наряду с факторами внешнего влияния на восстание составляют каркас объяснительных схем историков. В стороне остаются экономические факторы восстания или оно преподносится как следствие, что приводит к метаисторическим построениям или к тотальной редукции. Кроме того, историки в основном описывают события 1916, происходившие в Семиречье, – в кочевых районах, а оседлые районы – Ферганская и Зарафшанская долины, Ташкентский оазис остаются вне поле зрения исторического анализа. Это объяснятся тем, что «эпицентром» восстания было Семиречье, где население больше всего пострадало от восстания. Еще Т. Рыскулов предлагал отказаться от дихотомического регионального подхода, т.е. исследовать восстание 1916 г. как монолитный процесс, не разделяя события среди кочевого и оседлого населения. Единый «макроисторический» подход Т. Рыскулова теряет свой смысл в постсоветском пространстве и возвращает нас к «дифференциальному» (плюралистическому) или «дискретному» подходу к описанию событий[659]. Прежде чем приступить к непосредственным причинам восстания 1916 г., я считаю, что нужно проследить экономическое развитие осёдлых районов Туркестанского генерал-губернаторства, которые оказали огромное влияние на поведение населения в событиях 1916г.

Советские историки пытались понять природу туркестанской модели капитализма и на основе марксисткой теории строили свои концепции. Например, экономические модели М. Вяткина, М. Вексельмана и др. критикуют российский капитализм на окраинах империи через призму концепции господства «монополистического капитализма», что приводит к отрицанию и гиперкритики капиталистического развития Туркестана. Я предполагаю, что советские историки, изучавшие экономические отношения на периферии, кидались в разные крайности: то они отмечали «слабость» российского капитализма и империализма в Средней Азии, то считали, что иностранные и местные инвесторы «душили» и «мешали» развитию «местного» капитализма[660], который принимал в результате форму «уродливого» или

Туркестанский Голос. №60. 17 сентября 1916 г.

Туркестанский Голос. №39. 19 августа 1916 г.

Одни из интересующихся Туркестаном до сих пор склонны предполагать, что восстали в 1916 г. только киргизы в Семиреченской области, а другие, имея вообще смутное представление об этих событиях, предполагают, что они почти ничем не отличаются от обыкновенных эксцессов, наблюдавшихся и прежде при царизме. Цит по: Рыскулов Т. «Восстание туземцев Туркестана в 1916 году». *Очерки революционного движения в Средней Азии. (Сборник статей).* Москва: Науч. ассоц. востоковедения при ЦИК СССР, 1926, с. 47.

«Слабость российского капитализма приводила к тому, что нефтеносные земли Туркестана попадали в собственность или банков с решающим влиянием французского капитала, как это случилось с нефтеносными землями АО Санто, или в руки немецкого капитала, как это было первоначально с о-вом Чимион, перешедшим затем через т-во Нобель в руки международного треста с участием немецкого, но и французского и английского капитала, или в руки английского капитала, как это случилось с промыслами

«неправильного», иногда даже «беззубого» капитализма[661]. В качестве объяснительной модели мы будем отталкиваться от гипотезы, что колониальная периферия Российской империи была наименее модернизирована и монополизирована «международным капиталом» и концернами.

Не следует забывать и наших западных коллег, которые изучали некоторые стороны экономической и финансовой истории Туркестанского генералгубернаторства. Следует указать работы К. Пужоль[662], М. Буттино[663], Б. Пенати[664], А. Моррисона[665], повлиявшие на формирование этой статьи. Имперский контекст, описанный коллегами, дает мне ключи для понимания природы империализма и колониализма.

В своей статье я попытаюсь понять события 1916 г. через призму экономического кризиса 1911–1913 гг. и влияния Первой мировой войны на экономическое поведение населения и финансовых институтов края. Считаю, что операции коммерческих банков в оседлых районах Туркестанского генералгубернаторства дают более достоверный материал для понимания экономического поведения населения в 1916 г. Исходя из моих наблюдений, я считаю, что экономические процессы в 1914-1917 гг. нужно трактовать как «множество историй», которые разворачивались в «разнородном» - в экономическом плане - Туркестане. Исходя из этого, я считаю: 1) Первая мировая война усилила интеграцию Туркестана в имперское пространство (спекуляция, инфляция); 2) спекуляция на рынках Ферганы, Самарканда и Ташкента увеличила количество денег местного населения и тем самым позволило ему откупаться от мобилизации на тыловые работы.

Экономический обзор Туркестанского генерал-губернаторства

В образованием Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. остро встал вопрос о дальнейшем политическом и экономическом развитии края. Интересно, что

Майли-Сай». Цит. по: Вяткин М.П. *Монополистический капитал в Средней Азии*. Фрунзе: Изд. АН Кирг. ССР, 1962, с.116.

661 «Туркестан, оставаясь в политическом отношении колонией русского царизма, в экономическом – постепенно превращался в колонию международного финансового капитала. Но проникновение международного финансового капитала в экономику края не могло разрушить полупатриархального дехканского хозяйства. …Отдельные очаги капиталистического производства не меняли общей картины. Промышленных рабочих было совсем мало – немногим более 20 тыс в обрабатывающей промышленности, вместе с добывающей промышленностью и транспортом – около 60 тыс. на огромный край. …Туркестану было суждено перейти к социализму, минуя капиталистическую фазу развития». Цит. по: Вяткин М.П. *Монополистический капитал в Средней Азии*. Фрунзе: Изд. АН Кирг. ССР, 1962, с.161.

Poujol C. «Approaches to the history of Bukharan Jews' settlement in the Fergana Valley, 1867–1917». *Central Asian Survey*, 1993, 12:4, pp. 549–556.

Буттино М. *Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР*. Пер. с итальянского Н. Охотина. М.: Звенья, 2007, сс. 58–91.

Penati B. «Notes on the Birth of Russian Turkestan's Fiscal System: A View from the Fergana *Oblast'*». *JESHO*, 53, 2010, pp.739-769.

Morrison A.S. *Russian rule in Samarkand, 1868–1910. A comparison with British India*. Oxford, 2008, 364 c.

имперская администрация в крае не стремилась в корне менять экономические отношения в крае. В первую очередь, туркестанская администрация занялась географическим устройством края. Географическое освоение края позволяло администрации создать новые единицы, которые позволяли ей укрепить власть в крае. Надо учесть, что в 1867 году Туркестан состоял из двух областей: Семиреченской и Сырдарьинской. Богатая Ферганская и Зарафшанская долины еще не были завоеваны (они были завоеваны в 1868 и 1876 гг.). И поэтому на повестке дня, в первую очередь, стояли политические вопросы, а не экономические. Местная администрация продолжала взимать старые налоги (*харадж, зякет*), особенное внимание было уделено развитию торговых отношений с Европейской Россией, инициаторами которых были крупные ташкентские купцы, которым было выгодно торговать с метрополией. Нужно отметить, что именно с этого периода усиливается роль Ташкента в экономической жизни края, так как именно торговые слои Ташкента были инициаторами развития торговли между колонией и метрополией. А плодами этой тенденции воспользовались политики метрополии и местная администрация, объясняя увеличение товарооборота как интеграцию края в империю. Имперские политики объясняли «продвижение» России как «…необходимость расширения наших пределов в Средней Азии, ожидая от этой меры великих благ, преимущественно развития наших торговых сношений с Востоком, как известно падающих из года в год»[666]. Интересно, что местная торговая элита (в лице С. Мухаммадбаева и других купцов) поняла все выгоды от беспошлинной торговли с Россией и всячески поддакивала политической риторике туркестанских политиканов[667]. Если обратимся к национальному составу местного купечества, то можно выделить следующие крупные группы: бухарские евреи, сарты (ташкентские и ферганские купеческие группировка), татарская и армянская группировка (в основном в Закаспийской области). Надо учесть, что банковский капитал, который появился в начале XX века в Туркестане, играл подчиненную роль в экономической жизни края и в основном кредитовал эти группировки, хотя сами банки активно старались контролировать рыночную конъюнктуру (т.е. занимались скупкой сырья и разными торговыми операциями). Туркестанская торговая элита по ряду причин была разобщена и далека от политики. Ярким примером разобщенности могут служить торжественные депутации от разных национальных групп. «Нового генерал-губернатора Туркестанского края Д. Суботича встречали и приветствовали в Ташкенте - с хлебом и солью разные депутации: депутация туземцев г. Ташкента (речь произнес Саид Карим Саид Азимбаев); депутация ташкентских татар (речь произнес Х. Батыршин); бухарские евреи (речь произнес раввин Ш. Тажер); от общества русских евреев раввин А. Кирснер; от армянского общества И. Бекназаров»[668]. Каждая депутация раздельно приветствовала речью нового генерал-губернатора, а тот в свою очередь, каждому отдельно отвечал. Подобные

Голос. № 325. 24 ноября 1865 г.

Записка С. Мухаммадбаева К.П. Кауфману. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз) Ф.И-1 Оп.19 Д.3.

Туркестанские Ведомости. №2627. 24 января 1906.

официальные церемонии служат ярким примером неоформленности капитализма в крае, так как только политической волею и держалась вся архитектоника экономики Туркестанского края. В Туркестане существовал своеобразный капитализм, который невозможно охарактеризовать как торговый, промышленный, банковский – это был туркестанский капитализм, который поддерживался администрацией края и метрополией.

Кроме того, интерес крупного торгового капитала был поднят на уровень государственной важности, а увеличение товарооборота между колонией и метрополией стало основной задачей местной администрации. Местная торговая элита манипулировала туркестанской администрацией в своих интересах, а те, в свою очередь, зарабатывали политические очки перед Петербургом. Нужно понять, что местная туркестанская администрация состояла из военных, а их советниками были известные востоковеды (такие как Кун, Ростовцев), которые плохо разбирались в экономической жизни края и не очень разбирались в экономической теории. Главной задачей администрации в крае было «замирение» местного населения, и уменьшение расходов на содержание бюрократии. С 1867 по 1886 гг. Туркестан «осваивался» географически, а не экономически. Главная проблема историографии туркестаники, по-нашему, кроется в том, что историки ищут факты, чтобы объяснить политику администрации края и логику экономических процессов за этот период (1867-1886 гг.). Автор считает, что фактически никакой продуманной экономической политики в крае не было, местная администрация действовала спонтанно, исходя из конкретного случая.

В начале 70-х гг. XIX века администрация попыталась рекламировать экономические возможности для развития предпринимательства в Туркестане, но их попытки провалились. «Чтобы дать жизнь Туркестанскому краю, который до сего времени находится почти в первобытном состоянии, надо наводнить его капиталами и искусственным орошением, плоды которых, при честной и настойчивой деятельности, в очень скором времени вознаградят предпринимателей сторицей»[669]. Но спустя два года та же газета отмечала, что «несмотря на пятилетнее обладание нами Ташкентом, ни один из русских промышленников не нашел еще россыпи, которая вознаградила бы его за все расходы, труды и лишения. Из этого же следует, что не было россыпей, заслуживающих разработки золота в Средней Азии. Оторванная от России среднеазиатская ее часть, отдаленная от империи сыпучими песками, с помощью золота соединилась бы хорошими путями, отсутствие которых так заметно и так мешает развитию края. Открытие золота оживило бы страну, привлекло бы в нее капиталы, как было со всеми странами, где открыты были золотоносные россыпи»[670]. Так как крупных месторождений золота не удалось обнаружить в Туркестане, то край потерял интерес у предпринимателей метрополии. Известный геолог Мушкетов писал по этому поводу: «…до сих пор в Туркестане не открыто ни одного коренного месторождения золота, а потому и нельзя

Туркестанские Ведомости. №13.1 ноября 1870. №13.
Туркестанские Ведомости. №10. 6 марта 1872.

положительно утверждать, в каких породах находятся коренные залежи золота и какую форму залегания представляют эти залежи. …Больше всего русских промышленников (золото пробовали добывать в горах Чаткала, Таласа и на реке Чирчик гг. Соловьев, Бенардаки, Колесников, Первушин, Кузнецов, Позняков) смущает то, что содержание золота повсюду самое ничтожное, а вместе с тем во многих местах находятся огромные старые разработки, указывающие ясно, что туземцы умели извлекать выгоду из этих россыпей. …Чтобы все эти россыпи не лежали даром, нужно золотопромышленность в Туркестане поставить в совершенно иные условия и открыть доступ всем, не стесняя налогами, но тогда едва ли от нее будет какой-нибудь доход казне. … существующие россыпи не только не выгодны для современной промышленности, но даже нельзя предвидеть время их выгодности. Принимая же во внимание тождественность характера россыпей по всему Туркестану, от Ташкента до Кульджи и Джунгарского Алатау, я (т.е. горный инженер Мушкетов) почти не возлагаю надежды на открытие там больших и богатых россыпей, которые могли бы обеспечить промышленность на долгое время, хотя, с другой стороны, не могу не пожелать полного успеха всем верящим в золотое дно Средней Азии»[671].

В 70-80-е гг. XIX века многие русские предприниматели понесли убытки из-за незнания экономических условий Туркестанского края. Газета «Туркестанские Ведомости» писала: «Туркестанский край не эльдорадо – это многие испытали на себе горьким опытом; тут, как и везде, не обошлось без увлечений, – так уж создан русский человек-предприниматель. Кончилось тем, что одни горько разочаровались, другие обратились вспять, а третьи поплатились, и порядочно своими карманами. Конечно, были и есть теперь люди с трезвым взглядом, которые должны были убедиться, в конце концов, что не похлопотавши предварительно о развитии занятого нами в Средней Азии края, как в сельскохозяйственном, так и в промышленном отношении, – ничего и не даст кроме общего расстройства, убытков и падения частных дел. Исключение могут представить несколько лиц, которым удалось составить себе капиталы, при помощи разных благоприятных обстоятельств. Но пора увлечений, как видно, еще не прошла и по настоящее время; мы русские, все также относимся бесшабашно к серьезным явлениям жизни в этом хорошем крае, и нисколько не заботясь о будущем, игнорируем развитие естественных богатств края – материальном и моральном отношении, действуя также и на повышение уровня культуры в чернорабочей массе края»[672].

Автор статьи сетует, что русские предприниматели в основном вкладывают средства в винно-водочное производство, а не в шелководство, горную промышленность и т.д. или занимаются спекуляцией хлебом. Также он не понимает, почему Туркестан не превратился в «новую» Америку, когда «в занятом нами крае Средней Азии, при всех прекрасных условиях для жизни и дела наши города не могли так быстро создаться и целые штаты как у наших североатлантических друзей, с их лихорадочной деятельностью по всем отраслям промышленности, которые

Туркестанские Ведомости. №18. 10 мая 1877.
Туркестанские Ведомости. №35. 7 сентября 1882.

сравнительно в короткий промежуток времени культивировали дикую природу на огромных пространствах, с правильной, научно рациональной эксплуатацией всех богатств природы, с огромной пользой и для края, и для этих энергичных работников»[673].

Экономическим центром Туркестанского генерал-губернаторства становится город Коканд. В Коканде находились рынки и торговая биржа, основанная в 1906г. Через Коканд проходила торговая дорога в Восточный Туркестан и Бухару. Помимо Русско-Азиатского банка здесь находились конторы и филиалы Государственного, Волжско-Камского, Русского для Внешней Торговли, Сибирского Торгового, Соединенного, Московского Купеческого и Московского Учетного банков. В Коканде вели свою деятельность крупные фирмы, которые не уступали имперским финансовым институтам. Это фирмы: Вадьяевское торгово-промышленное товарищество, Потеляховское товарищество, товарищество Искандер, Персидское товарищество, Московское Купеческое товарищество (Швецов), «Торгопро» и др. Тандем местной торговой элиты и колониальной администрации составлял сущность экономической и политической жизни края.

Деятельность коммерческих банков в Туркестане и кризис 1911–1913 гг.

В среднеазиатском регионе коммерческие банки появились в 90-е гг.XIX в. В 1893 г. в Ташкенте Волжско-Камский банк открыл свой филиал. Нужно отметить, что в Средней Азии конкурировали между собой петербургские (Русско-Китайский, Санкт-Петербургский Международный и др.) и московские (Московский Учетный, Московский Купеческий и др.) коммерческие банки. Из открытых в регионе 42 новых учреждений центральных коммерческих банков, 32 были учреждениями 5 петербургских и только 10 учреждений – 4 московских банков[674]. Самым крупным в Средней Азии был Русско-Китайский (с 1910 г. Русско-Азиатский), который имел 13 отделений. Из московских банков – Московский Учетный банк имел 6 отделений в Средней Азии, в местах заготовки сырья для другой основной отрасли текстильной промышленности[675]. РусскоАзиатский банк, кроме посредничества и продажи хлопка, финансировал строительство железных дорог и электростанций. Московские банки по характеру своих операций больше всего напоминают крупные провинциальные банки Англии конца XIX начала XX вв., как отмечал И.Ф. Гиндин[22]. Коммерческие банки в основном учитывали местные векселя, которые в основном по характеру были дружескими. Государственный банк в Средней Азии выполнял роль казначейства и кредитора как для администрации, так и для коммерческих банков. К 1914 г. частные банки были должны Госбанку 9 млн. р. Коммерческие банки (более 40 филиалов)

Туркестанские Ведомости. №35. 7 сентября 1882.

Хотамов, Н.Б. *Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (нач. 90-х гг. XIX в. – 1917 г.)*. Душанбе: Дониш, 1990, с.58.

Гиндин, И.Ф. *Русские коммерческие банки*. Москва: Госфиниздат, 1948, сс.301-303. [22] Гиндин, И.Ф., сс.301-303.

ежегодно инвестировали в экономику Туркестана до 136 млн.р. «В общем 1/6 часть сводного баланса частных банков имеет своим источником ресурсы Госбанка»[676], отмечал директор Кокандского отделения Госбанка. Финансовые операции (обороты) коммерческих банков доходили до 4 млрд.р.

1912 г. задолженность населения Туркестана банкам достигла следующих цифр: Госбанку – 27,53 млн.р. и частным банкам – 129,182 млн.р. Итого долга – 156,712 млн.р. В том числе, по Фергане 80,797 млн.р., т.е. 51Қ общей задолженности Туркестанского края (Труды съезда хлопководов... 198). С 1910 г. филиалы Государственного банка начали финансировать мелких производителей, чтобы ослабить влияние коммерческих банков на местное производство и уменьшить задолженность населения банкам. Усилиями инспекторов Госбанка в Туркестане к 1915 г. было создано 558 кредитных товариществ (в Закаспийской – 58, Самаркандской – 119, Ферганской – 230, Сырдарьинской – 151).
Общая сумма капитала товариществ достигала 8.823 тыс.р.[677]

Несмотря на огромные цифры (136 млн.р.), историки, изучавшие экономику среднеазиатского региона в предвоенный период, отмечают, что «в канун войны речь может идти только об отдельных элементах монополистического капитализма, сама же система еще не господствовала в ней – банковые монополии лишь только намечались и не успели пустить глубоких корней»[678]. Частная собственность на землю была не установлена. Известный узбекистанский историк А.М. Юлдашев отмечал, что «громадный приток русских капиталов не произвел сколько-нибудь коренных изменений в дехканском хозяйстве. ... Финансовый капитал метрополии нашел более выгодным приспособить сложившуюся туркестанскую систему ростовщичества интересам русской империалистической буржуазии»[679]. Н.Б. Хотамов отмечал, что «российский финансовый капитал в своей колонии – Средней Азии совсем не заботился о положении местных банков, которые появились в регионе независимо от российских, а потому оставались слабыми и не оказывали большого влияния на экономическую жизнь Средней Азии»[680]. Известная исследовательница Т.М. Китанина также отмечала, что «Проникая в отдаленные и слаборазвитые районы империи, финансовый капитал, представленный крупными акционерными банками, не разрушал организационных основ экономики, а приспосабливался к

Труды Хлопкового совещания 27–29 декабря 1914 г. в г. Ташкенте. Ташкент: Тип. при Канцелярии ТГГ, 1915, с. 13.

Протоколы Совещания инспекторов мелкого кредита Закаспийской, Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областей Туркестана в г. Самарканде 12–20 мая 1915 г. Петроград: Тип. т-ва «Наш Век», 1916 г., с. 4.

Ванаг Н. *Финансовый капитал в России накануне мировой войны*. 2-е издание. Москва: Изд. Ком. унив., 1925, с. 177.

Юлдашев А.М. *Проникновение русского монополистического капитала в экономике Туркестана (1900-1917 гг.)*. Автореф. дисс. на соис. уч. ст. канд. экон. наук. Т.: Фан, 1961, с. 16.

Хотамов Н.Б. *Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. – 1917 г.)*. Душанбе: Дониш, 1990, с. 11.

господствующим там до и раннекапиталистическим формам эксплуатации»[681]. Можно сделать вывод, что большинство исследователей склонны отрицать позитивное влияние деятельности банков на экономику Средней Азии.

Резкое увеличение количества финансовых институтов и фирм не смогли предотвратить экономический кризис в хлопковой отрасли. Экономические кризисы в Ферганской долине были связаны, во-первых, с ценами на американский хлопок на ливерпульской бирже и, во-вторых, с частыми неурожаями хлопка. В 1911 г. разразился кризис, охвативший текстильную промышленность, который нанес чувствительный удар позициям московских фабрикантов, в том числе, в их хлопковом деле. Задолженность только местных фирм банкам на 1 ноября 1910 г., составлявшая 38 млн.р., к 1 ноября 1911 г. поднялась до 47 млн.р. Причина сложившейся ситуации – невысокое качество хлопка этого года (1911 г.), слабый спрос на него, низкая цена, ограниченность подвоза и др., вследствие чего задатки возвращались слабо. «На переживаемый кризис, отмечал управляющий Ташкентским отделением Госбанка, повлияло главным образом, с одной стороны, и обеднение сельского населения от бывшего ранее тяжелого кредита хлопковых фирм, построенного на явно ростовщических началах, с другой, перегружение рынка товарами, нерасчетливое расширение дел многих фирм исключительно за счет широко открытых банками и фирмами кредитов и спекуляция на недвижимости, ввиду быстрого вздорожания на них цен»[682]. Задолженность населения на 1 ноября 1912 г. банкам составляла: Госбанку – 27.530 тыс.р. и частным банкам – 129.182 тыс.р. Итого – 156.712 тыс.р. В том числе, по Фергане 80.797 тыс.р., т.е. 51Қ общей задолженности края[683].

Все это сказалось на позициях московских фабрикантов, а заодно и московских банков. Петербургские банки, наоборот, обильно финансировавшие в годы кризиса и депрессии тяжелую промышленность, где теперь наблюдался подъем, располагали свободными средствами. И вот в такой кризисный год для московских фабрикантов часть крупнейших хлопковых фирм, находившихся ранее в их распоряжении, перешла под контроль Русско-Азиатского и других петербургских банков[684]. Кризис продолжался до 1914 г., и повлиял на всю хозяйственную и торговую жизнь Туркестанского края. Подорожали корма для скота, хлеб и наемная рабочая сила. Ежегодно из Кашгара и Хорасана в Фергану приходили сезонные рабочие. Революции Китае и Персии сократили приезд рабочих, в результате подорожала рабочая сила[685]. В 1912 г. урожай хлопка в Фергане был хороший, но ситуация не изменилась.

Китанина Т.М. *Военно-инфляционные концерны в России 1914-1917 гг. Концерн Путилова-Стахеева-Батолина*. Л.: Наука, 1969, с. 7.

Отчетные записки управляющего Ташкентским отделением Госбанка о ходе операций, торговли и промышленности, 1882-1914 гг. РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1450 лл. 56–59.

Труды съезда хлопководов в г. Ташкенте с 25 ноября по 1 декабря 1912 г. Т. 2. Часть первая. Доклады. Т.: Тип. Канц. ТГГ, 1913, с. 198.

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1450 лл. 56-59.

Отчетные записки управляющего Андижанским отделением Госбанка о ходе операции, торговли и промышленности 1911-1916 гг. РГИА Ф.587 Оп.33. Д.1359 лл.44-45.

Управляющий Андижанским отделением Госбанка отмечал: «Политические осложнения на Ближнем Востоке, вообще в Европе, и отчасти падение цен на хлопок Америке, московское купечество воздерживается от покупок и предлагает за товар крайне низкие цены»[686]. Низкие цены на хлопок негативно повлияли на торговлю мануфактурой. На мануфактуру спроса почти нет[687], отмечали банкиры. «Рынок заполняется товарами, предложение превышает во много раз спрос и многие торговцы, будучи не в силах оправдать свои обязательства, вынуждены прекратить платежи», писал в своём отчёте управляющий Андижанским отделением Госбанка в январе 1913 г.[688]

Экономический кризис повлиял на операции банков. В 1913 г. Кокандское отделение Госбанка сократил кредиты на 350 тыс.р.[689] Андижанское отделение Госбанка в марте 1913 г. увеличил мелкие кредиты товариществам в размере 800 тыс.р.[690] В 1913 г. из-за экономического кризиса объявили себя банкротами крупные хлопковые фирмы, такие как Торговый Дом Ю. Давыдов, Торговые Дома бр. Боруховых и бр. Иссахаровых, Туркестанское торгово-промышленное т-во Соловьев К и др. «Сошли со сцены лучшие крупные фирмы, писал управ-ляющий Маргеланским отделением Русско-Азиатского банка, увлекая с собою и многих других – и это не потому, что положение этих фирм было шаткое, нет, это мы даже можем утверждать – а потому, что банки требовали в один день уплаты от 50 до 100 тыс.р. в такое время, когда каждая тысяча была на счету. И, таким образом, в общем, по Фергане, неплатежей и крахов насчитываются до восьми с половиной миллионов рублей»[691].

Не все население Ферганской долины пострадало от экономического кризиса. Наиболее сильно кризис повлиял на районы с экстенсивным ведением хлопководства – Андижанский и Кокандский уезды. Сельское население Андижанского уезда весной 1914 г. избегало брать задатки под будущий урожай хлопка[692]. Наименее всего пострадал Маргеланский уезд. Урожай 1913 г. дал население возможность выгодно реализовать урожай, что «в свою очередь дало возможность населению почти наполовину погасить свои долги»[693].

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1359 лл. 63-63 об.

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1359 лл.63-63 об.

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1359 лл.72-73.

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1450 л. 24.

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1359 лл. 89–90 об.

Переписка Управления отделениями с Маргеланским отделением банка (1914 г.) о состоянии местного рынка и основных направлениях деятельности отделения, о платежеспособности, предоставлении кредитов и ликвидации задолженности клиентов отделения, 1911-1915 гг. РГИА Ф.630 Оп.1. Д 417 лл. 61-

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1359 лл.124-125.

РГИА Ф.630 Оп.1 Д.417 лл. 61-70.

Первая мировая война и ее влияние на цены хлопка

Начавшаяся в августе 1914 г. мировая война позитивно повлияла на хлопковый рынок Ферганы. «Прекращение правильной доставки американского волокна на русский рынок вызвало сразу среди московских фабрикантов усиленный спрос на среднеазиатский хлопок. Цены на сырец с 4 р. 20 к. сразу поднялся на 5 р. 50 к., а чистое волокно с 15 р. дошло до 17 р. Оставшиеся у хлопковых фирм нереализованными с прошлого урожая запасы хлопка получили широкий спрос и некоторые фирмы имели возможность нажить хорошие деньги»[694]. Фирмы распускали слухи среди населения, что мануфактурные фабрики закрыты и на хлопок нет спроса,

скупали хлопок по низким ценам. Кокандское отделение Госбанка, через инспекторов мелкого кредита опровергало эти слухи и еженедельно сообщало цены на хлопок в московской бирже[695]. Хорошие цены на хлопок долго не продержались. Крупнейшие и виднейшие представители московских фабрикантов, собравшись в частное совещание, решили не только приостановить дальнейший рост цен на хлопок. Цены упали до 3 р. 60 к. за пуд хлопка. «Новые цены, писал в сентябре 1914 г. управляющий Ташкентским отделением Госбанка, грозят Туркестану дальнейшим безденежьем и еще большим кризисомв торговле. ... Разница в цене хлопка между осенью прошлого года и ныне установленной выражается в 4 р.50 к. – 3 р.60 к., т.е. в минусе 90 к. на пуд»[696]. Война неблагоприятно отразилась на экспорте сырья (кожа, бараньи кишки и др.) в Западную Европу. В результате чего в туркестанской экономике началась спекуляция и инфляция. На уровень инфляции повлиял приток пленных немцев и австрийцев в Ферганскую долину. «В город и уезд за месяц прибыло свыше десяти тысяч беженцев. Благодаря такой прибыли населения, поднялись несоразмерно цены на предметы первой необходимости», - писал в декабре 1915 г. в своём отчёте управляющий Андижанским отделением Госбанка[697].

Московские фабриканты, начиная с сезона 1914 г., начали отправлять своих агентов для покупки хлопка без посредников у сельских производителей. Несмотря на все попытки текстильщиков, цены на хлопок начали расти. «К концу 1914 года, писал банкир, цена в Москве на чистое волокно дошла до 22 р., а в январе до 24–25 р., т.е. борьба московских фирм с туркестанскими ведется не в пользу первых»[698]. В сезоне 1914/15 г. в выигрыше остались хлопковые фирмы, которые успели скупить у населения сельскохозяйственную продукцию по дешёвым ценам. В результате, «затяжной кризис, переживаемый торгово-промышленным рынком, не может окончиться в ближайший 1915 г.»[699], отмечал один из банковских экспертов. Банки, несмотря на удачный сезон 1914/15 г., не смогли развить свои операции. Например, Ташкентское отделение Госбанка в 1914 г. было вынуждено закрыть 78 кредитов на

РГИА Ф. 587. Оп. 33. Д. 1450 лл. 43-45.

Отчетные записки управляющего Кокандским отделением Госбанка, о ходе операций, торговли и промышленности. 1910-1916 гг. РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1398 л.99.

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1450 лл. 43-45.

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1359 лл.180-182.

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1450 лл.56-59.

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1450 л. 60.

сумму 620,6 тыс.р. и сократить кредиты в 131 случаях на 323 тыс.р.[700] На кредитную политику финансовых институтов Туркестана повлиял повсеместный переход на продажу товаров только за наличные деньги[701] из-за отсутствия ввоза товаров.

Первая мировая война, несмотря на рост цен на хлопок, не смогла изменить к лучшему экономическую жизнь в Туркестане. Банковский ревизор В.В. Шумков в 1915 г. отмечал: «В ходе экономической жизни Туркестана, таким образом, наблюдается любопытное явление – кризис при отсутствии отрицательных факторов экономического характера. На главный продукт местного хозяйства – хлопок спрос не ослабевал, и цены стояли удовлетворительные; стоимость производства хлопка (рабочие руки) была нормальная; неурожаев не было; в обрабатывающей промышленности не наблюдалось перепроизводства. И, однако, кризис наступил. Причина – неосторожная деятельность банков»[702]. Неосторожная деятельность банков Туркестанском генерал-губернаторстве после экономического кризиса 1911–1913 гг. привела к инфляции и спекуляции. Конечно, нельзя винить во всех провалах деятельность имперских финансовых институтов в Туркестане. Свою роль сыграли спекуляция на хлопке и неосторожная кредитная политика коммерческих банков, отсутствие внятного законодательства и «монополизация» торговыми фирмами рынков Ферганы и Ташкента.

События 1916 г. и экономическая ситуация в Туркестанском генерал-губернаторстве

Драматические события 1916 г. не оставили равнодушными финансовые круги Туркестана, так как они нарушили нормальное развитие банковских операций в крае. Недовольства дороговизной продуктов первой необходимости начались еще в январе-феврале 1916 г. в Ташкенте. В этих «бабьих» бунтах в основном участвовали представители европейского населения[703]. Причиной вздорожания было также увеличение населения – беженцами[704], число которых только в Андижане в октябре 1915 г. «достигло 5-6 тыс. чел., все привозимые в край запасы, которые в Андижане были приготовлены сообразно с прежними годами, с наличностью коренного населения и его потребностью страшно поднялось в цене»[705]. Жизнь для среднего обывателя, живущего своим трудом, в частности, для мелкого чиновничества стала чрезвычайно сложной, невыносимой[706].

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1450 л. 61.

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1359 л.150.

Отчеты и выписки из отчетов по ревизии Кокандского отделения 1909-1915 гг. РГИА Ф.587 Оп.56 Д.1015 лл. 3-6; 9 -12; 13-14.

Буттино М., сс.58–91.

В результате Первой мировой войны в Туркестан были эвакуированы военнопленные.

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1359 лл. 177-178 об.

Отчетные записки управляющих Андижанским, Ашхабадским и другими отделениями о ходе операций, торговли и промышленности, 1916 г. РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1459 лл.1-2.

Волнения «туземцев» в июле 1916 г. привели к временному закрытию нескольких филиалов коммерческих банков по всей Средней Азии, что не могло не сказаться на прибылях этих отделений. Также брожение населения привело к вздорожанию производства продукции из-за недостатка рабочих рук, вследствие чего часть кредитов, выданных банками частным лицам, вовремя не возвращалась. Несмотря на экономическую дестабилизацию в Туркестане, банки смогли извлечь определенную выгоду из волнений и продолжали свою деятельность, финансируя оптовую и розничную торговлю. Основной причиной устойчивости банков была гиперинфляция и активное вмешательство в туркестанский экспорт (хлопок, сушеные фрукты), что позволило им, невзирая на все политические эксцессы, укрепить свои позиции на рынке.

Управляющий Андижанским филиалом Государственного банка писал в своей «Записке», что публикация Высочайшего указа от 25 июня, - вызвала среди населения сильное брожение: «Низшие темные слои населения испугались призыва, испугались возможности умереть вдали от родины, в далекой, чуждой и незнакомой стороне, более состоятельные испугались за свои поля, за свое имущество, за своих жен и детей и вместе решили – «в рабочие мы не пойдем, не дадим и своих отцов, детей и братьев»[707]. По мнению управляющего филиала, дезинформация населения насчет набора рабочих привела к беспорядкам в Андижане. Представитель андижанского отделения воспринимал Высочайшее повеление 25 июня, как нарушение традиционного уклада жизни местного населения, которое и привело к всеобщему росту сопротивления во всех слоях «туземного общества». Он имплицитно сознавал, что применение силы со стороны властей приведет к ответным мерам по отношению

Высочайшему повелению о призыве к трудовым работам. Отношение управляющего банка к восстанию, таким образом, амбивалентно: он понимает интересы местного населения, учитывает их психику и традиции, но он также прекрасно понимает нужды государства и фронта. Предвидя силовое давление властей, местное оседлое население оказало пассивное сопротивление. «Сартов в новом городе почти не видно. По слухам многие из них отправили свои семейства и молодежь призывного возраста в дальние, глухие кишлаки уезда и старый город опустел»[708]. Миграция городского населения в села и горы подрывала финансовую систему региона и предвещала полную остановку активной экономической жизни в Ферганской долине. Естественно, что многие банки прекратили свои операции, испугавшись мародеров и погромов. Беспорядки также повлияли на экономическую жизнь в городе, частные банка, за исключением РусскоАзиатского (т.е. Московский Учетный и Сибирский Торговый), приостановили развитие активных операций, а многие фирмы - выдачу задатков[709]. Приостановление финансовых институтов в Андижане предвещало конец той экономической политики, которая стремилась превратить Фергану в «хлопковый рай» для московских текстильщиков. Примечательно, что Русско-Азиатский банк не закрыл свое представительство в

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1459 лл.18-19.
РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1459 лл.18-19.
РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1459 лл. 18-19.

Андижане, намекая, что имперская власть в регионе сильна, и никакие эксцессы не могут нарушить нормальное развитие края по имперскому сценарию. Интересно, что Русско-Азиатский банк, будучи коммерческим банком, остался верным имперским экономическим интересам в крае.

Восстание повлияло не только на сельское хозяйство, но и на торговлю в Андижане. «С большого базара в старом городе выехали и закрыли торговлю бухарские евреи, писал управляющий, - и тем внесли панику и в среду остальных торговцев, хотя приказом администрации было произведено принудительное открытие лавок, но этот приказ выполнен только для видимости и до сего времени, рынок еще не пришел в нормальное положение»[710]. Торговля Андижанского уезда было напрямую связана с хлопководством, так как местное население в основном получало прибыль от продажи хлопка банкам и перекупщикам. Приостановление торговли в Андижане было напрямую связано с сокращением финансирования хлопковой отрасли банками, так как торговцы понимали, что у населения упала покупательная способность, а остальные средства спрятаны населением на «черный» день. Местная администрация всячески пыталась повлиять на купеческие круги, чтобы они продолжали свою деятельность в Андижане, но эти силовые решения властей не дали своего результата. К сентябрю 1916 г. по словам управляющего Государственного банка Андижана: «Брожения и волнения среди туземного населения с призывом туземцев на работы в тылу армии, ликвидированы»[711]. Причиной было то, что население края «благоразумно подчинилось неизбежному»[712].

Население также получило неплохие доходы от спекуляции и инфляции: «Урожай хлопка 1916 г. по приблизительным подсчетам определяется в 9 млн. пудов сырца, писал банкир из Андижана, что дает населению до 100 млн. р., благодаря чему, несмотря на страшную дороговизну предметов первой необходимости, денежную обеспеченность населения следует признать хорошей. Это видно из того, что долги и налоги платятся очень хорошо[713].

Управляющий банка также в своей «Записке» писал об экономических перспективах Андижана на 1917 г. следующее: «В будущем году, вследствие призыва туземцев на тыловые работы, а также вследствие желания населения обеспечить себя собственным хлебом и кормовыми злаками и несколько ослабить зависимость от центральной России, площадь посева хлопка сократится. Сокращение это вряд ли будет значительно и, по мнению сведущих лиц, уменьшение едва ли будет более 10-15%. Такое сокращение следует считать нормальным, так как последние годы площадь посева увеличивалась вне зависимости от количества рабочих рук и сама обработка полей велась недостаточно. Уменьшение посевов сделает обработку более интенсивной и увеличит подесятинный сбор хлопка. Так что, по моему мнению,

РГИА Ф.587. Оп.33 Д.1459 лл.21-21 об.
РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1459 лл. 25–27.
РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1459 лл.25-27.
РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1459 лл.40-41 об.

особенно пессимистически на предстоящий сезон смотреть не следует»[714]. Андижанский банкир слишком оптимистически смотрел на экономическое состояние уезда на 1917 г. Он даже убеждал центральное управление Государственного банка не тревожиться за инвестиции, вложенные в Андижан, также он прогнозировал, что хлопковое производство в уезде интенсифицируется, что и даст ожидаемые результаты для финансовых институтов края.

Ташкенте – центре Туркестанского генерал-губернаторства Высочайшее повеление от 25 июня население, охарактеризованное как «в массе темное и фанатичное» встретило «с недоверием», - отмечал в своем отчете управляющий Ташкентским отделением Государственного банка[715]. Нарушение экономического воспроизводства и остановка торговли в центре Туркестана – Ташкенте, грозило банкирам банкротством. Интересно, что в такой политический и экономический кризис банкиры оставались хладнокровными. Они пытались реально оценить причиненный восстанием ущерб экономике края, чтобы восстановить в прежних объемах производство хлопка и рост товарообмена между Туркестаном и сопредельными странами. «В Туркестане в текущем году (1916 г.) почти полный неурожай хлеба», - писал управляющий банком. В городе не хватало продуктов первой необходимости и непрерывно росли цены на них. «В овощах город нуждался еще в прошлом году, так как в окрестностях города занимались огородничеством главным образом болгары. С выселением их количество огородов сократилось более чем на половину и поставщиками овощей стали исключительно сарты, которые при отсутствии таксы на все почти жизненные продукты сделались хозяевами рынка и повышают цены по своему желанию»[716]. Сокращение сельскохозяйственного производства породило рост спекуляции, которым и воспользовалось, по мнению банкира, местное население, которое было склонно к разным финансовым махинациям. «При этих условиях вопрос о питании стал острым, особенно для малообеспеченного класса, в том числе и мелкого чиновника»[717]. Интересен вывод банкира, в конечном счете, после подавления восстания, в выигрыше оказались местная администрация и, особенно, «туземное» население, которое смогло получить выгоду от сложившейся ситуации.

Ташкентцы, как отмечал банкир, нанимали вместо себя рабочих, чтобы отправить их вместо себя. «Отправка первых эшелонов рабочих сарт, - писал управляющий банка, - прошла повсюду. Более состоятельные сарты нанимали за себя добровольцев, доплачивая им от 1.000 до 1.500р.»[718]. Высочайшее повеление от 25 июня усилило в туркестанском обществе не только недовольство, но и высокий уровень коррупции, что и отмечал выше ташкентский банкир. Богатое население Ташкента не только смогло откупиться от повинности, но и смогло продолжить свою деятельность, невзирая на войну и на социальные потрясения в Туркестане. Этим и

РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1459 лл.40-41 об.
РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1450 лл.87-88.
РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1450 лл. 87-88.
РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1450 лл.87-88.
РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1450 лл. 89-90 об.

отличался Ташкент от других регионов Туркестана – устойчивостью ко всяким эксцессам, так как здесь господствовало крупное купечество, которое могло удержаться в любой ситуации, оно не сильно зависело от цен на хлопок, хлеб и фрукты – оно нуждалось в мире и спокойствии, чтобы продолжать свою торговую деятельность. Спекуляция и временное ослабление банков сыграли на руку местным купцам, которые и смогли извлечь выгоду. Банки эти процессы понимали, но изменить ситуацию к лучшему не смогли. Оставалось только констатировать непомерный рост цен на продукты и товары, а также падение престижа финансовых институтов в Туркестане.

Самарканде после событий 1916 г. экономическая ситуация была иной, чем в Андижане, она более напоминала Ташкентский регион. «Сухой» закон в Российской империи и недостаточное производство сахара породили огромный спрос на фрукты вино. Как известно, Самарканд славился производством винограда, вина и сухофруктов. Со всех концов империи в Самарканд прибыли купцы, которые скупали виноград и вино. В итоге в Самаркандском уезде наблюдался бум торговли с виноградом, вследствие чего производители винограда и банки получили большую прибыль. Цены на виноград повысились в девять раз, с 3 р. за пуд до 27-30 р. Небывалый рост цен позволил местным банкирам избежать банкротства, а наоборот усилил их влияние в этом регионе. Особенно большую выгоду получили коммерческие банки, которые были готовы рискнуть ради больших прибылей. И, как отмечал инспектор Русско-Азиатского банка в своей ревизии Самаркандского филиала: «Общее положение дел надо признать благоприятным; все нажились. Некоторое замешательство внес только набор рабочих от туземного населения. Ныне замешательство это почти прошло, оставив, однако резкий след в виде необычайной дороговизны и явной недостаточности рабочих рук и перевозочных средств»[719]. Обратим внимание, что местный банкир по отношению к восстанию 1916 г. использует термин «замешательство», не «беспорядок» как отмечал ташкентский банкир или «брожение» в Андижане. «Замешательство», в понимании Самаркандского банкира, не означает крах политической или экономической системы региона, а только то, что оно внесло некоторую «путаницу» в миропорядке, которое было вскоре и «замято» экономическим процветанием самаркандского рынка. «Денег на базаре масса, - писал самаркандский банкир. - В базарные дни видно, как переходит из рук в руки чуть ли не одни пятисотрублевые кредитки – купюра, о которой здесь раньше в массе понятия не имели. Ничего нет, впрочем, в этом удивительного: один кишмишный базар делал за день более нежели полумиллионный оборот»[720]. Далее ревизор отмечал, что «у населения были крупные расходы в связи с набором (наем заместителей, экипировка их прочее), но ведь в конце концов и эти деньги остались среди того же туземного населения»[68].

Отчет инспектора банка Б. Лукодьянова о ревизии деятельности Самаркандского отделения (директор отделения Н.Е. Редько, вице-директор С.С. Попов) на 9 сентября 1916 г. РГИА Ф.630 Оп.1 Д.537 лл.10 об-об.

РГИА Ф.630 Оп.1 Д.537 лл.10 об -11 об. [68]

РГИА Ф.630 Оп.1 Д.537 лл.10 об-11 об.

Ревизор рассматривал расцвет торговли в Самарканде, как следствие военной спекуляции, которая позволила населению разбогатеть, «население не стесняется в покупках и платит за все любые цены, не считаясь ни с какими таксами и нормировками»[721]. По сравнению с Андижаном и Ташкентом Самарканд процветал на волне спекуляции, банкиры были довольны и там не произошло «слома» административной и экономической системы, а, наоборот, банкиры стали управлять всей экономической системой региона.

Ситуация была несколько иной только в самом восточном уезде Самарканда – Джизаке, где в основном проживали кочевники и бедные крестьяне, которые выращивали хлопок. Там и произошли волнения, которые затронули интересы банковских кругов Самарканда. Город Джизак, как отмечал ревизор, сильно пострадал от последних событий и кредитоспособности его коммерсантов подорваны окончательно»[722]. Всего пострадало от беспорядков 10 джизакских клиентов Русско-Азиатского банка с общей задолженностью в 14.175 р.[71]. «О некоторых из них нет даже сведений живы ли они, - писал ревизор. - Вследствие беспорядков в Джизаке все тамошние баи лишились как своих товаров, ибо базар был разгромлен весь дотла»[723]. Потери (14.175 р.) Русско-Азиатского банка в Джизаке не повлияли на его деятельность в регионе, а, наоборот, банк продолжал расширять свою деятельность в «фруктовых» районах Самарканда, которая приносила баснословные прибыли.

Ситуация в целом по Туркестану, если не принимать в расчет Самарканд и Ташкент, была неутешительна. Сложнейшая экономическая и политическая ситуация наблюдалась в Ферганской долине – центре русского хлопководства. Прогнозы банкиров по хлопководству на 1917 г. не оправдались. Под хлопок было засеяно приблизительно на 60% меньше по сравнению с 1916 г. (Кокандский район весна 1917 г.). В 1917 году (по сравнению с 1916 г.) в Чустском районе посевы хлопка сократились на 50%, Наманганском районе от 40 до 70%, в Скобелевском районе на 50-60%, Ассакинском районе 40-50%, Андижанском районе 25%, Ташкентском районе на 15%, Самаркандском районе на 50%[724]. Основными причинами сокращения посевов хлопка были: война, нормирование цен, нехватка воды весной 1917 г. Также основной причиной было то, что стоимость 1 пуда хлопка сырца была значительно ниже стоимости одного пуда хлеба (1916 г.)[725]. Все эти факторы негативно повлияли на экономическую жизнь Ферганской долины и нанесли непоправимый ущерб деятельности государственных и коммерческих банков, которые вели свою деятельность в хлопковых районах Туркестана.

В своей статье я не затронул экономическую ситуацию в Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства. К 1916 г. экономическая ситуация там

РГИА Ф.630 Оп.1 Д.537 лл.10 об -11 об.

РГИА Ф.630 Оп.1 Д.537 лл.14 об. [71]

РГИА Ф.630 Оп.1 Д.537 л. 45 об.

РГИА Ф.630 Оп.1 Д.537 л. 45 об

Записка Таратынова и сведения о сокращении посевов хлопчатника в Закавказье и Туркестане и о мероприятиях по улучшению хлопководства. РГИА Ф.404 Оп.1 Д.8 л. 22–24.

РГИА Ф.404 Оп.1 Д.8 л. 27.

меняется, Закаспийская область стала привлекательной для инвесторов. «В течение текущего года (1916 г.), писали газеты, в Закаспийское областное управление подано около 20.000 прошений о выдаче разрешительных свидетельств на постановленные разведки. Первое место занимают заявки на нефть (около 12.000 заявок). Затем идет каменный уголь, сера, медная руда, серный калчедон, железная руда и др. в 1915 г. выдано 554 разрешительных на производство разведок свидетельств. Из них 278–на нефть, 243–на каменный уголь, 1–на железную руду, 7-на медную руду, 32–на серу и 2–на серный колчедан»[726] (Туркестанский Голос № 1).

Заключение

Первая мировая война и зависимость местного производителя от фирм, низкие и регулируемые цены стали причиной падения в 1917 году той имперской модели, навязанной Туркестанскому краю в 90-е гг. XIXв. Восстание 1916 года было следствием экономической политики в сфере производства хлопка и винограда в Фергане и Самарканде. Нужно отметить, что именно развитие рыночных отношений

товаризация хлопка стали смягчающим фактором восстания в Ферганской долине. Восстание было быстро подавлено в оседлых территориях Туркестана. Население откупалось от трудовой повинности, давало взятки. В Ташкенте восстание закончилось, так и не начавшись. В Самарканде из-за хорошего урожая и высоких цен на виноград население смогло откупиться. Только в Джизаке среди кочевников восстание обрело кровавый характер. Экономическая ситуация во время восстания 1916 года дает нам ключ для понимания туркестанской действительности. События 1916 года показали администрации, что именно увеличение наличных денег у населения позволило предотвратить крупные кровавые акции. Экономика (хлопок и виноград) стала основным сдерживающим фактором развития восстания 1916 г. в Фергане, Ташкенте и Самарканде. Кровавые события в Джизаке показывают нам, что в бедных районах Туркестана восстание приобрело более ожесточенный характер, чем в богатых. Это стало возможным, потому что с 1910 года в Туркестан активно вкладывались банки и крупные фирмы. Первая мировая война повлияла на Туркестан двояко: спекуляция и инфляция. Именно эти два фактора были решающими в событиях 1916 г. Интересно, что в экономическом плане события 1916 года не поменяли структуру туркестанской экономики, несмотря на сокращение мужского населения края и спекуляцию, а, наоборот, увеличивали интенсивность ведения хозяйства (в Самарканде) и укрепили торговые связи (особенно Ташкента) центральной России с азиатской периферией.

Список источников и литературы

Бахтурина А.Ю. *Окраины Российской империи: Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)*. Москва: РОССПЭН, 2004.

Буттино М. *Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР.* Пер. с итальянского Н. Охотина. М.: Звенья, 2007.

Туркестанский Голос. № 1. 1 июля 1916 г.

Ванаг Н. *Финансовый капитал в России накануне мировой войны*. 2-е издание. Москва: Изд. Ком. унив., 1925.

Восстание 1916 года в Туркестане: Документальные свидетельства общей трагедии. (Сборник документов и материалов.) Сост., авт. пред., вступ. ст. и коммент. Т.В. Котюковой. Москва: Марджани, 2016.

Вяткин М.П. *Монополистический капитал в Средней Азии*. Фрунзе: Изд. АН Кирг. ССР, 1962.

Гиндин, И.Ф. *Русские коммерческие банки*. Москва: Госфиниздат, 1948.

Голос. №215. 6 августа 1867 г.

Голос. №325. 24 ноября 1865 г.

Дмитриев-Мамонов В.А., Евзлин, З.П. *Теория и практика коммерческого банка*. Петроград: Тип. редакции периодических изданий Минфина, 1916.

Китанина Т.М. *Военно-инфляционные концерны в России 1914-1917 гг. Концерн Путилова-Стахеева-Батолина*. Л.: Наука, 1969.

Кривошеин А.В. *Записка главноуправляющего землеустройством и земледелия о поездке в Туркестанский край в 1912 г.* СПб, 1912.

Оглоблин В.Н. *Промышленность и торговля Туркестана. Из путевых заметок*. Москва: Тип. Русского т-ва печатного и изд. дела, 1914.

Протоколы Совещания инспекторов мелкого кредита Закаспийской, Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областей Туркестана в г. Самарканде 12–20 мая 1915 г. Петроград: Тип. т-ва «Наш Век», 1916.

Рыскулов Т. «Восстание туземцев Туркестана в 1916 году». *Очерки революционного движения в Средней Азии. (Сборник статей).* Москва: Науч. ассоц. востоковедения при ЦИК СССР, 1926.

Савицкий А.П. *Поземельный вопрос в Туркестане (В проектах и законе 1867–1886 гг.)*. Ташкент, 1963.

Т*руды Хлопкового совещания 27–29 декабря 1914 г. в г. Ташкенте*. Ташкент: Тип. при Канцелярии ТГГ, 1915.

Т*руды съезда хлопководов в г. Ташкенте с 25 ноября по 1 декабря 1912 г.* Т. 2. Часть первая. Доклады. Т.: Тип. Канц. ТГГ, 1913.

Т*уркестанские Ведомости*. №13.1 ноября 1870.

Т*уркестанские Ведомости*. №10. 6 марта 1872.

Т*уркестанские Ведомости*. №18. 10 мая 1877.

Т*уркестанские Ведомости*. №16. 25 апреля 1878.

Т*уркестанские Ведомости*. №35. 7 сентября 1882.

Т*уркестанские Ведомости*. №2627. 24 января 1906.

Т*уркестанский Голос*. №39. 19 августа 1916.

Т*уркестанский Голос*. №60. 17 сентября 1916.

Т*уркестанский Голос*. № 1. 1 июля 1916.

Хотамов Н.Б. *Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. – 1917 г.)*. Душанбе: Дониш, 1990.

Юлдашев, А.М. *Проникновение русского монополистического капитала в экономике Туркестана (1900-1917 гг.)*. Автореф. дисс. на соис. уч. ст. канд. экон. наук. Ташкент, 1961.

Penati B. «Notes on the birth of Russian Turkestan's fiscal system: A View from the Fergana *Oblast'*». *JESHO*, 53, 2010, pp.739–769.

Morrison A.S. *Russian rule in Samarkand, 1868–1910: A comparison with British India*. Oxford, 2008.

Poujol C. «Approaches to the history of Bukharan Jews' settlement in the Fergana Valley, 1867–1917». *Central Asian Survey*, 1993, 12:4, pp. 549–556.

Архивные материалы

Записка Таратынова и сведения о сокращении посевов хлопчатника в Закавказье и Туркестане и о мероприятиях по улучшению хлопководства. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 404 Оп.1 Д. 8.

Записка С. Мухаммадбаева К.П. Кауфману. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз) Ф.И-1 Оп.19 Д.3.

Отчеты и выписки из отчетов по ревизии Кокандского отделения, 1909-1915 гг. РГИА Ф.587 Оп.56 Д.1015.

Отчетные записки управляющего Андижанским отделением Госбанка о ходе операции, торговли и промышленности, 1911-1916гг. РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1359.

Отчетные записки управляющего Кокандским отделением Госбанка, о ходе операций, торговли и промышленности, 1910-1916 гг. РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1398.

Отчетные записки управляющего Ташкентским отделением Госбанка о ходе операций, торговли и промышленности, 1882–1914 гг. РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1450.

Отчетные записки управляющих Андижанским, Ашхабадским и другими отделениями о ходе операций, торговли и промышленности, 1916 г. РГИА Ф.587 Оп.33 Д.1459.

Отчет инспектора банка Б. Лукодьянова о ревизии деятельности Самаркандского отделения (директор отделения Н.Е. Редько, вице-директор С.С. Попов) на 9 сентября 1916 г. (РГИА) Ф.630 Оп.1 Д.537.

Переписка Управления отделениями с Маргеланским отделением банка (1914

г.) о состоянии местного рынка и основных направлениях деятельности отделения, о платежеспособности, предоставлении кредитов и ликвидации задолженности клиентов отделения, 1911-1915 гг. РГИА Ф.630 Оп.1 Д.417.

Социальный конфликт 1916 года в Худжанде: ретроспективный взгляд (отношение власти и народа)

Иномджон Мамадалиев

Аннотация

статье поэтапно рассматриваются все события, имеющие характер социального конфликта (1871-1916 гг.), определены главные предпосылки, причины и характер социальных конфликтов (называем - восстание). Но важным являются новые материалы, обнаруженные в архивах. Они проливают свет на некоторые забытые или же игнорированные и не внесенные в историю моменты. Помимо этого, автор предлагает новый подход к колониальному периоду, то есть царской колониальной политике по отношению к Средней Азии, тем самым даёт возможность понять природу и содержание всех предыдущих событий, создавших почву для социального конфликта 1916 года.

Ключевые слова*: указ, восстание, социальный конфликт, власть, народ, уезд, колонизация, переселение, комплекс компонентов*

Введение

Восстание 1916 года, рассматриваемое как социальный конфликт, является общим историческим событием в Центральной Азии. Оно было одним из ярких проявлений общеимперского кризиса, охватившего вторую половину XIX – начало вв. Его вызвал комплекс компонентов: социально-политические и экономические причины, активная переселенческая политика царизма и массовое изъятие земель у коренного населения края, усиление колониального гнёта, непомерное увеличение всевозможных поборов и налогов почти в 15 раз. Поскольку экономический кризис в Средней Азии начался задолго до политических событий 1917 года, то есть еще в период империи, он, как цепная реакция, продолжался с перерывами и в дальнейшем.

При написании статьи с целью определения природы предлагаемой проблемы я постарался по мере возможности использовать теорию социального конфликта. А что такое социальный конфликт? Это столкновение противоположных целей, позиций, взглядов субъектов взаимодействия. Противоречия пронизывают все сферы жизни общества - экономическую, политическую, социальную, духовную. Обострение тех или иных противоречий создает «зоны кризиса». Кризис проявляется в резком усилении социальной напряженности, которая нередко перерастает в конфликт.

настоящей статье были использованы такие методы как: анализ и синтез, историко -сравнительный, проблемно-хронологический и историко-системный.

предлагаемой статье впервые сделана попытка соединить событие 1916 года с социальными конфликтами второй половины XIX – начала XX вв., что позволило создать связующую цепь общей картины через призму «отношения власти и народа» определить факторы социальной дестабилизации и антагонизма. Кроме того, впервые предлагается пересмотреть дату начала социального конфликта 1916 года. Некоторые

архивные материалы, использованные при написании статьи, впервые вводятся в научный оборот.

историографическом плане важно отметить, что этот вопрос широко рассматривался такими серьезными учеными, как П.А. Ковалев «Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны (1916 – май 1917 г.)» [727], Х.Т. Турсунов «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане»[728], З. Раджабов «Шуриши соли 1916 дар музофоти Хучанд»[729], Б.И. Искандаров «Восстание 1916 г. в Ходженте и его влияние на другие районы Средней Азии»[730], Г.Х. Хайдаров «О предпосылках восстания 1916 г. в северных районах Таджикистана»[731], И.А. Стеценко «Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX вв». (1870 – 1917 гг.) [732]. Однако эти ученые рассматривали это событие только в рамках одного исторического явления, то есть фрагментарно, без углубления в исторический процесс, в отрыве от всеобщей картины, не связывая с предыдущими событиями. Надо отметить, что здесь приведены только те труды, где отражаются события в Худжанде.

Причины системного кризиса

Приступая к освещению поставленного вопроса, мне бы хотелось начать с системного кризиса, который в Средней Азии начался задолго до социальнополитического конфликта 1916 года и, как цепная реакция, продолжался с перерывами и в дальнейшем. Кризис, начавшийся в последней четверти XIX века, обусловил политическую и социальную дестабилизацию общества не только в дореволюционный период, но и на заре строительства страны Советов.

Сама история сложилась так, что все страны и народы в той или иной мере были зависимыми друг от друга. Вот что писал по этому поводу востоковед Н.И. Конрад: «История каждого народа всегда связана с историей его соседей… Поэтому в истории народов действуют факторы, создаваемые именно общностью исторической жизни» [733].

Чтобы воссоздать единую картину, я попытаюсь обосновать свой взгляд на основе фактического материала конца XIX века, ибо причина социальной дестабилизации в Средней Азии кроется в недрах колониальной системы,

---

Ковалев П.А. *Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны (1916 – май 1917 г.)*. Ташкент, 1957, сс.32-33.

Турсунов Х.Т. *Восстание 1916 годы в Средней Азии и Казахстане*. Ташкент: Госиздат УзССР, 1962.

Раджабов З. *Шуриши соли 1916 дар музофоти Хучанд*. Душанбе, 1955.

Искандаров Б.И. «Восстание 1916 г. в Ходженте и его влияние на другие районы Средней Азии». *Известия ООН АН Тадж. ССР*. Душанбе, 1967, сс.46-52.

Хайдаров Г.Х. «О предпосылках восстания 1916 г. в северных районах Таджикистана». *Известия ООН АН Тадж. ССР.* Душанбе, 1967.

Стеценко И.А. *Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX вв. (1870 – 1917 гг.).* Душанбе, 1963, с.96.

Конрад Н.И. *Запад и Восток*. 2-е издание. Москва,1972, с.17.

организованных ею экономических отношениях и выступающей в этом контексте колониальной системы управления. Перестройка традиционных политических институтов (1865 - 1867 гг.), экономическое закабаление, переселенческая политика с целью создать опору на окраинах и сформировать лояльную элиту из представителей местного населения, а также русифицировать жителей Средней Азии и интегрировать экономику региона (1867 - 1890 гг.) в российскую вызвала негодование, которое привело к массовым волнениям и социальным конфликтам в 70-90-х годах XIX – и начала XX века[734].

Надо отметить, что независимо от исторического периода и географического пространства, социальное угнетение народных масс в период становления того или иного режима оставалось идентичным. На первом этапе колонизации к местным эксплуататорам прибавился тяжкий социальный и национальный гнет царских колонизаторов и их местных прислужников. В целом, в социальном отношении, - «царская Россия являлась тюрьмой для народов» [735].

Д.И. Логофет, русский исследователь начала XX века, в своей книге «Страна бесправия» писал: «Этот уголок обширного азиатского материка в настоящее время является едва ли не самым бесправным на всем земном шаре, где именем России и под ее покровительством производятся возмутительные дела и чудовищное обирание населения, которое довело 3-х миллионный народ, недавно еще зажиточный, до полного обнищания и постепенного вымирания» [736]. В ухудшении социальной обстановки отрицательную роль сыграло превращение экономики Средней Азии в зависимый сектор и поле выкачивания большой прибыли, двойное угнетение рабочей силы, финансовое закабаление и, наконец, к дискриминационной национальной (этнической) политике. Например, когда Туркестанский край был завоёван Россией и

нём в течение 3-4-х десятков лет отсутствовали пути сообщения, он был оторван от центра империи. Поэтому вся политика русского правительства строилась на том, чтобы связь окраины с империей, как они полагали, основывалась на «взаимопонимании» и лояльности местного населения к русским властям. Об этом неопровержимо свидетельствуют рассуждения Государственного Совета при выработке Положения 1886 года об управлении Туркестанским краем.

сожалению, при составлении Положения (1886 г.) не были приняты во внимание причины, создавшие столь благоприятные условия, а были учтены лишь последствия этих причин, почему скоро стали возникать недоразумения в области правовых отношений, и авторитет русских правительственных органов как охранителей туземных интересов (местного населения - *И.М.*) начал падать [737].

Мамадалиев И.А. *Россия и Средняя Азия: особенности колониально-административной системы управления во второй половине XIX – начало XX века*. Худжанд: Ношир, 2013.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т.26., с.107.

Логофет Д.И. *Страна бесправия*. *Бухарское ханство и его современное состояние*. СПб, 1908, с.150.

Отчет по ревизии Туркестанского края, проведенный по Величайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. СПб, 1910, с. 99.

Помимо обнищания, простой народ был еще и бесправным, поскольку его права ущемлялись, с одной стороны, местным судопроизводством (*казият*), а с другой стороны - русским колониальным судопроизводством. Вот что писал по этому поводу сенатор граф К.И. Пален: «Действующие ныне среди туземного (местного) населения правовые нормы, преимущественно в области частноправовых отношений, требуют пересмотра» [738].

Неспособность царской администрации своевременно решить колонизационные проблемы: геополитическая нестабильность, административно-кадровая и законодательная слабость, экономическая нерентабельность, аграрная (переселенческая) политика, социальная конфликтогенность в совокупности вели к падению авторитета русской власти в глазах покоренного местного населения. Открытые бунты, народные волнения и восстания стали результатом накопившегося недовольства русской властью. Туркестанская администрация жестоко подавляла вспышки возмущения туземцев (местного населения – *И.М.*), но была не способна устранить причины недовольства, так как это требовало решения серьезных проблем в колониальной политике.

Как писал известный историк и знаток края М. Терентьев: «Туркестанские уезды управлялись администрацией, едва соответствующей по составу ее и содержанию большому русскому селу. Уездный начальник, старший помощник, младший из туземцев и, пожалуй, еще письмоводитель - вот и все» [739].

Кроме этого среднеазиатскому уездному начальнику приходилось держать под своим контролем огромные территориальные площади. Некоторые из уездов по площади превышали губернии в Европейской России. Администраторам в уездах и областях приходилось выполнять кроме своих административных функций, полицейские и судебные функции, которые требовали много сил и времени на исполнение [740].

Один из первых исследователей Средней Азии Н.П. Остроумов, глубоко преданный интересам имперской монархии и официального православия, тем не менее, довольно критически высказывался о различных отрицательных сторонах деятельности русской администрации в Туркестанском крае. Рассматривая задачи русской администрации в Туркестане, Н.П. Остроумов[741] сравнил их с задачами французской колониальной администрации в Алжире. Основания для такого сравнения, по его мнению, заключались, прежде всего, в известном сходстве российской и французской моделей колонизации. В отличие от британской модели, предполагавшей значительную административную и культурную автономию колонизованных народов в сочетании с «дистанционным управлением», что ярче

---

[738] *Отчет по ревизии Туркестанского края, проведенный по Величайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом*, с.100.

Терентьев М. «Туркестан и туркестанцы». *Вестник Европы*, №11, 1875, с. 166.

ЦГА Респ. Узб. Ф.717 Оп.1 Д.48 лл.106-108.

Остроумов Н.П. «Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае». *Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия*. Часть I. 1906. Февраль. (№ 2, 10, отд. 3) и за 1907 год (№ 1, отд. 3).

всего проявилось в Британской Индии, и русская, и французская модели были ориентированы на социальную интеграцию колонизованных народов посредством их ассимиляции колонизаторами.

Итак, с приходом русских завоевателей деятельность новой администрации у туземцев вызывала даже восхищение и одобрение, например, в следующем материале мы можем это наблюдать. После административного обустройства в августе 1866 года губернатор Туркестанской области Д.И. Романовский приехал в Ходжентский уезд ознакомиться с делами области, где его радушно приняли жители, пользуясь, случаем даже подали ему адрес следующего содержания: «Жители Ходжента с хлебом и солью встречают вас генерал! С занятия нашего города русскими, ни обиды, ни притеснения не коснулись никого из нас, от чиновников ваших мы не видели ничего, кроме ласки и справедливости. Мы видим, что вы, приводя нас к покорности Белому Царю, упрочили наше счастье. Молим Бога о благополучии и долгоденствии Белого Царя, и его генерала – покорителя Ходжента. Будем и мы такими впредь поданными усердными слугами Государя Великого, как и остальные Его поданные, дабы Он и нас полюбил также много, как любить их» [742].

Это был первый шаг на пути к интеграции с Российской империей. Вслед за этим последовало другое обращение населения Ходжента и Нау (от 6 сентября 1866 г.), которые написали по собственной воле письмо-прошение на имя Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского со следующим содержанием: «Помилости благости Всемогущаго творца и по воле Держанию белого Царя Ходжент и Нау с прилежащими к ним селениями, подчинились власти Российской империи, поэтому мы, жители этих городов, надеемся, что могущественный белый Царь, источник счастья и благ для своих подданных, не отринет принять и нас под благотворную свою власть наравне с жителями Ташкента» [743].

Опасаясь возникновения социального конфликта, царское правительство решило подготовить и привлечь на свою сторону лояльную элиту. С этой целью еще с момента организации уездов и волостей ввело «выборность» местной администрации (аксакалов, пятидесятников, волостных управителей). Однако это, в свою очередь, привело к коррупционным действиям.

По этому поводу Томохико Уяма пишет следующее: «Для осуществления своей власти, в частности для сборов налогов и сведений о местной ситуации, русские чиновники должны были опираться на местную администрацию, которой не позволяли занять высокие должности, такие как уездные и крестьянские начальники и участковые приставы. Более того, они с недоверием относились к туземной администрации, считая ее коррумпированной и скрывающей местные реалии, называя их «непроницаемой завесой» или «живой стеной» [744].

Уфимские губернские ведомости. №44, суббота 29, октябрь 1866 г.

Уфимские губернские ведомости. №44.

Uyama T. «A Particularist Empire: The Russian policies of Christianization and military conscription in Central Asia». *Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia,* ed by. T. Uyama. Sapporo, 2007, pp.47-48.

основном я согласен с мнением Т. Уямы, но есть некоторые моменты в аргументациях, которые вызывают сомнение, например, в традиционном таджикском обществе (это можно видеть на примере Ходжентского уезда) с установлением русской администрации местные состоятельные люди или так называемые представители элитных семей привлекались в управление, но их назначали не более чем председателем хозяйственного управления, что не считалось стратегически ключевым и высоким постом.

Другим фактором, принесшим много бедствий местному населению, была переселенческая политика царизма, предполагавшая создать из числа переселенных соотечественников надежную опору на окраине. Таким образом, только «на территории Ходжентского уезда были созданы 12 русских поселений, а в пользование крестьян было выделено свыше 26000 десятин земли, отнятой у местного населения»[745].

В бедственном состоянии народных масс Г.А. Арандаренко писал следующее: «Чтобы судить, насколько для жителей Самаркандской долины было тяжелым время последнего неурожая, насколько поживились тогда от этого всеобщего бедствия ростовщики, достаточно убедиться в том, что большая часть населения даже через 6 лет обильных урожаев они были в значительном долгу у них»[746].

Несмотря на то, что Ходжент и прилегающие к ним селения вошли в состав Российской империи, как административно, так и территориально, однако социально-политическая ситуация не была стабильно устойчивой. Об этом ярко свидетельствуют все происходившие события 70-х годов, как в центре уезда, так и за его пределами.

Надо отметить, что еще до прихода русских войск во всей Ферганской долине, и том числе Ходжентском уезде, имел место эпидемиологический угрожающий фактор, например, свирепствование эпидемии холеры и чумы, а также малярии, которые также сыграли немаловажную роль в дестабилизации общества. Например, первая вспышка холеры в Ходженте датируется 1840-м годом, вторая – 1871-1872 годами, третья – 1893-1894 годами[747].

Злоупотребления колониальной власти и местных органов управления

Существовали и другие дестабилизирующие факторы. Вот, например, в апреле 1872г. произошло первое выступление (обратите внимание, что это было первое выступление, хотя шести годами раньше население радушно приняло чужое подданство, - *И.М.*) трудового населения Ходжента против колониальной политики царизма. Основной причиной выступления было недовольство народа налоговой политикой царизма, а также злоупотреблениями местной администрации. А поводом

См.: Стеценко И.А., с.68.

Арандаренко Г.А. *Досуги в Туркестане 1874-1889 гг*. СПб, 1889, с. 343.

См.: Мирбабаев, А., Махмудов, О. *Худжанд – по пути нового исторического прогресса*. Худжанд: Нури маърифат, 2009, с.92.

послужила прививка оспы местному населению: распространился слух, что это делается для того, чтобы затем «клейменных» брать в солдаты. Участниками этого восстания были бедняки-дехкане и ремесленники. 14 апреля в полдень большая толпа народа собралась в главной мечети на большом базаре, откуда после продолжительных и шумных споров пошла к русской части города, чтобы там передать требования народа начальнику Ходжентского уезда. Во время шествия к восставшим присоединялись чернорабочие, ремесленники и дехкане, приехавшие по делам в город. По пути следования они захватили *казикаляна* (старший судья), *закятчи* (налоговик) Джульбаса и аксакала Мухаммад-Сабира. Подойдя к помещению городской полиции, восставшие освободили из заключения находившихся там узников. Отсюда они двинулись дальше и, не дойдя до русской части города, расположились в большом саду медресе Намозго[748].

Узнав о случившемся, помощник начальника уезда с несколькими казаками направился к толпе, численность которой превзошла 10000 человек [749] и стал уговаривать собравшихся разойтись. В ответ восставшие выставили требования об отмене общей переписи населения, а также высказали свое недовольство повышающимися с каждым годом налогами и злоупотреблениями администрации. Помощник начальника уезда приказал казакам схватить нескольких наиболее резко выступающих лиц. Но восставшие не выдали своих товарищей, и под напором народа казаки были вынуждены отступить. Разгневанные действиями и угрозами помощника начальника уезда, собравшиеся стали избивать *зякятчи* и *аксакала* (старейшина). Последнему были нанесены такие побои, от которых он через несколько дней умер.

Для усмирения возмущенного народа была послана линейная рота под командованием полковника И.Г. Фавицкого. Безоружные люди не могли оказать сопротивления солдатам, которые стали разгонять их штыками и прикладами, а сопровождавшие их казаки – нагайками. Несколько восставших было арестовано. Аресты продолжались и на следующий день. Всех арестованных предали суду и сослали в Сибирь на каторжные работы. Остальных жителей Ходжента обложили штрафом по 21 рублю серебром с каждого человека[750].

Особо отмечу, несмотря на стихийность народного выступления, это было первое волеизъявления ходжентцев против колониального притеснения и произвола. Следующий крупный социальный взрыв, имевший военно-политический характер в жизни миролюбивого народа, произошёл спустя 3 года, то есть в 1875 году.

Надо отметить, что эти события в организационном плане не имеют прямой связи с самим Ходжентом или его населением, потому что это социальная нестабильность, приведшая к локальному бунту, была спровоцирована извне. Это, прежде всего, является отражением волнения кочевников и нарушения двухсторонней договоренности со стороны Худаяр-хана, что привело к дестабилизации в Ходжентском уезде.

См.: Стеценко И.А., с. 96.

Туркестанский сборник, т.43, 1878, с. 234.

См.: Стеценко И.А., с. 97.

С целью быть более объективными, мы постарались не упустить из виду и материалы местной хроники, пусть они лаконичны и методологически просты, но они также дают ценные сведения для сопоставления, описывая эти события, например, *«Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин»* (и автобиографическое приложение к этому сочинению – *«Байан-и хисб-и хал-и» Мулла Мирза Алим Мирза*). В них автор резко отрицательно относится к новым порядкам и переменам, происшедшим после ликвидации Кокандского ханства. Он рассказывает о новом административном устройстве, податях, называет имена лиц из местного населения, принявших новые должности. На многие административные должности (напр., *элликбаши* - пятидесятник) пробрались недостойные и презренные люди, жестоко притеснявшие народ. Новой власти сопутствовал приток чужестранцев, «в город проникли темнота, его наводили воры и развратницы, резко возросла преступность, упали нравы».751

На аналогичных позициях стоит и автор *«Алимкул джанг-намаси ва гариб нама»*752, по мнению которого при Худаяр-хане Фергана процветала, в казне было полно золота и драгоценностей, а с переходом страны под власть Белого падишаха дела шариата расстроились: появилась ересь, стало процветать взяточничество у *казиев*, «испортились» законоведы, исчезла справедливость и благочестие, от водки, азартных игр, распутниц (проституток) и разбойников (*басмачей*) город стал неспокойным, а полицмейстер (*курбаши*) ослабил надзор. В сочинении имеется интересный рассказ об этапировании в 1878 осужденных участников восстания 1875–1876 гг. из Андижана через Коканд и Худжанд в российскую губернию (по всей вероятности, в Оренбургскую) и о положении там ссыльных, среди которых был сам автор сочинения.

ЦГА Республики Таджикистан в Фонде 12 (оп.1, д. 25, в объеме 25 листов) хранится «Постановление за №71 Следственной Комиссии по делу о злоупотреблениях, обнаруженных в управлении Ходжентским уездом», в котором говорится о денежных поборах с жителей Ходжентского района, т.е. общественных сумм против сметных раскладок за 1874–1876 годы, приведших к социальной нестабильности. В этой финансовой афере главными героями выступают действующие чиновники в управлении русской администрации и подставные лица: начальник уезда полковник Барон Нольде, старший помощник Граф Девир, писец Абдулкадыр Магзумов, письмоводитель Ротмистр Лидский, переводчики Абдул Сатар, Камалетдин Хасанов и Абдулла, аксакалы Бай Магомет Ашурбаев и Гадайбай, бывший председатель хозяйственного управления Шады Мурза, казначеи Саид Осман Мурза Худояр.

Таким образом, 10 августа 1877 года Областная Следственная Комиссия во главе полковником Максимовичем и членами Воронежского и С. Иванова завершила свое расследование по злоупотреблениям, обнаруженным в финансовой деятельности

Мирза Олим ибн Мирза Рахим Тошканди. *Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин*, №1314, л.124а-б, 125а, л. 1726-1776.

Алимкул джанг-намаси ва гариб нама. Рукопись ИВ АН РУз, №9455, л.317а-319а, л. 316-756. 27 ЦГА РТ Ф.12 Оп.1 Д.25 л.1.

управления Ходжентского уезда. В заключении она сочла необходимым принять Постановление за №71, сформулировав все преступления и проступки, в которых обвинялись лица, привлеченные к произведенному комиссией делу. В результате финансового мониторинга Следственной Комиссией было обнаружено следующее: «В течение трёх лет взималось в общественную и дорожную повинность с жителей г. Ходжента по 3 руб. 80 коп., а вот с жителей кишлаков по 5 руб. с каждого двора и с кочевого населения по 6 руб. с кибитки, однако, в денежных книгах хозяйственного управления по Ходжентскому району записывалась значительно меньшая сумма»[27].

Итак, в результате проведенного неофициального сбора повинности побор составил: «В 1874 г. – 5.164 руб. 58 коп., в 1875 г. – 7.658 руб., 1876 г. – 14.206 рублей. Идея организации системы поборов принадлежала бывшему Ходжентскому уездному начальнику полковнику Барону Нольде. Из поступивших сумм в собственность Барону Нольде поступила большая часть поборов. Например, почти весь побор в 1874 г., который составил 4.985 руб. 50 коп., был получен Бароном Нольде от старшего помощника майора Калугина на общественные постройки. Они не были переданы по назначению казначею Ходжентского хозяйственного управления. К побору 1875 года (7.658 руб.) по указу Барона Нольде прибавлены 8.620 руб. из собранных уже с народа податных сумм и 1.500 руб. из суммы денег, собранных на общественные постройки - 17.778 руб., остаток в размере –13.985 руб. 50 коп. присвоен Бароном Нольде»[753].

К сожалению, этой аферой дело не закончилось, следующим шагом была ещё одна весьма удивительная по своей хитрости финансовая комбинация: например, взыскание с жителей Ходжентского района штрафа в сумме по 2 руб. 50 коп. со двора оседлых и по 3 руб. с кибитки кочевых жителей на погашение долга Барона Нольде. Из показаний Шады Мурзы и Сеида Османа выясняется, что «помимо позаимствованных из общественных сумм денег, о которых говорилось в предыдущем разделе, полковник Барон Нольде в разное время взял у Шады Мурзы тринадцать тысяч рублей (13000), тоже собранных у народа, о чем у Шады Мурза имелась расписка от Барона Нольде[29].

Впрочем, по объяснению Шады Мурзы, в числе 13000 рублей был и долг, оставшийся за бывшим Ходжентским уездным начальником полковником Гуюсом, который Барон Нольде перевел на себя. Показания Шады Мурзы подтвердил присяжный свидетель Мир Хамит, который был до Шады Мурзы казначеем. Мир Хамит объяснил также, что дал Шады Мурзе расписку на большую сумму, которая была передана Барону Нольде.

Для погашения своего долга Барон Нольде по предварительной договоренности с Шады Мурзой, и Сеид Османом в присутствии Лидского и переводчика Абдул Сатар Хасанова решил собрать деньги с народа, пользуясь благоприятным временем. Это было в канун августа 1875 г., вскоре после удаления из Ходжентского уезда

ЦГА РТ Ф.12 Оп.1 Д.25 л.1 об. [29]
ЦГА РТ Ф.12 Оп.1 Д.25 л.9.

кокандских шаек (кокандская шайка во главе с Афтобачи – *И.М.*)[754]. Из кишлаков района были приглашены почетные жители, поговорив с ними, Барон посылал их к Шады Мурзе, и тот уже разъяснял им необходимость сбора денег с народа. Допрошенные Комиссией лица под присягой рассказали, что Барон Нольде приказал наказать жителей, которые были членами шаек. Затем эти люди направлялись к Шады Мурзе, который в качестве освобождения от наказания предлагал заплатить деньги. Штраф за участие в беспорядке составлял 2 руб. 50 копеек со двора. Деньги эти вскоре были взысканы и сданы казначею Сеид Осману. Или ещё более бессовестным актом оказалось взыскание с жителей Ходжентского района штрафа за участие жителей в беспорядках, происшедших в Ходжентском уезде по случаю войны с Кокандом.

Надо сказать, что такие незаконные действия, финансовые махинации, грубые человеческие отношения, что русских чиновников, что местных лиц, занимавших разные нижние чины, приводили не только к разногласиям между чинами, но и к потере авторитета управленческого аппарата, и к недоверию народа к новой администрации.

Следующим нестабильным и взрывоопасным периодом являются 1906– 1909 годы. Надо отметить, что к событиям этих лет, которые привели в определенной степени к дестабилизации, послужили нижеследующие факторы: подорожание земли, например, в Унджинской волости (близ города Худжанда) себестоимость земли достигла 6000 рублей; произвол мирабов и *арык-аксакалов*; позднее: окончание очистки канала «Император Николай I»; боязнь саранчи; недостаток денег у населения [755].

Кроме того, именно на этот период приходится упрочение хлопковой империи, переселенческая политика, земельные взаимопретензии между местным и русским населениями, систематическое наступление саранчи или как местные называют «бича Божьего» и борьба против неё. Например, в 1907 г., площадь залежей саранчи составила 2710 десятин, в 1908 – 7380 десятин, на которые должно было быть выделено только в 1909 г. 53683 рубля[756]. А также внешний фактор, например, влияние русской передовой мысли, политических партий, революционной ситуации в России.

Важно отметить, что в годы Первой мировой войны Туркестан был рентабельным сектором и источником обеспечения русской экономики. В этот период для населения Туркестана были увеличены налоги, добавлены специальные вложения (на словах добровольные, но фактически принудительные), реквизированы лошади и верблюды, телеги и юрты и т.п.

Помимо этого, были и следующие обстоятельства: Первая мировая война, инфляция, повышение цен и экономические убытки, ухудшение условий труда как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, падение производительности, голод,

---

ЦГА РТ Ф.12 Оп.1 Д.25 л.9 об.

Туркестанский сборник, т.497, 1940, сс.20-21.

Туркестанский сборник, т.518, 1940, сс.124-125.

эпидемия, засуха, а также влияние внешнего фактора: панисламизма, пантюркизма, тоталитарного режима.годы войны был организован тыловой фронт (1916 г.), куда были мобилизованы сотни тысяч представителей трудового населения Туркестана. В такой ситуации из-за сложившихся обстоятельств были сокращены большие площади зерновых посевов. Это привело к падению производительности труда, разрушению земледелия и произволу кочевников. Ситуация осложнилась еще и тем, что в годы войны, учитывая собственные нужды, Россия сократила поставки зерна в Туркестан. Без сомнения, такое истощение ресурсов сельского труда вынуждало уменьшать площади обрабатываемых земель. В течение зимы 1916-1917 годов совсем не было снега, к этому добавилась засушливая весна с сильными морозами, что окончательно уничтожило будущий урожай. Так был запущен механизм голода[757].

Таким образом, хроники сообщают нам некоторые полезные сведения о колониальном Туркестане, свидетельствующие о структурных переменах в общественной жизни Средней Азии. Эти перемены рассматриваются их авторами критически и, как правило, с консервативных позиций.

Панисламзм и пантюркизм как дестабилизирующие факторы

В период, непосредственно предшествовавший первой империалистической войне, в оттоманской Турции и в других мусульманских странах Ближнего Востока возникло политическое течение, известное в истории под названием «панисламизм и пантюркизм». Примерно к этому времени относится одна из широких кампаний, когда-либо предпринятых панисламистами по распространению своих идей. Руководители панисламистских и пантюркистских комитетов в Турции командируют во все страны мусульманского мира своих эмиссаров, поставив им задачу – детальное ознакомление с деятельностью поборников панисламизма в этих странах и изучение условий, форм и методов дальнейшей борьбы за политическое и религиозное объединение мусульманских народностей. После тщательного изучения собранных этими эмиссарами материалов вожди панисламизма решили принять энергичные меры: 1) открытие во всех городах с мусульманским населением по возможности большего числа духовных школ с преподаванием по однотипной программе на арабском языке; 2) регулярное проведение съездов видных общественных деятелей и духовенства в главнейших мусульманских городах для обмена опытом и выбора издательской комиссии, в которую должны войти лица, знающие религию и современные науки, и на которую будут возложены полномочия по составлению и изданию учебников и книг по всем отраслям знаний на общедоступном языке и бесплатно распространены среди народа; 3) издание газет на местном языке во всех городах с мусульманским населением, которые осторожно, но умело будут способствовать развитию идеи религиозного объединения среди мусульманского

Buttino M. «Study of the Economic Crisis and Depopulation in Turkestan, 1917-1920». *Central Asian Survey*, vol.9(4), 1990, pp. 59 -74.

мира; 4) бесплатное обучение мусульманского юношества всех стран в высших мусульманских миссионерских школах Мекки и Медины, по окончании которых последние возвращались к себе на родину и распространяли среди своих соотечественников идеи религиозного объединения мусульман; 5) поселение в города села всех стран с мусульманским населением просвещенных лиц для религиозного объединения местного населения»[758].

Важность такой деятельности заключалась в том, чтобы с распространением подобных воззваний среди мусульманских народов Средней Азии во время Первой мировой войны разложить тыл царской России, ослабить ее силы на фронтах, поскольку она вынуждена была держать в Средней Азии значительные вооруженные силы для подавления вспышек антиправительственных бунтов и восстаний.

Конечно, основываться на данных фактах и принимать их как историческую правду сложно, однако игнорировать их тоже нельзя, учитывая то, что этот документ хранится в архиве спецслужб, и не доверять ему я просто не вправе. К великому сожалению, полноценных архивных или документальных материалов до нас сохранилось очень мало (имеется в виду в условиях Таджикистана). Существующие же материалы под грифом «совершенно секретно» хранятся в фондах спецслужб, которые не доступны независимым исследователям. Однако на основе доступных материалов, которые хоть немного подтверждают предлагаемую гипотезу, можно утверждать, что эти факты становятся научной истинной. Но некоторые коллеги и ветераны спецслужб, имею ввиду киргизских коллег: Мурат Суюнбаев, и ветеран спецслужб Досмир Узбеков и др.,[759] на основе обнаруженных ими материалов, также говорят о существовании внешнего фактора таких как, пантюркизм и панисламизм.

Надо помнить, что социальный конфликт 1916 года разыгрался на тот момент в том пространстве, то есть в пределах Российской империи (Туркестан, Степной край, Кавказ, Сибирь), где перемещались всё и вся, даже спустя 100 лет трудно найти исторические реалии.

Туркестанский край стал ареной пропаганды идей панисламизма и пантюркизма, которая приняла особенно широкий размах в период непосредственной подготовки к первой империалистической войне и еще более усилилась в годы войны. Эта пропаганда велась под лозунгом мобилизации мусульманских масс мира к «священной войне» против неверных (*кяфиров*) и, прежде всего, против Англии, России и Франции.

Первая попытка вождей панисламистско-пантюркистского движения начать всеобщую священную войну мусульман, направленную своим острием, прежде всего, против славянских стран Балканского полуострова и покровительствовавшей им царской России, была сделана ими во время Балканской войны. Как известно, эта

Секретное сношение Департамента полиции от 27 апреля 1914 г. № 170354. ЦГА НКВД Тадж. ССР. Ф.5 Оп.1 Д.11 л.142.

Суюнбаев М., Курманов З., Узбеков Д., Суюнбаев И. «Агенты с правом на убийство». Часть 2. «Никогда не говори «никогда»». kghistory.akipress.org/unews/un_post:7088. Просмотрено 25.09.2018.

попытка кончилась неудачей. Лозунги панисламистов, оказалось, не пользуются популярностью среди широких народных масс мусульманского мира.

В том, насколько озабочены были деятели панисламистско-пантюркистского движения неудачной войной Турции против Балканских стран, свидетельствует политическое настроение мусульман России в то время. В секретном циркуляре Департамента полиции от 30 марта 1913 года за № 97244 говорится: «В местностях Империи с мусульманским населением, преимущественно же в Туркестане, Семиреченской и Ферганской областях, под влиянием поражений и неудач турок в войне с Балканскими государствами и в виду, якобы, оказываемой Россией помощи славянам, в настоящее время наблюдается настроение мусульман и проявление враждебного отношения их к русским вообще и к русскому правительству, в частности… среди мусульман Туркестанского края распространяется прокламация с призывом мусульман к сбору пожертвований в пользу раненых турецких воинов»[760].

В любой политической игре важен ажиотаж, раздувание того или иного призывающего лозунга или прокламации с целью более широко охватить население и убедить в том, что это единственный верный и справедливый путь, а на самом деле организаторы и игроки этой игры всего лишь шли к своей политической цели. Например, в продолжении вышеуказанного циркуляра говорится: «Мусульмане, усиленно обсуждают вопрос о, якобы, предстоящей войне России с Китаем и не скрывают своих симпатий к китайцам, выражая пожелания успеха китайскому оружию. Под влиянием, упорно циркулирующих среди мусульман слухов о том, что Китайское правительство деятельно готовится к войне, приглашая, подвластных России, мусульман, при открытии военных действий, отложиться от России, туземное население упомянутых выше местностей и, в частности, киргизы одной из областей, высказывают необходимость сплотиться всем мусульманским народностям и, в союзе Японией и Китаем, напасть на Россию»[761].

Из приведенного материала становится очевидным, что на фоне политической близорукости местного населения, которых можно быстро ввести в заблуждение, одурманивая народ, агенты распространяют самые противоречивую информации, рассеивая зерно народной вражды, усиливая политическую активность, агенты добивались социальной нестабильности. Любая война, независимо от географии и характера, перемалывает огромные людские и материальные ресурсы, это в свою очередь заставляет военные умы искать альтернативные пути, то есть избегать прямых военных столкновений. Одним из альтернативных методов была борьба изнутри, то есть метод эффективного проникновения в слабые и уязвимые области противника, путем внедрения политизированных лозунгов, приводящих к дестабилизации и конфликтности, что позволяет достичь своих целей, то есть крушения существующего режима.

Как свидетельствует нижеприводимый материал, такие сведения поступали ежедневно. Например, самые разные информации об агитационной деятельности

ЦГА НКВД Тадж.ССР. Ф. 2/с Оп.1 Д.9 л.159.

ЦГА НКВД Тадж.ССР Ф. 2/с Оп.1 Д.9 лл.159-160.

иностранных подданных поступали в Штаб Туркестанского военного округа в совершенно секретной форме. Вот что сообщалось в письме от 18 октября 1914 г. за №6470: «По городам Туркестанского края разъезжает турецкий эмиссар турецко-поданный, житель города Константинополя Хатыбл Омарнаджи-Бек, который производил сборы пожертвований среди мусульман на военные нужды Турции»[762].

В свое время бывший английский консул в Кашгарии П. Эссертон писал: «Во время Первой мировой войны вражеские агенты буквально кишели и в Кашгарии, и в Русском Туркестане»[763].

этом же документе далее отмечено, что «Командир этапной роты в г. Гузаре (Бухарское ханство) в своей секретной телеграмме на имя Самаркандского уездного воинского начальника сообщил, что у Диван-Беги ночевал турецкий мулла с полномочием от султана (Бухарского эмира) на беспрепятственный проезд от бекства бекству для пропаганды. Утром выехал в сопровождении бекского посланца»[764].

Помимо устной пропаганды центры панисламистско-пантюркистского движения широко практиковали печатную пропаганду идей политического и религиозного объединения мусульман. Чрезвычайно характерен в этом отношении манифест-воззвание, выпущенный в Турции в начале войны под заглавием «Священная война обязательна».[765]

Агенты панисламистов проникали даже в театры военных действий. Так, некий Аскеров, родом из Азербайджана, был замечен на фронте, где он «своими постоянными разъездами в районе театра войны, без видимой к тому надобности, навлекает на себя подозрение в занятии шпионством. Аскеров… 22 марта сего года (1916 г.) выбыл в Новую Бухару»[766].

Хочу отметить, во-первых, на сцене военных действий ни один агент никаких спецслужб в открытую не ведет деятельность по установленной цели; вовторых, во время войны обычный человек не ходит в гости к другому, это указывает на то, что Аскеров имел конкретную установку с определенной целью; в-третьих, это не единичный случай, и не единственный человек, мы по всему краю видим иностранных подданных, чья деятельность была целенаправленной.

Также надо отметить, что некоторые чиновники признавали разрушительную силу колониальной политики по отношению к исламу, вот о чем гласит нижеследующий документ, - «Все туземное население, – отмечает далее полковник Иванов, – пришло к выводу, что русские принесли с собой в край «скверну», нетерпимую мусульманскому вероучению и, что скверна эта грозит заражением всему правоверному населению… Отсюда успех распространения идей панисламизма. Но население, слишком практичное для выступления ради одной идеи, не решалось, под страхом силы, реагировать иным способом, чем втайне мечтать о

Секретное сношение Департамента полиции от 27 апреля 1914 г. № 170354, л.256.

Etherton P.T. *In the Heart of Asia.* London, 1925, p. 225.

ЦГА НКВД Тадж.ССР Ф.5 Оп.1 Д.11 л.256.

ЦГА НКВД Тадж. ССР Ф.5 Оп.1 Д.11 л.296-297.

Сборник материалов по истории восстания 1916 г. в Таджикистане. ЦГА НКВД. л.10.

низвержении ненавистного иноверного ига, представляя, однако, почву, вполне подготовленную для массового противогосударственного движения»[767].

К этому времени относится одна из широких кампаний, когда-либо предпринятых панисламистами по распространению своих идей. Поскольку именно в это время главари панисламистских и пантюркистских комитетов в Турции командируют во все страны мусульманского мира своих эмиссаров, поставив им задачу – детально ознакомиться с этими странами и изучить условия, формы и методы дальнейшей борьбы за политическое и религиозное объединение мусульманских народностей [768].

Данную гипотезу можно подтвердить следующим документом, «Турецкое правительство командировало в Туркестанский край 15 эмиссаров персов из Азербайджана для ведения в крае панисламистской пропаганды, оказания помощи Турции и объединения всех мусульман под владычеством Турции, как главы Ислама… Из числа эмиссаров агентура отмечает следующих: Абдуль Гафур, Аббас Али, Абдуль Хуссейн. Названные эмиссары уже появились в пределах края, разъезжают по городам, поселкам и кишлакам и ведут агитацию среди туземного населения края, выдавая себя за докторов /хакимов/ или отчитывателей корана /озаимханов/. В случае надобности они предъявляют персидские паспорта, и полиция их оставляет в покое» [769].

Хочу отметить, что агенты, прикрывающиеся паспортами, были идентичны местному населению, и, естественно, не вызывали опасения у представителей охранной службы, тем более тщательная проверка требовала много времени, а подделка документов для этого времени была нетрудной. С другой стороны, и знание языка, и их ориентировка по местности также не вызывали сомнения.

В этом контексте интерес представляет еще один документ, в котором говорится, что «правы были, и генерал-майор Н.С. Лыкошин, тогдашний военный губернатор Самаркандской области, и полковник Иванов, когда утверждали, что восстание 1916 г. в Средней Азии было вызвано, наряду с другими причинами, также панисламистско-пантюркистской пропагандой, широко проведенной немецко-турецкой агентурой. Одновременно с сим, – утверждает там же полковник Иванов, – облегчалась возможность широкого паломничества в Мекку и сотни тысяч ходжей разносили по краю фанатические доктрины ислама и почерпнутые в Турции идеи панисламизма вместе с описанием своих впечатлений о величии мусульманского государства»[770].

Распространение подобных воззваний среди мусульманских народов Средней Азии во время первой империалистической войны разлагало тыл царской России, ослабляло ее силы на фронтах, поскольку она вынуждена была держать в Средней

Сборник материалов по истории восстания 1916 г. в Таджикистане, л. 117.

Секретное сношение Департамента полиции от 27 апреля 1914 г. № 170354, л.142.

ЦГА РТ Ф.1 Оп.6 Д.101 л.18.

Сборник материалов по истории восстания 1916 г. в Таджикистане, л.117.

Азии значительные вооруженные силы для подавления вспышек антиправительственных восстаний.

Военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Н.С. Лыкошин в своем совершенно секретном письме на имя Туркестанского генералгубернатора от 23 мая 1916г. за № 530 сообщил: «Для выяснения деятельности Шаршаузского (Шахризябского) Агалука Ходжи-Расуль Кулия, а также построения, прилегающих к границе, вверенной мне области, бекств, был послан на место 22 марта сего года агент, которы[й] 5-го сего мая вернулся, доложив следующее: Шаршаузский Агалук Ходжа-Расуль Куль, безусловно, враждебно настроен против русских. Он пользуется громадным влиянием среди населения Шаршаузского и примыкающих к нему бекств. Большинство этого населения распропагандировано афганскими и турецкими агентами-ишанами и представляет из себя горючий материал» [771].

В секретном письме Туркестанского охранного отделения от 6 июня 1914 за №3750 говорилось следующее, «Видный член Комитета «Единение и прогресс» и пропагандист идей панисламизма Мохаммед Рахим-Бей отправляется в Россию с русским паспортом на имя Хусейна Каримова» с целью «распространить фетву, написанную по-арабски, с переводом на татарский язык, которая убеждает мусульман всего мира отдавать в министерство финансов халифата религиозный налог», а также «возобновить переговоры с Измаиль-Беем Гаспринским по поводу созыва в Мекке исламистского конгресса» [772].

Основными причинами, вызвавшими, по мнению генерал-майора Н.С. Лыкошина, восстание 1916 г. в Средней Азии, он называет: «Агитация из Турции через периодически появляющиеся в крае разного рода ходжи, далилеи и других агентов турецкого правительства. Агитация германских военнопленных, признаки которой были замечены в Джизаке» [773].

Набор местного населения на тыловые работы приобрел такую остроту, что в какой-то миг мог превратиться в национальную рознь. Следующий материал может отражать этот факт. «Во время сборов русского населения по мобилизации, – по доносу начальству полковника Писемского, – туземцы (Кулябского бекства Бухарского ханства) отнеслись очень враждебно: не давали подвод платных, кричали на них (русских), угрожали и, когда мужское население ушло, туземцы облили керосином живого быка и зажгли его, при этом угрожая, что это же самое будет с русскими, как и с этим быком» [774].

Социальный конфликт 1916 г. не был ни первым, ни последним звеном в длинной цепи подрывной деятельности панисламистов. Более мелких фактов, враждебных интересам России, история Средней Азии знает очень много. Вот один из них, маленький по своей значимости, но чрезвычайно характерный для понимания той дикой злобы к русским, которая была привита мусульманам Средней Азии

Сборник материалов по истории восстания 1916 г. в Таджикистане, л. 11.

Секретное сношение Департамента полиции от 27 апреля 1914 г. № 170354, л.156.

См.: *Восстание 1916 г. в Средней Азии*. Ташкент, 1932, с. 28.

Дело № 2246, ЦГА, Фонд Ходжентского уездного управления л.42.

турецко-немецкой агентурой руками панисламистов. Социальный конфликт или восстание 1916 года, всколыхнувшее всю Среднюю Азию и отвлекшее значительные военные силы России для его усмирения в наиболее напряженный период борьбы на русско-германском фронте, не без оснований, можно считать подготовленным, наряду с другими причинами, также и панисламистско-пантюркистской пропагандой.

если этот социальный конфликт, вызванный непосредственно нежеланием мусульман Средней Азии бороться за интересы России и отстаивание ее территории от нашествия немецких захватчиков (что также является результатом подрывной деятельности панисламистов), объективно носил освободительный характер, то субъективно он был подготовлен и проведен на почве крайнего национализма. Как по своему социальному составу, так и по идеологии социального конфликта или восстание 1916 г. было направлено не только против царизма, но и, прежде всего, против русских, против «неверных» вообще.

В этом контексте, предлагаю следующий материал, в котором указывается, что русские офицеры и администраторы были уверены в причастности иностранных спецслужб и идеологических течений. «Генерал-майор Н.С. Лыкошин, тогдашний военный губернатор Самаркандской области, и полковник Иванов, военный губернатор Ферганской области, утверждали, что восстание 1916 г. в Средней Азии было вызвано, наряду с другими причинами, также панисламистско-пантюркистской пропагандой, широко проведенной немецко-турецкой агентурой. Одновременно с сим, – утверждает там же полковник Иванов, – облегчалась возможность широкого паломничества в Мекку и сотни тысяч ходжей разносили по краю фанатические доктрины ислама и почерпнутые в Турции идеи панисламизма, вместе с описанием своих впечатлений о величии мусульманского государства» [775].

В этом материале важен один момент, полковник Иванов выявляет еще один беспрецедентный фактор – паломничество. Совершившие хадж, как с опаской говорил Иванов, становились объектом агентурных сетей и, восприняв и вооружившись идеями пантюркизма и панисламизма, по возвращению они распространяли чуждые идеи, что само по себе вызывало у охранных отделений (МВД) пристальное внимание. Этот фактор имел очень заразительный характер, это и беспокоило, поскольку местный ходжа имел больше влияния на окружающих, чем иностранец.

«Использование панисламистского движения против России германский империализм осуществлял не только через Турцию и массовое паломничество мусульман в Мекку. Агентура Германии проникла в Афганистан и Западный Китай, где создавались ее центры подрывной деятельности, направленной против интересов России и Англии» [776].

Приведенные данные в определенной степени убеждает нас в том, что панисламистско-пантюркистское движение в странах мусульманского мира неразрывно связывается со шпионско-подрывной деятельностью немецко-турецкой

Сборник материалов по истории восстания 1916 г. в Таджикистане, л. 117.
Дело № 2246, л.42.

агентуры. Их основным усилием было разложение тыла России и поднятие мусульманских народов на вооруженную борьбу против России и ее союзников.

Неготовность к исполнению царского указа

Таким образом, главным поводом для масштабного социального конфликта был набор местного трудового населения на тыловые работы фронта, то есть, как ни иронично звучит, чашу народного терпения переполнил царский указ от 25 июня 1916 г. о «реквизиции» местного коренного населения края на тыловые работы, который был издан без учета специфики и без консультации местной колониальной администрации. «В сложившейся ситуации, как первое лицо колониальной администрации, генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, на основание приказа царского правительства, вынужденно издал соответствующий приказ (от 8 июля 1916 г.), о привлечении к работам по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии инородцев Российской Империи, освобожденных от воинской повинности и, в частности туземного населения Туркестанского края» [777].

Но следует отметить тот факт, что призыв на тыловые работы совпал с периодом сбора урожая, требовавшим затраты рабочей силы. Царское правительство, издав указ, не было подготовлено к воплощению его в жизнь. Требовались спешное составление списков, регистрация населения по возрасту (возраст определялся на глаз по статусу). Эту работу должны были выполнить так называемые «почётные лица» - волостные управители, пятидесятники, аксакалы, которые совместно с чинами русской администрации воспользовались указом для своего личного обогащения. Согласно сообщениям волостные купцы, муллы и баи путем подкупа жадных к деньгам царских чиновников (новый виток коррумпированной деятельности) вместо себя и своих родственников заносили в списки мобилизованных исключительно бедняков и обездоленных, платя за это незначительную сумму [778].

Конечно, подобная несправедливость, допускаемая «туземной» администрацией, вызывали гнев и возмущение трудовых слоев населения. В жилых кварталах, базарах, мечетях, чайханах возмущённые люди открыто протестовали против мобилизации и требовали отправки на тыловые работы и сынков имущих классов.

Все это вытекало из характера колонии и господства над ней. Будучи уверенными в лояльности, царская администрация видела в местном трудовом населении больше покорности и исполнительности, чем у русских рабочих и крестьян. По-другому это можно назвать «дармовой» силой, которую можно было использовать по своему усмотрению, причем, без всякого опасения. А с другой стороны, это давало возможность освободить русских нижних чинов и рабочих, в которых была большая нужда.

Вот о чем свидетельствует сообщение военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина исполняющему обязанности начальника штаба войск

Рыскулов Т. «Из истории борьбы за освобождение Востока». *Новый Восток*, № 6, 1924, сс. 270274.
Хайдаров Г.Х. *История таджикского народа: XX век.* Худжанд, 2001, с.49.

Туркестанского военного округа Н.Н. Сиверсу о начале восстания в области и о необходимости усиления гарнизона войсками (от 7 июля 1916 г.): «На запрос о размерах добавки войск в гарнизоны и их дислокаций по пунктам области я лишен возможности дать теперь вашему высокоблагородию необходимые сведения, так как совершенно не могу предвидеть, какие размеры могут принимать беспорядки на почве наряда инородческого населения рабочих, и в каких именно пунктах понадобиться применение военной силы» [779].

Этот документ указывает на то, к чему приводят скороспешно принимаемые меры колониальной властьи, потому что даже самые опытные военные, прошедшие огонь и воду, в случившейся ситуации не смогли своевременно оценить и предпринять правильные решения. Хотя в Ходжентском уезде еще в январе и в марте месяцах происходили локальные недовольства населения изза повышения цен, которые были предвестниками июльских событий.

Дата начала протестов в Ходженте: 3 или 4 июля?

В этом отрезке появляется одна маленькая деталь, на которую мне бы хотелось, обратить внимание. Она имеет немаловажное значение и касается именно даты начала этого события. В историографии среднеазиатских республик зафиксировано 4 июля как начало восстания. Почему-то исследователями упущен материал, который фиксирует другую дату. В период своего исследования, на основе архивного материала я увидел другую дату. Ниже приводимый архивный материал, на мой взгляд, является весомым аргументом для пересмотра даты начала восстания. Сопоставление нижеизлагаемых фактов доказано документально и не вызывает сомнений, было бы справедливо, считать началом событий 3 июля. В подтверждение своих доводов предлагаю рассмотреть нижеследующие материалы, то есть архивные источники, которые отражают события с первых дней этого процесса.

2 июля в Ходженте скопились жители окрестных кишлаков. Примерно в это же время повсеместно началось составление списков. Почувствовав страх перед собиравшимися массами, подполковник Рубах потребовал от начальников всех постов уезда три раза в день сообщать ему о ходе подготовки рабочих к отправке [780].

Первое выступление недовольных людей, имевшее характер бунта, произошло 3 июля 1916 г., когда в г. Ходженте толпа местных собралась у квартиры пристава и начала буйствовать. Для прекращения которого без вызова администрации явились нижние чины, произвели несколько выстрелов в толпу, и толпа расступилась [57].

В принципе, «Оно началось со сбора горожан на сцене городской соборной мечети Шайха Маслихаддина 3-го июля, где собравшиеся потребовали у полицейского пристава Капитана Устимовича отмены выбора рабочих и уничтожения списков с фамилиями будущих «тыловиков». Пристав наотрез отказался выполнить требование народа. На следующий день, с раннего утра, стар и млад, мужчины и

ЦГИА Респ. Узб. Самаркандское областное правление. Ф.2 Д.660 лл. 2-5.

История таджикского народа. Ред. Р.М.Масов, т IV. Душанбе: Дониш, 2010, с.1124. [57] ЦГИА Респ. Узб. Самаркандское областное правление. Ф.2 Д.660 лл. 2-5.

женщины Калаинауской части Худжанда (примерно пятитысячная народная толпа) направились искать правду у аксакала Мирзо Багадура Муинова, но не получив у него поддержки, хлынули в сторону «нового города» на при крепостную площадь, где располагалась канцелярия начальника уезда полковника Рубаха. Сюда с Раззакской части города, стихийно стекался людской поток» [781].

Количество восставших увеличивалось за счёт кустарей, чорьяккоров, мардикоров и дехкан. Перед полицейским управлением собрались 7-8 тыс. горожан. Слышались возгласы «На войну людей не дадим!», «Никого не пошлём», «Нас не возьмут!»[782].

К народу вышли местные представители колониальной власти, казий Саидмахмад Бузургходжаев и именитые баи Худжанда Мирзо Муминов, Алимджанов, Мирзо Умаров, чтобы уговорить собравшихся разойтись, однако люди настаивали на уничтожении списка рабочих. Надо отметить, в том, что в успокоении немаловажную роль сыграл национальный менталитет, традиционное воспитание и шариат, поскольку после выступления влиятельных людей (ходжи, амины, муллы) народ постепенно усмирился и разошёлся по домам. Об этом свидетельствуют также сведения из интервью, проведенных мною с жителями старшего поколения (Ш. Ахмедов[783], М. Исхоки[784], и др., которые относятся к элитным семьям города).

Особо важно отметить тот эпизод, что в июльских событиях в Ходженте весьма примечательным моментом является участие женщин. Они были самыми активными участницами этих событий. Именно они были в первых рядах манифестантов. Об участии женщин А. Уэльс пишет следующее: «В общем людском гуле особенно выделялись голоса возмущения женщин в паранджах, кроме того, как отмечает сам автор, женщины-мусульманки впервые участвовали в народном движении»[785].

Попытки полицейских разогнать собравшихся не увенчались успехом, а, наоборот разозлили толпу. Возмущенные люди стали наступать на полицейских, забрасывать камнями и бить палками. Уэльс пишет, что инициатором была бедная женщина Бибисолеха Кобилходжаева, по прозвищу Ходими Джамолак. «Неожиданно старуха Ходими Джамолак выхватила у старшего полицейского Полюцкого саблю и сломала её»[786].

Действия героической женщины воодушевили протестующих на решительные действия, в сторону полицейских полетели камни, палки. Полицейские и солдаты начали стрелять в безоружный народ. Большая группа восставших двинулась в сторону крепости с целью захватить арсенал, но были встречены огнём. Среди восставших было много раненых и убитых. Говоря об этом, Устод Рахим Джалил в

Хайдаров Г.Х., с.49.

Холджураев Х. *Политическая история таджикского народа с древнейших времён до второй половине XIX века.* (*Курс лекций*). Книга 1. Худжанд, 2011, с.360.

Интервью с Ш.А. Ахмедовым от 3 мая 2018 года.

Интервью с М. Исхоки от 28 мая 2018 года.

Уэльс, А.В. «К вопросу о восстании 1916 г. в Ходженте». *Революционный Восток,* №4, Москва, 1936, сс. 78-84.

Уэльс А.В., сс.78-84.

повесте «Пулод и Гулру» в образе Ходими Джамолак нарисовал яркий образ одной из отважных участниц восстания Бисолихи Кобилходжаевой [787].

Толпа начала теснить полицейские отделения, пытаясь захватить близстоящих солдат. Страсти накалялись и солдаты открыли по толпе огонь. Согласно сообщению по приказу Рубаха для усмирения восставших использовали солдат гарнизона. С крепостной стены началась беспорядочная пальба по безоружному народу. Пролилась невинная кровь: двое участников демонстрации (80-летний Акмал Нематшехов и 23-х летний паренёк Мухаммадхон Миробидов) погибли от царских пуль, а Мирзочон Мирфозилов был тяжело ранен. Началась паника и суматоха. Перепуганная толпа мгновенно разбежалась и рассеялась[788].

На следующий день из Костакоза, Исписара, железнодорожной станции Ходжент и некоторых других прилегающих к уездному центру селений в Ходжент направились многие тысячи людей на помощь, но казаки и солдаты преградили им путь, и поэтому они не смогли присоединиться к восставшим Ходжента.

Если судить по хронологической последовательности, то события 3 июля, можно по праву считать началом восстания. Об этом свидетельствует и телеграмма полковника Рубаха на имя уездного начальника Н.С. Лыкошина, которая гласит: «Если хотим, чтобы восстание не обрело всеобщий характер, составление списка на тыловые работы временно приостановить»[789].

В своих записях А.В. Уэльс отмечает, что настрой и действия протестующих в определенной степени напугали администрацию, которая не уверенная в своих силах для подавления конфликта, обратилась за помощью в Ташкент и Самарканд. «В это время Рубах, - пишет А. Уэльс, - получил от полицейского известие, что на помощь царским властям в Ходжент идёт рота солдат, которая уже переправляется на пароме, видимо, желая, уклониться от объяснения с толпой, куда-то ушёл. Между тем к мечети Хазрати Бобо начали подходить новые массы людей из старого города»[790]

Вечером 4 июля Ходжент был объявлен на военном положении. Утром 5 июля 700 жителей Костакоза двинулись в сторону Худжанда, но по дороге они были остановлены пулемётным огнём и вынуждены вернуться обратно. Заслуживает внимания и то, что А.В. Уэльс рассматривает выступление жителей кишлака Костакоз (современный Хистеварз) как часть восстания населения Ходжента. Итак, горожане, явившись в канцелярию полицейского пристава, требовали отмены составления списков рабочих, предполагаемых к отправке на работу в тыл армии. Несмотря на разъяснение и уговоры полицейских властей разойтись, толпа продолжала шуметь и требовать. Когда же полицейские стали оттеснять толпу, горожане оказали сопротивление, нанося им побои [791].

Хайдаров Г.Х., 1967.
Хайдаров Г.Х., 2001, с. 49.
Каримов Т. *Шуриши соли 1916 дар Точикистон.* Душанбе: Ирфон, 1966, с. 58.
Уэльс А.В., с.82.
ЦГВИА ГУГШ Оп. 2 Д.2390 л. 10.

Озлобленные, доведенные до отчаяния трудящиеся, вооружившиеся чем попало – палками, камнями, ножами, кетменями, серпами иногда ружьями - бросались на представителей царской администрации с криками «Не дадим людей». Выбежавшие к месту происшествия из вблизи расположенного караула пять нижних чинов Ходжентской караульной команды, находившиеся в наряде на случай беспорядка, были моментально окружены толпой. В это время со стороны толпы раздался выстрел, вследствие чего эти нижние чины и часть остальных той же команды, рассыпанные по валу крепости, открыли огонь по толпе, сделав 16 выстрелов, впоследствии оказалось 2 убитых и 1 раненый. Толпа немедленно рассеялась [792].

Когда ситуация намного успокоилась и сильное опасение новой волны протеста отошло, колониальная администрация предприняла карательные меры, об этом свидетельствует следующий факт: «Народные волнения, восстание повсюду были подавлены жесточайшим образом. Тысячи их участников подвергались арестам, избиениям, гонениям, ссылкам на каторжные работы. В Ходжент прибыл со своей свитой сам генерал-губернатор Туркестана А.Н. Куропаткин, чтобы на месте выяснить причины бунта доселе покорных, а ставших неразумными ходжентцев и определить для них меры наказания»[793].

Однако это не успокаивало чинов уезда, и в целях избегания новых стычек, начальник Ходжентского уезда попросил военного губернатора Самаркандской области Н.С. Лыкошина о предоставление по одному пулемету городам Ходжент и Ура-Тюбе и полусотню казаков [794].

Помимо этого, в профилактических целях по областям и уездам, то есть по горячим точкам направлялись высокие чины. В Ходжент с такой целью прибыл Военный губернатор Самаркандской области Н.С. Лыкошин, он был начальником уезда в 1910-1912 годы, хорошо знал уезд. Для встречи и разъяснительной работы с населением уезда 12 июля он встречался с жителями Костакоза. Для предупреждения народных выступлений в Костакозе несколько активистов протестов были арестованы заключены под стражу. Арест не успокоил жителей кишлака Костакоз, а вызвал волнение, перекинувшееся в соседние кишлаки Исписар и Катаган. В своей статье А.В. Уэльс пишет, что «21 июля огромная толпа до 5 тыс. жителей Костакоза направилась в Ходжент освобождать арестованного 19 числа муллу Магомет-Юсуф-Максума, который говорил на вокзале с Н.С. Лыкошиным). Однако уговорами толпу удалось вернуть обратно к входу в город» [72]. В этом сценарии снова встречаем тот фактор, который был указан выше и сыграл решающую роль, - это сдержанный (умеренный) традиционный характер народа (эту черту характера отмечают многие русские востоковеды).

Выступление действительно было крупным и могло иметь серьёзные последствия, и возможно, изменить ситуацию. К сожалению, этого не случилось, не

ЦГВИА ГУГШ Оп.2 Д.2390 л.10.

Хайдаров Г.Х., 2001, с. 49.

ЦГИА Респ. Узб. Самаркандское областное правление. Ф.2 Д.660 лл. 2-5. [72] Уэльс А.В., с. 83.

известны и причины. Выяснение хода событий в Костакозе наталкивается на огромные трудности, так как вожди движения, в большинстве случаях уже тогда бывшие стариками, все умерли.

Таким образом, следуя по хронологии и продолжая мысль о дате начала можно сказать, что события 4 июля, можно считать вторым днем народного волнения, происходившего в Ходженте. На мой взгляд оно не отличалось по характеру, от событий 3 июля, только было меньшего масштаба. События 4 июля были более масштабными, но также стихийными. Надо отметить, что, несмотря на споры историков, факт остается фактом, что началом восстания является именно дата 3 июля 1916 года.

Можно сказать, что почти одновременно с Ходжентом вспыхнуло восстание в Джизаке, в районах Самаркандской области, Фергане и в Семиречье. К концу июля 1916 г. восстание охватило всё Туркестанское генерал-губернаторство, для подавления которого использовались правительственные войска и артиллерия.

Несмотря на протест населения против указа Николая II и борьбы против него, колониальные власти силою оружия и при содействии «туземной администрации» исполнили царский указ: до начала 1917 г. из Средней Азии были направлены в европейские тылы действующей армии до 2000 тысяч рабочих. «Тыловики» в качестве чернорабочих трудились на оборонных предприятиях, заводах, прифронтовых строительных объектах, жили в сырых землянках. Сотни завербованных умерли от непомерного тяжёлого труда, жутких бытовых условий и жгучей тоски по родине и родным. Как известно, восстание в Ходжентском уезде, в самом городе и окрестных кишлаках, было жестоко подавлено. После подавления восстания набор был произведён. «Трудящиеся Ходжента были вынуждены выполнить требования царской власти»[795].

Таким образом, первая отправка эшелона из Ходжента на тыловые работы в пределы Российской империи состоялась 30 сентября 1916 г.[796]

Заключение

Итак, политический кризис, охвативший центр империи в начале XX века (1905-1907 гг., а также июль 1916 г.) разыгрался на фоне социально-экономической нестабильности, то есть когда центр империи был на грани гибели, это сильно чувствовалось и на окраинах. Соответственно, и в русском Туркестане, вследствие экономической отсталости и ослабевающей колониальной системы, в целом общество приходило в упадок.

Надо отметить, что целенаправленная социально-экономическая политика царской колониальной администрации: налоговая, религиозная, переселенческая, национальная, хозяйственная, которая велась под лозунгом «разделяй и властвуй»,

---

Уэльс А.В., с. 84.

«Секретно» от 25 сентября 1916 г. ЦГА РТ Ф.1 Оп.6 Д.101 л.12.

стала главным дестабилизирующим фактором общества и привела к социальному конфликту.

Таким образом, с завоеванием Средней Азии, главным образом Ходжента, и в будущем Ходжентского уезда, сформировались несколько моментов: социальная дестабилизация (этническая несовместимость, социальные конфликты: 1872-1873, 1875, 1893-1894, 1905-1907, 1916 годов, переселенческая политика, прогрессивные и регрессивные факторы.

заключении хотел отметить следующие моменты: во-первых, независимо от различных оценок, это событие сыграло важную роль в политическом пробуждении таджикского народа; во-вторых, это событие по содержанию началось как недовольство, а затем, расширяясь по масштабу, приобрело широкий социальный характер; в-третьих, до сих пор существует большое количество неисследованных моментов: роль личностей, роль политических движений – джадидизма, пантюркизма, панисламизма и социальных конфликтов.

Список источников и литературы

Арандаренко Г.А. *Досуги в Туркестане 1874-1889 гг*. СПб, 1889.

Восстание 1916 г. в Средней Азии. Ташкент, 1932.

Искандаров Б.И. «Восстание 1916 г. в Ходженте и его влияние на другие районы Средней Азии». *Известия ООН АН Тадж. ССР.* Душанбе, 1967, сс. 46-52.

История таджикского народа. Ред. Р.М.Масов. Т. IV. Душанбе: Дониш, 2010.

Каримов Т. *Шуриши соли 1916 дар Точикистон.* Душанбе: Ирфон, 1966.

Ковалев П.А. *Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны (1916 – май 1917 г.)*. Ташкент, 1957.

Конрад Н.И. *Запад и Восток*. 2-е издание. Москва, 1972.

Ленин В.И. *Полное собрание сочинений,* т.26.

Логофет, Д.И. *Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние*. СПб, 1908.

Мамадалиев И.А. *Россия и Средняя Азия: особенности колониально-административной системы управления во второй половине XIX – начало XX века*. Худжанд: Ношир, 2013.

Мирбабаев А., Махмудов О. *Худжанд – по пути нового исторического прогресса*. Худжанд: Нури маърифат, 2009.

Остроумов Н.П. «Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае». *Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия.* Часть I. 1906 (Февраль, № 2, 10, отд. 3), 1907 (№ 1, отд. 3).

Отчет по ревизии Туркестанского края, проведенный по Величайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. СПб. 1910.

Раджабов З. *Шуриши соли 1916 дар музофоти Хучанд*. Душанбе, 1955.

Рыскулов Т. «Из истории борьбы за освобождение Востока». *Новый Восток*, №6, 1924, сс. 270-274.

Стеценко И.А. *Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX начале XX вв.* (1870 – 1917 гг.). Душанбе, 1963.

Турсунов Х.Т. *Восстание 1916 годы в Средней Азии и Казахстане*.Ташкент: Госиздат Уз. ССР, 1962.

Терентьев М. «Туркестан и туркестанцы». *Вестник Европы*, №11, 1875, с. 166.

Т*уркестанский сборник*, т.43, 1878, с.234.

Т*уркестанский сборник*, т.497, 1940, сс.20-21.

Т*уркестанский сборник*, т.518, 1949, сс.124-125.

У*фимские губернские ведомости*. №44, 29 октябрь, 1866.

Уэльс А.В. «К вопросу о восстании 1916 г. в Ходженте». *Революционный Восток,* №4, Москва, 1936, сс.78-84.

Хайдаров Г.Х. «О предпосылках восстания 1916 г. в северных районах Таджикистана». *Известия ООН АН Тадж. ССР*. Душанбе, 1967.

Хайдаров Г.Х. *История таджикского народа: XX век.* Худжанд, 2001.

Холджураев Х. *Политическая история таджикского народа с древнейших времён до второй половине X1X века.* (*Курс лекций).* Книга 1. Худжанд, 2011.

Суюнбаев М., Курманов З., Узбеков Д., Суюнбаев И. «Агенты с правом на убийство». Часть 2. «Никогда не говори «никогда»». kghistory.akipress.org/unews/ un_post:7088. Просмотрено 25.09.2018.

Buttino M. «Study of the economic crisis and depopulation in Turkestan, 1917-1920». *Central Asian Survey*, vol.9(4), 1990, pp.59 -74.

Etherton P.T. *In the heart of Asia.* London, 1925.

Uyama T. «A Particularist Empire: The Russian Policies of Christianization and Military Conscription in Central Asia, in Uyama». *Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia,* ed. by T. Uyama. Sapporo, 2007, pp. 47-48.

Архивные материалы

Алимкул джанг-намаси ва гариб нама. Рукопись ИВ АН РУз, №9455, л.317а-319а, л. 316-756.

Мирза Олим ибн Мирза Рахим Тошканди. *Аснаб ас-салатин ва таварих алхавакин*, №1314, л.124а-б, 125а. л. 1726-1776.

Секретное сношение Департамента полиции от 27 апреля 1914 г. № 170354. ЦГА НКВД Тадж.ССР. Ф.5 Оп.1 Д.11 лл.10, 142,156, 256, 296-297.

Сборник материалов по истории восстания 1916 г. в Таджикистане. ЦГА НКВД л.10, 11, l17.

ЦГА Респ. Узб. Ф.717 Оп.1 Д.48 лл.106-108.

ЦГА Респ. Тадж. Ф.12 Оп.1 Д.25 л.л1-1 об, лл.9-9 об, лл. 11-11 об.

ЦГА Респ. Тадж. «Секретно» от 25 сентября 1916 г. Ф.1 Оп.6 Д.101 лл.12,18.

ЦГА НКВД Тадж.ССР. Ф. 2/с Оп.1 Д.9 лл.159-160.

Дело № 2246. ЦГА, Фонд Ходжентского уездного управления, л.42.

ЦГИА Респ. Узб. Самаркандское областное правление. Ф.2 Д.660 лл. 2-5.

ЦГВИА. ГУГШ. Оп.2 Д.2390 л.10.

Интервью

Интервью с Ш.А. Ахмедовым (1930 г.р.) от 3 мая 2018 года.

Интервью с М. Исхоки (1934 г.р.) от 28 мая 2018 года.

ТРАВМА 1916 ГОДА

«В наших жилах течет печальная кровь»: три Үркүн в памяти кыргызов

Гульзада Абдалиева

Аннотация

данной статье рассматривается вопрос о травматической памяти трех Үркүн – трагических исходов кыргызов, проживающих на территории современного Китая. Статья написана на основе полевых исследований, проведенных автором на территории Китая, где компактно проживают кыргызы, поселившиеся в результате вынужденной миграции. Основной задачей статьи является анализ того, как формировалась память о вынужденной миграции в сознании кыргызов, проживающих в Китае.

Ключевые слова: *1916 год, восстание, КНР, Үркүн, память, беженцы, насилие*

Введение

Летом 2015 года я в составе экспедиции побывала в Кызыл-Суйской кыргызской автономной области (КСКАО), а также в Иле-Казахской автономной области (ИКАО, КНР). В ходе экспедиции были собраны полевые материалы, взяты интервью у жителей кыргызского автономных национальных сел Шаты, Көк-Терек и Ак-Чийского оодана (КСКАО), а также у жителей городов Кульжа и Нылкы (ИКАО) о восстании 1916 года и об исходе кыргызов (Үркүн) в Китай. Во время полевого исследования у меня возникло множество вопросов, так как респонденты из этих местностей говорили о трех Үркүн, в то время, как я имела представление только об одном, - событиях 1916 года.

Поколенческая память кыргызов-беженцев об Үркүн делится на *Улуу качкын* - Үркүн или Великий исход 1916 года, *Орто качкын* – Средний Үркүн, годы гражданской войны 1918-1920 гг. и *Кичүү качкын* - Малый Үркүн, годы коллективизации (1928-1933). Данное деление вынужденных миграций на три этапа в памяти китайских кыргызов сохранилось до сих пор, и нарративы показывают тесную связь между тремя Үркүн. В них отражена память целого поколения: связь с колонизацией имперской политики, первая мировая война, установление советского государства, раскулачивание, ожесточенное противостояние религии, репрессии, насилие, трагедия и память о вынужденной миграции. Все это тесно связано со страной пребывания мигрантов, а именно, с Китаем.

В данной статье я не стремлюсь дать детальный анализ политической ситуации, касающейся истории и всей ее сложности, но попытаюсь на основе нарративов реконструировать память о вынужденной миграции кыргызов-беженцев в Китай. Поэтому для меня были важными следующие вопросы: почему три Үркүн? Как работает травматическая память об Үркүн? Как временная дистанция влияет на процесс формирования памяти о восстании? Какие последствия вызвали исход народа из родной земли и приход в чужую страну?

Три Үркүн: между памятью и историей. Улуу Үркүн - Великий Үркүн

1916 год в памяти кыргызского народа не забудется даже по прошествии веков. Это было крайне трагическое событие. После подавления восстания началось массовое бегство в Китай через снежные, ледяные перевалы Бедель (расположен на высоте 4284 м над уровнем моря, Иссык-Кульская обл.), Барскоон (расположен на высоте 3754 метров над уровнем моря, Иссык-Кульская обл.), Сөөк (расположен на высоте 4021 метров над уровнем моря, Иссык-Кульская обл), Джууку (расположен на высоте 3633 метров над уровнем моря, ИссыкКульская обл.), Торугарт (на высоте 3752 метров над уровнем моря, Нарынская область и простирается от Нарына до Кашгара), Келтебек (перевал находится в Ат-Башинском районе (Башкелтебек), перевал соединяет Кара-Коюн и АкСайскую долины). Тысячи людей погибли, сотни тысяч лишились крова и были вынуждены разбрестись по чужим краям, многие были истреблены в дороге[797]. Кыргызы назвали эту трагедию Үркүн - исход. В чужой стране беженцы оказались в очень тяжелом положении. Тысячи кыргызов без средств существованию оставались под открытым небом. Голод, эпидемии, смертность стали массовыми. Люди не могли обосноваться в одном месте, они ходили по сёлам и искали прибежище. Беженцев в Китае, тех, кто уцелел и выжил после перенесенных нечеловеческих страданий, обрадовали вести из далекой России. На исходе зимы к ним долетели сообщения, что 2 марта 1917 года царь (*ак пашаа*) Николай отрекся от трона и империей управляет Временное правительство (1917 года 27 февраля), которое много сделало для доведения до российской общественности глубины и масштабов кыргызской трагедии. Начались разговоры о возвращении назад, как только сойдут снега и откроются перевалы. И беженцы стали возвращаться, а часть кыргызов по разным причинам осталась навсегда в чужой стране.

Кыргызы с древнейших времен проживали в Китае и многие из них не по своей воле оказались оторванными от родной земли. Они помнят, что их настоящая родина там, за разъединительной линией в виде государственной границы. Живых свидетелей тех очень давних дней ныне почти не осталось, при этом память кыргызов, проживающих в Китае, сконцентрирована на Үркүн и сохраняет очень много воспоминаний о нем. Исход в памяти кыргызского народа, проживающего на территории Кыргызстана, сохранился, как один Үркүн, а у кыргызов Китая как три Үркүн. Возникает вопрос, почему? Почему три Үркүн?

Я искала ответы на эти вопросы в беседах с китайскими кыргызами. Асанакун Мукан уулу из села Шаты, которому 80 лет, работал преподавателем Синьцзянского педагогического университета до 1962 года (или в Китае говорят: события 29 июня 1962 года). После этого политического события он переехал в *оодан* (район) и работал в школе учителем до выхода на пенсию. Асанакун Мукан уулу происходит из рода кёлдюк (көлдүк) (китайские кыргызы так называют тех, кто прибыли в Китай из Иссык-Куля): **«Наши предки родом из ИссыкКуля.** На этой земле (село Шаты, Иле-

Некоторые стороны жизни Семиречья и выдвинутая временем задача. ЦГА КР Ф.160-4 Оп.1 Д.91 л. 24.

Казахский автономной область, КНР), до Великого Үркүн обитали кыргызы. Местные жители Иле, когда заходит разговор о том, с каких пор они живут здесь, в один голос утверждают, что их предки давно освоили эту землю. Они выходили на джайлоо со своим скотом до берегов Иссык-Куля на западе и до Кенөса и Жылдыза – на востоке. Осенью и зимой спускались до нынешнего места жительства и Иссык-Куля. Кыргызы Илийской долины утверждают, что правая сторона реки Текес всегда заселялась кыргызами, где они держали свой скот, а левая сторона – заселялась казахами.

Великий Үркүн произошел во времена Российской империи, когда русский царь приказал отдать детей кыргызов на войну (на тыловые работы). Кыргызы не хотели отдавать своих детей на войну и тогда начался «Бунт», который кыргызы называли «мунт». В то время среди населения бродила такая молва: «Если пойти, млад умрет, если не идти, то стар умрет» *(«Барса бала өлөт, барбаса чал өлөт»).* А остальные Үркүн произошли в годы совета, они пришли сюда от гонений советов». Асанакун Мукан уулу объяснил, что они называют эти события Средний и Малый Үркүн. Старшие рассказывали, что пережили они в этой жизни много трудностей. И говорили: «В наших жилах течет печальная кровь» *(«Биздин каныбыз кайгыга жык толгон»),* «Суп кыргызского народа через 40 лет язык обожжёт», *(«Кыргыздын шорпосу 40 жылдан кийин ооз күйгүзөт»)* и добавил, что «тогда не придал этим словам никакого значения» [798].

Предки данного респондента, пережившие трагедию и испытавшие душевную травму, старались передать свою скорбь и боль в фольклорной форме. Устная история китайских кыргызов хорошо развита и передается молодому поколению из уст в уста. Роль фольклора в том, что он ловит и запечатлевает пульс и нерв времени. В переломные моменты истории кыргызский фольклор концентрированно передает события и отношение людей к ним.

У кыргызов об психологической и эмоциональной травме Үркүн создано и сохранено множество фольклорных произведений разного рода, легенды, песни, поговорки, *санжыра* (генеалогия) и т. д. Например, существует такая поговорка: *«Беделдин белин ашканда, белдемчи калды шашканда»*[799]. Она переводится примерно так: «Когда мы перешли перевал Бедель, не успели взять с собой традиционную юбку». Эта поговорка передает панику и поспешность, в которой уходили кыргызы в Китай через перевал Бедель. Только в панике кыргызская женщина могла оставить свою главную одежду – *белдемчи*. Этот перевал расположен на границе Кыргызской Республики и Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая, на высоте 4284 метров над уровнем моря. Путь был длинным и незнакомым беженцам. Приходилось переходить совершенно незнакомые, высокие и труднопроходимые ледниковые перевалы. На перевале Бедель было нечем дышать: из-за высоты там на каждом шагу

Интервью с Асанакун Мукан (*Полевые материалы.* КНР. Синьцзян, 2015).

Нурмамбет Осмон уулу, Кызыл-Суу автоном району, Ак-Чий ооданы. «Беделдин белин ашканда, белдемчи калды шашканда». //http://www.azattyk.org/.

были безвоздушные ямы. Многие из этих перевалов и опасных путей пришлось пройти ночью[800].

Остановка на несколько часов грозила гибелью - сзади по следам беженцев следовали царские войска. Поэтому переход на китайскую территорию обошелся чрезвычайно дорогой ценой, путь был устлан телами умерших. Огромное количество скота и много людей осталось на дорогах - на этих ледниковых перевалах, в голодных степях и глухих ущельях[801].

Во время полевых экспедиций в Ак-Чийском районе КНР я услышала такую поговорку: *«Качкын менен аргын кыйын»*[802], что означает: «Беженец и помесь яка все могут и на всё способны». Здесь имеется в виду, что беженцы отличаются умом, сообразительностью и обладают всесторонними способностями. По всей видимости, их жизненный опыт, перенесенные лишения и страдания, потеря близких – все это влияло на способность к быстрой адаптации к новым обстоятельствам как условию сохранения жизни себе и своему потомству.

Они бежали в Китай, бросив накопленные материальные ценности, чтобы только сохранить свою жизнь в чужой стране в статусе «беженец». На чужбине тысячи кыргызов без средств к существованию остались без крыши над головой, под открытым небом. Выжив, дойдя до чужой страны, беженцы должны были начать новую жизнь, и это был долгий и мучительный процесс, тем более, что вместе с родиной они потеряли близких и все ценное, что имели.

В кыргызском обществе традиционно поддерживалась память о семейных корнях и истории своего рода-племени. Очень часто эту функцию запоминания и передачи информации выполнял фольклор. Сообщества беженцев запечатлевали страницы своего бегства и мытарств через устные истории, как это делали их предки. Фольклор кыргызов-беженцев можно назвать свидетельствами памяти. Рассказывая о себе или описывая то или иное событие, человек оказывается в состоянии пересмотра собственной картины прошлого. У кыргызов Үркүн стали теми значимыми событиями, которые породили богатый фольклор. Главным преимуществом фольклоризации памяти является сохранение сведений о трагической жизни беженцев, которую они не склонны переносить в письменные источники. Конечно, уже нет свидетелей тех событий и поэтому фольклоризация и мифологизация событий являются в этом случае естественным процессом.

Род кёлдук (көлдүк) как замещение утраченного места жизни

Чтобы помнить о тех страданиях, которые были пережиты предками, кыргызы стараются передать память о них молодому поколению. Одним из наиболее распространенных способов передачи исторических сведений у кыргызов являетя *санжыра* – генеологии родов, родословные. Поколения, пережившие Үркүн, в Китае

Полевая экспедиция.

Полевая экспедиция.

Полевая экспедиция.

написали очень много книг по генеологии Иле, Аксуу (эти книги написаны на кыргызском языке и напечатаны в кыргызских печатных изданиях в Китае[803]) и т.д. Именно в этих районах проживают кыргызы, переселившиеся из-за вынужденной миграции. В этих источниках содержатся общие сведения родственных связей мигрантов, названия местностей и перевалов, положения приграничных районов и т.д. На основе этих данных можно видеть поколенческую память свидетелей Үркүн. У кыргызов каждый мальчик, достигший семилетнего возраста, обязан был знать имена семи предков. И кыргызы испокон веков задают подрастающему поколению такие вопросы: Кто ты? Кем были твой отец, дед? Из какого ты рода, племени? Только *санжыра*, основанные на родословных генеологиях могли ответить на такие вопросы, поэтому *санжыра* называют «древом жизни», в них также вплетена коллективная память об основных событиях истории кыргызского народа.

Если рассмотреть содержание родословных нарративов, то создается первое впечатление – это историческое прошлое. Вот наиболее характерные отрывки из подобных нарративов: «Я из рода кёлдук». У кыргызов, проживающих в данное время долинах Или, существует род «кёлдук». Все нарративы, записанные в Или, начинаются со слов «Я из рода кёлдук». Что интересно, у кыргызов, проживающих на территории Кыргызстана, не было и не существует рода «кёлдук». Мне было очень интересно слышать название нового рода, и я спросила, из какого (внутри рода кёлдук) они малого рода, многие ответили *бугу*, другие *саяк* и стали называть другие названия родов, которые существуют у кыргызов. Беженцы-кыргызы придумали новое название рода неспроста - оно было связано с исторической родиной. В таких нарративах, где встречается слово «кёлдук», в памяти тут же возникает Иссык-Куль (*Ысык-Көл* – «*горячее озеро*»). «Кёлдук» - родина прадедов и прабабушек респондентов. Во время Великого Үркүн особенно массовое бегство было из Пржевальского уезда, т.е. с обеих берегов Иссык-Куля (бежали почти все волости), и народной памяти оно отражено очень глубоко. Подрастающее поколение беженцев с гордостью отвечает, что они из рода «кёлдук», это означает, что они вынуждены были мигрировать из Иссык-Кульской долины. Таким образом, кыргызы-беженцы или старшее поколение хранит сведения о родовой принадлежности по месту происхождения. Именно они, обладая большим жизненным опытом, хранят в своей памяти события далекой истории с осторожностью повествуя об Үркүн. Представители среднего и молодого поколений рассказывают детальные истории. На основе этого факта можно предположить, что память, связанная непосредственно с Великим Үркүн, передается от поколения к поколению через травматический опыт. На основе этого факта так же можно “измерить” глубину памяти о первом исходе. Она охватывает, по крайней мере, более ста лет и три поколения.

Травма становится источником идентичности и знакомое название «кёлдук» рождает у кыргызов-беженцев чувство сопричастности. Общность страданий этих беженцев становится социальной и эмоциональной основой, на которой и возникает «сообщество утраты». Сообщество «кёлдук» показывает, как место травмы и исхода

Иле қыргыздары. 1-кн. Урумчи, 2004; Нурдин Жунус. *Аксуу кыргыз санжырасы.* Артуш, 2010, с.27.

превращается в форму социальной организации – род. Травма, иными словами, оказывается не только болью и ужасом, но и событием, вокруг которого создается сообщество. Утрата места (Иссык-Куль) компенсируется формированием рода, который связан с местом своим названием, но уже от места не зависит. Род кёлдук становится замещением утраченного места жизнедеятельности. После утраты первоначального места обитания, в памяти сообщества возникает состояние напряженного ожидания когда-нибудь увидеть утраченное место.

Травматическая память о продаже детей в Улуу Үркүн

Еще одной очень важной болезненной частью памяти кыргызов-беженцев являются чудовищные муки родителей, которые из-за нищеты вынуждены были продавать своих детей уйгурам, калмыкам и ханцам. Разные голоса кыргызов-беженцев, проживающих в Китае, нарративы такого рода проявляются в одних случаях поверхностно, в других - концентрированно и углубленно. Травма заключалась не только в уходе со своего привычного места и трансформации этого места в родовые отношения (кёлдук).

Джунус Джумадыл, свидетель Великого Үркүн, живет в городе Кульжа. С 1959 года он стал собирать устные истории среди кыргызов-беженцев, которые были проданы во время первого исхода. Приведем одну из его историй: «… Во время исхода кыргызы продавали своих детей уйгурам и дунганам, потому что считали, что они мусульмане. Иногда, не различая их, продавали и ханьцам, и калмыкам. Насильно отдавали красивых девушек замуж, они почти оказались в роли рабов. Существовал специальный рынок, где продавали в основном людей. Были случаи, когда девушек покупали, а потом перепродавали в рабство в большие города. Не выдержав такого насилия, они, наложив руки на себя, умирали». Такие рынки существовали и в Маралташы, эта местность находится в Кок-Тереке ИКАО, где кыргызы-беженцы продавали своих детей. Джунус Джумадыл рассказал одну трагическую историю двух маленьких сестренок, которые были проданы дунганам. По рассказам этих проданных девушек: «Мне было тогда 12 лет, а сестренке 5-6 лет.

Маралташи нас продали чужим людям. Родители меня называли Сара, а новая семья дала новое имя и стали называть меня Майуло, с тех пор они называет меня так, а сестренку звали Гулбара, сейчас называют её Гулий. Когда нас отдали чужим людям, мы долго плакали, а потом мы молились богу, что остались живыми, потом стали ездить каждые 2-3 года в Маралташы, чтобы вспомнить своих предков. И всегда мы говорим, что мы из Маралташы, таких как мы в Иле много и называем себя «Мы из Маралташы»»[804]. Аналогичные случаи изменения имен проданных детей встречаются и в историях о детях, которые были проданы калмыкам. Калмыки тоже давали новое имя детям кыргызов-беженцев. Мальчиков называли Бадынжаб, Ошуржаб, Молон, Байырта, а девочек Сууа, Сосон и.т.д. Если у представителей рода кёлдук утраченное место связано с исторической родиной, с Иссык-Кулем, то для

Интервью с Жунусом Жумадылом, г. Кульжа.

проданных детей родиной стали Маралташы. Они помнят это место как утрату своей семьи, разлуку с родителями. В Китае сохранились потомки кыгызов среди уйгур, когда уйгуры говорят, что прабабушка была кыргызкой, то кыргызы утверждают, это связано с Великим исходом.

Самыми травматичными для кыргызов-беженцев, проживающих в Китае, являются воспоминания о продаже дочерей чужим этническим группам. Кыргызы-беженцы хотели сохранить других членов семьи и поэтому вынуждены были продавать девочек за чашку муки и т.д. Раньше кыргызы-аксакалы собирали информацию об общих корнях и происхождении многих кыргызок, проданных уйгурам и калмыкам. В данное время уже невозможно отследить, где именно раньше проживали кыргызки, проданные другим этническим группам.

Кыргызы-беженцы отсеивают в своей памяти продажу своих сыновей. В памяти народа нарративы о продаже сыновей встречаются редко. А нарративы о продаже дочерей встречаются часто. На такой отчаянный шаг кыргызы-беженцы были вынуждены идти по двум причинам. Во-первых, отстав от своих, уставшие и голодные люди просили местных жителей временно приютить своих детей, чтобы они не погибли в пути. Они надеялись, что обязательно вернутся назад и заберут своих детей. Во-вторых, продав своих детей-подростков, беженцы надеялись, что таким образам они смогут спасти жизнь детей, не дав им умереть от голода. Также это давало слабую надежду беженцам прокормить хоть какое-то время своих младенцев и других обессиленных детей на вырученные деньги. Это был последний шанс выжить семьям, погибающим от голода и мытарств. Другого выхода не было. Это была некая философия Великого Үркүн, наполненная глубоким трагизмом. Спасая своих сыновей и дочерей от голодной смерти, кыргызы оставляли их местным жителям. Этот акт сопровождался горькой надеждой на то, что дети останутся в живых. Есть сведения о кыргызах, которым удалось выжить в этой страшной трагедии. Они сейчас проживают в Китае.

В долинах Или встречаются нарративы о насилии и изнасиловании женщин со стороны калмыков. Когда кыргызы-беженцы переходили границу, калмыки осматривали красивых девушек и насильно женились на них. «…Меня зовут Чолпонай, меня также называют Чолпонхан. В августе 1916 года жители Чуйской долины стали покидать родные места. Пронеслась молва о том, что едут «русские истреблять кыргызов». Мне было 14 лет. Мою сестру звали Тулунай. В семье не было мальчиков. Поэтому сестра одевалось по-мужски и все ее манеры были как у мальчика. Так закончилась наша мирная жизнь. Мы бежали. Когда я спросила у отца: «Куда мы пойдем?». Отец коротко ответил: «В Китай».

К рассвету приехали русские-казаки и начали стрелять. Люди погибали от пуль.это утро погибли мои родители. Мы сестрой оставили скот и побежали. С трудом дошли до границы. Здесь за нами погнались 6-7 калмыков. Я побежала дальше, а сестра пошла на встречу калмыкам. Позже до меня дошли сведения о том, что сестра ударила камчой одного калмыка и попала ему в глаз. Догнав сестру, остальные

калмыки забили её до смерти. Мне удалось сбежать. Меня приютила семья уйгуров, и я выросла в той семье» [805].

Здесь рассказана трагическая судьба только одной девушки. В местности Иле в памяти кыргызов-беженцев до сих пор сохранились те страшные муки и насилие, которые они испытали со стороны калмыков. До сих пор бытует молва среди кыргызов-беженцев о наказании обидчиков Богом. В них говорится о том, что после эпидемий вымерло целое село, где проживали калмыки. Из опрошенных никто не смог ответить на вопрос, является ли эта история выдуманной или основанной на реальных событиях.

Великий Үркүн как утрата кыргызской идентичности

Другая важнейшая составляющая воспоминаний кыргызов-беженцев, проживающих в Китае, – память о принятии другого склада жизни, нравов и традиций, т.е. потеря своей культуры, но сохранение памяти о ней и идентификация себя кыргызами.

Например, в городе Нылкы проживают кыргызы, говорящие на казахском языке, они не помнят родной язык. Респондент из города Нылкы Муканбет Абдыкерим уулу[806] говорит: «В городе Нылкы (ИКАО) проживает примерно 1000 человек, до Великого Үркүн в этой местности не обитали кыргызы. Мы сюда переселились во времена Великого исхода. Мы потомки Великого Үркүн говорим на казахском языке

забыли свой родной язык. Дети обучаются на казахском или на языке ханзу (китайском), и говорят на казахском языке, поэтому мы потеряли свой язык. Мы породнились с казахами, очень много смешанных браков. Соблюдаем казахские традиции и имеем некоторые отличия. Но мы не теряем надежды, думаем открыть в школе специальные кыргызские классы, к сожалению, у нас нет учителей. Если найдем учителей, нет учебников на кыргызском языке. Из-за таких проблем мы теряем свой родной язык, не можем говорить и писать на кыргызском, но мы думаем

перспективе открыть классы для изучения родного языка»[11]. Другой нарратив записан от Бекзаткана Арая, в отличие от первого респондента женщина не хотела давать интервью, потому что не может говорить на кыргызском языке. Она сказала: «Отец бабушки Токторбай вместе с семьёй бежал в Китай во время Малого Үркүн. Токторбая должны были отправить в Сибирь, избегая преследований, они попадают в Китай. Мы стали жить в казахской среде и стали забывать свой родной язык. У нас есть родственники в автономном кыргызском национальном селе Кок-Терек. Всегда чувствую себя там плохо, потому что в этом селе кыргызы хорошо говорят на родном языке»[807].

Интервью с Жунусом Жумадылом.

Интервью с Муканбетом Абдыкерим уулу, г. Нылкы. [11]
Интервью с Муканбетом Абдыкерим уулу, г. Нылкы.

Полевые материалы. КНР. Синьцзян, 2015.

Если первый респондент понимает, что он теряет свои родные корни, но надеется, что когда-нибудь его дети и внуки будут изучать родной язык, то второй респондент считает, что она полностью оторвана от предков. Они полностью придерживаются традиций казахского народа. Знакомство с другими кыргызами порождает новые переживания и травмы. Имеются в виду трудности, связанные с разницей в культуре, языке, обычаях, с которыми неизбежно сталкиваешься внутри самого сообщества. Но они не хотят терять свои корни и всячески стараются их как-то сохранить.

Кыргызы-беженцы, несмотря на то, проживают ли они компактно с кыргызами или другими этническими группами, знают ли они родной язык или вовсе его потеряли, все без исключения, исторической родиной называют Кыргызстан. Если даже они ни разу не побывали на исторической родине, в памяти кыргызов-беженцев сохранено множество нарративов о ней. Они могут рассказать эмоционально и детально о том, из какого рода происходят, из какой местности современного Кыргызстана. Подводя итог о памяти кыргызов-беженцев о Великом Үркүн, можно выделить в ней структуру из трех основных компонентов:

Исход, потеря места – возникновение рода кёлдук как формы замещения утраченной родины.

Физическая угроза роду – смерть стариков и продажа детей.

Расширение рода - за счет ассимиляции.

При этом тема Үркүн сливается с темой утраты своей кыргызской идентичности процессе миграции. Исход оказывается постепенно уходом и утратой – не только места, но и рода, и родного языка. Великий Үркүн связан с темой утраты места и его компенсацией при помощи символического родства (кёлдук). Это вообще характерно для эмиграции – установка на то, что мы потеряли родину, но мы сохранили ее в себе.

Орто Үркүн - Средний Үркүн

Если Великий Үркүн был связан с Российской империей, то вторая вынужденная миграция произошла в советское время. У кыргызов-беженцев важнейшие события сменяют в памяти одно другое : Первая мировая война, восстание 1916 года, установление советской власти и наконец, гражданская война. Если первый исход связан с темой утраты родины и её компенсацией при помощи символического родства кыргызов, то в Среднем Үркүн упоминается в основном о вынужденной миграции белогвардейцев, кулаков и крупных бай-манапов[808]. Эта

[808] Из представителей местных бай-манапов активно поддержали повстанцев Джалыл Абдрахманов и Казы Чокин и др манапы. В Нарынском уезде исключительное влияние имел Дж. Абдрахманов бывший переводчик судьи Российский империи, а с установлением советской власти стал председателем уездного исполкома (с 1918 года до начала 1920 года) и он возводил себя к легендарному герою кыргызского эпоса «Манас» и как легендарный Манас окружил себя вооруженной свитой из 40 человек джигитов (*кырк чоро*), с которыми и разъезжал по Нарынскому уезду. Кроме Дж. Абдрахманова, здесь необходимо описать действия некоторых манапов, ставших активными участниками этого мятежа. Из них наиболее видными фигурами являлись Казы Чокин. Казы Чокин происходил из наиболее влиятельной и авторитарной родовитой манапской семьи тогдашнего Нарынского уезда, с 16-17-ти лет был уже

миграционная волна в памяти кыргызов Ак-Чийского оодана в Китае называется «Бунт Мондурова» или «Восстание Мондурова» («*Мөндүрүптүн мунту»* или «*Мөндүрүп көтөрүлүшү»*)[809].

Одним из руководителей восстания был К. Бондарев[810]. В отличие от Великого Үркүн о Среднем Үркүн среди китайских кыргызов встречается только один нарратив, и этот нарратив строится вокруг темы жестокости и насилия советской власти. Респондент рассказывает: «Какшаал заселялся людьми, которые бежали из совета. Это было связано с мунтом Мондурова. Мы их называем «пришедшие после этого мунта», но красные солдаты пришли следом за этими людьми. Истребили их на нашей земле (на территории Китая). Раньше старики показывали место массовых истреблений, но, к сожалению, я не могу точно вспомнить. Но могу приблизительно указать, когда проходили мимо этой земли, читали Коран и чтили память»[811]. Исследуя это событие в нарративах, мы можем понять те события, которые произошли во время этого вынужденного миграционного движения[812] (1920 года, ноябрь) . Возникает вопрос: кто такой Мондуров (К. Бондарев)? Почему до сих пор сохранены в памяти кыргызов нарративы этого насилия? Этот нарратив рассказывает об историческом событии, которое произошло в городе Нарын, о белогвардейско-кулацком восстании против советской власти. В конце 1920 г. в северной части Кыргызстана была предпринята последняя попытка свергнуть советскую власть. В ночь с 5 на 6 ноября белогвардейцы и кулаки-переселенцы подняли в Нарыне кулацкий мятеж. Переселенцы кулаки и торговцы после Октябрьской революции работали в качестве волостных и сельских писарей и стражников. Вдохновителем и руководителем Нарынского восстания являлся командир 1-го батальона 5-го пограничного полка бывший офицер Российской империи Д. Кирьянов (сын пристава Зачуйского района)[18]. Активными его помощниками были К. Бондарев и пять братьев Нестеровых. До Октябрьской революции К. Бондарев был кулаком-торговцем, работал в некоторых волостях в качестве писаря, состоял в должности полицейского. Как торговец К. Бондарев имел влияние не только среди населения в тех волостях, где он работал в качестве писаря, но и в целом районе. В торговом мире уездного

волостным управителем в бывшей Есенгуловский волости, Джанузаков Садык, манап, участник Нарынского восстания и Сармубаев Асанаалы - манап, в течение 9 лет был волостным управителем, участник и организатор Нарынского восстания.

Интервью. Полевые материалы. КНР, 2015.

Янгулатов М.А. «Воспоминание о нарынском мятеже». Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Ф.5035, л.30.

Интервью. Полевые материалы. КНР, 2015.

Население Нарына состояло главным образом из торговцев узбеков, уйгур, русских, а также кулачества. Нарынский белогвардейско-кулацкий мятеж, начавшийся 5 ноября 1920, в Ат-Башы. Организатором восстания был бывший офицер царской армии Д. Кирьянов, активными соратниками были бывшие офицеры Демченко, Шевченко, Барыкин и часть ком. состава 5-го пограничного полка и кулаки Нарына: 5 братьев Нестеровых, К. Бондарев, Клименко и Фистков и др. Они вышли под лозунгом: «Долой коммунистов» «Власть народу!» и «Свободной торговли!» Д. Кирьянов командовал пограничным полком и под предлогом празднования 3-й годовщины Великого Октября, сняв всех красноармейцев с постов на границе с Китаем, отправил полк в Нарын. ЦГА КР Ф.1283 Оп.1 Д.7а л.17. [18] ЦГА КР Ф. 1283 Оп.1 Д.98 л.12.

масштаба, он вел борьбу за первенство с известным купцом 2-й гильдии Шукурбеком Курбанбаевым[813]. После Октябрьской революции К. Бондарев не занимал видного руководящего поста в Нарынском уезде, однако, работая в опийной организации, он имел большое влияние.

Теперь остановимся на Нестеровых, их было пять братьев. С 1918 до начала 1920 года один из них работал в качестве военного комиссара, другой - начальником милиции, третий - следователем, четвертый- судьей. Они также, как К. Бондарев, жили в городе Нарыне, занимая различные посты при царском правительстве. В действиях они были похожи К. Бондарева, поскольку все занимали ответственные посты и имели большой авторитет в Нарынском уезде. Кыргызы, подразумевая, что вся власть в городе Нарыне находится исключительно в их руках (Нестеровых), дали им кличку «*Беш-Балка*» (пять молотов)[814]. 5 ноября 1920 года красноармейцы 1-го батальона 5-го пограничного полка, несшие службу на границе кыргызской советской территории с Синьцзяном, во главе со своим командиром Д. Кирьяновым, покинули посты и, оставив границы совершенно открытыми, под предлогом празднования 3-й годовщины Октябрьской революции, направились в свои казармы, находившиеся в небольшом городе Нарын[815] . Здесь, в Нарыне, повстанцы арестовали комиссаров батальона, разоружили местный военный гарнизон, выпустили на свободу и вооружили всех содержащихся в местной тюрьме арестованных, произвели аресты среди партийных и советских работников города. После взятия города Нарын в свои руки повстанцы организовали земскую управу, назначив начальником управы К. Бондарева. Сформировали оперативный штаб и упразднили все советские учреждения, отменили все декреты советского правительства, объявили свободу торговле, гарантировав неприкосновенность собственности торговцев, открыли границы для торговцев[816].

Большевики приняли все меры по подавлению мятежа и поэтому из Пржевальска, Токмака были срочно мобилизованы коммунисты и комсомольцы. Из Пишпека на подавление восстания был отправлен 2-й Туркменский полк. Первый крупный бой с повстанцами и Красной армией произошел при выходе из долины Орто-Токой. Мятежники отступили. 16 ноября в районе селения Кочкор основные силы мятежников были разгромлены. Д. Кирьянов был взят в плен. 18 ноября на перевале Долон мятежникам был нанесен ещё один удар. Часть повстанцев во главе с К. Бондаревым бежала в Синьцзян[817]. Одна часть бежала, спасаясь от физического уничтожения и насилия Красной Армии и новой власти, а другая часть отступила до Нарына, где к тому времени уже была восстановлена советская власть.

Обухов В.Г. *Потерянное беловодье. История русского Синьцзяна*. Москва, 2001, с.262.

ЦГА КР Ф.1283 Оп.1 Д.93 л.6.

Нарын – небольшой кыргызский город, располагается на высоте 2000 метров над уровнем моря, на берегу реки Нарын. Город Нарын лежит в 350 км от столицы страны Бишкек в 200 км от Китайской границы. Поэтому город Нарын иногда называют доступом к воротам Китая.

ЦГА КР Ф.1283 Оп.1 Д.93 л.7.

ЦГА КР Ф.1283 Оп.1 Д.7а л.2.

Это столкновение надолго осталось в памяти народа и унесло множество жизней. «Нарынское восстание было жестоко подавлено, расстреляно 213 человек в Нарыне по приговору выездной сессии Облчека, 96 человек расстреляли по приговору Реввоентрибунала в Пишпеке. Расстреляли еще массы людей в Караколе, Токмоке, в Пишпеке и Алма-Ате – 3000 человек» [818]. Карательные меры продолжались до 1921 года.

Еще одна находка меня очень поразила. В газете Правда 13 января 1921 года опубликована статья под названием «Расстрел врагов рабоче-крестьянской революции». Советская власть открыта заявляет о красном массовом терроре и насилии и печатает полные списки погибших в официальной государственной газете качестве устрашающего знака власти. Но чудом уцелевшим в этой ужасной трагедии немногочисленным участникам удалось пересечь границу и уйти в Китай[819]. Красная армия на этом не остановилась, по следам беженцев на территории Китая проводились карательные операции. Может быть, из-за масштабности этого насилия событие в народной памяти сохраняется до сих пор. И поэтому «Бунт Мондурова» играет важную роль в трансляции памяти. Это тот самый предлог, факт или явление, которые становятся катализатором воспоминаний. В народной памяти почти стерлись и потускнели сами события 1918-1920 гг. Таким «предлогом» в этом случае выступает на территории Синьцзяна только имя Бондарева, поэтому Средний Үркүн называется «Бунтом Бондарева». Дальнейшая судьба К. Бондарева нам неизвестна, остался ли он в Синьцзяне или был убит красноармейцами неизвестно.

Воспоминания о бунте Бондарева тесно связаны, в основном, с событиями вынужденной миграции белогвардейцев. Тем не менее, сегодня русская речь звучит на улицах и в домах городов и сел Синьцзяна. Сегодняшнюю русскую диаспору Синьцзяна или «Русский клуб» который был создан 5 ноября 2007 году в Урумчи, можно назвать четвертой волной заселения Восточного Туркестана. Она генетически не связана с первыми волнами эмигрантов, но в поддержании русского духа эта община играет большую роль. «Русский клуб» Урумчи является тем стержнем, к которому тянутся многие говорящие и думающие по-русски горожане. И это не обязательно этнические русские, но и украинцы, татары, казаки, а также выходцы из республик бывшего СССР, или так называемые «новые синьцзянцы». Нынешних «новых синьцзянцев» начинает интересовать история Русского Синьцзяна. В библиотеках и личных архивах, у краеведов и историков они пытаются собрать любые сведения о белогвардейцах, живших в регионе на протяжении последних веков. Волонтеры ухаживают за могилами похороненных здесь бывших белогвардейцев и восстанавливают межпоколенческую память.

ЦГА КР Ф.1283 Оп.1 Д.7а, л.3.

Полевые материалы. КНР. Синьцзян, 2015

Кичүү Үркүн - Малый Үркүн

Кичүү Үркүн кыргызов произошел во время коллективизации, сопровождавшейся ликвидацией классовых врагов Советской власти и раскулачиванием (1928-1933). Примененная в отношении зажиточных крестьян и середняков насильственная политика вынудила бай-манапов и среднезажиточных крестьян к массовому бегству в Синьцзянь. Такого рода массовое переселение народа явилось своего рода протестом против политики Советской власти, который нашел свое отражение в нарративах.

одном из интервью: «Отец был образованным человеком, и он рассказывал, что, мы из Чон-Орукту (Иссык-Кульская область), государство забрало все: скот, ценные вещи. Убегая, были вынуждены оставить весь свой скарб. Мать взяла всего лишь один чайник, по дороге хотела чай кипятить. До сих пор сохраняем этот чайник как память о наших родителях»[820].

По рассказам респондента это было очень трудное время, семья бежала в Китай из-за насилия советской системы. Будучи не согласны с политикой новой власти, они, скорее осознанно, чем инстинктивно, покинули места своего традиционного проживания. Вынужденная миграция коснулась представителей различных народов и этнических групп, проживающих в регионе. Период коллективизации Советской власти стал одной из трагических страниц истории народов Кыргызстана, временем террора и репрессий. Именно в эти годы усилилось миграционное движение из Кыргызстана в Синьцзянь. Уцелевшие от насилия и репрессий вынуждены были уйти в чужую страну, у них не оставалось другого выхода. Насилие, репрессия, раскулачивание – все это сохранилось в памяти кыргызов-беженцев Малого Үркүн. Другой важный момент этого нарратива: «забрали все: ценные вещи», значит, бежавшие в Синьцзян кыргызы были, в основном, крупными владельцами скота и относительно состоятельными. Что интересно, во время экспедиции респонденты стали показывать мне семейные артефакты как материализованную память о своих предках. У этого респондента единственная вещественная память о предках – чайник, покрытый медью. Конечно, в то время у простых людей вряд ли были такие чайники. Еще у одного респондента Шарипы Асанакун кызы[821] (оодан Моңгул-Күрөө, село Кайыңды, 86 лет) сохранилась конная сбруя, т.е. упряжка, а также женские пуговицы (*седеп*) из серебра, которые были сделаны с высоким мастерством. Можно предположить, вещественная память показывает социальное положение человека. Благодаря этим предметам, предки беженцев сохраняют в себе частичку из прошлого. В отличие от Малого Үркүн, таких вещественных памятных артефактов от Великого и Среднего исходов не сохранилось. Конечно, этому есть свое объяснение. После первого исхода баи-манапы, т.е. состоятельные люди и их потомки после Февральской и Октябрьской революций были реэмигрированы обратно на историческую Родину. На территории Китая остались только самые бедные слои, которые не смогли уехать на родину. Все ценные вещи они продавали за бесценок на

Полевые материалы. КНР. Синьцзян, 2015.

Интервью с Шарипой Асанакун кызы (оодан Моўгул-Кїрєє, село Кайыўды, КНР).

базарах Кашкара, Турпана, Кульжи за чашку муки и за кусок хлеба, поэтому беженцы Великого Үркүн не смогли сохранить вещественных памятников своих предков.

Еще в одном нарративе встречается слово «самовар». Что интересно, кыргызы-беженцы всех Үркүн до сих пор в домашнем обиходе используют обыкновенный русский самовар, а автохтонные кыргызы Китая не имеют представления, что это такое. Появление самовара в доме означало повышение статуса этой семьи. В бедных семьях воду для чая кипятили в чугунках. В годы коллективизации самовар часто упоминался среди реквизированных предметов, и важно, что о нем всегда помнили»[822]. И поэтому чаепитие стало не только у русских, но и у кыргызов, символом достатка жизни. Интересно, что кыргызыбеженцы используют в своей речи некоторые русские слова, например, такие, как «семья», «бунт», «самовар». В то же время автохтонные кыргызы, проживающие в Китае, не знают ни слова русского происхождения. Память поколений беженцев фиксирует представления той культуры, которая связана с их исторической Родиной,Кыргызстаном.

Другая важнейшая составляющая воспоминаний Малого Үркүн: воспоминания свидетелей Великого Үркүн, которые вследствие политики, проводимой советской властью, были вынуждены обратно уйти в Китай. Бегство в Китай не доставило им в этот раз больших проблем, так как они использовали свой горький опыт Великого Үркүн. Этот опыт оказал огромную помощь беженцам, и они оперативно оказались на территории Китая. Примером тому может служить судьба Мансура: «…В Бае (Синьцзян), в памяти народа сохранилась история о Мансуре, который был беженцем во время Великого Үркүн, а потом обратно уехал на свою Родину, но в советское время опять стал беглецом. Советские войска не смогли взять в плен Мансура. Борьба продолжалась более 10 дней. В безвыходном положении оказались советские войсковые отряды, и они отправили против джигитов Мансура аэроплан. Тогда в Мансура попадает пуля и в результате он погибает. Мать Мансура расстреливают советские солдаты. Из чего мы видим, что советские солдаты не жалели ни женщин, ни детей»[823].

В этом нарративе можно найти связь Великого и Малого исходов, Мансур стал беженцем обоих Үркүн. Он был участником тех событий, которые произошли в 1916 году и бежал от насилия карательных отрядов Российской империи в Китай. Мы не знаем, когда именно он вернулся на Родину, но остается фактом по рассказу этого респондента, что Мансур в годы коллективизации опят был вынужден бежать в ту страну, где когда-то испытал травматический опыт.

кыргызов, проживающих в долине Ак-Суу (Синьцзян), сохранен этот нарратив о насилии красного террора или какие уничтожающие специальные задания осуществили каратели. А в Кыргызстане, что интересно, я не смогла найти ни одной информации об этом человеке, но нашла фотографии, констатирующие смерть Мансура Мамбеталиева. При этом мы не можем сказать, что на фотографии сам Мансур, так ли иначе даты смерти совпадают с вынужденной миграцией кыргызов в

Кознова И. Е. *XX век в социальной памяти российского крестьянства.* Москва, 1991, с.81.
Полевые материалы. КНР. Синьцзян, 2015.

Синьцзян. Если трудно найти сведения в документах, то в народной памяти кыргызов-беженцев сохранено много воспоминаний. С помощью нарративов можно реконструировать события 1930-1934 гг., так как именно в эти годы началось пресечение попыток массового перехода государственной границы с Китаем, хотя отдельные попытки незаконного пересечения границы продолжали предприниматься, обычно они заканчивались неудачно. Многие беглецы были задержаны и привлечены к наказанию. Руки карательных отрядов советской армии дотягивались и до территории Китая, и там они проводили специальные военные действия против беженцев из Советской Киргизии.

Почти у всех беженцев была печальная судьба. Советская система продолжала преследовать беженцев даже на китайской земле. И поэтому воспоминания о Малом Үркүн являются свидетельствами о преследованиях и массовых репрессиях в Советском Союзе.

В итоге в структуре воспоминаний о Малом Үркүн тоже можно выделить три основных компонента:

Память о родстве и гражданской войне отходит на второй план, на передний план выходит классовый аспект: утрата имущества или сообщества раскулаченных кулаков в годы коллективизации.

Сохраняется память и следы русской культуры. Это связано с их исторической Родиной, Кыргызстаном.

Үркүн после Үркүн: Большинство свидетелей Великого Үркүн во время Малого Үркүн покинули места своего традиционного проживания скорее осознанно, чем инстинктивно. Такого рода массовое переселение народа явилось своего рода протестом против политики советской власти. При вынужденной миграции в период Малого Үркүн беженцы воспользовались своим травматическим опытом, полученным во время Великого Үркүн.

Заключение

Сегодня память о жертвах вынужденной миграции раздроблена и распылена. Память не выходила за пределы различных групп и семей жертв, переживших это насилие. До сих пор в учебниках по истории Кыргызстана вынужденная миграция не освещена, но память об этом насилии сохранилась с болью и горечью в сердцах простых людей, проживающих на территории Китая. Страх, боязнь – эти чувства сохранились в памяти кыргызов-беженцев как Великого, так и Среднего, и Малого Үркүн. Подводя итоги, хочу отметить, что XX век является веком массовых разграблений, истреблений и изгнаний из родных стран. Как реакция на такой опыт преступлений, колоссальный по своим масштабам, возникла и новая форма памяти – форма исторического воспоминания. Она направлена на то, чтобы публично осудить такого рода преступления и надолго сохранить их в памяти, чтобы они не повторились.

Принятые сокращения

ИКАО-Иле-Казахская автономная область

КНР – Китайская Народная Республика КСКАО-Кызыл-

Суйская кыргызская автономная область СУАР – Синьцзян

Уйгурский автономный область Оодан - район

Список источников и литературы

Иле қыргыздары. 1-кн. Урумчи, 2004; Нурдин Жунус. *Аксуу кыргыз санжырасы.* Артуш, 2010, с.27.

Интервью с Асанакун Мукан (*Полевые материалы.* КНР. Синьцзян, 2015).

Интервью с Жунусом Жумадылом, г. Кульжа.

4. Интервью с Муканбетом Абдыкерим уулу, г. Нылкы. 5. Интервью с Муканбетом Абдыкерим уулу, г. Нылкы.

Интервью с Шарипой Асанакун кызы (оодан Моңгул-Күрөө, село Кайыңды, КНР).

Интервью. Полевые материалы. КНР, 2015.

Кознова И. Е. *XX век в социальной памяти российского крестьянства.* Москва, 1991, с.81

Нурдин Жунус. *Аксуу кыргыз санжырасы.* Артуш, 2010, с.27.

Нурмамбет Осмон уулу, Кызыл-Суу автоном району, Ак-Чий ооданы. «Беделдин белин ашканда, белдемчи калды шашканда». //http://www.azattyk.org/.

Обухов В.Г. *Потерянное беловодье. История русского Синьцзяна*. Москва, 2001, с.262.

Полевые материалы. КНР. Синьцзян, 2015.

Архивные материалы

ЦГА КР Ф.1283 Оп.1 Д.7а л.17.

ЦГА КР Ф.1283 Оп.1 Д.7а л.2.

ЦГА КР Ф.1283 Оп.1 Д.7а, л.3.

ЦГА КР Ф.1283 Оп.1 Д.93 л.6, 7.

ЦГА КР Ф.1283 Оп.1 Д.98 л.12.

ЦГА КР Ф.160-4 Оп.1 Д.91 л. 24.

Янгулатов М.А. «Воспоминание о нарынском мятеже». Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Ф.5035, л.30.

Информанты в ИКАО, Синьцзян, КНР. Полевые материалы 2015

Асанакун Мукан (Иле-Казакская автономная область, оодан Моңгул-Күрөө, село Шаты айылы 82 лет).

Жунус Жумадыл (г. Кульжа, 76 лет).

Муканбет Абдыкерим уулу (г. Нылкы шаары 63 лет).

Нурдин Жунус, Жамансуу (оодан Учтурпан, кыргызский национальный айил Жаман-Суу, 67 лет).

Шарипа Асанакун кызы (оодан Моңгул-Күрөө, село Кайыңды, 86 лет).

Устные истории о восстании 1916 г.: в судьбах и памяти жителей Иссык-Кульской области

Джаныл Боконтаева

Аннотация

статье на основе устных историй жителей Иссык-Кульской области проанализировано восприятие и конструирование исторического опыта о восстании 1916 года, связанное с травматическими воспоминаниями об Үркүн, о бегстве жителей региона через труднодоступные перевалы в Китай, о жертвах и гибели людей, о трудностях жизни в Китае и их возвращении на свою землю.

Ключевые слова*: устные истории, восстание 1916г., травматические воспоминания, идентичность, утрата, травма.*

Введение

На примере устных историй (нарративных интервью) с жителями ИссыкКульской области я постараюсь показать, как воспоминания о восстании 1916 года в современном кыргызском обществе служат основой для формирования новой коллективной идентичности в идеологическом пространстве, оставленном после распада Советского Союза. В своих исследованиях я отталкиваюсь от предположения том, что утрата прежней советской идентичности, связанная с потерей смысловых и социальных структур в постсоветском Кыргызстане, привела к культурной травме и поиску новой идентичности.

В апреля по июнь 2018 г. автором проведено 25 интервью среди жителей Иссык-Кульской области с использованием методики сбора и анализа устной истории. В результате исследования получены уникальные устные истории, которые продемонстрировали неофициальный образ восстания 1916 г, отличный от советского. В нем запечатлены воспоминания о подавлении восстания и бегстве жителей Иссык-Куля через труднодоступные перевалы в Китай, о жертвах и гибели сотен людей, о трудностях жизни на чужбине и их возвращении на свою землю.

Теория травмы

изучении драматических и кризисных событий в истории разных народов и, в том числе, кыргызского, мы сталкиваемся с травматическими воспоминаниями, оказавшими влияние на повседневную жизнь человека. Следовательно, такие понятия как: «травма», «травмирующие переживания», «травматический опыт» являются предметом изучения и осмысления, таких дисциплин как психология, социология, антропология, история и политология.

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана». Понятие травмы пришло в гуманитарные науки из медицины. А с конца XIX века травма, понимаемая как нервное потрясение, изучается психологами, психиатрами и психоаналитиками. В

современной медицинской и психиатрической литературе, как пишет американский историк и культуролог Кэти Карут, «термин «травма» понимается как рана не на теле, в сознании» - рана в результате эмоционального шока, настолько сильного, что он нарушает «осознание времени, себя и мира» и позже проявляется в снах и воспоминаниях. В этой концепции происшествие травматично не столько из-за того, что оказывает серьезное влияние, сколько потому, что его невозможно помыслить, оно «противостоит простому пониманию» и не может быть с легкостью встроено в существующие схемы понимания[824].

Анализ культурных травм с точки зрения социологии представлен учеными - Питером Штомпкой, Джеффри Александером, Сергеем Ушакиным, Роем Айерманом др. Они внесли существенный вклад в понимание того, каким образом травма выступает не только психологическим механизмом, но и социальным конструктом. Важным фактором возникновения травматических воспоминаний является социальная среда, в которой находится человек. Травма возникает в результате того, что социокультурный контекст активизирует деятельность психики, запуская механизм травматизации.

Для объяснения этого процесса необходимо определить характерные черты как самой травмы, так и тех условий, при которых резко повышается шанс на ее возникновение. Так, польский социолог Питер Штомпка считает, что травма - коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий, интерпретируемых как культурно травматические. Любая травма, по определению, - культурный феномен. Но она может быть культурной, воздействующей на культурную ткань общества. Только это может считаться культурной травмой в полном смысле слова. Такая травма наиболее важна, потому что она, как все феномены культуры, обладает сильнейшей инерцией, продолжает существовать дольше, чем другие виды травм, иногда поколениями сохраняясь в коллективной памяти или в коллективном подсознании, время от времени, при благоприятных условиях, проявляя себя. Яркий пример - травмы племенные, этнические, национальные, коренящиеся в насильственных, травматических событиях прошлого, внезапно возникающие в виде взрывов внутригрупповой ненависти, конфликтов, войн: Африка, постсоветские республики, Балканы[825].

Травма в терминологии Сергея Ушакина понимается не только как единовременное событие, резко изменившее жизнь человека, но и как процесс, который продолжает влиять на отношение людей к их прошлому, настоящему и будущему.[826]

Айерман Р. «Социальная теория и травма». *Социологическое обозрение*, т.12, №1, 2013, сс.121138.

Штомпка П. «Социальные изменения как травма. (Статья первая)». *Социологические исследования*, №1, 2001, сс.10-11.

Ушакин С. ««Нам этой болью дышать?» О травме, памяти и сообществах». *Травма: пункты: сборник статей.* Сост. С.Ушакин, Е.Трубина. Москва, Новое литературное обозрение, 2009, с. 7.

Советское прошлое в воспоминаниях о восстании 1916 года

Одним из величайших государств в мировой истории, супердержавой, соперничающей со всем миром и оставшейся в памяти народов, был исчезнувший Советский Союз. Крушение Советского Союза вызвало раскол огромной страны на независимые суверенные республики, каждая из которых уже самостоятельно определяет внутреннюю и внешнюю политику. Распад Советского Союза до сих пор сопровождается социально-экономическим кризисом, который привел к лишениям и бедствиям сотни миллионов людей. В ряду этих стран стоит и Кыргызстан, народ которого также бедствует и терпит лишения.

Для того, чтобы понять механизмы сохранения и формирования общественной памяти в современном кыргызстанском обществе, необходимо обратиться к тем десятилетиям, когда происходило формирование поколения кыргызстанцев средних лет, к которому относятся мои респонденты. Как показывают мои опросы, годы формирования моих респондентов пришлись, в основном, на последние два десятилетия существования СССР. Распад Советского Союза и последующий социально-экономический кризис отразились на качестве жизни моих респондентов и общества в целом, что нашло отражение в воспоминаниях респондентов.

Так, например, респонденты часто выражали сожаление о распаде СССР. Многие из респондентов считают себя «советскими» людьми. Так, один из респондентов, Иса Осмонов, описывает свое мировоззрение и мировоззрение соотечественников, «живших в советское время», как «полностью советское». В его интервью, советская власть выступает исключительно положительной силой, благодаря которой он обрел высокий социальный статус и без которой он «был бы пастухом» или «поливальщиком». Он и его соотечественники, «от Советского Союза ничего плохого не видели». До Советского Союза, подчеркивает Осмонов, «в отношении науки, образования» кыргызы «были отсталыми». Советский Союз, в свою очередь, помог кыргызам «в получении образования», сделав, таким образом, «огромный вклад в становление» Кыргызстана[827].

Более того, для большинства моих респондентов советское государство и его первые лидеры, в частности, Ленин и Сталин, выступают в качестве «спасителей» кыргызского народа. Так, например, Осмон Исмаилов в своим интервью призывает соотечественников «не забывать Ленина и Сталина», без которых кыргызы, «как нация», возможно «не сохранились бы». «Кыргызский народ должен быть благодарен Ленину, его политике» продолжает он. Ленин и Сталин сделали «вклад в развитие Кыргызстана»[828]. С ним согласен и Бейшен Сабатаров, который считает, что «нам повезло, что наступила советская власть, и наш народ опять возвратился. А если было бы царское самодержавие, то наш народ истребили, жили бы в горах, среди камней. Советский союз внес большой вклад в нашу историю, и мы не должны об этом забывать»[6].

Интервью №14. Осмонов Иса.

Интервью №17 Исмаилов Осмон. [6] Интервью №7 Сабатаров Бейшен.

Особую роль респонденты также отводят Октябрьской революции, которой они отводят роль события, положившего начало национальной государственности. Уже знакомый нам Осмон Исмаилов отмечает, что «если бы не октябрьская революция 1917г.», то кыргызы «никогда с Китая не прибыли бы, ...везде бы скитались»[829]. Кенжебек Алымбаев тоже верит в решающую роль революции, «на основе» которой кыргызы «стали самостоятельными»[830]. Другой респондент, Дамир Абдулаев указывает на то, что революция привела к власти «прогрессивных людей» и что благодаря революции, «наша страна, сначала получила автономию, потом стали краем, затем отдельной республикой в условиях советского союза. А сейчас отдельное самостоятельное государство»[831].

Некоторые респонденты проводят связь между революций и восстанием 1916 года. Так, например, Бакыт Атыгаев считает, что без событий 1916 года «не установилась бы советская власть», которая «не пришла просто, а потому что усилилась эксплуатация со стороны империализма». Для Атыгаева, восстание послужило предвестником революции и «новой власти, новой жизни»[832].

В то же время, несмотря на преимущественно позитивное восприятие советского периода, многие мои респонденты приводили воспоминания и о репрессивных практиках советского времени. Пожалуй, наиболее интересным моментом в интервью моих респондентов является связь, которую они проводят между восстанием 1916 года и преследованием властями представителей кыргызской интеллигенции за деятельность, так или иначе затрагивающую тему восстания. Так, многие из моих респондентов сходятся во мнении, что в советское время события 1916 года замалчивали. Одна из моих респонденток, Шейшекан Жаналиева, отмечает что «в условиях Советского Союза...об Үркүн никто не мог ничего сказать, все боялись. Об Үркүн...замалчивали. А если кто и говорил, то их стремились обуздать и заткнуть рот. Были случаи, что их даже репрессировали за то, что они говорили об Үркүн»[11].

Другой респондент, Бакыт Атыгаев, указывает на то, что романы кыргызских литераторов, посвященные восстанию 1916 года, выходили только после тщательной цензуры. «Об Үркүн в условиях Советского Союза даже слова не было. Даже роман Аалы Токомбаева «Кандуу жылдар» вышел в свет очень сглаженным. А потом после поправок и изменений этот роман вышел под названием «Тан алдында». Выход этого романа обусловлен тем, что многие материалы этого события были под запретом, государство само контролировало и допускало, по их мнению, лишь то, что считали нужным и допустимым»[12].

Объектом цензуры становились не только воспоминания о восстании 1916 года, но и тема межэтнических отношений в целом. У одной из моих респонденток, Асылкуль Токторбаевой не приняли экзамен, после того как она сказала, что «русские

Инервью №17. Исмаилов Осмон.

Интервью №11. Алымбаев Кенжебек.

Интервью №6. Абдулаев Дамир.

Интервью №9. Атыгаев Бакыт. [11]

Интервью №3. Жаналиева Шейшекан [12]

Интервью №9. Атыгаев Бакыт.

были заинтересованы отобрать наши земли, они охотились за нашими богатствами»[833]. Вообще, судя по воспоминаниям многих моих респондентов, тема межэтнических отношений была болезненной. Кубан Мамбетов, в частности, вспоминает, что его «отец всю свою жизнь не мог смирится с тем, что они сделали с кыргызами, когда он слышал о русских. Он 40 лет прожил в селе Липенка, среди хохлов, и тогда он боялся, кто, что скажет. В 1957 г. он вышел на пенсию и переехал в свое село Барскон. Когда мы говорили о русских, отец всегда молчал. В нашем селе был такой печник Иван, он даже его боялся. И я всегда думал, а почему это так, он ведь был такой сильный и статный. А почему он так сильно боится, я задавал вопрос?! Потому что в его крови осталась эта боязнь»[834].

Интересно и еще то, что в восприятии некоторых моих респондентов советская власть являлась прежде всего властью русских. Показательны в этом смысле ответы Кубана Мамбетова, который считает, что о восстании 1916 годы «никто не говорил во времена советской власти, потому что мы стояли под властью партии и партийной идеологии, и под русской властью». Мамбетов объясняет молчание своих соотечественников страхом и «невидимыми нитями», которыми власть «повязала» кыргызское общество. Из-за этих «нитей», Мамбетов и другие «не могли говорить ни восстании 1916 года...не могли во время советской власти собрать останки погибших и сделать подобающее захоронение, в память о погибших на этих перевалах Бедель при бегстве в Китай» и «90 лет боялись и тряслись, а что будет с нами, если мы помянем»[835].

Мамбетов также видит в русских соотечественниках не только источник насилия, но и источник повседневного притеснения кыргызов. Он приводит случай с неким Хрестьянковым, который «еще в условиях Союза, написал в газету «Сельская жизнь», что один кыргыз из Иссык-Куля, на могиле своего отца сделал жертвоприношение по усопшему и затем читали молитву или куран. И на эти поминки ходили коммунисты и дали свое благословление (*бата кылды*). После этой статьи мы не могли даже читать куран по своим усопшим родственникам. Это все было под строгим запретом. Это было только в 80-е годы. А до этого, значит, был еще сильнее прессинг со стороны властей. Об этом никто не говорит». Историка Кушбека Усенбаева, который в 1967 году опубликовал книгу о восстании, Мамбетов характеризует как героя и напоминает, что «если кто-то сказал бы» об убийстве своих «собратьев, жен, дочерей», то того «ждала другая кара и наказанье»[836].

Кушбек Усенбаев - один из первых кыргызских историков, изучавший восстание 1916 г. на обширных архивных материалах и воспоминаниях очевидцев восстания. В своей книге «1916: героические и трагические страницы» он показал, что восстание 1916 г. в Кыргызстане носило национально-освободительный и антиколониальный характер. Особенно ожесточенно, по его мнению, восстание

Интервью №4. Токторбаева Асылкуль.
Интервью № 15. Мамбетов Кубан.
Интервью № 15. Мамбетов Кубан.
Интервью № 15. Мамбетов Кубан.

проходило на севере страны, потому что коренное население было вытеснено с плодородных земель и обжитых мест в бесплодные горные районы. Эти причины привели к гибели большей части населения северного Кыргызстана при бегстве в Китай. Кубан Мамбетов - публицист и журналист опубликовавший в 2016 году двухтомную историю восстания.[837] Возможно общественная деятельность Кубана Мамбетова – повлияла на его восприятие советского опыта, но его интервью, несмотря на достаточно резкую риторику, во многом перекликается с воспоминаниями других респондентов. Так, воспоминания некоторых респондентов свидетельствуют о репрессиях советского времени. Жолой Калчаев, к примеру, рассказал о своем дяде, который был расстрелян 18 января 1931 года в городе Караколе. Как указывает мой респондент, его дядя был не единственной жертвой сталинских чисток. «Такие выдающиеся личности, как Касым Тыныстанов»[838] также были расстреляны в тридцатых годах. Больший интерес представляет мнение моего респондента о причинах расправы с Тыныстановым и другими представителями кыргызской интеллигенции того периода. Калчаев считает, что Тыныстанова и его соратников расстреляли за «большое собрание», проведенное в 1926 году, на котором «они сказали, что по отношению к кыргызам был геноцид». Именно с этим заявлением мой респондент связывает их последующий расстрел в 1937 году[839]. Осмон Исмаилов также считает подавление восстания «геноцидом кыргызского народа... потому что кыргызов хотели изгнать с их исконных территорий, там, где они жили и выросли» и потому что царские власти (или просто «они» как их называет мой респондент) «думали полностью истребить кыргызский народ». Вина же советской власти заключалась в том, что при советах «эта тема была под запретом» (Интервью №17 Исмаилов Осмон).

Из устных историй моих респондентов о восстании 1916г. мы можем выделить основные темы, которые являются важными и необходимыми при осмыслении ими трагических событий того времени. К их числу относятся периоды советского строительства в Кыргызстане, в особенности, когда закладывались основы нашего народного хозяйства в экономике, образовании, социальной сфере и др. Особая роль респондентами отводится октябрьской революции, благодаря которой кыргызы стали отдельной республикой и затем государством. Также революция принесла новые веяния во всех сферах общества.

Советское государство дало кыргызскому народу массовое образование, развитие промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, социальной помощи. Кыргызская экономика в условиях СССР была ориентирована на аграрное производство и поставляла в другие регионы сельхоз продукцию в обмен на готовую

---

[837] Мамбетов К. *Кандуу которулуш.1916. Биринчи китеп. Публицистикалык иликтоо*. Бишкек: Турар, 2016; Мамбетов К. *Кандуу которулуш.1916. Кыргындан калган кыргыздар. Экинчи китеп. Тарыхый-публистикалык иликтоо*. Бишкек: Турар, 2016.

В 30-40 годы XX века, выдающиеся кыргызские государственные и общественные деятели в результате сталинских чисток по «политическим мотивам» были необоснованно репрессированы. К их числу относятся Касым Тыныстанов, Жусуп Абдрахманов, Торокул Айтматов и др.

Интервью №2. Калчаев Жолой.

промышленную продукцию из других республик. Следовательно, в целом развитие республики в советском государстве было успешным и это проявлялось в неуклонном росте экономики, повышения уровня жизни и благосостояния граждан и поэтому эти положительные процессы отмечают респонденты.

Сегодня большинство моих респондентов среднего и пожилого возраста получили действительно хорошее советское образование как внутри республики, так за ее пределами в центральных вузах (Москва, Ленинград, Киев, Ростов-на-Дону, Воронеж, Саратов и др.). Поэтому в устных историях респондентов большая ностальгия по советскому образованию, по плановой экономике, потому что они выросли в этой системе, и с трудом понимают децентрализацию экономики, связанную с «прихватизацией», разграблением всего того, что было создано в советское время, делением людей на богатых и бедных, т.е. новую социальную стратификацию общества. Эти воспоминания о советском свидетельствуют и о неудачах постсоветских руководителей страны в эффективном управлении экономикой, проявляющееся в падении уровня жизни населения, безработице и массовой миграции всего трудоспособного населения.

Мои респонденты также говорят и о негативных моментах того периода времени, которые были характерны для всего советского государства и, в том числе, для нашей республики. К их числу относятся, по мнению респондентов, замалчивание трагических событий 1916 г., связанную с публикацией книг и статей, затрагивающих эту тему и показывающими основные причины восстания, о перезахоронении останков беженцев на перевалах, о принесении жертвоприношения по погибшим и установления памятников. А некоторые респонденты более жестки в оценке восстания 1916г. и считают это событие геноцидом кыргызского народа.

Советская травма в постсоветском Кыргызстане

Из собранных мной интервью очевидно, что воспоминания о советском опыте у большинства моих респондентов двойственны. С одной стороны, многие респонденты благодарны советской власти и советским лидерам за вклад в экономическое и социальное развитие Кыргызстана. Многие отмечают, что Советский Союз дал им возможность получить образование. Более того, большинство респондентов сходятся во мнении, что Октябрьская революция в буквальном смысле спасла кыргызов от «царского самодержавия», которое стремилось уничтожить кыргызов. С другой стороны, многие респонденты в своих интервью говорят о репрессиях, пережитых, как близкими родственниками, так и первыми представителями кыргызской интеллигенции советского Кыргызстана. Они также вменяют в вину советским властям умышленное, по их мнению, замалчивание восстания 1916 года и навязанную сверху невозможность почтить память погибших предков. Характерно, что в воспоминаниях моих респондентов, потеря памяти о восстании 1916 года или его исчезновение из публичного пространства относится на счет гонений со стороны государства и его якобы представителей – этнических русских. В то же время, самим кыргызам отводится пассивная роль объекта

притеснений. При этом отрицается даже возможность участия кыргызов в советском проекте – первые представители кыргызской интеллигенции пали жертвами сталинского режима, в то время как простые кочевники жили в страхе советской власти, либо же русских соседей.

Чем же объясняется эта двойственность и противоречия в рассказах моих респондентов. Почему советский опыт предстает для них одновременно и хорошим, и эмансипирующим, и плохим, и репрессивным? Не менее важен и вопрос природы самих травматических воспоминаний моих респондентов: почему, будучи напрямую незатронутыми событиями 1916 года, мои респонденты переживают их как травму?

своей попытке найти ответ на это парадокс я обращаюсь к теории Сергея Ушакина. На примере национальной памяти в современной России, Ушакин отмечает абсолютную правоту Славоя Жижека о том, что «возврат к национализму в Восточной Европе в 1990-х следует воспринимать не как наследие социализма, но как реакцию на его исчезновение: «Возврат к национализму стал средством защиты против травматической дезориентации, против потери почвы под ногами, вызванной дезинтеграцией «реального» социализма… Принципиальной является консолидирующая роль той самой утраты, из-за которой воображаемое наслаждение оказывается постоянно отложенным. Единение становится способом если не защиты от чувства лишенности, то по крайней мере способом ее коллективной мемориализации. Сообщества, таким образом, оказываются сообществами утраты, и преодоление этой связующей травмы в данном случае равносильно распаду сообщества. Верно и обратное: поиск связующей травмы, активация исторических трагедий, воспроизводство чувства потери становятся востребованными при формировании чувства сопричастности и коллективности. Воображаемые травмы достигаются посредством изображения жертвы»[840].

Выводы Сергея Ушакина применимы и к современному Кыргызстану. Утрата прежней советской идентичности, связанная с потерей смысловых и социальных структур во всех постсоветских странах, привела к культурной травме. Травмированное общество в Кыргызстане стремилось к поиску новой идентичности для своего национального строительства. Таким образом, применив понятие связующей травмы к воспоминаниям о восстании 1916 года в современном Кыргызстане, мы можем утверждать, что травматические воспоминания о восстании 1916 годы являются инструментом как преодоления травмы, возникшей вследствие кризиса советской идентичности, так и инструментом формирования новой постсоветской коллективной идентичности.

Не являясь непосредственными участниками или свидетелями восстания 1916 года, современные иссык-кульцы тем не менее переживают воспоминания о восстании как личную и коллективную травму. Важно то, что коллективом или общностью, в воспоминаниях моих респондентов выступает «кыргызский народ». Следовательно, этот опыт вторичной травмы служит для них средством мобилизации для формирования новой коллективной идентичности. В основе такой идентичности

Ушакин С., 2009, с.25.

лежит осознание себя жертвой событий 1916 года. Травма от восстания 1916г., как опыт утраты родной земли, семьи, близких, всего привычного уклада жизни, становятся основой формирования новой объединяющей национальной идентичности в постсоветский период.

«Мы» и «они» в воспоминаниях о восстании 1916 года

Поскольку восстание 1916 года в восприятии моих респондентов является бедой исключительно кыргызского народа, воспоминания о восстании служат своеобразным каркасом для конструирования национальной идентичности, установления границ национальной общности, т.е. «нас», которая противопоставляется «им», чужим, в данном случае, русским переселенцам.

Переселенцы в воспоминаниях моих респондентов выступают чуждой злой силой, притесняющей кыргызов. Так, Жыргал Акматалиев приводит примеры об издевательствах переселенцев над кыргызами: «когда скотина кыргызов случайно заходила на поля русских, то они в них стреляли, а если видели кыргызов, которые пасли свой скот, то их тоже избивали, проявляли жестокое насилие, вплоть до убийства»[841]. В воспоминаниях Акматалиева, колонисты и колониальные власти представляются буквальными кровопийцами, «пившими кровь народа», «проявляющими жестокость» и «убивающими» местное население[842].

Асылгуль Токторбаева в своих воспоминаниях описывает переселенцев как грабителей: «Российская империя положила глаз на наши земли и хотела отобрать их нас». «И действительно, - говорит она, - наши самые хорошие земли перешли переселенцам из России. В свое время русские достигли своей цели, они отобрали наши земли и оттеснили кыргызов к предгорьям. Русские оттеснили кыргызов от воды, от плодородных земель. Все хорошие земли расположены около озера Иссык-Куль»[843]. Алымбаев Кенжебек также считает, что «после приезда русских началось вытеснение кыргызов со своих земель в сторону гор, они отбирали лучшие земли по всей Иссык-Кульской области»[844].

Еще более жесткую оценку переселенцам дает Кубан Мамбетов: «Русские хотели нас использовать как рабов. Они думали, что можно все эти земли захватить и кыргызов вытеснить в другие места и сделать рабами-скотоводами»[845]. Кубан Мамбетов также описывает переселенцев как убийц и насильников «жен, мужей, и детей», чье поведение «подтолкнуло» кыргызов «к отчаянному сопротивлению и восстанию в 1916 году».

Интересно, что большинство моих респондентов сходится во мнении, что Российская империя ставила целью уничтожить местное население. Жыргал

Интервью №16. Акматалиев Жыргал.
Интервью №16. Акматалиев Жыргал.
Интервью №4. Токторбаева Асылкуль.
Интервью №12. Алымбаев Кенжебек.
Интервью № 15. Мамбетов Кубан.

Акматалиев, например, говорит о том «что российское правительство хотело подчинить всю Центральную Азию, и в том числе Кыргызстан. …. Все туземное население надо уничтожить и переселить население Российской империи.

Вот это была их главная цель[846]. Исмаилов Осмон также считает, что «основной причиной восстания» было «подавление свободолюбивого народа, его уничтожение»[847]. В воспоминаниях Асылгуль Токторбаевой «русские хотели забрать нас землю и... истребить кыргызский народ», для чего они «приложили... большие усилия»[848].

Подобные трактовки позволяют проводить четкую границу между пришлыми «убийцами и насильниками» и их невинными жертвами. Таким образом, общность травматических воспоминаний позволяет современным кыргызстанцам создавать общность этническую и политическую. Жертвенность и опыт травмы во время восстания 1916 года объединяют всех кыргызов в единый народ, разделивший опыт насилия, лишений и изгнания. Показательно, что один из моих респондентов, Кубан Мамбетов характеризует кыргызов как «героев..., боровшихся за свое выживание»[849].

Репрезентация утрат 1916 года

Показательно, что несмотря на достаточно подробные и многочисленные воспоминания о событиях, предшествовавших восстанию и о жестокости колониальной администрации и переселенцев, воспоминания о непосредственно самом восстании гораздо более скупы и немногочисленны. Возможно, это объясняется тем, что участники восстания не ограничивались нападениями на чиновников администрации и солдат. В действительности, большинство жертв повстанцев составляли женщины и дети. Можно предположить, что полная картина восстания, где восставшие кыргызы убивали женщин и детей плохо встраивается в историю жертвенности и героизма. Память современных кыргызстанцев о восстании 1916 года, как видно из их воспоминаний, избирательна и, как правило, не допускает интерпретацию событий 1916 года как всеобщего бедствия.

В этом смысле, упоминания некоторыми моими респондентами насилия, причиненного восставшими переселенцам, являются скорее исключением. Тем не менее, их существование указывает на то, что память о восстании находится в процессе формирования и не стала еще прошедшей идеологическую обработку и институциализированной, «застывшей» официальной историей восстания. Так, мой респондент Кайырбек Алымбеков считает, что «отчасти и наша вина есть в том, что русские начали убивать кыргызов и преследовать до самого Китая»850 . Согласен с ним Калыс Арбаев: «И они (кыргызы) тоже не мало вреда принесли русскому народу,

---

Интервью №16. Акматалиев Жыргал.
Интервью №17. Исмаилов Осмон.
Интервью №4. Токторбаева Асылкуль.
Интервью № 15. Мамбетов Кубан.
Интервью №8. Алымбеков Кайырбек.

убивали детей, жен, сжигали их поля. Ведь кто мог, они тоже поубегали, это местный русский народ, которые жили здесь»[851]. Бейшен Сатаров также говорит о том, что «в селах Теплоключенка, Отрадное, Раздольное, Тюп, наши кыргызы тоже убивали русских детей, поджигали их дома. Они думали, что только здесь есть русские, а в других местах их нет. И это привело к хаосу и беспорядкам»[852].

В то же время, другие респонденты объясняют убийство переселенцев восставшими «противодействием…на их (переселенцев) бесчинства»[853]. Так, Кубан Мамбетов считает, что «насилие над русскими… было ответом на их насилие и противодействие. Следует признать, что кыргызы никогда первыми не шли на насилие над русскими. Кыргызы проявляли насилие лишь в том случае, когда жестокость и беспредельность в отношении их достигали такого накала, что они уже не могли терпеть и тогда они шли на ответное насилие. И сегодняшние кыргызы такие же, мы можем очень долго терпеть бесконечное насилие над народом. И если точка насыщения достигнута, то кыргызы ни перед чем не останавливаются. …Кыргызы знали, что идут на верную смерть, они это хорошо понимали и поэтому перед смертью они хотели забить хоть одного неприятеля, чтобы отомстить за их насилие»[854]. Очевидно, что воспоминания некоторых моих респондентов оправдывают насилие, которое восставшие направили против переселенцев.

Более типичны для моих респондентов воспоминания, подчеркивающие беззащитность кыргызов во время и, в особенности, после восстания. Так, многие мои респонденты указывали на то, что «кыргызский народ» шел на «русский карательный отряд» с «палками и дубинками»[855]. В то время как восставшие «вышли противостоять русским» с «вилами и палками с острыми наконечниками, похожими на длинное копье, только к их острию были повязаны острые ножницы» карательные отряды были «вооружены винтовками, пушками, орудийными зарядами»[856]. О том, что повстанцы были плохо вооружены, говорит и Жыргал Акматалиев: «У них не было никакого оружия, кроме палок, камней, вил, дубинок деревянных и серпов. Вопросы организации восстания также были плохо продуманы»[857]. Во-многом, эти воспоминания правдивы – восставшие действительно были плохо вооружены – но в контексте формирования исторической памяти важнее то, что воспоминания об отсутствии оружия у восставших позволяют представить их в качестве жертв непричастных к насилию.

В этом смысле, наиболее эффективными и наиболее частыми являются воспоминания о побеге и потере – близких, имущества, привычного уклада жизни, и, конце концов, родины. Воспоминания о спешном побеге, о трудном и часто смертельном переходе в Китай, о скитаниях и лишениях в Китае являются

Интервью №1. Арбаев Калыс.
Интервью №7. Сабатаров Бейшен.
Интервью №3. Жаналиева Шейшекан.
Интервью №15. Мамбетов Кубан.
Интервью №8. Алымбеков Кайырбек.
Интервью №2. Калчаев Жолой.
Интервью №16. Акматалиев Жыргал.

материалом для создания «сообщества утраты». Воспоминания об общности пережитых событий воссоздают эту общность в настоящем. «Утрата становится исходной точкой, основным мотивирующим принципом, основным «сюжетным приемом» всей последующей деятельности» моих респондентов. Так «постоянная репрезентация утраты выполняет здесь двойную функцию. Во-первых, она становится тем (позитивным) символическим орудием, с помощью которого данное сообщество конституирует себя, т.е. обозначает и поддерживает свои границы в публичной сфере. Воспроизводство утраты («память о погибших») также является и основной формой (внутреннего) существования данного сообщества. На практике позитивизация утраты проявилась как «непреходящее стремление зафиксировать, обозначить, увековечить имена погибших и, тем самым, собственное отношение к этим смертям»[858].

В устных историях моих респондентов первое, что привлекает внимание, это травматические воспоминания о страданиях и ужасах от массовой гибели людей на горных перевалах и реках при внезапном бегстве от преследования. Калыс Арбаев много слышал от своих родственников, что уходили люди в Китай в Турпан, через реки Нарын-Кол и затем Или, которая расположена на границе Кыргызстана, Казахстана и Китая. Время бегства было в ноябре и декабре 1916 г., когда настали холода. «В ноябре они рассказывали, что покинули свои стойбище, уходить начали и тогда уже было холодно»[859]. «Эти события людей настигли врасплох, кто-то взял скот, продукты, а кто-то ничего с собой не взял, так как не были готовы»[860].

Бабушка респондента Кенжебека Алымбаева рассказывала, что «они жили в горах, на джайлоо в юртах и в один день пришли русские. Они стали разрушать юрты поджигать. И тогда от испуга кыргызы стали бежать. У русских было оружие. А у кыргызов не было никакого оружия, они даже не слышали звук выстрела оружия, нападение для них было потрясением, они вынужденно бежали. Все это для них было впервые, выстрелы, суматоха, они спасались бегством. Бегство было со стороны Джеты-Огуза, через перевал Бедель, а АкСуйские кыргызы бежали через Каркыра, в Кеген и потом они достигали Китая. Здесь на этих перевалах погибла половина кыргызов»[861].

В бегстве в Китай примечательна устная история респондента Чолпон Сооронбаевой, которая рассказала воспоминание ее бабушки Сейдакан (19001982гг.). Бабушке Сейдакан было всего 16 лет во время восстания, и она недавно вышла замуж. Она рассказывала, что «местное население не особо понимало о восстании, но они все говорили, что не будут отдавать своих сыновей в русскую армию. А также, если мы не будем бежать, то нас всех будут истреблять и убивать»[42]. Без подготовки люди

Ушакин С. «Вместо утраты: Материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России». *Регион в истории империи. Историческое эссе о Сибири. (Сборник статей).* Москва: Новое издательство, 2013, с.258.

Интервью №1. Арбаев Калыс.

Интервью №7. Сабатаров Бейшен.

Интервью №12. Алымбаев Кенжебек. [42]

Интервью№18. Сооронбаева Чолпон.

ринулись в бегство. Тех людей, кого карательный отряд настигал, убивали и отбирали имущество и скот. Родители Калыса Арбаева ушли через Каркыру. «Когда в Казахстан уходишь из Ак-Суйского района через Нарын-Кол, есть высокие горы Хан-Тенгри, там ледники, зима приходит рано, там Каркыринская вода. И через большую речку Или они переплывали и уходили. А когда настигали карательные отряды, они все побросали и многие на морозе на реках утонули, это ужасно. И когда мать рассказывала, ей было очень больно, они много об этом не вспоминали, все это было до революции, и мама была маленьким ребенком»[862].

Бакыт Атыгаев рассказывая о бегстве бабушки и дедушки со стороны мамы через село Барскон отмечает, что на их глазах погибали сотни и тысячи людей: «…Среди них они видели и маленьких детей, и старых, и молодых. Все они оставались непреданными земле, не было условий, чтобы их похоронить. Почти половина беженцев оставались по дороге, они погибали и там же на месте и оставались»[863].

Другой мой респондент Фархад Сариев на всю жизнь запомнил историю от своей бабушки Урумкан, которая рассказала о переходе кыргызов через реку Музарт-Суу. Вот как она рассказывала: «Когда они бежали, а сзади их преследовали русские со своими пушками, ружьями. Кыргызы, как могли, старались бежать быстрее, и дошли до перевала. А там, в горной реке была большая вода. Эту реку она называла Музарт-Суу. И когда они дошли до Музарт-Суу, беженцы увидели огромную реку с шумным течением. Люди, невзирая ни на что, заходили в эту воду, т.е. из того места, где они стояли. Те, кто заходил с середины или дальше от середины этой реки с верблюдами, лошадьми, мужчины, женщины, дети, всех их унесло течением реки, потому что когда много людей заходило в воду, то вода еще больше поднялась и унесла с собой большое количество людей. Она сама собственными глазами видела, как водой уносило *бешик* (люлька) с младенцем. Старики, молодые, животные - все смешалось в этом месте. Когда все переходили была суматоха, крики, вопли о помощи. Она смогла с лошадью перебраться на другую сторону реки и долгое время не могла найти своих родителей. Утром, на заре, ее нашел отец и забрал к родственникам. И так она благополучно перешла Музарт-Суу»[864] .

Чтобы выжить и не умереть с голоду во время бегства в Китай, людям вынужденно приходилось питаться и человеческим мясом. Вот как об этом рассказывает Кубан Мамбетов: «На горном перевале им приходилось останавливаться. Был такой случай, когда без остановки шел снег, 3 дня подряд. Народ голодный, все мерзнут, не знают, что им делать. На второй день два джигита принесли кусок мяса, объявив всем, это мясо барана. Люди с трудом разожгли костер и варили мясо где-то 3-4 часа. Каждому досталось по маленькому кусочку мяса и одной пиале бульона. Мясо было таким вкусным, что ее вкус долго не сходило со

Интервью №1. Арбаев Калыс.
Интервью №9. Атыгаев Бакыт.
Интервью №10. Сариев Фархад.

рта, так они подкрепились. А на следующий день погода открылась, и они двинулись дальше в путь.

Когда они передвигались дальше, то увидели довольно большую женщину, у которой отрубили голень. И тогда они поняли, какое мясо они ели, это не было мясом барана или лошади, а было человеческое мясо. …Утром, после того как они ее увидели, то всем стало плохо, людям было не по себе. Эта была женщина, которая тоже бежала, но замерзла и умерла»[865].

В устных историях не менее травматичным является переход через границу Китая беженцев кыргызов, которые жертвовали своим имуществом, а иногда собственными детьми. Вот как об этом рассказывает Калыс Арбаев: «Когда они переходили границу, то на границе тоже стоят, российские и др. войска. И вот тогда пошел уже голод, они еще границы Казахстана не достигли. И когда они договаривались, то все, что блестело у жен, дочерей, девушек, они все отдавали войскам на границе и затем они переходили в сторону Китая. 18 детей было очень трудно прокормить и тогда прабабушка и прадед решили старшую сестру отдать замуж, на границе. Один из военных солдат на нее глаз положил, он татарин, по-моему. И он за полмешка муки взял замуж старшую сестру моей матери. Они этим пол мешком или мешком муки спасли своих детей от голода. И так они дошли до Китая, до Турпана»[47] .

Бабушка Фархада Сариева вспоминала, что «когда они добрались до Китая, *черүлөөр* или пограничники с оружием в руках встретили беженцев из кыргызских земель. Они все ценное и что блестело отбирали на границе»[866].

Другой мой респондент Осмон Исмаилов поделился историей своей бабушки Кыдыковой Кенжей, которой на момент восстания было 13 лет. Она рассказала, что в роду не было больших потерь, но, когда они достигли Китая, «начались жертвы, люди гибли от голода и холода, болезней. *Черики* (китайские солдаты) приходили к каждой кыргызской семье и старались отобрать в семьях всех девочек. Родители бабушки прятали ее от *чериков*. «Они ее накрывали *тердиком* или маленьким стеганным одеялом (*төшөк*) и она была незаметна». Бабушка Осмона Исмаилова рассказывала, что «они все время нуждались в талкане, было голодно»[867].

В такой же подобной истории рассказывает и известный нам Фархад Сариев по поводу своей бабушке, которую тоже прятали от китайских пограничников. «В тот момент моей бабушке было 13-14 лет, и когда на проверку приходили *черүлөөр* (пограничники), ее укладывали вместе с *төшөк* и другими стегаными одеялами, чтобы не было видно. Они всегда боялись их, думая о моей бабушке, чтобы ее не забрали»[868] .

Интервью №15. Мамбетов Кубан [47] Интервью №1. Арбаев Калыс.

Интервью №10. Сариев Фархад.

Интервью №17. Исмаилов Осмон.

Интервью №10. Сариев Фархад.

Родственники Токторбаевой Асылкуль со стороны ее бабушки рассказывали, что «когда они переходили границу, то сильно воровали девушек, девочек китайские солдаты. Они насильно вырывали наших кыргызских девушек и девочек, насиловали уводили куда-то»[869]. Особенно, говорит Жыргал Исаков, бабушка вспоминала границу с Китаем, так «многие кыргызы не могли пройти, вынужденно продавали своих детей, дочерей. А тех, кто сопротивлялся, расстреливали»[870]. «За чашку талкана продавали наших дочерей, девушек, какие-то только испытания и горести не легли на плечи нашего народа»[871].

Травматические воспоминания о жизни и родственниках в Китае

Травматичным являются и воспоминания моих респондентов и о жизни в Китае. Вот как об этом рассказывает внучка бабушки Сейдакан: «В один из дней мы дошли до Китая. Там тоже люди не жили хорошо, чувствовалась нехватка и бедность. Мы стали наниматься китайцам на работу, чтобы заработать кусок хлеба. Улицы в Китае очень узкие и люди были неряшливые. Базар их похож на собачий рынок. На базаре мы увидели избитого мужчину, на шею которого надели тяжелую деревянную доску, он производил на всех жалость, и люди подходили и совали в рот какую-то еду. Он ходил по базару, чтобы все его видели, он своровал что-то и все должны были видеть вора. На базаре также была сетка, а за ней сидели люди, похожие на привидения, люди проходили мимо их и бросали им что-то, как собакам. А потом мы узнали - это были люди, которые несли какие-то наказания.

…В том месте, где мы жили, за высокими воротами жили девочки кыргызки, они иногда выходили на улицу, и мы их видели. С трудом, мы кое-что узнали об этих девочках. Они нам рассказали, что были из рода *сарыбагыш*. Отец продал их за пиалу талкана китайцу, чтобы они с голода не померли. Жена того кыргыза умерла с голоду, он продал вдовцу китайцу с маленьким ребенком своих дочерей. Одной из них было 10 лет, другой 7 лет. Китаец одну его дочь взял в жены, а другую в служанки. Оба по очереди смотрели за сыном китайца. В Китае жизнь была совсем плохая, и потом мы обратно направились путь. Обратный путь я плохо помню, потому что от голода я не приходила в себя, потом не помню, что со мной было»[872]. В воспоминаниях бабушки Калыса Арбаева жизнь «в Китае была еще тяжелее, кто-то принимал, а кто-то не принимал». У беженцев-кыргызов была большая тоска по родине. Об этой тоске по родному краю рассказала бабушка Сейдакан: «Жизнь беженцев в Китае и их возвращение домой были не менее тяжелыми». В Китае, кыргызы, по словам бабушки Сейдакан, тосковали по «нашему воздуху, земле, воде. Люди смотрели на птиц, которые летели в сторону наших краев и плакали»[873].

Интервью №4. Токторбаева Асылгуль.
Интервью №5. Исаков Жыргал.
Интервью №7. Сабатаров Бейшен.
Интервью №18. Сооронбаева Чолпон.
Интервью №18. Сооронбаева Чолпон.

Китае беженцы-кыргызы испытали трудности, нужду, а также насилие от местного населения. Бабушка Жыргала Исакова рассказывала, что «когда они бежали Китай, каждый день по 2 или 3 ее родных братьев и сестер умирало от ветряной оспы». И от 17 детей останется только 3-ое – это его бабушка и два его тайке Тумонбай и Тугольбай. Его бабушка говорила, что «вовремя Үркүн погибло много кыргызов от голода, от тяжелых условий, от притеснения и насилия со стороны китайцев и уйгур»[874]. О тяжелых условиях жизни, притеснениях и жестокой эксплуатации говорит Бакыт Атыгаев по воспоминаниям его бабушки, «когда прибыли в Китай, там им тоже было очень трудно, они нанимались к уйгурам, работали у них по хозяйству, заработки были мизерные, жили впроголодь. Они думали, что там хорошая жизнь, но все оказалось не так, как ни думали. В Китае эксплуатация была вдвое хуже, чем здесь»[875].

В устных историях мои респонденты также с большим с сожалением рассказывали об оставшихся своих родственниках в Китае в результате Үркүн. Это тоже для них является травматичным фактором. «Из всех детей бабушки в Китае 3 или 4 детей остались там»[876]. «… На КТР есть передача «Издеймин сени» («Ищу тебя»), в ней я видел, что только сегодня находятся родственники, которые остались в Китае у современных жителей Иссык-Кульской области. Они встречаются, обнимаются, так у многих дети там остались, они выросли, женились, вышли замуж и только теперь находят друг друга после восстания 1916»[877]. «Есть у нас родственники, которые после Үркүн возвратились только в 60-е годы»[878]. «Какая-то часть беженцев, рассказывала бабушка, возвратилась, но многие из них остались там, Китае»[879]. «Я был в Китае в 2013 г., чтобы исследовать кыргызов в Синьцзян-Уйгурском автономном округе. Надо сказать, до сих пор, там живут кыргызы, которые остались в Китае, вовремя восстания 1916 г. Сейчас там живут их дети, внуки и правнуки. Они мне рассказывали, почему в тот момент они не смогли снова вернуться домой, в Кыргызстан»[880].

«В Китае большинство кыргызов погибли от голода и болезней. Старшую сестру бабушки отдали замуж за китайского казаха, потому что казахи насильно ее взяли в жены. Она не хотела, но ее казахи не отпустили вместе с родственниками. И впоследствии она уже не смогла связаться со своими родственниками. Сестра моей бабушки, которая осталась в Китае, всю свою жизнь жила в отчаянии, так как она не знала, живы или нет ее родственники. Братишка моей бабушки после их прихода из Китая, тоже не прожил долго, сказались последствия болезни в Китае. Он тоже рано

Интервью №5. Исаков Жыргал.
Интервью №9. Атыгаев Бакыт.
Интервью №1. Арбаев Калыс.
Интервью №5. Исаков Жыргал.
Интервью №7. Сабаторов Бейшен.
Интервью №9. Атыгаев Бакыт.
Интервью №15. Мамбетов Кубан.

умер. И моя бабушка одна из всех 7-рых детей выжила. Она всю жизнь носила эту скорбь, что она осталась одна из всех детей»[881] .

Несмотря на мучительные трудности, многие кыргызы были счастливы вернуться на родину. «Продукты все кончились, а когда они шли через Казахстан, вышли в горы вверх и тогда наверху, на пике гор они увидели наше озеро Иссык-Куль, вот тогда они сильно обрадовались. Это была такая радость, что они достигли своей земли, Иссык-Куль был виден с высоты»[882].

По возвращению в родные края, рассказывала бабушка Сейдакан, «народ был очень беден, жили совсем плохо в каких-то лачугах». «Такого страдания» бабушка Сейдакан «не пожелала бы никому, будь это кыргызы или другие нации»[883].

Позитивизация утраты: Восстание как начало кыргызской государственности

В устных историях респондентов большая роль отводится роли и значимости восстания 1916 года, как начало становления кыргызской государственности. Мои респонденты видят в восстании начало борьбы кыргызов за независимость. В таком прочтении восстание предстает пусть и травматичным, но событием, имеющим смысл. Славой Жижек называет процесс превращения опыта утраты в позитивную деятельность «позитивизацией утраты»[884].

Можно утверждать, что осмысление событий восстания 1916 года предстает не только в качестве опыта страданий и лишений, но и опыта приобретения – если не независимости, то стремления к ней – является ничем иным как позитивацией утраты.

устных историях мои респонденты определяют восстание 1916 г. не бунтом и мятежом, «а действительно национально-освободительным движением. Кыргызы, по их мнению, хотели быть свободными и самостоятельными, поэтому «Восстание 1916 г. подтолкнуло наш народ к независимости, к суверенитету. Отправной точкой нашей независимости является восстание 1916г.»[885].

Кыргызы любили свободу, они не хотели быть рабами для кого-то, поэтому восстание разбудило национальное самосознание и «сегодня мы имеем свое независимое государство, как отдельное и самостоятельное, название которого Кыргызская Республика. У нас есть свой герб, язык, территория, и др. атрибуты государственности. Наше национальное сознание пробудилось, благодаря этому восстанию. Если тогда у нас и не было государства, но мы стремились к самостоятельности, как отдельная нация»[68]. Поэтому только сейчас «наша страна начала жить независимо и суверенно, как отдельное государство»[886]. «Ведь ту

Интервью №16. Акматалиев Жыргал.

Интервью №1 Арбаев Калыс.

Интервью №18. Сооронбаева Чолпон.

Ушакин С., 2013, с.252-284.

Интервью №6. Абдулаев Дамир [68]

Интервью №8. Алымбеков Кайырбек.

Интервью №16. Акматалиев Жыргал.

независимость, о которой мы мечтали со времен Манаса, Тагай –бия, и как она нам досталась, об этом мы должны знать. Сколько людей погибло за нашу независимость, вот об этом мы должны знать. Как мы пришли к этому своему дню, ведь мы не свалились с неба, на этом пути были потери, сражения, героические бои, тяжести и лишения, вот об этом мы должны знать»[887].

Сегодня, без искажений и правдиво, считают мои респонденты, мы должны донести историю нашим потомкам и ответить на вопросы «как, с помощью кого, какими событиями и победами мы пришли к сегодняшнему дню. Молодежь должна знать это, если нет истории, то и нет народа»[888]. «Если мы не будем помнить прошлое должным образом ценить, то у нас не будет будущего. Для этого мы должны знать - кто мы, откуда мы пришли, какая у нас история. С 1991 г. мы строим свое отдельное независимое государство, входим в число 200 государств, признанных ООН и заняли в нем свое достойное место. После развала Советского Союза 15 союзных республик отделились и создали свои независимые государства. Можно сказать, что без трудностей вышли из состава Советского Союза, и это мы должны признать»[889].

В стремлении к своей независимости многие респонденты отмечают тот факт, что у кыргызов «нет такого, чтобы мы кому-то подчинились. И на этой основе у нас осталась государственность. И нам очень повезло, к нашему счастью, Ленин свершил революцию и на этой основе мы стали самостоятельными»[890]. «И также вы не должны забывать и Ленина, и Сталина. Если бы их не было, то были ли мы сейчас отдельным государством, об этом никто не знает. Может мы как нация, не сохранились бы. Со школы надо детям давать учить нашу историю, какой путь прошел кыргызский народ. Допустим Восстание 1916г. было вот таким образом, и говорить все объективно. Надо говорить открыто и без боязни. У нас же сейчас нет репрессий, как раньше. В школьной программе о восстании 1916г. написать открыто и без искажения, все как есть»[891]. Следовательно, в обретении нашей независимости после революции 1917г. большую роль мои респонденты отводят вождям и основателям советского государства и призывают открыто, без искажений давать нашу историю, в частности, о восстании 1916г.

Знание своей истории является важным для каждого народа, так некоторые народы знают свою историю на протяжении 10-20 веков, считают мои респонденты, а мы забываем свою 100 летнюю историю. «Мы должны знать свою историю, мы должны изучать ее. Кто мы были вчера, кто мы сегодня, а что будет завтра с нами… Знать историю, это не значит, что надо засучить рукава и пойти драться с кем-то, а надо знать, кто мы были, какими мы стали и что нас ожидает в будущем»[892].

Интервью №15. Мамбетов Кубан.
Интервью №4. Токторбаева Асылкуль.
Интервью №10. Сариев Фархад.
Интервью №11. Алымбаев Кенжебек.
Интервью №17. Исмаилов Осмон.
Интервью №15. Мамбетов Кубан.

Для усиления позитивизации утраты мои респонденты сравнивают положение современного Кыргызстана с другими народами, которым, несмотря на численное превосходство с нами и борьбу за свою независимость, не удается создать свое независимое государство с отдельной территорией и всеми атрибутами власти. Вот как они об этом говорят: «В мире есть народы, население которых превышает более 20 или 30 миллионов человек, но они не имеют своего государства, например, курды. Они борются за свою независимость, проливают кровь, враждуют с другими государствами, у них никак не получается отстоять свободу и независимость. По сравнению с ними мы в течение 28 лет живем в своем независимом государстве. Этим мы должны гордится и помнить»[893].

Таким образом, в становлении кыргызской государственности большая роль в моих устных историях отводится именно восстанию 1916 г., которое стало отправной точкой нашей независимости. На процесс становления государственности кыргызов оказали влияние первые вожди советского государства – Ленин, Сталин, которые спасли народ от исчезновения и гибели.

В стремлении к свободе и самостоятельности кыргызы прошли тяжелые испытания, трудности и утраты. Эти утраты были необходимы Кыргызстану на пути становления своего самостоятельного государства. Следовательно, нарративы моих респондентов о роли восстания 1916г. в появлении отдельного независимого государства оправдывают утраты на пути к строительству современного суверенного Кыргызстана.

Знать и изучать свою историю без искажений и правдиво необходимо, по мнению респондентов, для сегодняшнего поколения страны. Так, «чтобы не было восстания, надо сохранить свою землю, свой народ. Почему возникают восстания? Вы знаете, тот правитель, который не хочет сохранить свой народ и землю, того гонят прочь из страны. Например, в Кыргызстане было 2 восстания или революции»[894]. Следовательно, молодежь не должна доводить до такого состояния страну, из этого мы должны извлечь уроки и изучать свою историю.

Устный нарратив о роли и значимости восстания 1916 г.

Значимость и роль восстания в воспоминаниях иссык-кульцев весома как в воспитательном, так и в моральном плане. Современное поколение кыргызстанцев должно извлечь большие уроки из этого события, как сказано выше, потому что наши бабушки и дедушки боролись за свою землю, свободу и независимость. Для этого они пережили тяжелые испытания, приобретя неизлечимую травму. Жыргал Исаков, говоря о роли восстания отмечает, что для «Кыргызстана восстание 1916 г. имеет большое значение, мы имели огромные потери нашего народа. Сколько кыргызов погибло, сколько утонули в воде, сколько от голода и холода умерло, сколько на границе расстреляли, сколько девушек и девочек проданы китайцам и уйгурам. Если

Интервью №10. Сариев Фархад.

Интервью №12. Аскар Алыбеков. 78

Интервью №5. Исаков Жыргал.

бы всего этого не было, то сколько бы родов было, население возросло бы и составило бы больше, чем сейчас мы имеем. Мы были бы большим государством. Может, развитие нашего государства, было бы ускоренным и ушло вперед. Среди кыргызского народа еще больше родилось бы выдающихся людей»[78].

Воспитательный момент этого события, по мнению Аскара Алыбекова, заключается в том, что «надо любить свой народ, быть патриотом своей родины. В данном случае я ценю Алмазбека Атамбаева. Он инициировал установление памятника на Ата-Бейите для увековечения памяти о погибших в Восстании 1916 г.»[895].

В важности изучения восстания говорит респондент Аминат Чокобаева - исследователь, специализирующийся на изучении 1916 года: «Я считаю, что восстание важно изучать, потому что мы знаем о восстании только с точки зрения царских властей, так как у нас есть архивные документы. Мы можем только догадываться о том, что двигало повстанцами. Для полной картины нам важно знать, что они думали о переселенцах и что толкнуло их на вооруженное сопротивление. В то же время, я думаю, что также важно изучать и историю советского времени. В нашем знании советской истории есть большие лакуны – мы ничего не знаем о нарынском восстании, например, или о беловодском восстании переселенцев и казаков. История всегда неоднозначна и полна насилия, поэтому такие моменты нужно проговаривать и обсуждать в общественном пространстве. Дискуссия важна для понимания и приятия истории, какой ужасной бы она ни была»[896] .

Кубан Мамбетов, изучавший эту тему в течение 20 лет, считает, что только один Депутат Государственной Думы Керенский «на основе своих исследований выступил защиту кыргызов и открыто сказал о насилии и жестокости со стороны царского правительства. … Его исследование осталось на бумаге, но надо признать, что он один из первых открыто, честно сказал о жестокости и насилии царского правительства по отношению к кыргызам. По-моему, та информация, которая дошла до нас, ее очень мало. Потому что архивные данные писали те, кто служил царскому правительству. И поэтому они не могли в полной мере писать горькую правду о тех событиях, и до нас еще не дошла вся достоверная информация. ... Тому человеку, кто понимает значение и роль восстания 1916г, его воспитательная значимость просто огромна. Мы должны знать свою историю, мы должны изучать ее. Кто мы были вчера, кто мы сегодня, а что будет завтра с нами. Надо ставить вопрос, а кому мы будем рабами в своей новейшей истории. Это должна знать молодежь. У нас Кыргызстан для кыргызов всего один, у нас не два Кыргызстана, этого не понимают многие. У нас нет другого выбора»[897].

Жыргал Акматалиев призывает молодежь к изучению своей истории, потому что прошло 100 лет и многие забыли о восстании 1916 г. История кыргызов была непростая, поэтому «если детям не будем говорить о восстании1916 г, о Великой

Интервью №12. Аскар Алыбеков.
Интервью №13. Аминат Чокобаева.
Интервью №15. Мамбетов Кубан.

Отечественной войне, об истории кыргызов с момента его возникновения, то мы будем иметь поколение, которое думает только о своем материальном благополучии…. Эти люди образованные, но они как манкурты, как у Чингиза Айтматова. Мы должны говорить о трагедиях нашего народа и призывать их быть в будущем хорошим и достойным поколением. Вот так мы их должны воспитывать»[898].

С подобными призывами к изучению истории обращается Осмон Исмаилов к молодежи и школьникам, так «со школы надо детям давать учить нашу историю, какой путь прошел кыргызский народ, допустим Восстание 1916г, говорить все объективно и открыто и без боязни. У нас же сейчас нет репрессий, как раньше. В школьной программе о восстании 1916 г. написать открыто и без искажения, все как есть»[899].

Говоря о роли и значении восстания 1916г. в жизни кыргызского народа, респонденты призывают к изучению своей истории без искажений, открыто и достоверно, чтобы молодежь знала об истории своего государства. О стойкости и мужестве кыргызского народа, который противостоял царскому правительству против его жестокого насилия говорит Жаналиева Шейшекан: «И вот представьте, такой огромной русской империи могли противостоять дикие кыргызы, которые представляли каплю в большом океане. Конечно, они подорвали и унизили авторитет такого мощного русского правительства»[900]. Таким образом, респонденты, отмечая огромную роль и значимость восстания в становлении государства и его независимости, призывают помнить жертвы и трагедии восстания и стараться избегать таких событий для сохранения своей целостности и суверенитета. Для того чтобы знать более объективную правду о восстании, по мнению респондентов, следует изучать архивные материалы, хотя и эти материалы написаны со стороны царских властей. Все респонденты призывают изучать кыргызскую историю, чтобы не забывать свое трагическое прошлое.

Исходя из этих высказываний и оценок о роли и значимости восстания, мы можем признать, что в основе новой коллективной идентичности современных иссык-кульцев лежит осознание себя жертвой восстания 1916г., а, следовательно, о наличии неисцелённой двойной травмы, которая была унаследована от своих родителей и от распада бывшего Советского Союза. И только конструктивное решение экономических и социальных вопросов, направленных на улучшение жизни граждан страны, будет способствовать исцелению той травматической памяти, которая сохранилась в памяти современного поколения.

Культурная травма 1916 года

Устные истории о восстании 1916 г. свидетельствуют о культурной травме общества, которая представляет собой нарратив, вписывающий произошедшее событие в воспоминания жителей Иссык-Кульской области или в совокупность

Интервью №16. Акматалиев Жыргал.
Интервью №17. Исмаилов Осмон.
Интервью №2. Жаналиева Шейшекан.

образов, значимых для формирования новой коллективной идентичности кыргызского народа, как жертвы трагедии. Культурная травма возникает не в результате личного участия, а посредством включенности в социальные практики передачи сакрализованного канона культурной памяти, включающего в себя элементы как героического, так и трагического прошлого.

В этом смысле она более формализована и способна к передаче последующим поколениям трагических событий прошлого исторического опыта. С социальной точки зрения травма не является единичным событием, она представляет собой определенную последовательность действий, разворачивающуюся на протяжении многих лет, специфическую форму социальной практики. Поэтому следует говорить не о травме, а о травматизации как процессе.

В данной связи Питер Штомпка считает, что «культурная травма – это динамично развивающийся процесс, который подразделяется на несколько стадий: структурное и культурное прошлое; травматические ситуации; особые способы определения, интерпретации или толкования травматических событий посредством фонда унаследованных культурных ресурсов; травматические симптомы, то есть определенные схемы поведения и представлений; посттравматическая адаптация; преодоление травмы» [901].

Американский социолог Джеффри Александер в своей концепции травмы отталкивается от функционализма Эмиля Дюркгейма и показывает какую роль играет травма в жизни сообщества. «Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность»[902] .

Многие авторы обращают внимание на то, что травматические воспоминания оказывают отрицательное влияние не только на жизнь человека, непосредственно пережившего травму, но и на последующие поколения, несмотря на то, что они не принимали участия в событиях и не были их свидетелями[903].

Следовательно, изучение преодоления травматических событий актуально для истории нашей страны, где в зоне антипамяти оказалось значительное число событий. Иначе говоря, травмирующий негативный опыт не был интегрирован в общественное сознание и приобрел черты непроработанной коллективной травмы. Примером подобной коллективной травмы для Кыргызстана можно считать восстание кыргызов 1916 г.

В преодолении психотравмирующей ситуации культурной травмы терапевтический эффект может иметь интерпретация семейной памяти как основы неофициальной идентичности. В терапевтических целях, считает Алейда Ассман,

---

Штомпка П., 2001, с.8.

Джеффри А.. «Культурная травма и коллективная идентичность». *Социологический журнал*, №3, 2012, с.6.

Хлевнюк Д., Гизен Бернард. «Триумф и травма». *Социологическое обозрение*, №9, №2, 2010, с.115.

необходимо за счет артикуляции высвободить травму из ее непрозрачного ядра и сделать частью сознательной идентичности[904]. С этой целью особенно актуальным является использование устных историй как способа выхода индивидуальных травмированных воспоминаний.

Заключение

Устные истории, которые я собрала и проанализировала показали, что главным очагом восстания была Северная часть Кыргызстана – Пишпекский и Пржевальские уезды. В этих уездах происходило наибольшее сопротивление колониальной политике царских властей и поэтому здесь произошли кровопролитные столкновения во время восстания.

Устные истории свидетельствуют, что главная причина восстания - это жестокая политика царских властей, связанная с изъятием земель, и других ресурсов, которая привела к вымиранию коренного населения. Восстание было общенародным, потому что доведенный до отчаяния народ восстал, чтобы защитить свою честь, достоинство, свободу и землю. Следовательно, восстание кыргызов в 1916 г. является борьбой народа за справедливость, за выживание, которая обернулась трагедией для представителей всех национальностей, живущих на Иссык-Куле. Эти все события продемонстрированы в устных историях моих респондентов.

Из устных историй или воспоминаний жителей Иссык-Кульской области мы видим, что память избирательна, так как делает акцент на отдельные события, игнорируя другие. Неофициальная память передается и влияет на современное молодое поколение граждан Кыргызстана. Воспоминания, выявляемые устной историей, в целом обладают значительным потенциалом гражданственности и открывают диалог поколений. Для современного кыргызского общества историческая память о восстании 1916 г. является ценностной опорой национального самосознания, основой идентичности, объединяющей общество сильнее всех других символов. Таким образом, применив понятие связующей травмы к воспоминаниям о восстании 1916 года в современном Кыргызстане, я считаю, что травматические воспоминания о восстании 1916 годы являются инструментом как преодоления травмы, возникшей вследствие кризиса советской идентичности, так и инструментом формирования новых форм самосознания и национальной самоидентификации.

Не являясь непосредственными участниками или свидетелями восстания 1916 года, современные иссык-кульцы тем не менее переживают воспоминания о восстании как личную и коллективную травму. Коллективное горе и общий опыт страданий, пусть и вторичных, переживаемых моими респондентами, объединяет их в социальную и этническую общность и придает смысл событиям недавнего прошлого, приведшим к потере советской идентичности моих респондентов.

В этих условиях память создает новые нарративы о восстании 1916г., т.е. создается воображаемая конструкция событий второго и третьего поколения на

Ассман А. *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. Москва: Новое литературное обозрение, 2014, с. 58.

основе воспоминаний очевидцев тех лет. Следовательно, неисцелённая травма старшего поколения интерпретируется современными жителями региона как своя собственная и общенациональная трагедия, которую мы не должны забывать.

Список источников и литературы

Айерман Р. «Социальная теория и травма». *Социологическое обозрение*, т.12, №1, 2013, сс.121-138.

Ассман А. *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика.* Москва: Новое литературное обозрение, 2014.

Джеффри А. «Культурная травма и коллективная идентичность». *Социологический журнал*, №3, 2012, сс.6-40.

Мамбетов К. *Кандуу которулуш.1916. Биринчи китеп. Публицистикалык иликтоо*. Бишкек: Турар, 2016.

Мамбетов К. *Кандуу которулуш.1916. Кыргындан калган кыргыздар. Экинчи китеп. Тарыхый-публицистикалык иликтоо*. Бишкек: Турар, 2016.

Ушакин С. ««Нам этой болью дышать?» О травме, памяти и сообществах». *Травма: пункты. (Сборник статей).* Сост. С.Ушакин, Е.Трубина. Москва: Новое литературное обозрение, 2009, сс.5-44.

Ушакин С. «Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России». *Регион в истории империи. Историческое эссе о Сибири. (Сборник статей).* Москва: Новое издательство, 2013, сс.252-284.

Хлевнюк Д., Гизен Б. «Триумф и травма». *Социологическое обозрение*, №9, №2, 2010, сс.112-117.

Штомпка П. «Социальные изменения как травма. (Статья первая)». *Социологические исследования,* №1, 2001, сс.6-16.

Транскрипции устных историй

Транскрипция №1. Арбаев Калысбек, 57 лет, обр. высшее, интервью от 11.05.2018.

Транскрипция №2. Калчаев Жолой, 59 лет, обр. средне-спец., интервью от 8.05.2018.

Транскрипция №3. Жаналиева Шейшекан, 58лет, обр. высшее, интервью от 1.06.2018.

Транскрипция №4. Токторбаева Асылгуль, 42 года, обр. высшее, интервью от 29.05.2018.

Транскрипция №5. Исаков Жыргал, 38 лет, обр. высшее, интервью от 20.04.2018.

Транскрипция №6. Абдулаев Дамир, 54года, обр. высшее, интервью от 25.04.201.

Транскрипция №7. Сабатаров Бейшен,58 лет, обр. высшее, интервью от 14.05.2018.

Транскрипция №8. Алымбеков Кайырбек, 59 лет, обр. высшее, интервью от 16.05.2018.

Транскрипция №9. Атыгаев Бакыт,47 лет, обр. высшее, интервью от 2.05.2018.

Транскрипция №10. Сариев Фархад, 46 лет, обр. высшее, интервью от 17.06.2018.

Транскрипция №11. Алыбеков Аскар,79 лет, обр. высшее, интервью от 28.05.2018.

Транскрипция №12. Алымбаев Кенжебек, 53 года, обр. высшее, интервью от 5.06.2018.
Транскрипция №13. Чокобаева Аминат, 34года, обр. высшее, интервью от 17.05.2018.
Транскрипция №14. Осмонов Иса, 80 лет, обр. высшее, интервью от 1.06.2018.
Транскрипция №15. Мамбетов Кубан, 59 лет, обр. высшее, интервью от 28.04.2018.
Транскрипция №16. Акматалиев Жыргал, 44 года, обр. высшее интервью от 30.04.2018.
Транскрипция №17. Исмаилов Осмон, 70 лет, обр. высшее, интервью от 12.04.2018.
Транскрипция №18. Сооронбаева Чолпон, 42 года, обр. высшее, интервью от 04.2018.

ДРУГАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

О роли манапов в восстании 1916 года: статье Асель Данияровой

«Трансформация взглядов на модели поведения лидеров кыргызских родов в 1916 году в свете вновь открывшихся фактов»

Аминат Чокобаева

Аннотация

Статья А. Данияровой «Трансформация взглядов на модели поведения лидеров кыргызских родов в 1916 году в свете вновь открывшихся фактов» показывает, что во время восстания 1916 года манапы руководствовались, прежде всего, задачами сохранения рода. В то же время, Даниярова утверждает, что манапы были вынуждены возглавить восстание в силу провокационных действий властей. Данная статья является попыткой пересмотреть некоторые аргументы, выдвинутые Данияровой, на основе архивных документов.

Ключевые слова: *восстание 1916 года, теория заговора, провокация, колониальные власти, манапы, переводчики*

Статья А. Данияровой «Трансформация взглядов на модели поведения лидеров кыргызских родов в 1916 году в свете вновь открывшихся фактов» является первой русскоязычной статьей, рассматривающей причины, по которым манапы, родоправители кыргызских родов в дореволюционном Семиречье, возглавили восстание 1916 года. Как показывает Даниярова, манапы руководствовались, прежде всего, задачами сохранения рода. Статья Данияровой представляет новое прочтение роли манапов, чьи действия не отвечают представлениям советской историографии о «предателях» национально-освободительного движения, равно как и не соответствуют романтическим и героическим их образам в постсоветской историографии.

В то же время, статья продолжает представленную в этом же сборнике статью В. Шварца «Высочайшее повеление от 25 июня 1916 года - документ двойного назначения». Даниярова, в частности, опирается на главный аргумент, выдвигаемый Шварцем, о роли колониальной администрации и Переселенческого управления в провоцировании восстания для последующей очистки земель Пишпекского и Пржевальского уездов под новые переселенческие поселения. На примере манапов Даниярова показывает, что предводителями восстания манапы стали после того как «к каждому из манапов пришло понимание», что «властям не нужна была лояльность «инородцев», властям не нужна была реквизиция, власти добивались недовольства и беспорядков». Иными словами, провокационные действия властей вынудили манапов стать во главе своих родов во время восстания. Основными источниками статьи являются показания Каната Абукина, одного из манапов, который, судя по архивным данным, руководил восставшими при осаде Токмака, и на основе объективного, по

мнению автора, расследования ротмистра отдельного корпуса жандармов В. Ф. Железнякова.

Несмотря на использование архивных документов, главное положение автора о том, что восстание вспыхнуло в результате подстрекательства колониальной администрации все же представляется сомнительным. Как показывает Т. Уяма в своем анализе статьи Шварца, призыв коренного населения на тыловые работы не был следствием тайного заговора. В своем анализе статьи Данияровой я также попытаюсь продемонстрировать, что предположение о провокационной работе представителей колониальной власти в Пишпекском и, в особенности, Пржевальском уездах, несостоятельно. Я остановлюсь на нескольких спорных моментах в статье Данияровой. Я также рассмотрю действия В. Иванова, начальника Пржевальского уезда, одного из предполагаемых участников заговора во время восстания.

Информационная война

Главными источниками для статьи, как указано выше, послужили показания манапа Каната Абукина и материалы расследования ротмистра В. Ф. Железнякова. Ограниченную выборку архивных источников автор объясняет непредвзятостью Железнякова, «знатока истории колонизации Туркестана» и «главы службы разведки контрразведки Российской империи в Семиречье», располагавшего обширной «агентурной сетью» в области, и, в случае Абукина, желанием представить «голос «инородца», обладавшего к тому же «здравым смыслом, логическим мышлением и до ареста – властью». Даниярова также выдвигает смелое суждение о том, что «рапорты донесения Туркестанских администраторов и командиров карательных отрядов» представляют собой «сознательную дезинформацию, являющуюся частью информационной войны».

Но можно ли говорить об информационной войне в Семиреченской области в 1916 году? Во-первых, хотелось бы обратить внимание на то, что само понятие «информационной войны» сложилось в конце прошлого века благодаря распостранению новых средств массовой коммуникации. Применение термина к азиатским окраинам Российской империи начала 20-го века весьма спорно. Во-вторых, непонятно против кого велась эта война. В конце концов, понятие войны предполагает наличие противника. Могли ли местные власти края вести «информационную войну» против восставших кочевников? Учитывая тот факт, что большинство коренного населения русским языком не владело и имело весьма ограниченные возможности обращения к центральным властям, «информационная война» видится маловероятной.

В-третьих, если Туркестанские власти на самом деле вели «информационную войну» против восставших, то какой им был смысл допрашивать участников и свидетелей восстания из числа коренного населения? Логично предположить, что личная заинтересованность властей в ведении предполагаемой автором «информационной войны» могла привести к замалчиванию либо уничтожению всех подобных показаний. Автор указывает на Каната Абукина, как на одного из немногих

«достоверных источников», но множество других показаний участников и очевидцев, которые не менее критически оценивают роль местных властей в трагедии, были собраны представителями той же самой колониальной администрации, в частности, мировыми судьями Пишпекского и Пржевальского уездов. Так, например, показания Фазлутдина Забирова, мещанина г. Пржевальска, нелестно отзывавшегося как о полковнике Иванове, так и о переводчике Тюлембае Дюсебаеве, которого автор также приводит в качестве «достоверного источника», были собраны именно мировым судьей 4-го участка Пржевальского уезда.[905] Тот же Дюсебаев был также опрошен мировым судьей 3-го участка Пржевальского уезда Руновским.[906]

Конечно, нельзя исключать возможности того, что местные власти хотели представить свои действия во время восстания в самом положительном для них свете. Тем не менее, нельзя и утверждать то, что у местных администраторов, включая того же полковника Иванова, была полная монополия на сбор и передачу сведений в метрополию. Обзор архивных источников позволяет судить о том, что получаемая Петроградом информация не сводилась исключительно к рапортам и донесениям администраторов и карательных отрядов. Существует множество показаний очевидцев восстания из числа обычных горожан Пржевальска и Пишпека, собранных мировыми судьями. Более того, показания Абукина не являются единственным «голосом «инородца». Показания и рапорты инженера-казаха Мухамеджана Тынышпаева не менее информативны, чем показания Абукина, и так же критически оценивают роль администрации на местах[907].

Заговорщики

Принимая во внимание то, что автор статьи считает восстание 1916 года результатом провокации со стороны колониальных властей, отсутствует ясное понимание, кто именно был вовлечен в заговор по провокации восстания. Единственным представителем администрации, на которого ссылается автор статьи, является В. А. Иванов, начальник Пржевальского уезда. Об участии в заговоре Иванова автор судит по отказу Иванова реагировать на предупреждения своего переводчика, уже упомянутого Дюсебаева, о подготовке киргиз к восстанию. Однако из архивных документов вырисовывается нелестный портрет Иванова как человека жадного, тщеславного и некомпетентного, но отнюдь не заговорщика.

Уже знакомый нам житель Пржевальска Забиров утверждает в своих показаниях, что начальник Иванов «слишком распустил своих джигитов и переводчика Дюсебаева и последние делали с киргизами что хотели и драли с них взятки за все, что хотели, и никакие жалобы уездному не помогали и все шло по-своему». Взятки, продолжает Забиров, брал и сам Иванов, но «исключительно деньгами» и через своих

Жетысу – Иссык-кульская трагедия: 1916-1920 гг. (Сборник документов и материалов). Алматы: Эл-Шежире, 2009, сс.113-114.

Восстание 1916 года. (Сборник документов и материалов). Бишкек: Улуу Тоолор, 2016, сс.167171.

Жетысу – Иссык-кульская трагедия: 1916-1920 гг., сс.167-185.

подчиненных, в том числе, Дюсебаева[908]. Сам Железняков в одном из своих донесений пишет, что киргизы, бежавшие в Китай, «обвиняют в восстании русскую власть в лице Пржевальского уездного начальника полковника Иванова, который якобы их сильно обирал, а также новоселов, которые очень скверно обращались с киргизами». Из донесения понятно, что восстание было вызвано не провокационными действиями Иванова, как их понимает автор, а его жадностью и бесконечными поборами. Ясно также и то, что недовольство восставших было вызвано не только вымоганием взяток Ивановым, но и конфликтом с переселенцами. Едва ли можно подозревать переселенцев, которые сильно пострадали от восстания, в заговоре по его провокации.

Интересно то, что обвинения полковника Иванова в заговоре не новы. Собственно говоря, слухи о виновности Иванова ходили в Пржевальске уже во время восстания. Поводом для этих слухов послужила выдача Ивановым 30 берданок дунганам примыкавшей к Пржевальску Мариинской волости. Горожане обвиняли Иванова в том, что он «продал» Пржевальск дунганам. Ротмистр Г. А. Юнгмейстер, присланный, как пишет В. Шварц, помогать Железнякову в его расследовании, докладывает, что Иванов выдал оружие Мариинскому волостному управителю Маруфу, который пользовался у него доверием, для «защиты русских». Очевидно, что сам Юнгмейстер не подозревает Иванова в измене и «продаже» Пржевальска, хотя и обвиняет его в «полной бездеятельности»[909].

Тем не менее, подозревать Иванова в заговоре трудно еще и потому, что сам Иванов и его семья пострадали бы, если бы восставшим удалось взять Пржевальск. Как показывает межевой техник И. А. Поцелуев, проживавший в Пржевальске, «продавши» город, Иванов продал бы «и свою голову». Иванов, продолжает он, «в любой момент мог быть разорван враждебно-настроенной толпой»[910].

Поцелуев также объясняет «бездеятельность» Иванова банальным отсутствием оружия и людей. На 10000 женщин и детей, показывает Поцелуев, приходилось «около 50-60 вооруженных разнородным огнестрельным оружием мужчин и около 800-1000 мужчин с дрекольем». Несомненно, что Иванову можно вменить его нежелание прислушаться к донесениям своего переводчика и несвоевременный запрос военной помощи, но следует помнить, что восстание было неожиданностью для большинства чиновников колониальной администрации во всех областях Туркестана. Ни Иванов, ни другие администраторы не предвидели восстания и не могли его предотвратить в силу отсутствия ресурсов.

Туземные заговорщики

Помимо самого Иванова, автор также указывает на нижние чины администрации из числа коренного населения – переводчиков, джигитов и писарей – сыгравших роковую роль агентов-провокаторов восстания. Близость к колониальной администрации была, несомненно, весьма выгодной для переводчиков и джигитов,

---

Жетысу – Иссык-кульская трагедия: 1916-1920 гг., с. 113.

*Жетысу – Иссык-кульская трагедия: 1916-1920 гг.сс.*119-120.

Восстание 1916 в Киргизстане. (Документы и материалы, собранные Л. В. Лесной). Москва: Гос. соц.-экон. изд., 1937, сс.42-43.

которые занимались взяточничеством и поборами, о чем свидетельствует инженер Тынышпаев: «Каждый вновь приезжий бедный переводчик-киргиз через год становился уже богачом, имел табуны лошадей, красивые юрты и т. д.»[911]. В случае же восстания выгоды для переводчиков представляются сомнительными. В обстановке ненависти ко всем мусульманам во время восстания, многие переводчики пострадали не меньше своих соплеменников, переводчиками не являвшимися. Так, дом переводчика Дюсебаева в Пржевальске был подвергнут ограблению[912]. Самого Дюсебаева и его брата, врача Джакупбаева, полковнику Иванову пришлось сдать под охрану, чтобы защитить их от разъяренной толпы. Позднее, Иванов перевел Дюсебаева в собственную квартиру[913]. Пострадать могли не только сами переводчики, но и их семьи и родственники. У другого переводчика, Назайбека Тулина, крестьяне взяли «против воли» 19 кибиток (юрт) с родственниками[914].

Манапы

Но главными героями статьи, если так можно выразиться, все же являются манапы. Автор пишет о том, что в системе колониального управления Туркестана манапы «являлись лидерами неформальными, их авторитет и влияние на простой народ были сильны, хотя и не были обусловлены административными полномочиями», что давало им «относительную независимость или скорее некоторую самостоятельность». Таким образом, автор отделяет манапов от «агентов» администрации из числа переводчиков, писарей и т.д. К сожалению, архивные документы часто молчат о социальном происхождении переводчиков из числа коренного населения. Тем не менее, мы знаем, что один из переводчиков, Абдыкерим Сыдыков, был манапом по происхождению[915]. Мы также знаем, что один из лидеров восстания, Малыбек Джаркимбаев был переводчиком мирового судьи 2-го участка Шамсинской волости[12].

Далее, автор подвергает сомнению существование письма братьев Шабдановых с призывом к восстанию. Так как письма эти не были найдены, автор рассматривает эти письма «как вброс дезинформации». Действительно, письма не сохранились, но многочисленные упоминания писем братьев Шабдановых в архивных документах позволяют говорить о достоверности их существования. Более того, донесения одного из агентов охранного отделения ротмистру Юнгмейстеру, помощнику Железнякова, показывают, что «9-го августа манапами... Леяйлибаем и Толканбаем были получены от сыновей Шабдана письмо, в которых после приветствий значилось примерно

Жетысу – Иссык-кульская трагедия: 1916-1920 гг., с. 170.

Восстание 1916 в Киргизстане, с. 48.

Восстание 1916 в Киргизстане, с. 57.

Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. (Сборник документов и материалов). Москва: Марджани, 2016, сс.221-222.

Плоских В.М. «Сыдыков: героическая и трагическая судьба переводчика восстания 1916 г». *Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета*, № 10, 2016, сс.205–210. [12] *Восстание 1916 года*, с.

следующее: «Мы испортились (*бузулдук*), т.е. восстали. В села и деревни в окрестностях Сарыбагиша взяты нами. Отбито много казенных лошадей и оружия. Теперь мы идем на Бурулдай и вы поднимайтесь»[916]. Если предположить, что агентурные сведения, собранные Железняковым, являются достоверными, то и существование письма братьев Шабдановых не может быть «дезинформацией».

Вообще следует более детально рассмотреть и роль братьев Шабдановых в руководстве восстанием. Автор пишет, что до восстания «семья Шабдана Жантаева не имела проблем с властью, с ними считались, им было что терять, и уже совсем не было причин становиться преступниками в глазах властей». Братьям Шабдановым действительно было, что терять. Тем не менее, один из отчетов инженера Тынышпаева Туркестанскому генерал-губернатору свидетельствует об ухудшающихся отношениях братьев с администрацией. Начиная с 1908 года, администрация изымала значительные площади орошенной земли из волости, бывшей в ведении семьи Шабдана. На бывших землях Шабдановых были образованы переселенческие поселки Новороссийское, Самсоновское, отрезаны были земли под пасеки и хутора. Одновременно начинаются преследования братьев Шабдановых. Так, в 1911 году, одного из братьев, Мокуша, обвиняют в убийстве и сажают под заключение на время следствия. За три года до восстания администрация занимает сторону родственника братьев Шабдановых, который требует разделить волость, и решает «во чтобы то ни стало обуздать Шабдановых»[917]. Как следует из отчета Тынышпаева, у братьев Шабдановых было много причин быть недовольными властями.

Причины быть недовольным администрацией были и у Узака Саурукова, которого автор считает одним из «агентов» администрации. В одном из рапортов того же Тынышпаева упоминается некто Селеу Сауруков, бывший волостной управитель, умерший в тюрьме еще в середине июля, т.е. до начала активной фазы восстания[918]. При каких обстоятельствах умер Сауруков нам неизвестно, но можно предположить, что Селеу Сауруков являлся близким родственником Узака Саурукова, что давало последнему повод выступить против властей. В то же время, автор права в том, что братья Шабдановы, как и другие манапы, были вынуждены присоединиться и возглавить восстание, о чем пишет и сам Тынышпаев. Однако показания самих участников и свидетелей восстания, и многочисленные рапорты, и агентурные донесения свидетельствуют о том, что многие манапы возглавили восстание под давлением своих сородичей. Так, Дюсебаев показывал, что просившие Иванова заключить их под стражу манапы объясняли свою просьбу тем, что «если почетные изъявят свое согласие дать рабочих от имени народа, то народ порежет всех почетных и совершит побег в китайские пределы»[919]. Об угрозах, исходивших от «народа»,

---

Жетысу – Иссык-кульская трагедия: 1916-1920 гг., с. 119.

Жетысу – Иссык-кульская трагедия: 1916-1920 гг., сс. 312-313.

Восстание 1916 в Киргизстане, с. 77.

«Документы 1916 года. Док.№56. Протокол допроса ротмистром В. Ф. Железняковым переводчика Пржевальского уездного правления Т. Дюсебаева». http://daniyarov.kg/2019/06/06/ dokument-n55-protokol-doprosa-rotmist/ Просмотрено 11.11.2019.

доносил и Тынышпаев. Он пишет, что братья Шабдановы присоединились к восставшим только после того, как «бунтующие киргизы припомнили Шабдановым все обиды, нанесенные им русскими властями»[920]. Семиреченские областные ведомости также писали о том, что многие Пржевальские манапы примкнули к мятежу «под угрозами бунтарей»[921].

В конечном итоге, факторов, приведших к восстанию, было множество и хотя необдуманные, несвоевременные и порой оскорбительные действия властей сыграли определенную роль в нарастании конфликта, нельзя утверждать, что восстание было вызвано провокационной деятельностью администрации. Как мы видим из архивных документов, давление на манапов шло как со стороны колониальной администрации, так и со стороны населения, за которое они, как родовые управители, несли ответственность. Весьма вероятно, что именно давление и угрозы со стороны сородичей послужили последним толчком к решению восстать против властей.

Список источников и литературы

Плоских В. М. «Сыдыков: героическая и трагическая судьба переводчика восстания 1916 г». *Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета*, № 10, 2016, сс.205–210.

Восстание 1916 в Киргизстане. (Документы и материалы, собранные Л. В. Лесной). Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.

Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. (Сборник документов и материалов). Москва: Марджани, 2016.

Восстание 1916 года. (Сборник документов и материалов). Бишкек: Улуу Тоолор, 2016.

«Документы 1916 года. Док.№56. Протокол допроса ротмистром В.Ф. Железняковым переводчика Пржевальского уездного правления Т. Дюсебаева». http://daniyarov.kg/2019/06/06/dokument-n55-protokol-doprosa-rotmist/

Жетысу – Иссык-кульская трагедия: 1916-1920 гг. (Сборник документов и материалов). Алматы: Эл-Шежире, 2009.

Жетысу – Иссык-кульская трагедия: 1916-1920 гг., с.313.

Жетысу – Иссык-кульская трагедия: 1916-1920 гг., с. 102.

Теория заговора мешает пониманию сути вопроса: по поводу статьи Владимира Шварца «Высочайшее повеление от 25 июня 1916 года - документ двойного назначения»

Томохико Уяма

Аннотация

Тогда как некоторые исследователи пишут о теории заговора внешних сил, В. Шварц выдвигает теорию заговора Переселенческого управления Министерства земледелия. Главный документ, на который он опирается, очень интересен, но его место в процессе принятия решения о мобилизации инородцев не ясно. Нет оснований полагать, что помощник начальника Переселенческого управления А.А. Татищев мог предсказать возникновение кровавого восстания, и что правительство решило мобилизовать «инородцев» всей империи с целью изъять земли в одном регионе. И предложение А.А. Татищева, и издание Высочайшего повеления о «реквизиции» инородцев вполне рационально объяснимы и не нуждаются в использовании теории заговора, которая мешает пониманию сути проблем, существовавших в Российской империи во время Первой мировой войны. Читая статью В. Шварц, мы можем осознать необходимость глубже изучать конкуренцию между ведомствами за трудовые ресурсы и работы тыловых рабочих.

Ключевые слова: *теория заговора, архивные документы, тыловые работы, воинская повинность, тотальная война, конкуренция за трудовые ресурсы, ведомственные интересы*

Два типа теории заговора: внешние враги и враги наверху

История восстания 1916 года в Центральной Азии нередко пишется в конспирологическом духе. Первый тип теории заговора касается иностранной агентуры: немецких, турецких (османских) и китайских агентов. Участие немецко-турецкой агентуры в восстании утверждалось сначала царскими чиновниками и потом некоторыми советскими историками. В последние годы, на фоне антизападного настроения в России и в некоторых других постсоветских государствах[922], теория заговора этого типа снова поднимается. Кыргызстанский историк С.К. Малабаев даже пишет, что «события 1916 г. были своего рода «цветными революциями», инспирированными в большей части извне»[923].

Но в источниках практически отсутствует информация о том, кто из иностранцев, каким образом организовал восстание. Поэтому подавляющее большинство исследователей согласны, что влияние внешних сил на восстание было крайне ограниченным. Внимание Берлина было сосредоточено на Афганистане в

Yablokov I. *Fortress Russia: Conspiracy Theories in Post-Soviet Russia*. Cambridge: Polity, 2018.

Малабаев С.К. «Роль внешних сил в эскалации трагических событий 1916 г. в Кыргызстане». *Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). (Сборник докладов Международной научнопрактической конференции)*. Сост. Т.В. Котюкова. Москва, 2016, с.126.

качестве тарана британских позиций в Индии, а Русский Туркестан оставался на периферии внимания[924]. Отдельные османские офицеры и китайские организации присутствовали в Семиречье, но они не оказали решающее влияние на ход событий[925].

Кроме версий о внешних силах, существует второй тип теории заговора, обвиняющий представителей царских властей в намеренном провоцировании восстания[926]. В частности, Г.И. Бройдо, очевидец восстания, впоследствии заместитель И.В. Сталина по Наркомнацу, утверждал, что «восстание было результатом провокационной работы всей администрации, не исключая высшей (Ташкент и Семиречье), направленной к тому, чтобы вырезать киргизское население очистить земли для дальнейшей колонизационной деятельности правительства»[927]. Но он просто показал провокационный характер действий краевых и местных властей после объявления Высочайшего повеления о мобилизации «инородцев» на тыловые работы, не доказывая, кто и как спланировал провокацию. Статья В. Шварца «Реквизиция инородцев на окопные работы в 1916 году как инструмент русской колонизации Туркестана» является попыткой документально доказать наличие провокации. К тому же речь идет не просто о провокации со стороны краевых и местных властей, а о наличии «теневой задачи» в подготовке самого Высочайшего повеления. Насколько успешно автор доказывает свой тезис?

Дерзкая гипотеза: А. Татищев – ясновидец?

Главный источник статьи – «Справка Переселенческого управления о привлечении кочевого населения Империи для формирования нестроевых команд», составленная помощником начальника Переселенческого управления А.А. Татищевым, является действительно очень интересным документом. Сам факт, что возможно самый ранний документ о привлечении инородцев на тыловые работы был подготовлен в Министерстве земледелия, весьма значим, поскольку до этого историки ссылались на документы военных ведомств, Министерства внутренних дел и Совета министров.

---

924 Баринов И.И. «Германская стратегия в Центральной Азии в годы Первой мировой войны». *Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). (Сборник докладов Международной научно-практической конференции).* Сост. Т.В. Котюкова. Москва, 2016, с.118.

Uyama T. «Why in Central Asia, Why in 1916? The Revolt as an Interface of the Russian Colonial Crisis and the World War». *The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution*. Ed. by A. Morrison, C. Drieu, A. Chokobaeva. Manchester: Manchester University Press, 2019, pp. 36–37. Также см. статью Джамили Маджун в настоящем сборнике.

По классификации видов теорий заговора Джесси Уокером, данный тип соответствует идее о «враге наверху» (the Enemy Above). Остальные четыре вида – the Enemy Outside (т.е., внешние силы), the Enemy Within, the Enemy Below, the Benevolent Conspiracy. Walker Jesse. *The United States of Paranoia: A Conspiracy Theory*. New York: HarperCollins, 2013, p. 16.

Бройдо Г.И. «Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году. (Показание, данное 3 сентября 1916 г. т. Г.И. Бройдо прокурору Ташкентской Судебной Палаты по делу о киргизском восстании 1916 г.)». *Новый Восток*, № 6, 1924, сс.407–434.

Но это практически изолированный документ: не обнаружен ни документ, в котором кто-либо запросил мнение А.А. Татищева, ни документ, который ссылается на данную справку. Поэтому мы пока не можем проследить, как данная справка была использована в процессе принятия решения о мобилизации инородцев на тыловые работы. Более того, предложение автора справки (привлечение кочевников к воинской повинности в нестроевых командах) и окончательное содержание Высочайшего повеления от 25 июня (реквизиция, а не привлечение к воинской повинности, инородческого населения в целом) не идентичны. Известно, что выбрали форму «реквизиции» для того, чтобы избежать законодательной процедуры, необходимой для введения воинской повинности, но пока не имеет ответа вопрос о том, почему решили мобилизовать и оседлых инородцев, если первоначальное предложение было привлечь кочевое и полукочевое население и, как утверждает В. Шварц, сместить кочевников с занимаемых ими земель.

Время составления справки А.А. Татищева тоже не совсем ясно. В. Шварц утверждает, что она была написана до 24 марта 1916 года, предполагая, что она была составлена в рамках выполнения поручения товарища министра А.А. Риттиха от 14 марта и была передана министру А.Н. Наумову, который присутствовал в Государственной Думе, рассматривавшей смету Министерства земледелия. Но эти доводы несостоятельны, так как эта справка по содержанию не имеет отношения к поручению А.А. Риттиха представить цифровые данные по отраслям деятельности министерства, которые должны были быть переданы бюджетной комиссии Государственной Думы. В архивном деле необязательно все документы составлены в ответ на запрос или поручение, написанное в наиболее раннем документе в папке. Судя по заголовку Дела № 300 «Справки по общим вопросам переселенческого и колонизационного дела», в данное дело, видимо, были подшиты справки разного характера. Достаточно было бы указать на вторую половину марта 1916 г. как предполагаемое время составления справки, основываясь на карандашной отметке «30/III», проставленной на титульном листе справки.

Несмотря на такой неопределенный характер данной справки, В. Шварц постоянно намекает, хотя никак не доказывает, что А.А. Татищев поставил перед собой задачу спровоцировать беспорядки в Туркестане и освободить под грядущую колонизацию земли, используемые кочевыми инородцами. Это дерзкая гипотеза, но как он мог знать, что обязательно будут массовые беспорядки? На деле восстание произошло, но по очень сложному стечению различных факторов и обстоятельств, и далеко не везде. Особенно важно учесть, что предлогом для конфискации земель у коренных жителей в качестве их «наказания» могло служить не просто пассивное неповиновение или локальные беспорядки, а кровопролитное восстание против русских. Массовые конфликты с пролитием «русской крови» произошли только в Джизакском уезде и на юге Семиречья, причем крупные вооруженные выступления на юге Семиречья начались полтора месяца после объявления Высочайшего повеления. Даже внутри юга Семиречья, как отмечает сам В. Шварц, каждая волость каждый манап отреагировали на высочайшее повеление совсем по-разному.

В качестве предположения не исключено, что А.А. Татищев предполагал, что привлечение мужчин молодых и средних возрастов на работы в далекие края уменьшит возможности сопротивления изъятию земель у кочевников, но сказать, что он заранее знал, что обязательно возникнет кровавое восстание – это то же самое, что сказать, что он был ясновидцем. Нельзя исходить из того, что мы знаем постфактум, но люди того времени не знали – это основа основ исторической науки.

Тыловые рабочие не делали ничего?

Идея В. Шварца о том, что у мобилизации на тыловые работы были недекларированные, «истинные» цели, также основана на представлении, что «о каких-либо нужных для армии или полезных для борьбы с врагом результатах этой «реквизиции», как ни удивительно, практически ничего не известно», и якобы привлеченные рабочие не делали ничего. Но мы пока относительно плохо знаем детали работы этих рабочих не потому, что они ничего не делали, а потому что исследователи, сосредотачивающие внимание на сопротивлении «реквизиции», мало интересовались тем, чем занимались мобилизованные люди, и не выявляли достаточного количества документов по этой теме.

Тем не менее, П.А. Ковалев, на которого автор статьи тоже ссылается, достаточно подробно выяснил, на какие фронты, заводы, железные дороги, строительные площадки, имения и т.д. и для каких работ были распределены тыловые рабочие из Туркестана[928]. Также известно, что буряты выполняли работы по рытью и оборудованию окопов, были заняты на постройке железнодорожных веток, на заготовках лесоматериала, на приведении в порядок порта и на перевозке разных грузов в Архангельске и районе Северо-Западного фронта[929]. В. Шварц прав, что, несмотря на изначальное требование штаба Верховного главнокомандующего набрать миллион рабочих для нужд армии, только малая часть рабочих непосредственно работала для устройства оборонительных сооружений и военных сообщений[930], но другие рабочие тоже внесли вклад в военную экономику. Естественно, в смутных обстоятельствах военного времени рабочих не всегда доставляли вовремя в нужные места и некоторые из них могли оказаться без дел, но спрос на них в целом не отпадал. Даже после Февральской революции, в марте 1917 г., Главное управление Генерального штаба попросило туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина отправить десять тысяч «киргиз» на Кавказ[931].

---

928 Ковалев П.А. *Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны (1916 – май 1917 гг.).* Ташкент: Госиздат УзССР, 1957.

История Бурят-Монгольской АССР. 2-е изд., т.1. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское книжное изд-во, 1954, сс. 470–473.

При этом В. Шварц неправильно утверждает, что число тех, кто работал в районах действующей армии (20 000 – 30 000 чел. по приблизительному расчету П.А. Ковалевым) составляет 2–3 % от первичной численности (1 000 000 чел.). Кроме рабочих из Туркестана, которых посчитал П.А. Ковалев, многочисленные рабочие приехали из Степного края, Сибири и Калмыкии.

Қаһарлы 1916 жыл – Грозный 1916-й год. (Сборник документов и материалов.), т.1. Алматы: Қазақстан, 1998, с.357.

Образ мышления имперских чиновников: насколько они беспокоились о Туркестане?

Еще одна очень проблематичная сторона статьи В. Шварца – это несоответствие географических рамок мышления автора с образом мышления политиков и чиновников Российской империи. Автор сосредотачивает внимание на Туркестане, в частности на Семиречье, и прямо связывает издание Высочайшего повеления с земельным вопросом в данном регионе. Но немыслимо, что правительство приняло решение, касавшееся инородческого населения всей империи, исключительно с целью отнять земли у кыргызов и казахов на юге Семиречья. Также наивно называть Туркестан «важнейшим тыловым регионом» и предполагать, что министр земледелия увидел бы в предложениях А.А. Татищева прямую угрозу всему сельскому хозяйству. Туркестан не вывозил зерно в Европейскую Россию и в армию, и не играл роль в решении продовольственного кризиса в военное время. Также нельзя забывать, что первоначальное предложение А.А. Татищева касалось только кочевого населения, чья роль в сельском хозяйстве тогда плохо оценивалась. Ввиду этих обстоятельств, все размышления и догадки автора в разделе «Почему полностью скрыто авторство Переселенческого управления?» теряют смысл.

В. Шварц пытается использовать еще один документ, «Предложения о главнейших мероприятиях по Министерству земледелия в связи с войной (по Переселенческому управлению)», для подкрепления своей теории провокации, но опять же безуспешно. Отношения между двумя документами совершенно не ясны, и то, что карандашные отметки одной и той же даты стоят на двух документах («Справка» и «Предложения») не может служить доказательством того, что они были подготовлены в рамках исполнения одного и того же поручения. Говоря о содержании «Предложений», необходимость подготовки земельного фонда через землеустройство «киргиз» путем перевода их на оседлость уже давно указывалась Переселенческим управлением и не может быть основанием для нововведения – привлечения кочевников на работы для нужд армии.

Другой пункт в «Предложениях» о спросе на землю со стороны отличившихся участников войны интересен, но опять же нет никакого доказательства того, что этот вопрос был связан с провокацией беспорядков. Даже если, допустим, А.А. Татищев задумал привлечение кочевников на работы с целью срочного освобождения колоссальных территорий для заселения отличившимися солдатами, тогда почему никто об этом не говорил, когда отчуждали земли у кыргызов после восстания? По печально известному «плану Куропаткина» бывшие земли кыргызов в Пржевальском уезде должны были быть обращены под основание казачьих станиц и русских поселений, а объектом колонизации нижними чинами, отличившимися на войне,

должно стать совсем другое место: долины Гюргена, Карасу и Атрека, т.е. занятые Россией территории Ирана[932].

Из воспоминаний А.А. Татищева, цитированных В. Шварцем, видно, что сам Татищев считал наделение землей участников войны при наличии миллионов мобилизованных людей «сумасшедшей» идеей. Поэтому он вряд ли предложил привлечение кочевников на работы для нужд армии с целью освобождения земель в пользу солдат. В «Предложениях», скорее всего, Переселенческое управление использовало обычную бюрократическую тактику: ссылаться на популярную среди влиятельных людей идею, чтобы показать важное значение своей работы. А для самих военных наградные земли необязательно должны были быть в Туркестане. С точки зрения переселенческих и военных чиновников земли Семиречья были важны для решения земельного вопроса местных казаков и русских переселенцев, но это не была такая громадная задача, которую необходимо было решить через нововведение, касающееся не только кочевого, но и оседлого населения Туркестана и даже инородцев всей империи.

Рациональное толкование кажущихся загадочными документов

Таким образом, стало ясно, что новая версия теории заговора, выдвинутая В. Шварцем, не имеет основания, хотя мы не можем стопроцентно исключить возможность наличия «теневой задачи», так как, с точки зрения логики, доказать несуществование чего-либо всегда крайне трудно. Но важно другое: зачем нужно выдвигать теорию заговора, когда мы вполне можем объяснить издание Высочайшего повеления о тыловых рабочих другими обстоятельствами?

Во-первых, необходимо рассмотреть процесс принятия решения о тыловых рабочих в контексте дискуссии, продолжавшейся десятилетиями и особенно оживившейся в 1915–1916 гг., о привлечении инородцев к воинской повинности. Важное значение этой дискуссии как предпосылки появления вопроса о тыловых работах было отмечено советскими историками и подробно изучается в последние двадцать лет[933]. Поэтому странно, что В. Шварц занимается поиском «отправной точки» и первого автора идеи привлечь инородцев к тыловым работам только в рамках периода с марта 1916 г., в отрыве от этой дискуссии. Представители всех правительственных кругов согласились, что несправедливо было бы оставить инородцев освобожденными от воинской повинности, но думали, что инородцы недостаточно благонадежны в качестве воинов. Предложение А.А. Татищева привлечь кочевое население к повинности в нестроевых командах, тем самым избегая проблем, связанных с призывом их на действительную военную службу, хорошо вписывается в контекст этой дискуссии. Его можно считать промежуточным

Восстание 1916 года в Туркмении. (Документы и материалы). Ашхабад: Туркменское гос. издво, 1938, сс.224, 226.

Турсунов Х. *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. Ташкент: Госиздат УзССР, 1962, сс.181–189; Uyama T., 2007, pp. 40–63; Kotiukova T. «The Exemption of Peoples of Turkestan from Universal Military Service as an Antecedent to the 1916 Revolt». *The Central Asian Revolt of 1916* (op. cit.), pp. 45–70.

вариантом между предложением Военного министерства в 1915 г. о привлечении инородцев на действительную службу и мобилизацией их на тыловые работы, объявленной Высочайшим повелением в июне 1916 г.

Все эти идеи о привлечении инородцев на работы, связанные с войной, были прежде всего основаны на представлении о том, что инородцы пользовались несправедливой льготой в виде освобождения от воинской повинности, тогда как другие части населения империи, особенно русские, несли тяжелую ношу. Такое утверждение не только было проявлением националистической эмоции, но и исходило из значительных тягот, которые несло, как отметил и начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев, население прилегающих к фронту районов[934]. Поэтому, даже если инородческие рабочие работали не совсем эффективно, их привлечение считалось нужным делом в ведении тотальной войны и достигло цели облегчить чувство несправедливости у других этносов.

Во-вторых, надо серьезно воспринимать проблемы нехватки рабочих рук в военное время. В течение Первой мировой войны в российскую армию было мобилизовано свыше 15 000 000 человек, отнимая больше одной трети рабочей силы от сельского хозяйства, и от промышленности[14]. Чтобы возместить недостатки, к работе в разных сферах экономики были привлечены женщины, дети, старики, инвалиды, иностранцы (в частности, китайцы, корейцы, иранцы) и т.д. Объектом особо жесткой конкуренции между разными ведомствами и хозяйственными субъектами стали новые категории трудовых ресурсов: военнопленные и беженцы[935]. В такой обстановке вопрос об использовании инородцев как новой категории рабочей силы должен был встать рано или поздно. Проблема нехватки рабочих рук как важный фактор в принятии решения о мобилизации инородцев отмечается и другими исследователями[16], но большая заслуга В. Шварца состоит в том, что он использовал ряд документов, которые ярко описывают конкуренцию между ведомствами за трудовые ресурсы в процессе принятия данного решения. Однако, к сожалению, автор статьи не углубляется в изучение этого вопроса, и вместо этого направляет свою силу на поиск следов вымышленного заговора.

Как показывают цитированные в статье документы, Министерство земледелия усердно преследовало свои интересы в конкуренции за трудовые ресурсы. Оно хотело привлечь как можно больше рабочей силы, особенно военнопленных, к работе в сельском хозяйстве, и в то же время предотвратить дальнейшее привлечение

---

[934] В связи с этим следует отметить, что В. Шварц неверно трактует фразу М.В. Алексеева о желательности привлечения беженцев, «не будучи коренным населением в местах водворения», которая якобы свидетельствует о том, что предложение привлечь «коренное население» исходило от какого-то другого участника совещания. Здесь генерал Алексеев явно имел в виду коренное население прифронтовых территорий, к которому туркестанские и другие инородцы не относились. [14] Melancon Michael S. «Labour (Russian Empire)». *1914-1918-online: International Encyclopedia of the First World War*, ed. Ute Daniel, Peter Gatrell et al. Berlin: Freie UniversitĶt Berlin, 2014. https:// encyclopedia.1914-1918-online.net/article/labour_russian_empire Accessed 8.10.2019.

Gatrell P. *Russia's First World War: A Social and Economic History.* Harlow: Pearson, 2005, pp. 113–117. [16] Например, Sanborn Joshua A. *Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire*. Oxford: Oxford University Press, 2014, pp. 137–141, 175–177.

сельского населения в губерниях, расположенных в пределах театра военных действий, для нужд армии[936]. «Справка» А.А. Татищева как раз служит этим интересам министерства, предлагая привлечь кочевников вместо населения театра военных действий. Интересы Министерств земледелия и военного часто сталкивались друг с другом, но, как видно из слов генерала Алексеева, застой сельского хозяйства в районе театра военных действий был бы невыгоден армии, и в поиске рабочей силы вне этого района совпали интересы двух ведомств.

Конечно, нам еще предстоит выяснить процесс обмена мнениями между различными ведомствами и политическими акторами и место «Справки» А.А. Татищева в этом процессе. Мы также пока не знаем, почему именно помощник начальника Переселенческого управления составил справку. Возможно, А.А. Татищев написал этот документ просто как знаток краев с кочевым и полукочевым населением. Тем не менее, мы с уверенностью можем сказать, что «Справка» выражала интересы Министерства земледелия и не противоречила интересам других центральных ведомств. Документ, который на первый взгляд выглядит загадочным и вызывает конспирологическое толкование, на самом деле хорошо вписывается в контекст дискуссий о воинской повинности и военной экономике, которые велись в Петрограде. Естественно, люди, хорошо знакомые с ситуацией в Туркестане, могли бы угадать, что осуществление предложения А.А. Татищева и последующего Высочайшего повеления столкнется с различными трудностями, хотя вряд ли могли предсказать возникновение крупного восстания. Но большинство петроградских чиновников явно плохо представляло ситуацию в Туркестане. Также неудивительно, если более или менее знавший Туркестан А.А. Татищев пренебрегал возможными проблемами, отдавая приоритет интересам своего министерства.

Отдельно стоит вопрос о том, почему в Совете министров было названо фантастическое число (один миллион) нужных армии рабочих, что в итоге привело к ситуации, когда многие инородческие рабочие были направлены не на работы для самой армии, а на строительство, промышленность и сельское хозяйство. Возможно, в обстановке жесткой конкуренции за трудовые ресурсы армия назвала преувеличенное число, взятое с потолка. Или, возможно, в правительстве намеренно туда добавили число рабочих, потребных для разных секторов военной экономики в широком смысле. Казахстанский ученый А. Панфилов отмечает в качестве гипотезы возможность лоббирования теми помещиками и фабрикантами, которые и получили основную массу тыловых рабочих под предлогом выполнения военных заказов[18]. В любом случае, у этих и других нерешенных вопросов есть несколько вариантов рационального объяснения, они не могут служить оправданием конспирологических теорий.

Кроме цитированных В. Шварцем документов, мы можем обратиться к дневнику от 25 марта 1916 г., написанному журналистом М.К. Лемке, работавшим тогда в Ставке. Там он цитирует телеграмму министра земледелия А.Н. Наумова, который жалуется генералу Алексееву, что, несмотря на освобождение на время сева населения от окопных работ, введены добровольные работы за повышенную плату, что отвлекает всех рабочих от сельскохозяйственных работ и грозит громадным недосевом в ближайшем тылу армии (Лемке Мих. *250 дней в царской ставке (25 сент. 1915–2 июля 1916)*. Петербург: Гос. Изд-во, 1920, с.675.). Эта телеграмма показывает, что предотвращение отвлечения

Двойные стандарты Временного правительства?

В. Шварц обвиняет не только царских чиновников, но и Временное Правительство в несправедливом отношении к кыргызам и казахам, но это недоразумение. В разделе «Можно ли считать Уркюн основным исторически значимым результатом..». автор пишет, что Временное правительство приняло политику двойных стандартов, отменив конфискацию земель у коренного населения Джизакского уезда, но ограничившись тем, что передало вопрос об устройстве в земельном отношении коренного населения южных уездов Семиреченской области на обсуждение в местных общественных организациях. Здесь необходимо принять во внимание остро враждебное отношение русских крестьян и казаков Семиречья к коренному населению после восстания. Как известно, крестьяне и казаки в этой области представляли собой мощную силу, и нельзя было обратно отнять у них земли пользу кыргызов и казахов. Сразу вернуть кыргызских и казахских беженцев на прежние места было опасно для них самих. В Туркестанском комитете Временного правительства, на казахскокыргызском съезде Семиреченской области (12–23 апреля 1917 г.), а также в различных местных организациях, общественно-политические деятели, в том числе, казахи и кыргызы, обсуждали, в какие места можно направлять вернувшихся беженцев, в какие нельзя[937]. Решение Временного правительства передать вопрос на обсуждение в местных организациях соответствовало этому положению дел в Семиречье.

Заключение: истинная ценность работы В. Шварца

Теория провокации со стороны царских властей, берущая свое начало от идеи интеллигенции, которая критически относилась к царизму, выглядит более изысканной и добросовестной, чем конспирологическая теория о внешних силах, которая прикрывает ответственность властей. Но все равно любая теория заговора упрощает ситуацию, вырывая ее из контекста того времени, игнорируя сложное стечение различных обстоятельств. Нельзя не признать, что теории заговора о восстании 1916 г. могут быть полезными в контексте современной политики, потому что эти теории ставят в вину или внешних врагов или чиновников в столице, освобождая местное (и коренное и пришлое) население от ответственности за

Қаһарлы 1916 жыл, т.1., сс.359–368; Morrison A. «Refugees, Resettlement and Revolutionary Violence in Semirech'e after the 1916 Revolt». *The Central Asian Revolt of 1916* (op. cit.), pp. 219–222.

конфликты. Но такая политическая польза получается взамен научной объективностипонимания сути этих событий. Я согласен с В. Шварцем, что в действиях чиновников в процессе принятия решения о тыловых рабочих и его осуществления наблюдался цинизм. Но это не вопрос о морали отдельных чиновников, а цинизм системного характера: преследование ведомственных интересов, дискриминация инородцев и избежание ответственности за результаты своих действий. Суть и трагичность событий 1916 г. состоит не в дьявольски продуманном сценарии провокации, а в непродуманных, безответственных и грубых действиях чиновников и военных в беспрецедентной обстановке тотальной войны. Перемещение населения, предусмотренное в «плане Куропаткина», тоже не было проявлением злого намерения отдельных личностей, а было примером демографической инженерии (чьей крайними формами были обмен населением, этническая чистка и депортация), которая практиковалась в России и других странах мира в первой половине XX века[938].

Истинная ценность статьи В. Шварца заключается не в конспирологической интерпретации событий 1916 г., а в том, что она обращает наше внимание на ряд важных проблем. Во-первых, использованные в ней документы свидетельствуют, что идея привлечения инородцев на тыловые работы зародилась в конкуренции между ведомствами за трудовые ресурсы. Важной задачей дальнейших исследований будет более глубокое изучение значения вопроса о тыловых работах инородцев в контексте войны и военной экономики. Во-вторых, статья В. Шварца еще раз показывает, как мало мы знаем о самих тыловых рабочих: чем конкретно они занимались, какой опыт набрали, как их встретили на родине по возвращении[21]. Таким образом, читая данную статью, мы можем размышлять о пути дальнейшего развития изучения восстания 1916 г.

Список источников и литературы

Баринов И.И. «Германская стратегия в Центральной Азии в годы Первой мировой войны». *Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия. (1916 год: уроки общей трагедии). (Сборник докладов Международной научно-практической конференции.)* Сост. Т.В. Котюкова. Москва, 2016, сс. 114–118.

Бройдо Г.И. «Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году (Показание, данное 3 сентября 1916 г. т. Г.И. Бройдо прокурору Ташкентской Судебной Палаты по делу о киргизском восстании 1916 г.)». *Новый Восток*, № 6, 1924, сс.407– 434.

Восстание 1916 года в Туркмении: Документы и материалы. Ашхабад: Туркменское гос. изд-во, 1938.

См. Holquist P. «To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia». *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin,* ed. Ronald Grigor Suny and Terry Martin. New York: Oxford University Press, 2001, pp. 111–144. [21] Есть исследования о работе казахских интеллигентов в помощи тыловым рабочим и об организации самих рабочих, которая потом составила часть казахского автономного движения. Например, см. Қойгелдиев М. *Алаш қозғалысы*. Алматы: Санат, 1995, сс.194–213.

История Бурят-Монгольской АССР. 2-е изд., т. 1. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское книжное изд-во, 1954.

Ковалев П.А. *Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны (1916май 1917 гг.).* Ташкент: Госиздат УзССР, 1957.

Қаһарлы 1916 жыл – Грозный 1916-й год. (Сборник документов и материалов), т. Алматы: Қазақстан, 1998.

Қойгелдиев М. *Алаш қозғалысы*. Алматы: Санат, 1995.

Лемке М. *250 дней в царской ставке (25 сент. 1915–2 июля 1916).* Петербург: Гос. Изд-во, 1920.

Малабаев С.К. «Роль внешних сил в эскалации трагических событий 1916 г. в Кыргызстане». *Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: Уроки общей трагедии). (Сборник докладов Международной научно-практической конференции*.) Сост. Т.В. Котюкова. Москва, 2016, сс.119–126.

Панфилов А. «Еще раз к вопросу о событиях 1916 года в Средней Азии и Казахстане». *Культура кочевников на рубеже веков (XIX-XX, XX-XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. Материалы международной конференции, Алматы, 5-7 июня 1995 г.* Алматы, 1995, сс.102–111.

Турсунов Х. *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане*. Ташкент: Госиздат УзССР, 1962.

Gatrell P. *Russia's First World War: A social and economic history.* Harlow: Pearson, 2005.

Holquist P. «To count, to extract, and to exterminate: Population statistics and population politics in late imperial and Soviet Russia». *A State of nations: Empire and nationmaking in the age of Lenin and Stalin*. Ed. by R.G.Suny, T. Martin. New York: Oxford University Press, 2001, pp. 111–144.

Kotiukova T. «The exemption of peoples of Turkestan from universal military service as an antecedent to the 1916 Revolt». *The Central Asian Revolt of 1916: A collapsing empire in the age of war and revolution*. Ed. by A. Morrison, C. Drieu, A. Chokobaeva. Manchester: Manchester University Press, 2019, pp. 45–70.

Melancon M.S. «Labour (Russian Empire)». *1914-1918-online: International Encyclopedia of the First World War*. Ed. by Ute Daniel, Peter Gatrell et al. Berlin: Freie Universität Berlin, 2014. https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/labour_russian_empire.

Morrison A. «Refugees, resettlement and revolutionary violence in Semirech'e after the 1916 Revolt». *The Central Asian Revolt of 1916: A collapsing empire in the age of war and revolution*. Ed. by A. Morrison, C. Drieu, A. Chokobaeva. Manchester: Manchester University Press, 2020, pp. 209–226.

Sanborn J.A. *Imperial Apocalypse: The Great War and the destruction of the Russian Empire*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Uyama T. «A Particularist Empire: The Russian policies of Christianization and military conscription in Central Asia». *Empire, Islam, and politics in Central Eurasia.* Ed. by T. Uyama. Sapporo: Slavic Research Center, 2007, pp. 23–63.

Uyama T. «Why in Central Asia, why in 1916? The Revolt as an interface of the Russian colonial crisis and the World War». *The Central Asian Revolt of 1916: A collapsing empire in the age of war and revolution*. Ed. by A. Morrison, C. Drieu, A. Chokobaeva. Manchester: Manchester University Press, 2020, pp. 27–44.

Walker J. *The United States of Paranoia: A Conspiracy Theory.* New York: HarperCollins, 2013.
Yablokov I. *Fortress Russia: conspiracy theories in Post-Soviet Russia*. Cambridge: Polity, 2018.

1916-жылдагы окуяны изилдөө: адамдык өлчөмдө жана саясаттан сырткары кароо

Көтөрүлүш Борбордук Азиянын бардык элдерине таасирин тийгизди

Россия империясы туш тараптан тутанган согуштун азабынан кансырап турганда, анын эң алыскы аймагы болгон Орто Азияда 1916-жылы жайында биринчи жолу түпкүлүктүү калк менен падышалык бийликтин мамилеси бузулду. Борбордук Азиядагы көтөрүлүштүн чыгышына императордун 1916-жылы 25-июнь/7-июлда чыккан жарлыгы түздөн-түз себепчи болду. Ал жарлык боюнча «башка элдердин» 19 жаштан 43 жашка чейинки эркектери эмгек кошундарына (батальон) чакырылган эле. Бул жарлык дароо эле элдин тынчын кетирди: бир жагынан адамдардын иш жүзүндө эмне үчүн чакырылып жатканы түшүнүксүз болчу . Эң башкысы, империяга толук бириге элек бул аймагында адамдардын качан туулгандыгы жөнүндө маалыматтардын жоктугунан улам, чындыгында кимдер чакырылаары да так аныкталбаган эле. Ушул жагдай жергиликтүү аткаминерлердин кыянат жосундары[939] жол ачты.

Алгачкы жолу толкундоолор жарлыкты жарыялагандан бир нече күндөн кийин Хожентте (азыркы Тажикстандын түндүгүндө) болуп өттү. Каршылык көрсөтүү аракети уезд башчысы жайгашкан имараттын алдында болуп, бирок күч колдонууга чейин жеткен жок. 12-июлда Жизакта (азыркы Өзбекстандын аймагында) чын эле олуттуу «от тутанып», анда россиялык уезд башчысы менен анын жардамчысы өлтүрүлүп, темир жол станциялары менен телеграф байланыштары кыйроого учурап, аскер бөлүгү киргизилгенге чейин шаардын өзү жана айланасы эки жума бою ачык козголоң абалында болуп турган. Ошол эле учурда Ферганадагы толкундоолор катуу күч колдонулбай басылса, 1916-жылдын август айында Жети-Суудагы казактар менен кыргыздар басымдуу жашаган аймактарда жер которуп келген орустар менен жергиликтүү калктын өзгөчө чыңалган мамилеси чегине жетип курчуганда, көтөрүлүш чыкты. Өтө ырайымсыз зордук-зомбулуктар Пишпекте (Бишкек), Пржевальск (Каракол) аймактарында болуп, 3700 жер которуп келишкен орустар өлтүрүлгөн. Ушундан кийинки башталган жазалоо чарасы болжол менен 250 000дей кыргызды чек ара аркылуу Кытайга качууга аргасыз кылган. Качкындардын көп бөлүгү Үркүндө[2] курман болушкан. Төңкөрүштүн үчүнчү чоң борбору казак

Uyama T. «Why in Central Asia? Why in 1916? The revolt as an interface of the Russian colonial crisis and the First World War». *The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution. (*Уяма Т. «Эмне їчїн Борбор Азияда? Эмне їчїн 1916-жылы? Кєтєрїлїш Биринчи дїйнєлїк согуштун жана Орус колониалдык империясынын каатчылыгынын кесилишинде жаралганы». Урап жаткан империя Биринчи дїйнєлїк согуштун жана революциянын кылымында.») Ed.by A. Morrison, C. Drieu, A. Chokobaeva. Manchester: Manchester University Press, 2020, pp.27-44. [2] Үркїн – 1916-жылдагы окуялардын кыргызча аталышы, элдик оозеки чыгармачылыкка караганда, бул аталыш ошол окуялардын учурунда пайда болгон. Азыр биринчи кезекте кыргыз тилинде їй жаныбарларына карата айтылып келген бул терминди ушул мааниде колдонууга болот /болбойт деген талаштар тынчый элек.

талааларынын түндүгүндө жайгашкан Торгой аймагында болуп, сентябрь айында көтөрүлүш бир топ уюшкандыкта башталган. Көтөрүлүшчүлөр катарындагы 50 миң адам октябрь айында Торгой шаарын камалоого алып, андагы жазалоо отряддарына каршы узакка созулган партизандык согуш жүргүзүшкөн (бул отряддар Февраль революциясынын тушунда деле жок кылынган эмес болчу). Мындан тышкары Хивада Жунаид-хан баштаган түркмөндөр козголуп, Каспий деңизиндеги Чикишлардагы көтөрүлүш орус балыкчылары менен кагылышууга алып келген. Ошентип, көтөрүлүштүн толкуну ар башка убакытта Борбордук Азиянын бардык калкында болуп, кеңири жана ар түрдүү (талаа, чөл, тоолуу жана сугарылган) чөлкөмдөрдөн турган аймактын көбүн каптап өткөн.

Маселени саясатташтыруунун башаты жана натыйжалары

1916-жылдагы көтөрүлүштүн негизги себептери жана жалпы көрүнүштөрү жетишээрлик белгилүү болсо дагы, анын маанисин чечмелөө Россия менен Борбордук Азия республикаларынын ортосундагы карым-катнашта кылдаттыкты талап кылуучу маселе боюнча калууда. Бул бир жагынан эки тараптан тең айрым адамдар 1916-жыл жалпы эле колониалдык доордун учуру экенин жокко чыгарууга аракет кылгандыгынан улам, бирок биринчи кезекте бул окуя узак убакыт бою айыкпаган жараатты[940] канталаткан ырайымсыз улуттук зордук-зомбулуктун тутанышынан чыккандыгына байланыштуу эле. Жергиликтүүлөрдүн арасынан курман болгондордун так санын аныкташ кыйын, бирок биздин колдогу салыктар жөнүндөгү маалыматка негизделген демографиялык изилдөөлөр, дайынсыз жоголгон качкындарды кошкондо, 1916жылы Жети-Сууда 267 000 миңге жакын адам «жок болуп» кеткенин көрсөтүп турат. Курман болгондордун саны 150 000ге жакын болсо керек, бирок ушул сандан канчасы түздөн-түз орус аскеринин колунан өлгөнү, канчасы Кытайга[941] качуу учурунда оорулардан жана ачкалыктан улам каза болгону белгисиз. Мындан да көп санды айрым учурда саясый талаш-тартыштардын маалында угуп калабыз. Мисалы, Кыргызстандагы «Асаба» оппозициялык саясый партиясы 1990-жылдын башынан бери бул көтөрүлүштүн айоосуз басылышын «геноцид» деп билдирүү жасап келет. Ушул идея жалпыга маалымдоо каражаттарында жана Үркүндүн жүз жылдыгында Кыргызстан менен Казакстандын кээ бир тарыхчылар арасында кеңири тарап, ошол эле учурда бул өлкөлөрдүн[942] бири да муну расмий кубаттаган жок.

«Президент Алмазбек Атамбаев 2015-ж. 27.05 1916-жылдагы кайгылуу окуянын 100 жылдыгы жөнүндө жарлыкка кол койгон». http://www.president.kg/ru/news/ukazy/5931).

Буттино М. *Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР.* Москва: Звенья, 2007, 80-бет, 375-6.

Morrison A. *«Central Asia: Interpreting and Remembering the 1916 Revolt» (*Моррисон А. «Борбордук Азия: 1916 көтөрүлүш боюнча чечмелөөлөр жана эскерүүлөр») http://www.eurasianet.org/ node/80931.

Мындай айыптоолор россиялык жана бир топ жергиликтүү (Борбордук Азия) адистер тарабынан кескин четке кагылып келет[943]. Арийне, падышалык бийлик жерлерге орустардын андан ары отурукташуусу үчүн жер бошотуу максатында көтөрүлүштү болуп көрбөгөндөй ырайымсыздык менен басканы жана улуттук тазалоолорду жүргүзгөнү шексиз, бирок россиялык колониалдык бийликтин кыргыздарды же казактарды улут катары «толук же жарым-жартылай» жок кылуу ниети талашсыз болгудай так далилдер жокко эсе. Мындай маалыматтар БУУнун геноцидди[944] токтотуу жана жазалоо боюнча келишиминин аныктамасына шайкеш келтирүү үчүн зарыл. Геноцид деген айыптоолор улуттук сезимдерге негизделип, улут-патриоттук агымдарга таандык. Мындай агымдар орус улутунун ири сандагы азчылыгы жашаган Кыргызстан менен Казакстанда күчтүү. Геноцид боюнча айыптоо маселени саясый багытка буруп, россиялык жана борборазиялык окумуштуулардын ортосундагы илимий талкууларды жана баарлашууну жүргүзүү мүмкүнчүлүгүн жоюп келүүдө. Геноцид идеясы 1920-жылдардын башында алгачкы большевик изилдөөчү Г. И. Бройдо биринчи жолу көтөрүп чыккан жоромолдон башат алган. Анда көтөрүлүш жер которуп келген орустар[945] үчүн көбүрөөк жерлерди басып алууга мүмкүнчүлүк берүү үчүн бийлик тарабынан атайылап жасалган чагым экендиги айтылат. Россиянын колониалдык чиновниктеринин көпчүлүгү дыйкандардын Түркстандагы[946] жер которуусуна кастык мамилесин же бери дегенде бир жактуу мамиледе эместигин көрсөтүшкөн. Бирок алардын башаламандык чыгаруу үчүн чагымчылдыкка барышканын аз болсо да акылга сыярлык деп ойлоого жол берилсе да, аны империянын согуштардан улам алсырап турганда башташканы акылга сыйбас эле. Көтөрүлүш бийлик үчүн күтүлбөстүк болгонун – биринчи кезекте Жети-Суудагы жер которуп келгендердин ушунчалык санда курман болушу буга анык далил боло алат. Бройдонун жер которуп келген орустар үчүн жерлерди тартып алуу кыргыздарда катуу нааразычылык жараткандыгын көрсөткөнү шексиз туура болгон. Ошону менен бирге Бройдонун көтөрүлүштү чыгаруу жана аны басуу бийлик тарабынан алдын-ала уюштургандыгы боюнча жоромолу, биринчи дүйнөлүк согуш учурунда белгилүү бир чөйрөдө басымдуулук кылган, кутумчулук жана чыккынчылык тууралуу айтыла жүргөн долу кептер үчүн да, падышалыктын соңку доорундагы апааттардын баарын оркойгон катачылыктарга эмес, макиавеллдик башкарууга шылтап турган советтик тарыхнааманын[947] тийиштүү мезгили үчүн дагы мүнөздүү келген кутумчулук теориясы болгон.

---

943 См. «1916 – причины восстания и миф о геноциде» stanradar.com 25/09/2013 (http://www.stanradar.com/news/full/4834-1916-prichiny-vosstanija-i-mif-o genotside.html), кыргыз тарыхчы Шайыргїл Батырбаеванын маектешїїсї.

https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/260(III).

Бройдо Г.И. *Восстание киргиз: мое показание прокурору ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 г.* Москва: Научная Ассоциация Востоковедения при ЦК, 1925, 1-2-б, 7, 28.

Morrison A «Sowing the Seed of National Strife in this alien region. The Pahlen Report and *Pereselenie* in Turkestan» (Моррисон А. «Бул алыскы аймакта улуттук чыр-чатактын їрєнїн себїї. Тїркстан боюнча Рахлин отчету жана жер которуу») *Acta Slavica Iaponica* , vol.31 (2012), pp.1-29.

Fuller W.C. *The Foe Within. Fantasies of Treason and the end of Imperial Russia*. (Фуллер У.С. Ички кас. Мамлекеттик чыккынчылык боюнча кыялдануулар менен Россия империясынын аягы). Ithaca, NY: Cornell

Саясый агымдарга ылайыкталган чечмелөөлөр

Советтик доордо 1916-жылдагы көтөрүлүш сөз кылынгыс же тыюу салынган маселе эмес эле, бирок дайыма көзөмөлдө болуп, саясый агымдын ырайына карай чечмеленип келген. 1920-1930-жылдарда падышалык бийликти «чексиз залимдик» катары айыптай берүүгө мүмкүндүк бар эле. Ошондо Петр Галузо жана Турар Рыскулов сыяктуу тарыхчылар жана большевиктер чын эле колониалдыкка кескин түрдө каршы болушкан, бул абал кайсы бир деңгээлде 1930-жылдарга чейин сакталга[948] . Көтөрүлүш маселеси советтик тарыхнаамада 1940-жылдарга чейин көтөрүлүп турганы менен, анын мааниси патриоттук мүдөөлөргө багытталган эле[949] . Ошол эле мезгилде компартия совет жарандарын Борбордук Азиядагы орус башкаруусу «феодалдык» мезгилдерге караганда «зыяны аз» болгондугуна, ошондой эле россиялык башкарууну британиялык империализмге каршы коюп, биринчиси экинчиге салыштырмалуу аймактын калкы үчүн «өнүгүү маниге» ээ экендигине ишендире баштаган. Айрым тарыхчылар Шамиль менен Кенесары Касымовдун россиялык экспансияга (акыры бул иш айтылуу «Бекмахановдун ишине» алып келген) каршылык көрсөтүүсүн жактап жазгандыгы үчүн «улутка жан тарткан» деп айыпталып, жоопкерчиликке тартылышкан. Мындай иштер «феодалчыл» жана «реакциячыл»[950] деп мүнөздөлгөн.

Бирок Борбордук Азиянын жана Казакстандын совет дооруна чейинки мезгилдеги тарыхы боюнча 1954-жылы Ташкентте болгон бириккен илимий конференциясы 1916-жылдагы көтөрүлүштү «прогрессивдүү» деп мүнөздөө боюнча чечим кабыл алган. Аны улуттук чыр-чатак катары айтууга болбойт эле, таптардын күрөшү катары Борбордук Азиянын элдери «улуу агасы» болгон жер которгон

University Press, 2006; Борис Колоницкий *«Трагическая эротика». Образ империалистской семьи в годы первой мировой войны.* Москва: Новое литературное обозрение, 2010

[948] Рыскулов Т. «*Восстание Туземцев Туркестана в 1916 году». Очерки революционного движения в Средней Азии. (Сборник статей).* Москва, 1926, сс.46-122; «Восстание 1916 г. В Средней Азии». Ред. Галузо П. *Красный Архив,* № 34, 1929, сс.39-94; *Восстание 1916 г. В Средней Азии. (Сборник документов.)* Ред. Галузо П. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932; «Джизакское Восстание в 1916 г». Ред. А. Шестаков. *Красный Архив,* № 60,1933, сс.60-91; Брайнин С., Шафико Ш. *Восстание казахов Семиречья в 1916 году*. Алма-Ата, 1935; Асфендияров А. С. *Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане.* Алма-Ата: Каз. краевое изд-во., 1936; Кастельская З.Д. *Восстание 1916 года в Узбекистане,* Ташкент: Госиздат УзССР, 1938.

«*Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Народный герой Амангельды Иманов». История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней*. Ред. Адыкалыков М., Панкратова А. Алма-Ата: Казогир, 1943, сс.370-398; О споре, который впоследствии разразился вокруг этой книги, см. Йылмаз Х. «Тарых жазуу їгїттєє жана пропаганда катары: 1943 жылы казах тарых китебинде». (Harun Yilmaz «History writing as agitation and propaganda: Kazakh history book of 1943.») *Central Asian Survey,* 31:4, 2012, pp.409-423); Об использовании фигуры Амангельди Иманова в советской пропаганде военного времени среди казахских солдат см. Кармак Р. Тарых жана баатыр жаратуу: патриоттук баяндамалар жана Казахстандын алдыўкы катардагы їгїттєнїн советизациясы, 1941-1945». (Carmack R. «History and hero-making: patriotic narratives and the Sovietization of Kazakh front-line propaganda, 1941–1945.») *Central Asian Survey*, vol. 33, №.1, 2014, pp. 95-112.

Tillett L. The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. (Тиллет Л. Бийик достук. Совет тарыхчылар орус эмес улуттар боюнча.) Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1969, pp. 110-129.

орустардын жардамы менен, падышалык бийликке жана өздөрүнүн эзүүчүлөрү болгон «бай-манаптарга» каршы көтөрүлүшкөн деп баалоо керек эле. Жер которуп келгендерди Жети-Сууда казактар менен кыргыздардын тарабынан кыргандыгы столыпиндик реформанын натыйжасында түзүлгөн «кулактардын айылдарына» кол салуу катары түшүндүрүлгөн. Рыскулов жана Бройдо, Брайнин жана Шафиро сыяктуу советтик алгачкы изилдөөчүлөр көтөрүлүштүн улуттук мүнөзүн апырткандыгы жана анын таптык негизине маани бербегендиги үчүн сынга кабылышкан. Ушуга карабастан көтөрүлүшкө дагы деле болсо «улуттук-боштондук кыймылынын» көрүнүшү катары маани берилип, таптык күрөштүн түшүндүрмөлөрүнө анча шайкеш келбей калган[951].

1960-жылдардан тарта талаш-тартыштар жана ой-тирештер кайра башталды. Алсак, ушул убакка чейин орус тилиндеги негизги толук кандуу изилдөө катары каралып келген Хабиб Турсуновдун монографиясы пайда болду, козголоңду өзбектин, казактын жана кыргыздын улуттук тарыхынын бөлүгү катары чечмелеген Пясковскийдин маанилүү иштери жарыяланды[15]. 1916-жыл боюнча советтик чечмелөөлөрдүн көпчүлүгү ушу кезге чейин сакталган, айрыкча мурунку таптык күрөш түшүндүрмөсү азыркы россиялык басылмаларда ордун жоготпой, кайра-кайра жаңыртылып турган көрүнүш болууда[952]. Жалпысынан 1916-жылды расмий колдогон чечмелөөлөр орустардын башкаруусунун колониалдык мүнөзүн жокко чыгаруудан жана жер которгондорду козголоңдун бирден бир курмандыгы[953] катары көрсөтүүдөн тартып, көтөрүлүш «согуштун азабынан келип чыккан жалпы трагедия»[954] деген колониалдык теңсиздикти, кагылышкан тараптардын арасындагы курман болгондордун санындагы эбегейсиз айырманы эске албаган жүйөгө чейин бурмалоону камтып турат.

Ал эми Борбордук Азиянын өзүндө чыгарылган постсоветтик тарыхнаамада көтөрүлүш кыргыздын, казактын, өзбектин, тажиктин жана түркмөндүн «улуттук-боштондук кыймылдары» кылып өз-өзүнчө бөлүп каралып келет. Ошондой эле Григорий Бройдо таризиндеги кутумчулук теориясы өрчүтүлүп, 1916-жылдагы

Усенбаев К. *Восстание 1916 года в Киргизии,* сс. 4-10, 173, 256; Сулейманов Б., Басин В. *Восстание 1916 года в Казахстане,* сс.9-13, 83; Tillett *The Great Friendship* (Бийик достук), pp.185-193. [15] Турсунов Х. *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане.* Ташкент: Госиздат УзССР, 1962; Пьясковский А. В. *Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане.* Москва: Изд. АН СССР, 1960; Усенбаев К. *Восстание 1916 года в Киргизии.* Фрунзе: Илим, 1967; Кастельская З.Д. *Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане.* Москва: Наука, 1972; Сулейманов Б., Басин Б. *Восстание 1916 года в Казахстане* (причины, характер, движущие силы. Алма-Ата: Наука, 1977.

Брусина О. И. *Славяне в Средней Азии.* Москва: Восточная литература, 2001, сс.20-40, 137-147; см. также: *Центральная Азия в составе Российской Империи.* Ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2008, сс. 228-292.

Ганин А. В. «Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении Туркестанского мятежа 1916-1917 гг». *Русский Сборник. Исследования по истории России*, том V. Ред. О.Р.Аирапетов, М. Йованович, М.А. Королев, Б. Менинг, П.Чейсти. Москва: Современный Королев, 2008, сс. 152-2014; Ганин «Предисловие» А. В. (http://semirechye.rusarchives. ru/predislovie).

Котюкова Т. В. *Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: Уроки общей трагедии).* Москва, 2016.

көтөрүлүш атайын жасалган «чагымчылдыктын»[955] жыйынтыгы болгону изилденет. Бул эки багыттагы изилдөөлөрдү ушул жыйнактан көрүүгө болот.

1916-жылдагы окуяны изилдөө үчүн азыркы шарттар

1916-жылдагы окуяларга жүз жылдан ашык убакыт өткөндүгүнө карабастан, алар дагы деле улуттук жана саясый жактан кылдаттыкты талап кылат. 1916-жыл боюнча изилдөөлөрдү саясаттан ажырым кароо мүмкүндүгү/мүмкүн эместиги боюнча маселе курч бойдон калууда. Жүз жылдык убакыт аралыгы жана бир кезде кандуу кагылышуу болуп өткөн жерлерде жаңы мамлекеттердин пайда болушу, 1916-жылды акыл-эстүү жана биргелешип изилдөөгө негиз түзүп турат. Эгерде маселени саясаттан ажырым карап, тактап айтканда, ал азыркы өлкөлөрдүн саясый мамилесинен жана окумуштуулардын улуттук тегинен көз карандысыз боло алат десек, анда мындай мүмкүндүк, биринчи кезекте, илимий чөйрөдө болот. Изденген окумуштуулар үчүн азыр жагымдуу шарт түзүлүп жатат. Бишкектеги жана Алматыдагы архивдер бардык өлкөлөрдүн изилдөөчүлөрү үчүн ачык, ал эми Ташкентте да алар жеткиликтүү болуп баратат. Россиядагы документтердин жеткиликтүү болушу да жакшы жышаан. Россиянын мамлекеттик аскердик-тарыхый архиви жакында Интернетте 1916жыл боюнча документтердин[956] чоң жыйнагын жарыкка чыгарды. Алар, балким, толук болбосо да, генерал-губернатор Куропаткиндин күндөлүгүндөгү кайгылуулугу менен белгилүү жазуулардын түпнускасы, андагы Ысык-Көлдүн тегерегинде калган кыргыздарды Нарындын тоолуу райондоруна сүрүп чыгып, жакшы жерлерди жер которуп келген орустарга[957] бошотуп берүү боюнча өзүнүн иш-тартибин жазганы да буга кирген. Сыягы, россиялык архивдер менен Бишкектеги Кыргыз-Славян университети[22] 1916-жыл боюнча факсимилдик документтердин алты китеп жыйнагын жарыкка чыгарууга даярдоодо тыгыз кызматташкан окшойт.

1916-жыл боюнча изилдөөлөрдү кеңейтүү жана адамдык өлчөмдө кароо

Бул жыйнак OSF (Ачык Коомдор Фонду) колдогон «1916-жылдагы көтөрүлүштү изилдөө максатында Борбор Азиядагы илимий коомчулуктарды бириктирүү жана саясый жана улуттук жагынан этияттыкты талап кылган маселелерди изилдөө

Қаһарлы 1916 жыл: Қїжаттар мен материалдар жинағы (Каардуу 1916 жыл: Документтер жана материалдар жыйнагы). В 2-х томах,. Ред. Козыбаев М.К. Алма-Аты: Казахстан, 1998; Зийоева Д. *Turkiston milliy ozodlik harakati*. (Тїркстан улуттук-боштондук кыймылы). Ташкент: Шарк, 2000; *Восстание 1916 года. (Сборник документов и материалов).* Ред. К.И. Мамбеталиев. Бишкек: н.п., 2015, с.5; «Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане». http://e-history.kz/ru/contents/view/287. Ошондой эле Шварцтын В. «1916-жылдын 25-июнундагы жогорку буйрук – кош маанидеги документ» макаласын да ушул жыйнактан караўыздар.

«События в Семиречье по документам российских архивов». http://semirechye.rusarchives.ru/

Куропаткин А.Н. «Дневник за 12/10/1916 РГВИА F.165 Op.1 D.1970 l.22». http://semirechye.rusarchives.ru/iz-dnevnikov-kuropatkina/iz-dnevnika-komanduyushchego-voyskami-turkestanskogo-voennogo-okruga-0 [22] *Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах.* Ред. А.Ч. Какеев. В 6-ти томах. Бишкек: КРСУ, 2015-2016.

максатында жалпы илимий чөйрө түзүү» долбоорун аткаруунун натыйжасы болуп эсептелет.

1916-жылды адамдык өлчөмдө кароо – бул илимий иштерде тиешелүү көңүл бурулбай келе жаткан өңүт. Долбоордун аталышында көрсөтүлгөн максаттардан башка, жеке адамдардын тагдырына жана аракеттерине көңүл бурулган изилдөөлөрдү жүргүзүү максаты да коюлган. Алар, мисалы, качкындар же жер которуп келгендер, жергиликтүү орус аткаминерлер же манаптар, же көтөрүлүштүн башталышына себепчи болгон аялдар туралуу изилдөөлөр. 1916-жылдын жайында жана күзүндө болгон окуялар жалпысынан, тигил же бул өңүттөн жазылган. Бул долбоордо окуялардын өзүнө гана эмес - аларга катышкан, башынан өткөргөн, эскерген адамдарга көңүл буруу иши жүргүзүлдү. Биз үчүн адамды каргашалуу жагдайларда көрүп, түшүнүп, башкача айтканда, 1916-жылды изилдөөдө адамга тиешелүү багыты маанилүү болду. Өтүп кеткен жүз жыл бул жерде тоскоол боло албайт: архивдик булактар, оозеки чыгармалар, укум-тукумдардын эскерүүлөрү бар.

1916-жылдын гендердик өңүтү

«1916-жылдын гендердик өңүтү» бөлүмү гендер маселесин киргизүү аркылуу 1916-жылды көрө билүүнү кеңейтет. Бардык улуттардын аялдары 1916-жылдагы окуяларга аргасыздан катышкандыгы белгилүү, бирок көп учурда алар курмандыктар катарында көрсөтүлгөн. Аялдарды демилгечилер жана каршылык көрсөткөндөр катары эч ким изилдеген эмес. Ушул бөлүмгө кирген эки макала 1916-жылды түшүнүүдө жаңы багыт ачат.

Аскар Жумашевдин «1916-жылдагы көтөрүлүш Амударыянын төмөн жагында: мүнөзү жана өзгөчөлүктөрү» макаласында каракалпактардын тарыхынан эки көтөрүлүш салыштырылат. 1916-жылы каракалпактар Амударыянын эки жээгинде жашап, эки башка мамлекетке караштуу болушкан. Көтөрүлүштөрдүн убакыт боюнча мөөнөттөрү ар кандай болсо да, коомдук жана экономикалык шарттардын оордугу бирдей болгон. Эки мамлекеттин башкаруусу элдердин нааразычылыктарын басууда бирдей иштеген. Эки жээкте тең аялдар элдик толкундоолорго дем-күч бергендигин белгилеп, изилдөөчү көтөрүлүштөрдүн гендер маселесин ар бир жээк үчүн бөтөнчө коомдук жагдайда чагылдырууга аракет кылган.

Набиджон Рахимов «Ходими Жамолак: кыялдан же турмуштан жаралган каарманбы?» деген изилдөөсүндө көтөрүлүшкө аялдардын катышуусуна негизги көңүлүн буруп, кадимийлик менен ойдон бүткөн нерселердин тыгыз чырмалышып кеткендигин талдайт. Илимпоз совет бийлиги көркөм адабият аркылуу идеологияны жана анын өзөктөрүн, тактап айтканда, «өз укугу үчүн күрөшкөн аялдын элесин» кантип түзгөндүгүн изилдеп жүрүп отурат. Совет бийлигинде мындай иштер үчүн омоктуу негиздер бар эле, анткени «бардык документтерде кээде басым кылынып, кай бирде учкай айтылып, 1916-жылдагы окуяларга аялдардын катышуусунун чоң сандары көрсөтүлүп келген». Эл алдында ачык жигердүү жүрүү – бул али «Чыгыштын боштондукка чыга элек аялдарынын» жүрүм-турумунун үлгүсү эмес

болчу. Бирок аларды боштондукка чыгаруу үчүн дал ушул керек болду. Тарыхый өңүттөң бул үлгү канчалык күчтүү жана туруктуу болгонун байкоого болот.

Окуяга катышкандардын көргөндөрү жана айткандары

«Окуяга катышкандардын көргөнү жана айтканы» бөлүмүнүн баалуулугу жеке адамдар, алардын дүйнө таанымы жана жүрүм-туруму жөнүндөгү маалыматтарды камтыган архивдик документтерге бүт ыкласын койгондугунда болуп эсептелет.

Карлыгаш Бижигитова «1916-жылдагы көтөрүлүштүн катардагы катышуучулары жана алардын күбөлөрүнүн «үндөрү» (Верный уездиндеги Жети-Суу облусунун Жайылмыш болуштугунун мисалында)» аттуу макаласында «бир чоң топтогу, жекече жүздөрү таанылбас, оңой башкарылып, багыттала турган адамдардын тобу» деп көтөрүлүштүн катардагы катышуучуларын элестеткен көнүмүш сүрөттөөлөр менен макул болбойт. Бир архивдик документти майдачүйдөсүнө чейин талдап, ошонун негизинде Карлыгаш көтөрүлүштүн катардагы катышуучуларынын «үндөрүн» же көз-карашын дааналантып чыгат. Анын илимий сунушу мында, «коомдогу төмөнкүлөрдүн» өкүлдөрү колониалдык бийлик кабыл алган чечимдерге бир топ таасир тийгизе алышкандыктан, андан ары 1916-жылдагы окуяны түзүмдөштүрүүгө жардам беришкен.

Ойбек Махмудовдун «1916-жылдагы Түркстан окуяларындагы диний жагдайлары: алардын милдети жана мааниси россиялык төбөлдөрдүн көзү менен» макаласы да архивдик булактарга негизделген. Мында башка маданияттын өкүлдөрү болгон орус чиновниктери жазган рапортторго, докладдарга, «ислам жагдайы» жөнүндөгү отчетторго көңүл бурулган. Чиновниктер менен жергиликтүү мусулмандардын көз караштары такыр дал келбеген эле. Автор исламды кабылдоо жана түшүндүрүү боюнча ой-жүгүртүүлөрдү таап чыгып, алардын тамырын жана жүйөлөрүн талдайт. О. Махмудовдун түпкүжоромолдорунун бири мындай: 1916-жылдагы кандуу окуяларга алып келген орус бийлигинин кабыл алган чечимдеринин себебин колониалдык чиновниктердин дүйнө таанымынан, алардын ислам тууралуу сенек көз карашынан жана «башкаларга» карата мамилесин өзгөртүүгө жөндөмсүздүгүнөн издесе болот.

1916-жылдагы көтөрүлүштүн жетекчилери

Таптык күрөштүн жана элдик-боштондук кыймылы чегине сыйдырылган советтик тарыхнаама, 1916-жылдагы көтөрүлүштүн жетекчилигин изилдөөдө да чектелген эле. Ошондуктан жетекчилер маселесине көңүл буруу азыркы учурда аймакта мыйзамченемдүү[958]. «1916-жылдагы көтөрүлүштүн жетекчилери» бөлүмүндө салттуу коомдогу ордуна же шартка жараша каршылык көрсөтүүлөрдүн башында туруп, жергиликтүү жашоочулардын Кытайга качуусун жетектеген адамдар жөнүндө сөз болот. Бөлүмгө кирген үч макалада ар түрдүү өңүттөрдөн карап, ар кандай

Амангельды Иманов. (Статьи, документы, материалы). Ред. С. Бейсембаев. Алма-Ата: Казахстан, 1973; Жолдошов Р. «1916-жылдагы кєтєрїлїштїн жетекчилери жана кыргыз манаптарынын орду». 1916-zhyldagy-kotorulushtun-zhetekchileri-zhana-kyrgyz-manaptarynyn-ordu_swtrYbH.pdf.

булактардын негизинде бир көрүнүш– козголгон казактар менен кыргыздардын арасында башкаруунун салттуу жолдору жана эрежелери кайра кандайча жанданып, жигердүү колдонулгандыгы жөнүндө баяндалат.

Асель Даниярова «Жаңы ачылган булактардын негизинде 1916-жылдагы кыргыз уруу башчыларынын жүрүм-турумуна болгон көз караштардын өзгөрүлүшү» аттуу эмгегинде «кыргыз урууларынын башчылары кимдер: падышалык бийлик менен бирге элди эзгендерби же калкты боло турган кыргындан сактап калган сергек, акылдуу жетекчилерби, же болбосо көтөрүлүштүн эр жүрөк жолбашчыларыбы?» деген суроого жооп издейт. Автор жети кыргыз манабынын жүрүм-турумун талдап, алар кабыл алган чечимдердин бардык себептерин жана айрым тепкичтерин иликтеп чыгат.

Бул талдоо таптык советтик дагы, эгемендик доордо да 1916-жылдагы жетекчилердин аракеттерин бир беткей түшүндүрүлгөндүгүн айгинелейт. Асель чыгарган корутундулардын биринде айтылгандай, кыргыз манаптары салттуу коомдун жолдоруна ылайык аракет кылышкан: алар тарыхтын кыйчалыш учурларында урууларды сакталуусу жана уруулаштарынын тагдыры үчүн жеке жоопкерчиликти өздөрүнө алышкан.

Иван Фукалов «1916-жылдагы Кыргызстандагы көтөрүлүш жетекчилеринин бийлигинин таанымдуулугу жана алардын жааттары» аттуу макаласында «көтөрүлүшчүлөрдүн улуттук мамлекеттик-укуктук түзүмдөрдү, биринчи кезекте, хан бийлигин кайра калыбына келтирүү» иш-аракетине көңүлүн бурган. Эгер тынччылык учурда жөнөкөй кыргыздар менен башчылардын өз ара мамилелери баш ийүү жана бийлик жүргүзүүнүн көнүмүш мүнөзүндө болсо, 1916-жылдын жайкы саналуу күндөрүндө калктын бардык катмарларынын биригүүсү болуп, ошол убакытка чейин иштебеген бийлик түзүмдөрү калыбына келтирилген.

Майсара Бекмагамбетованын «Торгой облусунун аймагындагы 1916-жылкы окуяда А. Жанбосыновдун жетекчилигин таанып кабыл алуу» ишинде Торгой облусундагы көтөрүлүштүн жетекчилерине карата советтик тарыхнааманын көз караштары качан жана кандайча өзгөрүп жүрүп отурганын, эмне үчүн Амангелди Имановдун ысмы жайылтылып, а Абдулгафар Жанбосынов көтөрүлүштүн жетекчилеринин тизмесинен жок болуп кеткенин изилдеп чыгат. 1916-жылдагы Абдулгафар Жанбосыновдун түпкү тегин, адамдык сапаттарын жана кылган аракеттерин талдап чыгып, Майсара каргашалуу козголоң күндөрүндө Торгой облусунун казактары салттуу эрежелер менен иш кылган: каршылык көрсөтүүнү жергиликтүү ак сөөктөр жетектеген, Абдулгафар Жанбосынов алардын өкүлү болгон деген корутундуга келет.

1916-жылдагы жетекчилер жөнүндөгү үч макаланын негизинде башкаруунун салттуу жолдорун калыбына келтирүү, жергиликтүү элдердин өздөрүн сактоо максатында тааныш жана түшүнүктүү кадам болгондугун боолголоого болот.

1916-жылдын себептерин жана жоготууларын кайрадан аңдоо

1916-жылдын себептери жана жоготуулары жөнүндөгү суроолор көтөрүлүш болгон убактан бери күн тартибинде турат. Эки тараптан тең адамдардын курман

болгондугу биринчи кезекте окуяга тиешеси бар жактардын тынчын алып келет. Ал башынан эле саясый түс алып калган.

Владимир Шварц «1916-жылдын 25-июнундагы жогорку буйрук – кош маанидеги документ» макаласында 1916-жылдагы окуяларга түрткү берген 1916-жылдын 25-июнундагы жогорку буйруктун пайда болуусу жана ага кол коюунун айланасындагы падышалык Россиянын түрдүү ведомстволорунун атаандаштыгын жана карама-каршылыктарын изилдейт. Архивдик документтерди бири-бирине байланыштырып талдоо менен В. Шварц башкы оюнчулардын катарына Жер иштетүү министрлигинин Жер которуштуруу башкармалыгын көрсөтөт да, аталган ведомствонун кызматкерлери көтөрүп чыгып, туруктуу ишке ашырып келген деп «көмүскө милдети» жоромолун сунуштайт. Бул жомол Григорий Бройдонун «азезил иш түзүү», башкача айтканда, колониалдык бийлик атайын эле башаламандык үчүн чагымчылдыкка барган деген оюна тушташ келет. Автор өзү тапкан жаңы булактар анын жоромолун бекемдейт деп эсептейт. Андан «көмүскө милдети» жоромолу, Владимирдин көз карашы боюнча, ушу кезге чейин көмүскөдө калып келген бир топ башка жагдайларды да түшүндүрөт. В.Шварц илимде туура эмес деп аныкталган идеяга кайтып келет, анткени 1916-жылы Бройдого башкы оюнчуларды жана алардын алыскы ойлорун көрүү үчүн зарыл болгон булактар жетишсиз болгон деп эсептейт. Макалада бир топ далилдөөлөр келтирилген, ал үчүн автор жаңы архивдик документтердин чоң жыйнагын колдонууга алып чыккан. Бирок «көмүскө милдети» жоромолун жана анын жүйөлөрүн 1916-жылды окуп изилдеп жатышкан адистер дароо сынга алышты.

Жамиля Маджун (Мусарова) «Жети-Сууда 1916-жылдагы окуяларга катышкан чет өлкөлүктөр жана эл аралык байланыштар жөнүндө» макаласында 1916-жылы Жети-Сууда болгон көтөрүлүшкө сырткы таасир көрсөтүү маселесин изилдеп чыгат. Жамиля бардык сырткы жагдайларды ырааттуу түрдө талдап, анын ичинде көтөрүлүш алдындагы миграциялык агымдарды, эмгек мигранттарынын, аткезчилердин, аскер туткундарынын, качкындардын агымдарын изилдеп чыккан. Эл аралык атаандаштыктын курчуганын жана аймактагы чет элдик өкүлдөрдүн жигердүү аракеттерин да талдайт. Ушулардын бардыгын эске алганда, бул маселени, Жети-Суунун чарба жүргүзүүгө абдан ыңгайлуу үч уездинде көтөрүлүш ырайымсыз мүнөздө болгонун, жергиликтүү калк менен колониалдык бийликтин жер, суу, мал жана апийим ж.б. жашоо шарттары үчүн күрөшүн биринчи орунга алып чыгат.

Жоомарт Сулайманов «Орус бийлигинин Түркстан калкын коомдук-саясий жыйнакташы: ыкмалары жана кемчиликтери» макаласында 1916-жылдын 25-июнундагы жарлыкты аткаруу үчүн падышалык бийлик жергиликтүү калктарды жыйнактоо боюнча пайдаланган жолдор менен ыкмаларга басым жасайт. Башка элдерди оорук жумуштарга чакырган мезгилде падышалык бийлик жер-жерлердеги жергиликтүү элдердин коомчулуктары менен жашоо эрежелерин билбестигин жана түшүнбөй тургандыгын көрсөткөн. Жергиликтүү элдерди оорук жумуштарына көндүрүүнүн ордуна колониалдык бийлик улуттук аң-сезимди ойготуп, адамдардын чоң тобун каршылык көрсөтүүгө багыттаган. Жыйнакташууну туура эмес жүргүзүлгөндүгү каргашалуу окуялардын чыгышына түрткү болгон.

Мурат Иманкуловдун «Дагы бир жолу Кыргызстандагы 1916-жылкы көтөрүлүш мезгилиндеги жоготуулар жөнүндө» макаласында көтөрүлүштүн эң эле бир азаптуу маселеси – каршылык көрсөтүүлөрдөн тарта аны басуу жана Кытайга качуу учурундагы кыргыздардын арасындагы жоготуулар талдоого алынат. Мурат түздөн-түз зордук-зомбулуктарды, кагылышуулардагы жана жазалоочу отряддар куугунтукка алган учурдагы кыргынды жана жергиликтүү жашоочуларды жашоо шарты оор аймактарга сүрүп салуу таризиндеги «кыйыр» зомбулук көрсөтүүлөрдү, 1916-жылга чейин эле башталган малды тартып алуу аракеттеринин бардыгына комплекстүү мамиле жасоо менен өрчүтүп жүрүп отурган. Ошол мезгилге тиешелүү демографиялык жана статистикалык маалыматтарды талдап, автор белгилүү илимий ыкмаларды колдонуу менен кыргыз элинин болжолдуу түрдө канчага азайганын эсептеп чыккан.

1916-жылдын коомдук-экономикалык жагдайлары

1916-жылдагы экономикалык кырдаал аз изилденген жааттардын катарына кирет. 1916-жылды Россия империясынын алыскы аймактарын өздөштүрүүнү жалпы иштеринен бөлүп, өзүнчө кароого болбой тургандыгы талашсыз экендигин ушул багыттагы изилдөөлөр көрсөтүп турат. Ушул бөлүмгө киргизилген эки макала 1916-жылдагы окуянын экономикалык тамырын көрө билүү үчүн, кеңири убакытты ичине алган мезгилди мыйзамченемдүү камтыган.

Бахтиёр Алимджановдун ««Жергиликтүү» Түркстандагы экономикалык жашоо жана 1916-жылдагы окуялар» макаласында региондун ар башка бөлүктөрүндө окуялар кандай өнүккөндүгүн түшүнүү үчүн экономикалык кырдаалды эске алуу керек деп эсептейт. Бахтиёр Түркстанда отурукташып жашаган элдердин аймагында империялык бийлик экономиканын кандай түрлөрүн кургандыгын талдайт. Пахта менен жүзүмдү өндүрүү, 1916-жылы түшүмдүн жакшы алынгандыгы, базар мамилелеринин өнүгүшү жана Фергана өрөөнүнүн жашоочуларынын колунда нак акча болгондугу региондун ушул бөлүгүндөгү кагылышуулардын кансыз жана ыкчам мүнөздө болушуна түздөн-түз таасир эткен деп эсептейт. Автор «көтөрүлүш» аныктамасын сейрек колдонот жана 1916-жылдагы окуялар отурукташып калган экономиканын түзүлүшүн кыйроого алып келбестен, тескерисинче, айрым бир чөйрөлөрдө чарба жүргүзүү күчтүү жүрүп, Россиянын борбору менен соода-сатык байланыштары бекемделгенин ырастайт.

Иномджон Мамадалиевдин «1916-жылы Худжанддагы турмуш-тирлик чырчатактар: артка кылчайган көз караш (бийлик менен элдин мамилеси)» макаласынын ой-жүгүртүүсү 1916-жылдагы көтөрүлүштү 1865-жылы башталган салттуу саясый түзүмдөрдү өзгөртүүдөгү келишпестиктердин катарындагы акыркы бөлүгү катары кароону иликтөөгө алууга негизделген. Ал колониалдык башкаруу үчүн жалпы болгон көрүнүштөрдү, ошондой эле 1916-жылы регионду жарылууга алып келген туруксуздоочу жагдайларды ачыкка чыгарат. Архивдик булактарды талдоонун негизинде автор бүткүл регионалдык көтөрүлүштүн башталышы болуп калган

Хоженттеги окуялар азыркы тарыхнаамада кабыл алынгандай эмес, бир күн мурда болуп өткөн деген жоромолун айтып чыгат.

1916-жылдын жаракаты

Кыргызстан башка коңшу өлкөлөргө салыштырмалуу 1916-жылдагы окуяларга карата ачык-айкын пикири менен айырмаланып турат. Дал ушул көтөрүлүштүн тегерегинде мамлекеттик да, мамлекеттик эмес да уюмдар эс тутум[959] саясатын калыптандыруу аракетин жасап келе жатышат. Бул бир катар шарттардан тышкары, биздин мамлекетибиздин жеринде болуп өткөн каргашалуу окуянын өлчөмүнө жана калтырган таасирине байланыштуу болууда. Бул бөлүмгө киргизилген эки иш тең Кытай менен Кыргызстанда жыйналган оозеки тарыхый окуяларга негизделип, арадан жүз жыл өтсө да көтөрүлүш жөнүндөгү эскерүүлөр жандуу жана кеңири таралганын көрсөтүп турат.

Гулзада Абдалиеванын «Биздин тамырыбызда кайгылуу кан агып жатат: кыргыздардын эс тутумундагы үч Үркүн» аттуу макаласында Кытай жарандары болгон азыркы кыргыздардын эс тутумунда сакталып калган үч тарыхый апаатты караштырат. Бири-бири менен өз ара байланышкан, бирок, өз-өзүнчө күч менен жүргүзүлгөн кытай кыргыздарынын эс тутумунда үч миграция, аларды Ысык-Көл облусундагы замандаштарынан айырмалап турат. Совет бийлигинин карамагында калгандар жарандык согушту жана коллективдештирүүнү Үркүн деп атаган эмес. Гүлзада ар бир миграциялык толкун жөнүндөгү эскерүүлөрдү ирети менен талдап, алардын түзүлүш негиздерин жана мазмунун ачыкка чыгарат. Үч башка Үркүндүн жалпылыгы – «жоготуу тобунун» сыпатталышы. Мындай топтор башка маданияттын курчоосунда жуулуп-чайылган, жоготкон Мекендин жана улуттукту алып жүрүүнүн ордун толтуруу милдетин аткарган. Бирок, 1916-жылы элдерди улуттук белгилери боюнча бириктирип, кайра ырайымсыздык менен бөлүп кеткен улуттук белгилеринин өзү, кийинки Үркүндөрдө экинчи иретке сүрүлүп калган. Бул жолу Кытайга кыргыздар жана орустар – совет бийлигине каршы болгондор – бирге кетишкен.

Жаңыл Боконтаеванын «1916-жылдагы көтөрүлүш жөнүндөгү оозеки таржымалдар: Ысык-Көл облусунун жашоочуларынын эсинде жана тагдырында» макаласы азыркы коомчулуктун арасында орун алган оозеки баяндарды ыраатка келтирүүгө жана алардын коомдогу аткарган милдеттерин талдоого арналган. 1916-жыл жөнүндө эскерүү жүз жыл мурда болгон окуяны кайра жандандырууга барабар. Автор «маданий жаракат» теориясын колдонуп, эки жаракатты:1916-жылдан алган жаракат менен советтик өлкөнүн кулашынан пайда болгон жаракатты, алардын өз-ара

Kojobekova A. «The Discourses of Romanticism and Heroism in the Post-Soviet Kyrgyzstan» (Кожобекова А. «Совет мезгилден кийинки Кыргызстандагы романтизм жана эрдик боюнча баяндамалар.») *International Journal of Social Science and Humanity,* vol. 4, No. 5, September 2014, pp. 397-404*; Kojobekova A. «*Monuments to Heroes or Construction of Memory About the April Uprising of 2010 in the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan*)» (*Кожобекова А. «Баатырларга эстеликтерди куруу же Кыргыз Республикасынында (Кыргызстанда) 2010-жылдын апрель кєтєрїлїшї боюнча эскерїїлєрдї кайра жаратуу.») *Memory, Identity, and Nationalism in European Regions. IGI Global, 2019),* pp.158-183.

байланышын караштырат. Жаңыл, биринчиден, 1916-жылдагы окуяларга катышкан адамдардын урпактары көтөрүлүштү кылдаттыкта жана түрдүү таризде кайра түзгөндөрү, экинчиден, ураган совет өлкөсү менен жок болгон өз орундарын издөөнүн жана жаңы мезгилде өзүн өзү аныктоонун жолдору деген жоромолду сунуштайт.

Бул бөлүмдөгү макалалардын ээлери көтөрүлүш жөнүндөгү эскерүүлөр, арадан жүз жыл өтсө да, курчтугун жана маанисин жоготпойт, анткени 1916жыл Кытайга качып кайткан жана ошол жерде калган адамдар үчүн эле эмес, алардын экинчи, үчүнчү муундагы тукумдары үчүн да маданий жаракат болуп кала берген деп ырасташат. Илимпоздор 1916-жыл жөнүндөгү эскерүүлөр маанилүү коомдук милдетти аткарууда: алар азыркы кыргыздарга бир эле учурда жаракаттан айыгуу жана өзүн-өзү таанууга жаңы жолдорду табууга жардам берет деп эсептешет.

Башкача көз караш

Жыйнакта жарыяланып жаткан макалалар, тартипке ылайыктуу, кош сындан өткөрүлдү. Бул бөлүм Владимир Шварцтын жана Асель Даниярованын макалаларында каралган маселелердин ар-түрдүү чечмеленишинен келип чыкты. Шварцтын «1916-жылдын 25-июнундагы жогорку буйрук – кош маанидеги документ» макаласын Томохико Уяма сындаса, Асель Даниярованын «Жаңы ачылган булактардын негизинде 1916-жылдагы кыргыз уруу башчыларынын жүрүм-турумуна болгон көз караштарды кайра кароо» макаласын Аминат Чокобаева талдап карады. 1916-жылы Борбордук Азияда болгон көтөрүлүш боюнча адистер бул макалалардын негизги жоромолун далилсиз деп, сынга алышкан. Изилдөөчүлөр болсо сынчылардын негизги пикирлери менен макул болушпастан, өзгөртүүлөрдү киргизүү мүмкүн эмес деген чечимге келишти. Мындай кырдаалда бардык катышуучулар ар түрдүү көз караштарды көрсөтүүнү туура көрүштү. Ушундан улам макалалардын өзүн жана аларга болгон сынчыл талдоону бир жыйнакта басып чыгаруу керек деген чечимге келдик. Томохико Уяма жана Аминат Чокобаева Владимир Шварц менен Асель Даниярованын макалаларында көтөрүлгөн маселелердин маанилүү экендигине, алардын архивдик табылгаларынын баалуулугуна басым жасашып, бирок В. Шварц көтөрүп чыккан «көмүскө милдети» жоромолун жана аны А. Даниярованын 1916-жылдагы кыргыз жетекчилери боюнча багытта өрчүткөнүн катачылык деп эсептешет. Томохико Уяманын пикири боюнча ички кутум көз карашы «маселенин маңызын түшүнүүгө тоскоолдук кылат».

1916-жылды келечекте изилдөө

Бул жыйнак Борбор Азияда жашаган элдер үчүн 1916-жылдагы окуялар өзгөчө маниге ээ жана узакка созулган тарыхый, коомдук, саясый окуялар экенин тастыктайт. Ар-бир макала аркылуу жыйнак мурун жарык көргөн жана жарыкка чыга элек, көбүнчө тарыхчыларга гана белгилүү булактарды көпчүлүккө тартуулап, ошонун негизинде кызыккан окурмандарын баарына көтөрүлүштүн ар-башка жааттарын карап чыгууга кенен шарт түзүп берүүдө. Жыйырма жылдан ашык борборазиялык илимпоздор бир гана саясый чек-аралар аркылуу эмес, ошондой эле

өлкөлөрүнүн 1916-жылды изилдөөгө таасир эткен саясаттары аркылуу бөлүнүп иштеп келе жатышат. Коңшу өлкөлөрдүн илимпоздорун бириктирүү – жыйнактын омоктуу өзгөчөлүгүн түзөт. Жыйнакка салым кошкон окумуштуулар өз өлкөлөрүнүн саясый жана улуттук чечмелөөлөрүнүн чектеринен чыгып, ачык илимий ой-бөлүшүүгө мүмкүндүк түзүп жатышат. Монография келечекте иликтенип, жооп ала турган бир нече маселени айкындап чыкты. Келечектеги изилдөөлөр аркылуу 1916-жылдагы окуялардын татаалдыгын, бир канча мааниге ээ экендигин жана азыркы түшүнүктөрүбүзгө, саясатка, маданиятка тийгизген таасирин дагы көрө алабыз.

Александр Моррисон,
тарых илимдеринин доктору, Оксфорд университетинин, тарых факультетинин доценти, Жаңы коллеждин илимий кызматкери жана мугалими,
Оксфорд, Улуу Британия

Гүлнара Айтпаева,
филология илимдеринин доктору, МИБ Айгиненин жетекчиси,
Бишкек, Кыргызстан

Сыгымалар

Асел Даниярова Жаңы ачылган булактардын негизинде 1916-жылдагы кыргыз уруу башчыларынын жүрүм-турумуна болгон көз караштардын өзгөрүшү

Бул макалада 1916-жылы Жети-Сууда болуп өткөн окуялардын жүрүшүндө кыргыз манаптарынын жүрүм-турум үлгүсү каралат. Алардын дүйнө таануусунда «сөзсүз боло турган» кескин өзгөрүүнүн орун алганы изилденет. Ал өзгөрүүнү шарттуутүрдө баскычтарга бөлүп, төмөнкүдөй мүнөздөсө болот: шалдайуу,башаламандык, чечимдерди кабыл алуу жана аларды ишке ашыруу баскычтары жана Үркүн деп аталган туулуп-өскөн мекенин таштап кетүү. Мында жети манаптын иш-аракеттери көрсөтүлгөн. Ошого өткөн жүз жыл аралыгындагы окуу китептеринде, изилдөөлөрдө жана публицистикалык макалаларда жарыяланып келген пикирлер манаптардын жекече болгон ишаракеттеринине канчалык шайкеш келгендигине талдоо жүргүзүлгөн. Манаптарга мурун берилген баалар өлкөдөгү саясий кырдаалдарга жана кабыл алынган идеологиялык көз караштарга жараша түп тамырынан өзгөрүлүп турганы көрсөтүлгөн.

Аминат Чокобаева 1916-жылдагы көтөрүлүштөгү манаптардын орду тууралуу: «Жаңы ачылган булактардын негизинде 1916-жылдагы кыргыз уруу башчыларынын жүрүм-турумуна болгон көз караштардын өзгөрүшү» аттуу Асел Даниярованын макаласы жөнүндө

Бул макалада Асел Даниярова 1916-жылдагы көтөрүлүштө кыргыз манаптары ириде уруулардын сакталуусуна жоопкерчиликти өз моюндарына алышканын көрсөткөн. Ошол эле кезде, бийликтин ар кандай көкүтүү аракеттеринен кыргыз манаптары көтөрүлүштү жетектегенге мажбур болушканын далилдөөгө аракеттенет. Бул макалада Даниярованын айрым пикирлерин архивдик документтердин негизинде сынга алып, кайрадан карап чыгууга аракет кылуудабыз.

Аскар Джумашев 1916-жылдагы көтөрүлүш Аму дарыянын төмөн жагында: мүнөзү жана өзгөчөлүктөрү

Бул макалада 1916-жылдагы көтөрүлүштүн Аму дарыянын төмөнкү агымындагы тарыхый татаал жана көрүнүктүү учурлары, анын мүнөзү жана өзгөчөлүктөрү изилденет. Тарыхый бай булактардын негизинде каракалпак элинин ар түрдүү эки мамлекеттин курамында болуу шарттары, анын коомдук-экономикалык абалы сүрөттөлөт. Хива жана Аму дарыясынын боюндагы көтөрүлүштүн пайда болуусунун жалпы жана ар түрдүү жагдайлары каралат.

Бахтиер Алимжанов «Жергиликтүү» Түркстандагы экономикалык жашоо жана 1916-жылдагы окуялар

Макалада Түркстан генерал-губернаторлугундагы Орусия империясынын экономикалык саясатынын баштапкы булагы каралат. Изилдөөчү жергиликтүү калктын соодалык банктагы ордун кеңири чагылдырып берген. Автор Биринчи дүйнөлүк согуш учурундагы экономикалык мамилелерди жана баалардын өсүшүн, ошондой эле 1916-жылдагы окуяларга экономикалык көрүнүштөрдүн таасирин өзгөчө орунга коет.

Владимир Шварц 1916-жылдын 25-июнундагы жогорку буйрук – кош маанидеги документ

Илимий изилдөөлөргө жаңы киргизилген архивдик булактардын негизинде, Орусия империясындагы чет өлкөлүктөрдү аскердик муктаждыктар үчүн жалданып иштөөгө тартуу ой-пикирдин келип-чыгышы изилденет. Көчмөн калкты окоп казуу иштерине тартуу демилгеси аскер кызматкерлеринен эмес, ошол кезде эле империянын азиялык бөлүгүндөгү эбегейсиз чоң аймактарды Биринчи дүйнөлүк согушта өзүн алдыңкы катарда көрсөтө алган орус аскерлери үчүн тез арада бошотуу менен алектенген Айыл чарба министрлигинин көчүрүү боюнча бөлүмүнө таандык болгон. Жогорку бийликтин маанилүү документинин акыркы таризин даярдоодо ар түрдүү ведомстволордогу төрөлөрдүн жасаганы жана күч колдонуу менен мал-мүлккө ээлик кылуунун мүмкүн болгон жолдору сүрөттөлөт. Акыр аягында көчмөн кыргыздарга тиешелүү жерлерди бошотуунун «көмүскөдөгү милдети» толугу менен ишке ашырылып, майданга жардам берүү максаты көмүскөдө калып, унутулгандыгы

көрсөтүлгөн. Ошол эле учурда Үркүндөн жабыркап жапа чеккен кыргыз элинин алган жарааты жүз жылдаса да, толугу менен айыга элеги сөзгө алынат.

Гүлзада Абдалиева Биздин тамырыбызда кайгылуу кан агып жатат: кыргыздардын эс тутумундагы үч Үркүн

Бул макалада азыркы Кытайдын аймагында жашаган кыргыздардын акылэсин жаралаган үч Үркүн маселеси каралат. Макала Үркүндө аргасыз мекенин таштап, Кытайдын аймагында отурукташып калган бир ууч кыргыздардын арасында жүргүзүлгөн талаа изилдөөсүнүн негизинде жазылган. Макаланын негизги максаты – Кытайда отурукташып калган кыргыздардын эс тутумунда сакталып калган аргасыз көчүп барууну айтып берүү болду.

Жамиля Мажун (Мусарова) Жети-Сууда 1916-жылдагы окуяларга катышкан чет өлкөлүктөр жана эл аралык байланыштар жөнүндө

Жети-Суунун падыша төбөлдөрүнүн бир тобу 1916-жылы Түркстандагы Үркүндү уюштуруучулар чет өлкөлүк тыңчылар деп эсептешкен. Арийне, орус жана казак интеллигенциясынын озукчул ишмерлери Үркүн окуясына эч кандай сырткы күч таасир эткен эмес, Үркүндүн келип чыгышына оторчул бийликтин, казактардын жана жаңы көчүп келе баштаган славян улутундагылардын кылмышкер, ачкөз өкүлдөрүнүн наадандык аракеттери себепкер болгон деп эсептешкен. 1916-жылы Жети-Суудагы көтөрүлүшкө сырткы жагдайлар чечүүчү таасир эте алганбы же көркөмдөлүп ойдон чыгарылган мүнөзгө ээ болгонбу?

Жаңыл Боконтаева 1916-жылдагы көтөрүлүш жөнүндөгү оозеки таржымалдар: Ысык-Көл облусунун жашоочуларынын эсинде жана тагдырында

Ысык-Көл облусунун тургундарынын оозеки сакталган окуяларынын негизинде жазылган макалада 1916-жылдагы көтөрүлүштүн тарыхый тажрыйбасын кабыл алуу, Үркүн жөнүндө азалуу эскерүүлөр, Кытайга тоо ашып, суу кечип качкан көлдүк туугандар, ач-жылаңач кырылган сансыз эл, Кытайдагы кыйын турмуш жана кайра өз мекенине кайтып келүү тууралуу эскерүүлөр талдоого алынган.

Жоомарт Сулайманов

Орус бийлигинин Түркстан калкын коомдук-саясий жыйнакташы: ыкмалары жана кемчиликтери

Бул макалада оорук иштерине чыгууга үндөгөн чакырыктардан кийинки, 1916-жылы Түркстан элин социалдык-саясий жыйнактоонун (мобилизациялоонун) өзгөчөлүгү каралат. Автор мында жыйнактоо жөнүндө жарлыкты ишке ашыруунун ыкмалары, аймактык бийликтин толкундоолорго жана каршы чыгууларга алып келген көптөгөн кемчиликтери жөнүндө сөз кылат. Көтөрүлүштүн өзү жергиликтүү калктын дүйнөтаанымына өтө катуу тааасир эткени талдоого алынат.

Иван Фукалов 1916-жылдагы Кыргызстандагы көтөрүлүш жетекчилеринин бийлигинин таанымдуулугу жана алардын жааттары

Мында Кыргызстанда 1916-жылда болгон көтөрүлүштүн жетекчилеринин бийлигинин таанымдуулугу (легитимдүүлүгү), алардын жаттары (аспектилери) жана өзгөчөлүктөрү жөнүндө сөз болот. Жергиликтүү уруу башчыларынын башкаруу ыкмаларынын өнүгүүсү, алардын милдеттери жана негизги иш-аракеттери тарыхый өңүттөн каралат. Кыргызстанда болгон 1916-жылдагы Үркүн дүйнө жүзүндө болжолдуу түрдө ошол эле мезгилде, бирок башка чөлкөмдөрдө жана шарттарда болуп өткөн көтөрүлүштөр менен салыштырылып иликтенет. Макалада өзгөчө көңүл бийликтин легитимдик түзүлүшүнүн өзгөчөлүгүнө, көтөрүлүшчүлөрдүн аскердик жагынан камсыздалышына, куралдануу жана сырткы күчтөрдүн бийликтин жана анын жааттарына тийгизген таасирине бурулган. Көтөрүлүштү уюштурган жетекчилердин ант берүү жана туу көтөрүү сыяктуу бийлик белгилерине, калыптарына да көңүл бурулат.

Иномджон Мамадалиев 1916-жылы Худжанддагы турмуш-тирлик чыр-чатактар: артка кылчайган көз караш (бийлик менен элдин мамилеси)

Макалада социалдык чыр-чатактын келип чыгуусуна мүнөздүү болгон бардык окуялар (1871-1916-жж.) каралып, турмуш-тирлик чыр-чатактардын (көтөрүлүш деп атабыз) келип чыгышынын негизги себептери, божомолдору жана мүнөзү каралган. Бирок, эң маанилүүсү, архивдерден табылган жаңы булактар болууда. Ошол жаңы табылгалар тарых барактарына кирбей же атайын киргизилбей четте калып унутулган кээ бир учурларды калыбына келтирет. Андан тышкары, автор оторчулук кезиндеги окуяларга, башкача айтканда, падышалык оторчул саясаттын Орто Азияга мамилеси боюнча жаңы ыкманы сунуштоо менен, 1916-жылдагы тирчилик чыр-чатактын келип чыгышына түрткү болгон бардык окуялардын мүнөзүн жана мазмунун түшүнүү мүмкүндүгүн камсыздайт.

Карлыгаш Бижигитова 1916-жылдагы көтөрүлүштүн катардагы катышуучулары жана алардын «үндөрү» (Верный уездиндеги Жети-Суу облусунун Жайылмыш болуштугунун мисалында)

Бул макалада автор бир көлөмдүү архивдик документтин негизинде жүргүзүлгөн талдоодо, Жети-Суу дубанынын Верный ойозунун Жайылмыш болуштугунун мисалында 1916-жылдагы окуялардын күбөлөрү жана бир топ катышуучулары «үнсүзкүбө» катары эмес, тескерисинче, алардын көрсөтмөлөрү, «үндөрү» сот төбөлдөрүн баш кылып, оторчулук бийлик өкүлдөрүнүн кабыл алган чечимдерине таасир эткен. Андан тышкары, бул «үндөр» оторчул бийликтин өкүлдөрүнө да, советтик жана азыркы изилдөөчүлөргө да жетип, бул болуштуктун аймагында 1916-жылдын жайында болуп өткөн окуяларды андан ары кайра сүрөттөп берүүгө өз салымын кошкон.

Майсара Бекмагамбетова Торгай облусунун аймагындагы 1916-жылдагы окуяларда А. Жанбосыновдун жетекчилигин таанып кабыл алуу

1916-жылдагы окуялардын эң ири чордонунун бири Торгай дубаны болгон. СССР тарыхында марксисттик идеологиянын пайдасына Амангелди Имановдун жетекчилиги жөнүндө бир топ уламыштарды таратышкан. Макалада келтирилген макамы (статус), саясий салмагы, элге келтирген таасири, ыймандуулук мүнөздөмөсү жөнүндөгү маалыматтардан улам, Абдулгафар Жанбосыновду жетекчи жана көтөрүлүштөгү эл тааныган баштач (лидер) катары таанып кабыл алууга негиз берет.

Мурат Иманкулов Дагы бир жолу Кыргызстандагы 1916-жылкы көтөрүлүш мезгилиндеги жоготуулар жөнүндө

Илимпоз 1916-жылдагы көтөрүлүш кыргыз элинин өзүнүн эркиндиги, жашоосу үчүн ачык күрөшүнүн эң айкын үлгүсү деп эсептейт. Ал өзүнүн макаласында булкайгылуу окуянын эң көп талаш-тартышка кабылганы жана эң аярлуу орду жөнүндө сөз кылат. Бул жерде көптөгөн көйгөйлөр чагылдырылган. Тилекке каршы, арадан жүз жыл өтсө да, аеосуз басылган кандуу көтөрүлүштө кыргыз эли канча сандагы жоготууга учурагандыгы али так эмес. Макалада XIX кылымдын соңундагы жана XX кылымдын биринчи чейрегиндеги статистикалык материалдарды изилдөөнүн негизинде көтөрүлүштө курман болгон кыргыздардын санын аныктоо аракети жасалат.

Набиджон Рахимов

Ходими Жамолак: кыялдан же турмуштан жаралган каарманбы?

1916-жылдагы Ходженттеги көтөрүлүш – тажик аялдары катышкан эң биринчи жана эң ири саясий окуя болуп эсептелет. Күрөшчүл аялзатынын элеси Ходими Жамолак аркылуу көрсөтүлөт. Тилекке каршы, ал жөнүндө архивдик булактар жана далилдер сакталган эмес. Өз укугу, теңдиги жана аялдардын саясий укугу үчүн күрөшкөн күчтүү аялдын элесин баатыр катары көрсөтүлүшү советтик идеологияга шайкеш келген.

Ойбек Махмудов 1916-жылдагы Түркстан окуяларындагы диний жагдайлар: алардын милдети жана мааниси россиялык төбөлдөрдүн көзү менен

Мында жарыяланган жана жарыяланбаган архивдик документтердин негизинде оторчул орус төбөлдөрү Түркстан генерал-губернияснда диний жагдайлардын 1916-жылдагы окуяларда ойногон ролун жана катышын кандай кабыл алып, кандай көрсөтүшкөндүгү белгиленген.

Түркстандын оторчул аткаминерлеринин ар түрдүү катмарынын дүйнөтаанымы, алардын көз караштары, «жергиликтүүлөргө» мамилеси жана түшүнүгү жөнүндөгү маселе өтө маанилүү болуп эсептелет. Бул изилдөө Түркстандын кээ бир аймагындагы 1916-жылдагы окуяларды камтыган орусиялык оторчул төбөлдөрдүн жоопчотторунун, рапортторунун, «тоголок каттарынын» негизинде жүргүзүлгөн. Анын түпкүлүгүндө төбөлдөрдүн өзүнүн көз карашы боюнча бул окуялардагы ислам

жана башка диндердин орду иликтенет. Бул маселелерди туура кабыл алуу 1916-жылдагы кайгылуу окуяларга кириптер кылган орусиялык бийликтин чечимдерин кабыл алуу тартибин жакшыраак түшүнүүгө жардам берет.

Уяма Томохико

Кутумчулук теориясы маселени түшүнүүгө тоскоолдуктарды жаратууда: В. Шварцтын «1916-жылдын 25-июндагы жогорку буйрук – кош маанидеги документ» макаласы жөнүндө

Кээ бир изилдөөчүлөр сырткы күчтөрдүн «купуя» сүйлөшүүлөрүнүн жоромолу жөнүндө жазышса, В.Шварц Айыл чарба министрлигинин көчүрүү боюнча бөлүмүнүн тымызын сүйлөшүүлөрү тууралуу сөз кылып жатат. Ал таянып жаткан негизги документ албетте, аябай кызыктуу, бирок чет өлкөлүктөрдү жыйнактоо жөнүндө чечим кабыл алуу иш-аракетинде анын орду даана жана түшүнүктүү эмес. Көчүрүү бөлүмүнүн жардамчысы А.А.Татищев «кандуу көтөрүлүш жөнүндө алдын-ала айткан жана өкмөт империянын карамагындагы бүтүндөй бир чөлкөмдөгү «чет элдиктердин» жерин алуу максатында жыйнактоо чечимин кабыл алган» деп да тастыктоого болбойт. А.А.Татищевдин сунушу да, Жогорку бийликтин чет өлкөлүктөрдү «реквизициялоо» жөнүндөгү буйругу да жетишерлик деңгээлде түшүнүктүү жана бул жерде Биринчи дүйнөлүк согуш учурундагы Орусия империясында орун алган көйгөйлөрдүн маани-маңызын түшүнүүгө тоскоол болуп жаткан «купуя» сүйлөшүүлөр жоромолун пайдаланууга негиз жок. В.Шварцтын макаласын окуганда, биз эмгек ресурстары жана ооруктагы жумушчулардын иштери үчүн ведомство аралык атаандаштыктарды дагы тереңирээк изилдеп чыгуу зарыл экендигин түшүнөбүз.

STUDY OF 1916: DEPOLITICIZING AND HUMANIZING OUR

KNOWLEDGE ON THE UPRISING IN CENTRAL ASIA

The Uprising Affected All the Population of Central Asia

In the summer of 1916, as the Russian Empire staggered under the burdens of 'Total War', it was in its remotest periphery, Central Asia that the relations between society and the Tsarist state first broke down. The immediate cause of the Central Asian revolt was an imperial *ukaz* of 25 June/7th of July 1916 which called for the conscription of male "inorodtsy" between the ages of 19 and 43 into labour battalions. The *ukaz* immediately provoked disquiet – partly because of lack of clarity as to what these men were really being recruited for, and above all, because the absence of accurate birth records in this poorly-integrated borderland meant that it was impossible to know for certain who was really liable, a situation that was ripe for abuse by local officials[960]. The first public disturbances came a few days later in Khujand (now in Northern Tajikistan) where there were protests outside the offices of the District Commandant, though these did not become violent.

The first really serious outbreak came in Jizzakh (now in Uzbekistan) on the 12th July, where the Russian District Commandant and his assistant were killed, railway stations and telegraph lines destroyed, and the town and much of the surrounding region were in open revolt for the next two weeks until troops were sent in. Unrest in Ferghana at the same time was defused without significant violence, but August 1916 saw the revolt move to the predominantly Kazakh and Kyrgyz-populated region of Semirech'e, where tensions between incoming Russian settlers and the local population were particularly high. The worst violence was seen in the districts of Pishpek (Bishkek) and Przheval'sk (Karakol) where 3,700 Russian settlers were killed. The subsequent punitive expeditions drove an estimated 250,000 Kyrgyz to flee across the border to China, suffering terrible mortality in what became known as the *Ürkün*[961] – "Exodus". The third major centre of rebellion was the Torgai region in the northern Kazakh steppe, where a much better-organised rebellion broke out in September. In October the rebels, estimated at 50,000 strong, unsuccessfully besieged the town of Torgai, and fought a prolonged guerrilla war against the substantial forces sent against them which had still not been suppressed by the time of the February Revolution. Beyond this there were revolts among the Turkmen in Khiva, led by Junaid Khan, and at Chikishlar on the Caspian Sea where they clashed with Russian fishermen. Thus at different

---

Uyama U. «Why in Central Asia? Why in 1916? The revolt as an interface of the Russian colonial crisis and the First World War». *The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution*. Ed.by A. Morrison, C. Drieu, A. Chokobaeva. Manchester: Manchester University Press, 2020, pp.27-44.

Urkun - Kyrgyz popular definition of events of 1916, which, judging by folklore, arose simultaneously with the events themselves. Now the use of this term gives rise to academic disputes about the legality / illegality of the use of the word used in the Kyrgyz language, primarily in relation to domestic animals.

times revolt affected all the peoples of Central Asia, and much of the region's vast and varied territory of steppe, desert, mountain and irrigated oasis.

The Roots and Consequences of Politicizing the Topic

Although the basic causes and general outline of the 1916 revolt have long been clear, its interpretation remains a sensitive issue in the relations between Russia and the Central Asian republics, partly because it draws attention to a wider colonial past which some on both sides would prefer to ignore or deny, but above all because it was an outbreak of brutal inter-ethnic violence which created long-lasting trauma[962]. Accurate figures on the numbers of dead among the 'natives' are hard to establish fully, but the demographic studies we have, based on tax data, suggest that some 267,000 people 'went missing' in Semirechie in 1916, if we include missing births and emigration. The number of deaths was probably close to 150,000, although of these it is not clear what proportion died directly at the hands of Russian forces, or as a result of disease and starvation while fleeing to China[963]. Even higher estimates are sometimes heard in political debate, notably from the "Asaba" opposition party in Kyrgyzstan, which since the early 1990s has been claiming that the suppression of the revolt was a 'genocide'. This idea gained considerable traction in the media and among nationalist historians in Kyrgyzstan and Kazakhstan during the centenary year, without receiving official endorsement in either country[964].

Such accusations are aimed squarely at Russia, and have unsurprisingly been vehemently refuted by Russian historians, and indeed by many in Central Asia[965]. Though they certainly suppressed the revolt with extreme brutality and engaged in ethnic cleansing to free land for further Russian settlement, there is no clear evidence of the intent of the Russian colonial authorities to destroy the Kyrgyz or Kazakhs 'in whole or in part, as such', which would be necessary to meet the definition of the UN convention on the prevention and punishment of genocide[7]. The accusation of genocide stems from a form of ethnic nationalism, which is quite strong in Kyrgyzstan and Kazakhstan, where large Russian minorities live. The accusation of genocide irretrievably politicises the issue and has the effect of shutting down debate and dialogue between Russian and Central Asian historians. It has its roots in the idea, first put forward by the early Bolshevik writer G. I. Broido in the early 1920s, that the revolt was deliberately provoked by the authorities to give them an excuse to seize more land for Russian settlers[966]. The notion that local Russian colonial

---

Prezident Almazbek Atambaev podpisal Ukaz «O 100-letii tragicheskikh sobytii 1916 goda» 27/05/2015 http://www.president.kg/ru/news/ukazy/5931.

Buttino M. *Revoliutsiia naoborot. Sredniaia Aziia mezhdu padeniem tsarskoi imperii i obrazovaniem SSSR.* Moscow: Zven'ia, 2007, pp.80, 375-6.

Morrison A. «Central Asia: Interpreting and Remembering the 1916 Revolt». 19/10/2016 http://www.eurasianet.org/node/80931

See e.g. «1916 – prichiny vosstaniia i mif o genotside» *stanradar.com* 25/09/2013 http://www.stanradar.com/news/full/4834-1916-prichiny-vosstanija-i-mif-o-genotside.html, an interview with the Kyrgyz historian Batyrbaeva Shairgul. [7] https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/260(iii)

Broido G. I. *Vosstanie Kirgiz v 1916g. Moe pokazanie prokuroru tashkentskoi sudebnoi palaty, dannoe 3-go Sentiabria 1916g.* Moscow: Nauchnaia Assotsiatsiia Vostokovedeniia pri Ts. I. K. SSSR, 1925, pp.1-2, 7, 28. [9]

officials, most of whom were hostile to or at best ambivalent about peasant settlement in Turkestan[9], would have thought this a remotely sensible course to embark on when the Empire was staggering under the pressures of war is absurd. The revolt came as a surprise to the authorities - the death of so many settlers in Semirechie in the first phases is evidence enough for this. Broido was certainly correct in identifying the expropriation of land for Russian settlement as the deepest underlying cause of discontent among the Kyrgyz, but his suggestion that the revolt and its suppression were planned by the authorities is the crudest kind of conspiracy theory, typical both of the hysteria over supposed plots and treason that dominated educated Russian opinion during the Great War, and of a period in Soviet historiography when all the disasters of the late Tsarist period were attributed to Machiavellian manoeuvring rather than plain blundering[967].

Interpretations in Accordance with the Prevailing Political Climate

As this suggests, in the Soviet period the 1916 revolt was not a suppressed or taboo subject, but it was constantly reinterpreted to suit the prevailing political climate. In the 1920s and 1930s it was still acceptable to denounce Tsarist rule as an 'absolute evil', and historians and Bolshevik activists such as Piotr Galuzo and Turar Rysqulov took a really very radical, anti-colonial line, which persisted to some degree into the 1930s[968]. The revolt still figured in Soviet historiography in the 1940s, though now reconfigured for patriotic purposes[12]. It was also in this period that the Communist Party began to impose the orthodoxy that Russian rule in Central Asia was a 'lesser evil', compared both to the 'feudal' regimes which preceded it and the alternative of British imperialism, while it was now held to have had a 'progressive significance' for the peoples of the region. Some historians were denounced for 'nationalist deviation' for writing approvingly about the resistance offered by Shamil or Sultan Kenesary Qasimov to Russian expansion, (the latter leading to the famous 'Bekmakhanov affair'); these movements were classed as 'feudal' and

---

Morrison A. «Sowing the Seed of National Strife in this alien region. The Pahlen Report and *Pereselenie* in Turkestan». *Acta Slavica Iaponica,* vol.31, 2012, pp.1-29.

See Fuller W. C. *The Foe Within. Fantasies of Treason and the end of Imperial Russia.* Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006; Kolonitskii B. *«Tragicheskaia Erotika». Obraz imperatorskoi sem'i v gody pervoi mirovoi voiny*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2010.

Ryskulov T. «Vosstanie Tuzemtsev Turkestana v 1916 godu». *Ocherki revoliutsionnogo dvizheniia v Srednei Azii. Sbornik statei.* Moscow, 1926, pp.46-122; «Vosstanie 1916g. v Srednei Azii». Ed. P.Galuzo. *Krasnyi Arkhiv,* No.34, 1929, pp.39-94; *Vosstanie 1916g. v Srednei Azii. (Sbornik dokumentov).* Ed. P. Galuzo. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1932; «Dzhizakskoe Vosstanie v 1916g». Ed. A. Shestakov. *Krasnyi Arkhiv,* No.60, 1933, pp.60-91; Brainin S., Shafiro Sh. *Vosstanie Kazakhov Semirech'ia v 1916 godu.* Alma-Ata, 1935; Asfendiyarov A.S. *Natsional'no-osvoboditel'noe vosstanie 1916 goda v Kazakhstane*. Alma-Ata: Kazakhstanskoe kraevoe izd-vo, 1936; Kastel'skaia Z. D. *Vosstanie 1916 goda v Uzbekistane.* Tashkent: Gosizdat Uzb. SSR, 1938; [12] «Natsional'no-osvoboditel'noe vosstanie 1916 goda v Kazakhstane. Narodnyi geroi Amangel'dy Imanov». *Istoriia Kazakhskoi SSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. Ed. Abdykalykov M., Pankratova A. AlmaAta: Kazogiz, 1943, pp.370-398. On the controversy that subsequently erupted over this book see Yilmaz H. «History writing as agitation and propaganda: Kazakh history book of 1943». *Central Asian Survey,* 31:4, 2012, pp.409-

On the use of the figure of Amangel'di Imanov in Soviet wartime propaganda among Qazaq soldiers see Carmack R. «History and hero-making: patriotic narratives and the Sovietization of Kazakh front-line propaganda, 1941–1945». *Central Asian Survey,* vol.33 no.1, 2014, pp.95-112.

'reactionary'[969]. However, the notorious Joint Scientific Conference on the History of Central Asia and Kazakhstan in the pre-October period held in Tashkent in 1954 decided that the 1916 revolt should be classed as a 'progressive' one. It could no longer be described as an inter-ethnic conflict, but as a class struggle in which the Central Asian peoples, assisted by their Russian 'elder brothers' among the settlers, rose up against both the Tsarist regime and the 'Bais and Manaps' of their own exploiting classes. The massacres of settlers by Qazaqs and Kyrgyz in Semirechie were reinterpreted as attacks on 'kulak villages' created as a result of the Stolypin reforms. Earlier Soviet writers such as Rysqulov, Broido or Brainin and Shafiro were criticised for over-emphasising the national element of the revolt and ignoring its class basis, but the revolt was still framed as a series of 'national-liberation movements', in uneasy tension with the idea of class struggle[970]. From the 1960s debate and discussion opened up once again, including Habib Tursunov's monograph on the subject, which remains the main full-length study in Russian, P'iaskovskii's important publication of documents, and interpretations of the revolt as part of Uzbek, Qazaq and Kyrgyz national history[971]. Many of these Soviet interpretations of 1916 still survive, notably the bogus idea of class-struggle, which has proved remarkably durable in modern Russian publications[972]. In general officially-sponsored Russian interpretations on 1916 remain deeply problematic – they range from the active denial of the colonial nature of Russian rule and the presentation of settlers as the only victims of the revolt[973], to a more moderate argument that the revolt was a 'general tragedy' provoked by the stresses of war which still ignores both colonial inequality and the massive disparity in casualties on either side[974]. Meanwhile the division of the revolt into separate Kyrgyz, Qazaq, Uzbek, Tajik and Turkmen 'national liberation movements' is now the orthodoxy in the post-Soviet historiography coming out of Central Asia, which has also seen a revival of Broido-style

---

969 Tillett L. *The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities.* Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1969, pp.110-129.

Usenbaev K. *Vosstanie 1916 goda v Kirgizii,* pp.4-10, 173, 256; Sulemeinov V., Basin V. *Vosstanie 1916 goda v Kazakhstane,* pp.9-13, 83; Tillett L. *The Great Friendship,* pp.185-193.

Tursunov Kh.*Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii i Kazakhstane.* Tashkent: Gosizdat Uzb. SSR, 1962); P'iaskovskii A. V. *Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii i Kazakhstane.* Moscow: Izd. AN SSSR, 1960; Usenbaev K. *Vosstanie 1916 goda v Kirgizii.* Frunze: Ilim, 1967; Kastel'skaia Z.D. *Osnovnye predposylki vosstaniia 1916 goda v Uzbekistane.* Moscow: Nauka, 1972; Sulemeinov B.S., Basin B. Ya. *Vosstanie 1916 goda v Kazakhstane (prichiny, kharakter, dvizhushchie sily*. Alma-Ata: Nauka, 1977.

Brusina O. I. *Slaviane v Srednei Azii.* Moscow: Vostochnaia Literatura, 2001, pp.20-40, 137-147; it can also be seen in *Tsentral'naia Aziia v sostave Rossiiskoi Imperii.* Ed. Abashin S. N., Arapov D. Yu., Bekmakhanova N. E. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2008, pp.228-292.

Ganin A. V. «Posledniaia poludennaia ekspeditsiia Imperatorskoi Rossii: Russkaia armiia na podavlenii Turkestanskogo miatezha 1916-1917gg». *Russkii Sbornik. Issledovaniia po istorii Rossii*, vol.V. Ed. O.R. Airapetov, M. Jovanovich, M.A. Kolerov, B. Menning, Рю Chaisty. Moscow: Modest Kolerov, 2008, pp.152-214; Ganin A. V. «Predislovie». http://semirechye.rusarchives.ru/predislovie

Kotiukova T. V. *Tsivilizatsionno-kul'turnye aspekty vzaimootnoshenii Rossii i narodov Tsentral'noi Azii v nachale XX stoletiya (1916 god: uroki obshchei tragedii.* Moscow, 2016.

conspiracy theories about the revolt as a result of deliberate 'provocation'[975]. Both of these trends can be seen in this volume.

Current Opportunities for Research on 1916

Although more than a century has passed since the events of 1916 the subject of the uprising remains ethnically and politically sensitive, making the issue of the im/ possibility of the depoliticizing of research on 1916 particularly relevant. The centurylong chronological distance and the emergence of new states in the territories where the clashes took place are key factors which provide the conditions for a balanced and cooperative study of the uprising of 1916. If the depoliticizing of the subject, or, to be more concrete, its liberation from the current political conjuncture of these countries and the ethnic identification of scholars, is possible, then this opportunity exists primarily in the academic domain. The current research environment is becoming increasingly congenial for reflective scholars. The archives in Bishkek and Almaty are open to researchers from all countries, and those in Tashkent are finally becoming more accessible again. Whatever the problems with many publications about 1916 in Russia, access to documents there is generally good - RGVIA has recently published a large selection of documents relating to the revolt online[976], and while these are obviously not comprehensive they do include, for instance, the original of the notorious diary entry in which Governor-General Kuropatkin laid out his plan to deport all the remaining Kyrgyz around Lake Issyq-Kul to the mountainous region of Naryn, reserving all the best land for Russian settlers[21]. Russian archives also seem to have cooperated fully in the recent publication of a six-volume collection of facsimile documents relating to the revolt by the Kyrgyz-Slavic University in Bishkek[977].

The Humanization and Broadening of Research on 1916

This edited volume is the result of the project on "Mobilizing academic communities in Central Asia to produce new knowledge about the 1916 Uprising and to build shared academic platforms for exchanging and disseminating knowledge about ethnically or/and politically sensitive topics", supported by the Open Society Foundations (OSF).

The human dimension of the uprising of 1916 is an area of research which has not been given due attention in existing academic studies. In addition to the goals identified in the title of the project, we set ourselves a task of developing research focused on the life stories and actions of individuals – be those refugees or settlers, Russian officials or *manaps*, or

---

[975] *Qaharli 1916 zhyl. Quzhattar men materialdar zhinaghi/Groznyi 1916 god. (Sbornik dokumentov i materialov).* Ed. Kozybaev M. K. Almaty: Qazaqstan, 1998, 2 Vols.; Ziyoyeva Dono: *Turkiston milliy ozodlik harakati.* Tashkent: Sharq, 2000; *Vosstaniie 1916 goda. Sbornik dokumentov i materialov.* Ed.K. I. Mambetaliev. Bishkek: n.p., 2015, p.5; «Natsional'no-osvoboditel'noe vosstanie 1916 goda v Kazakhstane». http://e-history.kz/ru/contents/view/287.

«Sobytie v Semirech'e po dokumentam rossiiskikh arkhivov». (http://semirechye.rusarchives.ru/) [21] Kuropatkin A. N., Diary entry for 12/10/1916 in RGVIA F.165 Op.1 D.1970 l.22 (http://semirechye. rusarchives.ru/iz-dnevnikov-kuropatkina/iz-dnevnika-komanduyushchego-voyskami-turkestanskogovoennogo-okruga-0); originally published in Galuzo «Vosstanie 1916g. v Srednei Azii», p.60.

Sredneaziatskoe (Turkestanskoe) Vosstanie 1916g. Istoriia v dokumentakh. Ed.A.Ch. Kakeev. Bishkek: KRSU, 2015-16, 6 vols.

even the women who initiated the uprising – as well as myths that surround these individuals. The events of the summer and fall of 1916 have been studied from different perspectives, but this project has instead shifted accent from events to individuals who participated in, experienced, and commemorated these events. It was important for us to see and to understand an individual in tragic circumstances and to humanize the study of the uprising of 1916.

The passing of a hundred years is not an obstacle here: we are fortunate to have access to extensive archival documents, folklore, and the memories of descendants.

The Gender Aspect of the Uprising of 1916

The section on "The gender aspect of the uprising of 1916" broadens our vision of the uprising of 1916 by introducing a new lens through which these events can be viewed. While descriptions of women of all ethnicities in the tragic events of 1916 are common, they are primarily portrayed as victims. The role of women as initiators and participants of the uprising has been little studied. Two chapters in this volume contribute new knowledge to our understanding of the uprising of 1916.

Askar Dzhumashev's chapter on "The 1916 Uprising in the lower Amu-Darya: Nature and features" compares two uprisings in Karakalpak history. In 1916, the Karakalpaks lived on both banks of Amu Darya River and were subjects of two different states. The two uprisings had different timeframes, but what was common to them was the burden of the socio-economic conditions. The structures of both states were aimed at suppressing popular discontent. And on both shores of the river women became the catalysts of popular disturbances, leading the author to highlight the gender aspect of the uprisings within the social context specific for each Amu Darya bank.

Nabidzhon Rakhimov in his study of "Khodimi Dzhamolak: Myth or reality?" also focuses on the gender perspective and examines the tight entanglement of real facts and imagined constructs. The author traces how Soviet power used literary devices in constructing the ideology and its concepts – in particular, "the image of woman fighting for her rights". There were good reasons for the Soviet authorities to establish this image because "at times with an accent on, or at times only in passing, all of the documents refer to the high rates of participation of women in the events of 1916". Public activity was not a typical behaviour model for the yet "unliberated women of the East", but it was exactly what was needed for their liberation. How successful this model was in the historical perspective and how it continues to operate can be observed today.

Through the Eyes and Voices of Witnesses

The importance of the section "Through the eyes and voices of witnesses" is in its undivided attention to archival documents as sources of information on individuals, their worldviews and their behaviour.

Karylgash Bizhigitova in her chapter on "The 'voices' of ordinary participants and eyewitnesses of the 1916 Uprising: The case of the Zhayilmyshevsk district in Semirech'e province (modern Kazakhstan)" does not agree with the established description of ordinary

participants of the uprising as "one large, homogenous and simultaneously faceless mass of people, which could be directed and easily led". On the basis of detailed analysis of a key archival document, the author extracts the "voices" or positions of ordinary participants of the uprising. Her key argument is that the representatives of the "lower classes" influenced, to a considerably degree, the decisions made by the colonial authorities and contributed to the further development of the events of 1916.

Oybek Mahmudov's chapter on "The Islamic factor and 'clergy' in the 1916 events in Turkestan: The perspective of Russian Tsarist officials" is similarly based on archival materials. In focus are the dispatches, papers, and reports on "the Islamic factor" written by Russian officials – individuals of different culture. The worldview gulf separated the officials and local Muslims. The author highlights tendencies in perception and explanations of Islam, analyzes their origins and motivations. One of Mahmudov's key assumptions is that the mechanism of decision-making by the Russian authorities, which led to the tragedy of 1916, is to be found in the worldviews of colonial officials, in their rigid stereotypes of Islamic fanaticism and their inability to change their approach towards the "other".

Leaders in 1916

Soviet historiography, forced into the paradigms of class struggle and movements of national liberation, was also limited in its study of the uprising's direction and leadership. This is why the current attention to the subject of the uprising's leadership in the region is natural[23]. The section on "Leaders in 1916" is devoted to individuals who, due to their social status or by force of circumstances, led the uprising and flight of the indigenous population to China. Based on different materials, the three articles in the section approach the same process – the activation and revival of traditional schemes and norms of governning among the revolting Kazakhs and Kyrgyz – from different perspectives.

Asel Daniyarova in her article on "Changing perspectives on the behaviour patterns of the Kyrgyz patrilineages' leaders in 1916 according to newly discovered facts" seeks an answer to the question of "who are the leaders of Kyrgyz clans – exploiters of the masses, working in cahoots with the Tsarist authorities, or judicious reasonable leaders who saved the people from inevitable death, or even the fearless leaders of the uprising?" The author analyzes the behavioural models of seven Kyrgyz manaps and reconstructs the individual stages and the overall mechanism of their decision-making. This analysis reveals the bias of both the class-based Soviet, as well as the decolonial post-Soviet interpretations of the leadership of the 1916 uprising. One of the conclusions that the author draws is that the Kyrgyz *manaps* acted in accordance with the mechanisms of traditional society: they took personal responsibility for the safety of clans and lives of their kin at a critical moment of history.

Ivan Fukalov in the chapter on "The power legitimacy and its aspects: The 1916 Uprising leadership" concentrates on the process of "reconstructing by the rebels of the national state-legal institutions, primarily, the institution of the khan's power". If in peaceful time the relations of ordinary Kyrgyz and their rulers bore the typical character of submission and domination, then in a matter of several summer days in

23 *Amangel'dy Imanov. Stat'i, dokumenty, materialy*. Ed. S. Beisembaev. Almaty: Kazakhstan, 1973, p. 264. Ryskul Joldoshov. «1916-zhyldagy kotorulushtun zhetekchileri zhana kyrgyz manaptardyn ordu». *1916-zhyldagy-kotorulushtun-zhetekchileri-zhana-kyrgyz-manaptarynyn-ordu_swtrYbH*.pdf

1916 there happened the reunification of all social groups and the recovery of those power structures, which until this moment were inactive.

Maisara Bekmagambetova in her chapter on "Legitimation of A. Zhanbosynov's leadership during the 1916 events in Torgay province (modern Kazakhstan)" examines how and when the Soviet historiographical treatment of the uprising leaders in the Torgay oblast changed, why Amangel'dy Imanov was cultivated as a hero, while Abdulgafar Zhanbosynov disappeared from the lists of the uprising's leaders. Analyzing the social background, personality and actions of Abdulgafar Zhanbosynov in 1916, Bekmagambetova concludes that in the days of the tragic uprising among the Torgai oblast Kazakhs the traditional norm was in place: resistance was led by the representatives of the Steppe aristocracy, one of whom was Abdulgafar Zhanbosynov.

On the basis of three chapters about the types of leadership that were taking shape in 1916 it is possible to propose that the revival of traditional mechanisms of rule was a familiar and comprehensible instrument of mobilization for the purpose of self-preservation.

A Reinterpretation of the Reasons for and the Losses During 1916

The question of the reasons for and the scale of losses during the uprising of 1916 has remained a critical issue since the beginning of the uprising itself. For the communities that were affected by the uprising, the issue of human losses is a particularly sensitive subject. It has acquired political overtones from its very inception.

Vladimir Schwartz in the chapter on "The Highest Order of 25th June 1916: The dual-purpose document" examines the competition and confrontation of various government departments of Tsarist Russia around the emergence and signing of the highest decree of 25 June, 1916, which was a catalyst of the events of 1916. On the basis of archival documents and their interlinked analysis, Shvarts proposes as one of the key players the Resettlement Administration of the Ministry of Agriculture and develops a hypothesis of the "shadow task", which was initiated and consistently implemented by the employees of this department. This hypothesis is similar to the idea of G. Broido about the "devilish plan"; that is, the conscious provoking of disturbances by the colonial authorities. The author argues that the newly discovered documents strongly support this hypothesis. Furthermore, the hypothesis of the "shadow task", in his logic, explains many other yet unexplained circumstances. Shvarts returns to the idea, which has been considered baseless in the historiographic field, because he is convinced that Broido lacked the necessary documents in 1916 to see the key players and their motivation. The chapter contains detailed argumentation and introduces a large block of new archival documents. However the idea of the "shadow task" and its arguments raised immediate criticisms of specialists studying the uprising of 1916.

Dzhamilia Madzhun (Musarova) in the chapter on "International relations and foreign participation in the 1916 events in Semirech'e" examines the question of external influence on the uprising of 1916. The author systematically analyzes all external actors as well as

examining the migration processes on the eve of the uprising, including the inflow of labour migrants, smugglers, prisoners of war, and refugees. In a similar vein, the author also analyzes the aggravation of international rivalry and the activization of foreign agents in the region. At the same time, the fact that the uprising took its most deadly form in the three most agriculturally productive *uezds* of Semirech'e puts at the center the struggle between the local population and the colonial authorities for resources – land, water, livestock, and opium.

Zhoomart Sulaimanov in his chapter on "The social and political mobilization of Turkestan's population: Methods and mistakes of the Russian administration" focuses on the ways and means of mobilization used by the Tsarist authorities in Turkestan for implementing the Decree dated 25 June, 1916. The author argues that in the period of conscription of the native population for work in the rear the Tsarist authorities on the ground showed their lack of knowledge and understanding of the local communities and norms. Instead of mobilizing the natives, the colonial power stirred their ethnic consciousness and unintentionally mobilized large groups of people for resistance. The impropriety of the methods of mobilization became the catalyst of the tragic events.

Murat Imankulov's chapter "Once again on the losses in the period of the uprising of 1916 in Kyrgyzstan" is devoted to one of the most sensitive aspects of the uprising – the analysis of human losses among Kyrgyz, including the periods of resistance, its suppression as well as the flight to China. The author develops a comprehensive approach, linking direct violence, the deaths of the rebels during clashes and persecution by the punitive expeditions with "indirect" violence in the form of expulsions of the indigenous population into climatically unfavourable zones as well as the seizure of livestock, which began long before the uprising of 1916. Based on the demographical and statistical data for the relevant time period, and by utilizing the established scientific methods, the author calculates an approximate decline in the Kyrgyz population.

The Socio-Economic Context of 1916

The economic situation in 1916 is an aspect which has been little studied. Research in this field makes apparent the fact that the uprising of 1916 cannot be considered in isolation, separately from the complex programme of colonization of the region by the Russian empire. Two chapters in this section justifiably cover a wide timeframe in order to see the economic roots of the events of 1916.

Bakhtiyor Alimdzhanov in the chapter on "The economic life of the 'indigenous' (korennoi) Turkestan and the 1916 events" sees in the economic situation a key to understand how the events developed in the different parts of the region. The author analyses the economic model which the imperial authorities were building in the areas of settled farming in Turkestan. He shows the direct link between cotton and grape production, the high harvest of 1916, the development of market relations, the affluence of the Ferghana valley residents, as well as the bloodless and swift nature of clashes in this part of the region. The author rarely uses the definition of "uprising" and argues that the events of 1916 did not destroy the structure of the settled economy as well showing, that on the contrary, in

certain areas (of the Ferghana valley) agriculture intensified, and trade connections with central Russia grew stronger.

The concept of the chapter by Inomdzhon Mamadaliev, "The social conflict of 1916 in Khujand: a retrospective view on the relations of power and people", is based on research into the uprising of 1916 as a concluding link in a series of conflicts that began in 1865 with the restructuring of the traditional political institutions. He brings to light the factors common to the colonial system of administration as well as the destabilizing circumstances which imploded the region in 1916. By analysing archival documents the author proposes that the events in Khujand, which marked the beginning of the uprising in the entire region, happened a day earlier than it is accepted in the contemporary historiography.

The Trauma of 1916

In comparison to other countries of the region, Kyrgyzstan has formed a welldefined position in relation to the uprising of 1916. It is around this uprising that state and non-state structures have attempted to shape their politics of memory [978]. In addition to a range of circumstances, this is due to the scale and depth of the tragedy, which took place in the territory of the modern-day nation. Two chapters in this section are based on oral histories collected in China and in Kyrgyzstan and show that even a hundred years later the memories of the uprising are alive and shared.

Gulzada Abdalieva in her chapter "The woeful blood flows in our veins": The three Ürküns in the Kyrgyz memory" examines three social disasters that were preserved in the memory of contemporary Kyrgyz citizens of China. The continued remembrance of these three connected but distinct forced migrations in the memory of Chinese Kyrgyz distinguishes them from their contemporaries from Issyk-Kul province. The civil war and collectivization for those who remained under the Soviet power could not be defined as *Ürkün* (exodus). The author analyzes the memories of each wave of migration and identifies their structural bases and thematical content. The joint link in the reconstruction of each exodus is the description of the "communities of loss". These communities created mechanisms of compensation for their lost homeland and ethnic identity, which is being corroded in the presence of a different culture. At the same time, the ethnic marker, which simultaneously united and separated communities in 1916, faded into insignificance during the later exoduses. In those instances, both Kyrgyz and Russians – opponents of the Soviet power – fled into China.

Dzhanyl Bokontaeva's chapter on "The oral history of the 1916 Uprising: Memories from Issyk-Kul province" is devoted to systematizing the oral histories circulating in contemporary society, and to the analysis of their social function. These memories of 1916 are a reconstruction of the century-old tragedy. By employing the cultural trauma theory, the author identifies two fundamental traumas and their conjunction – the trauma of the uprising

---

Kojobekova A. «The Discourses of Romanticism and Heroism in the Post-Soviet Kyrgyzstan» *International Journal of Social Science and Humanity*, vol. 4 no. 5, September 2014, pp. 397-404; Kojobekova A. «Monuments to Heroes or Construction of Memory About the April Uprising of 2010 in the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan)». *Memory, Identity, and Nationalism in European Regions*. IGI Global, 2019, pp.158-183.

of 1916 and the trauma of the collapse of the Soviet state. The author advances the hypothesis that the multifaceted reconstruction of the course and details of the uprising by descendants of the witnesses of 1916 constitutes a form of search for their lost Soviet identity and provides the basis for the new collective identification.

The authors of this section argue that a century later the memories of the uprising of 1916 have not lost their poignancy and importance, because 1916 became a cultural trauma not only for the witnesses of the uprising and the flight to China, but also their descendants in the second and third generations. The authors prove that the traumatic memories of 1916 serve a useful social function: they help modern-day Kyrgyz to simultaneously overcome the trauma and develop new forms of consciousness and identification.

A Different Point of View

All of the chapters published in this edited volume passed the customary double peer review. This section emerged because of the different interpretations of the issues addressed in the chapters by Vladimir Schwartz and Asel Daniyarova. The chapter by Schwartz on "The Highest Order of 25th June 1916: The dual-purpose document" was reviewed by Tomohiko Uyama, whereas the chapter by Asel Daniyarova "Changing perspectives on the behaviour patterns of the Kyrgyz patrilineages' leaders in 1916 within the newly discovered facts" was reviewed by Aminat Chokobaeva. Tomohiko Uyama and Aminat Chokobaeva, as specialists on the uprising of 1916 in Central Asia, made critical analyses of the essential hypotheses of the chapters. The researchers disagreed with the conceptual remarks of their reviewers and found it impossible to make changes to their chapters. In this situation, all of the participants in the process agreed that it would be reasonable to present their different positions. The decision was then made to publish the chapters and their critical analyses in the same volume. Tomohiko Uyama and Aminat Chokobaeva stress the importance of the issues raised in the chapters by Vladimir Schwartz and Asel Daniyarova, as well as of the archival discoveries of the authors, but find the hypothesis of the "shadow task", advanced by Shvarts and further developed by Daniyarova on the basis of her analysis of Kyrgyz leaders of the uprising of 1916, fundamentally erroneous. The theory of internal conspiracy, in Tomohiko Uyama's view, "obstructs our understanding of the substance of the issue".

The Future Study of 1916

The volume presents the events of 1916 as a significant, long-lasting sociopolitical phenomenon for the population of all of Central Asia. It opens up to a wide range of readers archive materials published and unpublished earlier, known only to historians in the past, thereby offering to move away from a narrow focus on one or another aspect of the event. Its distinctiveness lies in the integration of researchers from different countries of the Central Asian region and Russia, who for more than twenty years have been divided not only by state borders, but also by political agendas that influence the consideration of the events of 1916. The authors of the monograph go far beyond the framework of intra-country political and often nationalist interpretations and attitudes, creating the opportunity for an open, unbiased academic discussion in order to overcome established stereotypes and

patterns in the study of 1916. In addition, the monograph identifies a number of questions that can be answered in further studies, expanding and deepening the understanding of the complexity and ambiguity of the events of not only 1916, but also of its echoes in the modern social and cultural memory of the region.

Dr. Alexander Morrison,
Fellow & Tutor in History,
New College and Associate Professor, Faculty of History,
University of Oxford, United Kingdom

Dr. Gulnara Aitpaeva,
Director of Aigine Cultural Research Center, Bishkek

Abstracts

Asel Daniyarova Changing Perspectives on the Behaviour Patterns of the Kyrgyz Patrilineages' Leaders in 1916 According to Newly Discovered Facts

The article focuses on the behaviour patterns of *manaps*, the leaders of the Kyrgyz patrilineages (*uruu*), during the events of 1916 known as the Ürkün in Semirech'e. The analysis of these patterns in the light of newly discovered facts shows the patterns of rapid change named here as "realizing the inevitable" (*osoznanie neizbezhnogo*). There are three conditional stages of the transformation suggested: shock, confusion, decisions taken following implementation, and Ürkün – the exodus from the homeland. The seven *manaps'* cases are compared to draw a correlation between their actions and the assessment of these acts given in various school-books, monographs, and media published during the last hundred years. The assessments vary fundamentally depending on changing political situations and relevant ideologies.

Aminat Chokobaeva The Role of Manaps in the 1916 Uprising: on Asel Daniyarova's article on "Changing Perspectives on the Behaviour Patterns of the Kyrgyz Patrilineages' Leaders in 1916 According to Newly Discovered Facts"

Daniyarova's article on "Changing perspectives on the behaviour patterns of the Kyrgyz patrilineages' leaders in 1916 according to newly discovered facts" shows that, during the uprising of 1916, manaps were guided by the tasks of preserving their clans. At the same time, Daniyarova argues that manaps were forced to lead the uprising by the incendiary actions of the authorities. This article is an attempt to reconsider some of the arguments made by Daniyarova on the basis of archival documents.

Askar Dzhumashev The 1916 Uprising in the Lower Amu-Darya: Nature and Features

The article studies one of the complex but vivid moments of the 1916 Uprising taken place in the lower Amu-Darya. Based on factual material, the author elaborates on the social and economic position of Kara-Kalpaks as divided between the two states. He compares the factors of the Uprising in Khiva and Amu-Darya showing similarities and differences of the events.

Bakhtiyor Alimdzhanov The Economic Life of the 'Indigenous' (korennoi**) Turkestan and the 1916 Events**

The article examines the sources of the Russian Empire's economic policy in Russian Turkestan. For it, the author studies particularly the role of commercial banks in the life of local populations. A special place is given to the economic relations and prices' increase during the First World War, as well as to the influence of economic processes on the 1916 events.

Dzhamilia Madzhun (Musarova) International Relations and Foreign Participation in the 1916 Events in Semirech'e

A number of the Tsarist officials in Semirech'e surmised the foreign agents' organizing role of the Uprising that exploded Turkestan in 1916. In contrast, Russian and Kazakh intellectuals did not see any foreign influences in the events. They made clear instead that the Uprising was caused by the ruthless greed of the representatives of the colonial power, Cossacks, and some of the Slavic settlers. The article answers the question: whether external factors had any actual influence during the 1916 Uprising, or did it rather have a fictional character?

Dzhanyl Bokontaeva The Oral History of the 1916 Uprising: Memories from Issyk-Kul Province

The paper deals with the perception of the remembered experience and construction of the memories about the 1916 Uprising based on the oral history collected in the Issyk-Kul province. The focus is given to the traumatic memory of the ҚrkҚn when people fled to China over the impassable mountain passes, and the victims, about life difficulties in China, as well as about the survivors' return to the homeland.

Gulzada Abdalieva "The Woeful Blood Flows in Our Veins": The Three Ürkün in the Kyrgyz Memory

This article examines the traumatic memory of the three Ürküns the Kyrgyz of China share. Analysing the field data collected in China among the Kyrgyz where they had to migrate, the main focus is on the forms of memory formation about their forced migration.

Inomdzhon Mamadaliev The Social Conflict of 1916 in Khujand: A Retrospective View on the Relations of Power and People

The article scrutinises step by step all the conflict events (called here 'uprisings') of a social character along with their preconditions and reasons from 1871 to 1916. What is important is the new archival data that shed light on some of forgotten and ignored moments. Building on the national concept of historical writing, the author then suggests a new approach to understanding to the colonial politics of the Russian Empire to its Central Asian territory. With this, author aims to understand the nature and content of the antecedent events building the soil of the social conflict of 1916.

Ivan Fukalov The Power Legitimacy and Its Aspects: The 1916 Uprising Leadership

The paper studies the process of legitimation of the 1916 Uprising leadership, its aspects and specifics. For it, a brief history is provided focusing on the power development of the leaders of local patrilineages (*uruu*), their functions, and main activities. The 1916 Uprising is also considered in comparative perspective with the other uprisings that happened almost simultaneously in the other regions under different circumstances. A special focus is made on the specific forms of power legitimization, and the arming of the

insurgents, as well as on the external forces' influence on these forms of power. The role of power symbols, such as the oaths and flags, of the Uprising leaders will be also considered.

Karylgash Bizhigitova The 'Voices' of Ordinary Participants and Eyewitnesses of the 1916 Uprising: The Case of the Zhayilmyshevsk District in Semirech'e Province (Modern Kazakhstan)

The article analyses the large archival document on the 1916 events on the Zhayilmyshevsk district of the Vernyi district in the Semirech'e province (the current territory of Karasay district in the Almaty province, Kazakhstan). As result, the author shows that local people were not ordinary 'voiceless' participants and eyewitnesses of the 1916 events. Instead, their 'voices' had significantly influenced the decisions of the representatives of the colonial power, including the judicial officials. Furthermore, these 'voices' contributed to the following construction of the events by the colonial administration, and then by the Soviet and post-Soviet scholars.

Maisara Bekmagambetova Legitimation of A. Zhanbosynov's Leadership During the 1916 Events in Torgay Province (Modern Kazakhstan)

The Torgay province was one of the centres of the 1916 events. Within the Soviet historiography and due to Marxist ideology, the myth of Amangeldy Imanov's exclusive leadership was established. However, as this article explains, there are facts found in favour of another leader, Abdulghafar Zhanbosynov. His social and political status, as well as his moral and charismatic characteristics, reinforced the legitimation of his position as one of the core leaders of the 1916 Uprising.

Murat Imankulov Once Again on the Losses in the Period of the Uprising of 1916 in Kyrgyzstan

One of the most controversial and sensitive aspects of scholarship on the uprising of 1916 remains the issue of human losses among the native population of Central Asia. The exact number who perished during the suppression of the uprising is still unknown. At the same time, the presence of demographic and statistical data collected before and after the uprising of 1916 gives us an opportunity to estimate an approximate decrease of the native population, including the deceased as the result of the uprising, its suppression and the flight of the nomadic population to China. This article attempts to establish the decrease of the Kyrgyz population of the Semirech'e oblast on the basis of statistical data of the late 19th and early 20th centuries and to reveal the flaws in the calculation methods used by some scholars.

Nabidzhon Rakhimov

Khodimi Dzhamolak: Myth or Reality?

The 1916 Uprising in Khujand became the first political event involving the Tajik women. Khodimi Dzhamolak has become the embodiment of the image of the female rebel, however, archival data on her is missing. Her image was glorified according to the

strengthened Soviet ideology directed to the construction of the image of a woman fighting for her political rights and gender equality.

Oybek Mahmudov The Islamic Factor and 'Clergy' in the 1916 Events in Turkestan: The Perspective of the Russian Tsarist Officials

The article studies the perspectives of the Russian Tsarist officials on the role of the Islamic factor and the Muslim 'clergy' in the 1916 events in Turkestan. Based on the published and unpublished archival documents (such as reports and dispatches), the article reproduces the officials' representations and visions on the local populations whom they called *tuzemtsy*. The analysis aims to better comprehension of the decision-making mechanism of the Russian officials that led to the tragic events in 1916.

Tomohiko Uyama The Conspiracy Theory Obstructs an Understanding of the Question's Essence: On the Article 'The Highest Order of 25th June 1916: The dual-purpose document"

Whilst some authors reflect on the conspiracy theory of external powers, V. Schwartz puts forward a conspiracy theory of the Resettlement Department of the Russian Ministry of Agriculture. The main document that Schwartz builds his argument on is interesting, however, it remains unclear what role that document could have played in the decision-making for the mobilization of the local populations. There is no reason to assume that the deputy head of the Department A.A. Tatishchev could predict the bloody Uprising and that the government had decided to mobilize the *inorodtsy* of the whole Empire in order to exempt the lands in only one region. Tatishchev's initiative, as well as the Highest Order on the 'requisition' of local populations, could be well rationalized and there is no need to use the conspiracy theory which obstructs understanding of the core problems that the Russian Empire experienced at a time of the First WW. Schwartz's article leads us to realize the necessity of closer attention to the competition between the then departments for the labour resources for the rearward works.

Vladimir Schwartz The Highest Order of 25th June 1916: The Dual-Purpose Document

Based on the newly discovered archival documents, the article examines the formation of the idea of involving the local populations, so-called *inorodtsy* of the Russian Empire as the labour force for the army needs. It is argued that it was not the military but the Resettlement Department of the Russian Ministry of Agriculture who initiated the enrolment of the nomads to labouring at the front. One of the then urgent tasks of the Department was an expropriation of the colossal territories of the Asian part of the Empire to settle the soldiers who distinguished themselves in the battles of the First WW. The article reveals the lobbying for requisitioning of land as well as the officials' role while preparing the final version of the Highest Order. The article shows the full implementation of the hidden task of expropriating the lands from the Kyrgyz nomadic pastoralists, in contrast to the declared need for labour at the front that was in fact forgotten. The trauma of the Kyrgyz people left after Ürkün remains an unhealed wound a century later.

Zhoomart Sulaimanov The Social and Political Mobilization of Turkestan's Population: Methods and Mistakes of the Russian Administration

This article examines the features of the social and political mobilization of the population of Turkestan in 1916 in response to the announced conscription for works behind the lines at the Russian front. It will be shown how the implementation methods of the Tsarist administration and its mistakes led to the resistance and uprising. The article will also reveal the Uprising's strong impact on the minds of the local populations.

Авторы и редакторы монографии

Аида Алымбаева, PhD Candidate, Институт социальной антропологии им. Макса Планка, Германия, г. Галле Заале, ул. Адвокатенвег 36.E-mail: alymbaeva(at)gmail.com

Айжаркын Кожобекова, кандидат философских наук, доцент, Департамент социологии Американский университет в Центральной Азии, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Токомбаева 7/6. E-mail: kozhobekova_a @auca.kg

Александр Моррисон, доктор исторических наук, Оксфордский Университет, Великобритания. E-mail: alexander.morrison@new.ox.ac.uk

Аминат Чокобаева, постдокторант-исследователь, Назарбаев Университет, Республика Казахстан, г.Нур-Султан, просп. Кабанбай Батыра 53**.** E-mail: aminat.chokobaeva@nu.edu.kz

Асель Даниярова, Фонд Санжарбека Даниярова**,** Бишкек, Кыргызстан - Москва, РФ**,** Кыргызская Республика, Г. Бишкек, ул. Раззакова, 10, кв.7**.** E-mail: a.daniyarova@daniyarov.kg; assele@gmail.com

Аскар Джумашев, кандидат исторических наук**,** Каракалпакский научноисследовательский институт гуманитарных наук, Каракалпакское отделение Академии наук Республики Узбекистан, Каракалпакстан, Узбекистан. г. Нукус, ул. Амира Тимура 179-А. E-mail: djumashev@yahoo.de

Бахтиер Алимджанов, независимый исследователь**,** Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Чиланзар 1-14-21**.** E-mail: balimdjanov@gmail.com

Владимир Шварц, Фонд Санжарбека Даниярова**,** Бишкек, Кыргызстан - Москва, РФ**,** Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Раззакова, 10, кв.7**.** E-mail: i-wish1@yandex.ru

Гульзада Абдалиева, кандидат исторических наук, Кыргызский Государственный Университет имени И. Арабаева**,** Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Раззакова, 43**.** E-mail: gulzadaabdalieva@gmail.com

Гульнара Айтпаева, доктор филологических наук, Культурно-Исследовательский Центр Айгине, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Токтогула, 93**.** E-mail: office@aigine.kg

Джамиля Маджун (Мусарова), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Института истории, археологии и этнологии им. Б.Д. Джамгерчинова Национальной Академии наук Кыргызской Республики, Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр-т Чуй, 265-а. E-mail: djamad1966@mail.ru

Джаныл Боконтаева, кандидат социологических наук**,** Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова, Кыргызская Республика, г.Каракол, ул. Абрахманова 103**.** E-mail: kjanyl7@mail.ru

Жоомарт Сулайманов, кандидат философских наук, доцент**,** Ошский государственный университет**,** Кыргызсепя Республика, г. Ош, ул. Ленина, 331**.** E-mail: jomartsulaimanov@gmail.com

Иван Фукалов, кандидат исторических наук, доцент, Университет АДАМ/ Бишкекская Финансово-Экономическая Академия. Эксперт Фонда им. К. Аденауэра, Кыргызская Республика, г. Бишкек, бул. Молодой гвардии, 55. E-mail: fukalov1988@mail.ru

Иномджон Мамадалиев, доктор исторических наук, профессор**,** Худжандский государственный университет**,** Республика Таджикистан, г. Худжанд, пр. Мавлонбекова, 1**.** E-mail: m_inom2006@mail.ru

Карлыгаш Бижигитова, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные науки»**,** Университет Международного Бизнеса, Казахстан, г. Алматы, проспект Абая, 8А. E-mail: bks777@list.ru

Майсара Бекмагамбетова, кандидат исторических наук**,** Костанайский государственный педагогический университет им.У.Султангазина**,** Республика Казахстан, г.Костанай, ул. Тауелсиздик, 118**.** E-mail: maisara75@mail.ru

Мурат Иманкулов, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий лаборатории проблем социально-гуманитарной образовательной области Кыргызской академии образования, Кыргызская Республика, г.Бишкек, просп. Эркиндик, 25**.** E-mail: muratbek.imankulov@gmail.com**,** imankulovm@mail.ru

Набиджон Рахимов, доктор исторических наук**,** Худжанский государственный университет имени академика Б.Г.Гафурова**,** Республика Таджикистан, г.Худжанд, ул.Мавлонбековых, 1. E-mail: nabir@mail.ru

Ойбек Махмудов, кандидат исторических наук, докторант Института истории, Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул Шахрисабзская, 5. E-mail: oybek81@yandex.ru

Томохико Уяма, профессор**,** Центр славянско-евразийских исследований Университета Хоккайдо**,** Kita 9, Nishi 7, Kita-ku, Sapporo 060-0809 Japan**.** E-mail: uyama@slav.hokudai.ac.jp

Форматы: 70x100/16. Офсет кагазы.
Көлөмү: 28,05 б.т. Нускасы: 2500

«Maxprint» басмасында басылды.

Дарек: 720045, Бишкек шаары, Ялта көчөсү 114
Тел.: (+996 312) 36-92-50
e-mail: maxprint@mail.ru